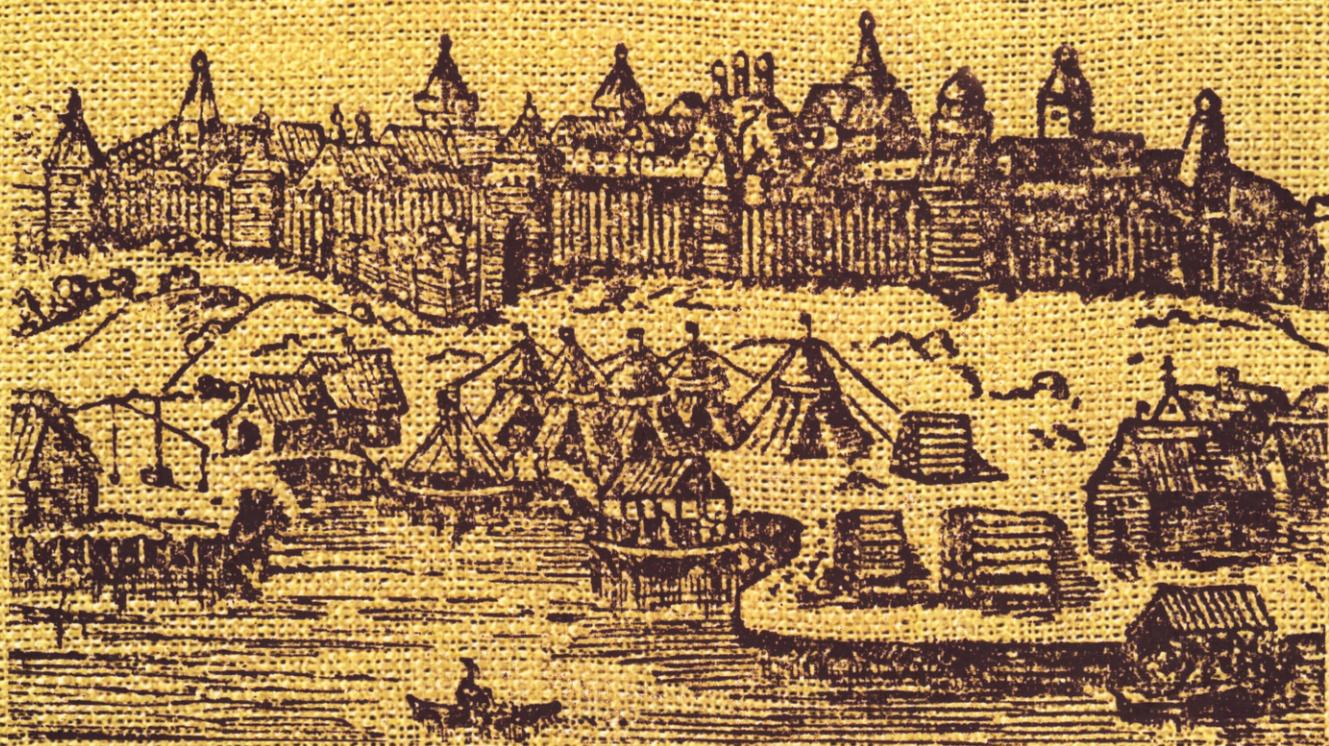

БЗ. 3(2.1)
Ц. 18

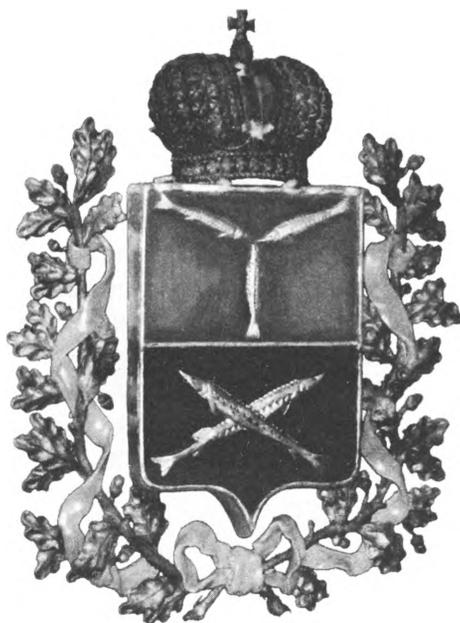
ЦАРИЦЫН

В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ,
ДНЕВНИКАХ И МЕМУАРАХ
СОВРЕМЕННИКОВ
(КОНЕЦ XVI в. – 1917 г.)

**ПРОГРАММА
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ЦАРИЦЫНА – СТАЛИНГРАДА – ВОЛГОГРАДА**

История города в документах и материалах

ЦАРИЦЫН – СТАЛИНГРАД – ВОЛГОГРАД В ДОКУМЕНТАХ

Редакционная коллегия серии:

зав. архивом **Н.А. ГОРЮНОВА**; д-р экон. наук, проф. **М.М. ЗАГОРУЛЬКО**
(отв. редактор серии); д-р экон. наук, проф. **О.В. ИНШАКОВ**;
д-р ист. наук, проф. **Г.В. ОРЛОВ**; д-р ист. наук, проф. **Н.И. ПЕРШИН**;
д-р филос. наук, проф. **И.А. ПЕТРОВА**; д-р ист. наук, проф. **С.П. РАМАЗАНОВ**;
д-р филос. наук, проф. **О.И. СГИБНЕВА**; д-р ист. наук **С.Г. СИДОРОВ**;
канд. ист. наук **Н.Н. СМИРНОВ**; д-р ист. наук, проф. **И.О. ТЮМЕНЦЕВ**
(отв. секретарь); канд. ист. наук, доц. **Г.А. ЯСКОВЕЦ**

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Научно-исследовательский институт проблем
экономической истории России XX века
Волгоградское областное общество краеведов

ЦАРИЦЫН
В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ,
ДНЕВНИКАХ
И МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ
(конец XVI в. — 1917 г.)

Том 4

*Под общей редакцией
профессора М.М. Загорулько*

ВОЛГОГРАДСКОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2005

ББК 63.3(2Рос) — 4Волг
Ц18

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Администрации г. Волгограда
и Волгоградского городского благотворительного фонда
«Стрежень»

Составители:

Л.В. Завьялова, Н.И. Приймак,
Н.О. Тюменцев (рук. авт. коллектива),
Е.В. Комиссарова, А.В. Материкин, А.В. Луночкин

Редакционная коллегия тома:

М.М. Загоруйко, д-р экон. наук, проф. (отв. редактор);
И.В. Донцов (отв. секретарь); **Е.В. Комиссарова**;
А.В. Луночкин, канд. ист. наук, доц.; **С.Г. Сидоров**, д-р ист. наук

Рецензенты:

Н.А. Тупикова, д-р филол. наук, проф.;
Т.В. Юдина, канд. ист. наук, доц.

Царицын в путевых записках, дневниках и мемуарах
Ц18 современников (конец XVI в. — 1917 г.). Т. 4 / Под общ. ред. проф.
М.М. Загоруйко; Сост. предисл. и примеч. Л.В. Завьялова,
Н.И. Приймак. Волгоград: Волгоградское научное издательство,
— 394 с. (Царицын — Сталинград — Волгоград в документах).
ISBN 5-98461-089-2

В книге собраны путевые записки, дневники, мемуары о Царицыне конца
XVI — первых десятилетий XX в.

Для читателей, интересующихся отечественной историей и историей
Нижнего Поволжья.

The collection contains travel notes, diaries, memoirs on Tsarytsin of the
XVI — early XX centuries.

To the reader interested in the homeland history and the history of the Low-
er Volga Region.

ББК 63.3(2Рос — 4Волг)

ISBN 5-98461-089-2

- © Волгоградский государственный университет, 2005
- © Научно-исследовательский институт проблем
экономической истории России XX века, 2005
- © Волгоградское областное общество краеведов, 2005
- © Составление предисл., примеч. Завьялова Л.В.,
Приймак Н.И., 2005
- © Волгоградское научное издательство, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	9
ПРЕДИСЛОВИЕ	11

ГЛАВА I КАРАУЛ НА ПЕРЕВОЛОКЕ В 1555—1588 гг.

<i>Бэрроу Х.</i> Уведомление и донесения о шестом путешествии в страны Персии и Мидии	26
--	----

ГЛАВА II ЦАРИЦЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ В 1589—1608 гг.

<i>Персидский Х.</i> Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска	30
<i>Какаш С., Тектандер Г.</i> Путешествие в Персию через Московию	30
Путешествие монахов-кармелитов по Волге	31

ГЛАВА III ЦАРИЦЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ В 1614—1695 гг.

<i>Котов Ф.А.</i> Хождение в Персию	52
<i>Олеарий А.</i> Описание путешествия в Московию	53
<i>Елчин Ф.</i> Статейный список	54
<i>Золотарев П.А.</i> Золотаревский летописец	54
<i>Неизвестный автор.</i> Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным	56
<i>Стрейс Я.-Я.</i> Три путешествия	56
<i>Бутлер Д.</i> Копия с письма, писанного в городе Исфагане 6 марта 1671 г., с описанием взятия Астрахани	59
<i>Фабрициус Л.</i> Записки	61

ГЛАВА IV ЦАРИЦЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ В 1695—1799 гг.

Журнал (поденная записка) Азовского похода Петра I	66
<i>Желябужский И.А.</i> Записки	67
<i>Перри Дж.</i> Состояние России при нынешнем царе	67
<i>Бруин К. де.</i> Путешествие через Московию	69

<i>Ту Ли-Шень. Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану</i>	70
<i>Белль Дж. Путешествия чрез Россию в разные азиатские земли</i>	71
<i>Лерхе И.Я. Известие о втором путешествии в Персию</i>	71
<i>Лепехин И.И. Дневные записки</i>	72
<i>Фальк И.-П. Записки</i>	76
<i>Гмелин С.-Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы</i>	79
<i>Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов</i>	98
<i>Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российского государства</i>	100
<i>Потоцкий Я. Путешествие в Астрахань и окрестные страны</i>	111
<i>Салтыков А.В. Записки путешественника в Сарепту</i>	112

ГЛАВА V ЦАРИЦЫН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

<i>Воейков А.Ф. Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая</i> ...	120
<i>Гериков Г.В. Путьевые записки по многим российским губерниям</i>	121
<i>Чернецовы Г.Г. и Н.Г. Путешествие по Волге</i>	122
<i>Беккер В.И. Воспоминания о Саратовской губернии</i>	123
<i>Костомаров Н.И. Автобиография</i>	130
<i>Дюма А. От Парижа до Астрахани</i>	133

ГЛАВА VI ЦАРИЦЫН ПОРЕФОРМЕННЫЙ

<i>Ухтомский Л.А. От Петербурга до Астрахани</i>	138
<i>Крестовский В.В. По дороге</i>	141
<i>Путешествие цесаревича Александра Александровича и Марии Фёдоровны</i>	152
<i>Салиас де Турнемир Е.А. Волга</i>	152
<i>Наср-эд-Дин. Пребывание в России</i>	156
<i>Скальковский К.А. В стране ига и свободы</i>	156
<i>Чайковский П.И. Дневники</i>	160
<i>Мельников Н. Ветлянская чума</i>	160
<i>Тернер Ф.Г. Воспоминания жизни</i>	170
<i>Рагозин Е.И. Путешествие по русским городам</i>	171
<i>Витте С.Ю. Воспоминания</i>	173
<i>Марков Е.Л. Россия в Средней Азии</i>	174

<i>Сидоров В.М.</i> Волга	177
<i>Шевченко-Красногорский И.Е.</i> По Волге и Каспию	181
<i>Крушеван П.А.</i> Что такое Россия	186

ГЛАВА VII
ЦАРИЦЫН В НАЧАЛЕ XX в.

<i>Арсений.</i> Путевые заметки	194
<i>Королев В.З.</i> Первые шаги	195
<i>Лерман И.А.</i> Царицынская группа РСДРП в 1905 году	197
<i>Холщевников Я.</i> Восстание бобруйцев в 1905 году в Царицыне	204
<i>Чекасинов Ф.</i> Французский завод	209
<i>Григорьев А.П.</i> Наша «типография»	213
<i>Залежский В.Н.</i> На партийном фронте	216
<i>Родионов И.</i> Конец православной сказки	221
<i>Телесницкий В.</i> На яхте «Наяда»	235
<i>Радциг В.А.</i> Воспоминания энергетика	236
<i>Разин Н.С.</i> Полвека назад	242
<i>Волков М.М.</i> Между двух революций	252
<i>Холщевников Я.</i> В Царицыне	257
<i>Петровский Д.В.</i> Воспоминания о Велимире Хлебникове	269
<i>Глазков А.</i> От Царицына до Ростова-на-Дону	271
ПРИМЕЧАНИЯ	276
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	392
СТАРИННЫЕ МЕРЫ ДЛИНЫ И ВЕСА, НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ПУБЛИКУЕМЫХ ТЕКСТАХ...	393

К ЧИТАТЕЛЮ

В очередной том серийного издания «Царицын — Сталинград — Волгоград: документы и материалы» вошли извлечения из записок, дневников, мемуаров путешественников, посетивших Царицын и его ближайшие окрестности в XVI — начале XX в. Многие из этих сочинений являются библиографической редкостью, поэтому их переиздание фактически является новым вводом этих памятников в научный оборот.

Составители тома включили в него только памятники одного вида письменных источников — записок, мемуаров и дневников. Дошедшие до нас законодательные акты, касающиеся Царицына, делопроизводственные материалы различных государственных центральных и местных учреждений, частных владельцев планируются издать в отдельном томе.

В сборник вошли в основном опубликованные, доступные авторам материалы, так как подготовить полную публикацию изданных и рукописных записок, мемуаров и дневников при нынешнем состоянии источниковой базы исследований не представляется возможным. Мы надеемся, что наша публикация станет основой или отправной точкой для новых научных поисков и разработок других исследователей и послужит дальнейшему развитию региональной науки. Именно поэтому мы открыты и будем благодарны за добавления, уточнения, конструктивную критику нашего труда.

Русские буквы прописные:

А Б В Г Д
Е Ж З И Й
К Л М Н О
П Р С Т У
Ф Х Ц Ч Ш
Щ Ъ Ы Ь
Э Ю Я Ө Ү

Русские буквы строчные:

а б в г д е ж з и к л
м н о п р с т у ф х
ц ч ш щ ъ ы ь ю я

Названия букв:

Азъ, а. Бѣ-ки, в. Вѣ-ди, в.
Гла-голъ, г. До-елъ, д. Вѣ-и, е.
Жн-вѣ-ти, ж. Зѣ-ло, з. Зи-
маа; з. Ёжъ, ц. І, і. Кі-
кв, к. Лѣ-ди, .. Мы-ла-ѣ-
ти, м. Нашъ, н. Очъ, о.
По-коѣ, п. Рцѣ, р. Сло-во, с.
Тѣ-ло, т. Ё, ё. Оѣ-и, у.
Фѣ-тѣ, ф. Хѣ-и, х. Сѣ-и, ш.
Щѣ, щ. Ъ, ъ. Ы, ы. Ь, ь.
Ю, ю. Ө, ө. Ү, ү.
Өн-тѣ, д. Ү-жи-цѣ.

Идея проекта, композиция издания сформулированы И.О. Тюменцевым. Им же осуществлялось общее руководство проводимыми работами и написаны вводные заметки к первым четырем разделам. А.В. Луночкин составил аналогичные заметки к пятому, шестому, седьмому разделам. Вступительная статья, извлечения из записок и примечания выполнены Н.И. Приймак и Л.В. Завьяловой. Иллюстрации отобраны и подготовлены к печати А.В. Материкиным и Е.В. Комиссаровой. Портреты кармелитов предоставлены И. Магилиной. В правом поле помещены написания букв русского алфавита в XVI—XX вв. Авторский коллектив благодарен работникам библиотек, архивов и музеев, оказавшим помощь в сборе материалов для этого издания. Особая благодарность Администрации города-героя Волгограда и правлению общественно-благотворительного фонда «Стрежень», изыскавшим средства для публикации книги.

Проф. М.М. Загоруйко

ПРЕДИСЛОВИЕ

После падения Казанского и Астраханского ханств в 50-х гг. XVI в. огромные территории Среднего и Нижнего Поволжья перешли во владение России. Необходимость укрепления русского присутствия на берегах Волги и освоения природных богатств новых земель, а также развития транзитной торговли через Астрахань со странами Прикаспия требовала проведения энергичной колонизационной политики. Для защиты юго-восточных русских земель и обеспечения безопасности Волжского водного пути от разбойных набегов во второй половине XVI в. были возведены новые крепости, в том числе Самара, Саратов и Царицын.

Особенности географического положения обеспечили Царицыну в XVI—XVIII вв. важную стратегическую роль города-крепости, транзитного пункта в торговых и посольских путях, проходящих через Нижнее Поволжье, а в XIX — начале XX в. — крупного железнодорожного узла и промышленного центра. Указанные обстоятельства способствовали тому, что волею судьбы или по собственному желанию, в тех или иных ситуациях и в разное время Царицын проезжали или останавливались в нем наши соотечественники и иностранцы — послы, купцы, ученые, военные, писатели, многие из которых оставили свои свидетельства об этом городе. Представляя различные социальные слои, профессиональные и служебные ин-

Рукописные буквы прописные:

А Б В Г Д
Е Ж З И Й
К Л М Н О
П Р С Т У
Ф Х Ц Ч Ш
Щ Ъ Ы Ь Ъ
Э Ю Я Ѡ Ѳ

Рукописные буквы строчные:

а б в г д ж з и к л
м н о п р с т у ф х
ч ш щ ѡ ѧ ѣ ѵ Ѷ ѷ

Названия букв:

Азъ, а. Бѣ_ки, в. Вѣ_ди, в.
Гла_голь, г. До_крь, д. Ътъ, е.
Жи_вѣ_тъ, ж. Зѣ_ло, з. Зи_
мла; з. Ыжа, и. І, і. Ка_
кв, к. Ли_ди, л. Мы_слѣ_
ти, м. Паша, п. Ѡня, о.
По_кой, п. Рцѣ, р. Сло_во, с.
Тѣр_до, т. Ф, ѳ. Оу_къ, у.
Фѣ_тъ, ф. Хѣ_тъ, х. Сѣ_тъ, ѿ.
Цѣ, ц. Чѣ_тъ, ч. Ша, ш.
Щѣ, щ. Ър, ѡ. Ърѣ, ѡ.
Ър, ѡ. Ътъ, ѳ. Ю, ѳ.
Юсѣ, ѡ. Ѣ, ѡ. Кѣл, ѡ.
Ѡн_тѣ, д. Ѳ_жи_ца.

тересы, выражая своими суждениями и впечатлениями соответствующий уровень грамотности, образованности, просвещенности, литературных навыков, а также проявляя степень наблюдательности, — все вместе они составили пространное повествование о Царицыне. Путевые записки, дневники, мемуары, свидетельствующие об истории возникновения и развития этого волжского города со времени его основания в конце XVI в. до первых двух десятилетий XX в., представлены в данной книге.

Одним из первых мемуарных свидетельств об острожке в районе современного Царицына можно считать письмо англичанина Х. Бэрроу, представителя известной в Британии купеческой семьи. Оно было написано во время шестой коммерческой экспедиции (1579—1581 гг.), организованной Московской компанией для поиска торговых связей через территорию России со Средней Азией, Ираном, Индией. Этот источник — один из самых ранних, где можно найти топоним «Царицын», впоследствии закрепившийся за городом: «На острове, — по словам Х. Бэрроу, — называемом Царицыном (Tsaritsna), русский царь держит в летнее время отряд из 50 стрельцов для охраны дороги, называемый татарским словом “караул”».

Эпоха Великих географических открытий перевернула представления европейцев об окружающей их действительности. XVI в. стал временем исследования незнакомых территорий и поиска наиболее удобных торговых путей. В то же время Россия, освободившаяся от татаро-монгольского ига и значительно увеличившая свои территории, охотно налаживала коммерческие и дипломатические связи со своими восточными и западными соседями. В XVI—XVII вв. Волжский водный путь обрел значение важнейшей посольской и торговой дороги, связавшей Россию и европейские государства, прежде всего, с Персией. Обмен посольствами стал достаточно регулярным. Эти отношения укреплялись и на основе общей необходимости борьбы с Турцией.

Первые свидетельства о Царицынской крепости ограничены беглым упоминанием города среди других населенных пунктов, которые приходилось проезжать иностранным посольствам. Более подробное описание Царицынской крепости, относящееся к лету 1623 г., содержится в сочинении русского купца Ф.А. Котова. Важное стратегическое значение Царицына, гарнизон которого должен был «бдительно следить за татарами и казаками и служить конвоем для мимо едущих барж», отметил знаменитый немецкий ученый-энциклопедист и дипломат А. Олеарий, дважды побывавший в волжском городе во второй половине 1630-х гг. Царицын сохранил статус обязательного пункта посольской дороги и в XVIII в. Осенью 1745 г. через него проехало посольство к персидскому шаху Надиру, организованное по указанию императрицы Елизаветы Петровны. Посольство возглавил адмирал князь М.М. Голицын; в качестве доктора в его состав был включен И.Я. Лерхе, описавший это путешествие в своих записках.

Среди мемуарных свидетельств о Царицыне второй половины XVII в. выделяется группа воспоминаний, посвященных восстанию С.Т. Разина. Бульшая часть этих свидетельств принадлежит перу авторов-иностранцев: анонимное «Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным»; записки голландского парусного мастера и искателя приключений Я.-Я. Стрейса; голландца на русской службе П. Фабрициуса, волею судьбы втянутого в разинский бунт, и др. Перечисленные мемуаристы стали очевидцами одних и тех же событий. Очевидно, они встречались, о чем свидетельствуют упоминания имен друг друга на страницах их сочинений. Авторы подробно описали взятие Царицына разинцами, разгром отрядов И. Лопатина и С. Львова, предшествовавшие падению Астрахани.

В конце XVII в. заселение Нижнего Поволжья принимает все более организованный характер, и вокруг первых форпостов Российского государства, какими были до этого одиноко стоящие в степи города Царицын и Саратов, возникли поселения мелкопоместного дворянства. Охотников поселиться в обживаемом крае становилось все больше, и, кроме того, всем переселенцам предоставлялись большие льготы. Оживленная колонизация юго-восточной окраины России вызвала к жизни идею строительства волго-донского канала, тем более что подобный проект как нельзя лучше отвечал деятельности Петра I.

Царицын был построен вблизи так называемой волго-донской переволоки, участка суши между Волгой и Доном, по которому волоком перетаскивались суда из одной реки в другую. Переволокой люди пользовались с глубокой древности, вероятно, столь же древней была и мечта об удобном канале для переправы между реками. Еще в 1569 г. турецкий султан Селим II, предпринявший (совместно с крымским ханом Девлет-Гиреем) поход для завоевания Астрахани, пытался организовать строительство канала, чтобы спустить свои суда в Волгу, но это предприятие потерпело крах. Со второй половины 1790-х гг. по приказу Петра I начались регулярные работы по строительству волго-донского канала: сначала под руководством английского инженера Бреккеля, а после бегства последнего из России, под началом другого англичанина — капитана, известного строителя кораблей, доков и каналов Дж. Перри. В конце 1701 г. в связи с началом Северной войны работы были приостановлены, а вскоре и вовсе прекращены.

Особенно часто тема волго-донского канала звучит в сочинениях мемуаристов конца XVII — XVIII в. (записки И.А. Желябужского, Дж. Перри, Дж. Белля, Я. Потоцкого и др.). К середине XIX в. острота данной проблемы стала слабее в связи с открытием в 1862 г. железной дороги, соединившей Царицын и Калач-на-Дону и обеспечившей транспортировку грузов между Волгой и Доном. Однако различные проекты постоянно разрабатывались в XIX и в начале XX в. Как изве-

стно, судоходный канал, соединивший Волгу с Доном, был открыт только в 1952 г.

Особую группу среди сочинений XVIII в., содержащих сведения о Царицыне и его окрестностях, составляют записки путешественников, авторами которых были руководители экспедиций 1768—1774 гг., организованных Академией наук с целью обследования земель России от западных границ и Северного Ледовитого океана до южного побережья Каспия, степных районов Юга, а также Урала и Сибири. Общая цель этих экспедиций, сформулированная еще М.В. Ломоносовым в конце 50-х — начале 60-х гг. XVIII в., должна была состоять в изучении природных богатств с намерением лучшего их использования в хозяйственной жизни России. Программу академических экспедиций, которые по своей направленности и значению приобрели общегосударственный характер, определили исследования в области естественных наук; наблюдения за хозяйством, бытом, нравами людей; собирание коллекций, отражающих своеобразие природной среды и жизнь человека. Свои названия экспедиции получили по местности, куда они направлялись. Руководителями отрядов так называемых Оренбургской и Астраханской экспедиций были назначены по решению Академии наук ученые-естествоиспытатели И.И. Лепехин, И.-П. Фальк, П.-С. Паллас, С.-Г. Гмелин; участвовал в экспедициях и известный этнограф и путешественник, доктор медицины И.-Г. Георги. Спутниками ученых в путешествии были выпускники Гимназии и студенты Университета Петербургской академии наук, рисовальщики, чучельники, солдаты.

На основе путевых записок, дневников, научных описаний, которые ученые вели во время экспедиций, были подготовлены к изданию многотомные сочинения. Сохранявшие по форме традицию летописного повествования, что характерно было для отечественной мемуаристики XVIII в., отражавшие, по существу, намерения описать по определенной программе изучаемые местности, эти сочинения предлагали читателю прежде всего научно-познавательный материал, но вместе с тем отражали и личный взгляд на увиденное и пережитое в путешествии. Образованность и просвещенность авторов сочинений предопределили масштабность и глубину даваемых ими характеристик.

Благодаря этому историки могут в деталях воссоздать облик Царицына и характерные особенности повседневной жизни его жителей в конце 60-х — начале 70-х гг. XVIII в.: местность и расположение города; дома, церкви и улицы, по которым весной и осенью едва ли можно было пройти из-за «земли глинистой»; внешний вид большой деревянной гостиницы, возведенной на случай возможного путешествия императрицы, но никогда не использовавшейся для этого и к тому времени значительно разрушившейся; состояние крепостных укреплений и данные о гарнизоне; социальный и национальный состав населения, формы хозяйственной деятельности; внешность

людей, особенности быта и традиции гостеприимства. Можно узнать даже, что арбузы, отправляемые в Москву и Санкт-Петербург, перевозили в телегах «едва созревшие» и в особом положении — «привешенные на ремнях и покрытые войлоками». В записках ученых подробно описано состояние сторожевой линии, которая была возведена по указу Петра I в 1717—1720 гг. и протянулась от Царицына до Дона, южнее Качалинского городка. Центром этой линии стала реконструированная и расширенная (1736—1740 гг.) каменно-земляная Царицынская крепость.

Своими свидетельствами авторы записок дали убедительное основание для вывода об успехах в освоении юго-восточных окраин России. Увеличение сельского населения и развитие характерных для этих мест занятий (бахчеводство, садоводство, рыболовство, добыча соли на о. Эльтон) способствовали тому, что Нижнее Поволжье стало превращаться в так называемый всероссийский огород, с которого фрукты, арбузы и дыни поставлялись в Петербург, Москву и другие города. Традиционными были и поставки рыбы, черной икры. Поэтому в этот период через Царицын проходили активные торговые пути, соединявшие территории Прикаспия, Поволжья и Центра России.

В экспедиционных записках большое место занимает описание расположенной недалеко от Царицына немецкой колонии Сарепты, основанной в 1765 г. при речке Сарпе вблизи ее впадения в Волгу. (В настоящее время территория бывшей колонии вошла в городскую черту современного Волгограда.) Основанная пятью братьями Евангелического братского общества (так называемой Гернгутской братской общины), община в Сарепте просуществовала до 1877 г., когда указом Александра II было ликвидировано ее внутреннее самоуправление, и в 1892 г. гернгутская дирекция, приняв решение о прекращении деятельности Сарептской общины, отозвала из России братьев-гернгутеров.

Наиболее подробное описание «Сарпинского селения» (так называли его авторы записок) было сделано Гmeliным и Палласом. В их трудах, как и в сочинениях Лепехина, Фалька и Георги, можно найти описание расположения домов и улиц в Сарепте, а также возведенных укреплений. Детально охарактеризованы правила, определявшие внутреннее самоуправление колонии и распорядок каждого дня. Все указанные авторы большое внимание уделили описанию хозяйственной деятельности колонистов, которая способствовала развитию в этой местности многих новых ее видов: выращивание горчицы, табака и развитие соответствующего производства; приготовление пива, кондитерских изделий; производство кирпича и черепицы из глины, добываемой на берегах Сарпы; выработка пользовавшейся большим спросом ткани «сарпинка»; организация чулочного, бумажного, мыльного и свечного производства; строительство мельниц и различных мастерских. Активная хозяйственная деятельность колонистов определила развитие столь же активных торговых отноше-

ний с населением тех мест. В записках путешественников описано, чем торговали колонисты и что они покупали у калмыков, татар, русских, украинцев и т. д.

Сарепту отличало большое количество зеленых насаждений, выделявших ее на фоне характерного для этой местности степного пейзажа. Авторы записок обратили на это внимание и описали разные виды декоративных и плодовых деревьев, кустарников, украсивших поселение.

Большое внимание в записках было уделено характеристике семейной жизни, системе воспитания и образования детей колонистов. Успехи в организации школьного образования в Сарепте были широко известны и способствовали тому, что многие жители края специально отдавали сюда на обучение своих детей.

Особенности организации колонии, основным объединяющим принципом которой было вероисповедание ее жителей, побудило авторов записок с особым вниманием отнестись к описанию религиозных устоев и характера церковной службы, правила которой во многом определяли распорядок каждого дня жизни колонистов. Неустанный труд во благо общины, жизнь в так называемых корпорационных домах братьев и сестер, строгое соблюдение церковной службы не оставляли времени и сил для размышлений и действий в личных интересах. Современники, наблюдавшие жизнь в Сарепте, оценивали ее не всегда одинаково. Ученые-путешественники в своих записках положительно характеризовали строго регламентированную жизнь колонистов на рубеже 60—70-х гг. XVIII в., отмечая свойственную ей высокую степень нравственности. Другие авторы, например, граф А.В. Салтыков, путешествующий по этим местам в августе 1797 г., писал о «печальной» Сарепте и ее пятистах жителях с «преугрюмыми» лицами, среди которых «смех осуждается и малейшая улыбка почитается неосторожностью».

Следует заметить, что такие суждения не были характерны для мемуарных свидетельств о Сарепте. Большинство мемуаристов и в XIX в., особенно в первой его половине, положительно оценивали благоустроенный быт и хорошо налаженную хозяйственную жизнь поселения, противопоставляя его грязному и неустроенному Царицыну. Художники братья Г.Г. и Н.Г. Чернецовы, совершившие в мае — октябре 1838 г. так называемое художественное путешествие по Волге, побывали в Царицыне и Сарепте. Описав свои впечатления («правильные, чистые улицы, сады, прекрасные дома» и т. д.), они сделали вывод, что Сарепта «прекрасна».

В последней трети XIX в. Сарепта уже не вызывала особых восторгов проезжающих. Инженер, экономист, публицист К.А. Скальковский, путешествовавший в 1874 г. по Нижнему Поволжью, заметил: «Репутация Сарепты теперь очень упала, хотя ничего в последней не переменилось к худшему. В прежнее время, при всеобщей мерзости, при грязи и голоде на станциях, измученному и одичавшему в пути путешественнику казалось земным раем найти кусок мыла, чистую

комнату, опрятную постель, обед из нескольких блюд и бутылку вина...». Мемуаристы по-прежнему отдавали должное чистоте и благоустроенности колонии, но сравнивали ее с «суровым скитом», в котором «давит тоска» и «гнетет молчание», и отмечали, что сарептская «молодежь уже не признает старины и прежней чистоты нравов» (В.М. Сидоров, П.А. Крушеван, Е.Л. Марков).

После подавления восстания Пугачева и присоединения к России Крыма и Кубани военное значение Царицынской сторожевой линии упало, значительную часть «неблагонадежного» волжского казачества переселили на Кавказ на Моздокскую сторожевую черту. Экономическое развитие Царицына замедлилось, город превратился в сонное провинциальное захолустье, не лишенное, однако, живописности.

Подавляющее большинство мемуаристов, повествующих о Царицыне XIX в., составляли люди, для которых побуждающим мотивом отправиться в путь были «охота к перемене мест», природная любознательность и поиск новых впечатлений, а не дипломатическая миссия или ученые интересы. Эту тенденцию можно проследить еще в XVIII в., но в то время одиноких путешественников подстерегали различные опасности, поэтому многие искали себе попутчиков или нанимались на различные должности при посольствах. Например, шотландский врач Дж. Белль, прибывший в Россию в 1714 г. по собственному желанию, чтобы удовлетворить свою страсть к путешествиям, отправился в Персию в качестве врача при посольстве А.П. Волынского, а второе путешествие в эту страну совершил в 1722 г. при главной квартире Петра, во время его похода на Дербент. А голландский живописец, этнограф и путешественник К. де Бруин летом 1707 г. проезжал через Царицын вместе с грузинским посольством в Польшу, к которому он присоединился в Астрахани.

Мемуаристы XIX в., в отличие от авторов XVI — начала XVIII в., не только констатировали факт своего пребывания в городе и в нескольких строках описывали увиденное, но и обращались к прошлому края, выражали свое видение его настоящего, прогнозировали будущее. Профессиональная принадлежность мемуаристов этого периода была различной, но большинство из них, помимо основной деятельности пробовали свои силы на литературном поприще, либо были профессиональными литераторами. В мемуарных произведениях использовались как личные наблюдения автора, так и краеведческая литература. Показательными в этом отношении являются записки статского советника В.И. Беккера, заимствовавшего многие данные из работ известного саратовского краеведа А.Ф. Леопольдова.

Царицын, тихий уездный город в первой половине XIX в., стал стремительно меняться с начала 1860-х гг. Подробную картину этих перемен и связанных с ними контрастов в облике города оставили мемуаристы второй половины XIX в. Огромную роль в происшедших метаморфозах сыграло строительство железных дорог. А. Дюма, путешествовавший в конце 1850-х гг. по России и проезжавший в 1858 г. по

Нижнему Поволжью, заметил по поводу возможности строительства в этом крае железной дороги: «Перевозки на телегах обходятся так дешево, что данный способ передвижения, вероятно, еще долго будет оставаться здесь единственным».

Однако уже в 1862 г. была открыта Волго-Донская железная дорога, затем введены в эксплуатацию Грязе-Царицынская, Царицынско-Тихорецкая, Восточно-Донецкая железные дороги, что привело к превращению Царицына в крупный железнодорожный узел на стыке с Волжским водным путем и связало город с северными и центральными районами России, Кубанью, Доном, Донбассом, Кавказом; сюда усилился приток русского и иностранного капитала, способствовавшего рождению нового — промышленного Царицына.

Мемуаристы называли Царицын одним из «наиболее быстро развивающихся теперь в России» городов; в их свидетельствах отмечена важность Царицына как «торгового пункта», служащего «для перегрузки товаров, идущих из Персии, Закавказья и Астрахани и направляющихся на Дон, к Азовскому морю и прямо к Москве, минуя Нижегородскую ярмарку». Город застраивался «каменными домами», и к 1870-м гг. Царицын имел уже два банка, много страховых и пароходных контор и других подобных учреждений; немало в нем было «купцов, разъезжающих на откормленных рысаках, с разодетыми в яркие цвета толстыми купчихами. В городе несколько гостиниц, в которых — о, прогресс земли русской! — нет клопов» (К.А. Скальковский). Экономист и общественный деятель Е.И. Рагозин подчеркивал: «В настоящее время Царицын играет большую роль в экономической жизни волжского края, и Саратов не может вынести с ним борьбы».

Во второй половине XIX в. Царицын начинает играть основную роль в грузообороте нефтепродуктов. В 1883 г. была заключена конвенция на установление прямого сообщения для перевозки керосина из Баку в Царицын и далее по железным дорогам. В итоге Царицын стал пунктом двух прямых товарных сообщений от пристаней Волги и портов Каспия: Московско-Волжско-Каспийского (Москва — Царицын) и Рижско-Волжско-Каспийского (Рига — Царицын), через который грузы шли за границу. В 1885 г. возникло третье товарное сообщение — Варшавско-Волго-Каспийское (Варшава — Царицын), через которое имелся выход в Германию, Австро-Венгрию, Францию и Англию. В Царицыне был построен промышленный комплекс, принадлежавший фирме «Нобель» и получивший название Нобелевского городка, в состав которого вошли сооружения для перекачки нефтепродуктов, резервуары, бондарный завод и др.

Образ «нефтяного» Царицына также нашел свое отражение на страницах мемуаров последней четверти XIX — начала XX в. Мемуаристы описывали Нобелевский городок как «небольшой, правильно распланированный, с внешней стороны очень опрятный поселок» с «маленькими, чистенькими, снабженными садиками домиками», в которых жили слу-

жащие фирмы «Людвиг Нобель». Городок был постоянно «шумен и полон деятельности». «Шум, гам, треск там не прекращается. Керосин льется по трубам из цистерн в нефтяные вагоны и в наливные суда...» (В.М. Сидоров, И. Шевченко-Крансогорский, Е.П. Марков).

Но промышленное развитие Царицына имело оборотную сторону. Во многих мемуарных произведениях, наряду с осознанием важности этого города в экономической жизни империи, можно встретить следующие характеристики Царицына: «дрянной и грязный городишко, лишенный всякой растительности и зелени»; город «грязный и скверный на вид», напоминающий «неопрятное, душное, пыльное село, окруженное целым рядом деревень, полных бедных лачуг, неприглядных землянок, серых хибарок, жалких мазанок и покачнувшихся изб» (Л.А. Ухтомский, Е.А. Салиас де Турнемир, В.М. Сидоров). В Царицыне не было «признаков мостовых, нет помыслов о водопроводе и на улицах полная темнота, а между тем грязь по колено и совершенный недостаток в воде для питья и пожаров» (Е.И. Рагозин). Водопровод в Царицыне был открыт 21 октября 1890 г., его мощность постоянно увеличивалась, но тем не менее это не позволило обеспечить водой жителей городских окраин.

Транзитные пассажиры, пересеживавшиеся в Царицыне на пароход или поезд, были вынуждены мучиться днями от жары, пыли, вездесущей царицынской мошки и «спать на голых досках, в ожидании отхода поезда или прибытия парохода». Многие вспоминали об этом как о «самой страшной пытке» (В.В. Крестовский, Е.А. Салиас де Турнемир).

Следствием грязи и антисанитарии становились многочисленные эпидемии, как, например, «ветлянская чума» (1878—1879), холера (1892) и др. Граф. С.Ю. Витте, инспектировавший в 1892 г. Поволжье, обнаружил в Царицыне «картину удручающую». Прямо на пристани он увидел «несколько трупов только что умерших, еще не убранных».

Бедна была и культурная жизнь Царицына. Мемуаристы выделяли построенный в 1880—1881 гг. дом Божескова, в котором размещался зимний театр. Но в 1887 г. этот трехэтажный каменный дом, считавшийся самым большим и представительным не только в Царицыне, но и одним из самых крупных в Поволжье, сгорел. Обращал на себя внимание и увеселительный сад «Конкордия» с летним театром, который не производил, однако, особого впечатления вследствие крайней своей убогости. Среди главных и практически единственных достопримечательностей большинство авторов выделяли картуз и трость Петра I, которые император подарил царицынским жителям в 1722 г., когда посетил их город по возвращении из Персидского похода.

Темы, интересовавшие мемуаристов второй половины XIX в., сохранились и в мемуарах, отразивших историю Царицына в первые два десятилетия XX в. Как и в прежние времена, ряд мемуарных произведений представлены записками путешественников. Традиционно в них наибольшее внимание уделялось общему впечатлению, которое город

производил на человека, впервые его посетившего. По характеристике мемуаристов, Царицын представлял к началу XX в. русский уездный город, в котором теперь явно было видно «больше цивилизации, Европы: дымят трубы, шумят колеса, раздаются свистки» (Е.Л. Марков). Путешественники подробно описывали свои впечатления о поездке по железной дороге и на пароходах многочисленных пароходных компаний: как выглядели производственные здания и другие сооружения при заводах, складах и, особенно, нефтебаза товарищества «Нобель».

По мнению мемуаристов, с этого времени промышленность и связанная с ней торговля все больше определяли характер и ритм жизни всего Поволжья. Например, проезжавший в 1902 г. через Царицын архиепископ Казанский и Свяжский Арсений, совершивший также поездку по Волге, отметил, что «весь интерес» волжских пароходовладельцев обращен к перевозке грузов, а на пассажиров обращали меньше внимания.

Как свидетельствуют мемуары, в начале XX в. интерес путешественников вызывали не только памятники прошлого, но и достопримечательные места, появившиеся в городе в первые десятилетия XX в., например, «Дом Наук и Искусств», в котором находились «полезные учреждения» — школа для детей беженцев в 1916 г., школа для взрослых, кинематограф, музей истории местного края, библиотека, классы для обучения музыке и рисованию и т. д. В качестве достопримечательностей путешественники называли мужские и женские гимназии, реальные училища, а также два вокзала, железнодорожный мост, пристани, заводы и паровые лесопильни (Вл. Телесницкий, А. Глазков). Так называемый Французский завод, или завод «Урал — Волга», был одним из девяти российских металлургических заводов, построенных в 80—90-е гг. XIX в., а лесообрабатывающие предприятия Царицына по своему числу и мощности занимали первое место в России. В 1913 г. в Царицыне была введена первая трамвайная линия и построена новая городская электростанция. Подробные воспоминания об этом оставил инженер-энергетик В.А. Радциг, руководивший работами по реализации проектов строительства трамвайных линий и электрической сети, закупки, установки и наладки оборудования.

Вместе с тем, несмотря на такие впечатляющие перемены, Царицын оставался неблагоустроенным городом, на что обращали внимание в своих оценках многие мемуаристы. Особенно неприятное впечатление на приезжих производили окраины города вследствие характерной для них бедности и антисанитарного состояния. Поэтому представленные в мемуарах характеристики Царицына начала XX в. достаточно противоречивы по своей сути и тональности. В мемуарных свидетельствах зачастую одних и тех же авторов, наряду с образом успешно развивающегося промышленного и торгового города, который «выглядит красивее Саратова», так как в нем широкие улицы, красивые дома и великолепные

храмы, присутствует образ «самого скверного города на всем земном шаре», над которым, ввиду почти полного отсутствия мощеных улиц, носятся тучи песка, называемые жителями «царицынским дождем», — «эта назойливая пыль невыносима и для постоянных жителей города, о чем можно судить по особым защитным очкам на глазах городских и извозчиков» (архиепископ Арсений, Вл. Телесницкий).

С течением времени и развитием новых тенденций в общественном развитии, в соответствии с особенностями и характером происходивших событий — от экономического кризиса начала 1900-х гг. к революции 1905—1907 гг., наступившей затем реакции и оживления революционных настроений в 1911—1912 гг., наконец, начала войны в 1914 г. — менялась тематика мемуаров и появились новые, по социально-профессиональным признакам, фигуры мемуаристов.

Довольно большую и единую группу мемуарных произведений по авторству, тематике и времени написания составляют воспоминания участников первых рабочих и социал-демократических кружков, нелегальных собраний, маевки, митингов и демонстраций. Авторы этих мемуаров — участники и свидетели событий, большей частью рабочие предприятий Царицына, а также революционеры-профессионалы. В основном данные мемуары были написаны и изданы по инициативе царицынского бюро Истпарта — Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (создана в Москве в 1920 г.). Указанные мемуарные свидетельства, прежде всего, отразили деятельность Царицынской организации Российской социал-демократической рабочей партии, взаимоотношения между социал-демократами и эсерами, факты биографий революционеров, особенно аресты, пребывание в тюрьме, эпизоды жизни в условиях конспирации. Большой интерес для исследователей представляют мемуарные свидетельства о проявлении недовольства своим положением солдат 226-го Бобруйского полка осенью 1905 г., о волнении среди солдат запаса в связи с начавшейся мобилизацией в июле 1914 г., о подавлении полицией и войсками этих выступлений.

Мемуаристы отметили и усиление монархических настроений в период реакции, а также с началом войны. На фоне этого возросла активность черносотенных организаций. Особое место среди мемуарных свидетельств о таких настроениях занимают записки некоего И. Родионова, относящиеся к 1911 г. и опубликованные тогда же в издании «Библиотека Волынского Союза русского народа» с приложением материалов к биографии иеромонаха Илиодора (Труфанова). С 1905 г. он был членом Союза русского народа и во время проповедей в Свято-Духовом монастыре в Царицыне, оказывавших огромное воздействие на верующих, выражал, помимо черносотенных идей, недовольство правительством, чем вызвал соответствующую реакцию — чтение проповедей ему было запрещено. Записки Родионова передают, с каким волнением верующие, в основном из бедных слоев населения, ожидали в феврале 1911 г. решения вопроса о судьбе отца Илиодора.

В целом мозаичная картина общественного мнения, проявлявшегося в настроении, идеях и действиях политических партий, организаций и отдельных личностей, а с течением времени все больше в массовом недовольстве, свидетельствовала о том, что Царицын, как и вся Россия, к исходу второго десятилетия XX в. оказался перед фактом быстро развивающегося и неотвратимо надвигающегося социального взрыва. Впереди были февраль, октябрь 1917 г. и гражданская война. Это время пришло скорее, чем предполагали.

Публикуемые тексты сверены по всем известным изданиям, в основном исправлены в соответствии с современными правилами и пунктуации. Особенности авторского стиля изложения, написания имен и географических названий сохранены. Даты в текстах даны по старому стилю.

Понятия естественнонаучного характера (полезные ископаемые, флора и фауна) оставлены без комментария.

ГЛАВА I

КАРАУЛ НА ПЕРЕВОЛОКЕ В 1555—1588 гг.

RUSSIAE, MOSCOVIAE ET TARTARIAE DESCRIPTIO
Auctore
 Antonio Venkentonio Angli, edita
 Londini Anno 1562 & seducta
 illius P. P. D. Henrico Sydneo
 Wallie praesidi.

Rossica	80	160
Anglica	60	120

В 1554—1556 гг. Нижнее Поволжье вошло в состав России. Царь Иван Грозный приказал поставить летние караулы из стрельцов и служилых казаков на важнейших ногайских «перевозах» через Волгу в районе Переволоки, в устьях рек Большой Иргиз и Самара. Ратные люди должны были следить за переправами орд ногаев и крымцев и предупреждать власти о возможных набегах на Русь. В 1569 г. служилые люди из караула, расположенного на Царицыном острове против устья р. Царицы оповестили царских воевод о походе турецко-крымского войска на Астрахань. В 1571 г. Боярская дума постановила восстановить и расширить сторожевую систему на Волге. Только от Переволоки до Астрахани было создано шесть новых караулов. Опираясь на эти караулы, власти смогли вытеснить с Волги промышлявшие разбоем ватаги вольных казаков. Часть из них во главе с Ермаком Тимофеевичем ушла в Сибирь, другая — во главе с Богданом Барабошей и Матвеем Мещеряком отправилась на Яик, однако полностью восстановить безопасное судоходство в то время не удалось.

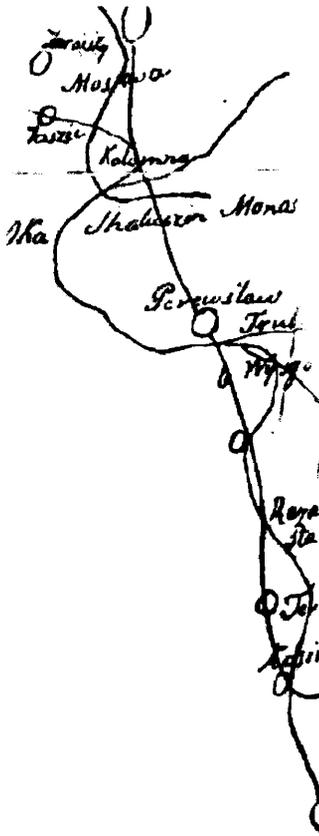

Скоренись XVI и.

А	а	а	а	а	а	а	а
Б	б	б	б	б	б	б	б
В	в	в	в	в	в	в	в
Г	г	г	г	г	г	г	г
Д	д	д	д	д	д	д	д
Е	е	е	е	е	е	е	е
Ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж
З	з	з	з	з	з	з	з
И	и	и	и	и	и	и	и
К	к	к	к	к	к	к	к
Л	л	л	л	л	л	л	л
М	м	м	м	м	м	м	м
Н	н	н	н	н	н	н	н
О	о	о	о	о	о	о	о
П	п	п	п	п	п	п	п
Р	р	р	р	р	р	р	р
С	с	с	с	с	с	с	с
Т	т	т	т	т	т	т	т
У	у	у	у	у	у	у	у
Ф	ф	ф	ф	ф	ф	ф	ф
Х	х	х	х	х	х	х	х
Ц	ц	ц	ц	ц	ц	ц	ц
Ч	ч	ч	ч	ч	ч	ч	ч
Ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
Щ	щ	щ	щ	щ	щ	щ	щ
Ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ
Ы	ы	ы	ы	ы	ы	ы	ы
Ь	ь	ь	ь	ь	ь	ь	ь
Ю	ю	ю	ю	ю	ю	ю	ю
Я	я	я	я	я	я	я	я
Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ
Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ
ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ
Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ
ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ
Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ
ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ

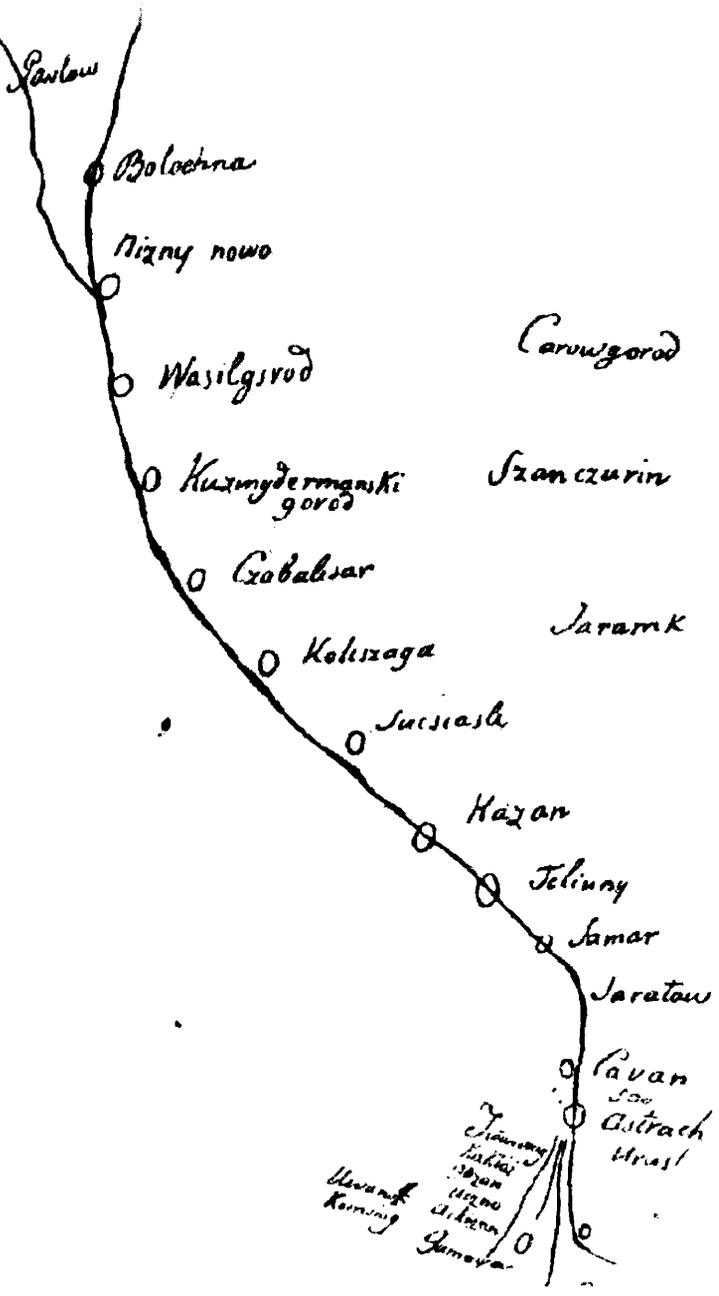
**УВЕДОМЛЕНИЕ И ДОНЕСЕНИЯ
О ШЕСТОМ ПУТЕШЕСТВИИ
В СТРАНЫ ПЕРСИИ И МИДИИ
[1579]**

<...> Наши купцы выехали из Увека ¹ сказанного 5 октября в 5 часов пополудни и пришли к Переволоке ² 10-го около 11 или 12 часов ночи. Они не останавливались здесь, но прошли мимо нее. Слово «переволока» (Perevolok) на русском языке означает узкую полосу земли или перешеек между двумя водными пространствами, и называется это место так потому, что здесь от реки Волги до реки Дона, или Танаиса ³, считается тридцать верст, то есть столько, сколько человек может легко пройти пешком в один день. В 7 верстах ниже, на острове, называемом Царицыном (Tsaritsna) ⁴, русский царь ⁵ держит в летнее время отряд из 50 стрельцов ⁶ для охраны дороги, называемый татарским словом «караул». Между этим местом и Астраханью есть еще пять караулов, или сторожевых отрядов ⁷. Первый называется «Каменный караул» — он находится в 120 верстах от Переволоки. <...>

ГЛАВА II

ЦАРИЦЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ В 1589—1608 гг.

В 80-е гг. XVI в. царь Федор Иванович и бояре приказали построить сеть деревянных крепостей-городов в Среднем и Нижнем Поволжье. В 1589 г. воеводы кн. Г.О. Засекин и И. Нащекин поставили на «Новый город Царицыном острове». С 1595 г. за ним закрепилось имя Царицын. Это было типичное военно-административное поселение. Внутри острога имелись воеводская изба, церковь, таможня, тюрьма и до сотни жилых и хозяйственных помещений. Городскую администрацию возглавляли два воеводы и дьяк. Гарнизон крепости состоял из стрельцов и служилых казаков. Купцов и ремесленников в городе не было. С весны до осени в Царицынской крепости часто останавливались члены русских и иностранных посольств, торговые люди, рыбаки. Вопреки запрету и преследованиям властей, в город проникали «гулящие» люди. Хлеб и фураж жителям Царицына завозились из центральных районов страны. Мясо они покупали у степняков, рыбу ловили в Волге.

В 1601—1603 гг. из-за небывалого голода в России царицынский гарнизон три года не получал в необходимом количестве денежное и хлебное жалование и оказался в очень тяжелом положении. Именно поэтому царицынцы первыми в Нижнем Поволжье восстали против царя Бориса Годунова и принесли присягу самозванцу. Они связали воеводу Н. Плещеева и привезли к Лжедмитрию I в Орел. Весной 1606 г. мимо города беспрепятственно проплыл новый самозванец — Лже-Петр с терским казаками. Бедственной ситуация в городе стала в конце 1606 — начале 1607 г., когда в городе застряло много посольских и торговых караванов в

Скоренись XVI в.

А	а	а	а	а	а	а	а	а	а
Б	б	б	б	б	б	б	б	б	б
В	в	в	в	в	в	в	в	в	в
Г	г	г	г	г	г	г	г	г	г
Д	д	д	д	д	д	д	д	д	д
Е	е	е	е	е	е	е	е	е	е
Ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж
З	з	з	з	з	з	з	з	з	з
И	и	и	и	и	и	и	и	и	и
К	к	к	к	к	к	к	к	к	к
Л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
М	м	м	м	м	м	м	м	м	м
Н	н	н	н	н	н	н	н	н	н
О	о	о	о	о	о	о	о	о	о
П	п	п	п	п	п	п	п	п	п
Р	р	р	р	р	р	р	р	р	р
С	с	с	с	с	с	с	с	с	с
Т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
У	у	у	у	у	у	у	у	у	у
Ф	ф	ф	ф	ф	ф	ф	ф	ф	ф
Х	х	х	х	х	х	х	х	х	х
Ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
Щ	щ	щ	щ	щ	щ	щ	щ	щ	щ
Ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ
Ы	ы	ы	ы	ы	ы	ы	ы	ы	ы
Ь	ь	ь	ь	ь	ь	ь	ь	ь	ь
Ю	ю	ю	ю	ю	ю	ю	ю	ю	ю
Я	я	я	я	я	я	я	я	я	я
Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ
Ѥ	Ѥ	Ѥ	Ѥ	Ѥ	Ѥ	Ѥ	Ѥ	Ѥ	Ѥ
Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ
Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ
Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ
Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ
Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ
Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ

ожидании взятия Астрахани правительственным войском боярина Ф.И. Шереметева. Доведенный до отчаяния гарнизон крепости летом 1607 г. поднял мятеж. Воевода Ф.П. Чудинов-Акинфиев, глава русского посольства в Персии кн. И.П. Ромодановский были связаны и отправлены в Астрахань. Вскоре в город из Астрахани прибыл самозванец Иван-Август. Воевода Ф.И. Шереметев был вынужден отступить от Астрахани. В октябре 1607 г. он штурмом взял Царицын, перезимовал и весной ушел вверх по Волге, разрушив крепость до основания.

☞————— Хун Персидский —————☞

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕРСИДСКОГО ПОСОЛЬСТВА ЧЕРЕЗ РОССИЮ ОТ АСТРАХАНИ ДО АРХАНГЕЛЬСКА [1599]

<...> Два месяца мы плыли по этой реке ¹ и через каждые десять дней высаживались в каком-нибудь местечке, потому что по берегам реки расположены небольшие селения с деревянными домами. В каждом селении мы оставляли гребцов и брали других на свои галеры ² — все это делалось по распоряжению ратников ³, которые провожали нас по приказанию московского царя ⁴. По обоим берегам реки тянутся горы, населенные и весьма высокие; в них мы видели много медведей, львов (!) ⁵, тигров и куниц разных пород. На расстоянии каждых ста лье ⁶ есть город, принадлежащий московскому царю, и первый из них, к которому мы прибыли, назывался *Ямар* (Черный Яр?) ⁷, второй — *Саресен* (Царицын), третий — *Симер* (Самара) ⁸ и другие, им подобные. Когда на реке поднималась буря, гребцы высаживали на берег лошадей, и они тянули галеры канатами. Каждую ночь мы проводили на берегу в открытом поле, под охраной и защитой ста ратников. <...>

☞————— Г. Какаш, Г. Тектандер —————☞

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕРСИЮ ЧЕРЕЗ МОСКОВИЮ [1603]

<...> Помянутого же 11 мая мы отправились по реке Волге на Астрахань ¹, главный город ногайцев ², и расположенный в 300 милях от Казани ³, в сопровождении 70 московских судов, которые везли жизненные припасы (so Proviant geführet); мы ехали большей частью днем и ночью и прибыли 16 того месяца в Самару ⁴, первый пограничный город, 21 мая в Саратов ⁵, также пограничный город, находящийся, приблизительно в

150 немецких миль от Казани, затем, 23 мая, в третий пограничный город по имени Царицын (Zaritzona), отстоящий от Астрахани (Astarcan) на 70 миль, и наконец, слава Богу, благополучно достигли Астрахани 27 мая, проведя в дороге весь этот день и ночь. <...>

ПУТЕШЕСТВИЕ МОНАХОВ-КАРМЕЛИТОВ ПО ВОЛГЕ [1606—1607]

Наши отцы-миссионеры имели полную возможность в течение первых 27 дней плавания составить себе представление об этих краях и их жителях. 20 августа¹ они очень удачно завершили две трети пути, достигнув Царицына. Но там их ожидали новые неприятности. Расположенный на Волге в том месте, где она сближается с Доном, Царицын в те времена был мало чем примечателен. Он насчитывал более сотни домов. Была там, однако, крепость, но она, по словам отца Евсевия, «казалась более пригодной содержать мародеров, чем оказывать сопротивление корпусу регулярных войск»².

Прибыв на это место, московские послы узнали, что царю противостоит значительная оппозиция³. Новость (верная или ложная) о том, что Дмитрий избежал кинжала заговорщиков, мало-помалу распространилась по всем империям, вызывая различные чувства⁴. Один самозванец, выдавший себя за брата этого царевича, ловко воспользовавшийся общим смятением, и смог поднять жителей Астрахани и ее окрестностей против Василия Шуйского. Ему не составляло труда ввести казаков в свои родные места⁵. Это был суровый кочующий народ, населяющий обширные равнины, орошаемые Доном и расположенные по другую сторону от горного хребта, который на западе закрывает бассейн Волги⁶. Их врожденная привязанность к тому, в ком они видели законного владельца московского трона, усилилась от присутствия двух племянников Дмитрия — сыновей Федора, которые надеясь на их верность, жили среди них со времени узурпации власти Борисом⁷. Под предводительством старшего из братьев армия казаков, к которой присоединилось большое количество москвичей, двинулась к Москве, требуя прав Дмитрия⁸.

Тем временем Василий отправил в Астрахань двух офицеров своего двора с миссией умирения умов. Они обещали не скупиться на прекрасные обещания, а если обещания не подействуют, то прибегнуть к жестоким угрозам. Однако повстанцы совершенно равнодушны и к первому, и ко второму. Осыпав Василия проклятиями и оскорблениями, называя его отцеубийцей и узурпатором, они схватили обоих послов и несколько знатных особ, скинули их с вершины башни, не дав времени опомниться⁹. Тогда Василий отправил армию из 20 000 человек под предводительством ловкого и храброго капитана¹⁰. Прибыв под стены Астрахани, капитан тщетно попытался найти возможность убедить от-

крыть двери города, но ему ничего не оставалось, как осадить город и начать боевые действия ¹¹.

Таким образом обстояли дела, когда маленький флот с нашими путешественниками поплыл к Царицыну. Когда московские послы были посвящены в суть происходящего, то они были весьма озадачены, так как было в равной степени опасно останавливаться и продолжать плавание до Астрахани. В самом деле, население Царицына было весьма склонно поддерживать Дмитрия и было сдержанным только в проявлении своего отношения к воеводе, который вовремя успел распространить на месте осады Астрахани благоприятные новости в пользу Василия ¹². Будучи озадаченными всем этим, послы приняли решение, казавшееся им абсолютно разумным: они становятся, но из лодок выходить не будут до тех пор, пока не узнают о капитуляции осажденного города. «Это недолго продлится, — думали они, — и незадолго до этого караван сможет отправиться снова в путь». Сразу же скажем, что они обманулись в своем ожидании: прошло много времени, прежде чем в Царицыне узнали, что армия Василия была вынуждена снять осаду и расположиться зимними лагерями по волжскому берегу в девяти километрах от Астрахани ¹³.

Шли дни, не принося никаких перемен в положение путешественников, наши миссионеры скоро поняли то, что было досадным с точки зрения их личных планов в той мере, которую предприняли московские послы. Холодное время года было у порога: вот-вот могли возникнуть новые политические осложнения и подвергнуть опасности судьбу иностранцев: если задерживаться и дальше, это значило отложить путешествие на неопределенный срок, если не сделать его совсем невозможным. Посоветовавшись друг с другом, монахи решили, что двое из них, отец Поль-Симон и отец Жан-Таддей (Таддэ), тайно отправятся и будут искать возможность проникнуть в Астрахань, где, используя имя Дмитрия, их бывшего покровителя, будут стараться заполучить свободу передвижения для себя и своих товарищей. Это был смелый план и показывал большое мужество наших отцов-миссионеров. Но господу было угодно помешать его осуществлению. Отъезд был назначен на 7 сентября, канун праздника Рождества Богородицы ¹⁴; но в ту же ночь, которая предшествовала празднику, отец Поль-Симон слег в постель в сильном жару, который не отпускал его в течение месяца и неоднократно подвергал его жизнь опасности. Невозможно выразить, какие муки пришлось испытать служителю Всевышнего во время этой болезни, учитывая то, что не было ни врача, ни лекарств. Чтобы облегчить жажду, которую он испытывал по причине лихорадочного состояния, грубые (неотесанные) жители побережья могли предложить только отвратительное вино, в котором они кипятили растолченные головки чеснока. В такой экстремальной ситуации отец Поль-Симон надеялся на милость Небесного Врача, его компаньоны присоединились к нему в совместной молитве, обращенной к Всевышнему. И их вера была не напрасной: в то время, когда казалось, что больной вот-вот перестанет дышать, к нему вдруг возвратилось прекрасное здоровье.

Наступил октябрь, и стали ощутимы суровые признаки зимы. Для путешественников стало невозможным дальнейшее пребывание в лодках. Московские послы по-прежнему придерживались мнения, что нельзя двигаться дальше до тех пор, пока Астрахань не будет возвращена, решили, что нужно высадиться на берег и устроиться, как получится, у жителей Царицына. Тогда миссионеры стали просить, что хотя им было разрешено отправиться в Астрахань, потому что их положение по отношению к повстанцам было иным, чем у москвичей. Но им было заявлено, что воля царя состояла в том, чтобы они не расставались и что они должны этому подчиняться...

Понятно, что наши миссионеры испытывали горькую досаду от того, что вынуждены были застрять в Царицыне на всю зиму и, таким образом, отложить их прибытие в Персию, единственный объект их устремлений. Но предвидели ли они то, что их ожидало? Телесные и душевные страдания, которые они перетерпели в Царицыне, таковы, что о них только с ужасом можно было рассказать. Они казались настолько невероятными, если наши отцы, которые без всякого сомнения были чистосердечными людьми, не упомянули в донесениях о своем путешествии.

Путешественников в то время было много, и в Царицыне совсем не было мест. Вот почему миссионеры вместе с переводчиками (всего 8 человек) нашли для жилья одну единственную комнату, в которой не было и четырех метров, и где их, естественно, ожидали всякого рода неудобства. Наши отцы надеялись, по крайней мере, получить компенсацию за все это в утешении своей набожностью — в торжественном богослужении участвуя в высочайшем таинстве (причастии), мессе, которой они были лишены в течение долгого времени. Но им пришлось разочароваться. Прибыв в церковь прихода, чтобы отслужить обедню¹⁵, они заметили с болью, что вино для причастия не только выдохлось, но полностью непригодно, и что священник использовал его без зазрения совести. Они спросили, знает ли он, что употребление этого продукта не приносит пользы и не является законным. На это священник ответил невозмутимо, что он это знает, но не хочет терять вознаграждение. Ужаснувшись при виде такой кощунственной скупости и глубочайшей слепоты, наши отцы осыпали его упреками и стали умолять не делать этого, но безуспешно. Скоро, впрочем, они убедились в том, что священники нации, так же как монахи и преплаты, предавались самым грубым привычкам, лжи, испорченности, пьянству, распутству, публичному сожительству, что этот образ жизни был следствием их глубокого невежества. И было обстоятельство, еще более плачевное: эти несчастные, не стремясь очиститься от грязи, они боялись ежедневно подниматься на алтарь и предлагать святые Дары. Пусть читатель не удивляется и не будет шокирован таким поведением схизматиков: только полная правда может освободить человека от тяжести греха. Если духовенство находилось в такой деградации, нужно ли было удивляться тому, что миряне обоих полов под влиянием столь пагубных примеров в свою очередь предавались самым ужасным порокам и безудержной вольности. От всего этого наши миссионеры постоянно испытывали тяжесть в сердце, а глаза наполнялись слезами. Их

письма содержат по этому поводу такие невероятные детали, которые деликатность нашего языка не позволяет выразить.

Оказывая своим служителям огромные милости, Господь позволил им быть подвергнутым чрезвычайно тяжелым телесным лишениям, так как за время этого длительного перерыва в путешествии была съедена вся провизия, привезенная из Казани, а небольшое поселение, каким был Царицын, не могло снабдить продуктами столько людей¹⁶. Наши монахи получали едва половину того, что могло их еще держать на ногах. Но к тем мукам голода, которые они, кстати, выдерживали с героическим мужеством, прибавилось вскоре обстоятельство, поставившее их в очень сложное, полное опасности положение.

Между двумя московскими послами обнаружилось серьезное разногласие: один из них, объявив себя сторонником Василия¹⁷, не прекращал поносить и обидно злословить в адрес Дмитрия¹⁸; другой же, будучи охвачен совсем противоположными чувствами, открыто защищал притесняемого¹⁹. Находясь между этими двумя крайностями, наши миссионеры осмотрительно воздерживались от всяких открытых проявлений как в пользу одной стороны, так и другой. Это поведение получило всеобщее одобрение, но оно раздражало первого из московских послов, а также персидского посла, который с готовностью стал на сторону узурпатора с целью войти к нему в милость и получить от него еще более великолепные подарки, чем те, которыми его осыпал Дмитрий. Эти двое хотели обратить себе на пользу то растущее уважение, которое получали наши отцы, и то влияние, которым они стали пользоваться благодаря своей добродетели. Те двое старались их завоевать, ссылаясь на самые весомые доводы, пытаясь повлиять на их решение публично и решительно объявить себя противниками как личности Дмитрия, так и его действий. Тогда Отец Поль-Симон от своего имени и от имени своих товарищей дал ответ, полный мудрости: «Его и его товарищей могли бы обвинить в безрассудстве, если бы они вмешались в партийную борьбу; Римский папа и вышестоящее начальство абсолютно определенно запретило им вмешиваться в политические дела: дела такого сорта, кстати, находятся вне целей их ведомства; как слуг апостолов, они имеют единственную цель — добиваться духовного богатства для людей, проповедовать мир согласно Евангелию, гасить пламя раздоров, их долгом было уважать тех, кто владеет временной земной властью; и они не могли позволить себе обращать к ним оскорбительные слова, если не хотят идти вопреки христианскому и религиозному милосердию». Это заявление не понравилось тем, кто его спровоцировал. Так как москвит был им сильно раздражен, перс, всегда испытывавший отвращение к нашим отцам, воспользовался этим случаем, чтобы дать волю своим дурным чувствам, все более и более возмущая москвича посредством отвратительной лжи. Он стал всяческим образом провозглашать, что якобы так называемые миссионеры не были, как они делали вид, монахами, посланными Римским папой к королю Персии, но были бродягами и отвратительными мошенниками. Прикрываясь маской благочестия и добродетели, они якобы

имели целью вымогать деньги у простаков и под внешностью кающихся скрывали их разборчивость в еде. Клевета произвела желаемый эффект. Первый из московских послов полностью забрал продовольственный рацион у миссионеров, на который они имели право согласно обычаю страны и приказам Великого Князя: затем, по соглашению с воеводой крепости и некоторыми другими, он написал Василию (Шуйскому) письмо, в котором он обвинял наших отцов в сговоре с другим послом, преданным сторонником Дмитрия, и в подстрекательстве к мятежу против суверенной и законной власти. Затем он спрашивал распоряжения в отношении того, как они должны вести себя с ними, и писал, что он собирается тем временем их усиленно охранять, чтобы помешать им отправиться в Астрахань, где они неизбежно поддержат мятеж.

Можно ли представить, в каком тяжелом положении находились слуги Господа! Они подвергались мукам голода, холода и всем неудобствам их тесного жилища. Ежеминутно они были объектом презрения и оскорблений презренной солдатни: они видели себя окруженными мощными и жестокими врагами, цель которых — только их гибель и которые уже радуются в предвкушении успеха своих козней против них. Эти злодеи публично хвалились, что ответ от Василия (который, по их мнению, должен вот-вот прийти), позволит им отрубить миссионерам головы или утопить их в Волге. Тем не менее, будучи погруженными в печали и тревоги, наши монахи почувствовали, что небо не покинуло их: благодаря божественной защите и своим милосердным поступкам они нашли почтительных и преданных друзей в лице второго московского посла, некоторых жителей Царицына и в переводчиках персидского посла. Эти последние обратились первый раз к ним, чтобы пожаловаться на жесткость их хозяина, который позволял им почти умирать с голоду; и наши отцы великодушно разделили с ними то малое, что у них было для их собственного существования. Движимые чувством признательности и привязанности, эти люди продолжали приходить к монахам. Они вовремя предупреждали их о всех кознях персидского посла и давали возможность предохранять себя от расставленных ловушек.

Один случай, сопровождаемый необычными обстоятельствами, стал свидетельством огромного благочестия и мужества наших отцов, что еще больше привлекло к ним сердца людей. Отец Поль-Симон дал первому московскому послу (еще до того, как он проявил себя в качестве противника миссионеров) прекрасный благочестивый образ Пресвятой Девы Марии. Эта икона была воспроизведением образа, написанного, по преданию, святым Лукой, и которая находится в главном алтаре церкви Нотр-Дам-дель-Пополо в Риме²⁰. Не очень заботясь об этом предмете, который не имел большой материальной ценности, посол передал икону священнику Царицынского прихода. Тот установил эту икону в своей церкви. Простые люди стали с благочестием почитать ее, несмотря на предубеждение раскольничества против культа высочайшей Божьей Матери. Однако архиепископ Астрахани (которого мы оставили в Москве) по просьбе Василия должен был отправиться в свой город и, используя свое влияние, способствовать

утверждению там или укреплению нового правительства. Он остановился в Царицыне в первые дни ноября²¹. Узнав из уст одного презренного доносчика обо всем, что касалось святого образа, он выразил огромное недовольство. Тотчас он потребовал к себе священника, жестоко упрекая его за то, что он осквернил свою церковь, внеся туда вещь, полученную от латинских священников, этих отлученных от церкви, и приказал ему немедленно убрать эту икону и закопать ее где-нибудь подальше от святого места. Священник не осмелился оказать сопротивление и поспешил выполнить порученный кощунственный приказ. Миссионерам скоро стало известно о тяжком оскорблении, нанесенном Деве Марии. Их охватило огромное страдание они немедленно приняли решение почтительно исправить содеянное, нисколько не думая об опасности, которая могла их ожидать за столь смелый поступок. Прежде всего они исповедались, чтобы быть готовыми ко всякой нежелательной встрече. Когда наступил вечер, они вышли из дома в белых плащах, как будто на прогулку; перешли площадь и направились к тому месту, недалеко от церкви, где было совершено осквернение. На этом месте все опустились на колени, зажгли восковые свечи. Отец Поль-Симон, покрытый епитрахилью, разрыл землю и вынул оттуда святую икону. Тщательно почистив ее, он почтительно прикоснулся к ней губами и дал поцеловать ее остальным. Затем он завернул ее в богатое золототканое покрывало, и они все вместе отправились в путь процессией, неся зажженные свечи. Многие жители видели, как они шли, но никто и не подумал им помешать. Миссионеры смогли спокойно завершить их благочестивую церемонию и добраться до своего жилья, где они и установили чудесный образ Божьей Матери.

Новость об этом поступке миссионеров облетела Царицын, удивила и привела в раздражение врагов наших монахов, однако все старались не проявлять своих чувств, и никто не захотел показать себя защитником кощунственного преступления. Напротив, архиепископ и первый московский посол постарались даже умыть руки. Посол отослал одного из своих людей к миссионерам, чтобы передать, что ни он, ни архиепископ, ни имеют никакого отношения к происшедшему и что, совершая этот акт безумия, приходской священник руководствовался своими побуждениями, и поэтому только один он во всем виноват. Но отцы ответили без колебания, что им очень хорошо известно относительно автора этого безбожного поступка. Они добавили, что оскорбление, нанесенное иконе, направлено не на них, а на Господа и на Пресвятую Богородицу и что оно не может остаться безнаказанным. Такой твердый и прямой ответ сильно озадачил посла. Тогда он предпринял вторую попытку. По его приказу приходской священник пришел сам к миссионерам, чтобы попросить прощения. Он также обратился с просьбой передать ему святой образ, чтобы набожность людей не пребывала больше лишенной счастья повидать икону. Монахи ответили, что поскольку они не получили личного оскорбления, то им нечего прощать, и что виновные с чувством глубокого раскаяния должны обратиться к Господу Богу и Деве Марии, если они не хотят, чтобы их по-

стигла суровая кара. Что же касается иконы, то они не могут ее возвратить, исходя из того, что она может быть подвергнута новому осквернению со стороны какого-нибудь врага католиков. Священник также, в свою очередь, сконфуженный уроком, который он получил, покинул миссионеров. Четыре или пять дней спустя архиепископ, который отправился спать в совершенном здравии, был обнаружен мертвым в своей постели²². Почти в то же время предатель, выступивший в качестве доносчика, вдруг опасно заболел и вскоре оказался в крайне тяжелом состоянии. Он избежал смерти после того, как по совету отцов он чистосердечно раскаялся в своем мерзком поступке и стал умолять Богородицу о заступничестве. Это двойное событие было замечено людьми; народ увидел в этом очевидное проявление божественной справедливости (правосудия), что привело к еще большему почитанию Пресвятой Девы Марии и уважительному отношению к миссионерам.

Тем временем суровая зима вступила в свои права; лед и снег перекрыли путь транспорту с пищевыми продуктами и почтой; у служителей Господа в качестве пищи осталась только сухая рыба. Этот продукт при отсутствии вина был в таком холодном и влажном климате очень трудным для пищеварения и вредным для здоровья. Благодаря силе своего характера монахи смогли в течение нескольких месяцев продержаться в относительно удовлетворительном состоянии. Но в начале поста 1607 г.²³ они все пятеро заболели, пораженные эпидемией, царящей в тех местах. В своих письмах они оставили описание этой болезни. Сначала поражаются десна, которые опухают и начинают гнить, покрываясь язвами. Некоторое время спустя, кариес поражает зубы, они расшатываются и, крошась, выпадают. Затем болезнь спускается в бедра, колени и ноги, где происходит то же, что во рту. После того как тело опухнет, покроется язвами и станет гнить, останутся только кости, покрытые такой темной кожей, как если бы ее опалил сильный огонь. Но вирус снова возвращается, атакует кишечник и другие внутренние органы, поражает сердце, и человек умирает²⁴.

Для наших больных миссионеров пагубным было то, что их болезнь совпала со временем Великого поста. Эта ошибка свойственна именно ереси, раскольничеству, неверному учению впадать в абсолютные крайности: с одной стороны, вести беспорядочный образ жизни, а с другой — быть в некоторых пунктах до смешного скрупулезным. Наш Господь упрекал в свое время фарисеев за эту пагубную непоследовательность. И этот тип людей не исчез, по крайней мере, они были здесь, на берегах Волги. Схизматики — жители Московии, окружавшие наших миссионеров, как мы упоминали выше, вели распутную жизнь, но что касается поста, то здесь они доводили воздержание до крайности. Они не ели мяса, яиц, молочное; три дня в неделю не ели ничего вареного, кроме хлеба; и они считали преступлением прерывать пост даже перед лицом смертельной опасности. Монахи же их были еще более строгие: они проводили сорокадневный пост исключительно на хлебе и воде. Что же оставалось делать отцу Полю-Симону при таком положении вещей? С одной стороны,

не дать повод для скандала, или, вернее говоря, не вызвать у заблудших москвичей несправедливые обвинения, направленные против святой католической Церкви; с другой стороны, необходимо выполнить свой долг милосердия по отношению к братьям-монахам, пораженным, как и он, смертельной болезнью. Воззвав к высочайшей божественной истине, он остановился на решении, которое, как ему казалось, все сможет уладить. Он решил не позволять себе никакого облегчения, мало-мальски противоречащего суровости поста воздержания; другим же он объявил, что он им предоставляет свободу действовать так, как они будут считать, что это соответствует воле всевышнего.

Отцы Жан-Таддэ и Винсен последовали героизму своего настоятеля и решили с великодушной храбростью разделить всю строгость такого чрезвычайного поста. Отцы Жан де Лассомпсион и Франсуа Риодолид были не менее великодушны, и они доказали это; в реляциях, посланных отцами, дается описание яркого свидетельства их набожности, умерщвления плоти и строгости их жизни. Но они решили, что обязаны воспользоваться тем снисхождением, которое им предоставляли. И чтобы они смогли это сделать не на глазах у посетителей, их поместили в маленькую, более укромную комнату, по соседству с общей комнатой. Удивительная вещь, но именно только они и умерли от этой ужасной болезни, как казалось, Господь нашел их готовыми для небес и дал вечное вознаграждение; в то же время, желая прославить свое высшее провидение в трех оставшихся в живых, привел к еще более глубокому неприятию жизненных удобств. Однако не станем забегать вперед.

Пятеро наших миссионеров оказались прикованными к постели. Испытывая страшные боли и не имея почти ничего, чтобы поддержать силы, они скоро совершенно ослабли. Смерть казалась для всех неизбежной и скорой. Но эта перспектива их не пугала; напротив, она вызывала у них радость, оживляла надежду и являлась темой их обычных благочестивых бесед. Всевышний в изобилии компенсировал отсутствие внешней помощи, вложив в их души радость и благодать как достойную награду за все их мучения на этом свете. И это блаженство в их душах в тысячу раз превосходило все радости человеческого утешения. Единственное, что их угнетало, так это то, что они не смогли получать святое причастие, так как они не хотели принять его из рук раскольников. О том, чтобы самим совершить священное таинство, не было и речи, потому что болезнь приковала их к постели, к тому же у них не было ни капли вина. Однако всевышний милосерден к тем, кто всецело на него положился; и он помог несчастным преодолеть это двойное препятствие. Некто, охваченный состраданием к миссионерам, принес им немного хорошего вина, а отец Поль-Симон решился собраться с последними силами и совершить богослужение. Ему удалось с большим трудом подняться с постели и одеться. Затем, опираясь на столик алтаря и время от времени садясь, чтобы передохнуть, он смог совершить священную мессу и причастить своих товарищей. Можно ли описать ту радость, которая переполнила их сердца в ту минуту? Она дала им силы снова приступить к выполнению их обетов,

которые они дали перед тем, как покинуть Рим. Это причастие стало последним для двоих из них. В четверг страстной недели²⁵ заметили, что Франсуа Риодолд значительно ослабел. Отец Поль-Симон попросил, чтобы его поднесли к больному: он хотел утешить его и ободрить перед тем, как тот отправится в свой последний путь. Отец Винсент, кровать которого находилась рядом с кроватью умирающего, совершил над ним таинство соборования. На следующий день, в пятницу²⁶ отец Риодолд безмятежно почил в бозе. Монахи сразу остро почувствовали эту потерю: от них ушел глубоко ими уважаемый и любимый товарищ. Это был энергичный человек, преданный своему делу, опытный; прекрасный образец гуманности, послушания, скромности, самоотверженности; исполненный благочестия и других добродетелей. Горечь и боль утраты смягчалась только при мысли о том, что душа их друга пребывает в окружении ангелов и наполнена божественным покоем и вечным блаженством. Они отказались похоронить останки их товарища в церкви раскольников, а распорядились отвезти их в поле, за город. Мужественный отец Поль-Симон потребовал, чтобы ему разрешили возглавлять траурную процессию. Отец Винсент попытался также присоединиться к ней, однако упадок сил заставил его снова лечь в постель. Тело усопшего сопровождали несколько торговцев-армян и 25 солдат, посланных комендантом крепости в честь военных заслуг усопшего.

Но вскоре другая могила была вырыта рядом с могилой бывшего капитана, доблестно посвятившего свою жизнь и свой талант служению дела миссионеров. Через шесть дней после погребения Риодолда, то есть в четверг, умер отец Жан де Лассомсион. И он отправился на небеса обетованные, чтобы поселиться в райском уголке, наслаждаясь божественной милостью. Он заслужил это, по мнению своих товарищей, своей добродетельной жизнью, трудом и страданиями. В последние минуты своей жизни он также получил утешение и поддержку от отцов Поля-Симона и Винсента; его исповедовали и соборовали. Погребальная церемония сопровождалась теми же людьми, что и предыдущие, и была совершена в духе благочестия и набожности.

Что представляли собой эти две могилы, вырытые вдали от родины, на полпути к цели путешествия, в варварской земле, земле раскольников? Было ли это уничтожением их миссии в Персию, или же залогом ее успеха? Была ли эта смерть или жизнь? Это была жизнь, но жизнь среди новых неприятностей и злоключений...

Наступление пасхальных дней²⁷ и приход весны оказали благоприятное воздействие на здоровье троих отцов: они получили возможность свободно принимать более калорийную пищу; им не нужно больше вести борьбу с суровой и вредной для здоровья температурой воздуха. Поэтому мало-помалу к ним стали возвращаться силы, и, наконец, они полностью поправились. К тому же снег и лед растаяли, и Волга, как и другие реки, стала готова к навигации. Следовательно, можно было отправляться в путь. Миссионеры настаивали, чтобы им позволили отправиться, но это было бесполезно. Им ответили, что не имеют права нарушать приказы

царя. Но это была только отговорка; на самом же деле, хотели только вызвать раздражение миссионеров. Посол Персии предпринял против них целый ряд происков, воспользовавшись обострением разногласий и борьбой между сторонниками Василия и сторонниками Дмитрия. Первые были сильнее и использовали любой предлог, чтобы послать на смерть то одного, то другого из своих соперников. Подстрекаемые Зенил Камбеем, они хотели аналогичным образом обойтись и с миссионерами, однако опасались возмущения народа. Кроме того, поскольку речь шла о вражде по отношению к иностранцам, они предпочли выждать (чтобы снять с себя ответственность), пока Василий, к которому они обратились, не предпримет какой-либо шаг против миссионеров. Тем временем, сгорая от нетерпения, они опрашивали каждого прибывающего из Москвы курьера, вслух интересуясь, не привез ли он приказ сжечь живьем или утопить в реке этих мерзких католиков, этих отвратительных обманщиков.

Положение наших отцов ухудшилось также по причине недостойного поведения валашского переводчика, которого они взяли себе в помощники в Москве. Этот человек, то ли подкупленный, то ли под воздействием демонских наущений, стал распространять на их счет различные инсинуации, называя их набожность лицемерием, сдержанность — скрытностью, их милосердие — хитростью и ловким заговором против государства. Предатель пошел еще дальше, чем сторонники Василия, распространяя без угрызения совести самую черную клевету. Он представлял миссионеров москвичам (особенно первому послу) и коменданту крепости как безнравственных людей, как ярых врагов религии, Василия и врагов для них самих, как людей, близко связанных с чернью и вынашивающих в тайне зловещие планы. Персидскому послу он говорил, что отцы-миссионеры совместно с его людьми, сговорившись, марают его репутацию и даже подают коварные советы, стремясь организовать покушение на его жизнь. Можно себе представить, какой эффект производили на людей ядовитые речи этого человека. Миссионеры видели, как возрастала опасность для них по мере того, как увеличивались злость и раздражение их врагов. Вот почему, готовясь к верной смерти, они мужественно продолжали совершать добродетельные поступки. Жизнь их действительно держалась на волоске: под давлением все новых посланий, прибывающих из Царицына, Василий уже собирался отдать приказ, чтобы миссионеров вместе со всеми сторонниками Дмитрия предали смертной казни. Однако чудесное божественное провидение пришло на помощь и внезапно изменило положение вещей, избавив от гибели отцов-миссионеров и в то же время приблизив к ней их противников.

Как мы уже говорили выше, прошел слух, что Дмитрий еще жив. Этот слух становился все более обоснованным; говорили даже, что свергнутый царь направляется к Москве во главе мощной армии и что не за горами время, когда он возвратит себе и трон, и все свои права. Итак, в понедельник, в Духов день ²⁸ из Астрахани прибыли три курьера, один из которых был уроженцем Царицына, и подтвердили эти слу-

хи своим личным свидетельством, а также письмом, которое они привезли. Это письмо было написано рукой самого Дмитрия, и в нем он призывал всех своих подданных хранить ему верность, в которой они присягали ему как законному монарху²⁹. Жители Царицына уже давно изнемогали от несправедливого, тиранического правления представителей Василия. Глубокое и глухое недовольство бродило в умах, и достаточно было одной искры, чтобы произошел взрыв. Новость, приведенная курьерами, и стала такой искрой. Со всех сторон стал собираться народ и заполнил городскую площадь. Когда первый посол и комендант прибыли, чтобы усмирить и подавить волнение, их встретили свистом, насмешками, за которыми последовали оскорбления, проклятия, угрозы смерти. С большим трудом им удалось спастись от народного гнева. Но они недолго оставались в безопасности. Спустя два дня среди ночи разразился организованный к тому времени грозный мятеж. Услышав сигнал, подаваемый звуками трубы, жители Царицына вооружились и стали выходить на улицы, выкрикивая угрозы и собираясь вместе, чтобы нанести решающий удар. Они предупредили миссионеров, сказав, чтобы те не боялись и что им не причинят зла. На рассвете толпы восставших направились в крепость, в дома послов и в дома тех вельмож, которые поддерживали Василия. Комендант, первый посол и все их сторонники были схвачены. С них сорвали одежды и бросили в тюрьму. После этого восставшие передали командование городом и крепостью второму из московских послов и присягнули Дмитрию в своей верности до самой смерти, объявив Дмитрия законным монархом. Наконец, связав по рукам и ногам бывшего коменданта, восставшие отправили его в Астрахань в сопровождении многочисленного конвоя³⁰. Человек, возглавлявший этот конвой, получил указание проинформировать брата Дмитрия³¹ обо всем, что произошло, и просить его послать без промедления в Царицын подкрепление.

Посол Персии, сраженный такими внезапными, непредвиденными событиями и чувствуя, что он сильно навредил себе своим недавним поведением, пребывал в огромном страхе перед смертельной опасностью. Наши же отцы-миссионеры помнили только примеры жизни Иисуса Христа и его заповедь нам любить своих врагов и делать добро тем, кто нас ненавидит. Поэтому они отправились к послу Персии, чтобы его успокоить, подбодрить, пообещав ему, что они выступят посредниками между ним и жителями Царицына, а также новым комендантом, и что будут выступать в его защиту.

Аналогичным образом они поступили и по отношению к первому московскому послу и всем другим заключенным, великодушно забыв все неприятности и гонения, которые они испытали от этих людей. Теперь эти несчастные, почти нагие (как мы уже говорили) лежали в своих темных застенках и никто не рискнул оказать им какую-либо помощь: одни просто боялись, другие же испытывали ненависть. Миссионеры попросили и получили разрешение помогать этим заключенным. Ежедневно они отправлялись в тюрьму, успокаивая их, приносили пищу, деньги и

все, что могло скрасить их печальную участь. заключенные не переставали восторгаться такой героической самоотверженностью. Особенно был тронут до слез первый посол: как бы очнувшись от глубокого сна, он стал каяться во всех прошедших грехах, просить прощения, перевозносил до небес добродетели наших отцов, тысячу раз благодарил их, говоря, что навсегда в его душе останется к ним глубокое уважение, привязанность и признание. Между тем бывший комендант крепости был доставлен в Астрахань, осужден, приговорен к смерти и казнен³². Вскоре в Царицын прибыл отправленный братом Дмитрия верховный судья, который должен был вынести решения относительно судьбы узников. Некоторых из них он приговорил к смерти, других — к бичеванию. Первый посол находился среди этих последних. Государь, тем не менее, оставил за собой право вынести окончательный приговор этому высокопоставленному преступнику. Судья уверил жителей, что четыре сотни московских солдат уже на пути к Царицыну и вскоре придут в их распоряжение. Затем судья отправился в Астрахань. Миссионеры воспользовались такой благоприятной возможностью: они написали брату Дмитрия письмо с просьбой восстановить все их полномочия, которые Великий Князь им когда-то предоставил, а также разрешить им отправиться в Астрахань, припасть к руке государя и затем, покинув этот город, направиться к предписанной им цели.

Через два дня после отъезда судьи 25 солдат, посланные в качестве разведчиков от семитысячной армии, которую Василий отправил против Астрахани, высадились в Царицыне. Они не ведали о том, что город перешел на сторону Дмитрия, и без всякого опасения вошли в него. Но их схватили, бросили в тюрьму, а командиров сбросили вниз с одной из башен. То же произошло на следующий день с другим отрядом, состоявшим также из 25 человек³³. Наконец, к вечеру следующего дня на реке показалась целая армия. Войско приплыло на лодках, груженных съестными припасами, оружием и разного рода другими запасами³⁴. Совсем не подозревая о том, что происходило в Царицыне, они сошли на берег и направились к городу, не соблюдая никакой предосторожности, не построившись. Жители Царицына при поддержке отряда казаков, вооружившись, поджидали эту беспорядочную толпу прибывших. Выждав подходящий момент, они произвели залпы из своих пушек и мушкетов и, преследуя прибывших по пятам, вынудили их бежать до противоположного берега Волги. Окрыленные успехом, жители города решили доказать свою приверженность делу Дмитрия еще одним шумным военным действием. Итак, на следующее утро, собравшись, они двинулись, охваченные возбуждением и не соблюдая осторожности, атаковать войско Василия. Но на этот раз их ожидали хорошо подготовленные к атаке воины; к тому же их было раз в десять больше, чем маленькое войско жителей Царицына. При первой же стычке те были отброшены и их преследовали до самых городских ворот, куда они и возвратились, потеряв часть своего войска убитыми либо взятыми в плен. Один из этих пленников своей ложью оказал услугу

своим согражданам. Подвергнутый пыткам сторонниками Василия, он решил, что сможет избежать смерти, если сообщит им кое-что. И он сказал, что армия, состоящая из 10 тысяч отборных воинов, послана из Астрахани братом Дмитрием, и ее прибытие ожидается в Царицыне. Это ложное сообщение привело в замешательство врагов, и они оставили Царицын, даже не подумав воспользоваться одержанной только что победой. Если бы они вошли вместе с дезертирами в город, они бы быстро им овладели, так как им помогли бы предатели. И потом уже, спустя некоторое время, они тщетно пытались исправить свою ошибку: однако такая потерянная возможность им больше не представилась. Очевидно, Всевышний внял мольбам наших отцов-миссионеров, как когда-то внимал молитвам святого пророка Елисея, и поразил слепотой и немощью приверженцев Василия.

Произошло же следующее. Предатели, о которых мы уже говорили, организовали вместе с руководством армии Василия заговор, который, как казалось, должен был уничтожить в Царицыне сторонников Дмитрия. Первые из заговорщиков должны были поздно ночью под покровом темноты поджечь каждый из четырех углов города; вторые же, воспользовавшись паникой, возникшей по причине пожара, должны были бросить свои войска в город и предать мечу и жителей, и их защитников. К счастью, этот план не настолько хорошо хранился в секрете, чтобы о нем не стало известно в городе. Поэтому, когда наступила роковая ночь (дата была установлена заранее) и поджигатели уже приготовились выполнить задуманное, держа в руках факелы, их схватили и заключили под стражу. Солдаты Василия напрасно ожидали сигнала, которым должен был стать подожженный город. На рассвете дня они вдруг увидели, как вдали появилась конница. Возможно, они подумали, что это был авангард армии, посланный братом Дмитрием; или же сам Господь умножил в их глазах количество всадников, движущихся, как им казалось, по направлению к ним. Но охваченные ужасом, они в панике бросили на берегу боеприпасы и продовольствие и на своих лодках спешно уплыли по направлению к Казани. Конницу также заметили и в Царицыне, навстречу послали людей узнать, кто это: друзья или враги. Оказалось, что эта группа из 200 конников была послана для сопровождения гонца от Дмитрия.

Дмитрий послал гонца, чтобы сообщить своему брату и жителям Астрахани о своих военных успехах. Посол Дмитрия вместе со своими людьми был приглашен в Царицын. Однако, не зная истинного отношения жителей города к происходящим событиям, он не поверил уверениям людей, которые вышли навстречу ему, и долго не решался принять приглашение. Для того чтобы рассеять подозрение, наши отцы решили сами выйти к послу, поговорить с ним, рассеяв всякие опасения. Когда прибывшие узнали от миссионеров последние новости о событиях в Царицыне, всех охватила такая радость, что невозможно описать тот восторг, который царил в городе. Все воздавали хвалу всевышнему, который одарил людей таким количеством своих благ од-

новременно. В городе целый день звенели колокола, палили из пушек, раздавались звуки труб и барабанный бой. Люди пели и плясали, опьяненные радостью. Читатель легко поймет, что этими невинными проявлениями радости не ограничивались и что радость вылилась в неумеренное всеобщее мгновение.

Радость наших отцов была более спокойной и выражалась в молитвах и в милосердии. Они считали, что благодарить Господа нужно не только пением церковных гимнов, псалмов и других духовных песен, коленопреклонением и повержением ниц, но и раздачей бедным милостыни, которые они могли дать исход из своего материального положения, а также другими добрыми делами. Но то, что явилось венцом их благодарности Богу и что в дальнейшем снискало им новые милости Всевышнего, так это было их изумительное поведение по отношению к Зенил Камбею. Этот неисправимый человек не так давно снова отправил письмо Василию, содержание которого, мерзкое по сути, было направлено против самих миссионеров и против Дмитрия. Однако это послание было перехвачено. Когда его прочитали, возмущение охватило жителей Царицына, и вскоре возмущенная до крайности толпа народа направилась к дому, где жил посол Персии, чтобы предать все огню и мечу. Узнав о том, что происходит, наши отцы поспешили также туда и вступились за человека, причинившего им столько зла, и с помощью своей добродетельной репутации им удалось спасти посла. Но, как мы увидим в дальнейшем, тот недолго проявлял признательность к людям, которым он был обязан жизнью.

Между тем от брата Дмитрия были получены в высшей степени доброжелательные письма. Великий князь предоставлял миссионерам возможность свободно отправляться в путь и приказывал властям Царицына без замедления организовать их отправку, вместе с Зенил Камбеем, в Астрахань. Он также хотел, чтобы ему отправили одновременно первого московского посла, которого он собирался судить своим судом. Кроме того, он послал 2 тысячи казаков для охраны путешественников. Эта мера была вызвана тем обстоятельством, что армия Василия, которая осаждала Астрахань, по-прежнему располагалась недалеко от города, построив форт на возвышенности по течению Волги. Царицын покидали 24 июля³⁵. Комендант крепости выделил отцам-миссионерам и их переводчикам прекрасную большую лодку с 30 гребцами и таким же количеством отборных солдат. На других лодках разместились посол Персии со своей свитой и бывший московский посол, который, будучи закован в цепи, находился под надежной охраной. Он был лишен всего, и наши отцы проявляли к нему постоянно милосердие, утешая его, снабжая его продуктами, деньгами, одеждой. Несчастный узник был тронут до слез и не скупился на выражение своей признательности им. Охранявшие миссионеров казаки плыли на небольших лодках и были готовы немедленно встретить огнем врага, как только он появится.

Астрахань расположена на берегу Каспийского моря в одном из рукавов устья Волги на расстоянии примерно 80 лье от Царицына. Огромная

равнина разделяла эти два города. И хотя земля там была очень плодородной, ее никто не возделывал, и равнина имела пустынный, заброшенный вид. Потребовалось 11 дней, чтобы проплыть расстояние до Астрахани. На девятый день путешественники встретили брата Дмитрия, который отправился во главе семитысячного войска присоединиться к Дмитрию³⁶. С Великим Князем ехал отец Франсуа Акоста, португальский монах, возвращавшийся со своей миссией от короля Персии, которую на него возложил папа Клементий VIII; там были также два персидских посла; один из них возвращался к Павлу V, другой — ко двору польского короля³⁷.

Как только Великий Князь узнал наших путешественников, он приказал остановиться и сойти на берег. Были раскинута шатры, и князь пригласил к себе миссионеров и Зенил Комбея. Отцам было оказано с его стороны особое внимание и почтение как одновременно и миссионерам, и посланцам папы Римского. Два дня они гостили у князя, там же они пополнили свои запасы провизии. Отец Поль-Симон воспользовался доброжелательным отношением брата Дмитрия и стал просить помиловать московского посла. Он показал все свое красноречие, и его милосердная просьба была принята князем. Однако он не успел проявить свою милость: ожесточенные солдаты из его войск, охваченные гневом против всех сторонников узурпатора, в исступлении набросились на московского посла и безжалостно его казнили³⁸. Это был почти мятеж, но, пролив кровь ненавистного им врага, солдаты несколько успокоились, и брат Дмитрия посчитал благоразумным не вмешиваться в происходящее, то есть не выражать своего отношения к убийству.

Расставаясь с миссионерами, князь усилил их охрану, дав им еще 1 000 казаков, чтобы они не опасались вражеской армии, которая была уже близко. Эта предосторожность не была излишней. Враг уже был информирован, что караван судов покинул Царицын и скоро должен появиться в пределах досягаемости их импровизированной крепости. И они решили дать им возможность спокойно проплыть мимо крепости, но на расстоянии в пол-лье от их лагеря, по течению реки они устроили засаду из четырех тысяч солдат. Эти солдаты должны были напасть внезапно и с легкостью одержать победу. Наши же путешественники, со своей стороны, ничего не зная о планах противника, приняли меры, которые должны были, по их мнению, обеспечить им безопасность. Дождавшись темноты, они направили бесшумно свои лодки мимо лагеря противника, стараясь держаться как можно ближе к берегу, это помогло бы им избежать выстрелов артиллерии. Они прошли благополучно мимо форта и уже радостно поздравляли друг друга, считая, что враг их не заметил. Лишь один пушечный выстрел привлек их внимание, но так как он им показался безобидным, то их не насторожило. Они не знали, что это был сигнал из крепости для тех, кто был в засаде.

Казачьи, сопровождающие путешественников, считали, что опасность позади. Они сложили оружие и, нарушив боевой строй, плыли дальше без всякого порядка, спокойно, ничего не опасаясь. И вдруг, выйдя из своего укрытия, враги стали осыпать караван градом пуль,

сея смерть в рядах казаков. А те, растерявшись сначала от такой неожиданной и стремительной атаки, уступили противнику пять из своих лодок. Однако вскоре они восстановили свой боевой порядок и бесстрашно пошли в контратаку. Завязалась ожесточенная битва. Мало-помалу казаки взяли верх, и битва закончилась их полной победой: они отвоевали свои три лодки и нанесли врагу значительный урон. Вскоре войска Василия вынуждены были бежать; они отступили с позором, убежали, как дикие звери, беспорядочно и спрятались за свои укрепления. Можно сказать, что в течение этой темной ночи произошли настоящие чудеса храбрости. Но все почувствовали также и со стороны Всевышнего чудесное покровительство, которое он оказывал отцам-миссионерам: среди всей этой неразберихи, во время всех этих военных действий только лишь лодка, где находились наши отцы, оказалась полностью невредимой: никто не был убит и даже ранен.

Караван снова отправился в путь и 7 августа 1607 г.³⁹ благополучно доплыл до Астрахани. Воевода города, который был одним из первых герцогов (или сатрапов) Московии⁴⁰, встретил наших миссионеров доброжелательно и почтительно, предоставил им удобное жилье. На следующий день миссионеры вместе с послом Персии были приглашены в большой зал, предназначенный для открытых заседаний, где в присутствии большого количества людей губернатор спросил их, имеют ли они письма от Дмитрия. Услышав отрицательный ответ, он выразил сожаление, что сам он лично не может разрешить им дальнейшее путешествие и добавил, что необходимо обратиться к Великому Князю, брату императора, и подождать его решение. Отцы стали настаивать на надежде уговорить его; особенно они уповали на свою встречу с Великим Князем, на его добрые слова, обещания и разрешение, которое он дал им на словах. Однако все было напрасно; они вынуждены были подчиниться губернатору и оставаться в Астрахани до тех пор, пока напишут князю письмо и получат от него ответ.

Ответ скоро прибыл. Как только воевода его получил, он опять призвал к себе отцов миссионеров и посла Персии. Оказав всевозможные знаки уважения миссионерам, он объявил им, что они получают возможность отправляться в путь, когда захотят. Отношение же к послу Персии было иным: дело в том, что было перехвачено его новое письмо, к Василию, которое было написано во враждебном тоне по отношению к Дмитрию. Воевода сурово упрекнул посла в его коварстве и связях с врагами Дмитрия и сообщил ему вполне определенно, что он не будет выпущен из Московии. Эти слова воеводы и его решение привели в неопишемую ярость персидского посла. Не посмев излить свою злость на воеводу, он обратил ее на отцов, которые сделали для него столько добра. Он смог задержать их отъезд на несколько дней, после того как троекратно предпринял отвратительные козни против них. Но, получив повторное письмо от великого князя, подтверждающее разрешение, отправленное в первом письме, миссионеры, наконец, смогли тронуться в путь.

Наши отцы покинули Астрахань в конце августа. Они погрузились в лодку и в сопровождении двух других лодок, на которых находились казаки, они быстро проплыли оставшуюся часть Волги и добрались благополучно до персидского корабля, стоявшего на якоре на берегу Каспийского моря, недалеко от впадения в него Волги. Воевода Астрахани сам лично уладил с капитаном этого корабля все условия относительно транспортировки миссионеров в Персию.

Корабли, плавающие в то время по Каспию, нисколько не были похожи на те, которыми мы любуемся в наших портах. Не имея палуб и тента, они были полностью открыты и к тому же неважно сконструированы: части корабля должны были удерживать огромные, непропорциональные паруса и другое снаряжение. Ко всему прочему, команды на судах практически не владели искусством навигации, по крайней мере, они не могли искусно лавировать с помощью поворота парусов, а судно могли вести только при попутном ветре. Вот почему на море, где часто наблюдались сильные штормы, случались многочисленные кораблекрушения.

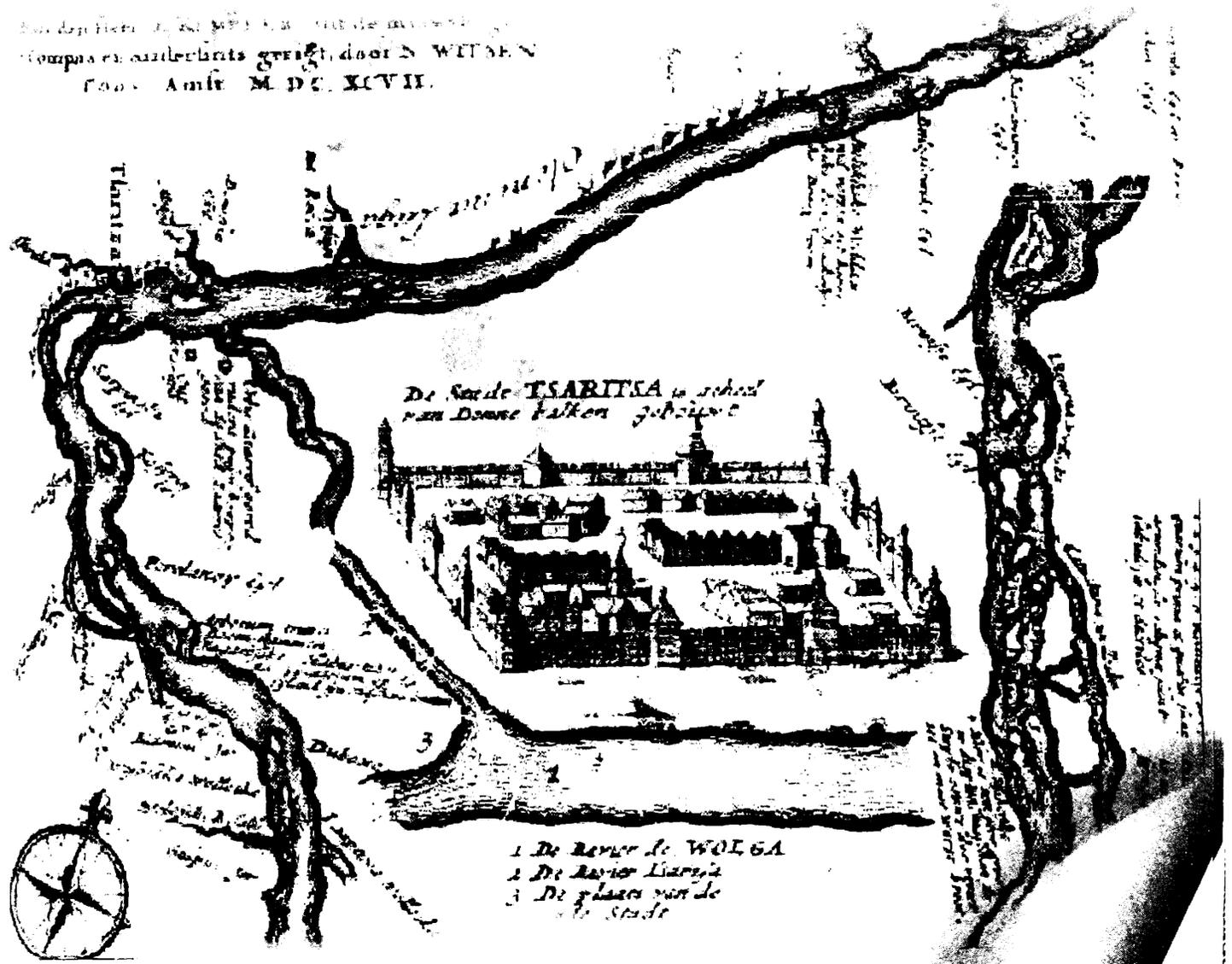
Задняя часть корабля была предоставлена в распоряжение миссионеров, их переводчиков и двух армянских купцов. Совместное путешествие с этими купцами могло быть весьма полезно для миссионеров, так как их опыт мог бы им пригодиться и на море, и на суше. Оставшуюся часть судна занимали торговцы из Персии, которые, будучи высланными из Астрахани, возвращались в провинцию Гилян (Uhilan), к себе на родину. (Провинция Гилян простирается вдоль западного побережья Каспийского моря, между провинцией Ширван (Schizvan) на северо-западе и Ираном на юге). Целых два дня ушло на то, чтобы погрузить на корабль пассажиров, груз и балласт. Затем подняли якорь, натянули паруса, и корабль отчалил. Наши отцы не переставали благодарить Бога за то, что он, наконец, позволил им покинуть эту землю Московского государства, где они в течение такого длительного времени переносили жестокие испытания. Они даже приветствовали страну, которая была целью их устремлений и которая должна была стать местом их деятельности, а также новых страданий. Корабль плыл не так быстро, как бы им хотелось, и, едва проплыв сто миль, вынужден был остановиться посреди моря, так как подули встречные ветры. Перед глазами путешественников были только бескрайние морские просторы да огромный небесный свод. И вот, наконец, по окончании почти четвертой недели подул благоприятный ветер. Вновь отправились в путь, и в течение четырех дней плавание было вполне успешным. Затем армянские купцы заметили, что капитан не сдержал слова и вместо того, чтобы плыть в Дербент, который был ближайшим городом Персии, и где он по договоренности должен был высадить миссионеров, он направил свое судно к провинции Гилян. Наши отцы, предупрежденные купцами, поспешили обратиться к капитану с требованием выполнить обещанное, тем более что времени у них было очень мало, так как король Шах-Аббас находился как раз со своей армией в Дербенте, который он только что отвоевал вновь у ту-

рок ⁴¹. Капитан оставался равнодушным и к просьбам, и к угрозам, и, наконец, чтобы труднее было понять его намерения, он направил корабль в открытое море. Но ему не пришлось долго продолжать свой маневр. Внезапно поднялся сильный ветер, и волей-неволей корабль стало прибывать к берегу, после того как он с большой скоростью проплыл более двух сотен миль. Миссионеры удвоили свои просьбы, и, наконец, капитан уступил. Навстречу им с берега послали шлюпку, и наши отцы вместе со своими переводчиками и двумя армянскими купцами были доставлены до ближайшего берега. Было 27 сентября — праздник святых Козьмы и Демьяна ⁴².

ГЛАВА III

ЦАРИЦЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ В 1614—1695 гг.

Dit den Heere J. de Witt, N. V. van de Maatschappij
 Compagnie van Nederlandsche Oost-Indien
 Gode Amice M. DC. XVII.

План г. Царицына. 1697 г.

Царицынская крепость была вновь отстроена головой М. Соловцовым в 1614 г. сразу же после подавления восстания И.М. Заруцкого и завершения смуты в Нижнем Поволжье. Острог был поставлен на новом месте на высоком правом берегу Волги выше устья р. Царицы. Крепость была деревянной прямоугольной формы. Крутые берега Волги и Царицы, а также глубокие овраги у стен крепости образовывали естественный ров. Царицын по-прежнему был военно-административным центром. Внутри крепости располагались воеводская изба, церкви Иоанна Предтечи и Троицкая (при которых во второй половине XVII ст. образовались женский и мужской монастырьки), таможня, тюрьма, дома жителей. Администрацию города возглавлял воевода сначала в чине выборного дворянина, затем стольника и дьяк. Гарнизон крепости состоял из 200—300 стрельцов. Как в XVI в., в городе часто останавливались посольские и торговые караваны, было много «гулящих» людей. Стрельцы в свободное от службы время занимались мелкими промыслами. Денежное и хлебное жалование получали из России. Мясо покупали у степняков, но уже не у ногаев, а у изгнавших их из Нижнего Поволжья калмыков. Рыбу в изобилии давала Волга.

Вытеснение ногаев и крымцев из Нижнего Поволжья и Подонья донскими казаками и союзниками России калмыками привело к тому, что главной задачей царицынского гарнизона стала борьба с воровскими казаками и поддержание порядка на речных и степных путях. Гарнизон успешно справлялся с возложенными на него задачами до тех пор, пока главным объек-

Сарайский XVII в.

А	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я						
В	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я
Г	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	
Д	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я		
Е	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я			
Ж	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я				
З	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я					
И	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я						
К	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я							
Л	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я								
М	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я									
Н	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я										
О	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я											
П	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я												
Р	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я													
С	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я														
Т	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я															
У	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																
Ф	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																	
Х	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																		
Ц	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																			
Ч	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																				
Ш	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																					
Щ	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																						
Ъ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																							
Ы	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																								
Ь	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																									
Ю	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																										
Я	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																											
З	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																												
Ш	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																													
Щ	щ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																														
Ъ	ъ	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																															
Ы	ы	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																																
Ь	ь	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																																	
Ю	ю	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																																		
Я	я	з	ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я																																			

том нападения донских и запорожских казаков были Турция и Крым. Но стоило туркам перекрыть проходы в Азовское и Черное моря, как казаки во главе с братьями С. и Ф. Разиными через Волгу вышли на Каспий и обрушились на Персию. Благодаря давним связям с царицынскими стрельцами они не встретили никакого сопротивления со стороны гарнизона, наоборот, получили все необходимое как по пути в Персию, так и обратно. Смена царицынского воеводы и отправка в город отрядов правительственных войск не изменили ситуацию. Царицынцы на протяжении всего восстания С. Разина поддерживали бунтовщиков. Воевода был казнен, а правительственные отряды разбиты. Все это вынудило руководство страны в 80—90-е гг. XVII в. отремонтировать крепость и существенно укрепить его гарнизон.

☞————— Ф.А. Котов —————☞

ХОЖЕНИЕ В ПЕРСИЮ [1623]

<...> От Камышенки ¹ до Царицына 150 верст. Царицын стоит на высоком берегу, обнесен невысоким тыном с рублеными круглыми башнями. Над городом возвышается гора со стогами на ней. В нижней части города протекает небольшая речка, вроде ручья, по которой в лодке нельзя ехать. Вокруг города Царицына расстилается степь, а город стоит над Волгой. Дворы, базар и храмы — все в городе. Скот из страха перед татарским нападением пасут за оградой, построенной вокруг города. От Царицына идут на Дон полдня степью и выходят на Пять Изб ². На Дону все городки казачьи, в тех городках живут казаки с женами и детьми. Городки расположены вниз по Дону до Азова ³. Азов стоит на Дону в пяти верстах от Черного моря ⁴. <...>

Теперь возвратимся к описанию предстоящего пути. Выше города Царицына, в верстах двадцати, по луговой стороне Волги степью течет Ахтуба ⁵ и впадает в Каспийское море в шестидесяти верстах ниже Астраханского устья. На Ахтубе стоит Золотая Орда ⁶, в которой еще задолго до основания Астрахани ⁷ были построены царский дворец, палаты, дома и мечети — все каменные, а теперь все эти здания ломают и камень возят в Астрахань для различных каменных работ. От города Царицына до Астрахани пятьсот верст. Здесь на Волге много островов, места низкие, лесов совсем нет. <...>

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКОВИЮ [1636—1638]

<...> К полудню мы пришли к реке Болыклее ¹, отстоящей на 90 верст от вчерашней Камышинки ² и на 90 верст от следующего города Царицына. Пройдя еще 16 верст, мы миновали очень высокую песчаную гору Стрельну(ю) ³, и в конце ее, в 60 верстах по сю сторону от Царицына, имели наш ночлег.

5-го с. м. ⁴, едва лишь собравшись в путь, мы наткнулись на сушь, на которой было всего только 5¹/₂ фут. воды; поэтому пришлось тащить корабль в сторону, и он, наконец, с большим сотрясением перетащился. Тем временем караван ушел вперед до г. Царицына, где он должен был получить свежих стрельцов ⁵ для конвоя. К полудню он прибыл на место, откуда едва полперехода дневного до великого и известного Танаиса ⁶, или Дона, который на протяжении 7 миль течет рядом с Волгою к востоку. Еще немного ниже пришли мы к «Ахтубскому устью» ⁷, где Волга получает первое ответвление и с левого берега откидывает рукав в сторону суши; этот рукав течет сначала одну версту против реки к ВСВ ⁸, а затем направляется к ЮВ ⁹ и впадает в Каспийское море. Здесь высота полюса равнялась 48°51'.

В 5 верстах далее вглубь страны и в 7 верстах, от Царицына еще в настоящее время, нам говорят, сохранились развалины города, который жестокий изверг Тамерлан ¹⁰ построил из обожженных камней, воздвигнув в нем и большой увеселительный дворец; называется он Царевым-городом ¹¹. После того, как город этот был опустошен, русские увезли наибольшее количество камней в Астрахань ¹² и построили из них большую часть городских стен, церквей, монастырей и других зданий. Еще в наше время несколько лодок, нагруженных камнем, шли отсюда и направлялись в Астрахань.

Близ этой местности рыбак при помощи удочки рядом с нашим кораблем поймал белугу, длиною почти в 4 локтя, а обхватом в 1¹/₂ локтя; фигураю она почти похожа на осетра, только белее его и с большим ртом. Ее били, точно быка, большим молотом по голове (чтобы убить); она была продана за 1 талер ¹³.

6 сентября мы вновь встретили караван под Царицыном. Ехавшие с ним разбили на берегу свои палатки и ждали нового конвоя. Так как ветер был попутный, то мы проехали мимо них. Город Царицын считается в 350 верстах от Саратова ¹⁴; он лежит на правом берегу на холме; он невелик и имеет форму параллелограмма с 6 деревянными укреплениями и башнями. Живут в нем одни лишь стрельцы ¹⁵, которых здесь было 400; они должны были бдительно следить за татарами ¹⁶ и казаками ¹⁷ и служить конвоем для мимо едущих барж. Высота полюса здесь 48°23' (исправлено в конце книги: 49°42').

Отсюда вплоть до Астрахани и за нею до Каспийского моря местность пустынная, песчаная и непригодная для хлебопашества. Поэтому эти города, в том числе и Астрахань, должны выписывать свой хлеб с привозом вниз по Волге — в большинстве случаев из Казани ¹⁸. Несмотря на это обстоятельство, хлеб, привозимый вниз по реке, ввиду большого количества, в котором он доставляется, здесь гораздо дешевле, чем в самой Москве. Подобное явление часто происходит и в Голландии.

Сейчас же ниже Царицына лежит, с правой стороны, остров Сарпинский ¹⁹, длиною в 12 верст. На нем стрельцы пасут своих коров и иной скот. Незадолго до нашего прибытия сюда казаки, заметив, что жены и дочери стрельцов ежедневно, часто без стражи, переправлялись на остров доить коров, подстерегли их, схватили, натешились над ними и в остальном невредимыми отправили их обратно к стрельцам домой. <...>

24 сентября мы достигли города Царицына, находящегося в 200 верстах от предыдущего. 29 сентября, в Михайлов день, мы имели попутный ветер и шли против течения на парусах 40 верст. Некоторые из русских приписывали это обстоятельство именинам Великого Князя Михаила ²⁰. <...>

☞————— Ф. Ёлчин —————☞

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК [1639]

<...> На Царицын приехали июля в 28-й день. Отпущены с Царицына июля в 30-й день. <...>

☞————— П.А. Золотарев —————☞

ЗОЛОТАРЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ [1667—1670]

<...> В год 7175 (1667) мая в 7-й день, придя с Дона к Волге, переправился через Камышенку ¹ вор и изменник Стенька Разин ² с донскими казаками ³. Он остановил(ся) у урочища Шишкин Бугор и пограбил все насады ⁴, лодьи ⁵, пауски ⁶ и другие суда, которые шли в Астрахань ⁷ по Волге. В то же время плыл насад великого господина святейшего Патриарха Московского и всея Руси Иоасафа ⁸ и другие насады. Он же, злой и лукавый вор, разграбил тот патриарший насад

и патриарших дворян Алексея Золотарева⁹ с товарищами велел повесить на шогле¹⁰. С ними повесил и купца Василия Шорина¹¹, и приказчика его Федора Черемисинова. А все насады, снасти, струги¹², завозни¹³ и лодки велел разграбить, чтобы впредь ни вниз, ни вверх от него беглецов не было. А после того, как разграбил весь караван, поехал он вниз по Волге. И к Царицыну приехал и стал на Сарпинском острове¹⁴ делить всякое имущество. Воеводой¹⁵ же в то время был Андрей Унковский; и ничего он не успел предпринять, только отсиделся в Царицынской крепости, поскольку их, воров, было очень много¹⁶. А после того пошел вниз по Волге, а караван весь плыл за ним, потому что впереди себя ехать он никому не разрешил. <...>

А в 7178 (1670) г. апреля в 13-й день тот же вор Стенька Разин с товарищами, перезимовав на Дону и с Дона перейдя к Волге, около Царицынской крепости разорил многие улусы¹⁷ и скот угнал. И сговорившись с царицынскими стрельцами¹⁸, обманом вошел в город. Воеводу царицынского Петра Тургенева и многих других, кто не захотел быть с ними заодно, всех поубивали¹⁹. И мая в 24-й день, будучи в Царицыне, все верховые суды остановил; насады и струги, принадлежащие великому государю²⁰ и купцам, разграбили; многих людей поубивали. Посланный же из Москвы стрелецкий голова²¹ Иван Лопатин с московскими стрельцами опоздал в Царицын всего на два дня. Их разбили под Царицыном и казну великого государя отобрали²². Оставшихся в живых стрельцов он, вор Стенька Разин, заставил идти с собою к Астрахани на приступ. Весть о взятии Царицына ворами и изменниками Стенькой Разиным с товарищами дошла через татар в Астрахань к боярину²³ и воеводам князю Ивану Семеновичу Прозоровскому²⁴ с товарищами. И услышав это, князь Иван Семенович озаботился и приходил к преосвященному митрополиту Иосифу²⁵ держать совет, как бы им вотчину великого государя от такого вора оборонить и поскорее выслать против мятежников войско, чтобы его, Стеньку, не пустить в низовья Волги. И в тот же день послали воеводу стольника князя Семена Ивановича Львова и голову московских стрельцов Дмитрия Полуехтова с отрядом астраханских пеших и конных стрельцов и солдат. С верховьев же вниз по Волге в Астрахань никто не ездил до самого взятия Астрахани, как о том написано ниже.

А в 7178 (1670) г. ехал из Нижнего по Волге на легком струге промышленник государева учужного²⁶ Урукстобского промысла Павел Дубенской. И не доходя до Царицына семнадцати верст, выше Денежного острова, услышал он от беглецов, что вор Стенька с товарищами Царицын взяли и убили московского стрелецкого голову Ивана Лопатина со стрельцами. Тогда он переволок свой струг с Волги в реку Ахтубу²⁷ и приехал в Астрахань, и принес первую весть про взятие Царицына и про него, изменника Стеньку Разина с товарищами. Боярин и воеводы начали больше прежнего укрепляться в городе и

советоваться между собой, чтобы возвратить назад посланный отряд; но неизвестно почему отряд не возвратился.

А июня в 8-й день приезжали в Астрахань с Черного Яра²⁸ на конях астраханский сотник²⁹ Данило Дарлыков с черноморским стрельцом и принесли весть, что астраханские жители, конные и пешие стрельцы и солдаты, на Черном Яру изменили, перешли на сторону вора Стеньки Разина с товарищами, и всех голов, дворян и сотников поубивали. Живым оставили только стольника князя Семена Ивановича Пьвова, и того оставили в Черном Яру, а сами якобы хотят идти на Астрахань³⁰. <...>

☞————— Неизвестный автор —————☞

**СООБЩЕНИЕ
КАСАТЕЛЬНО ПОДРОБНОСТЕЙ МЯТЕЖА,
НЕДАВНО ПРОИЗВЕДЕННОГО В МОСКОВИИ
СТЕНЬКОЙ РАЗИНЫМ
[1670]**

<...> С реки Дона вместе с приверженными ему казаками¹ возвратился он² на Волгу и пошел на город Царицын, где сумел убедить жителей, что вот-вот придет войско великого государя и перебьет их всех, когда на самом деле то войско шло им на подмогу против Стеньки. Город сдался ему, и он, войдя туда, убил правителя города и перебил всех жителей, на его сторону не передавшихся³. После того он выступил из города навстречу государеву войску и разбил его, захватив и предав смерти командующего и многих других⁴. И еще взял он город Черный Яр⁵ и убил там правителя города, всех офицеров и много солдат московских⁶. <...>

После того Стенька пошел на город Царицын, а оттуда на Саратов⁷, и оба города сдались ему, правители их вместе со многими дворянами были преданы смерти, а казна разграблена⁸. <...>

☞————— Я.-Я. Стрейс —————☞

**ТРИ ПУТЕШЕСТВИЯ
[1669—1670]**

<...> 17-го¹ нас задержал сильный ветер, а 18-го мы прибыли в Царицын (Czaritza), расположенный на холме на правом берегу. Он невелик, но

хорошо укреплен и окружен шестью добрыми башнями ², в которых всегда находится засада стрельцов ³, зорко следящих за татарами ⁴ и казаками ⁵.

19-го мы миновали развалины города Царева (Czarefgorod) ⁶, построенного из обожженных кирпичей и совершенно уничтоженного бешеным Тамерланом ⁷. Сохранившиеся стены и другие остатки были большей частью увезены в Астрахань ⁸ и употреблены на постройку стен, церквей, башен и монастырей.

19 августа мы прошли много мелей и наконец сели с поднятыми парусами на песчаную отмель, и нам стоило большого труда и усилий сдвинуться с места, что нам счастливо удалось сделать по прошествии нескольких часов. В тех краях до самой Астрахани растет в изобилии сладкий корень лакрица, и земля до самого Каспийского моря пустынна, песчанна и неудобна для обработки. <...>

Затем 10 апреля по приказу господина Петровского (Petrofsky) ⁹ был послан под команду господина начальника Леонтия Богданова (Levonti Bogdanof) ¹⁰ отряд из восьмисот человек — из них четыреста русских всадников и четыреста ногайских ¹¹ татар — в город Царицын, лежащий на расстоянии около восьмидесяти миль от Астрахани, с тем чтобы доставить туда боевое снаряжение и съестные припасы и дать подкрепление людьми городу, который расположен в сторону реки Дона, или Танаиса ¹², где находятся поселения казаков. В старину думали, что река эта впадает в Волгу, но мы сами убедились в том, что это не так. У казаков весьма плохие судна из выдолбленных стволов, которые они перевозят в течение одного дня по суше и спускают на Волгу, где, для того, чтобы сделать суда больше и устойчивее, они привязывают к ним с обеих сторон тяжелые балки.

28 апреля через пленного казака было получено от помянутого Богданова достоверное известие о том, что город Царицын взят казаками и что там убито и брошено в реку 1 200 московских солдат ¹³. Эти погибшие незадолго до того были присланы в означенный город для его охраны. Тогда же узнали, что в татарских войсках возникли раздоры, и они стали убивать друг друга, после чего господин Леонтий Богданов отступил и отошел на Чернояр-город ¹⁴, лежащий в пятидесяти милях от Астрахани. Взятый в плен казака мучили таким ужасным образом, что самый жестокий и яростный русский сожалел о его муках. Когда его царское величество ¹⁵ было уведомлено о поведении и тирании Стеньки Разина ¹⁶, то было от него повелено тотчас приготовить все суда, какие только можно достать, над чем работали день и ночь, и через несколько дней снарядили сорок. На каждом была чугунная пушка с необходимым боевым снаряжением при ней. На них было посажено 2 600 русских и 500 астраханских солдат под командованием и начальством князя Симеона Ивановича Львова (Knees Simeun Ivanowitz Elbof). Войско состояло из одного полка русских солдат, стоявшего в Астрахани, под командой поляка, однако, крещенного в русскую веру, по имени Иван Ружинский (Ivan Rusinsky); при нем старшим офицером был Якоб Виндронг (Jacob Windrong), шотландский дворянин. Немецкие офицеры были Пауль Ру-

дольф (Paul Rudolph), капитан и фейерверкер, Роберт Гейт (Robbert Heut), английский капитан, и также лейтенант капитана Давида Бутлера¹⁷ Николай Шак, два немецких лейтенанта и два немецких прапорщика, крещенных в русскую веру. Другие были поляки и русские.

25 мая, в Троицын день¹⁸, помянутый флот вышел из Астрахани, и замученный до полусмерти казак был повешен при прощании на виду у всего флота. Тем временем долго скрытое пламя восстания разбросало во многих местах свои искры: раздавались бранные слова и безрассудные речи о наместнике, говорили ему и высшему начальству прямо в лицо все, что только приходило на ум. Было бы неблагоприятно затыкать рот насильно, и все только ждали возвращения и победы господина Симеона Ивановича, от которого каждый день надеялись получить весть о счастливой встрече с врагом. В то же время гарнизон города сильно уменьшился и ослаб, напротив, простой народ возрос в числе и совсем обезумел. Но в то время, когда ожидали спасения и избавления от руки Симеона Ивановича, 4 июня было получено достоверное известие от одного бежавшего дворянина о том, что город Чернойр взят бунтовщиками — казаками в тот самый день, когда князь Львов подошел к нему, что наместник, дворянство, начальство и состоятельные люди перебиты и брошены в Волгу. Кроме того, солдаты флота князя Львова позорным образом убили своих офицеров, объявили, что они за казаков и передали суда в руки Стеньки Разина, не иначе как заранее в том столковавшись. Невзирая на то, что они незадолго до прибытия в Чернойр поклялись в верности до гроба своему начальству, они все-таки изменили, одержимые каким-то злым духом¹⁹. Можно легко себе представить, как понравилось это известие господину Прозоровскому. В то же время слух этот привел простой народ в такую гордость и неистовство, что он без всякого страха открыто проклинал, поносил и оскорблял наместника и даже плевал в лицо начальству со словами: «Пусть только все повернется, и мы начнем», — и т. д. И я видел многих высоких господ, которые прежде не замечали этих людей, а теперь испуганно уходили со слезами на глазах. <...>

**КОПИЯ С ПИСЬМА,
ПИСАННОГО В ГОРОДЕ ИСФАГАНЕ
6 МАРТА 1671 г.,
С ОПИСАНИЕМ ВЗЯТИЯ АСТРАХАНИ
[1670]**

<...> Чтобы сообщить вкратце обо всем, начну с того, что 1 марта 1670 г. был получен приказ из Москвы от его царского величества ¹, чтобы все моряки отправились в Москву, чему мы несколько не огорчились. Я сказал господину, что хочу согласно приказу отправиться в Москву; тогда он повелел снабдить корабль необходимым военным снаряжением и съестными припасами, а также приготовить удобное судно, которое можно было бы в крайнем случае пустить против казаков ², что и произошло, и мы были заняты этим до апреля, и судно было спущено на воду в том же месяце: то была большая лодка с восемью пушками и 26 веслами на каждой стороне, весьма удобное судно для Астрахани ³. Но если надо правдиво и вкратце рассказать о взятии Астрахани и поведать, каким образом все произошло, то эти все события (Боже милосердный!) произошли следующим образом. Разбойник и предводитель был Стенька Разин ⁴, и в марте пришло известие, что казаки восстали.

10 апреля по приказу господина губернатора ⁵ было собрано под командой господина гофмейстера Леонтия Богданова (Levont Boogdanof) ⁶ 800 человек, из них 400 русских всадников и 400 ногайских татар ⁷, и они выступили по направлению к городу Царицыну, лежащему приблизительно в 80 милях от Астрахани. Этот город лежит недалеко от реки Дона, или Танаиса ⁸, местности, где издавна живут казаки. Река не впадает в Волгу, как полагают некоторые, но казаки тащат до Волги свои суда, которые сделаны из выдолбленного дерева, целый день по суше. После того как они их доставляют туда, они привязывают для устойчивости на обе стороны тяжелые балки. Казаки говорят по-русски и исповедуют ту же веру, и великий князь предоставил им в их краях такую свободу (как в Голландии Кейленбург и Вианен) ⁹, что там терпят и не стесняют плутов и воров, бежавших из России.

С 27-го по 28-е мы получили с пленным казаком известие от упомянутого Богданова, что бунтовщики заняли город Царицын (Tzanitza) и 1 200 московских солдат большей частью перебито или утоплено ¹⁰. Слишком долго рассказывать, каким путем и какой хитростью был взят врасплох этот город. Означенные 1 200 человек незадолго до этого были присланы из Москвы в гарнизон этого города. Вместе с тем мы узнали также, что среди луговых татар начались раздоры, и они убивали друг друга, как благородных, так и простых. Получив это известие, Богданов

отступил и отошел в город Чернояр ¹¹, лежащий приблизительно в пятидесяти милях от Астрахани. Пленного казака подвергли пыткам и до того замучили, что он у всех вызывал сострадание. В Астрахани тем временем было снаряжено и приведено в порядок судно, над окончанием которого работали день и ночь. На нем должен был один из трех главных господ повести в город полк русских солдат к Богданову, с тем чтобы подкрепить войско. Тот полк был в астраханском гарнизоне под начальством Ивана Ружинского, польского дворянина, крещенного в русскую веру; старшим лейтенантом полка был Яков Виндронг, шотландский дворянин, рожденный в Эдинбурге, весьма набожный человек в возрасте 33 лет; он вместе с 500 солдатами был откомандирован от полка, и ему было приказано быть наготове и выступить вместе с господином. Немецкие офицеры были: Пауль Рудольф, капитан и фейерверкер, со своим пасынком юношей Людовиком Фабрициусом ¹², еще один английский капитан по имени Роберт Гейн, мой лейтенант Николас Шак, произведенный в полковники, и еще два немецких лейтенанта, крещенных в русскую веру, и два или три прапорщика; остальные офицеры были поляки и русские. Начальство вместе с князем Семеном Ивановичем Львовым (Lboof) выехало в Троицын ¹³ понедельник 25 мая на сорока русских судах, снаряженных 50 полевыми орудиями, вместе с надлежащей амуницией и примерно 2 600 солдат. Прочие, кроме 500 человек, были большей частью астраханскими солдатами, которых разделили и везли отдельно.

В тот же день на виду у всей армии повесили подвергнутого пыткам казака. Между тем жители Астрахани стали безбоязненно роптать и вели одни только бунтовские и мятежные речи против губернатора, что было недобрый знаком. В ту пору в город прибыл немецкий хирург, бывший в Персии, с послом великого князя, у которого я купил некоторые шелковые ткани или материи и 480 штук турецкой кожи и тотчас же расплатился наличными. В городе между тем все сильнее подымался ропот, и он увеличивался со дня на день.

4 июня прибыл дворянин из города Чернояра с весьма плохим известием; именно, что в тот день, когда князь Семен Иванович прибыл со своими людьми, показались казаки, и русские войска тотчас же возмутились и объявили о переходе на сторону казаков, и этот дворянин с большим трудом избежал петли ¹⁴. От него мы узнали также, что все благонамеренные и верные офицеры были позорно умерщвлены ослушниками. Это неожиданное известие нагнало немалый страх на город. Меня тотчас же вызвали к губернатору, который спросил меня, умеют ли наши моряки управлять орудиями, приказав немедленно поставить пушки на валу вокруг всего города, чтобы все необходимое для обороны было в исправности, что не замедлили привести в исполнение. <...>

ЗАПИСКИ [1670]

<...> В это время у Стеньки ¹ была прекрасная возможность ознакомиться с состоянием Астрахани ² и разведать, что думает простонародье. Он сулил вскоре освободить всех от ярма и рабства боярского, к чему простолюдины охотно прислушивались, заверяя его, что все они не пожалеют сил, чтобы прийти к нему на помощь, только бы он начал.

После этого он со своей братией пошел на веслах вверх по реке до Царицына. Оттуда он дошел за один день до Паншина, городка на Дону ³. Здесь он сразу же начал тайком привлекать к себе простых людей, одаривая их деньгами и обещая им большие богатства, если они будут с ним заодно и помогут ему истребить изменников-бояр ⁴.

Так продолжалось всю зиму, пока он не собрал к весне около 4 или 5 тысяч человек. С ними он подошел к городу Царицыну и сразу же потребовал, чтобы ему открыли ворота города. Подлые канальи сразу же согласились. Правитель города спасся было, укрывшись в башне, но вскоре вынужден был сдаться, так как он был один и покинут всеми. Стенька тут же велел повесить несчастного правителя и прикончить всех царских начальных и торговых людей, кого только удалось найти, а все их имущество отдать на разграбление этим канальям ⁵.

Затем Стенька стал снова снаряжаться. По всему понизовью и в городах земледелием не занимаются, а получают все потребное зерно из Нижнего Новгорода ⁶ и Казани ⁷, причем все везется оттуда вниз по Волге на больших баржах, которые называются насадами (nasadi) ⁸, и, таким образом, все, что везут в Астрахань, идет мимо Царицына. Это прекрасно учел Стенька Разин. Он занял все течение Волги, так что ничто не смогло попасть в Астрахань. Тут он захватил несколько сот купцов и их товары, дорогие и превосходные по качеству, как-то: всевозможные тончайшие льняные ткани, сукна, канаты, соболя, юфть ⁹, дукаты ¹⁰, рейхсталеры ¹¹, много тысяч рублей русскими деньгами и всякие иные товары, поскольку эти люди вели большую торговлю с персами, бухарцами, узбеками и татарами.

Тем временем из Москвы было послано четыре приказа (Prekasen), то есть полка стрельцов ¹², чтобы усмирить этих разбойников; но они приплыли на больших стругах (Strusen) ¹³, к воде были непривычны, и их разбили наголову. При этом Стенька Разин получил большое количество амуниции, артиллерийских орудий и всего, в чем у него была нужда ¹⁴.

Одновременно с тем, как упомянутые выше стрельцы были отправлены из Москвы, из Астрахани выступило около 5 000 человек по реке и по суше, чтобы таким образом зажать Стеньку Разина в тиски. Но, расправившись с предыдущими, он оказался в выгодном положении, и так как его хорошо осведомляли о нас, он вышел из

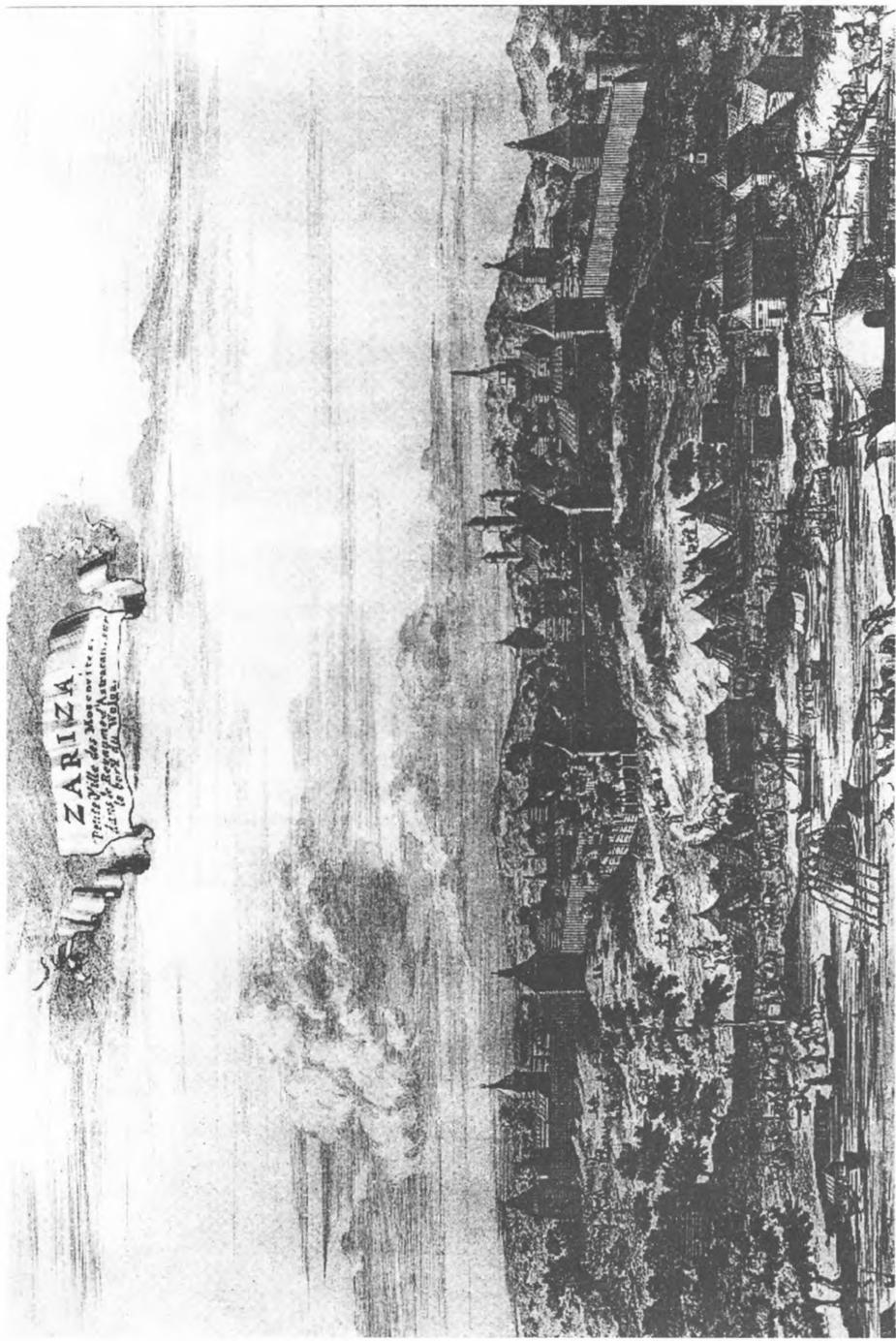
Царицына и на полпути встретился с нами у Черного Яра ¹⁵, появившись перед нами прежде, чем мы могли ожидать этого или получить какие-либо сведения о нем. Мы уже несколько дней стояли в Черном Яре и выслали по реке и по берегу разъезды, но не смогли получить достоверных сведений. 10 июля собирался военный совет, на котором было решено выступить и искать встречи со Стенькой. 11 июля в 8 часов утра примчался наш дозор и поднял тревогу, так как казаки преследовали их по пятам ¹⁶. <...>

Зенги Камбен — персидский посол в России
в начале XVII в.

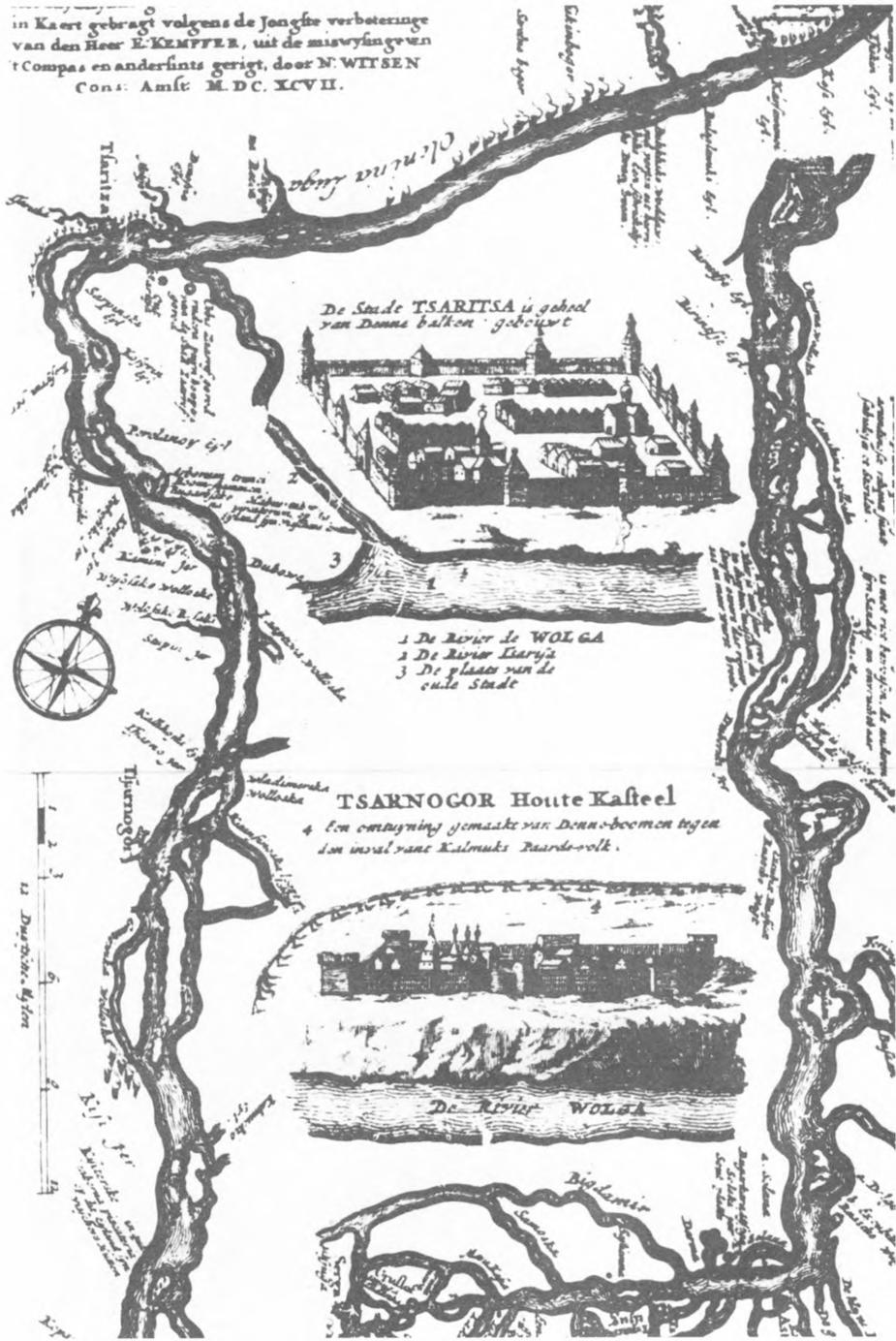

Отец Поль Симон — один из членов миссии
монахов-кармелитов в Персию

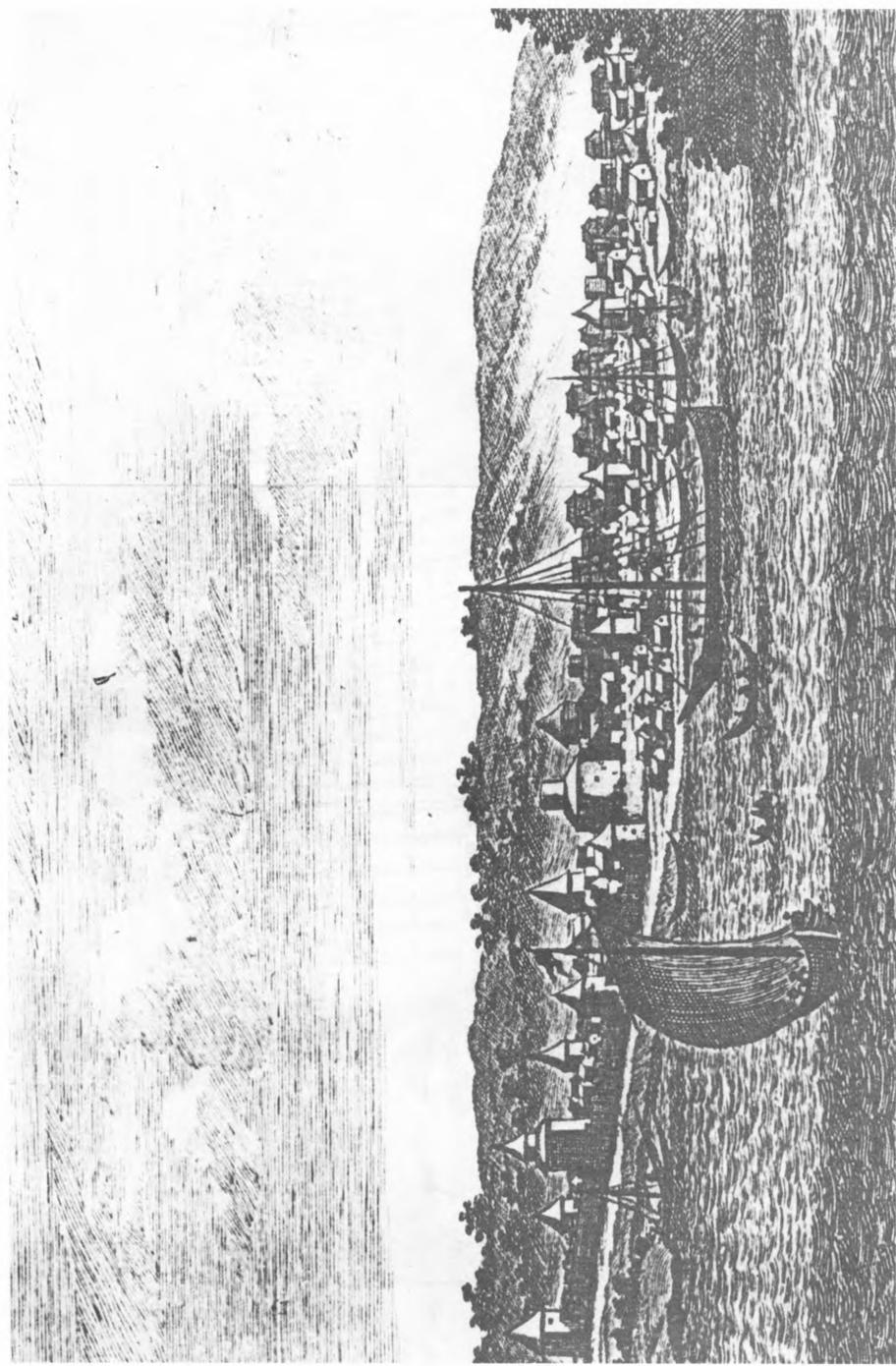

Вид г. Царицына. Первая половина XVIII в.
Из записок А. Олсария

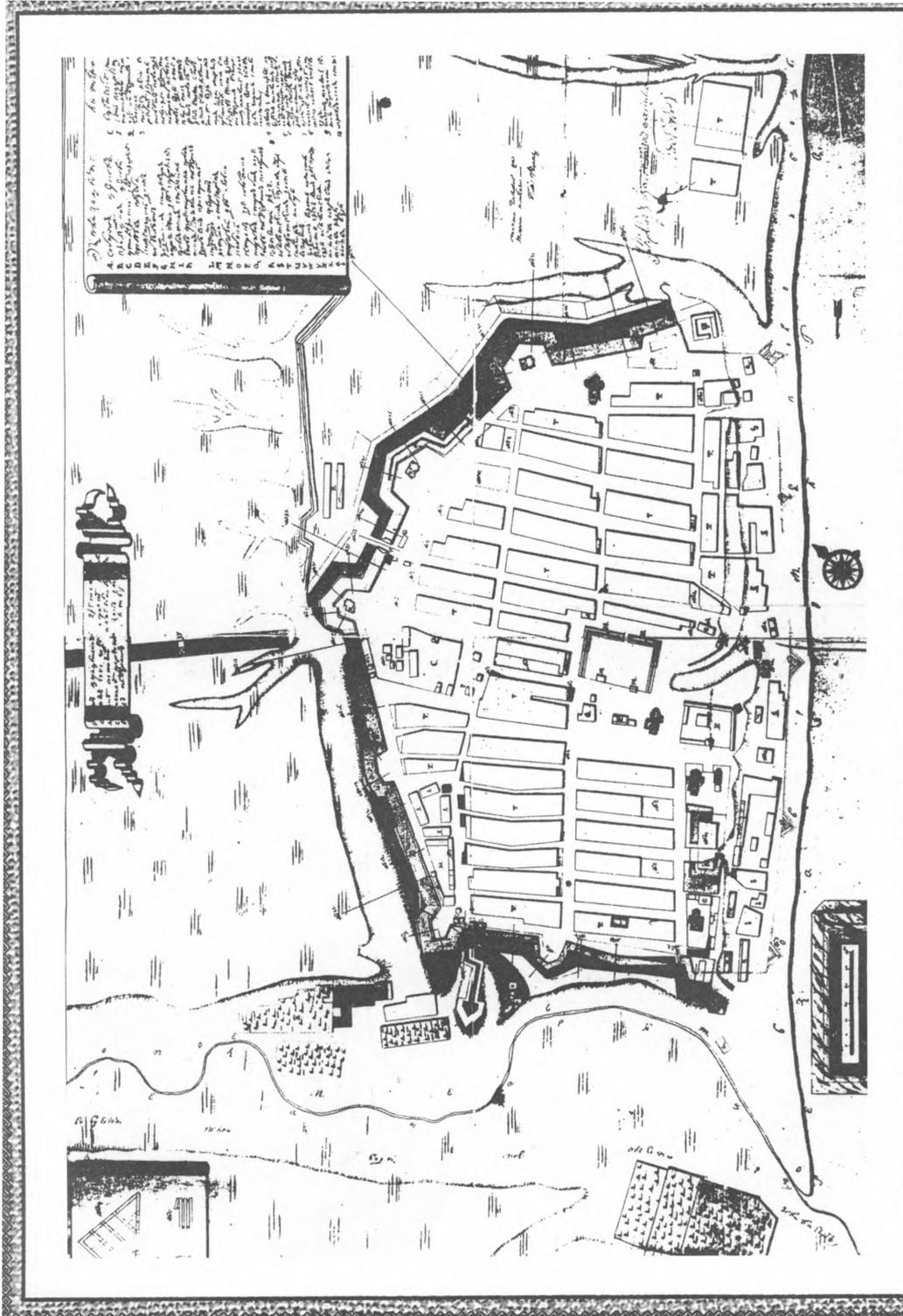
in Kaert gebracht volgens de Jongste verbeteringe
 van den Heer E. KEMPFER, uit de miswyfingen
 't Compas en anderlints gerigt, door N. WITSEN
 Cons: Amst. M. DC. XCVII.

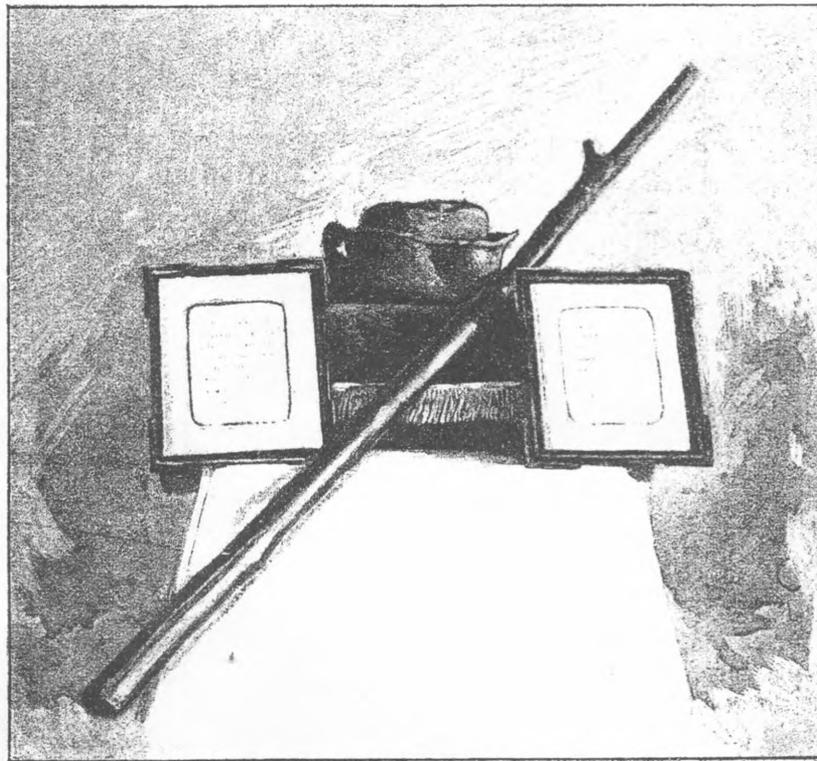
План г. Царицына. 1697 г.
 Из записок Н. К. Витсена.

Вид г. Царыцына. 1703 г.
Из записок К. де Бруйна

План Царицынской крепости. 1751 г.

Картузь и трость Петра Великаго.

Петровские реликвии в Царицыне

И.И. Лепехин

С. Г. Гмелин

D. PETER SIMON
PALLAS.

П. С. Паллас

П. С. Палласа,
Доктора Медицины, Профессора Натуральной
исторіи и члена Россійской Императорской Ака-
деміи Наукъ, и Санктпетербургскаго Вольнаго
Экономическаго Общества, также Римской Импе-
раторской Академіи изящныхъ искусствъ и
Королевскаго Аглннскаго ученаго собранія,

ПУТЕШЕСТВІЕ
по
разнымъ провинціямъ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Часть первая.

Цена 3 руб. 50 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ
при Императорской Академіи Наукъ 1773 года.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ ПЕРВОГО ТОМА СОЧИНЕНІЯ
П. С. Палласа

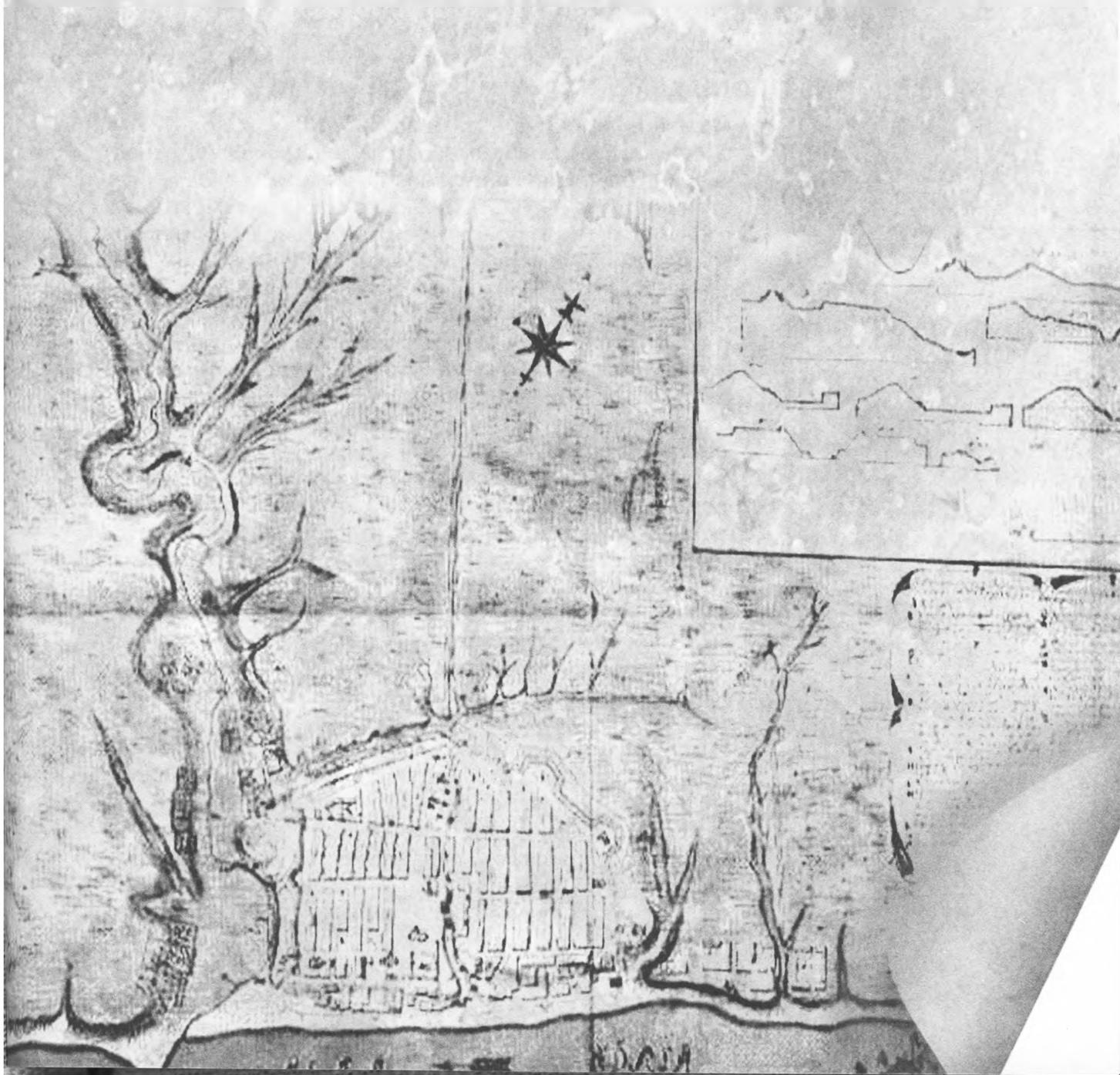

Церковь Иоанна Предтечи

ГЛАВА IV

ЦАРИЦЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ

В 1695—1799 гг.

В конце XVII в., после взятия русскими войсками Азова, военное значение Царицына снизилось. Казалось, что возникла реальная перспектива превращения крепости в город. Однако основные силы и средства Петр Великий направил на строительство волго-донского канала у Камышинской крепости, которая должна была стать крупным торгово-промышленным центром на юге страны. Царицын же развивался без какой-либо государственной поддержки со стороны государства. К тому же вскоре вспыхнуло восстание донских казаков под предводительством К. Булавина. Царицын и Камышин несколько месяцев были в руках бунтовщиков. Затем в 1711 г. туркам удалось отвоевать у России Азов. Участвовавшие набеги ногаев и крымцев, которых наводили на Русь казаки — некрасовцы, вынудили руководство страны построить между Доном и Волгой Царицынскую сторожевую линию. Царицынская крепость была расширена и существенно укреплена. На востоке был построен форштадт, на территории которого стала вестись новая застройка. Военное значение Царицына резко возросло в ущерб развитию торговли и промыслам. Первые постройки вне стен крепости появились только в 40—50-х гг. XVIII в. Тем временем защищенные Царицынской сторожевой линией Камышин, Дубовка стали быстро обрастать посадками и превращаться из чисто военных поселений в города. Неслучайно «мужицкий царь» Е. Пугачев во время своего похода на Нижнюю Волгу без труда занял Камышин и Дубовку, но не смог овладеть Царицыном, гарнизон которого оказал бунтовщикам упорное сопротивление.

Свердловск, первая половина XVIII в.

А	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я	ѣ	ѐ	ѡ	Ѣ	Ѥ	Ѧ	Ѩ	Ѭ	Ѯ	Ѱ	Ѳ	Ѵ	Ѷ	Ѹ	Ѻ	Ѽ	Ѿ	Ѣ	Ѥ	Ѧ	Ѩ	Ѭ	Ѯ	Ѱ	Ѳ	Ѵ	Ѷ	Ѹ	Ѻ	Ѽ	Ѿ
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

В конце XVIII в., вследствие присоединения Северного Причерноморья к России, Царицынская сторожевая линия была упразднена, а Царицынская крепость оказалась в глубоком тылу с весьма сомнительными перспективами превращения из военного поселения в город. Царицын сильно уступал в своем развитии городу Камышину и посаду Дубовке.

ЖУРНАЛ
(поденная записка)
АЗОВСКОГО ПОХОДА ПЕТРА I
[1695 г.]

<...> В седьмом часу дни проплыли реку Камышенку¹ и место, где бывал город Камышенок², который разорил Стенка Разин, а та речка впала с правой стороны, против той речки остров Камышенской³.

В девятом часу дни в полы прошли Шишкин бугор, против того бугра Шишкин остров. В начале десятого часу дни прошли две речки, называютца две Сестреницы и шли в путь подле Каравайных гор и прошли Козей бугор. Супротив того бугра Козей остров. В исходе 11-го часу прошли Антипинские протоки на правой стороне. В 12-м часу в полы прошли Каравайной остров, в начале 16-го часу прошли реку Большклею⁴, впала с правой стороны, а от той реки пошли возле Стрелных гор. В пятом часу ночи проехали Стрелной бугор. В первой четверти того же часу проплыли Стрелной остров, в шестом часу ночи в полы стали на якоре для великой погоды против Оленья луки.

Июня в 6-й день в третьем часу дни вынули якорь и прошли Вислую Дубровку в четвертом часу. В полы восмова часу дни прошли речку Пичугу, в том же часу в последней четверти прошли Пичугин остров. В исходе 13-го часу прошли две речки, называютца Мечетныя. В исходе 14-го часу прошли остров Денежной. В 15-м часу приехали к городу Царицыну. А караван збирается.

Июня в 7-й день стояли у города Царицына. День был тих и ночь також. И караван собрался. Июня в 8-й день стоял караван весь у города, день был тих.

Июня в 9-й день стоял караван весь у города. День и ночь гораздо было тепло.

Июня в 10-й день перебрались с сутов на возы сухим путем и в обоз все вышли и начали в степи, недалеко отошед от города версты с две.

Июня в 11-й день поутру рано пошли от свойское (?) в путь. Начавши и пришли речку прозвания Мечетна от Царицына семь верст и от той речки отъехали с версту, и ночевал обоз.

Июня в 12-й день поутру рано поднялся весь обоз и пошел в путь и перешли половину пути от Царицына и начавали у речки Паншинки, урочище Крачи, а пришли к той речке в 1-м часу ночи. Июня в 13-й день, в 9-м часу в полночь в поли тое реку и урочище Крачи перешли и пошли в путь все войско. В 1 часу ночи перешли тое ж Паншинку речку, промеж их мерою сказывали верст 12, недошед Паншина верст шесть и перешед ея, начавали...».

ЗАПИСКИ [1697]

<...> А боярин князь Борис Алексеевич Голицын ¹ ходил водою и был в Понизовых городех ². И на Царицыне хотели перекопывать реку ³, а посошных ⁴ людей было всех городов 35 000. И ничево они не сделали — все простояли напрасно. И боярин Борис Алексеевич был у Оки. <...>

А на Царицыне бит кнутом нещадно Иван Петров, сын Бортенев ⁵ за то, что брал взятки, также брал женок и девок на постелю. <...>

СОСТОЯНИЕ РОССИИ ПРИ НЫНЕШНЕМ ЦАРЕ [1699—1701]

<...> Теперь буду я говорить о другом народе, кабанских татарах (Caban Tartars) ¹. Они сильного сложения, весьма пропорциональны. Волосы у них черные, цвет лица смуглый, как и у всех прочих татар; они обитают на западе от реки Волги по северо-восточному берегу Черного моря, в области, находящейся между этим морем и Каспийским. Из этой местности они делают постоянные набеги на пограничные русские земли, грабят и жгут селения и нередко уводят с собою рогатый скот, овец, лошадей и даже людей. По этой причине широкая полоса земли на западной стороне Волги, между городом Саратовом ² и Каспийским морем, почти вовсе не населена, за исключением островов около Астрахани ³. В городах Камышинке ⁴, Царице, Ишорнике ⁵ и Терки ⁶ (Camishinka, Czaritza, Ischornico and Terki), отстоящих друг от друга на 150, 160 и 200 миль, содержится сильная охранная стража, всегда готовая взяться за оружие в случае тревоги. По причине этих набегов со стороны вышеназванных татар русские в этом крае не пашут и не сеют (хотя почва чрезвычайно плодородна); рожь для продовольствия привозится вниз по реке Волге, и те же суда возвращаются вверх по течению, нагруженные рыбою, солью и пр. Предметы эти вывозятся в таком количестве, что большая часть России пользуется запасами, вывезенными из местечка, отстоящего миль за тридцать от Камышинки. Из Астрахани суда на возвратном пути ежегодно привозят богатые персидские и армянские товары, шелковые, бумажные и льняные ткани. <...>

В полосе, находящейся между Камышинкой и Терки, климат отличный, почва плодородная, и страна эта весьма приятна для жизни. Весною, как только сойдет снег (который в этой местности покрывает землю

не более как в течение двух, трех месяцев в году), то непосредственно за тем наступает теплая погода; тюльпаны, розы, ландыши, гвоздика и многие другие цветы и травы в большом разнообразии вырастают в поле, как в саду. Спаржа лучшая, какую мне случалось есть, растет так густо, что во многих местах можно было бы косить ее; простая луговая трава столь высока, что доходит по брюхо лошадям; миндалевые и вишневые деревья растут в большом количестве, но они редко бывают высоки и плоды на них не крупные. Осенью созревают разные хлебные зерна и овощи, которые при обработке земли могли бы быть весьма улучшены. В этих местах большое разнообразие птиц всякой дичи; водятся также рыжие небольшие олени, лоси, волки, кабаны, дикие лошади и дикие овцы. Мне привелось есть мясо дикой овцы, которая, преследуемая волком, была захвачена рыбаком, случившимся в это время в лодке своей на реке Волге; мясо это нежнее и вкуснее обыкновенной баранины; шерсть же этой овцы была очень короткая и такая жесткая, что ни на какое употребление не могла быть годною. Что же касается до кож диких лошадей, то они покрыты теплым мехом и обыкновенно продаются в Москве для того, чтобы подбивать ими полости на простых санях.

Не могу не упомянуть еще об одной подробности. Так как край этот не населен, то густая трава, покрывающая землю, никогда не бывает скошена, не съедена скотом; она растет и сохнет на стебле. Русские, или татары, которым случается путешествовать по этому пустынному краю, останавливаясь на пути, чтоб кормить лошадей, обыкновенно разводят огонь, для приготовления себе пищи, а в холодное время они ложатся вокруг костра, чтоб греться и спать, для чего подкладывают под себя, вместо постели, кусок войлока, который вместе с тем служит потником во время езды, покрываются же они плащом из подобного же войлока, а под голову подкладывают седло. Это обыкновенный способ отдыха в переездах с места на место, длящихся иногда по несколько дней сряду. Во время этих привалов, иногда умышленно, иногда нечаянно, загорается сухая трава, и пожар распространяется с великой яростью. Ночью он виден издали, отражаясь ярким светом на темных тучах. Днем же бывает заметен по густому облаку дыма, который дает путникам возможность избегать тех мест, где свирепствует пожар. Нередко огонь распространяется одновременно во все стороны, не останавливаясь до тех пор, пока не дойдет до какой-нибудь реки или болотного леса; кустарники и трава, находящиеся по пути, делаются жертвою огня, способного распространиться на 20 и 40 миль. Пожары эти случаются часто и на восточной стороне Волги, и во многих других местностях, которые русские называют степью; преимущественно же на западной стороне реки Дона, по направлению от Воронежа⁷ до Азова⁸, в земле, граничащей с крымскими татарами⁹. Пожары эти всего более свирепствуют весной, когда из под снега показывается засохшая, прошлогодняя трава, способная легко загореться.

В расстоянии 40 верст от вышеозначенного города Царицы (Czaritsa), что на русском наречии означает королева, под 48°20' сев. шир. стоят

развалины большого города, называемого Царев Город (Czaroff gorod); развалины эти, остатки древней столицы Скифского царя, находятся в очень красивой местности ¹⁰.

Весьма достойно сожаления, что такая прекрасная и богатая страна, находящаяся на берегах великой реки Волги, которая более всех рек в мире изобилует рыбою и в которую впадает множество малых рек (не означенных на карте), находится в настоящее время в таком запустении и лишена всякого населения, тогда как самоеды ¹¹, о которых было говорено выше, проводят дни свои в злополучной нищете, и даже многие из русских северных жителей, за недостатком солнца, без которого не может созреть жатва, принуждены печь хлеб с примесью соломы и разных корней от полевых злаков. <...>

☞————— К. де Бруин —————☞

ПУТѢШЕСТВІЕ ЧЕРЕЗ МОСКОВІЮ [1703—1707]

<...> Погода продолжала быть дурной и холодной до 8 часов вечера, когда ветер стих и изменился в благоприятный для нас. Мы тотчас подняли парус и в 2 часа ночи прибыли к Царицыну (Zaritsa), где стояли до утра 18-го числа, когда, с восходом солнца, пустились продолжать путь наш. Город Царицын построен на невысокой горе, объемом невелик и, как мне показалось, расположен четырехугольником и обнесен деревянною стеной, снабженной башнями. Предмѣстье его раскинуто по берегу реки и частью вокруг города. Главная церковь каменная, но недостроенная еще; остальные церкви деревянные и едва видны ¹. <...> Лежит город под 48°, 23', в 350 верстах от Саратова ². Отсюда вплоть до Астрахани ³ в лесах растет солодовый корень, ствол которого бывает вышиною от 3 до 4 футов. Продвинувшись несколько вперед, встретили мы остров Сарпинский (Serpinske) ⁴, имеющий в длину 12 верст и находящийся с правой стороны, поблизости к нам. Позади этого острова идет речка от Дона и впадает в Волгу, которая, как говорят, не в состоянии, впрочем, поднять барки ⁵. Русские называют ее, подобно острову, Сарпинкой (Сарпой) ⁶. Затем горы стали уходить из наших глаз, а равнина показываться с деревьями тоже и с левой стороны. В 10 часов мы были уже в 60 верстах за Царицыном, и тут повеяло с севера приятным ветром, мы же подавались более и более к северу, через час встретили опять два острова с правой стороны, а затем миновали еще множество островов. <...>

16-го числа прибыли мы в город Царицын (Zaritsa), где вновь воздвигнута церковь из белого камня, равно как построен вновь, хотя не вполне и самый город, сгоревший дотла в прошлом году ⁷. Мы простояли у Царицына и следующий день, для перемены матросов. Накануне

туда прибыл из Саратова (Saratof) один струг⁸, ограбленный русскими казаками⁹, и люди, бывшие на нем, сообщили нам, что вся река была полна этими разбойниками, которые сотнями разъезжали на маленьких лодках. По этому случаю я предложил г-ну посланнику¹⁰ попросить у губернатора¹¹ провожатых, в которых он, конечно, не откажет, если только сделать ему какой-нибудь подарок, потому что без денег в этой стране не получишь ничего. Но он не обратил внимания на совет мой, несмотря на то, что я предложил ему и сам участвовать в сказанном подарке. Между тем хозяева двух сторонних стругов, плывшие также, как и мы, в Саратов, пришли и заявили нам, что для большей безопасности они желали бы плыть вместе с нами, имея на то дозволение губернатора. Третий такой же струг, уже отплывший было вперед, сел на мель, но скоро его сдвинули опять на воду, и когда просушили бывшие на нем товары, то струг присоединился к нам и пошел далее с нами, как и два первые струга <...>

☯ ————— Тү Ли-Шень ————— ☯

ПУТЕШЕСТВИЕ КИТАЙСКОГО ПОСЛАНИКА К КАЛМЫЦКОМУ ЛЮКЕ ХАНУ [1712—1714]

<...> От российского пограничного города Саратова¹ на востокопобережье² сплошь чистая степь, с запада и севера обняла река Волга, на восточной стороне — река *Дзай*³, а на западной — озеро *Тенгис*⁴; Волга и Дзай падают в Тенгис, имея течения свои к полуденной стороне; по берегам Волги-реки растет дуб, осина, верба и тростник. Название урочищу⁵ тому, в котором Аюка⁶ хан живет, *Манутохай*. Между Саратовом и Манутохаем есть реки *Тарлухубань*⁷, *Тархунь*⁸, *Улусутунь*⁹, кои все текут на запад и вошли в Волгу. У берегов Тенгиса и Волги растут белые и желтые сверх воды цветы, трава осока, и другая подобна ей. На стороне Волги вниз по берегу, начав от Саратова до озера Тенгиса есть русские города и слободы, коих названия *Сира Камуси*¹⁰, *Царицын*, *Краснояр*¹¹, *Чернойяр*¹², *Астрахань*¹³ и от коих на западной стороне до самого *Мануто Хая* сплошь долгой хребет, за хребтом, в расстоянии ста верст не с большим живет народ *мангут*, *амнако хобан*¹⁴ называемый, который состоит в подданстве тургуцкого *Кунгар хана*. Сей народ частые набеги чинит на тургутов¹⁵ и на русских. О пространстве Аюки хановой земли сказывают, что езды в долготу от востока к западу на 30, а в ширину от севера к полудню на 20 дней. <...>

ПУТЕШЕСТВИЯ ЧЕРЕЗ РОССИЮ В РАЗНЫЕ АЗИАТСКИЕ ЗЕМЛИ [1716—1722]

<...> Из Саратова¹ выехали мы 1 июля, и проехали 2, 7 и 9 чисел города Камышинку, или Дмитриевск², Царицын и Черный Яр³; все три лежат на западном берегу и так же укреплены, как Саратов. В первом нашли мы капитана Перри⁴, родом англичанина, со множеством работников, прокапывающих ров между Волгою и Доном, чрез что учинилось бы сообщение с Черным морем; но как земля была очень жестка и неровна, то оставили сию работу, хотя расстояние не более как на пятьдесят верст простиралось. <...>

28-го числа приехали мы в Царицын⁵, 30-го в Черный Яр, и 4 июля в Астрахань⁶. Ничего не произошло достопримечательного в продолжение нашего пути, кроме сего, что останавливаемы бывали мы в дороге противными ветрами и беспокоиваемы комарами, которые тревожили нас во весь день и прерывали наш сон во время ночи. <...>

Из Астрахани отправились мы в небольшой шлюпке и прибыли в Царицын⁷. Как наступала уже зима, то сели мы на сани и продолжали наш путь по линии⁸ до Дона. Линия сия состояла во рве около тридцати футов шириною, с тыном, с деревянными башнями по расстояниям, в которых завсегда находилось по несколько войск. Его Величество⁹ приказал оную провести для пресечения набегов от кубанских татар¹⁰, а она и произвела ожидаемое им действие. <...>

ИЗВЕСТИЕ О ВТОРОМ ПУТЕШЕСТВИИ В ПЕРСИЮ [1745]

<...> 22 октября¹ оставив Михайловскую станицу, достигли до Алексеевской, где проехав от станицы 2 версты, надлежало было спускаться с высокой и чрезвычайно крутой горы; а потом чрез реку Бузулук² до Лосунова, лежащего при реке Медведице³, и до почтовой станции, при Доне находящейся, проехали 77 верст. Оттуда продолжали мы по степям путь наш до Царицына, отстоящего на 120 верст, и достигли до одного города 6 октября, ехав от Хопра⁴ день и ночь, и едва имели отдыху от 2 до 3 часов в то время, когда переменяли наши подводы. <...>

Саранча⁵ в сие лето все степи, между Доном и Волгою находящиеся, опустошила, которой остатки мы еще видеть могли. В Царицыне был тогда

комендантом ⁶ майор ⁷ Адарев, определенный на место прежде бывшего коменданта полковника Кольцова, который через 15 лет всегда там находился, и, сделавшись богатым, был за год пред сим уволен от службы с бригадирским чином ⁸. Здесь нашел я честного мужа, именем Алексея Михайловича, еще живого, но весьма чахотного, который по обыкновению своему много оказывал мне благодеяния. На Царицынской линии ⁹ стоял тогда Сибирский драгунский полк ¹⁰ с полковником Силингом, расположенный по крепостям. 7 октября прибыл сюда из Кизляра ¹¹ и из Астрахани ¹² заслуженный генерал-поручик Еропкин ¹³ с 6 драгунскими полками. Он послан был туда по причине беспокойства восставших на персидской границе во время шаха Надира ¹⁴, который стоял при Дербенте ¹⁵ почти 2 года; однако оные были прекращены. В сем корпусе находился также бригадир Фридериси, человек отважный, и много мне знакомых офицеров. Город Царицын в 1738 г. выгорел ¹⁶, и после того улицы в нем были распространены. В Царицыне находятся 3 каменные церкви и одна деревянная ¹⁷. Сей город обведен валом и палисадами; внутри же оного и поныне еще стоит старая деревянная бойница, и при реке Царицынке ¹⁸ сделаны три крепких бастиона ¹⁹. В Волге около сего времени вода была низка, и повсюду многие оказывались мели. Тогда множество стояло около Царицына калмыков ²⁰, более нежели в 100 кибитках ²¹. Бывшая в 1740 г. суровая зима привела их в бедность: много перемерло у них людей и скота; а ныне работают они у русских для своего прокормления: хлеб свой снискают домашнею работою, на судах и на рыбных ловлях. Они пришли тогда очень кстати; ибо по новой ревизии ²² повелено было, чтобы всех праздношатающихся и беспашпортных людей не держать на судах, но отсылать таковых к их господам; чрез что купцы в плавании своем великое имели препятствие. <...>

Посольство наше в Царицыне пробыло 10 дней, в течение которого времени повозки наши и два струга ²³ (большие суда) были починены, для погружения в оные тяжелых вещей. 16 октября отправился я оттуда на одном из сих судов, а посол пустился в дорогу сухим путем. <...>

— И.И. Лепехин —

ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ [1769]

<...> Из Илавлинской станицы ехали мы через 14 верст до Донской крепости, которая близ самого Дону построена. Ее содержат донские казаки ¹ и царицынского батальона служивые. От сей крепости начинается так называемая Царицынская линия ², которая продолжается через шестьдесят верст даже до самой Волги. Линия сия состоит из земляного вала с палисадом, имеет еще четыре крепости: Мечетную, Грачи, Калдыбанскую и Осокорь. Между сими земляными крепостцами расставлено

25 форпостов. Царицынская линия ныне служит пределом кочевью некрещенных калмыков³ на нагорной стороне, а прежде была защитой от набегов кубанских. По ту сторону и по другую линии совершенная степь, и лесу нигде не видно, кроме как в буераках⁴, которые наполнены терновником, боярынею и дикими яблонями, привлекающими к себе прекрасную породу птиц, наплюкие⁵ дрозды называемую. Дрозды сии имеют голову сизую, крылья и хвост черные, а прочее тело розоватого цвета; но красоте их перьев нимало пение не соответствует. Степь вся покрыта была диким льном, который нимало сеянному не уступал, но сие полезное для нас растение исчезало втуне; ибо вся степь была необитаема.

Сего дня под вечер приехали мы в Царицын. Город Царицын стоит при конце линии на самом волжском берегу, обведен земляным валом с раскатами с трех сторон, а четвертую сторону защищает его река Волга. Строение в нем все деревянное, выключая три каменные церкви. Уезду никакого не имеет, почему в нем, как и в Дмитровске⁶, только одна комендантская канцелярия. Купечество в нем зажиточно, и большой их доход состоит в рыбных промыслах. Бедные жители питаются от посева дынь и арбузов, которые вкусом и астраханских превосходят⁷. Они занимают все поля: ибо ни в каком другом посеве жители не упражняются. Вкусное, сладкое и сочное сие растение, которым мы много против других земель хвалиться можем, требует особенного внимания. По урожаю в сих местах арбузов продаются они весьма дешевой ценой, так что иногда за деньгу⁸ большой арбуз купить можно. Нежный сей плод не может быть сохранен чрез долгое время без повреждения: и так насадитель арбузов принужденным находится иногда плоды своего труда отдавать за бесценок. Хотя арбузы для дальнего времени стараются сохранять солением; однако тут уже совсем другой и ни мало на прежний не похожий бывает вкус. В благоустроенных обществах, как то всякому известно, никакие плоды не пропадают втуне, примером французов, которые при великом изобилии в их странах винограда не бросают и излишние яблоки, но делают из них приятное питье, сидр⁹ называемое. Наши арбузы, без сомнения, дадут приятное и хмельное питье, которое, может быть, и многим иностранным винам ни мало не уступит. Мне нет нужды доказывать, что из арбузного сока может родиться вино. Всяк, кто знает, каким образом рождается вино из соков, и кто едал арбузы, без моего толкования ясно понимает. И так царицынские жители вместо малого награждения могли бы иметь и сугубую прибыль от своих трудов; да и многие отдаленные жители от сих мест пользовались бы сим напитком не хуже другого иностранного. Другую отрасль промысла бедным царицынским жителям предлагают дикие яблоки, а особливо терновник. Его можно также употреблять на сижение водки, мочить и делать приятные наливки. Виноградные сады в Царицыне не с худым успехом разводятся. Редкий год случается, в который бы виноград не дошел до своей зрелости; но тот в нем недостаток, что он не может дать долговременного вина; ибо оно, как у нас всякому известно, скоро окисает и портится. Причины сему другой я сыскать не могу, кроме солончаков, которые в здешних местах изобильны: ибо виноград, будучи питаем соляным веществом, сверх меры оно в себя

вбирает; отчего в нем избыльнее бывают соляные частицы перед маслинными. Но как химики доказывают, что доброта вина зависит от соединения маслинных частиц с водою через союз сродной соли растениям, к которым малая часть и земли присовокупляется; то кажется мне, что недостаток в наших винах усмотреть нетрудно. По недостатку маслинных частиц в нашем винограде много остается соли необузданной, которая по сродному ей свойству всегда от воды разрушается; отчего в вине беспрестанное бывает движение, которое мало помалу увеличиваясь, паки расторгает союз масла с солью, более соляные частицы обнажает и рождает кислоту. Если моя мысль не ложна, то и виноградные наши сады поправить не трудно, когда теперь знаем, в чем они недостаточны. Другая неудобность в наших виноградах перед иностранными та, что должно наш виноград поливать почти ежедневно; иначе труды и иждивение будут тщетны: ибо сухая и иловатая земля от жаров, какие обыкновенно в сих местах бывают, глубоко иссыхает и лишает грозди надлежащей пищи; почему те, коим не привел случай завести свой сад в близости горы, родниками избыльющей, принужденными находятся строить мельницы для поднятия воды в сад. Сохранение в зиму виноградных лоз состоит только в том, что перед каждой лозой вырывают яму и в оную ее на зиму погребают.

В числе первейших полезных заведений в соседстве с Царицыном должно почитать шелковую казенную фабрику¹⁰. Она заведена верстах в семи от Ахтубинского¹¹ верхнего устья и имеет все желаемые выгоды. К ней приписаны две слободы, которые поблизу и поселены. Тутовые деревья почти целыми рошицами, перемешанные с другими деревьями, произрастают на поемных ахтубинских местах и дают приятный корм шелковичным червям. Одна неудобность в сих заводах, что шелковичные черви вылупляются в то самое время, когда бывает разлитие реки Волги и с нею Ахтубы; отчего рабочим людям должно в лес ездить на лодках и по оному собирать тутовое листье. Но как здесь бывают поденщики, то не успевают они довольно навозить листу, чтобы прокормить своих питомцев; почему не редко черви, не имея довольно содержания, исчезают. По моему мнению, сему недостатку пособить бы не трудно, если бы только при тех местах, где тутовые растут перелески, завести небольшие амбары на сваях; то бы меньшим числом людей можно было содержать большее количество червей, и тем размножить прибыль от сей фабрики. Начального заведения сих тутовых дерев никто не запомнит; да и никаких письменных свидетельств о них не находится. Развалины каменных строений, которыми, так сказать, вся степь унижена, несомненную дают догадку, что насадители сих дерев были татары, которые жительствоваали в сей степи и под именем Золотой Орды¹² были известны. Завод сей доказывает ясно, что мы имеем ко всему удобные климаты, и чем другие роскошествуют, самим тем же и мы хвалиться можем. О развалинах ничего сказать не могу: ибо ни одна из них никакого не имела подобия прежнего своего виду; но все были рассеяны по степи и составляли небольшие груды кирпича. В тридцати верстах от завода, как я после спроведал, находятся остатки древнего татарского

города, называемого Царевы Поды, и сказывают, что он был столичным городом Золотой Орды¹³. Конец Волжских гор при Царицыне (ибо от Царицына уже Волга только крутой имеет берег) изобилует железною рудою. Доказывают то пробивающиеся из гор ручейки, выносящие с собою охру, которая садится на лежащие в ручейках камушки. <...>

24 июля выехали мы из Царицына, где под самым городом переехали речку Царицынку¹⁴, которая выходит из степи и течет возле самых стен царицынских. Она весьма узка и более на ручей, нежели на речку, походит. Левый ее берег, или городской, по большей части состоит из известного камня и весьма крут и служит не малым укреплением городу. Верстах в четырех от города протекала другая небольшая речка, впадающая в Волгу, верхняя Елшанка называемая. От оной в трех верстах была средняя Елшанка. При переезде через сию речку чувствовали мы тяжелый запах, который понуждал нас остановиться. Запах завел нас от нашего обозу с полверсты вниз по помянутой речке, где обрывистый берег содержал в себе черную рыхлую селитренную землю. Она составляла слой толщиной аршина в четыре; а сколь далеко простиралась, видеть было не можно: ибо не во всех местах берег осыпался. Близ берегового уступа на горе раскопали мы глубокую ложину и видели, что слой пошел в гору. От средней Елшанки верстах в четырех течет так называемая нижняя Елшанка, которая не менее изобиловала селитрою, как и верхняя. К вечеру приехали мы в Сарпинское селение¹⁵, отстоящее от Царицына в осмнадцати верстах. Сарпинское селение прозывается от реки Сарпы¹⁶, при устье которой заведена сия селитьба. В нем обитают вышедшие из разных мест, называемые герен-гитер¹⁷, которые не иное что суть, как исповедующие особливую секту реформатского закона¹⁸, как то всякому известно. Предмет их поселения на пустошь и вне линии не до меня касается: но сие можно сказать им в похвалу, что между ими совершенная братская любовь господствует, и виден пример истинного и порядочного домостроительства. Они сограждан своих разделяют на три статьи¹⁹. Первая составляет женатых мужей; другая — холостых, а третья — девиц. Всякий женатый имеет себе особливую небольшую связь с нужною по его художеству пристройкой. Холостые живут в особой связи и имеют особенное содержание; один из них определен расходчиком, который печется о всех их нуждах. К связи их приделана особенная церковь, куда холостые ежедневно по три раза собираются для отправления своей молитвы. Девицы на таком же содержатся учреждении. Они все вообще люди рукодельные, и в сем малом селении можно почти все то найти, чем наши большие города хвалятся. Главу сего сообщества составляет называемый предстатель, который печется как о порядках, так и о нуждах всего сообщества. Ему совместен их священник; а третью особу представляет собственный их доктор²⁰. Но что в незнаемой им стране со всеми иметь сообщество, то из отборного юношества разосланы в разные места для изучения нужных в сей стране языков, как-то: российского, калмыцкого, армянского, персидского и татарского. Кроме разного звания ремесленных людей, есть у них и такие, которые упражняются в

хлебопашестве. Они примером своим доказывают, что и кубанская степь, бесплодную почитаемая, может с лихвою награждать труд своих хлебопашцев. Сколь их внутреннее учреждение порядочно, столь и наружное. Селение их обнесено земляным валом с принадлежащими ему раскатами²¹. Нынешнее военное время²² побудило их для большей безопасности и защиты от кубанских набегов уставить сие укрепление пушками. Река Сарпа служила им к заведению изрядных мельниц как пильных, так и мучных, которые правильно построены и со всеми теми выгодами, каких лучше и от самого искусного механика ожидать не можно²³. Низменные горы, с лишком в версте от их усадьбы находящиеся, снабдевают их прозрачною и приятною водою²⁴. Они с сих гор провели деревянные трубы и посреди своего жилища соорудили обширное вод вместилище с насосами, из которого довольствуются и все проезжающие.

Из сего ж вместилища во все жилища проведены трубы на голландский образец, где каждая хозяйка в своей поварне завсегда столько имеет воды, сколько ей потребно. У них можно видеть изрядные сады, не так для увеселения глазам, как для их всеобщей пользы²⁵. У доктора заведен также особенный аптекарский сад, где посеяны многие лечебные травы²⁶. К проезжим они весьма ласковы и угостительны, и у всех снискивают себе любовь и почтение даже до калмыков. В сем приятном обиталище ничего мы не нашли собственного до нашего предмета, кроме небольшого серного ключика, который из берегу реки Сарпы вытекает, и во всем серным ключам при Сергиевске²⁷ подобен; из чего о серном материце, в сем месте сокрытом, некоторым образом заключать можно. 26 числа оставили мы Сарпинское селение и продолжали наш путь до крепости Черный Яр²⁸ называемой, отстоящей от Царицына в 127 верстах. Дорога была совершенно степная, и в редких местах видеть можно было в оврагах не так лес, как кустарники; кроме поемных волжских падей, на которых много находилось мягкого лесу. Степь была необитаема, кроме кочующих калмыков, которых стада почти всю степь занимали, и так были истощены, что без жалости смотреть на них было не можно. Сие происходило от недостатка корму как от засухи нынешнего году, так и от долговременного калмыков на сем месте кочевания; ибо их за Волгу для малолюдства и опасности от киргизцев²⁹ не перепускали. <...>

⌘————— И.-П. Фальк —————⌘

ЗАПИСКИ **[1769—1770]**

<...> Царица¹ на правом или горном берегу Волги, называемая калмыцки *Хари сала*, есть речка, текущая на 20 верст и выходящая из отдаленных высот Волги на южной стороне Царицынской линии², и при Царицыне в

овраге, глубиною в 15, а шириною 150 сажен, имеющая берега, исполненные глиною, песком и несколько железными гнездами, впадает в Волгу. Выше города приводит она в действие две мельницы для муки и круп.

Царицын, капмычки *Акиш* и *Акаш*, стоит на правом берегу Волги, возвышенном в 15 сажен и более, выше устья Царицы под 48°20 широты, ниже Саратова в 370 и выше Астрахани в 352 верстах. Царицын есть самая большая крепость на Волге, и стоит не так, как прочие в городе, но весь город в себе заключает³. Выше города имеется худой форштадт⁴, а подальше оного выстроена большая деревянная гостиница на случай путешествия императрицы⁵, но по назначению своему некогда употребляема не была и ныне вся разваливается. Укрепление состоит в высоком земляном валу и глубоком рву; в нем находится гарнизон, состоящий из двух батальонов. Также и Царицынская линия принадлежит к ее укреплениям.

Самый город мал. Церкви и дома деревянные, но правильно расположенные, улицы же немощеные; а как здесь земля глинистая, то весною и осенью едва можно пройти от одного дома до другого. Между жителями считается 491 купец, прочие же суть необходимые ремесленники, рыбаки и казаки, выключая гарнизон. Главный промысел здешних жителей состоит в рыбной ловле, которая по Волге, на 60 верст выше и ниже Царицына, принадлежит городу; посему производится здесь большой торг рыбою, и жители зажиточны.

В сем приятном городке жители в одеянии, нравах и образе жизни весьма походят на россиян; а как они весьма гостеприимны, и я жил у богатого купца, то не мог избежать от многих именинных и других празднеств. Угощение у всех состоит в холодных яствах и крепких напитках. Всегда проходило время весело в пении, разговорах и плясках; всегда гости дружески расходились по домам. Вместо стульев употребляют здесь скамейки, а вместо салфеток полотенца, лежащие по коленам гостей. Ножик приносит всякой с собою. Сначала подают рюмку водки, потом ставят ботвинью⁶ из щавеля с луком, растертым яичным желтком и сметаною; вместо хлеба кладут в нее изрезанную на куски рыбу или говядину; потом подают студень воловью с перцем, чесноком, уксусом и маслом, после того нарезанную ломтями ветчину с горчицею, жареную баранину или птиц, не всегда говядину, щи, пирожки с говядиною, яйцами и морковью, битый коровец, делаемый из теста замешанного с яйцами и маслом, на дрожжах и малою частью вина хлебного, и испеченный в виде воздушного пирога. Во время поста ставят икру, вязигу⁷, ботвинью, уху, пироги с рыбою, жареные грибы. Напитки подают следующим порядком: сперва водку, потом пиво и брагу⁸, после сего вишневку⁹ и наконец другие наливки; иностранные же вина и английское пиво ставят редко, и то в таком только случае, когда гости знатнее хозяина; или для приезжих из столицы, или таких мест, где оные напитки употребляются.

Страна по Волге около Царицына сухая, холмистая, солоноватая и глинисто-песчаная, следовательно для земледелия непригодная, а потому и заселена только по берегам Волги. Есть места в сей стране низменные и плодоносные и на некоторых сеют хлеб, но мало; а пеньки¹⁰, льну, хмелю

и табаку совсем не сеют. Здесь хорошо рождаются разные плоды, дыни, арбузы и виноград, как то видно в комендантском саду¹¹. <...>

Арбузы, отправляемые в Москву и Санкт-Петербург, возят в телегах, привешенных на ремнях и покрытых войлоками. Отпускают их едва дозревшие. <...>

Здесь наиболее занимаются скотоводством, которое при короткой зиме не требует больших трудов. Но сии зимы очень жестоки, а степные бури (бураны) для людей и скота опасны. В 1770 г. Волга вскрылась 3 марта и вода стояла в ней на 20 до 30 фут выше летнего прилива. Весна от ясных дней и цветения степей весьма приятна; лето жаркое, а осень несносная.

Столь мало возделанная страна не имела таких учреждений, какие обыкновенно бывают в уездах, даже и воевод; но находилась под управлением комендантов, так как и Дубовка¹² со всеми ее окрестностями. Сам же комендант должен отдавать отчет Астраханской губернии*.

Царицынская линия начинается от Дона при Донской, на левом берегу реки Дона, ниже устья *Илавлы*¹³, и простирается к юго-востоку чрез степь до Царицына на Волге. Обе реки здесь сближаются на 50 верст, но косвенное направление линии разводит их на 60 верст. Она линия учреждена была в 1717 г. от набегов кубанцев и горских татар¹⁴ и принадлежит к царицынским укреплениям. Подобно Керенской и Тамбовской линии, состоит она из сухого рва с земляным валом вышиною в 2 сажени. По местам расположены на ней редуты¹⁵, а между ними стоят маяки, где зажигаются смоляные бочки. *Шанцы*¹⁶ по линии, кроме Донской крепости при линии на берегу Дона, которая не велика, но построена в виде четверугольной звезды с земляными валами, называются *Осокорские*, похожие на Донскую крепость, только немного поменее, где протекает по линии речка Оскорка, далее *Грачевская* крепость в виде пятиугольной звезды и *Мечетная* крепость, построенная неправильным четверугольником. Все сии крепости, или редуты, весьма малы, но хорошо расположены с земляными валами. В каждой находится небольшая команда. Они стоят непосредственно на линии или валу, продолжаясь по обеим сторонам оных со многими амбраурами. Хотя первое ее назначение противу кубанцев ныне оставлено, но она теперь составляет границу Куманской степи и для проезжающих калмыков. Если они захотят прокрасться чрез оную, то их легко можно остановить.

Берега Волги от Царицына до *Сарпы*¹⁷ вышиною с 8 до 15 сажен, а идущий с ними до Царицына горный хребет отдалается от реки и в Куманской степи, где калмыки называют его *Ергеною*¹⁸, разделяет проток Волги и Дона. Степь от Царицына до Сарпы называется *Арапскою* степью.

* В сем состоянии находился Царицын с 1770 г. по 1782 г., но после того сделан он был уездным городом и причислен от Астраханской губернии к Саратовской, учрежденной в 1780 г. В Царицыне есть уездный суд, а потому он и не подчинен коменданту (*Примеч. И.-Г. Георги*).

В ней текут три речки *Елшанки*, коих глинистые берега содержат в себе купорос. На берегу Волги находится небольшая малороссийская колония ¹⁹; а на реке лежит Сарпинский остров ²⁰, простирающийся на 20 верст.

Сарпа, татарски *Ергена Сарпу*, калмыкци *Шорба Нур*, выходит из многих ключей (коих калмыки полагают 66) у горного хребта Ергены, течет на 50 верст и соединяет многие озера. У *Сарепты*, где она загорожена мельницами, впадает в правую сторону Волги. В степи, где принимает она ручей *Гологог*, стоят два обелиска, которые калмыки называют *Заза Голохота* и пред ними поклоняются. Один из них, как они говорят, вышиною и в окружности в 4 сажени, а другой в половину его ниже. Они воздвигнуты из известных и песчаных камней. Относительно цели их сооружения нет никакого предания.

Вся страна около Сарпы составляет часть Куманской степи, и подобно ей, возвышенная, сухая, тощая, соленая, безлесная, бесплодная, имеющая несколько плодородных низменных мест, которые при возделывании надлежит защищать от калмыцкой орды, делающей в степи набеги. Точно такая же степь простирается от Сарпы до Астрахани ²¹.

При устье Сарпы имеется заведенная в 1763 г. ²² колония *Сарептского* Евангелического братского общества на высоком берегу Волги, который калмыки называют *Ман Хамар* ²³. Сарпета есть маленький, весьма правильно выстроенный на немецкий образец городок с каменными домами и мазанками ²⁴. Колония простирается по берегу Волги на 5 верст, на каковом расстоянии предоставлено им право ловить рыбу. Земледелием в сей бесплодной степи не занимаются, но колония имеет много маетностей. В ней находятся небольшие фабрики, многие другие ремесленные заведения, и производят торг с калмыками. Продажа ее произведений столь велика, что она не может даже удовлетворять покупателей. <...>

☞————— С.-Г. Гмелин —————☞

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОССИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРЕХ ЦАРСТВ ПРИРОДЫ [1769—1772]

<...> Четвертого ¹ на десять к вечеру мы приехали в Мелехово, а на другой день через Раздоры, где Донец в Дон впадает, в станицу Кундруцкую, которая от Аксая отстоит в ста тридцати верстах. Отсюда до двадцать шестого числа продолжали мы путь до Качалина, потому что я в известных мне местах не имел причины долго медлить. При станице Беляевской переправился я через Дон и того ж дня прибыл в станицу Качалинскую, а из оной по прошествии двух дней едуци вдоль Царицынской линии ² в город Царицын.

Но как большая часть из путешествующих при физических экспедициях ³ академиков в сем городе долгое время были, и я по меньшей мере о двух уведомился, что они исторические известия, до сего города касающиеся, прилежно собрали, то для меня довольно будет, когда моим читателям сообщу описание некоторых достопамятностей, близ Царицына находящихся, которые я в первых числах сентября осматривал.

Об Ахтубе ⁴ буду говорить в другом месте, а здесь только упомяну о сем, что берег сей реки от начала ее инде высок и крут, а инде бугрист, и состоит из глины, с песком смешенной. В том месте, где перевоз через сию реку находится, берег ее на пять верст вверх и на пять верст вниз с берегом волжским совершенно сходен, с тем только различием, что где один берег реки ближе к воде подходит, там другой на противолежащей стороне и на том же самом месте далее в степь уклоняется, одним словом, всегда разность между обоими находится, и один от другого удаляется.

При начале Ахтубы, на иждивении государевом, учрежден шелковый завод ⁵ в расстоянии около пятнадцати верст от Царицына, который уже весьма многим несчастным приключениям подвержен был. Для него заведены два селения, из людей, не помнящих родства, кои посему и называются *безродными* ⁶. Ими управляет особый начальник, и в немногих годах оных начальников было весьма много. Были также и такие, кои в опасности жизни находились; столь далеко простиралась или злоба переселенцев, или начальники их так неосторожно поступали, и в такую наконец приходили крайность, что радовались, когда сменялись. Потребные для кормления шелковых червей тутовые деревья, кои суть персидских отродье, растут дикие недалеко от завода в царицынском займище. Они уже нарочито стары, а чтоб молодые разводить, о том мало помышляют. Никогда еще шелку по пуду в год сбирано не было, и мне кажется, что от всего вообще учреждения ничего хорошего ожидать не можно.

В сорока верстах ниже сего шелкового завода при берегу реки Ахтубы и в волжском займище, на самом кряжу Яицкой степи, находятся остатки старинного города, который был столицею царя великой Татарии ⁷ Ахмета ⁸. Они свидетельствуют, сколь переменны обстоятельства человеческие, а особливо тех людей, коих гордость есть предвозвестница их падения. Сии остатки россияне называют Царевыми Падами, или царскими лугами. От истока Ахтубы на Яицкой степи недалеко от займища волжского находятся три камышом обросшие озера, а за оными на степном кряжу премного по большей части раскопанных, из кирпичей состоящих и только землею покрытых, наделано курганов, за коими следуют опять большие курганы величиною с малыми горками равняющиеся, и как по степному кряжу, так и по займищу везде рассеянные; около оных видны явные следы дворов, также и остатки стен, кои последним служат предлом. Из оных стен нет теперь ни одной целой, кроме той, которая при доме некоторой царицы стоит на высоком месте, около тридцати верст занимающем, а близ оной находится озеро, которое татары называют сахарным по следующей сказке: некоторый великой Татарии хан, от татар Джамбеком ⁹ называемый, имел две жены, одну княжеской, а другую про-

стой породы; и как последняя для чрезвычайной красоты была предпочитаема первой, то сие княжеской породы царице было прискорбно и побудило ее царю советовать, чтобы он от нее отстал и своей благородной крови не смешивал с подлою; а чтоб та через сие ничего не потеряла, то б дал ей позволение из знатных и благородных юношей выбрать себе в супружество такого, коего любви своей почтет она достойным. Как царь, так и царица на сие были согласны. Приготовлен был великий пир, на котором друг с другом пили очень много, а кончился оный таким образом: царь с знатными от вина обессиливший отнесен был в свою спальню. Царица простой породы, употребив сей случай в свою пользу, вошла туда, где ее муж был, и как он был без памяти, то отвела она его в свою комнату. Царь, проснувшись на другой день и видя подле себя лежащую прежнюю свою супругу, рассердился и делал ей жестокие угрозы, но царица напротив того сказала, что она ни в чем против воли царской не поступила, когда ей представлено было выбрать себе такого, коего любви почтет достойным, а как она царя всегда любила и сей склонности до смерти лишиться не хочет, для того и осмелилась она его ввести в свою спальню, потому что не находит она никого другого, кому б свое сердце отдать могла. Царь, сим изъяснением будучи тронут и выполняя совет от царицы княжеской породы данный, приказал помянутый дом построить и в оный отвести царицу. А как он весьма любил соколью охоту, что царице было небезызвестно, для того она в приведенное и близ дома находящееся озеро бросала ежедневно великое множество сахару и сим приманила очень много лебедей и гусей, которым изобилием птиц царь, как об оном проведал, так пользовался, что всякий день у одного озера бывал. По окончании охоты отдыхал у царицы и таким образом до смерти имел ее своей женою. Что вода в сем озере слаще, нежели в других реках, это справедливо и сие обстоятельство довольно было послужить к сплетению сей сказки. В трех или четырех верстах от сего дома из степи выходит река Царевка и впадает в Ахтубу. Ахтуба, напротив того, гораздо прежде, нежели подходит к сим развалинам, течение свое склоняет к Волге, а потом вдруг к оной оборачивается, как будто бы необходимо ей надобно было соединиться с Царевкою, отчего сия страна получает особливую приятность и красоту. Кряж степной по обеим сторонам Царевки очень высок, однак отдаленный ее берег кажется еще выше и на оном виден превысокий холм, о котором всяк думает, что там были царские палаты. Сие мнение, величина оных, широта двора, оные окружающего, и прекрасное положение одного действительно подтверждают. Позади сего холма следуют еще три или четыре дома, кои также из кирпича построены были, а теперь землю завалены и получили вид, подобный другим холмам. Позади сих видно много других маленьких холмиков, отчасти несколько порядочно, а отчасти беспорядочно рассеянных. Сии остатки в длину по кряжу степному простираются на тридцать восемь верст, а в ширину только на одну. Однако татары сказывают, что на Яицкой степи до самой реки Яика еще много и других таких остатков находится. Из истории известно, что сия столица великой Татарии великим князем Иваном Васильевичем ¹⁰;

дедом царя сего ж имени, в 1462 г. по рождестве Христове разорена, а по прошествии нескольких лет от ногайцев¹¹ с землею сравнена, и посему несправедливо калмыки¹² объявляют, что будто бы отцы их по приближении своем к российским границам город сей с соединенным с ним прибавком еще в совершенном его великолелии застали. Есть еще много таких, кои думают, что в помянутых развалинах великое сокровище спрятано, да и царицынские казаки для искания оного всякий год ходят; однако обыкновенно возвращаются с пустыми руками. Простой народ берет оттуда кирпичи для делания печей и разных домашних нужд, и при сем случае приносят иногда с собою малые монеты, серьги, кольца, золотые и серебряные и прочее сему подобное. От помянутого шелкового завода до реки Царевки можно было бы удобно завести селения, потому что ни в лесу, ни в лугах для скотоводства нет недостатка. Хлеб по примеру безродных переселенцев, кои, между прочим, также и свиней много водят, мог бы там хорошо родиться, и изобилие в сих странах рыбы подало бы разные выгоды.

Поездку, которую я хотя в другое время из Царицына до горы Богды¹³ имел, можно также сюда внести, при которой упомянуто будет о соляном Баскунчакском озере¹⁴.

Гора Богда находится около ста сорока верст внутрь Яицкой степи, и так около двадцати верст от крепости Чернойрской. Астраханских казаков¹⁵ станица Грачевская построена против оной. Едучи от севера к югу, показывается она на правой стороне Соляного озера и отстоит от оного на одну версту. В рассуждении Соляного озера лежит она прямо между югом и западом. Подошва оной во всей окружности имеет около осьми верст, а вышина на глазомер около семидесяти сажен. С северной стороны она посредством пяти холмов срослась в одну смесь, которая по степням наклонное положение имеет. С восточной стороны инде пологая, а инде крутая, а с западной целый ряд холмов представляет, как около четвертой части всей ее вышины имеют и на четыре версты в длину к Волге простираются, а потом мало-помалу с плоскою землею сравниваются. Они при начале своем очень круты и состоят из крепких песчаных камней, на коих много выдолблено дырочек, степным птицам вместо гнезда служащих. Южная сторона горы крутизною походит на каменную стену и из столь великих расселин и глубоких пропастей состоит, что ежели с вершины горы камень в оные бросить, то ни звуку не услышишь, ни же увидишь, где он упал. Пропасти посредством малых холмов одна от другой отделяются и между оными есть один такой, который весь состоит из красной тонкой глины, которую калмыки употребляют на крашение решеток к своим кибиткам. В прочем видны в сих ущельях различно перемежающиеся слои, кои состоят из желтого, белого и красноватого песку и из разной глины, а самые нижние из известного камня. Попадают также гипсовые и алебастровые слои, коих во всех южных областях Российского государства нигде столь много нет, как там, где в чрезмерном количестве соль показывается. На верху Богды находятся целые кучи камня, которые некогда служили поводом к построению калмыцкого храма, Цаца называе-

мого. Таких храмов по тем местам, где калмыки кочуют, как, например, на Кубанской степи, по реке Сарпе ¹⁶, также на Яицкой степи, против Дмитревска ¹⁷, и на других местах, есть много. В оных калмыки приносят жертвы своим бурханам ¹⁸, кладут в оные деньги, обветшалые книги, изображения идольские, хотя бы они на простом только холсте писаны, или уже совсем испорчены были. Многие из мимо едущих, не имея ничего, чем бы воображаемым ими божествам благоговение изъявить могли, отрывают или по лоскуту своего платья, или по куску кожи от сапогов, или по клочку шерсти из лошадей и все сие кладут туда вместо дара. В недалеком расстоянии с южной стороны Богды и позади оной на ровном месте видна пещера, многими проходами поперек извиваясь, в землю идущая, которая, как сказывают, некогда была чрезвычайно глубока, но ныне заплывла песком. Ее калмыки чрезвычайно почитают. Они кладут в нее деньги, целое платье, стрелы, луки, панцири, духовные книги, листы из оных, тангутским ¹⁹ письмом исписанный холст и идольские изображения. Вообще, всю гору Богду они имеют в великом почтении. Нет ни одного из них, который бы мимо оной прошед, при подошве ее не взял камня и его наверх не внес (отчего уповательно и помянутые кучки сделались), там не исправил своей молитвы, не пал ниц на землю, или монеты из одной, двух, пяти и десяти копеек состоящей, если есть деньги, или по крайней мере лоскут от своего платья в знак своего почтения не положил. Ибо они как Богду почитают за нечто совсем чрезвычайное, так и находящееся близ оной озеро, и для того рассказывают о ней следующую повесть: что Богда прежде стояла при реке Яике, но двое калмыцких святых предприняли оную перенести к Волге. Они, прежде нежели приступили к сему трудному делу, молились и постились долгое время, потом подъяли ее на свои плечи; но как уже совершенно были близ Волги, то один осквернил себя злым помышлением; другие же истории объявляют, что он действительно учинил блудодеяние, после чего то с ним сделалось, что он тотчас лишился своих сил и тяжестью горы вдавлен в землю, которую омочил своею кровью, отчего один бок горы сделался красным, а гора осталась на том же месте, потому что товарищ его один не был в состоянии подвинуть ее далее. Калмыки сим изъявляют особый вид горы, которая с первоначальной стороны цела, а с другой расселась. Баскунчакское соленое озеро в длину простирается на шестнадцать, а в ширину, в самом широком месте на девять верст, глубину ж оного я определить не могу, потому что мой горный бурав в то время, когда я оное осматривал, был в худом состоянии. Толщину верхнего слоя полагаю я в пять дюймов. Соль в сем озере белизною снегу не уступает и лучше всякой астраханской, по крайней мере, сходствует с тою, которая берется из большого Басинского озера, потому что она в себе меньше содержит горькой соли, а для того и распускается не так скоро. Ломают ее ныне только у берега: наломав в мелкие куски, разбивают, собирают в кучи и, поливая тузлуком ²⁰, очищают, а как тузлук опять стечет и соль ветром обсушится, тогда кладут ее на арбы ²¹ и к пристани возят. В свойстве ветров работники имеют великую надобность. Северные ветры силу свою истощают в делании тузлука, и работники должны

дождаться южного ветра, если не хотят работать вдвое. Однако при сем соленом озере есть много пресной воды в выкопанных в долинах Богды колодцах. На самой горе позади южной стороны соленого озера есть природный чистый источник, несмотря на то, что близ его другой совсем соленый находится. В шестидесяти верстах от Соленого озера на том самом месте, где Ахтуба и пролив волжский, Володимерка называемый, соединяются, заведена соленая пристань, до коей на быках, запряженных под фуры в пять, а на лошадях в три дня оборачивать можно. Работники, соль ломающие, получают плату или погодно, или попудно. В последнем случае берут они по денежке ²² с пуда, или по три полушки ²³, а в первом за год или за лето более осьмнадцати рублей. Тот, кто соль ставить подрядился, должен стараться о нужных к тому инструментах и дровах, кои для варения пищи работникам нужны, он же платит за перевоз соли по три копейки с пуда, а теперешний подрядчик обязался ставить в казну до Саратова ²⁴ по осьми копеек с пуда. О сем озере калмыки, рассказывая, баснословят, будто бы на сем месте един раз далай-лама ²⁵, которого они, принимая за истину преселение душ, за бессмертного почитают, обедал и несколько после обеда оставшейся соленой похлебкой на землю вылил; то вдруг от оной сделалось сперва небольшое озеро, которое мало-помалу прибавляясь, наконец, пришло в ту величину, которой теперь удивляются. К сему также калмыки прибавляют, что Богда сделалась велика от того, что этот же далай-лама на оной иногда ночевал. Однако из сих есть и такие, кои не хотят тому верить, чтоб ее в той величине, в которой она есть, от реки Яика в сию сторону два человека перенести могли. В двадцати верстах от Баскунчакского озера в полдню есть другой бугор вышиною гораздо меньше Богды; однако и подле него находится особое озеро. Калмыки называют его Малою Богдою и там также обыкновенно отправляют свое идолослужение.

Отчего сделалась на открытой степи такая гора, какова есть Богда? Сей вопрос есть такой, который скоро предложить, однако на оный не скоро ответить можно. К решению сего дела не принадлежит ли также и Соленое озеро? Не должно ли при сем и то показать наипаче, что вся гора наполнена достопамятными окаменелостями таких животных, кои нигде, как только в море, жить не могут? Мне по всему кажется, что гора сия есть ясным доказательством бывшей в незапомненные нами времена перемены. Я думаю, что на месте теперешней твердой земли была прежде вода. Вся страна вниз по Волге из морских раковин состоящая, и соленое свойство Кубанской и Яицкой степей, кажется, с сим мнением согласуются, и если б я яснейшее понятие имел о Каспийском море в рассуждении того состояния, в котором оно ныне находится, то б мне и причина Богды гораздо была понятнее.

<...> И я еще напоминаю, что спереди степь к Царицыну имеет положение высокое, а позади к Астрахани ²⁶ низкое, и что ниже Богды при Волге, на степном кряжу почти против станицы Ветляницкой находится Саскольский стан, где трухменские татары ²⁷, как подданные калмыцкие, свое местожительство имеют. Иные приписывают пребывание оных

в сем месте зайсангу²⁸ Хорлику²⁹, который в 1593 г. по рождестве Христове первый с пятьюдесятью тысячами из Мунгалии³⁰ пришел в Россию и на дороге, трухменцев удержав триста фамилий, взял с собою. А другие думают, что сие уже Аюка хан³¹ гораздо позже сделал, и только с его владения сей народ у калмык находится в невольничестве. Трухменцы живут по-калмыцки, держатся магометанского закона³², говорят особливым татарским языком, однако оный астраханские татары³³ разумеют. Они ростом высоки и лицо имеют не смуглое или черноватое, но белое. Бреют свои головы, как астраханские татары; да и платье носят такое ж. Есть между ними много художников и слывут хорошими хозяевами. Они богаче калмык и на бою проворнее.

Травы около Богды растут суть те ж самые, о коих я ниже сего при астраханских буграх упоминать буду. Между оными, кои вдоль по Солемному озеру растут, есть много заманихи * и франкении, а вблизи нередко также попадаетса и черенковый ремень.

В самой степи обыкновенно растут кусты калмыцкого ладона, а полевая малина ** есть наиприятнейшая пища для лисиц, сайгаков, степных зверьков, дудаков³⁴ и журавлей. Она растет кудрявыми кустиками. На противной стороне озера Баскунчакского в длину на двадцать пять верст, а в ширину на десять к востоку идут места совсем черные, иловатые, кои калмыкам, особливо во время перекочевки, делают затруднение. Калмыки их хакками называют. Тут кончатся, при славном Елтонском озере³⁵ недалеко от Саратова начинающиеся и вдоль степи идущие песчаные бугры, ухвостье коих калмыки называют Нарин, а Рынь Песками проименовали их россияне. Во время полой воды калмыки туда уходят и бывают там до тех пор, когда уже Волга совсем опять в свои берега вступит. Сам я в той стороне не был; однако мне о ней так сказывали, что она чрезвычайно плодоносна, и что в оной родятся совсем другие травы, нежели какие обыкновенно растут при Волге.

Находящееся на южном берегу Волги, заложенное в 1765 г. в двадцати пяти верстах от Царицынской крепости на углу волжского бугра, калмыками Монгаммер³⁶ называемое, селение евангелического общества, или так называемых меренских братьев³⁷, есть истинное украшение как Царицынского уезда, так и всей Астраханской губернии. Оно основано на особливом всемилостивейшем вызове ее императорского величества ныне достохвально владеющей государыни³⁸ и в рассуждении того, что от оногo с самого его начала много хорошего, клонящегося в пользу Российского государства ожидаемо было, для того и даны ему такие вольности и преимущества, которыми никакие другие переселенцы пред оным никак похвалиться не могут. Я, во-первых, буду говорить об оных, а потом присовокуплю нужное до состояния Сарепты отчасти как селения, а отчасти как собрания евангелических братьев касающееся.

Землею братскому обществу данною может оно так, как и прочие имеющие в собственности земли в государстве ее императорского вели-

* *Nitraria* (Примеч. С.-Г. Гмелина).

** *Ephedra monoftachia* (Примеч. С.-Г. Гмелина).

чества всячески пользоваться по своему произволению, с тем только различием, что ни малой части оной другому, к селению не принадлежащему, ни продать и ни под каким видом уделить не можно. Ему дозволяется по своему произволению в своих дачах города, села, деревни, церкви с колокольнями и колоколами закладывать, оными по своему обыкновению пользоваться, строить публичные училища и такие дома, в которых оно может распределение чинить по своему церковному уставу, а сверх сего еще может оно также по пустым, короне принадлежащим, землям к ближайшим местам, рекам и странам прокладывать дороги так, как оные для себя нужными, способными и полезными почтет. О заложении ж города и каждого села надлежит ему давать знать опекунской канцелярии³⁹, в оную посылать план и обстоятельное описание как самого учреждения, так положения оного, принадлежащих к нему полей и прочих обстоятельств и сообщать описание училищных домов и других публичных строений. Кроме сего дозволяется им судные между собою дела по собственным своим мнениям отправлять и распорядить, так что российские судебные места в их установлениях, обязательствах, наследствах, опекунствах и других подобных гражданских делах никакого участия не имеют, но, напротив того, они сами из своего общества таких людей выбирать и поставлять могут, кои по общему гражданскому праву благоустройство и добрый порядок наблюдать должны, и удовлетворение законом они же отправлять имеют под ведением астраханского губернатора.

Им дозволяется везде, где они поселятся, всеми пользоваться гражданскими правами, торговать, производить всякие рукоделия и ремесла, заводить по своему изволению фабрики и мануфактуры, для собственной своей нужды и для проезжающих варить пиво, гнать вино, всякие строить мельницы, в своих дачах ловить рыбу, охотой и правом лесов без всякого исключения равномерно, как и дровами, пользоваться свободно. Никому не дозволяется на их земле нигде строиться, ставить для продажи пива, вина и водки питейные дома, отправлять рукоделие, селиться или там жить, разве то сделано будет с собственного их согласия. Напротив того, им и их потомкам дана вольность располагать и собою, и своим движимым и недвижимым имением так, что они с оным по учинении положенного из оного вычета, куда захотят, отойти могут⁴⁰. <...>

Первые братья, отправленные в Астраханскую губернию для изыскания земли под братское учреждение, особливо желали, чтобы на оной были хорошие ключи, река, несколько лесу с пахотною землею и лугами; и в сих своих намерениях нарочито успели.

Часть земли, братскому обществу данная в вечное владение, содержит в себе пять тысяч восемьсот семьдесят десятин и простирается по берегу Волги на семь верст. Однако находится на сей земле, а особливо близ Сарпинского селения, по Царицынской дороге много негодных мест, или так называемых солончаков, кои не только ни под какую пашню не годятся, но также по причине там находящихся водою вымытых буераков, кои всегда вдаль простираются, трудными и с временем для всего селения опасными быть могут. Берег Волги, который в сем месте высок и крут, повсегодно

несколько осыпается, через что жители по прошествии немногих лет ниже устья реки Сарпы знатной части земли лишились. В расстоянии около одной версты от сего берега на северо-западном берегу реки Сарпы заложено новое Сарпинское селение. В нем уже есть нарочитое число домов, и хотя они порядочно построены, однако настоящего расположения всего селения по оным еще представить не можно, потому что они составляют только заднее строение, которое жители по необходимой нужде для своего прикрытия и для отправления своих рукоделий сделали деревянное, пока со временем в состоянии будут построить по четверугольнику *⁴¹ расположенные каменные дома, чему уже в сем году одним семейным домом из кирпичей там обожженных весьма хороших и прочных и сделали их начало **⁴².

Знатнейшие строения, кои теперь там находятся, суть следующие: братский дом с принадлежащими к нему мастерскими покоями и другой девичьей. Промеж обоих сих домов стоит зала ***⁴³ собрания, а подле оной дом, в котором живет их проповедник и предстатель со своим помощником и их семьями. Прочие же дома принадлежат одиноким семьям, кои в своих рукоделиях упражняются.

На Сарпе-реке сии трудолюбивые переселенцы с великим трудом и иждивением сделали крепкую плотину и спуск воды, а ниже оного заложили две (одну мучную, а другую пильную) мельницы⁴⁴. Последняя в прошлом 1768 г. действовала, от которой они получают не только доски и гонт⁴⁵ для строения, но можно также на оной и бревна пилить надвое, что для них при строении деревянных домов как в рассуждении леса, так и работы, выгодно ****.

В полуверсте от селения Сарпинского при подошве горы построен скотский двор, где упражняются в земледелии и скотоводстве, а чтоб способнее пользоваться землею, то в двух верстах от селения Сарпинского при подошве горы и при истоке хорошего ключа построена дере-

* В таком состоянии было Сарпинское селение, как я там был. Из новых главнейших строений с исхода сего 1769 г. по сие время построено четыре с деревянными простенками каменных семейных дома, один флигель девичьего дома, а сверх сего разные конюшни и амбары. Удивления также достойна новая, обширная, без столбов, из камней крепко построенная церковная зала, которая третьего числа сентября 1772 г. с великим благоговением торжественно освящена, а заложена по расположению и под присмотром мельника. Городские часы и органы придадут ей еще более красы (Примеч. С.-Г. Гмелина).

** Впрочем, кирпичи, в Астраханской губернии сделанные, не хвалят, ибо говорят утвердительно, что они не прочны. Не соленая ли вода тому причиною? (Примеч. С.-Г. Гмелина).

*** После построения новой церковной залы сию залу собрания сделали домом третьего помощника (Примеч. С.-Г. Гмелина).

**** Во время засухи часто за недостатком воды заложенные при реке Сарпе мельницы останавливаются; то для сего в расстоянии одной версты от селения Сарпинского для удержания полой весенней воды и сохранения оной впредь для употребления на мельницах, на ильменах Сарпинских сделаны шлюзы с земляным валом; но сим еще не будучи довольны, почли за нужное для лучшего стечения Сарпы через ильмени провести ров на версту длиною (Примеч. С.-Г. Гмелина).

вушка, Шенбрун (хороший колодезь) называемая, где также построено несколько крестьянских домов ⁴⁶.

Что ж касается до земледелия, то хотя об оном весьма стараются в селении Сарпинском, однако опыт показывает, что оное во время переменной и сухой погоды не может быть довольным средством для пропитания земледельца, если он не присовокупит к оному скотоводства и не имеет случая продать все свои произведения на наличные деньги, чего за недостатком людей в сей степной стране временем сделать невозможно. Не меньше еще тем примечания достойно селение Сарпинское, что как вспахана была большая часть земли, то и тогда также несколько переменилась, и туманы и роса, чего прежде в сей стране не слыхано, начали появляться.

Недалеко от скотского двора есть большой ключ, который посредством деревянных труб приведен в селение Сарпинское, где он прямо втекает в большое вместилище, и как жителей, так и приходящих во время великого жара и жестокой засухи безоскудно довольствуется свежую и чистою водою. Он придает совершенную красу сему селению. Из него проведена вода в сады и в некоторые кухни, что самое летом за недостатком дождя великую приносит пользу ⁴⁷.

В 1769 г. сарпинских жителей обоего пола было не с большим шестидесять человек: но в исходе сего года сие число через одно общество не с большим из тридцати, и через другое, осенью 1771 г. прибывшее из шестидесяти человек, состоящее умножилось.

При установлении знатнейших художеств и рукоделий сначала поступлено было несколько медлительно для того, что трудно было доставать материалы, кои издалека сюда возить надлежало, также и некоторые мастера, нужные орудия, как, например, ткачи — свои станы, хлебники — просевальную машину, помощью бы которой одною рукою рожь и пшеницу просевать, и тем трудного и дорогого просевания российской уже молотой муки избежать можно было; кожевник для мятья кож лошадьми действующую мельницу и прочее сами делать принуждены были. Однако рукоделия как в рассуждении мастеров и подмастерьев, так и в рассуждении установления фабрик теперь приметным образом умножаются. Но великие издержки для вывозу людей из иностранных земель причиняют в сем деле великие препятствия, и хотя они старания жителей сарпинских не прекращают, однако труд их надлежащим образом не награждают. Нынешняя война ⁴⁸ сделала также сарпинским жителям много препятствий в их предприятиях, ибо они, боясь набегов от кубанских татар, принуждены были около своего селения вести ров и вал, по углам оного сделать шесть батарей, каждую о двух пушках, весь вал обнести рогатками, а в некоторых местах и палисадом ⁴⁹. Сады позади знатнейших строений простираются до самого вала и насажены отчасти плодоносными деревьями, позади которых находится новая аллея, из гороховых деревьев состоящая, кои здесь от семени рождаются и по учинению опыта над другими деревьями всех лучше вырастают.

Но как рачительным сарпинским жителям в сих необитаемых странах соседи их мало помогают, то сие есть главную причину, что сие

учреждение не может придти в такое состояние, в какое б ему по его желанию и прилагаемым трудам придти надлежало. Строение селения за недостатком леса и каменщиков очень медлительно происходит, несмотря на то, что они за все весьма дорого платят, а по большей части к великому вреду земледелия во время сенокоса и жатвы недостает работников. Ибо во время сухой и жаркой погоды хлеб весьма скоро зреет, то часто половина семян на землю высыпается. Надобно б было думать, что соседство Царицына для Сарпинского полезно, но при всем том выходит противное. Царицынские жители вообще беспорядочны, беспокойны, немиролюбивы и неприятельские мысли имеющие, обижают они сарпинских жителей, когда и где могут. При закупке привозимых на российских судах товаров они им всегда препятствуют. За участие, кое сарпинские жители вместе с ними в Сарпинском острове имеют, затевают непримиримые ссоры, и рыбная ловля в реке Сарпе, которую они у сарпинцев отнять хотели, всему сему ясным доказательством быть может.

Еще достойна примечания в селении Сарпинском изрядно сделанная лавка *, в которой как их фабрик произведения, так и другие товары, кои отчасти для своей нужды, а отчасти и для удовольствия проезжающих выписывают, продаются. Подле сей лавки есть трактир, который, однако ж, не может равняться с немецкими. Я должен еще говорить о селении Сарпинском как обществе евангелических братьев.

Аугсбургского исповедания ⁵⁰ христиане желают не именем только, но и делом быть оными, и по сему то желанию они как во всех братских обществах, так и в селении Сарпинском ввели церковные обряды с внешним и внутренним их состоянием. И так имеет оное селение общего предстателя, которому даны два помощника **. А как они во всем о

* Чрез побег калмык весьма много в лавке убытку сделалось. Ибо сии степные рыцари много питали селение, и, так сказать, оными купечество жило и оживлялось. Сарпинский табак почитали они за вещь хорошую, и так он для земледельца со временем мог быть хорошим и прибыточным промыслом; а теперь более европейскими товарами торговать должно (*Примеч. С.-Г. Гмелина*).

** Теперь там предстателем Даниил Генрих Фик, а помощниками Гассе и Сутор. Как вообще у всех моравских братьев некоторое господствует равенство, и сие то равенство в последнее полное собрание было причиною вольности голосов, а особливо того, что ныне простой народ может говорить вольнее, нежели говаривал прежде, то и сказать заподлинно не можно, предстателя ли более в селении Сарпинском почитают, или его помощников. Хотя имя брат не позволяет одному пред другим братья преимуществ, однако как во всем, так и во всех частях Сарпинского общества явно господствует большинство и подчиненность, несмотря на то, что некоторая часть ни своего подданства, ни своего господства не чувствует и чувствовать не может. И так предстатель неусыпно за всем смотрит, то ж делают и его помощники. Они не только стараются об общем управлении, но имеют также и особенные должности, например, один ведет счетные книги, другой — корреспонденцию; один смотрит за строением, другой — за рыбной ловлею; ходатаем от общества незамужних сестер; другой счет делает лавке, трактиру, винокурне и так далее. <...> (*Примеч. С.-Г. Гмелина*).

блага общества стараются, то оно, чтоб надежнее до намерения достигнуть можно было, еще сверх сего разделено на части, и каждое отделение имеет собственных из своего пола попечителей и работников. Мужеский пол разделяется на женатых, вдовых, холостых и мальчиков, а женский — на жен, вдов, девиц и девочек. Сии отделения называются обществами, в коих для разумения писания Ветхого и Нового Завета временами бывают речи, в которых С(вященное) писание⁵¹ по состоянию каждого общества толкуют и отправляют ежегодно один или два раза особый праздник напомуновения для каждого общества, если к тому или установления оно, или особый какой примечания достойный случай к сему ж присовокупившийся прилучится *. В рассуждении постороннего порядка особливо в том стараются, чтоб никто, которого обхождение может быть вредным, а особливо взрослые и неженатые не жили вместе. А чтоб таким образом удобнее сделать, с одной стороны, нужное распоряжение для обоих полов, а с другой — чтоб дать каждому пристойное жилище и другие выгоды, для того как во всех братских обществах, так и в Сарпинском селении, кроме семейных домов, построены другие для обществ. И так холостые братья живут в своем общественном доме⁵², а незамужние сестры в своем⁵³. Ибо ни вдовых, ни вдов, ни мальчиков, ни девушек не столь еще много теперь в Сарпинском селении, чтоб для них надобно было делать особливые покои. Главное смотрение над общественными домами имеют общества старшины и предстатель, так что без их ведома и изволения ничего переменить не можно. А сверх сего каждый общественный дом старается о работах своему полу приличных. Попечение о душеспасении принимают на себя старшины со своими помощниками, а о домостроительстве и постороннем порядке старается общественный предстатель и общественные прислужники. Живущие в общественных домах содержатся не общим имением, но каждый своею работою. За кушанье, житье, общие домашние расходы, как дрова, свечи, масло на ночнике, всякий платит понеделно некоторую известную сумму, о платье и белье сам старается, а прочим имением располагает по своему произволению. Домашняя общественная экономия отправляется под смотрение общественного предстателя и его помощников. Ему за кушанье, жилье и общие расходы вносят деньги, а он для них исправляет все нужное. В рассуждении работы каждый в доме живущий исправляет ее по своей должности; а кто в оном не живет, тот работает или для семей женатых, ремесленников, или упражняется из положенной платы в земледелии. Есть также в общественных домах ремесла и фабрики, в коих под смотрением общественного предстателя рукоделие отправляется. Подмастерьям за их рукоделие дается обыкновенная плата, а с каждым мастером общественный предста-

* Такие и другие сим подобные праздники состоят в приятной вечере, где всему обществу и приглашенным к тому гостям при звуке музыкальных орудий и при пении благодарственного стиха чай или кофе с прикускою разносят (Примеч. С.-Г. Гмелина).

тель сговаривается, какой он платы в год за свой труд желает, а таким образом рукоделия и фабрики на счет общественного дома с его пользою или убытком содержатся. Подобным образом и сестры работают в сестринском доме, и как предстательница всякий год общества старшинам в домашней сестринской экономии отдает отчет, так то ж самое делает и предстатель холостых братьев.

О всяком общественном доме живущем стараются, чтоб он прилежнее работал, а праздности совсем не терпят. Те, кои за старостью или за болезнью кормиться не в состоянии, таким же образом, как общественные старшины и работники, если не имеют к содержанию себя особого средства, довольствуются пропитанием от общественного дома. Для больных в общественных домах есть несколько больниц, где об них стараются особливые прислужники под смотрением доктора *.

Общественные дома в Сарпинском селении почитаются за насаждения, из коих выходить должны благочестивые, полезные, искусные и трудолюбивые человеческого общества члены, и для того за возрастающими мальчиками и девочками преимущественное и неусыпное имеют смотрение. Ежедневно в каждом общественном доме в особливом на то определенном собрании покое утренние и вечерние отправляются молитвы. Поют также в оных стихи и литургию⁵⁴. В сии общественные собрания приходят также и те, кои не в сем доме живут, но к сему обществу принадлежат. Все братья или сестры, кои живут в общественном доме, обедают вместе; в кухне все так учреждено, что дом никакого убытка не претерпевает, да и никакого также прибытка не имеет. В каждом общественном доме есть спальная зала, где во всю ночь горят лампы и попеременно содержат стражу.

Установления для отрочества, от четвертого до второго на десять года принимаемые, называются детскими учреждениями. Хотя, как уже выше упомянуто, не дается для оных особого дома, однако потребное для них место бывает в обоих домах, то есть в доме холостых братьев и незамужних сестер по правую сторону, и оное называется учреждением мальчиков или девочек. Исправные учителя и учительницы смотрят за отрочеством и наставляют оное так, что сию должность, за главнейший свой предмет, почитая во всем оной жертвуют. Дети в те учреждения отдаются или в совершенное попечение, так что они там живут, кушают и спят, в котором случае родители или сродственники платят сносную сумму денег, или живут у родителей, однако ж не только в определенное для учения часы у них не остаются, но большую часть дня и кроме учения бывают в учреждении. Мальчиков обучают читать, писать, арифметике, музыке, начальным основаниям латинского языка и

* Теперь в Сарпинском селении медиком господин Вир, муж и в своем знании искусный и в обхождении столь приятный, что его не только в Сарпинском селении, но во всей Астраханской губернии весьма почитают. Он приготовляет и раздает лекарства сам, в чем ему двое хороших помощников пособляют (Примеч. С.-Г. Гмелина).

другим, смотря по возрасту, наукам; а девочек — читать, писать, арифметике, вязать чулки, шить и другим женскому полу приличным рукоделиям, и оба пола воспитываются в страхе Божиим под смотрением пастора и других служителей церковных. А как мальчикам двенадцать лет исполнится, то рассуждают, к чему их впредь определить. Если они нужны для умножения числа ученых, то отсылают их в училище, педагогия называемое, а из оногo в Барби, как высшую школу общества. А если они нужны для обучения полезнейшим рукоделиям, то обучают или в доме их родителей, или у другого мастера, или отдаются под смотрение общества холостых братьев и живут в оном с ними вместе. То ж самое делают и с девочками двенадцатилетними, кои присоединяются к сестрам незамужним, или в доме своих родителей, или у других замужних сестер исправлению домашних дел обучаются, равномерно также и в общественном доме незамужних сестер ко всяким полезным и женскому полу пристойным рукоделиям привыкают⁵⁵.

У сарпинских жителей ежедневно бывает божественная служба, которая кроме утренних и вечерних молитв, кои общество и семейные дома за себя отправляют, состоит из двух собраний, из коих одно — в летнее время в полдень, а зимою — в сумерки короткой речью о библейском каком-нибудь тексте; а другое во всякое время по окончании дня в девятом часу пением одного или более стихов отправляются; одним словом, они тщатся пением возбуждать благоговение и для того устанавливают для пения часы. В воскресный день, кроме сего, еще поутру бывает праздничная, всеобщая, обыкновенная молитва, которую они церковною литаниею⁵⁶ называют. После полудни входят они или в полюбовную беседу с другими братьями и прочитывают полученные от них известия, или полезные побуждения к благоговению в обществах представляются. Приобщение святых тайн нигде так благоговейно не отправляется, как у сарпинцев. Они приобщаются в публичной собрания зале, а не в жилых покоях, выключая больных, и обыкновенной всякой месяц в субботу и в воскресенье около полудня, или при наступлении ночи всем обществом в один день, когда все причастники от церковнослужителей получают разрешение, или письменно тогдашнее состояние своих душ откроют. А как общество для причащения соберется, тогда после публичной всеобщей исповеди и разрешения бывает освящение хлеба при чтении слов установления евхаристии⁵⁷, и разделяет на одну сторону братьев священник с дьяконом, а на другую — сестер священник же с дьяконессой. Потом дьякон дает священнику из сосуда часть освященного хлеба, а он, его разломив, дает двоим вдруг. Во время разделения происходит пение, и когда каждый свою часть получит, то бывает всеобщее в мгновение ока приобщение с сими словами: примите и ядите, при сем все или на колени, или ниц упадают. По прошествии же некоторого времени, встав, сидя поют литургию из причастных стихов, потом чаша при чтении слов установления евхаристии освящается и при помощи дьяконов кругом братьям и сестрам преподается, и литургия из стихов страдания над святою кровью отправляется. По окончании всего

действия целует один другого при пении пристойной молитвы в знак мира и благословения.

Для истолкования слова Божия употребляются в собраниях изречения, или учебные стихи. Толкование предлагается просто без красноречия и учености; однако приметить можно, что толкователь подлинно тому верит, что говорит. При крещении отрицания не употребляют. Если родится мальчик, то предстатель холостых братьев; а если девочка, то одна из незамужних сестер восприемниками бывают. Как в других церквях, так и в Сарпинском селении, бывают отцы и матери крестные. Вместо погружения поливают у младенца водою грудь трижды.

Установление гражданских браков, как и в Европе, введено в обыкновение, так и в селении Сарпинском оное по силе первоначального его намерения в совершенном употреблении. А как братия того не терпят, чтоб холостые люди различного пола тайно спознавались, без ведома родителей, приятелей и начальников сватались, и в рассуждении брака давали обещание, то, если брат для своего рукоделия или других обстоятельств желает иметь себе помощницу, или помянутую девицу для перемены своего состояния за полезную и нужную почитает, старшины одну его состоянию, упражнению и прочим обстоятельствам, сколько возможно, соответствующую сестру представляют, и если обе стороны по довольном рассуждении добровольно между собою согласятся, тогда в присутствии нескольких свидетелей обручаются, о союзе оных публично объявляют, а по прошествии некоторого времени священником венчаны бывают. Это справедливо, что незамужние сестры в селении Сарпинском поздно выходят замуж; ибо большая часть тридцать и более лет должны того дожидаться. Причине тяжелых родов, что в селении Сарпинском часто случается, кажется сие приписать можно⁵⁸. В состоянии семей в селении Сарпинском нет ничего особенного. И так учреждение общественных домов, чем сие общество от других отличается, и от которых они более пользы, нежели от монастырей, надеются, есть то одно, что за отмену почесть можно. Погребения умерших отправляются без всякого великолепия, не слышно плача, не видно печального платья, но более украшаются в тот день, и тем показывают свою радость, что человек паки сделался счастливым, достигнув своего конца. Если возможно, чтоб человек совершенно мог отрешиться от любви к жизни, то почти можно бы думать, умирающий сарпинец не лицемерит. В светлое воскресенье рано поутру все общество сходится на кладбище, и отправляется там литургия. По воскресеньям, праздничным и торжественным дням, также когда бывает причащение, созывают в собрание трубным гласом. Сарпинская церковная музыка приятна и чувства возбуждающая.

Постановления в священный сан в братской церкви, хотя естественно бывают при окончании синода⁵⁹, но также и для посылок к язычникам и при других сему подобных случаях отправляются служением обыкновенной церковной литургии, или другого к тому приличествующего церковнослужения, бывает при сем особенное на постановление в сей сан сочиненное моление, и обыкновенно говорят об оном речь, возлагают

руки и читают молитву, к поставляемому лицу приноровленную. Епископы⁶⁰ обыкновенно поставляются от трех епископов из их общества, проповедники от епископов, а дьяконы от епископа при помощи одного проповедника. Есть также в селении Сарпинском и дьякониссы, кои женскому полу для внешнего порядка и благопристойности, равно как дьяконы мужскому служат. Их также посвящает епископ иногда при помощи старшин, а иногда и без оных, только при сем случае, когда причастные дары разнесены будут, священники выходят в ризах, в прочем их платье ничем не разнится от платья других братьев. Сарпинские жители ходят не в дорогом, но только в хорошем и чистом платье.

Можно бы думать, что имя Сарепта, коим сарпинцы свое селение называют, собственно от реки Сарпы происходит, но я думаю, что 26-й стих 4-й главы евангелиста Луки так оно проименовать служил поводом⁶¹.

Между Царицыном и селением Сарпинским на западной стороне Волги из гор от города Самары⁶² вдоль Волги до сего места, наподобие плоскослойных холмов простирающихся и при селении Сарпинском в кубанскую степь уклоняющихся, вытекают три речки, кои вообще Ельшанками называются, и различаются одна от другой только сим наименованием: первая, вторая и третья Ельшанки. Первая — в семи, вторая — в двенадцати и третья — в осьмнадцати верстах отстоят от Царицына. При самом Царицыне с южной стороны крепости из тех же гор вытекает еще другая маленькая речка, через которую летом пешком ходить можно, и имеет чрезмерно высокие крутые берега, а близ оной находятся страшные, глубокие пропасти и осыпи.

Я намерен был из Царицына в Астрахань ехать водою; для того, купив судно, перебрался на оное и, приехав к средней Ельшанке, остановился у оной в том намерении, чтоб осмотреть Сарпинские горы. Я приказал их в некоторых местах разрыть, а в других изведовал посредством горного бурава, и узнал, что во внутренности оных с малым только различием находятся те же самые тела, кои страна около Самары рождает, и для того тем более в сем мнении утвердился, что сии горы с Самарскими имеют соединение. Будучи там целую неделю, нашел великое множество самого лучшего железа, купоросу, железной руды, серного колчедану и следы каменных углей, а в илу во множестве опять показывался примеченный на Дону селенит; были также явные признаки квасцов. Купоросная земля столь богата купоросом, что третья часть оной состоит совсем из чистого купороса и при последней ссадке садится столь чистой, что его в рукоделии употреблять можно. Между сими горами находятся опять глубокие, от обвала земли сделавшиеся ямы, в коих видны примечания достойные растения; чернокленник, тавалга * и татарская жимолость **. Близ тех мест, где горы в степь уклоняются, при-

* *Spirea crenata* (Примеч. С.-Г. Гмелина).

** *Lonicera tatarica* (Примеч. С.-Г. Гмелина).

метил я два источника с серною водою, которой вкус и запах явно доказывали находящийся в ней серный спирт, да и по учинении других опытов то ж оказалось, а сверх сего есть в оной небольшая примесь средней соли, которая имеет свойство соли слабительной. В десяти верстах от Царицына, где нынешний царицынский комендант ⁶³ завел сад ⁶⁴, есть также другой на берегу Волги находящийся источник, в котором вода с вышеописанною совершенно сходствует, а во всех оказывается горькая соль, с железною смешанная земля. Стоило б труда, чтоб получить пользу, еще основательнее исследовать страну сию, а мне на сие недоставало времени и случая. Двадцать первого сентября, оставив я страну сию, при неспособном ветре продолжал путь мой в Астрахань. Переехав одну версту, имели мы в левой стороне Сарпинский остров ⁶⁵. Он в длину от пятнадцати до двадцати, а в ширину на десять верст простирается и, несмотря на песчаное место, нарочито плодоносен: на нем водится разная дичина, богат лесом, а по стечению полой воды родится много спаржи, весьма выгоден для сенокоса, на нем же находятся пятьдесят рыбачьих шалашей, царицынским жителям принадлежащих, да и сарпинские жители владеют также небольшою частию сего острова. Ночью поднялась буря, для того мы принуждены были пристать с судном у устья реки Сарпы.

Но как я был очень близко от селения Сарпинского, то не мог миновать, чтоб еще не побывать в сем изрядно учрежденном селении. Я разговаривал с некоторыми знатными членами сего общества, и по окончании разговора оставил их с весьма справедливым примечанием, что внешнее состояние людей может быть живым свидетелем доброго и худого расположения их душ. <...> Сего дня буря хотя и утихла, однако ветер дул тот же, что и прошлого дня, и для того ехали очень тихо. Бабы птицы ⁶⁶ летели в низ Волги, а кроме них и серых чаек еще никакие стадные птицы к слету не собирались. Западный берег Волги состоял всегда из слоев, друг на дружке лежащих и возвышенных глинистых гор, в коих во множестве показался паки селенит, о котором я в первом томе при Нагаевской станице упоминал, а теперь уже увидел оный и недалеко от Царицына. Горы иногда больше, иногда меньше возвышались, берег от различного сильного действия Волги был различного свойства. С удивлением увидел я на верху гор между кустарником растение, дикий или волчий перец * называемое, и в полном цвете малый дикий миндаль. Сие уже доказывает хороший климат страны сей. В сем месяце ел также я стручки и бобы, кои сим летом созрели и опять из посаженных семян выросли. Татьянанский остров, отстоящий от Царицына в тридцати двух верстах, имеет в длину пять, а в ширину две версты, изобилен лесом и необработан. Мы мимо оногo, проехав вечером, ночью очень поздно, пристали к берегу у Поповицкого форпоста, который отстоит от Царицына в пятидесяти верстах. Сей форпост есть такого со-

* *Daphne mezereum* (Примеч. С.-Г. Гмелина).

стояния: всякий год или через два обыкновенно посылаются в Царицын шестьсот донских казаков, кои ставятся с другими регулярными войсками как по Царицынской линии и в трех от оной находящихся крепостях, так и употребляются к тому, чтоб дорогу по Волге между Царицыном и Черным Яром от давно уже там известных разбойников, коих еще и ныне несколько бывает, совершенно очищать. И так на каждых двадцати пяти или тридцати верстах на западном берегу Волги, который уже давно определен для почтовой дороги до Черного Яра⁶⁷, находятся порядочно небольшим редутом окруженные караульни, и при оных живут в бедных землянках по двадцати четыре казака, кои состоят под смотрением сотника⁶⁸. По прошествии каждых четырех месяцев они сменяются, и по году или около двух лет служат на линии.

Сии на форпостах находящиеся казаки отправляют также и почты: они должны проезжающим с порядочными подорожными давать подводы и на казенных судах употребляемы быть в греблю. Если хочешь бедную тварь в свете себе представить, то должно на память привести донского казака⁶⁹, на линии стоящего. Само собою явствует, что из отчины своей казаки посылаются самые бедные и неспособные, кои не в состоянии были ни просьбою, ни деньгами от сей тяжести освободиться. Здесь поступают с ними так, как едва ль прилежный хозяин поступает со своим скотом. При величайшей бедности, в которой казак едва сухим хлебом голод свой утолить в состоянии бывает, должен в худой одежде сносить тяжесть жара и жестокость стужи, или со своими товарищами укрываться в темную конуру, в которой непривыкшему ни одной минуты пробыть невозможно, потому что воздух, который они в оной в себя принимают, есть гнилого свойства; а для одной, или двух своих лошадей, в коих состоит все его стяжание, не имеет он такого корма, который для понесения таких трудов, коим лошади сих казаков подвержены, требуется. Наконец по прошествии сего несносного времени возвращается он со своими измученными лошадьми, если только удалось и свою и их спасти жизнь, в свое отечество беднее прежнего. Есть между ними и такие, кои, принося свое имение с собою, тем самым служат к отягощению бедных, ибо, как говорят, что они своими деньгами умножают доходы начальствующих, с тем чтоб по крайней мере прежде прошествия определенного времени домой возвратиться.

От двадцать третьего до двадцать пятого. Несчастные приключения, коих на воде в сие время ожидать можно, сильно на нас устремлялись. Я досадовал прежде на противный ветер, на тихую погоду, а теперь узнали, что сие происходит от провидения, которое нас от очевидной гибели спасает. Лишь только отъехали мы от помянутого форпоста несколько верст, то с запада столь сильная поднялась буря, что волны чрез наше судно ходили, и гребцы, будучи люди в сем деле искусные, совсем не знали, как продолжать путь свой. При самой крайней нужде, в которой мы находились, двадцать третьего числа пополудни, может быть к нашему счастью, попали мы на мель, с которой, лишены будучи всей помощи, не прежде полуночи сойти могли, но спокойствие наше недолго продолжалось; ибо погодую нас носило то на ту, то на

другую сторону Волги, и сие было причиною, что мы до другого утра шесть мелей объезжать принуждены были, пока, наконец, приехали к каменному форпосту. Тут уже погода для нас была благополучнее; и так мы в полдень прибыли к форпосту Мазанскому и сего ж дня приехали и в Черный Яр, если б под вечер у нас не отломился руль и не принудил нас, бросив якорь, остановиться. На другое утро, освободившись от сего несчастья, поехали мы далее.

За птицами-бабами, коих я за несколько дней в теплые страны перебирающихся видел, летели сего дня великими стадами бакланы, и я приметил, что они летели всегда вместе с бабами, и обеих пород многими сотнями собиралось. Перелетающих колпиц видел я сего дня в первый раз, но они летели от бакланов и баб всегда отдельно. Солянку, которой Буксбаум⁷⁰ в третьей сотне своих растений на шестой на десять таблице рисунок представил, и с винтовидными стручками мышачий горох, которого я никогда на Дону не видывал, господин Габлиц⁷¹ принес мне сего дня в первый раз; его по волжскому берегу растет очень много. Листы у сего последнего растения всегда, по крайней мере по краям, мохнаты, а не такие, как Буксбаум приметил. Прочие же растения, кои мне по сие время при Волге попадались, суть те ж самые, которые я между Царицыном и бывшим моим на средней Ельшанке станом имел случай описывать.

В Черный Яр приехали мы двадцать пятого числа около одиннадцатого часа. Сия крепость во владение царя Михаила Федоровича⁷² в 1626 г. из Москвы нарочно посланными воеводами⁷³ Андреем Глуховским и Матвеем Львовым заложена, тогда Черноярским новым острогом названа. В 1633 г. по указу помянутого царя сделана крепостью и по воспоследовавшем шестого числа августа 1741 г. пожаре опять в 1742 г. порядочно выстроена и валом и палисадом обнесена. Она имеет в длину не с большим сто пятьдесят сажень и ровными с обеих сторон улицами поперек пересекается. В ней как казенные, так и обывательские дома деревянные, а соборная церковь, которая посреди города находится, каменная — на оной есть и хорошие боевые часы. Яр на российском языке значит возвышенный крутой берег, а как сей город на таком стоит берегу, который состоит из черной, жирной земли, то посему и называется Черным Яром. О сей берег, который чрезвычайно крут, Волга весною во время полои воды очень сильно ударяется и уже из давних лет знатную часть оногo затопляет и ныне сказать можно, что по прошествии тридцати лет не будет более Черного Яра, если Волга не перестанет столь преимущественно склонять течения своего на запад. Сие ж самое, хотя несколько в меньшей степени, начинается и при Царицыне. Земля, к владению Сарпинскому принадлежащая, лишается всякий год некоторой части своих дач. Между тем весенняя вода, с волжских плоскогорных гор катящаяся, делает ямы, в сих странах под именем буераков известные, и через то претерпевает вред твердая земля. Если в Ингерманландии⁷⁴ теперь стараются болотистые страны так осушить, чтоб они к сеянию хлеба были годны, и если сии труды награждениями ободряются, то б старающиеся о домостроительстве патриоты заслужили немалую благодарность, если б показали, как сделать оплот, который бы стремительно-

му рвению Волги силою, крепостью и без многих издержек наконец положил предел, так же и тот, который бы подал расположение для прекращения вреда, буераками причиняемого.

Кроме гарнизона, полковником управляемого, который как в Царицыне, так и во всяком городе отправляет комендантскую должность, живут в Черном Яру казаки, судовые промышленники и малое число купцов, кои, однако ж, по своему достатку знамениты. Если я не мог хвалить поведение жития царицынских жителей, то тем благосклоннее отдаю похвалу жителям черноморским. Главный их промысел, коим они содержатся, бесспорно есть рыболовство. Получают также прибыль и от соли, которую берут из лежащего при Большой Богде на Яицкой степи в двадцати верстах ниже Черного Яра, Баскунчакского озера, которое находится в шестидесяти верстах от соляной пристани. Сверх сего торгуют они с калмыками, также и тем промышленяют, что сих степных рыцарей на нарочно сделанных судах чрез Волгу туда и сюда перевозят. Сей последний промысел не так мал, как, может быть, иной подумать может, ибо одно такое судно в год, если послужит счастье, около пяти сот рублей доходу принести может.

Выехал я из Черного Яра в вечеру и имел счастье получить тут дружеское письмо через канцелярию, которое ей господин доктор Лепехин ⁷⁵ для отдачи их мне вручил. <...>

— И.-Г. Георги —

ОПИСАНИЕ ВСЕХ ОБИТАЮЩИХ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ НАРОДОВ [1770—1773]

<...> У Астрахани ¹ находятся развалины древней Астрахани; а выше сего города обретаются на Волге у Царицына на левом берегу реки такие же развалины и вал обширного города ². <...>

Евангельских братьев общество составляет из себя особенное поселение, называемое *Сарептою*. Оно также основано в 1763 г. ³ шестьюдесятью семьями, вышедшими, но с другими подобными поселениями, не имеет никакой связи. Обиталище их есть небольшой укрепленный и весьма порядочно выстроенный городок при устье речки Сарпы ⁴ с правой стороны Волги, двадцать две версты ниже Царицына и около трехсот верст от Астрахани. Удел сего поселения простирается до семи верст в поперечнике и состоит частью из возвышенных гористых степей и частью из берегов и залива Волги и двух лесистых островов. При избрании сего места имели в виду евангельские братья случай обратить в христианскую веру кочующих тут волжских калмыков яко ревностные попечители о том, а яко поселенцы — торговлю с сим кочевым народом, как и по Волге с Астраханью, и другими, лежащими по оной, городами ⁵. Заведение их не

как прочих саратовских поселенцев — деревенское, но городское, и имеет основание верное к лучшим успехам. Всех братьев и сестер ныне до пяти сот душ. Они взирают на себя как на одну семью, а на старейшин своих — яко на отцов семейства. Целое общество их вообще получило в заем от казны на несколько лет, без платежа процентов, знатную сумму для обзаведения своего. Оно завело у себя небольшие бумажные и шелковые фабрики, для которых материалы или надобные вещества получает из Бухарии и Персии; имеет разных рукоделов, Гостиный двор, в котором держат и продают свои произведения и чужестранные товары для торговли, наиболее с калмыками, а для пособия общественному домоводству — небольшое хлебопашество и скотоводство. Евангельские братья охотно занимаются тем, к чему больше имеют способности или где помощь надобна; к промыслам своим прилежны и способны, в обращении праводушны и христиански любовны, в житии скромны и бережливы, и чрез то и заслужили доверие как от россиян, так и калмыков, которые, хотя и не хотят быть обращены в веру христианскую, но охотно и с великою искренностью обращаются с сими поселенцами.

Все сии европейские чужестранцы, обитающие в России, сохраняют ненарушимо свое наречие, одяние, исповедание, образ жизни, наружный вид и нравы и при всех переходах от рода в род весьма мало изменились. <...>

Дубовский казачий полк имеет главное местопребывание свое и канцелярии своей в укрепленном несколько местечке, или городке *Дубовке*, на правом берегу Волги, при устье речки *Дубовки*, в пятидесяти трех верстах от Царицына. Часть их живет в больших деревнях, или станицах, по берегу Волги, по обе стороны *Дубовки*. Вся земля, принадлежащая сим казакам, на правом берегу Волги около ста верст в длину, а в ширину около шестидесяти верст. Казаки сии имеют своего войскового атамана ⁶ и других чиновников, артиллерию, оружие, амуницию, собственных лошадей, свое произвольное платье и прочее так, как и донские, и считается их, готовых всегда на службу, более тысячи человек, хотя может их во всякое время сесть на конь до трех тысяч. Войско сие находится под начальством царицынского коменданта ⁷, а как всегда большая часть их на службе, а некоторые расставлены на почтовых станциях, то и производится им во всякое время жалованье ⁸. <...>

Астраханские казаки, живущие частью в Астрахани, а частью — в деревнях между Астраханью и Царицыном, на правом берегу Волги, по 1750 г. состояли в службе из трехсот человек, а ныне равняются числом, да и превосходят еще дубовских, но зато уже все они, не оставляя ни одного на дому, отправляют службу. Все учреждение их то же самое, что и дубовских, а следовательно, и составляют таковые же, как и донских казаков ⁹, полки. Они всегда получают жалованье, а зато и всегда на службе, и находятся под начальством астраханского коменданта. Главная служба их состоит в содержании почтовых лошадей по станциям и надлежащего числа провожатых для проезжающих и для везомых по почте вещей; за первое получают они положенные прогоны, а последнее составляет их

службу по большей дороге от Астрахани до Царицына и даже до Кизляра¹⁰, за что они иногда бывают в выигрыше, а иногда и убыток от того терпят¹¹. <...>

☞————— П.-Ф. Паллас —————☞

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА [1773—1774]

<...> 24-го числа¹ поехал я из Чернояра² далее. От сего места до Царицына подставы³ содержат донские казаки⁴, которые каждые четыре месяца сменяются и живут в худых хижинах и в некоторых зимних подземных жилищах. Для безопасности укреплены их малые жилища валом и рвом, наподобие редута⁵. Первая подстава за Чернояром называется *Мазанская*, или по близлежащей ватаге⁶ — *Ступинская*. На пути к оной, где был чернозем, показывалась во множестве изрядная *восточная капуста* с уже созревшими семенами. В сем состоянии изображает она многочисленными ветвями кругловатый хворост, ветром колеблемый, как то в нынешнее время бывает с *Sefeli pumilum*, а осенью — с простым *Polyspermum* и со *Statice*, которая сродни наиболее с *Limonium*. Донские казаки едят обыкновенно сырые молодые стебли вышесказанной капусты и называют сию траву белым катраном; напротив того, упомянутая *Statice* называется у них *красным*, или *настоящим*, катраном и особливо по той причине на Дону весьма известна, что в южных безлесных местах дикие ее коренья с великим трудом вырывают и употребляют на дубенье кож, которые от сего скорее приготавливаются, нежели от дубовой коры.

Выше Чернояра на поемных и других местах к Волге простирающихся, которые ниже сего никаких растений кроме ив и лозняка не имели, более становится кустарников, между коими особливо рос во множестве терновник.

Ближняя подстава называется *Каменская*, и получила сие название от находящегося в степи недалеко от оногo надгробного камня. Между сей и следующею подставою идет дорога по длинному мосту, который казался очень обветшалым, через глубокий и пространный буерак, в котором речка Вязовка к Волге протекает. Сия затхлая и весной весьма наводняемая речка называется у калмыков *Багырдай* и происходит с лишком за 25 верст в западную сторону из тамошнего степного, тростником заросшего болота, из которого проходит к Сарпе⁷ другой водянистый ров, называемый Гологой, и в нескольких верстах выше геренгутского Сарпинского селения, не имея точного устья, оканчивается и называется только в высокую воду.

Около того места, где Богардай совокупно с Гологоем происходит, видны остатки каменного строения, доказывающие, что здесь находились прежде сего хорошие, может быть, ногайские жилища. Также видно по всему тому месту даже до Чернояра и вниз по Гологою множество весьма высоких курганов, в коих лежат тела отчасти в местах кирпичом окладенных по одиночке, отчасти тела многих чаятельно простолоюдинов, обыкновенно в деревянных могилах. Нередко же седла и сбруи с серебряною оправою, с прочими дорогими вещами награждали труды гробокопателей; и посему редкие из сих курганов не раскопаны. На Каменской подставе настигла нас ночь.

За сей следующая подставка называется Золотникова, и лежит при одной ватаге сего имени. Дорога идет туда через места различных свойств, на которых малорослая мята везде росла, и будучи растоптывана лошадыми, наполняла воздух своим запахом. Недалеко от подставы идет дорога через два глубокие ключами и дождевою водою промытые крутые буераки⁸, называемые *Соленые буераки*; потому что глинистый берег и земля оных весьма солены, и последняя почти ничего не производит, кроме изрядных повсюду рассеянных соленых растений и тамарисковых кустов. Столь же изобилует солью страна и все от дождевой воды происшедшие лужины около подставы, и земля в таком состоянии простирается большей частью до Сарпы. По каждую сторону упомянутых *соленых буераков* виден толстый слой хорошей темно-серой мыловатой глины, каковая также и на волжских берегах в сей стране и даже за Царицыном находится. Сей почти горизонтально лежащий слой, который, однако, несколько к югу отлогим быть кажется и лежит, по-видимому, при Царицыне выше, а в берегах упомянутой Вязовки — гораздо толще, чаятельно есть причиною солености на нем лежащей глинистой земли, коей соленые частицы или не могут от больших дождей так размываться и входить в глубину, или от сего же самого глинистого слоя или других где-нибудь на нем лежащих приумножаются. На некоторых местах, особливо при Царицыне, сия глина весьма способна к горшечной работе и, когда обжигается, столь же почти красна и нежна с виду, как китайская тонкая глина. Из сей глины делали, особливо некоторые военнопленные турки в Царицыне, разную мелкую посуду, чернильницы, курительные трубки и тому подобные вещи. В соленых буераках, как и в вышепомянутой Вязовке, находится в сей же самой глине много рассеянного мелкого селениту. Наиболее сия страна, где такие ямы находятся, учинилась достопамятною последним и конечным поражением Пугачева⁹ и его сообщников в августе 1774 года.

До Поповицкой подставы почти ничего на дороге не растет, кроме солончаки любящих растений в сухой и глинистой степи, под поверхностью находится равным образом великое множество хамитов и других раковин, о чем из рвов легко удостовериться можно. Но от вышепомянутой подставы становится земля несколько выше, песчана и трависта и в таком состоянии простирается до Татьяновской подставы, от которой в 5 верстах находится река Сарпа и изрядное за 8 лет там заведенное селение Моравского братского общества¹⁰, которому основатели

дали библейное наименование Сарепта ¹¹; там должен я был, как для наступившей ночи, так и для ужасной грозы и сильного ливня, пребыть до другого дня. Сие Сарпинское селение основано в 1765 г. от секты, известной под именем братского общества, или моравских братьев, по полученному высочайшему позволению совершенно с отменною милостью и преимуществами. Основание к населению сего места положили пятеро так называемых братьев, которые как посланные для избрания места к строению и страны для поселения в вышеозначенном году сюда прибыли. После того приумножалось оное ежегодно добровольно из Голландии и Германии стекающимися переселенцами упомянутого общества, так что в оном теперь 250 душ обоего пола считается, коих число всякий год несколькими новыми пришельцами возрастает. Место по учиненному расположению еще не выстроено, но состоит уже и теперь из довольно числа хорошо выстроенных частью деревянных домов, частью мазанок, к которым ежегодно новые присовокупляются.

Прекраснейшее и самое большое здание в нем есть новая каменная церковь, состоящая из верхней и нижней, с невысокою башнею, на которой недавно поставлены боевые часы ¹². Подле оной построены два большие дома, из коих в первом живут холостые братья, а в другом — незамужние сестры, которые иначе вступить в брак не могут, как с позволения главнейших начальников, и обыкновенно весьма поздно к оному приступают, несмотря ни на какие невыгоды сего природе противного принуждения ¹³. В числе первых находится много хороших ремесленников, как то: портных, башмачников, чулочников, кожевников, столяров, слесарей, хлебников, перчаточников, серебрянников и проч. Также есть у них фабрика, в которой делают платки полушелковые, бумажные и разноцветные льняные материи, которые, равно как и все их работы, весьма хороши; и обыкновенно продаются по примеру всех геренгутских рукоделий довольно высокою и постоянною ценою. Девицы кормятся шитьем, также вяжут чулки, прядут бумагу и моют. При обоих домах для хозяйства сделаны пристройки, где держат нужную для извозу, дойную и на убой назначаемую скотину.

Прочие общественные строения в сем селении суть: постоянный дом с винокурнею, свечная фабрика и мыловарня, лавки или рынок с табачною фабрикою, аптека, хлебная и пильная мельница, к потребности коих сделана при том месте на Сарпе плотина; домов обывательских построено 10, между жителями коих находятся кузнец, горшечник, трубный мастер, ткач полотен и лавочник. При домах сделаны малые огороды, и весьма великой находится при доме братьев и при аптеке, где также живет и доктор того места. За сим местом по Сарпе разведены табачные посевы, которые здесь прибыточны ¹⁴. Селение укреплено валом, рвом и рогатками и снабжено шестью батареями, из коих на каждой по две пушки находится для обороны; также через Сарпу и разные крутые овраги имеет оно столь выгодное местоположение, что может похвастаться весьма крепким, по крайней мере, против степных народов; весьма малой гарнизон солдат живет в тамошних казармах и сменяется из Царицына ¹⁵. Менее версты от сего селения лежит на высоком месте деревушка или скотный двор, где

весьма много держат скотины и довольно упражняются в землепашестве. Поелику сие строение лежит на мокрой и болотной земле, то по сие время не могли там разводить овец. Равным образом много падает молодой рогатой скотины. Позади сего строения находится быстрый источник, который трубами, проведенными в то место и ко всем общественным домам, снабжает жителей хорошей водой ¹⁶.

В двух верстах повыше сего селения при подошве увалов, вниз по Волге простирающихся, начали строить деревню, которая потом от находящегося при оной обделанного быстрого ручья получила название *Шенбрунн* ¹⁷. Теперь состоит она только из 6 крестьян, но должна умножиться до 20. Ее местоположение приятно, и она имеет на увале довольно пахотной земли, также и лугов. Но по сухости того места ничего не можно ожидать от земледелия, и хлебопашцы до сего времени более всего кормились от посева табачного. Земля при селении вообще, даже до ската и буераков высоких песчаных мест, из коих плодороднейшее, называемое Чегурник, по-калмыцки Боштуту, по причине далекого расстояния и малого числа хлебопашцев не могло еще употреблено быть в пользу, худа для пашни, и почва ее по большей части суха и солена, и в обыкновенные здешние летние засухи никаким образом лучшею и плодороднейшею быть не может. Обывательские огороды должно бы было расположить ниже при Сарпе либо весьма поливать, если не всему на высоких местах посохнуть должно; один только лен, по-видимому, с выгодой сеять можно; потому что здесь, как и в Донских степях, растет его много дикого и находится как в природном ему месте. Из хлеба хорошо бы было здесь сеять египетское жито, которое наиболее засуху сносить может. Сенокосы находятся на волжских пойменных местах и на так называемом Сарпинском острове ¹⁸, равным образом вверх по Сарпе также и дров к домостроительству про нужду довольно, но немного дуба, растущего в расселинах возвышенных мест и на упомянутом острове, которого едва только стает на нужду; а строевой лес должно привозить из волжских верховьев. Рыбная ловля на Волге, где селение некоторые места откупает, прибыточна. В Сарпе водится также простая рыба, сазаны, а теперь и раки, кои в ней разведены, но она не совсем принадлежит к селению, и жители царицынские оспаривают оную сим поселянам. Водяных диких птиц находится здесь довольно весною, а зимой — множество рябчиков и зайцев; весною и осенью более всего бывает на Сарпе диких гусей и всякой породы уток, из коих также многие в тростнике озера или залива, составляющегося от сей реки, обыкновенно вьют себе гнезда.

Общественное содержание селения состоит, кроме вышепомянутой рыболовли, в держании многого скота, нужного, но редко производимого и на пищу недостающего, хлебопашестве и довольно прибыточных табачных посевах, особливо в курении вина, которое от казны на откуп отдается и весьма прибыльно; в постоялом дворе, который также бесполезен; в лавках, хорошо снабженных товарами, от коих однако прибыль не мог, кажется, быть велик, и после того еще более уменьшился по причине ухода калмыцких орд; в свечной фабрике, в которой весьма великий рас-

ход на товар бывает; в табачной фабрике, которая от приходящих туда многих калмыков великие получает выгоды; в хлебном торге, который также по причине побега ханских калмыков уменьшился, и, наконец, в хлебной и пильной мельницах, из коих последняя мало выгоды доселе приносила и коей недостаток должен первой быть награждаем *. Все способы к прокормлению могли бы здесь получить приращение, если бы посредством мира заключен был торговый договор с бессарабскими в Куманских степях ныне обитающими татарами и обращен на сие селение.

Дома так, как и все теперь упомянутые заведения, построены из общего иждивения; и жители оных платят уже теперь за оные по 6 процентов ежегодно. Но как главная их сумма, данная им от высокой короны на 10 лет без процентов, состоит из 40 000 рублей, то они, отдавая оную в сии ежегодные проценты, в уволенные от процентов годы уже шесть десятых частей внесли в казну. По прошествии сих свободных годов селение должно заплатить в казну вышепомянутую сумму или в силу указов платить за оную проценты; но после 30 лет должно начаться счисление главного поземельного сбора с селения, которое, сколько мне известно, заключает в себе только 4 000 десятин, и есть как бы некая подать, которую селение платить обязано, полагая на каждую десятину по 25 копеек, так что она по сему ежегодно приносить будет по 1 000 рублей. В продолжении 10 свободных годов переселенцы, желающие возвратиться в свое отечество, должны внести в казну выданные им на проезд деньги, коих на каждого положено по 32 рубля; но по прошествии 10 лет будут сии деньги подарены переселенцам.

Кроме сих выгод имеет Сарпа пред всеми другими в России заведенными немецкими селениями и то преимущественное право, что зависит непосредственно от высочайше учрежденной в Санкт-Петербурге Опекунской канцелярии ²⁰, а не от какого другого провинциального правительства; к сохранению внутреннего благоустройства избраны между ими предстатели, кои обязаны пеших о благе всего общества и содержать все в порядке, равным образом вести счета общественных издержек; за что они, как церковные учителя, из коих один епископом называется, доктор и иные нужные в обществе чиновники получают некоторое годовое жалованье из общих доходов. Сверх того есть еще надзиратель и надзирательница обществ безбрачных братьев и сестер, которые и называются надзирателями обществ и купно с особливым проповедником обою общества должны содержать своих подчиненных в обыкновенном сей секты строгом благочинии и в добропорядочной жизни. Предстателям придаются всего общества помощники, которых жители между собою

* Хотя Сарпинское селение наполнено было по несчастью 1774 года в августе главными, по ныне благополучно истребленными, яицкими опустошительными бунтовщиками; однако предложенное здесь описание и для будущего времени служить может, потому что здесь живущим братьям, хотя с потерей большей части их имущества, посчастливилось спастись, частью водой, частью сухим путем в Астрахань ¹⁹. <...> (Примеч. П.-С. Палласа).

избирают и кои обыкновенно советниками называются. Сии составляют купно с учителями, надзирателями и предстателем холостых мужчин собрание, называемое собранием надзирателей, где пекутся о светских упражнении общества, разбирают распри, преподают церковное учение и имеют довольно неограниченную власть. Малый совет составляют так называемые *помощники*, в которой представляет общественные дела, прежде нежели оные предложены будут в так называемой *коллегии*, и наконец установлено еще собрание всех мужчин, допускаемых к причащению, под именем общего совета, который бывает чрез каждый месяц и в коем каждой свободно говорить может. Без сего нижнего парламента никакой особенной перемены в экономическом распоряжении и отправлении общественных дел произойти не может, и в нем решаются оные по большинству голосов. Сему великому совету должны предстатели отдавать по прошествии года отчет в своем начальстве, и представлять выписки исчисления приходов и расходов, кои надлежит начальникам и управителям общественных дел вручать сим предстателям ²¹. <...>

<...> Кратко присовокуплю еще к тому нечто о различных духовных в здешнем обществе употребительных собраниях. Порядок духовного собрания переменяется не без особых обстоятельств и причин, дабы каждый поселянин располагал по оному свои упражнения и работы и не имел бы нужды упускать что-либо из оных. Собрания бывают у них отчасти публичные, в которые каждый, даже и калмыки, входит может, отчасти особенные, для причащающихся, каковые происходят также для безбрачных братьев и сестер, так называемые *хорные собрания* ²². По порядку бывают в неделе ежедневно по 2, а в воскресенье по 3 и по 4 раза такие собрания. Собрания по простым дням продолжаются чрез всю зиму с Михайлова дня ²³ до Святой недели ²⁴ по вечерам, так что первое начинается с 7 часов вечера, и если оно всеобщее, то называется *часом чтения*; потому что в оном по большей части или из священного писания, или из других поучительных книг как говоренные речи, либо проповеди читаемы бывают. Но не всегда еще собрание бывает всеобщее, ибо по два, чаще же по три раза в неделю, особливо во вторник, четверток, а иногда в субботу, собираются причащающиеся или так называемые *причастники* на богомолie; при чем обыкновенно поют духовные песни, или, как они называют, *литургию* ²⁵; но иногда читают также некоторые важные известия, приносимые от их собратий в других местах жительствующих. Летом бывает сие первое вечернее собрание по утрам в 8 часов; напротив того, второму собранию положено быть всегда летом и зимою в 9 часов вечера, и оно называется *часом пения*, потому что в оном поют стихи из разных церковных песен, назначаемые начальником сего собрания. Воскресные собрания следуют своему порядку; по утру в 8 часов бывает церковное пение; в 10 часов вечера так называемое общественное собрание, которое также проповедью почестся может.

Причащение ²⁶ у них бывает каждые четыре недели, по подробнейшей и строгой исповеди — и отпущение грехов. Сия частная проповедь называется у них *беседою*, которую имеет в каждом уделе так называе-

мый надзиратель и всю свою власть в том показывает. Все допускаемые к сему таинству причащаются вместе и духовные оные отправляющие, первейшим священником или епископом из надзирателей и предстателей избираемы бывают, облачаются при сем случае в длинное белое платье; во время же простого моления говорят проповеди, сидя за столом, в обыкновенном светском платье.

Так называемые *хорные собрания*, или чрезвычайные молебные часы, безбрачных братьев и сестер бывают смотря по благосостоянию каждого удела или также их надзирателя. Сверх того приставлены вместо пономаря ²⁷ так называемые *служители*, которые колоколом возвещают общественные собрания, зажигают также свечи в вечерние собрания; при том и наблюдают, чтоб все было по порядку и чтобы никакой не принадлежащий не вошел в собрание. К особенным собраниям причащающихся всегда дается знак трубами или трюпетами ²⁸, так что по сему тотчас оные от общественных собраний отличить можно.

Сверх вышеупомянутых так называемых *хорных собраний* примечать надлежит *любовные трапезы*, как их называют моравские братья, при которых подают в церковную залу чай и белый хлеб с пением духовных песен и с музыкою и при коих должно быть исключено второе положение церковного устава, которое у них обыкновенно состоит в исключении от причастия. *Любовные трапезы* бывают обыкновенно чрез каждые четыре недели, а именно пред причащением и по большим праздникам. Кто б не подумал, чтоб столь частые и различные упражнения в страхе Божии не обуздали всех страстей и не учинили б всех членов общества примерами святой жизни. Но часто возникает человечество и изящные экономические и светские распоряжения, как и установление сего общества пребывает не всегда выгоднейшим предметом.

Речка Сарпа, по которой на одну версту от ее устья к Волге, на самом берегу обширного низменного места, расположено селение моравских братьев, происходит из сухой соленоватой между Доном и Волгою к югу простирающейся степи и составляет, как и многие другие в степях протекающие речки от ее истока, многие глубокие и великие тростниками покрытые заливы или озера, между коими небольшие *соединительные протоки* находятся. На двух таких озерах, выше сего селения одно за другим следующих, из коих одно в 4, а другое в 7 верстах от того места находится, поделаны спуски, также вырыта яма, чтоб во время безводия в летнее время можно было доставлять потребную воду мельнице. Третье озеро гораздо более первых двух и наполнено тростником, где большей частью водятся дикие водяные птицы; за сим следует самое большое и водянистое озеро, которое у калмыков называется *Цагганнор*, потому что в нем мало тростнику и чистая вода. По левую или западную сторону Сарпы простирается вдоль по оной со многими заливами и предгориями в южную сторону степи возвышенная земля, которая с низменнейшей степи подобною кажется холмами покрытым слоистым горам; но сие есть не что иное, как конец от севера равно лежащей высокой и несколько холмистой земли, которая при соленоватых сухих и глинистых Волжских и Куманских

степях здесь оканчивается и составляет берег, пресекаемый источниками и от растаявшего снега происходящими ручьями, также и широкими долинами, откуда в Сарпу наиболее воды протекает. Число сих долин и земных углублений вдоль по Сарпе калмыки определяют с небольшим 60, между коими столько же должно быть носов или предгорий (Хаммур), которые, как и долины, особливими наименованиями различаются. У самого Сарпинского селения сия возвышенная земля составляет мыс, песчаными горами покрытый и называемый калмыцким словом *Моо-хаммур*²⁹ (худой, или голый, нос, или мыс). От оногo высокий берег поворачивается вдоль по Волге к северу и оставляет до средней Елшанки, текущей в 12 верстах выше селения в Волгу, иногда более нежели на 2 версты в ширину простирающийся уступ, который, как все к югу лежащие степи, по большей части на целые 10 сажень выше разливной воды, а еще более выше поемных волжских мест возвышен. При упомянутой Елшанке простирается возвышенная страна равною крутизною до поемных мест; при верхней Елшанке изобилует известью и слоями, и как к Царицыну, так и по течению Волги к Дону столь нарочито возвышается, что всю широту поемных мест между обеими реками занимает, и на правом берегу Волги прерывается, следовательно, вся на левой стороне лежащая степь не токмо здесь, но даже и в верховьях Буруслана, исключая некоторые при реке лежащие места, с обширною южной степью имеет одинакое свойство и высоту. <...>

26 числа продолжал я путь свой вдоль по Волге в Царицын через три ручья Елшанки, куда дорога ради недавно бывшего дождя была весьма водяниста и скользка. Здесь я нашел студента Быкова³⁰, который зимой был послан из Сибири на Волгу и препроводил здесь всю весну в собирании примечания достойных растений и насекомых. Другой студент, Соколов³¹, приехавший в сию страну вместе с Быковым, предпринял вскоре по наступлении весны путешествие через Куманскую степь и тогда еще не возвратился.

Но незадолго перед моим приездом прибыл в Царицын и третий студент, Кашкарев³², отправившийся с повозками по Каме. Для наступающей осени избрал я сей город для своего пребывания; ибо сия страна весьма удобна к учинению многообразных наблюдений по естественной истории. Между тем, препроводив последние числа июня и весь июль недалеко отсюда между Доном и Волгой кочующими калмыками, нашел я случай объяснить собранные мною о сем народе известия, что из напечатанных известий о монгульских³³ народах довольно явствует.

Вышеупомянутый студент Соколов, возвратившись с своего весеннего путешествия через Куманскую степь не без опасности в козацкой при реке Терек у подошвы Кавказа лежащий городок Моздок³⁴ продолжал свой возвратный путь вдоль по Тереку через Кизляр³⁵ и Астрахань³⁶, прибыл сюда в исходе июня; и здесь приобщается примечание достойное из его дневных записок.

Студент Соколов, отправившись четырнадцатого декабря 1772 г. из Красноярска³⁷ в Сибирь, прибыл 7 марта в Царицын еще по зимнему пути; но вскоре по наступлении весны, в сих странах пролетными птица-

ми в половине одного месяца предвозвещенной, скучное медление начальника, несоблаговолившего дать ему вскоре прикрытие на путешествие через Куманскую степь, отсрочило его отъезд до 15 апреля, когда бы наш путешественник сперва поехать в Сарпинское селение, а отсюда продолжать свой путь вверх по Сарпе до необитаемой степи мог.

Степная дорога вела его в Моздок вдоль по Сарпе с южно-западной стороны по крутой, соляной, глинистой, редко 2 и по большей части менее 1 версты в ширину имеющей равнине, которая с возвышенной многими кряжами и мысами выдававшейся и долинами разделенной страны к Сарпе в левой стороне со своими тростником обросшим заливами и озерами, находящейся склоняется. На другом берегу Сарпы ни лесу, ни гор — ничего, кроме глинистой степи, не видно.

В 15 верстах от Сарпинского селения стоит при Сарпе первая рыбацья хижина, куда иногда для безопасности от кочующих народов или для другой какой предосторожности посылается из Царицына караул. Около 20 верст отселе впадает в Сарпу с западной стороны возвышенной земли речка, называемая калмыками *Ирген*, на другом берегу коей на одном высунувшемся высоком кряже, из коих многие усеяны курганами, стояла более локтя вышиною надгробная доска, которой южная сторона представляла человеческий образ и вместо пояса несколько поперечных черт. Таких надгробных знаков, которые россияне обыкновенно *болванами* называют, находится в Куманской степи весьма много, так как и далее к северу по весьма малонаселенным полям, между Доном и Волгой, лежащим в окрестностях Илавлы³⁸ и Медведицы³⁹, весьма много превеликих курганов и могил без болванов рассеянных находятся.

Около 10 верст протекает другой ручей через глубокую долину, ради своей красноватой земли называемую калмыками *Состу-Шира*, и впадает в Сарпу, при коей там находится нарочито пространное рыбацье займище и другая рыбацья хижина, которой Сарпинское селение, особливо осенью, рыбу ловить повелевает; и оная хижина есть последняя сарпинская селитьба. В верхней части долины, из коей вытекает помянутый ручей, растут в нарочитом количестве дикие тутовые деревья. В 9 верстах от *Состу-Шира* протекает по пространной низменности третий ручей, вытекающий из той возвышенной страны долины, которая калмыкам под именем *Хармут-Шира* известна и при двух при его устье растущих ясенных лесах примечается. Немного повыше упомянутого устья стоит на Сарпинском берегу калмыцкая часовня (Цаца), сооруженная на несколько сажен вышиною наподобие конуса и вокруг обвешенная разными лоскутьями. Повыше оной находится последняя пажить⁴⁰ на берегу Сарпы, склоняющейся уже в сторону от обыкновенной дороги, ибо ее источники прямо с юга протекают, и дорога, сопровождающая выдававшиеся кряжи возвышенной стороны лежит более на юго-запад. Между возвышенной страной и Сарпинской низменностью, склоняющеюся малопомалу в левую сторону, лежит ровная, крутая, соляная и глинистая степь, рассекаемая частыми из губ возвышенной страны бьющими и в Сарпу впадающими ключами. Впрочем в южной и в юго-западной сторо-

не ничего не видно, кроме обширной повсюду безгорной, безлесной и голой сухой равнины. <...>

4 августа предпринял я путешествие от Царицына вверх по Волге, дабы одну часть степи, лежащей на левой стороне оной, и выше Дмитриевска ⁴¹ находящиеся немецкие селения осмотреть. На возвышениях, через которые в нижней Мечетне ⁴² дорога простирается, разведены на открытой степи огороды арбузные, или бахчи с арбузами, без всякого присмотра, где сии плоды без поливания довольно велики и вкусны бывают. Царицынские арбузы превосходнее почти астраханских, но здешние дыни не могут сравняться с теми, кои растут в южной стороне ⁴³. Все сии плоды находятся здесь в великом множестве, потому что ничего более не требуют, как только чтобы степь сохую равно была взорана ⁴⁴, и плод при времени созревания оного от птиц и воров охранен был. Сии возвышения и многие другие до Дубовки ⁴⁵ имеют также весьма выгодные положения для виноградных садов, и что виноград здесь хорошо удается, доказывают находящиеся на упомянутой Мечетне и Волге огород и виноградный сад царицынского коменданта ⁴⁶ полковника Циплетева, который за 4 года доселе разведен и ежегодно около 20 пудов прекрасного винограду приносит ⁴⁷.

Сей сад занимает место прежде начатого сада, и не только что чрезвычайно распространен, но и весьма порядочно устроен и приятен, поелику же оной лежит на отлогом месте к Волге, то можно его с великой удобностью орошать посредством двух вверху плотинами заплоченных и каналом соединенных прекрасных прудов, наполняемых источниками там находящимися. Он наполнен разными овощными деревьями, венгерским и астраханским виноградом ⁴⁸, который весьма хорошо удается; только в северной, а особливо в верхнем углу, выступает обильно горькая соль, которая, по-видимому, от скрытых ключей происходит и, может быть, на прилежащих малых возвышениях такой же купоросный слой показывает, какой находится ниже при Елшанке. Близ сада лежит на краю берега Волги деревушка, а на нижней Мечетне — хутор с мельницею того же помещика, так как несколько выше при той же речке имеет свое положение малороссийская деревня ⁴⁹.

Сия же самая страна, между нижней и верхней Мечетною находящаяся, к Волге, примечания достойна изрядными остатками древнего татарского города, который почти с землею сравнен. Большие основания и следы четверугольной крепостной стены, показываются на крутом соленом буераке, рассекающем берег и лежащем почти в середине между обоими ручьями Мечетны ⁵⁰. Стена, по-видимому, имела одни ворота, и неподалеку от оной, несколько далее в сторону от берега, находятся явные следы большого каменного строения, которое было караван-сараяем ⁵¹ или гостиним двором; основание оного представляет большой четверугольник, имеющий в середине широкий ход, по правую сторону ряд один подле другого лежащих малых отделений, а по левую — несколько больших и два малых покоя. От буерака до верхней Мечетной ровная плоскость, вдоль берегу лежащая, наполнена кучами камней и ямами, кои частью от развалившихся погребов, частью от копателей сокровищ произошли.

Мало находится тут кирпичей, но множество бутового камня, который служил для строений, а ныне для пользы помещика той области собирается на продажу. Неподалеку от верхней Мечетной близ кирпичного завода там заведенного разрыто при утесе берега довольно великое подземное здание, которое по различным признакам почитают за кузницу или за литейную палату. Где ныне находится загородный дом вышеупомянутого коменданта, там, как сказывают, были остатки одной мечети. Говорят, что там прежде сего различные выкопаны были драгоценности, и между другими — две золотые седельные бляхи изящной работы. На возвышенной земле в сторону от прочих развалин находятся еще порознь лежащие развалины, кои, как кажется, суть остатки караульных башен. Все селение представляло род предместия того татарского главного города, коего остатки несколько пониже Царицына на Ахтубе ⁵² находятся и о коих ниже сего при другом случае упомянуто будет ⁵³. Сообщение между обеими облегчаемо было островом, который от устья Ахтубы, отходящей от Волги несколько выше верхней Мечетны, почти до Царицына простирается и имеет имя Денежной.

Обыкновенная дорога, простирающаяся по возвышениям, оставляет все сии достопамятности в довольном от себя отдалении в правой стороне. В 10 верстах от Царицына пересекает она нижнюю Мечетну, текущую в крутых берегах, а в нескольких верстах далее — верхнюю Мечетну, столь же крутые берега имеющую, при которой разведены огороды с огурцами и дынями. Здесь и почти во всех огуречных огородах на Нижней Волге *Portulaca orotaria* вдоль по всем бороздам — обыкновенная трава. Она находится также в некоторых промоинах, происшедших от дождей в волжских берегах так, как дикая трава. Россияне мало ее употребляют, но, напротив того, астраханские армяне — наиболее в похлебках вместо зелени. На берегах Мечетной и на других к южной Волге текущих ручьях произрастает большой выродок *Lycopus*, Мориссоном ⁵⁴ изображенный, и *Trifolium resupinatum*.

Около нижней или малой Пичуги проехали мы через некоторые песчаные, кустарником поросшие углубления, потом достигли до заложеной на упомянутом ручье подставы, в которой порядочных жилищ нет, но только несколько казаков живут в хижинах, покрытых соломой, кои от дубовских весьма отличны. Здесь должно мне было переночевать.

На песчаных берегах сего ручья, также и на большей части ручьев и речек в нижнюю Волгу втекающих весьма обыкновенны дивесил и особливый род мать-мачехи (*Tuffilago hybrida*). По холмам, вдоль Волги простирающимся от Царицына до Камышенки, обыкновеннейшая трава есть особливый выродок* *Carduus cyanoides* с широкими зазубристыми листьями около стебля. По некоторым берегам попадалась мне редкая

* Сей выродок, с первого взгляда неизвестным кажущийся и принадлежащий ко многоцветным породам сего произрастения (*Polyclonos*), изображен младшим профессором Гмелиным ⁵⁵ в 1-й части его путешествий по России на 24 листе и назван *Centauria laciniata* (Примеч. П.-С. Палласа).

Chenopodium fcoraria в великом множестве, иногда по местам, по большей части при Царицыне, выше предместия. Между возвышениями находятся весьма травистые песчаные места, на коих между обыкновеннейшими растениями примечания достойнейшие роды суть: весьма высоко-растущая *Statice*, или так называемый катран, перекати-поле (*Gipfophila paniculata*), украинка (*Scabiofa veronica*), *Xerantsemum annuum* и *Eringium campestre*. Последнее из сих растений, особливо между Царицыном и Дубовкою, весьма обыкновенно, но выше Камышенки ⁵⁶ уже более не попадает. Солодковый корень с гладкими стручками покрывает почти все возвышения, напротив того, с шероховатыми стручками и с иглистыми головками растет только в изобилии по волжской низменности. <...>

☞————— Я. Потоцкий —————☞

ПУТЕШЕСТВИЕ В АСТРАХАНЬ И ОКРЕСТНЫЕ СТРАНЫ [1797]

<...> 26 ¹. — <...> Тогда ехал я вдоль Дона, царя всех скифских рек, славного у греческих поэтов под именем Танаиса ² и который я так часто переезжал со Страбоном ³, Геродотом ⁴ и Птолемеем ⁵. Наконец я покинул эти берега и приблизился к узкому пространству земли, отделяющему его от Волги. От этого места дорога верстах на тридцати чувствительно подымается, из чего можно заключить, что давнишний проект провести тут канал встретит затруднения ⁶. Трудно описать, какой вид разрушения представляет эта равнина, подверженная по высокому своему положению всей ярости бурь. Редко увидишь на бесплодном песке стебелек желтой травы, которой нечистый цвет составляет совершенную противоположность прекрасной зелени долин, находящихся вдоль старой казацкой линии. Следов обработки нет никаких, даже и в соседстве хуторов.

Неподалеку от Царицына увидел я вдали степную козу, у коей верхняя губа так длинна, что животное может щипать траву не иначе, как идя задом. С одного возвышения вдруг явился предо мною обширный разлив Волги: зрелище величественное, которого и описать невозможно. Я видел разлитие Нила, но большая часть вод его так поглощена каналами, что для поливки полей с рисом нужны машины. Здесь, напротив, расстилается предо мною пространный архипелаг; острова соединены между собою лесами, которые выходят из волн. Рыбы играют около дерев, как в потоке, описанном Овидием ⁷.

Город Царицын, разрушенный за три года пред сим пожаром, вышел из развалин прекраснее прежнего ⁸.

27. — Я переехал реку Царицу и очутился в Азии; по крайней мере, большая часть географов полагает эту речку границею между сею частью

света и Европою ⁹. Калмыки ¹⁰ как будто хотели подкрепить это мнение: они раскинули по ту сторону реки свои палатки, из коих выглядывали их азиатские лица. Они совершенно походят на китайцев, нарисованных на китайских бумажках; шапки их точно грибы; с верхушки головы висят у них длинные косички: у мужчин одна сзади; у женщин — две и падают на грудь.

Отсюда я поспел в три часа в Сарепту, колонию, где мирные моравские братья ¹¹ вводят свою промышленность между дикарями; этот город — самое лучшее место для узнания нравов и истории калмыков. Большая часть братьев знает язык их: некоторые даже пишут на нем, потому что по целым годам следуют за ордами; есть даже такие, которые забавляются списыванием калмыцких книг. В этих книгах нет ни языка, ни букв тибетских; они писаны монгольским наречием, которым говорят калмыки. Буквы их также имеют оттенок монгольских.

Калмыки имеют обыкновение приходить к Волге, когда вода сбывает. У тех, которые в то время раскинули палатки свои около Сарепты, было так мало стад, что они не могли ими кормиться, и это заставило их решиться работать, чему весьма нелегко войти в голову калмыка. Здесь, как и во всех странах малонаселенных, плата за работу очень высока, посему эти люди могли бы жить в довольстве; но это для них трудно: одна только крайняя необходимость может их заставить чем-нибудь заниматься. Я видел многих из них, которые целый день шатались по городу или лежали на солнце. Другие толпились в лавках, как будто хотели или могли купить все. <...>

28. — Сегодня я видел караван русских и татарских купцов, ехавших в калмыцкую орду продавать хлеб, вино и мебель, то есть небольшие узкие и невысокие скамейки, деревянные сундуки, выкрашенные масляною краскою, и двери, сделанные таким образом, что их можно приставить к кибиткам ¹² калмыцким.

Потом явился караван, состоявший с лишком из тридцати татарских телег, на которых приехали из Астрахани ¹³ в Сарепту армяне. Тогда в первый раз слышал я ужасный скрип колес этих телег, называемых арбами ¹⁴; в прежние времена одно поколение получило от этого прозвище *шумного*. Еще и ныне татары тщеславятся этим неприятным звуком. «Одни трусы, — говорят они, — смазывают колеса; храбрые люди не боятся, если их слышат от одного конца степи до другого».

Эти строки пишу я в барке ¹⁵, которая плывет по водам Волги и везет меня в Астрахань. <...>

☞————— А.В. Галтыков —————☞

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА В САРЕПТУ [1797]

<...> 14-го ¹. Обедали на хуторе Грачи; тут не нашли ни сена, ни овса; но лошади были так утомлены, что невозможно было далее ехать: при-

нуждены были послать в сторону за кормом и потом продолжали свой путь. Не доезжая города, по обеим сторонам дороги видели гуляющих диких коз и сайгаков. Приехали в Царицын очень поздно. Город бедный, крепость самая ненадежная! Но Волга во всей славе, распространив берега свои, спешит погрузиться в море, до которого отсюда с небольшим 300 верст. Если бы здесь все съестные припасы были так дешевы, как рыба и фрукты, то нигде бы в свете нельзя было найти такой дешевизны.

15-го. В Царицыне отслушали мы обедню в день праздника Успения Пресвятой Богородицы ². Отобедав, продолжили путь свой. До места нашего пребывания я шел с собаками по полям и, затравя волка и двух зайцев, прибыл в печальную Сарепту ³. Это могила 500 мертвецов, еще живущих: каждый из них откупил себе место, где его схоронят; получил номер, под которым он ляжет, и в праздник все, как тени, гуляют вокруг могил своих. Преугрюмые лица прикрыты престранными париками. Здесь смех осуждается, и малейшая улыбка почитается неосторожностью. На все товары наложена непомерная цена. Уныние здесь обладает временем, и для меня скука считает часы, шесть недель моего пребывания здесь она представит мне за шесть месяцев.

Пребывание в Сарепте

Сарепта, ныне названная городом, имеет в длину 350 сажень, полверсты ширины и две версты в окружности; она лежит на реке Сарепте ⁴, которая в полуверсте от города впадает в Волгу. В ней — 1 церковь ⁵ и 18 каменных домов, прочие — небольшие деревянные. Посреди площади большой колодезь, который довольствуется водою всех жителей. Лучшие дома — братской, сестер, старшин и вдов. В окружности города простираются сады ⁶, изобилующие виноградом; есть деревья и растения совсем нам неизвестные, из лучших почитаются: рейн-баум, которое по-русски называют *рай-деревом* ⁷; тамаринд — прелестнейшее дерево, усыпанное весной мелкими алыми цветками; *тополь*, у которого с одной стороны листья беловатые, а с другой — зеленые. Я видел оливковые деревья, отмеченные плодами. Шесть старшин составляют верховный их совет; четверо управляют внутренними, а двое внешними делами ⁸. Последние по общественной нужде отправляются в разные места. Между старшинами в особенном уважении один, называемый Фиг ⁹; он первый выехал в Россию из Пруссии и основал Сарепту: человек 74 лет, но довольно здоровый и крепкий.

Моравские братья ¹⁰ по переселении их в Россию намерены были обратить калмыков в христианскую веру ¹¹. Многие из них кочевали по два и по три года с сим народом, дабы, обучась калмыцкому языку, им удобнее было достигнуть их похвальной цели; но калмыки остались приверженными к закону праотцев своих.

Табак составляет лучший доход сарептских жителей ¹². Дикая, бесплодная и от солнечного зноя почти окаменелая земля ничего, кроме сего растения, произвести не может. Сады их опустели бы, ежели бы не

орошались машинами. Хлебное вино приносит им также большой доход, потому что они одни во всей губернии имеют право винокурения.

Ни любовь, ни родительская власть не располагают здесь женитьбою¹³. Старшины назначают жениха невесте, и по их приговору, каков бы он ни был, уже непременно должно приступить к браку. При нас случилось, что один здешний житель был по братским нуждам в Петербурге; старшины, не дав ему знать, в отсутствие помолвили его и три раза провозгласили о свадьбе его в церкви. Он через неделю возвратился и крайне был удивлен, сведав, что он почти женат. После венца новобрачным не позволяют целую неделю жить вместе.

Скучная и единообразная здешняя жизнь не может быть описана. По приезде нашем, мы в тот же день послали за доктором, чтоб взять от него наставление к употреблению целебных вод. К нам явился человек средних лет, говорун необычайный; каждый из нас стал просить его совета; но он, вместо того чтоб обратить внимание на слова наши, начал рассказывать нам свое похождение. «Я был, — говорил он, — в молодости своей очень несчастлив; мой отец имел в своем владении целительный колодезь, которой вы увидите. Когда он умер, опекуны мои продали колодезь и промотали деньги. У меня было только три копейки, с которыми я вошел в школу обучаться врачебной науке (мне казалось за его знание больше заплатить и не можно), но вдруг я стал благополучен; по счастью, родная сестра моя, которую я любил больше жизни, скончалась и оставила мне 1 000 рублей наследства». Вот какому человеку мы вверили здоровье свое! Он все болезни — мозоли, подагру, насморк, чахотку — приписывает кислоте желудка. Другой доктор приезжал сюда на время и жил у господина Смирнова, бывшего в Астрахани вице-губернатором. Сказывают, что он человек ученый, но как он нас не пользует, то я ничего не могу сказать о его искусстве, кроме того, что он имеет непреодолимую страсть говорить по-французски, но столь дурно, что при каждом слове едва ли можно удержаться от смеха.

Наконец, августа 18-го числа предстали мы к источнику здоровья¹⁴. Калмыки первые открыли сей колодезь и нарекли его святым. Он, по мнению многих, достоин сего имени. Дай Бог, чтобы и мы таким же его почитали. Я приступил к нему с верою и почтением и преклонил колено, чтоб самому достать первую кружку сей целебной воды. Она для меня почти не имеет никакой разницы с обыкновенною водою: едва можно почувствовать вкус соли, которою вся земля здесь напитана; но есть люди, в которых она производит несказанное отвращение. Слуга мой несколько раз принуждал себя выпить один стакан сей воды, после чего всегда чувствовал тошноту; но для прочих действие сей воды удивительно, ни сколько не ослабляя больного. Ее можно выпить от 8 до 15 кружек, что составляет 7¹/₂ фунтов. Со всем тем нездоровым очень опасно сюда ездить; большой обветшалый и вовсе негодный сарай здесь единственное убежище.

При малейшей стуже везде продувает ветер, который здесь бывает очень пронзителен, и ежели случится простудиться, то уже никакой помощи нельзя ожидать. Имя доктора и лекаря здесь неизвестно; я не считаю того врачом, который нас пользует. Очень опасно садиться в

ванну: если же хоть немного дурна погода, тогда в том месте, где ванна поставлена, бывает необычайная сырость. Вышедши из теплой ванны, должно возвращаться в ненастное время 8 верст в Сарепту, потому что при колодезе нет никакой хижины, где бы больной мог укрыться от стужи. В городе мы наняли трактир, состоящий из 4 комнат, но ни одна комната с другой сообщения не имеет. Сени разделяют наши покои, чрез которые мы ходим видеться. Трактирщик, немец, старик сердитый, своенравный, всякий день делал нам разные досады; но последняя была чувствительна. Мы откармливали живность с лишком три недели, как он однажды утром выбежал в шлафроке и, сняв с себя колпак, гонял наших куропаток до тех пор, что они все разлетелись и деньги, употребленные на корм их, унесли с собою; мы хотели на него жаловаться, но начать тяжбу из-за куропаток было бы и смешно, и убыточно!

Мы просили позволения видеть дом сестер ¹⁵. Они все девицы. Не считая двух малолетних, самая младшая имеет 30 лет, большим около 50; они не прекрасны; одеты все по-детски, и к ним, как к детям, приставлены мамы. Мы нашли всех их за работою; они шили шелками, вязали кошельки и занимались другими приличными их полу трудами; на все, что мы ни говорили им, стыдливые девицы ничего нам не отвечали; но старшая мама, которая управляет всем домом и хорошо говорит по-русски, нам все объясняла; она водила нас по всем покоям, показывала их рукоделья, из коих мы купили несколько безделиц. Наконец, она привела нас в спальню их, которая совершенно походила на кладбище. У всех девиц была одна комната, где более 100 кроватей, одна подле другой, стояли очень тесно.

Я дал заметить маме, что мне спальня не понравилась, сказав, что она не может быть здорова от стесненного воздуха и духоты, которая, конечно, девицам мешает спать. «Нет, — отвечала мама, — они, набегавшись и наревзавься днем, почивают крепко». «Но когда им бегать? — говорил я ей. — Их почти не спускают с места». «Они и на одном месте, — продолжала она, — не посидят спокойно».

На другой день после обеда нам дозволено было увидеть вдов. Избавь вас Бог, читатели, чтобы они когда-нибудь во сне привиделись вам. У самого Гогарта ¹⁶ упала бы кисть от страха, если бы он вздумал представить их на полотне! Сколько в этом доме недостает зубов, глаз, не говоря уже о волосах, потому что все они показались нам лысыми. Они, сказывают, очень мало времени наслаждались замужеством, что и вероятно: быть их мужьями и жить долго не естественно!

Наступил праздник — день основания Сарепты. Мы, желая обласкать жителей, послали просить старшин и других к себе обедать и в час после полудня совсем очутились в Германии. Только двое из гостей говорили по-русски, прочие ничего не разумели. Мне пришлось сидеть за столом между теми, которые ничего не понимали: один был очень спокоен, а другой начал рассказывать по-немецки всю Французскую революцию ¹⁷, и как он не терпел французов, то объяснялся с таким жаром, что я думал, у него глаза лопнут. Я всеми моими движениями показывал ему, что я немецкого языка не понимаю, но он того не примечал и продолжал свой для меня бестолко-

вый разговор. Я, в отчаянии, просил того, который немного разумел по-русски, объяснить ему, что я ничего не понимаю, и в ответ получил, что это не мешает, лишь бы я сделал честь его дослушать. Я опять начал ему в глаза глядеть, а он продолжал говорить. Скука, досада и нетерпение стали брать верх над моею учтивостью; я прибегнул опять к тому же немцу, который служил мне переводчиком. «Скажи, пожалуйста, — говорил я, — какая польза моему соседу рассказывать тому, кто его не понимает?» «У него такая привычка, — отвечал он мне, — когда начнет разговор, то уже остановиться не может, и мы вас покорнейше просим дослушать его. Он крайне огорчится, когда вы откажете в этом». «Но скоро ли будет конец?» — спросил я его. «Это только что вступление», — отвечал он мне. «Вот, — подумал я, — какой гость пожаловал», — и стал размышлять, как бы мне отделаться: но вдруг неожиданный смешной и жалкий случай меня от него избавил. Фиг, почтенный старец, о котором я говорил выше и которого они чтут отцом и основателем всего своего благополучия, приподнялся достать на ножик соли; слуга подумал, что он уже встает и отодвинул стул. Старик начал спускаться, но почувствовал уже поздно, что садится на пустое место, и хлопнулся на землю, а парик его отскочил к третьему окошку. Немцы все в один голос ахнули и, поваля стулья, бежали поднимать его, также и парик, которой в сем несчастном случае ему изменил. Я, пользуясь сим беспорядком, велел скорее собирать со стола, а сам ушел гулять вдоль по Волге.

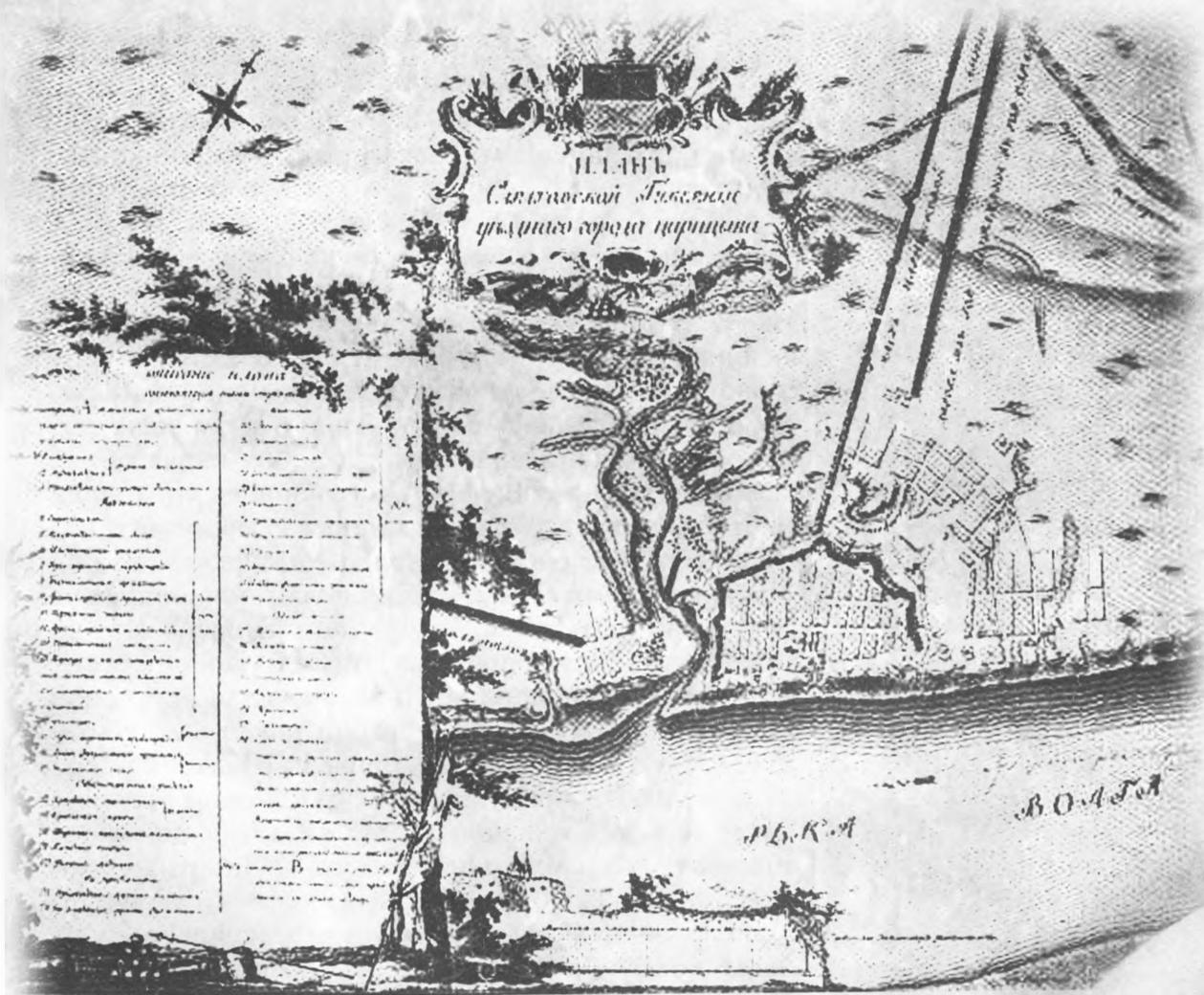
Не достало бы времени описывать все немецкие затеи. В доме у сестер работали олонцы ¹⁸, плотники: надзирательница, будучи чрезмерно довольна поспешностью русских мастеров, желала сверх договорной цены сделать им какую-нибудь ласку, но долго не нашла на что решиться. Всего бы приличнее было послать купить вина и поднести им по стакану; но она вынесла корзину с розами и каждому из них сама приколотла по цветочку. Мужики подумали, не с ума ли она сошла, и, смотря друг на друга, хохотали; а розы, стыдясь быть под тенью бороды, немедленно увяли.

Иногда бывали мы в Отраде ¹⁹. Всякое место, куда отлучиться из Сарепты, должно бы называться сим именем. Село Отрада принадлежит г-ну Смирнову, женившемуся на г-же Бекетовой. Это приятнейшие люди, которых имена я всегда сохраняю с благодарностию в моей памяти. Внимание их простиралось не только на всевозможные ласки к нам; но даже предупреждало наши прихоти. Они имеют дар одолжать людей с такой приятностию, которая превосходит и самое одолжение. Мы расстались с ними с чувством истинной приязни.

Скоро солнце, осветив Сарепту, меня не увидит в ней. Я в путешествии своем описывал людей в точном их виде. Много бы еще можно сказать о здешних жителях, но учтивости, которыми они осыпают нас, побуждают долг путешественника уступить долгу благодарности.

ГЛАВА V

ЦАРИЦЫН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В первой половине XIX в. в положении Царицына не произошло серьезных изменений. Территория Царицынского уезда в это время заметно сократилась. По указу 19 мая 1806 г. Светлый Яр и Чапурники были переданы Астраханской губернии, и граница с ней прошла сразу за Сарептой. В 1836 г. все Заволжье было отделено в особый уезд, центром которого стала преобразованная в город Царевская слобода. Таким образом, территория Царицынского уезда занимала теперь только правый берег Волги, представляя собой сужающийся к югу (к Сарепте) клин. С упразднением в 1818 г. Царицынской крепости и выводом ее гарнизона (в городе осталась только команда внутренней стражи) он окончательно потерял военное значение. Здесь не возникло сколько-нибудь крупных промышленных предприятий. Так, даже в конце 1850-х гг. в городе имелись один пивоваренный, два свечных и три кирпичных завода, которые выпускали продукции всего на 5,5 тыс. р. в год, а также 10 мельниц — 2 водяные и 8 ветряных. Главным занятием горожан оставались бахчеводство и рыбная ловля. Не стал Царицын и крупным торговым центром. На двух местных ярмарках ежегодно продавалось товаров на 350—500 тыс. р. Одним из главных предметов торговли была шерсть, выменивавшаяся горожанами у калмыков и казахов. Практически весь объем транзитной торговли между Волгой и Доном миновал Царицын и шел через соседнюю Дубовку.

Рукописные буквы прописные:

А Б В Т Д
 Е Ж З И Й
 К Л М Н О
 П Р С Т У
 Ф Х Ц Ч Ш
 Щ Ъ Ы Ь
 Э Ю Я Ѳ Ѵ

Рукописные буквы строчные:

а б в г д е ж з и к л м
 н о п р с т у ф х ч
 ц щ ъ ы ь ѳ ѵ ѳ ѵ

Незакрепленные буквы:

Азч, а. БѢ-ки, с. ВѢ-дн, в.
 Гла-голь, г. До-сѣ, д. Бѣть, е.
 Жи-вѣ-те, ж. Сѣ-ад, с. Зѣ-
 млѣ; з. Ижи, и. І, і. Ка-
 кв, к. Ли-дн, ... Мы-слѣ-
 те, м. Пашч, п. Ѳнч, о.
 По-коѣ, п. Рцѣ, р. Сло-во, с.
 Тѣр-до, т. Ѣ, ѣ. Оука, у.
 Фиртѣ, ф. Хѣра, х. Ѳгѣ, ѳ.
 Цѣ, ц. Чръ, ч. Шѣ, ш.
 Щѣ, щ. Ър, ѡ. Ърѣ, ѡ.
 Ърѣ, ѡ. Ытъ, ѣ. Ю, ю.
 Юсѣ, ѡ. Дѣ, м. Вѣѣ, ѡ.
 Ѳн-тѣ, д. Ѵ-жи-ца.

Численность населения города выросла к 1859 г. до 7 027 человек обоего пола, но темпы прироста мало отличались от средних по России. Территория Царицына выросла. Вокруг бывшей крепости произошло окончательное формирование нескольких больших предместий. К существовавшим ранее Преображенскому и Зацарицынскому добавилось Бутырское предместье, расположенное выше по берегу Волги. В застройке преобладали деревянные строения. В 1859 г. в городе насчитывалось 907 деревянных и 10 каменных строений. В 1826 г. на средства купца Бабаева была перестроена Покровская церковь, ставшая каменной, в 1837 г. им же на городском кладбище построен каменный Скорбященский храм. Таким образом, к середине XIX в. в Царицыне насчитывалось 8 церквей. В 1816 г. было открыто приходское училище, в 1819 г. — уездное четырехклассное. Единственная больница открылась в 1811 г. на частные пожертвования.

В целом дореформенный Царицын ничем не выделялся в ряду других поволжских уездных городов.

— А.Ф. Воейков —

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЦАРИЦЫНЫ НА РАЗВАЛИНЫ ШЕРИ-САРАЯ [1813]

<...> Скоро повертели мы вправо, и открылся Царицын, разбросанный по крутым уступам высокого волжского берега. Вид прекрасный! Соборная церковь¹ венчает утес, обнаженный и вперед выступивший; кудрявые кусты закрывают глубокие овраги; домики под наклоном скал, грозящих раздавить их; повилика, гирляндами сползающая к реке и разбросанная зелеными кудрями между оторвавшимися камнями; ключи, серебряными змейками вьющиеся по красным бокам горы; величественные деревья, подмытые водою и смотрящиеся в зеленую долину, как будто желая спрыгнуть туда, где уже многие товарищи их, обрушась, нашли тихое убежище и укоренились. Еще далее, в пристани, расшивы² с высокими мачтами, лодки с рядами весел, как будто с крыльями; голоса пловцов, между собой перекликающихся; движение людей по тропинкам косогора, выгружающих или нагружающих на суда товары и чернеющих, как муравьи около раскопанной своей кучки. <...>

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ ПО МНОГИМ РОССИЙСКИМ ГУБЕРНИЯМ [1820]

<...> 5-го июля. В Дубовках ¹, полицмейстер ² Александр Осипович Ребиндер своим обращением, гостеприимством приобрел нашу благодарность; дочь его видел в Саратове, хорошо воспитанную девицу; мать сама образует детей — поехали довольные. Дождь, молнии, гром и еще проливной дождь очень испортили дороги. Послали повара вперед в Сарепте приготовить обед; наше желание не выполнилось: то-то! человек предполагает, а Бог располагает; в пять часов приехав в Царицын, должны были остановиться у городничего ³ Петра Ивановича Быкова, бывшего моего кадета в Первом Кадетском корпусе ⁴; душою рад, увидя старого своего наставника; и мне много приятности для сердца; хорошо начальнику вести себя хорошо: даже взыскание строгое, но справедливое, со временем приобретает благодарных. Речка Царицына ⁵ от дождей, от прорывания плотины при мельнице так разлилась, что потопила берега, стала быстра и воспретила ехать. И тут молодой мой товарищ хотел переехать; я настоятельно говорил, что не поеду, без нужды не хочу лишиться жизни; и городничий, исполняя свою должность, не допуская ехать, угостил нас славным обедом и покойным ночлегом.

Был в раскольникском молитвенном доме: чисто, образов много, женской пол завесой отделен; Евангелие писаное. В присутственном месте видел картуз Петра Великого, который, отдавая дворянству царицынскому, сказал: «Как никто не смеет снять с меня картуз, так и вы останетесь на своем месте». Видел дубинку сего же императора, выше моего роста ⁶. Познакомился с некоторыми чиновниками и с умным протопопом ⁷. После прекрасной русской бани обедали в девять часов вечера; в одиннадцать были на свежем сене.

6-го июля. Переехав бурливую вчера речку Царицыну ниже ступицы сего утра, въехали в 10 часов в Сарепту. Говорят, что речка Царицына получила название от княжны татарской, которая, приняв христианскую веру, была по приказанию отца своего, хана, утоплена в сей речке ⁸. Вчера от разлития берега сей речки сделались круты; сего дня, по приказанию отличного городничего Быкова, исправлены. Дорога до Сарепты изрядна; город сей получил имя свое от реки Сарпы; дай Бог видеть иные и губернские города в такой чистоте: точно миленький, чист как на ладони; дома снаружи и внутри гордятся опрятством, перед домами возвышаются красивые тополи. Мы остановились в общественном трактире; тут приветствовал нас общества полицмейстер, молодой человек, говорящий хорошо по-русски, с краснейшими щеками, дышавший здоровьем, и предложил показать нам заведения. Пошли в дом сестер ⁹, где более старух; однако есть и молодые, хорошенькие; они все с семи часов утра до двенадцати трудят-

ся, как дети; разные классы; надзирательница лет пятидесяти и более — хорошая, приветливая женщина; после обеда опять, по колокольчику, в трудах; два раза в сутки бывают на молитве; спальни их очень чисты. Видели дом братьев ¹⁰: стариков более молодых, есть лет 80, все работают по колокольчику, как дети; спокойствие почти на всех лицах, и улыбка полувеселая встречает посетителя. Все заведения очень хороши, особенно где готовят горчицу; хозяин — с разумом человек ¹¹.

Всех в Сарепте с женским полом считается не более 400 душ. Я рад, что система их правления переменилась и что ныне каждый, если захочет, может выбрать труд себе, жить особливо и не ходить за общественный стол. Грустно для человечества не выходить из положения детства и не иметь собственности. Горестно видеть прекраснейших, навсегда осужденных носить воду, заниматься черною работой и ходить босоногими, а других — в лучшем положении; конечно, нельзя обижаться, ибо жребий определяет каждого ¹². Среди городка — большой колодезь, откуда проведена вода во все дома; у колодца видишь калмыков, татар, русских, напоющих своих лошадей; мы познакомились с первыми гражданами, один был с георгиевским крестом ¹³. В общественном магазине, как сказывали, гораздо менее товаров прежнего; я купил сапоги за десять рублей, за которые в столицах заплатишь вдвое. В час обедали; в сие время посетил нас Александр Михайлович Мамышев — начальник карантина, просил остановиться в Астрахани ¹⁴ в занимаемой им квартире; приняли предложение его с благодарностью, тем более, что он уверил нас, что Астрахань не тот уже город, что бывал. Выехали из Сарепты в три часа с половиною; дорога тридцать верст прегрязная; лет шесть и более не было столь благословенного дождливого года. Все приносят мольбы ко Всевышнему. Далее дорога — степь, кое-где завидишь деревцо, как сирота, растущее; солнце ярко, печет неумолимо; орлы встречают и провожают, плавают по воздуху десятками; ястребы тоже отдельно летают от царей — птиц. <...>

☞———— Г.Г. и Н.Г. Чернецовы —————☞

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЛГЕ [1838]

<...> Царицын

Ветер дул для нас попутный, но мы воспользоваться им вскоре по возвращении из сухопутного путешествия ¹ не могли, надеясь притом, что он не изменится. Отдохнув, поспешили видеть картуз и трость Петра Великого, подаренные им здешним жителям на возвратном пути своем из персидского похода в 1723 году ². Картуз шит из сукна бледно-желтого цвета с тафтяною тульею, а трость сделана из неизвестного какого-то

дерева — простая, длиною в два аршина четыре вершка. Отдавая ее жителям, Петр сказал: «Вот вам моя трость! Я управлялся ею с друзьями, а вы обороняйтесь ею от врагов». Все это хранится в доме градского общества в особом шкафе за стеклом.

Царицын хорошо отстроен, в нем есть прекрасные домики, и окружен земляным валом, составлявшим прежде его укрепление. Отсюда начинается так называемая Царицынская линия ³, состоящая в земляном вале, продолжающемся до Дона. Она была устроена для ограждения от набегов кочующих орд.

Возвратясь на свою лодку, мы немедленно отправились в путь, ветер дул еще верховый, и нам можно было идти под парусом. Горы правого берега начали удаляться, и яры заступили их место, живописная часть берегов волжских осталась у нас позади. Мы проходили мимо Сарпинского острова ⁴, на котором есть селения и остатки татарских строений. Этот остров значителен по Волге своею обширностью. Вечером остановились у устья реки Сарпы ⁵, близ Сарепты.

Сарепта

30 ⁶. — Сарепта находится в версте от Волги, на правом берегу ее. Расположена при речке Сарпе, которая близ впадения своего в Волгу, извиваясь в крутых осыпях, очень живописна. Место, занимаемое Сарептою, представляет равнину, в углублении которой видны горы, удаляющиеся от Волги. После путешествия в Царев ⁷ мы были поражены Сарептою: правильные чистые улицы, сады, прекрасные дома, большею частью каменные, с возвышающимися пред ними раинами ⁸, которые пирамидальною своею формою придают много красоты этой славной колонии Общества моравских братьев ⁹, гернгутеров ¹⁰. Пред церковью находится площадь, на которой приехавшие русские мужички продавали арбузы и другие продукты; тут же были видны калмыки, представляя противоположную смесь европейского с азиатским. Сарепта прекрасна, она основана в 1765 году.

Возвратясь из Сарепты, мы поплыли далее. <...>

☞————— В.И. Беккер —————☞

ВОСПОМИНАНИЯ О САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ [1842]

<...> У меня было неперемное желание посетить Сарепту, отстоящую от Царицына на одну станцию, по многим отношениям занимательную, чтобы придать настоящему путешествию побольше разнообразия, и, пользуясь прекраснейшею погодою, я отправляюсь из Среднеахтубин-

ского селения ¹ водою. Мы достигаем селения Безродного ², откуда рисуется Царицын в изумительной красе, а в темно-голубом эфире показалась и Сарептская колония — цель моего путешествия. В продолжение своего плаванья по Волге мы любовались окрестностями, пристали к колонии, раскинутой на равнине, при речке Сарпе ³, струившейся между прелестных лугов, потом вливавшейся в Волгу. В двух верстах от колонии — Сарпинский остров ⁴, а в некотором отдалении виднеются жилища киргизов ⁵, по близкому соседству Астраханской губернии.

В субботу, на Святой неделе ⁶, а она была в 1842 г. поздняя, я останавливаюсь в гостинице. Чистота в комнатах поражает пришельца: пол усыпан белейшим песком, в гостинице прислуживают девушки, прекрасные собою. Строгая нравственность изображается на их лицах. А кухня! Вот там надо полюбоваться порядку! Кушанье готовится очень хорошо; берут дешево. Везде вы найдете комфорт. Вообще колония невелика: всего навсего пятьдесят обывательских домов, исключая фабрики и другие заведения, однако ж первые в два этажа, извне и изнутри оштукатуренные, под один фасад, весьма поместительные, комнаты расположены со вкусом. Дома крыты железом, редкие из них — гонтом ⁷; при домах всевозможные службы. Народонаселение простирается до четырех сот душ, то есть коренных обывателей. Не слишком широкие, но прямые улицы обсажены в один ряд высокими, стройными тополями. И в домах, и на улице удивительная чистота, соперничающая с порядком. Вы не увидите на улице ни одного из детей, празднично проводящих время: все они заняты учением и рукоделиями по их возрасту, находятся у своих родителей до помещения их в общественные училища и институты. Против гостиницы, на площади, каменная церковь ⁸, а подле оной дома для духовных, из которых старший прибыл в Сарепту по вызову братства из Соединенных Американских Штатов. Там же находятся три огромные, двухэтажные здания, в которых помещаются: начальник колонии, или штадтгалтер, директор экономии, доктор, аптекарь, училище Евангелического братского общества и отдельное для девиц. Воспитание детей достойно подражания: оно чисто нравственное и религиозное, и прибавить надобно, что многие из молодых людей, по окончании домашнего воспитания, отправляются в Дерптский ⁹ и заграничные германские университеты для слушания теологии, прав, медицины и фармации, кто к чему имеет призвание, и, возвращаясь на родину, поступают на убылые места ¹⁰. Издержки на сие употребляются из общественной кассы.

От церкви идет аллея, обсаженная густыми акациями, к общественному кладбищу, которое простирается в длину на семьдесят, а в ширину на пятьдесят сажений. Надгробные памятники однообразны, длиною в аршин, расположены симметрически, на каждом памятнике означен номер; кладбище разделяется на четыре части: в одной хоронят мужчин, в другой — женщин, в третьей — девиц, в последней — детей. Кладбище огорожено забором с каменными столбами.

В Сарепте есть водохранилище, на той же площади, обсаженное деревьями, огражденное красивою решеткою. В случае недостатка воды

в бассейне ее можно получать из Сарпы. На ремонт этого истинно полезного заведения ежегодно расходуется 300 рублей сер(ебром).

Сарепта основана в 1764 году ¹¹, когда Екатерина II вызывала иностранцев для поселения в России ¹². По этому вызову дозволено братьям Евангелического общества, или герренгутерам ¹³, сделать переселение в Саратовскую губернию, причем дарованы им разные привилегии. Сначала приехало туда пять человек из прусской Силезии со своим старшиною «Генрихом Фиком» ¹⁴, который, избрав настоящее место для своего поселения, дал ему библейское название Сарепты ¹⁵, упоминаемой в церковной истории русского Массильона ¹⁶. <...> Сама колония построена на счет казны, и употребленные на то 50 тыс. р. асс(игнациями) возвращены колонистами чрез тридцать лет. Им отведено 20 тыс. десятин земли, но она мало была способна для возделывания: одни лишь труды, вообще переселенцам свойственные, в отношении удобрения, сделали то, что земля та дает теперь хорошие урожаи. Между тем сарептяне обратились к другим занятиям, принялись за промышленность. Теперь в Сарепте можно найти всех возможных ремесленников; но обрабатывание известной горчицы ¹⁷ занимает первое место и множество рук. Сверх того колонисты имеют торговые дома в обеих столицах и других городах России, кроме гостиного двора в самой колонии ¹⁸.

Вскоре по ее основании открыты были минеральные ключи, которым приписывалось целебное свойство. Главный источник слыл под названием «Екатерининский» ¹⁹. Много приезжало сюда из отдаленных губерний, не исключая придворных Екатерины века; все получали облегчение; но с той поры, как открыты минеральные воды на Кавказе ²⁰, эти посещения стали редеть, а впоследствии и вовсе прекратились.

Засим добродетельным, полным религии сарептянам довелось испытать много потерь. Нашествие Пугачева сделало убытку на 15 тыс. ²¹, а от пожара простиралась потеря до 200 тыс. р. серебр(ом). Пожары были в 1801, 1812 и 1824 годах, но сильнее всех последний, истребивший почти все достояние жителей — и тогда, как они стали уже пользоваться плодами великих, неусыпных трудов своих. Во время несчастья был сильный, порывистый ветер: и фабрики, и магазины сделались жертвою пожара, а потом сгорели обывательские дома ²². После того торговля упала, полезные ремесла остановились в своем развитии, а взорам являлись одни развалины, которые и теперь в некоторых местах встречаются. Некоторые члены братства, не связанные семейственными узами, видя общее от пожара расстройство и упадок торговли, выехали в Саксонию, чтобы под прекрасным ее небом, окончить дни свои. Со стороны правительства оказано возможное пособие в рассрочке долгов пострадавшим от несчастья.

При сем случае нельзя не упомянуть, что во время свирепствовавшей в 1830 году холеры ²³ в Сарепте ни один человек не сделался ее жертвою, тогда как она наносила страшные опустошения даже в самом Царицыне, где в короткое время померло от эпидемии более пятисот человек. Осторожное, безусловное соблюдение всех правил до самоот-

вержения и невидимая Божия благодать, вероятно, отвратили несчастье. Многие жители из Царицына и других ближайших мест приезжали в то бедственное время в Сарепту как в обетованную землю, усердно молились Богу — и не испытали Его гнева.

По осмотре главнейших заведений колонии я был на другой день приглашен разделить прогулку в поле с новыми моими знакомцами. Это было 26-го апреля, в воскресенье. День чудный. Прохладный ветерок манил всех в поле насладиться открывшеюся весною. Зефиры²⁴ шептались с кустарниками, а цветы разливали по воздуху свои ароматы. Путь наш лежал к увеселительному местечку Шенбрун²⁵, где было раскинуто несколько прелестных домиков; поля были давно покрыты разноцветными тюльпанами и белоснежными лилиями, там и сям группировались семейства; легкий ветерок разливал благоухания; самовары шумели приветливо, дорожные припасы лежали на скатерти-самобранке. Невольно вспоминал я при этом случае о гуляньях в окрестностях Иркутска²⁶ — по рекам Кае, Иркуту и Ушаковке. Воображение переносило меня в дальний край, милый моему сердцу. Время проведено чудесно; уже поздно вечером возвратились мы домой. «Какое радушие, гостеприимство в Сарепте! — рассуждал я сам с собою. — Ничего нет поддельного, все выливается от души — и трехдневное мое пребывание там долго, очень долго будет жить в моих воспоминаниях».

Здесь в конце мая начинается уже сенокос; это повторяется осенью. Скот ходит на лугах круглый год, от чего у жителей всегда большие запасы сена. В числе овец держат они мериносов²⁷, прилагая особенное старание об их воспитании, подобно менонистам²⁸ на водах Молочных, в Крыму. Для производства своих обширных работ, колонисты имеют у себя до четырех сот работников, большую часть из немцев других колоний Саратовской губернии. Наши русские мужички не могут довольно нахвалиться нанимателями, которые дают им хорошую плату. Работники помещаются в особенных домах, выстроенных в окрестностях Сарепты, где находится довольно общественных садов.

До этого браки в Сарепте совершались по жеребью, и нередко 25-летнему пылкому юноше доставалась в удел 40-летняя дева или вдова; однако ж обычай сей отменен впоследствии как основанный на слишком отвлеченных понятиях — на евангельском равенстве всех братьев²⁹. Туземцы женятся теперь по выбору и обоюдному согласию, что гораздо сообразнее с привычками и понятиями нашего века о нравственной свободе людей. Воспитание же детей у них общественное, и нельзя не похвалить этого порядка там, где целая колония составляет как бы одно семейство, движется одними выгодами, управляется одинаковыми правилами. Все общество растет, наследуя понятия отцов, которые можно улучшить, усовершенствовать, но не пренебречь ими. Фабрики, магазины, сады у них также общественные; труд и искусство каждого сливаются в общую массу, и частное улучшение благосостояния происходит от умножения всегдашнего богатства. От этого нет мотовства, нет роскоши, раздоров, нарушающих

спокойствие наших обществ; нет тщеславия, нет надобности завладеть чужим, нет причины быть слишком скупым и расчетливым. Женихи и невесты, повинувшись приятнейшему голосу природы, не останавливаются законами корыстолюбия, и родители их, подобно патриархам Священного писания ³⁰, с умилением благодарят Бога за грядущее утешение их старости; дети в свою череду благословляют долголетие отцов своих.

Чистейшая нравственность жителей доказывается тем, что с основания Сарепты по последнее время не случилось между ими ни одного уголовного преступления. <...>

Остановясь на несколько часов в гостеприимной Сарепте по возвращении из последнего путешествия, я спешил в Царицын. Он расположен в нагорной стороне при устье впадающей в Волгу речки Царицы ³¹. Город побольше Камышина ³²; тысяч шесть населения ³³, шесть церквей, из которых четыре — в крепости ³⁴, а остальные — в форштате ³⁵. Взорам путника являются значительные площади, рвы и развалины. Церкви не богаты и самые здания не объемисты. По набережной находится древнее здание магистрата ³⁶; внутри города каменный гостиный двор, низменный, очень незавидного фасада. Кругом города вал. Река разделяет город на две части: меньшая, к Сарепте, служит как бы предместьем, заключая в себе небольшие скромные домики. Главные улицы довольно широки, а окрестности живописны: вдали темнеют отлогости гор, роскошные луга; пред вами Ахтуба ³⁷, вливающаяся в Волгу. Вообще Царицын разделяется на три части: на так называемую крепость, обведенную земляным валом, на форштаты Преображенский и Царицынский.

По высочайше подтвержденному в 1820 г. на г. Царицын плану, были предположены к построению в крепости присутственные места, в обоих форштатах — по одной приходской церкви, купеческие лавки для хранения товаров ³⁸. Здесь две ярмарки — Троицкая и Ивановская ³⁹: главный торг производится скотом. Привоз простирается на первую до 350 тыс., на вторую — на 200 тыс. р. сер(ебром). Пристань покрывается в ту пору судами различных конструкций. По окончании ярмарки отправляется до 15 тыс. подвод, нагруженных товарами, в Курскую, Воронежскую и прочие губернии, а из Нижегородской ярмарки сплавляются на судах разные товары, также казенный спирт, отправляемый с пристани на Кавказскую линию и в Грузию.

Древность Царицына достопочтенна: ее можно уподобить той эпохе человеческой жизни, которая, упрочивая счастье потомков, может требовать уважения детей своих.

Крутые берега Царицы когда-то были покрыты дремучими непроходимыми лесами; даже и теперь дотлевают в разных местах остатки пней от огромных дубов ⁴⁰. Предание говорит, что эта речка получила свое название от дочери Батяя (которого, как и подобных ему властителей, не называли ханами, а царями). Убежденная в истинах христианской веры, она бежала в Россию, чтобы принять Св(ятое) крещение, но при истоке речки была поймана гонцами отца своего и предана смерти. Так

погибла несчастная, и память о варварском событии сохранилась в названии речки ⁴¹. Другие говорят, что царица, жена Батыя, жившего на р. Ахтубе, прогуливаясь часто на берегах ее, оставила свое наименование и речке ⁴².

Царицынская крепость первоначально основана там, где теперь Царица сливается с Волгой, по повелению Иоанна IV, в 1555 году, после покорения Астраханского царства, для безопасности от кубанцев — и состояла из деревянных стен с башнями ⁴³. Впоследствии же, именно в государственование Анны Иоанновны ⁴⁴, вместо деревянной крепости, приходившей в ветхость, устроена была земляная, существующая донныне ⁴⁵. До основания Царицына здесь кочевали татары Золотой Орды ⁴⁶; дворец властителя их Батыя ⁴⁷, некогда страшного для России, стоял на том месте, где теперь церковь Иоанна Крестителя ⁴⁸, другой дворец — на р. Ахтубе, как выше говорил я ⁴⁹. Мамай ⁵⁰ имел свое пребывание между первую и второю Мечетною, где поныне виднеются развалины ⁵¹. Начальные поселенцы Царицына были казанцы, назывались пушкарями, казаками, потом купцами и мещанами.

Первым поселенцам Царицына пожалована тогда же грамота, хранившаяся в архиве Казанского царства, заведывавшего делами других царств Астраханского, Сибирского и всех городов, расположенных по Волге. На основании этой грамоты земли, принадлежащие Царицынской крепости, граничили вверх по левому берегу Волги с речкою Таловкою, в Камышинском уезде, вниз до заозерной поляны и каменного яра, за Волгой — займищем и Сарпинским островом. В 1794 г. владения сии были размежеваны особою комиссиею, а в последнее время, с увеличением народонаселения, многие урочища отрезаны и перешли к другим частным владельцам.

Царицын часто подвергался нападениям татар, кочевавших за Волгой, на берегах Кубани. В 1656 г. ⁵² известный бунтовщик Стенька Разин, набрав партию подобных себе удальцов, сжег первый русский корабль ⁵³, построенный в Астрахани ⁵⁴, разорил этот город, проплыл по Волге мимо Царицына, остановился у Сарпинского острова и принуждал городских жителей к безусловной сдаче. Но разбойник был отражен. Вскоре после того подобные ему Булавин и Некрасов ⁵⁵, прибыв с Дона с многочисленною толпою бродяг, дважды нападали на Царицын — жителям удалось также отразить их; в другой раз, несмотря на долгое упорное сопротивление, Царицын был взят бунтовщиками по разорении Камышина и увеличении буйной рати. Бунтовщики отсекли голову царицынскому коменданту, архив с делами сожгли, а при этом случае погибла копия с грамоты царя Иоанна. Скоро подоспели войска из Астрахани и выгнали возмутителей. По случаю же непрерывных набегов со стороны кубанцев проведен от Царицына до Дона земляной вал, прикрытый деревянным палисадом, укрепленный тремя земляными крепостями ⁵⁶. Впрочем эта преграда не всегда останавливала хищников, и вследствие того образована была по всей линии цепь регулярного войска.

В царствование Петра I бывшие в Астрахани стрельцы⁵⁷, по единомыслию с московскими, взбунтовались, подступили к Царицыну, склоняя жителей к измене, однако ж сии последние остались непоколебимыми⁵⁸.

В 1722 году тот же великий государь⁵⁹ с императрицею⁶⁰ во время своего путешествия по Волге в низовой поход изволил посетить Царицын. После торжественной встречи граждане подводят к высокому посетителю верховую лошадь; государь садится на нее, осматривает крепость, потом слушает обедню в Троицкой церкви, ласкает жителей, беседует с ними о разных предметах и жалует крепость царице, супруге своей. Это случилось во время их путешествия чрез речку Царицу на приготовленных для сего мостиках. Остановясь тут, Петр Великий сказал, что как сия речка есть Царица, то жалует ее величеству и Царицынскую крепость. А в следующем, 1723 году на возвратном пути из Персидского похода в знак Высочайшего благоволения к верным царицынцам незабвенный государь оставляет картуз и трость, и, отдавая жителям первый, державный произнес следующие достопамятные слова: «Как никто не смеет снять картуза с головы моей, так никто не смеет вас из Царицына выводить»; при вручении трости: «Вот вам моя трость: я управлялся ею от врагов»⁶¹. Картуз — из толстого серого сукна, подкладка — дикого⁶² цвета, шелковая, на вате. В некоторых местах моль испортила эту драгоценную вещь. Трость вязовая, к низу толще, с корою, почерневшая от времени; на верхнем конце сук и кора от руки стерлись; длина трости — 2¼ аршина. И картуз и трость до 1838 г. находились в военном ведомстве, а в предшествовавшем, 1837 г. по распоряжению правительства они переданы, с приличным церемониалом, Царицынскому градскому обществу.

В 1771 году калмыки Большой Орды, кочевавшие в окружности Царицына, с которыми жители его имели торговые связи, бежали из России в Китай и при этом замешательстве разграбили бывших у них в то время царицынских купцов. Между тем сгорел в город, гостиный двор со всеми товарами. Спустя три года все Поволжье от Казани до пределов Астраханской губернии было наводнено буйными толпами Пугачева⁶³, производившего все ужасы варварства. В августе 1774 г. Царицын был также обложен мятежником; оставалось пожертвовать форштатом и амбарами, в которых хранилось значительное количество съестных припасов. Все это предано огню. Пугачев предпринимал регулярную осаду Царицына, но жители, вспомоществуемые саратовским гарнизоном и отрядом храброго Михельсона⁶⁴, выдержали ту осаду, как должно верным сынам отечества⁶⁵.

Засим должно пояснить, что бывшие в 1728, 1791 и 1793 гг. пожары сделали убытку жителям на 30 тыс. р. сер(ебром)⁶⁶. С той поры ничего особенного не случилось до 1808 года. В это время занесена была из Астрахани в Саратовскую губернию зараза. Царицынцы в сие бедственное время показали редкие опыты усердия, самоотвержения к ее прекращению⁶⁷. Бедствие миновало, и градское общество удостоилось лестного монаршего благоволения — высочайшего рескрипта императора Александра⁶⁸ от 12-го июня 1808 года. Признательные жители в незабвенную память и во славу потомства хранят как рескрипт, так

картуз и трость, подаренные великим Петром, в доме градского общества в особенном ковчеге ⁶⁹. В июне 1837 г. эти вещи взяты были в Саратов к приезду государя наследника ⁷⁰ и оттуда, по отбытии его высочества, возвращены царицынцам.

В заключение скажу, что Царицын в 1824 и 1831 гг. был осчастливлен пребыванием двух знаменитых посетителей — их высочеств герцога Александра Виртембергского ⁷¹ и принца Петра Ольденбургского ⁷².

Осмотрев, таким образом, в Царицыне все любопытное, я отправляюсь в Саратов ⁷³. По отъезде полуторых сот верст стал рисоваться на противоположной стороне Волги знаменитый посад Дубовка ⁷⁴ с величественною церковью. <...>

☞————— Н.И. Костомаров —————☞

АВТОБИОГРАФИЯ [1858]

<...> Потолковавши несколько дней с дубовскими сектантами, мы отправились в Царицын, где я забрал по поручению губернатора дела, относящиеся к эпохе пугачевского бунта ¹. Услыхавши, что за несколько верст от Царицына живет престарелый поселянин более ста лет от роду, бывший уже взрослым во время Пугачева и выдавший лично этого знаменитого мятежника, я отправился к нему и увидел истинную ходячую древность. Он рассказал, что помнит тот день, когда Пугачев прибежал в Царицын, пытался его взять, но храбрый комендант Цыплятев ² отбил его шайку, уже по пятам преследуемую Михельсоном ³, и как Пугачев со своими товарищами переправлялся на другой берег Волги. Когда я завел речь о Стеньке Разине ⁴, старик сообщил мне слышанные им давно уже предания, помещенные мною в конце моей книги. Какая-то старуха, сидевшая здесь в качестве гостыи, услышавши, что я спрашиваю о Стеньке Разине, принялась было лгать и уверять, что видела Стеньку Разина, не зная, как видно, подлинно, когда это известное народу лицо жило на свете.

Из Царицына поехали мы в Сарепту. Эта гернгутерская ⁵ колония представляет необыкновенное зрелище: посреди калмыцких степей, дикой пустыни, пред вами как из-под земли вырастает чисто немецкий городок, красивый, благоустроенный, с улицами, обсаженными тополями, со сквером и фонтаном посреди его, с чистыми домами немецкой архитектуры и с европейским хозяйством огородов и принадлежащих колонии полей. Мы остановились в гостинице, устроенной от общества и содержимой на общественный счет. В этой гостинице стол очень удовлетворителен, но нас мучили всю ночь клопы, чего я никак не мог ожидать, так как, путешествуя по немецкой земле, нигде не попадал на это насекомое и привык воображать, что у немцев не может быть такого признака неопрятности.

Утром, в воскресный день, я отправился в церковь, построенную в форме дома против тенистого сквера с фонтаном ⁶. Там узнал я, что в этот день будет отправляться погребение скончавшегося форштегера колонии. Походивши по колонии и дождавшись начала богослужения, я направился к церкви, но не мог в нее пробраться: тело усопшего форштегера уже внесли туда, и за ним толпами валили колонисты в своих праздничных и как бы форменных нарядах: мужчины были одеты в черные сюртуки и белые панталоны и жилеты, женщины — в голубые юбки, белые пелеринки и чепчики с голубыми лентами. На паперти я разговорился и познакомился с директором училищ колонии, который предложил мне осмотреть мужское и женское училища ⁷. Мы отправились в их помещение. Судя по предметам преподавания, оба училища имели вид гимназий и содержались в большой опрятности; все учебные пособия были разложены и берегаемы в образцовом порядке. Преподавание шло по-немецки, но на русский язык обращалось большое внимание, и его основательное знание признавалось необходимым для получения аттестата. Сам директор говорил правильно по-русски и объяснял мне некоторые особенности религиозного и общественного быта гернгутеров. Секта эта ведет свое начало не от лютеровской реформации ⁸, а от Гуса ⁹, и поэтому у них празднуется день сожжения Гуса. Главным основанием их учения — братская любовь. Прежде у них общество держалось на коммунистических началах: не было собственности; все должны были трудиться в пользу общества и получать от него средства к жизни; брак считался необходимым делом, а вступающий в него получал от общества дом со всем хозяйством и за то был обязан работать на общество сообразно своей подготовке; в случае смерти хозяина, вдова его, если не выходила замуж в другой раз, помещалась на жительство во вдовьем доме; безбрачными оставались только больные или слабоумные. В прежние времена браки у них совершались не по взаимному желанию, а по жребью ¹⁰: пастор вынимал из урны написанные имена юношей и девиц, и чьи имена совпадали при этом, те обязаны были сочетаться браком. Такой странный для нас способ соединения оправдывался тем взглядом, что все люди — братья, все равны между собою и не должны предпочитать одних другим, а в устройении своей судьбы должны положиться на волю Бога, который лучше нас самих устроит для нас то, что нужно для нашего спасения. Не допускались никакие суды и тяжбы, кроме приговора пастора или целого общества; впрочем, при отсутствии собственности, тяжбы становились немислимыми. Труд считался делом необходимым для христианина; все дни в неделе, исключая воскресенья, гернгутер обязан был работать без усталости; всякие светские забавы возбранялись вступающему в братство: ни театров, ни танцев не позволялось, даже чтение легкого содержания книг считалось неодобрительным делом. Чистота такого общественного строя не могла удержаться долго и уже нарушилась; сохранялась более одна формальность старых принципов; существовал, правда, общественный капитал, употребляемый по приговору общества, но многие из братьев завели на собственный счет хозяйственные и ремесленные заведения

и вели сами свою торговлю. Общество разлагалось не без важных злоупотреблений: бывали случаи, что члены братства, получивши от общества какое-нибудь поручение, вместо того чтобы трудиться для общественных выгод, стали обращать в свою пользу то, что должно было вноситься в общественный склад, и такие случаи подали повод к тому, что гернгутеры утратили прежнее доброе о себе мнение; их стали называть протестантскими иезуитами и ханжами, так как в наружном виде гернгутера и в речах его все, по-видимому, дышало благочестием, а тайные поступки его часто были вовсе не благочестивы. Теперь в колонии есть и богатые и бедные, а многие ведут промыслы чисто от самих себя. Зато и самая культура колонии, с падением строгой общинности, значительно умалилась; лет сорок, например, назад колония славилась производством бумажных тканей, по всей России известных под именем сарпинок ¹¹; в колонии в большом изобилии работалась глиняная посуда очень красивой отделки; оттуда вывозились пряники ¹², славившиеся своим вкусом, — теперь все это упало, тем более, что и в других колониях, не гернгутерских, стали производить то же. В старину был в большой славе сарептский табак ¹³ — курительный и нюхательный; теперь и эта промышленность также упала; осталось в более цветущем состоянии одно — добывание и приготовление горчицы и горчичного масла, но и этим занимается менее общество, чем один из членов его, Глич, ведущий дела за собственный счет ¹⁴. Колония существует уже более ста лет, но ее население почти не увеличивается, потому что очень многие, нажившись, выходили из братства, заводили себе торговлю по разным городам, а иные уезжали за границу. Самое образование юношества хотя ведется в порядке, но уже не с таким блеском, как бывало прежде. Некогда сюда отдавали учиться детей богатые русские помещики — теперь это совершенно прекратилось. Директор сообщил мне, что это произошло оттого, что правительство стало смотреть неблагоприятно на такие случаи, опасаясь, чтобы гернгутеры не совращали русское юношество с православия. Гернгутеры, поселившись в Сарепте, думали принять на себя миссию распространения христианства между калмыками, но и того правительство им не дозволило, желая, чтобы калмыки, если захотят креститься, поступали в православную церковь, а не в иноверческую ¹⁵.

Потолковавши с директором и осмотревши училище, я снова направился к церкви и дождался пока тело форштегера вынесли из нее. Вслед за ним и за шедшим позади тела пастором шли попарно колонисты обо-его пола на кладбище, находящееся неподалеку от церкви и огороженное каменной стеною. Мне представился ряд могил на равном одна от другой расстоянии, с одинаковыми камнями, на которых вырезаны были слова, заключавшие имя погребенного, потом год и день его рождения и кончины. Усопшего форштегера опустили в могилу и стали зарывать землею; пастор отправился в церковь, а за ним все братья. И я вошел туда же. Церковь представляла вид университетской аудитории: посреди стояла кафедра, амфитеатром устроены были лавки с приделанными к ним столами; вверху, на хорах, был орган. Когда все уселись, девушки, опрят-

но одетые, стали разносить кофе с сухарями и сливками: подали пастору, потом — слушателям. Пастор, обмакая сухари в кофе, говорил с жаром и аффектациею что-то вроде проповеди, восхвалял добродетели усопшего форштегера, уверял как хорошо ему будет на том свете, и всех добрых христиан уговаривал принять его за образец честной и трудолюбивой жизни, чтобы по кончине сподобиться вечного блаженства. По окончании речи пастор встал, за ним встали все предстоящие, заиграл орган, все стали молиться; тем и кончилось это оригинальное богослужение. «Что значит этот кофе?» — спросил я потом у директора. «Это поминовение, — сказал он, — братья собрались вместе почтить беседу покойника, а при беседе, вспоминая его, выпили кофе от трудов, вот и все».

Из Сарепты мы уехали обратно в Саратов прежнюю дорогою. <...>

☞————— А. Дюма —————☞

ОТ ПАРИЖА ДО АСТРАХАНИ [1858]

<...> Около пяти часов вечера перед нами был Царицын, а на закате дня мы увидели «Нахимов», покачивающийся на волнах напротив города.

Вид судна успокоил нам душу: мы на тридцать часов опоздали, поэтому «Нахимов» имел полное право уплыть без нас.

Мы оставили тарантас генерала Беклемишева ¹ в условленном месте, не теряя ни минуты впрыгнули в лодку и были доставлены на борт «Нахимова».

Наш славный капитан заметил нас издали и помахал нам рукой.

Мы поблагодарили его за то, что он проявил любезность и согласился нас подождать. Причина такой любезности была нам объяснена в двух словах.

Славный Пастухов (так звали капитана), не сообщив нам об этом, заключил в Саратове ² небольшую сделку: он обещал взять на буксир в Камышине ³ судно, груженное двадцатью пушками, предназначавшимися для Астрахани ⁴.

Доставив нас в Николаевск ⁵, он, вместо того чтобы спуститься дальше по Волге, поднялся до Камышина, где на другой день утром взял эти пушки на буксир. Работа продолжалась до вечера. Вечером сложности, возникшие с навигацией, заставили его остановиться и подождать до утра.

Утром он снова отправился в путь; но поскольку скорость движения замедлилась, он прибыл в Царицын всего лишь за два часа до нас; таким образом, если бы мы, на нашу беду, оказались точны и прибыли накануне утром, нам вполне могло показаться, что он уже уплыл, и мы двинулись бы дальше каким-нибудь иным способом, ибо мысль о том, что он опаздывает, вряд ли пришла бы нам в голову.

Все совершается к лучшему в этом лучшем из миров ⁶.

Но дело начало принимать скверный оборот, когда он признался, что по условиям сделки обязан взять на буксир не только пушки, но и еще одно судно, груженное зерном.

Правда, его еще не загрузили; оно стояло под погрузкой, и вся эта операция должна была закончиться к пяти вечера следующего дня.

По его мнению, эта задержка имела для нас немалую выгоду. И вот почему.

Он загрузит дрова не только на «Нахимов», но и на два других судна, поэтому, располагая достаточным количеством топлива для того, чтобы проделать остаток пути, мы сможем доплыть до Астрахани без остановок.

Мы выдвинули капитану свои условия, предлагая воспользоваться, если это его устроит, двумя днями вместо 15—18 часов, которые он просил.

Меня осенила одна мысль.

Поскольку Царицын был точкой, расположенной ближе всего к Дону, можно было на другой день рано утром взять лошадей и преодолеть на них эти шестьдесят верст, отделяющие обе реки друг от друга.

Первым на этот факт указал Птолемей ⁷. А о том, чтобы установить связь между Волгой и Доном, впервые подумал Селим ⁸.

Это было в 1559 году, в ту эпоху, когда он предпринял кампанию с целью вырвать Астрахань из-под влияния русских ⁹. Его флотилия должна была подняться вверх по Дону, имея приказ, как только она прибудет в Качалинскую ¹⁰, немедленно прорыть канал, который соединил бы Дон с Волгой.

Этот проект окончился неудачей из-за того, что турецкая армия сбилась с дороги, по неосторожности углубившись в пустыни Маныча ¹¹.

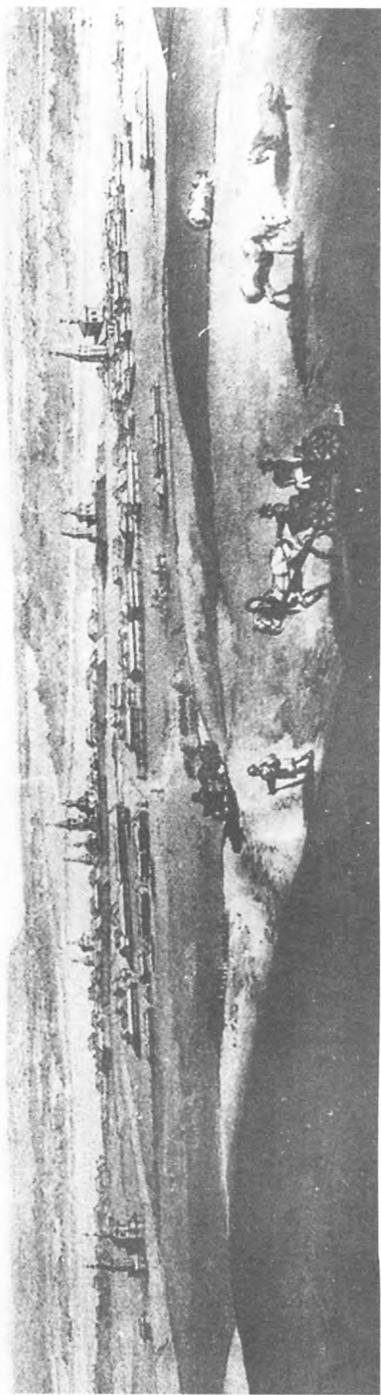
Та же идея пришла в голову и Петру Великому: он послал в Дубовку ¹² английского инженера по фамилии Перри с приказом наметить трассу канала и после этого энергично взяться за дело ¹³.

При императоре Николае ¹⁴ вновь были проведены подготовительные работы, завершенные в течение 1826 года.

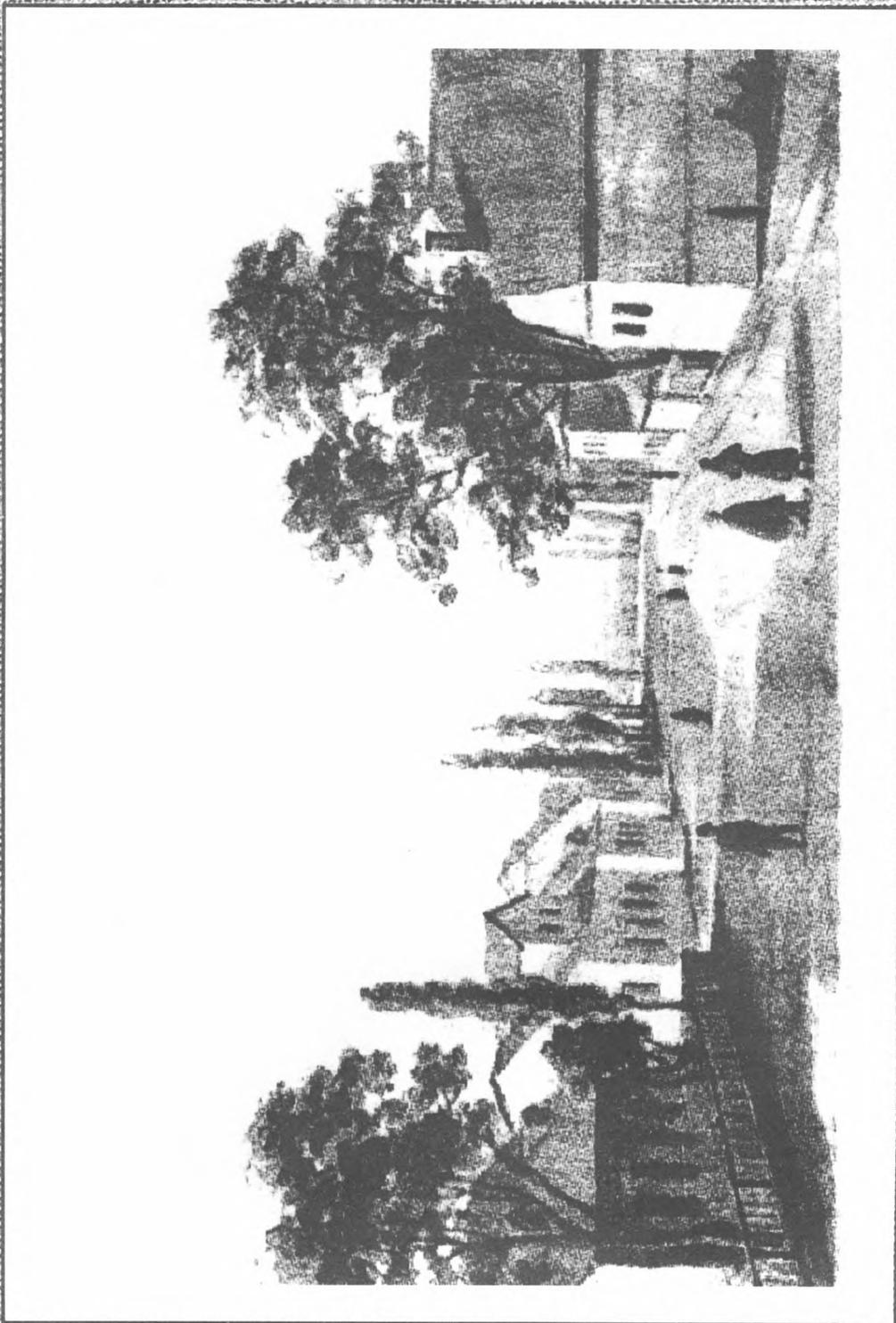
Сегодня, точнее, когда мы ехали в Царицын, поговаривали: а не заменить ли все еще проектируемый канал, так и не ставший реальностью, железной дорогой; однако перевозки на телегах обходятся так дешево, что данный способ передвижения, вероятно, еще долго будет оставаться здесь единственным ¹⁵.

К несчастью, наш капитан был полон решимости отправиться в путь на другой день, поэтому он не смог предоставить нам те два дня, которые были нам нужны для экскурсии. <...>

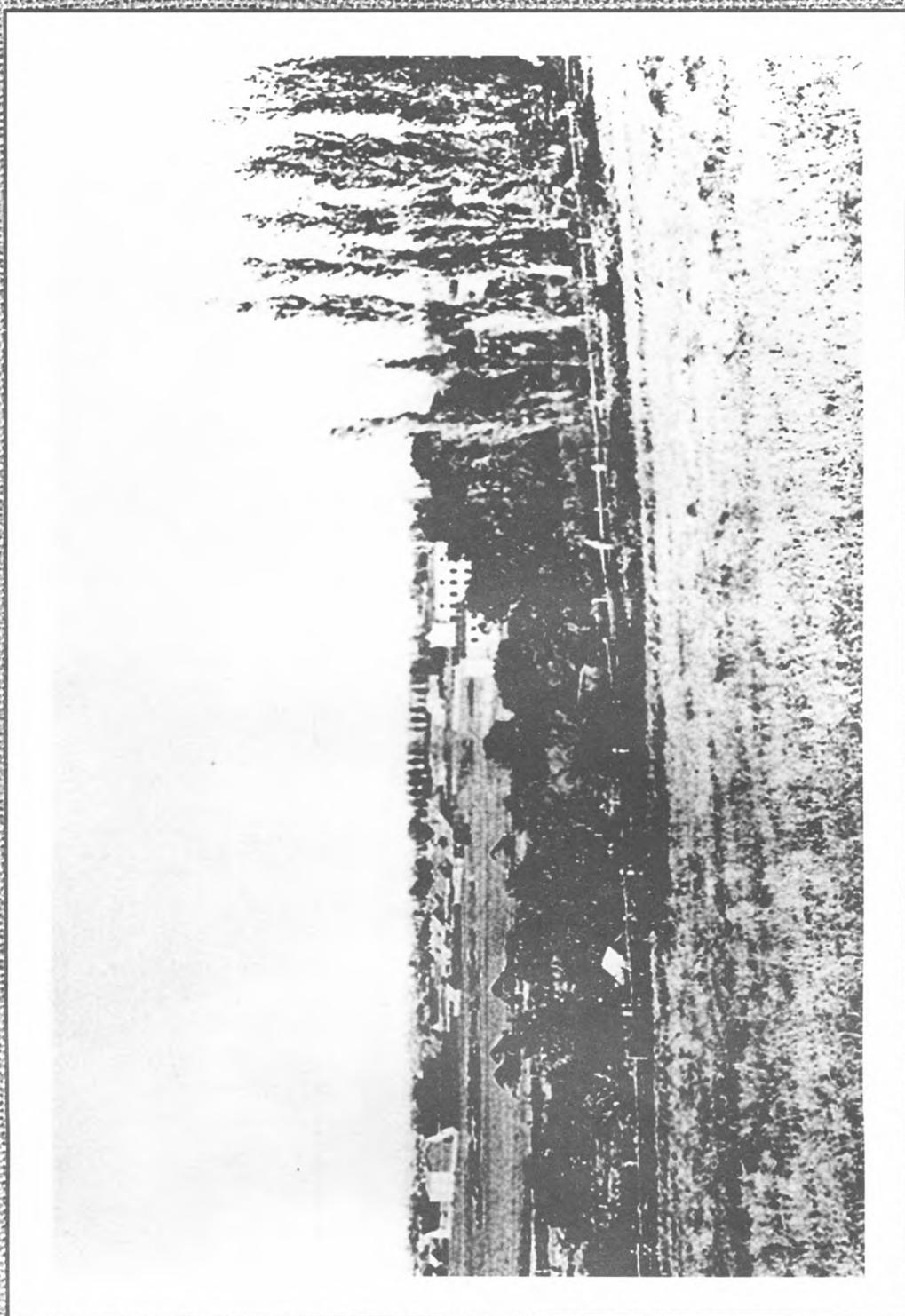
Мы покинули Царицын в срок, обещанный капитаном. Весь день мы наблюдали за бесчисленными стаями гусей, которые выписывали в небе замысловатые фигуры. Климат становился менее суровым; чувствовалось, что мы приближаемся к югу. Впрочем, было самое время: льдины плыли рядом с нами и таяли в более теплой воде, возвещая о том, что за нашей спиной Волгу начинают сковывать льды; но мы уже опередили зиму, и можно было не опасаться, что она настигнет путешественников. <...>

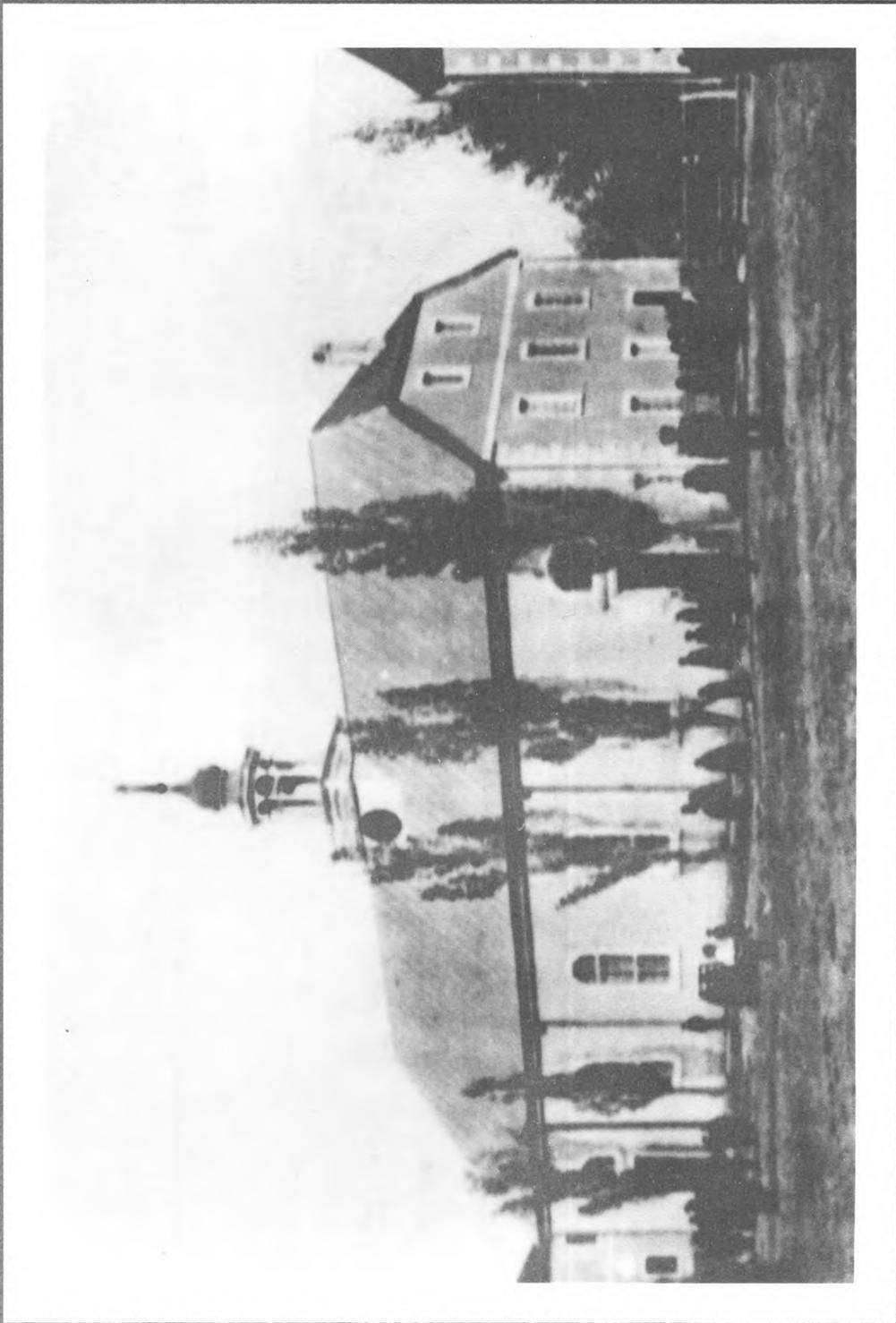
Вид Царицына с Саратовской дороги.
Е. М. Корнев. Акварель. 1803 г.

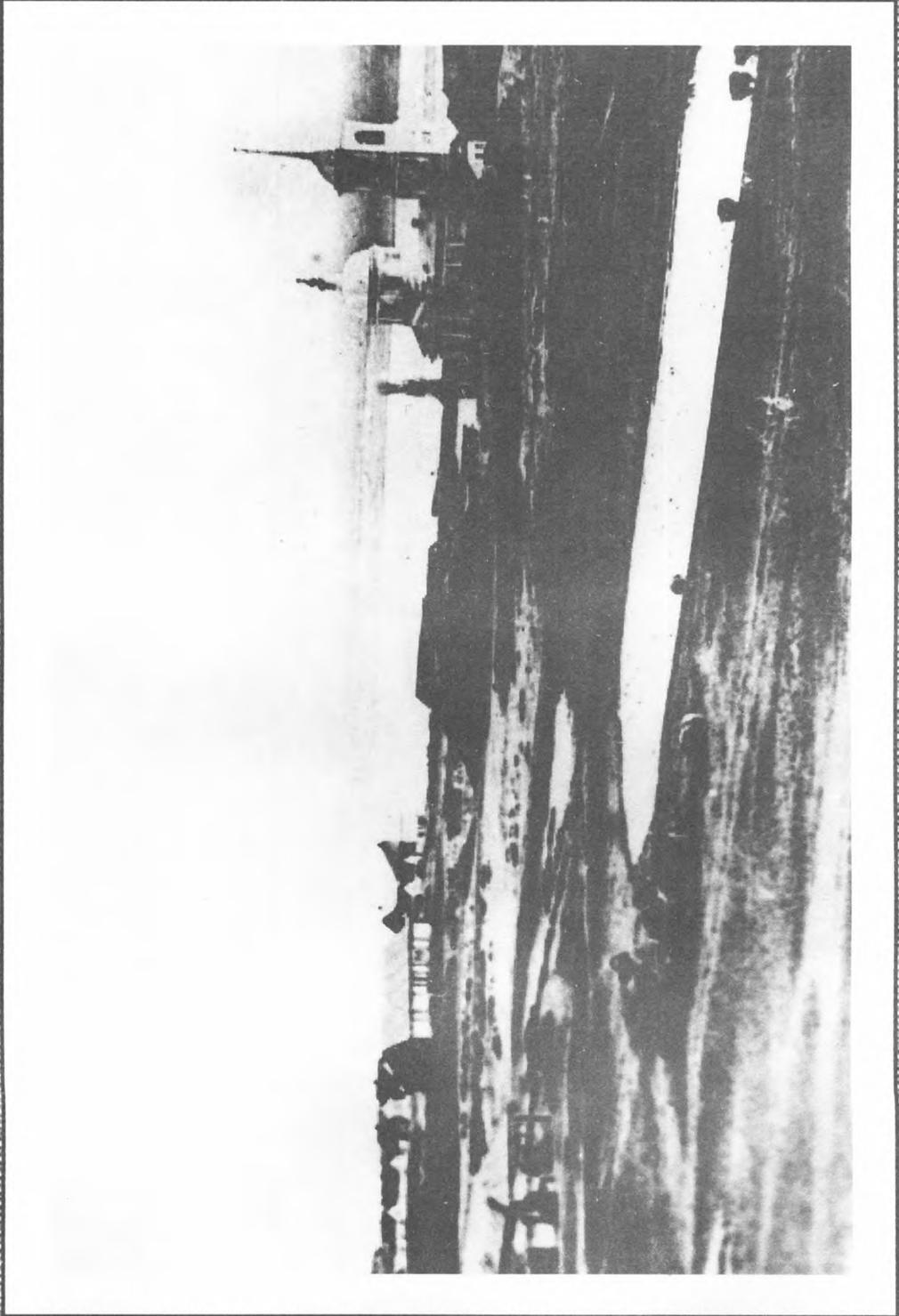
Барепта.
Рисунок Г.Г. и Н.Г. Чернецовых

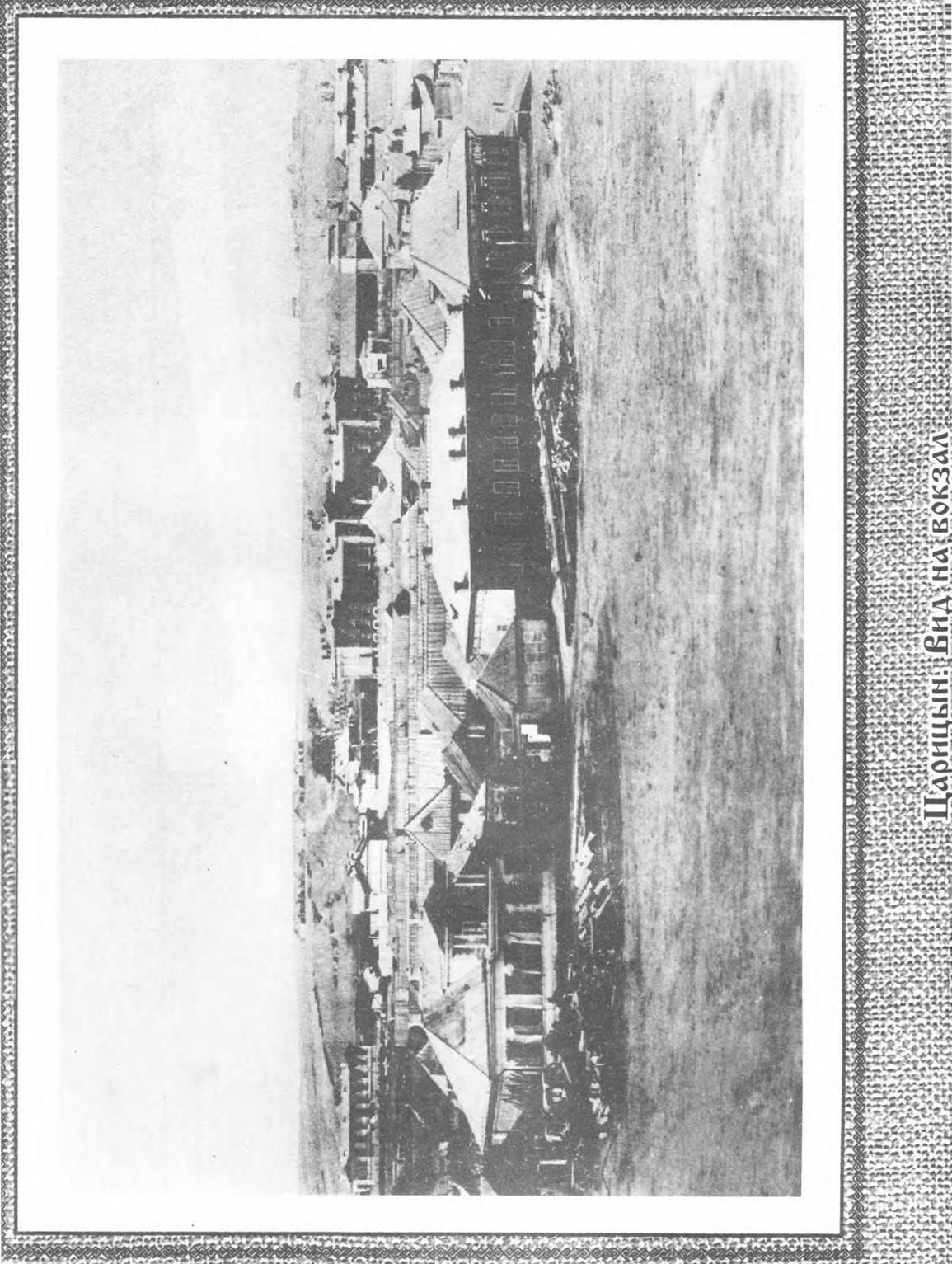
Гарпета. Общий вид

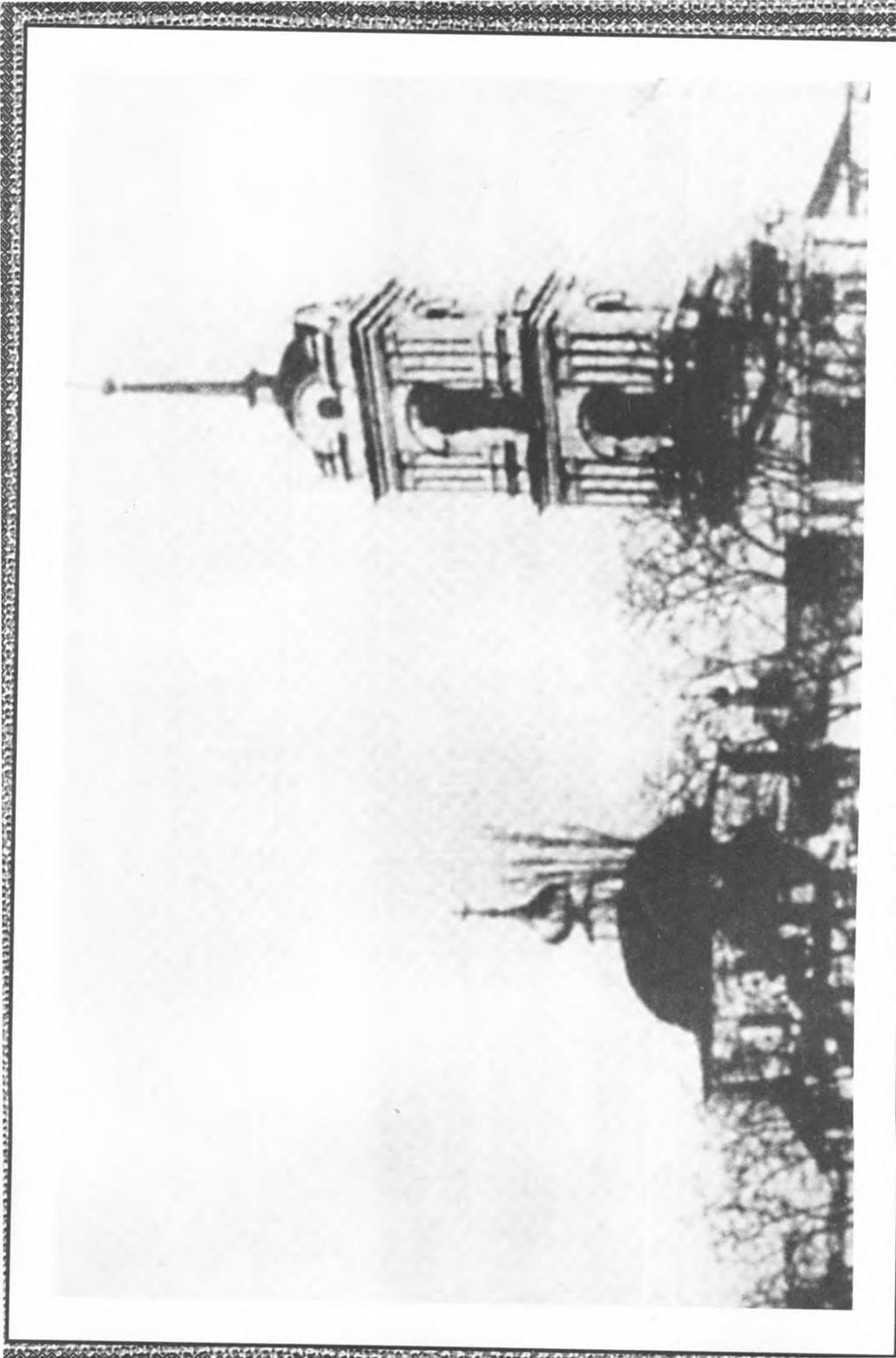
Київ в Європі

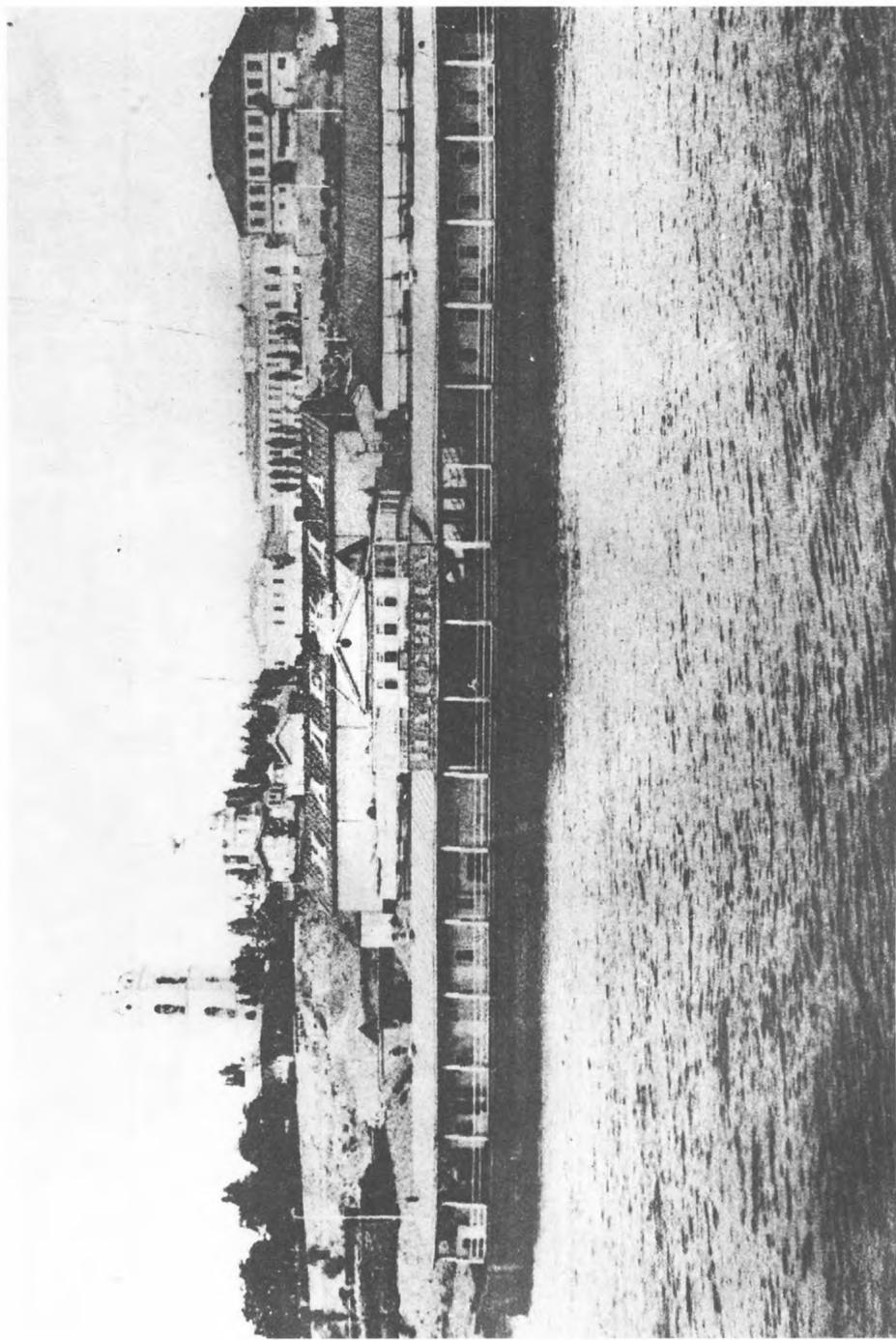
Церковь Покрова Богородицы в центральной части Царьцына, 1875 г.

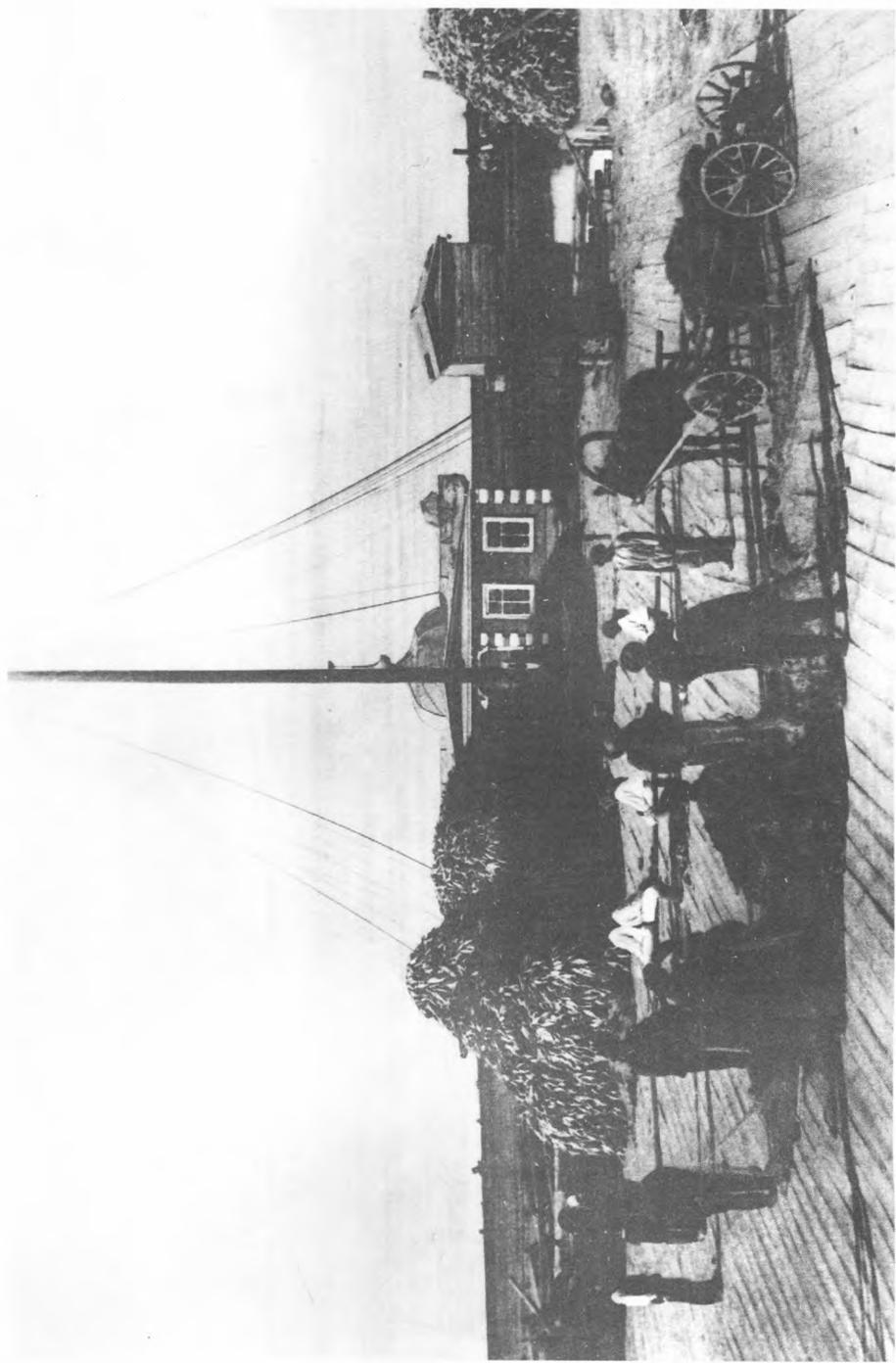
Царцын. Бид на вокзал.

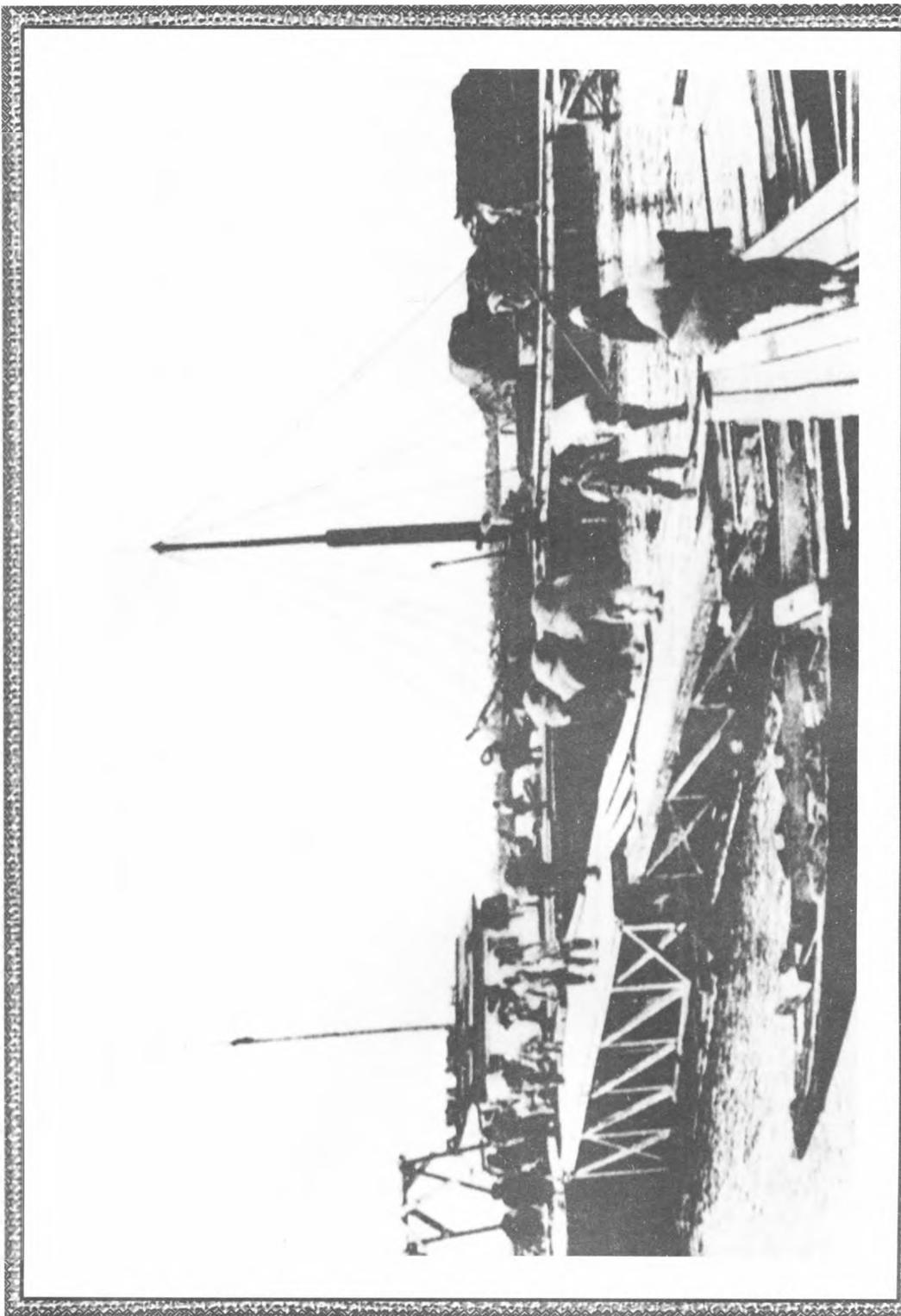
Успенский собор

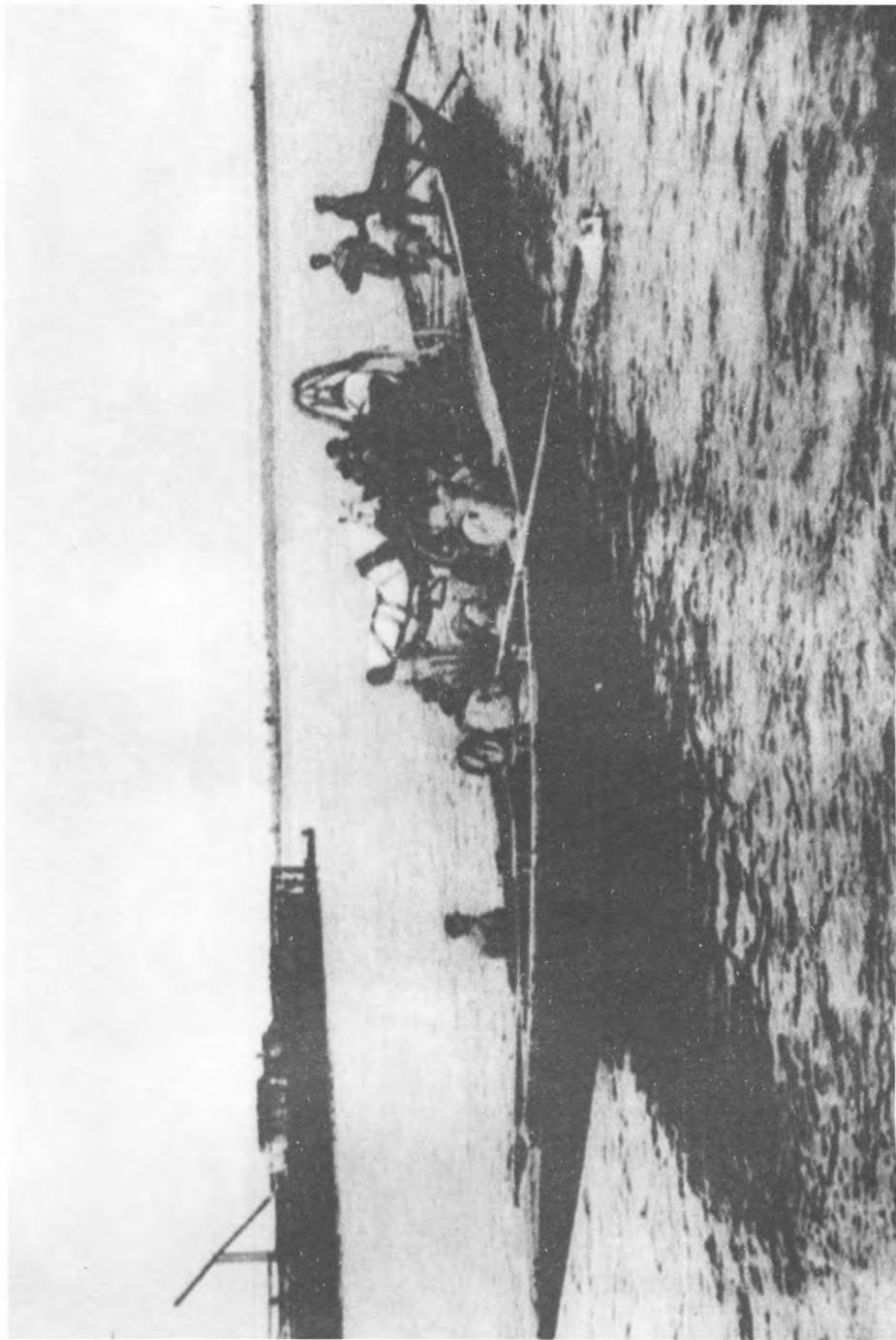
Царицын. Вид с Волги.

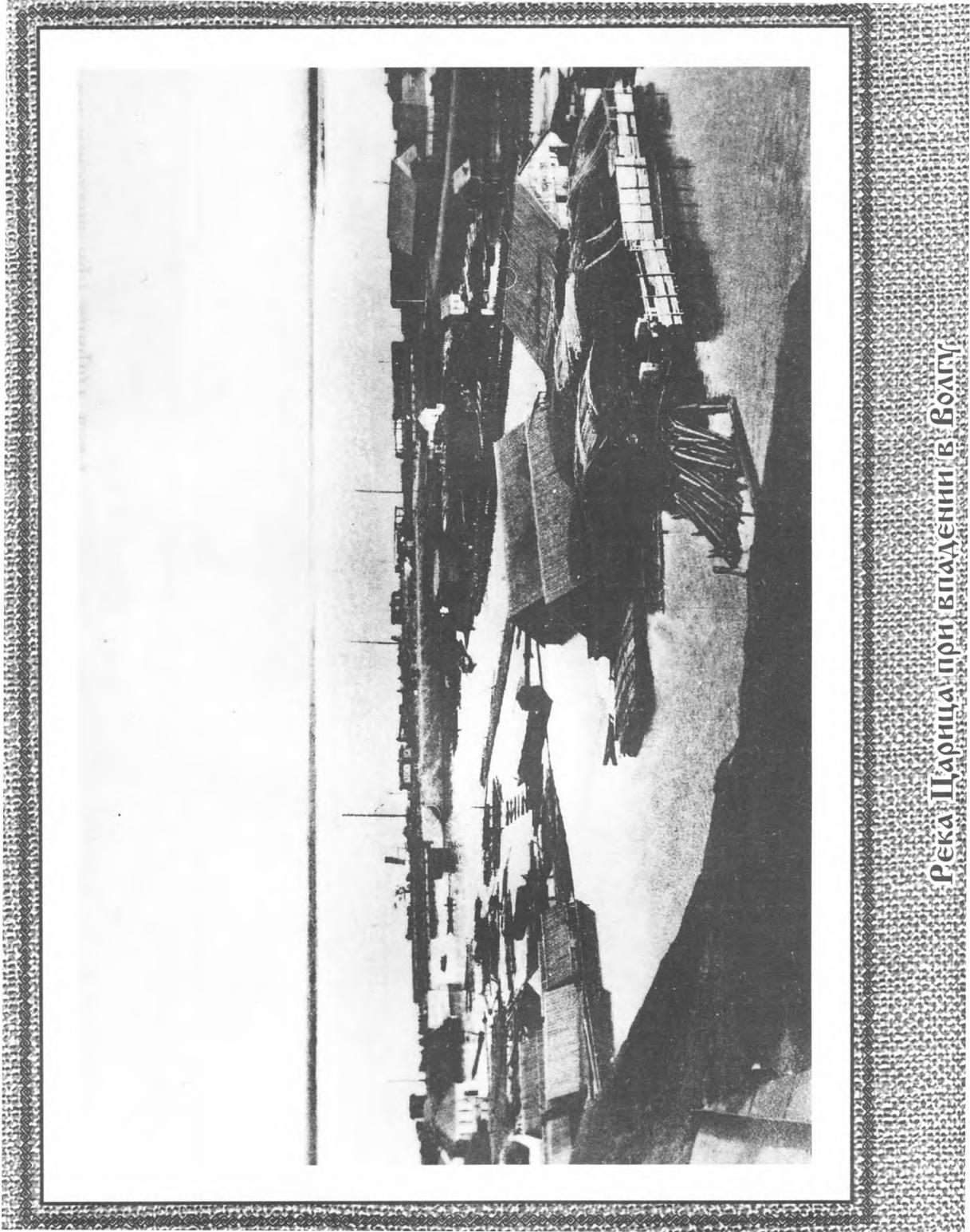
РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ЦАРИЦЫНЕ. 1875 Г.

Погрузка баржей

Переправа через Волгу

Река Царица при впадении в Волгу

ГЛАВА VI

ЦАРИЦЫН ПОРЕФОРМЕННЫЙ

Пореформенный период стал переломным временем для развития Царицына. После строительства Волжско-Донской (1862 г.) и особенно Грязе-Царицынской (1871 г.) железных дорог он приобрел исключительно выгодное положение на пути транзита товаров с аграрного юга в промышленные губернии центра России и внешнеторговые порты Прибалтики. К концу века Царицын превратился в один из крупнейших центров рыбной, лесной, хлебной, соляной и нефтяной торговли страны. Вслед за торговлей бурными темпами стала расти и перерабатывающая промышленность, особенно лесопильная и пищевая (мукомольная, горчично-маслобойная, солемольная). С начала 1880-х гг. на северной окраине города возник район нефтяных пристаней и складов, на юге за городской чертой — районы лесопильных заводов (в Ельшанке, Бекетовке, Сарепте). В 1897 г. к северу от города началось строительство крупного металлургического завода, вступившего в строй в 1898 г.

Экономический подъем привел к росту городского населения. В 1897 г. здесь проживало уже 55 186 человек, не считая примерно 10 тыс. сезонных рабочих. Город существенно расширился. На севере застройка достигла Крутого и Долгого оврагов, на юге границей города стал Ельшанский овраг. Интенсивно шла застройка Сибирь-Горы в Заполотновской части. В центре города возводились двух- и трехэтажные каменные дома, началось мощение улиц. Открывшиеся в это время земские и городские органы самоуправления существенно улучшили состояние дел в благоустройстве

Рукописные буквы прописные:

А Б В Г Д
Е Ж З И Й
К Л М Н О
П Р С Т У
Ф Х Ц Ч Ш
Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я Ө Ү

Рукописные буквы строчные:

а б в г д е ж з и к л
м н о п р с т у ф х ц
ч ш щ ъ ы ь э ю я ө ү

Названия букв:

Азъ, а. Бѣ-ки, в. Вѣ-дн, в.
Гла-голь, г. До-вѣс, д. Бѣтъ, е.
Жн-вѣ-тъ, ж. Зѣ-лод, з. Зѣ-
мля; з. Ыжъ, и. І, і. Ка-
кш, к. Лѣ-дн, .. Мы-слѣ-
тъ, м. Нашъ, н. Оне, о.
По-кой, п. Рцы, р. Сло-во, с.
Тѣр-до, т. Ф, ф. Оукъ, у.
Фиръ, ф. Хѣръ, х. Сѣтъ, ш.
Цы, ц. Чръ, ч. Шл, ш.
Щл, щ. Ър, ъ. Ыръ, ы.
Ъръ, ъ. Ытъ, ъ. Ю, ю.
Юръ, ъ. Д, д. Буи, б.
Өн-та, д. Ү-жн-цъ.

и культурном развитии Царицына. В 1890 г. заработал городской водопровод, были разбиты Александровский сквер на месте бывшего крепостного вала и верхняя терраса набережной. В 1875 г. открылась мужская, в 1877 г. — женская гимназии. К концу века в городе выходили две газеты, работал летний театр в саду «Конкордия» в пойме Царицы.

— А.А. Ухтомский —

ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО АСТРАХАНИ [1862]

<...> Не доходя 20 верст до Царицына, прошли начало р. Ахтубы ¹, которая здесь отделилась от Волги и бежит с ней параллельно по восточной стороне, вплоть до самого ее устья. Сначала Ахтуба мелка и во многих местах пересыхает, но далее становится значительною рекою. Около Царицына Волга разделяется на несколько рукавов, которые то соединяются, то снова расходятся, образуя многочисленные острова, поросшие камышом и кустарником; главное же русло Волги тянется вдоль западного возвышенного берега степи и образует величественную реку, на которой при малейшей буре поднимаются страшные волны. Вообще должно заметить, что в нижних частях Волги ее течение и русло подвержены беспрестанным изменениям, вследствие слабого состава почвы и сильного действия весенней воды.

Не доходя несколько верст до Царицына, я обратил внимание на одинокий сад, густо разросшийся в балке; между зеленью деревьев выглядывали обгорелые балки какого-то строения. Из расспросов бывших пассажиров я узнал, что это имение и сад принадлежит одной помещице. Место это памятно рассказами о злоупотреблениях бывшего крепостного права ².

Через четыре часа ходу мы были в Царицыне, где я предполагал остаться на несколько дней, чтобы привести в порядок и выкрасить пароход.

Царицын — дрянной и грязный городишко, лишенный всякой растительности и зелени. У Царицына оканчиваются настоящие приволжские горы. Здесь берег представляет два рода весьма замечательной глины: одна — белая, в виде порошка и употребляется жителями на беление стен, другая — бурая, слоистая, встречается большими массами у самого берега Волги и от просачивания воды делается рыхлою и часто обламывается целыми глыбами. В самом Царицыне есть место в конце города, где жители через каждые десять лет принуждены бывают перестраиваться, потому что дома их постепенно приближаются к самому берегу.

По своему торговому значению Царицын ниже Дубовки ³, но все-таки сюда привозят значительное количество товаров, которые развозятся во внутренние губ(ернии) и поволжские города. Для этого упот-

реблюются фурщики ⁴, которых иногда приходит в Царицын до 7 тыс. чел. и при них до 80 тыс. волов. Но одним из главных мест сбыта товаров является Дон.

Для удобства сообщения между Волгой и Доном в 1858 г. образовалось общество *Волжско-Донской железной дороги* с капиталом в 4 млн руб.⁵ На донской станции уже устроены магазины для 100 тыс. четвер(тей) хлеба. За провоз товаров с нагрузкою и выгрузкою взимается по 4 к. с пуда, а с пассажиров 3 класса — по 1 к. на версту, то есть всего — 75 к. Необходимым продолжением железной дороги служит пароходство на Дону. Донские пароходы ходят от Калачевского хутора ⁶ вверх до Качалинской пристани ⁷, и вниз до Ростова ⁸, и далее до Таганрога ⁹.

14 число ¹⁰. Царицын перерезан оврагом, по дну которого течет речка Царица. Окрестности города сыпучи, безлесны и унылы. Отсюда начинаются степные кочевья калмыков, их кибитки стоят за городом; тут же по сожженной и пыльной степи пасутся чумацкие волы ¹¹.

В 1722 г. посетил Царицын Петр Великий. Он объехал крепость, слушал в Троицкой церкви обедню, где сам читал Апостола ¹², и крепость пожаловал царице Екатерине I. При этом государь утвердил права города на землю и, окруженный народом, подарил ему свою трость, сказав: «Вот вам моя трость, как я управлялся ею с друзьями, так и вы обороняйтесь ею против врагов». Потом снял с головы картуз и, отдавая его народу же, присовокупил: «Как никто не смеет этот картуз с головы царского величества снять, так никто не смеет вас из Царицына выводить». Трость и картуз хранятся в думе ¹³. <...>

17 августа. Окончив окраску парохода, мы оставили Царицын и, пробежав верст 25, остановились в Сарепте. Колония эта лежит на прав(ом) бер(егу) Волги, при устье реки Сарпы ¹⁴, которая составляет последний приток Волги; она вытекает из безводной соляной Куманской степи и образует у самого истока своего множество глубоких широких заливов, поросших камышом, и озер, соединенных мелкими каналами.

Выйдя на берег, мы с особенным удовольствием приближались к колонии. Все было так чисто и обработано. Дома колонистов большие, окруженные садиками, улицы вымощены, главная площадь обстроена общественными зданиями и магазинами, в середине — фонтан. Это лучшая колония в здешней стране.

Сарепта — первая колония, основанная немцами (братьями гернгутерами ¹⁵, сектантами) в Саратовском крае. Степь и название реки Сарпы напомнили им о шествии пророка Илии в город Сарпат, или Сарепту, и они назвали свое поселение этим именем ¹⁶. Агент евангелического братства гернгутеров г. Фриц заключил с нашим правительством договор о поселении братьев на лучших землях и с *самыми выгодными условиями. Они сами выбирали земли, сами делили их между собою, имели свою внутреннюю полицию, свой суд и расправу, получили право торговать, заводить фабрики, заводы, беспрепятственно курить вино, пользоваться исключительно рыбными ловлями и звериными промыслами* ¹⁷.

Они были освобождены в течение 30 лет от всяких податей, кроме акцизных пошлин, а также — навсегда от рекрутской повинности, имели право свободного выезда из России, с отдачею 5-й части всего нажитого имущества в казну в случае выезда навсегда. Кроме этих привилегий им было дано вспомоществование для построек и обзаведения. В 1774 г. Сарепта сильно пострадала: Пугачев сжег ее до основания; жители заранее ушли в Астрахань, но потом воротились, и с тех пор колония улучшалась все более и более ¹⁸. В 1793 г. Павел I дал право жителям Сарепты торговать свободно во всей России ¹⁹.

В настоящее время всей земли у здешних колонистов 4 000 дес(ятин) *. Главную отрасль занятий жителей Сарепты составляют фабрики и ремесла. В ней находятся следующие фабрики: горчичная ²⁰, табачная ²¹, чулочная и колпачная ²², красильная и 3 ткацких ²³; заводы: винокуренный, пивоваренный, мыльный и свечной ²⁴, кожевенный, гончарный и кирпичный ²⁵. С недавнего времени здесь стали разводить *сорго* ²⁶. В Сарепте одна церковь ²⁷, две школы ²⁸ и вдовый дом. <...>

Но пора обратиться к нашей компании. Придя в колонию, мы зашли в гостиницу и, заказав обед, просили, чтобы нам показали колонию. Вскоре пришел к нам почтенный старик и предложил свои услуги. Пройдясь по улицам и налюбовавшись необыкновенной чистотой домов и обработкою садигов, мы отправились на горчичную фабрику г. Глича, основанную в 1815 г.; она приводится в движение паровою машиною в 18 сил. Мне в первый раз пришлось видеть отделку горчицы. Горчичное семя сначала прочищается и сортируется, потом с него снимается шелуха; после чего семя перемалывается в муку; эта мука слегка поджаривается и потом прессами из нее отделяется горчичное масло, а из выжимок готовится обыкновенная сухая горчица, которой бывает 6 и 7 сортов.

На заводе жаловались на неурожай горчицы, что продолжается уже три года сряду. «Сколько вы получаете процентов масла и горчицы из семени?» — спросил я мастера. «Неровно, — отвечал тот, — много зависит от его качества, например, из последних 25 000 пуд(ов) горч(ичного) семени мы получили 6 000 пуд(ов) масла и 4 000 пуд(ов) сухой горчицы». «Вы сами сеете горчицу?» «Нет, покупаем у окрестных жителей, только, несмотря на все наши усилия, мы никак не можем поощрить производство горчицы, хотя она может хорошо родиться и в более холодном климате».

* Этой земли колонистам более чем достаточно, потому что они мало занимаются хлебопашеством. Тот из колонистов, который желает увеличить свою запашку, обращается в ратушу, которая, отмежевав эту просимую землю, взыскивает с получателя 30 к. ежегодного оброка. Эта помощь весьма важна, если примем в соображение, что в последнее время в том крае очень поднялась арендная плата на земли. Так, в Саратовской губернии большие участки отданы были в прошлом году в аренду по 6 и 7 р. серебром за десятину (Примеч. Л.А. Ухтомского).

Для продажи своих изделий Сарепта имеет своих комиссионеров в Петербурге, Москве, Саратове и Астрахани.

От Сарепты до своей дельты Волга имеет общее направление к SO ²⁹. Замечательно, что низовья великой реки лежат здесь в том же направлении, как и ее верховья, начиная от Селигера-озера ³⁰ до Ржева ³¹ и Зубцова ³², и образуют с последними одну и ту же линию, только прерванную огромным пространством с лишком в тысячу верст.

Ниже Царицына Волга вступает в обширную пустынную степь, покрытую сыпучими песками, солеными озерами и болотами, со скудной растительностью, состоящею преимущественно из дикой полыни и камыша. Эта обширная пустыня занята кочующими племенами. <...>

☞————— В.В. Крестовский —————☞

ПО ДОРОГЕ [1867]

Город Царицын

Приехали мы в Царицын под вечер, то есть в начале шестого часа. Эта пора в одном только Петербурге да разве еще в Москве считается «обеденною»; на всей же остальной Руси после четырех часов будет уже «под вечер». Мы «бежали» снизу, из Астрахани ¹. Кто плавал по Волге, тот очень хорошо знает, что по общеупотребительному, так сказать, техническому местному выражению, пароходы там не ходят, а *бегают* от такого до такого-то места. Самый город, верстах в двух расстояния, виднелся по берегу кучкой серых да белых домиков и зеленых крыш, над которыми торчали три-четыре колоколенки да несколько церковных главок, немного впрочем. Ближе вдоль по берегу серели пять-шесть пристаней пароходных, несколько барж, десятка два расшив ², белян ³ и разной судоходной мелюзги. Пароходные пристани сосредоточены как раз у дебаркадера ⁴ Волжско-Донской железной дороги ⁵, что представляет величайшее удобство как для путешественника, так и, главнейшим образом, для перегрузки товаров. Стоит подняться вверх десятка два ступеней, и вы уже на площадке, исполосованной рельсами и заставленной рядами платформ и товарных вагонов, в виду не очень длинной деревянной галереи дебаркадера; но особенно длинной тут и не требуется, так как и существующей, кажись, пока совершенно достаточно для удобства пассажиров. Пассажирские поезда тут по большей части представляют цепь весьма небольшого количества вагонов: один или два для первого и второго классов да три или четыре для третьего — вот и весь поезд. Зато товарные поезда вытягиваются вагонов на сорок и более. Большая часть товарных платформ, как заметил я в два мои переезда по этой дороге, грузится лесом — строевым и барочным. На этот последний тут существует особая «коммер-

ция», с тех пор как проложили железную дорогу. Дело в том, что барки ⁶, идущие с волжских верхов и предназначенные к разгрузке у Царицына, по выполнении своего назначения продаются местным промышленникам, которые, не теряя лишнего времени, тотчас же разбирают их по частям и переправляют по чугунке на Калач ⁷, а в Калаче каждая барка в несколько дней снова собирается, сколачивается тут же на берегу Дона и спускается на воду у самой Калачевской товарной пристани, к услугам донских судопромышленников, которые уже, не строя себе новых судов, покупают готовые барки и гонят на них товар до Ростова ⁸ или до Таганрога ⁹. Таким образом, волжский судопромышленник, который еще года четыре тому назад, разгрузившись в Царицыне, сбывал свою «посудину» в лом на дрова за самую ничтожную (относительно) цену, теперь с открытием железного пути сбывает ту же посудину несравненно выгоднее.

Деревянный одноэтажный вокзал железной дороги устроен чрезвычайно просто, чтоб не сказать даже бедно: центральная зала, в которой вывешено на стене несколько пароходных и иных объявлений, торчат несколько столиков и десятка полтора стульев, посвящена более чем скромному буфету, направо — комната для дам, с кожаными креслами, налево — и для мужчин, и для дам, как угодно, с простыми деревянными скамьями. В Калаче то же самое, только еще и без кожаной мебели. Мне, коли хотите, даже нравится такое экономическое устройство, о чем мы потолкуем ниже, если бы, к сожалению, пассажирам зачастую не приходилось ожидать либо в Царицыне, либо в Калаче своего дальнейшего странствия суток по двое, а иногда и по трое. Представьте себе удовольствие спать на голых досках, в ожидании отхода поезда или прибытия парохода, в городе, где нет ни мало-мальски сносной гостиницы, ни даже порядочного постоялого двора. Если бы дело ограничивалось несколькими часами ожидания, тогда не о чем бы и говорить, но тут, при настоящем положении дела, для ваших боков выходит практика не совсем-то удобная. Главная же прелесть этих долготерпеливых ожиданий выпадает на долю серого пассажира. Серому пассажиру не дозволяется вход в комнаты вокзала в том рассуждении, что он полы заследит сапожищами и нанесет с собою всякой грязищи с рыбьей шелухой в придачу. Поэтому серый пассажир обречен здесь на ожидание чуть что не под открытым небом, на галерее дебаркадера. Да оно и совсем-таки выходит под открытым, потому что, хотя над галереей и устроена крышка, стен не полагается; в замену же их торчат деревянные колонки. Под эту крышечку ютятся себе как попало наши серяки вповалку на полу, часто под обильным дождем, который мочит их невозбранно, среди дождевых луж и подтеков, на ветру и под ночным холодом, который тут даже и в июле месяце не всегда-таки бывает в диковинку. Здесь, буде есть охота, вы можете вдосталь наблюдать примерный стоицизм серого человека, глядеть, как он безропотно мокнет и дрогнет в плохой одежонке, и слушать бесплатный концерт грудных ребят, прозяблых и часто полубольных, полуголодных. Кажись, ну что бы стоило правлению дороги войти в соглашение с пароходными обществами и условиться в удобном для пассажиров времени при-

хода и отхода; так нет же: у нас те сами по себе, а эти сами по себе, одним до других нет ни малейшего дела. Все зависит от случая. Вышел случай счастливый: подошел или отчаливает пароход в такое время, когда только что прибыл или отходит поезд, — благодарите вашу судьбу и торопитесь там или здесь занять себе место; не вышел случай — молчите и ждите, когда судьбе угодно будет сжалиться над вами.

— Когда придет пароход? — спрашиваете вы у лица, служащего при дороге.

— Не знаю... они разно приходят... тут не один ведь. Может, завтра, а может, и сегодня будет, — отвечают вам.

— А может ни сегодня, ни завтра?

— Право не знаю... может быть.

Это «*может быть*» особенно утешительно для вас в данную минуту. Вы хотите видеть расписание часов отхода и прихода пароходов того либо другого общества, чтобы, по крайней мере, собственными глазами убедиться в предстоящей вам участи, но увы! часто нигде не находите искомого. Объявление о сарептском бальзаме ¹⁰, о водочных изделиях такого-то — это другое дело: яркие буквы афиши так и кидаются в глаза. Утешайте себя этим чтением, если найдете его приятным. И в самом деле, ни на одном, сколько помнится, из волжских пароходов я, как ни искал, как ни спрашивал, не добился-таки объявлений с расписанием о времени отхода и прихода пароходов донских, ни о Волжско-Донской железной дороге, равно, как и на донских, я, в свою очередь, не обрел ровно ничего насчет волжских. А ведь, кажется, конкуренции тут нет, и подрыва друг другу ни малейшего не делают; переслать друг другу взаимные объявления с просьбою вывесить их для вящего удобства «публики» не Бог вещь что бы стоило; но в том-то и суть, что ни там, ни здесь «публика», то есть собственно ее удобства, ни в малейший расчет не принимается. Публика здесь груз, товар перевозный, который, слава тебе Господи, что хоть перевозят-то еще, и за то надо быть благодарным.

Пароход наш из Астрахани «прибежал» в Царицын около пяти часов пополудни, в воскресенье, 18 июня. Менее чем в десять минут багаж был уже нам выдан и перетащен на дебаркадер железной дороги. Здесь оказалось, что пассажирский поезд отправится завтра в шесть часов утра. Я даже был доволен этим обстоятельством, потому что, по крайней мере, хоть Царицын осмотришь: какой такой это, мол, город есть на свете, и все ж таки останешься при сознании, что еще одним городом больше видел на своем веку.

Но тут же на первом шагу, по выходе на берег, ждала нас неприятность, и неприятность весьма большая и неудобная, хотя, впрочем, ни от какого начальства, кроме Господа Бога, не зависящая.

Неприятность эта — царицынская мошка. Я ничего не знаю хуже и надоедливее этого чуть заметного насекомого. Даже... даже надоедливая июльская муха лучше его. По силе данного сравнения можете судить, что это такое! Бесчисленные мириады мошки наполняют прибрежный воздух, то там, то сям чернея в нем тонкосетчатыми, высокими

подвижными столбами. Зарождаясь первоначально в этой прибрежной сырости, мириады эти быстро распространяются по всей окрестности и уносятся даже в сухую степь на весьма значительное расстояние. Если вы зададите себе на минуту труд (именно труд при данном обстоятельстве) понаблюдать направление ветра, то легко заметите, как легкое дуновение его уносит с собою в одну какую-нибудь сторону целые тучи этого насекомого. Все стены домов, заборы, окна, трава, камни, кусты — все это в страшном изобилии засеяно мошкой, так что иногда принимает издали даже особенный оттенок сероватого цвета. Судите же, как она должна при этом садиться на животных и на человека. Несчастные собаки, лошади и скот долго и тщетно мотают головами и отмахиваются от нее хвостом — мошка все липнет и липнет, и сладу им нет никакого с этим неодолимым врагом, так что наконец они устают отмахиваться и в немом отчаянии стоят неподвижно, среди какого-то понурого уныния, смежив свои веки, и только изредка передергивает у них кожу каким-то нервическим сотрясением; но и это последнее усилие не помогает: мошка словно бы и не чувствует отгоняющего ее вздрагивания и насадет на животное туча за тучей. Лошади хоть немножко еще облегчаются от нее тем, что иные хозяева покрывают их полотняными попонами и подвязывают кусок полотна же под живот, а если полотно хотя сколько-нибудь пропитано еще скипидаром либо нефтью, то животное предохранено от своего врага на наиболее возможную степень. Но с коровами не принимают никаких предохранительных средств — они сполна предоставлены одолению мошки, так что если эта последняя мучит скотину в течение нескольких дней, а иногда и недель, то коровы даже начинают худеть и истощаться. Так, по крайней мере, говорили мне в Царицыне. И эта сушая напасть при начале спада вод, в конце мая и в июне, плодится и гуляет по всему Поволжью, а наиболее на его низовьях, и нет от нее почти никакого спасения, разве только налетит сильный ветер, который подует несколько часов и унесет ее куда-нибудь в степь, пока через сутки-другие не наплодятся новые мириады.

Прикосновение мошки: чем беспрестанней и продолжительней оно повторяется, тем более становится мучительно. Мало того, что облепляет все руки, лицо и голову, производя своим прикосновением тонкое, слегка колющее щекотанье, она забирается в уши, глаза, нос, рот (вы ее втягиваете даже простым дыханием), заползает за шею, за рукава сорочки и тонко щекочет, проклятая, везде и повсюду, и режет вам веки, и наконец начинает саднить в переносице и першить в горле. Вы отмахиваетесь, отмахиваетесь, а между тем в воздухе стоит жара, духота, с вас пот катится градом, и мошка от этого липнет еще назойливее. Наконец, черт возьми, устал отмахиваться, досада разбирает, а та и знать не хочет твоей досады и щекочет, щекочет, щекочет... до того, что у вас наконец расстраиваются нервы, какое-то злобственное иступление начинаешь чувствовать, люди же слабонервные, как сам я замечал на одной из дорожных спутниц, просто ощущают вместе с этой досадой нечто близкое к истерическому пароксизму. И тщетно бы вы

стали в это время запираяться от мошки в душевой комнате за закрытыми рамами: вот, кажись, совсем выгнали, вымахали ее платками и полотенцами из горницы, закупорились от свежего воздуха — нет-таки! прошло полчаса, много — час — опять набралась, опять щекочет и заползает в ноздри. Словом сказать, эта мошка с успехом может служить одною из самых утонченных пыток, которыми доброхотно вздумала подарить Волгу щедрая мать-природа.

Первое время появления мошки в этих местах, как замечают коренные поволжане, всегда совпадает с началом спада весенних вод. Особенно много рождается ее на луговой стороне. Обильно пропитанная влагою почва мало-помалу обнажается из-под воды; вешнее солнце разом, могуче вызывает сильную растительность, и это время среди почвенной сырости, под обильными испарениями, является лучшим, золотым временем для плождения мошки. Под вечер обыкновенно ее становится заметно больше, чем днем, не к этой ли поре дня она и нарождается? Вообще, как кажется, сырые испарения главнейшим образом влияют на рождение мошки: после каждого дождя ее вдруг появляется значительно большее количество. А в этот самый день, перед нашим приездом, как нарочно, над Царицыном разразился страшнейший, чуть ли не феноменальный ливень. Мы его уже не застали, а видели только одни последствия. В западной части города, обращенной лицом в степь, находится в Царицыне запруженное озерко, из которого добывают воду в случае пожара в этой части города, так как ездить за водою на Волгу далеко да и неудобно по причине крутых спусков. Дождь, который лил буквально как из ведра целыми потоками, в самое короткое время низверг на Царицын целые массы воды. Этою водою переполнило озерко, оно забурлило, и вдруг, к общему недоумению, прорвало плотину — и вода ринулась вниз по изложбине прямо к речке Царице ¹¹. В это самое время проезжал по плотине какой-то человек в телеге. В один миг под страшным ливнем сорвало его вместе с плотиной и понесло волнами вниз. Лошадь погибла, но человека, говорят, успели спасти. Менее его был счастлив сторож из солдатиков, обитавший в плохонькой дощатой будке, в саду одного из жителей. Солдатик, сказывали, был хмелен в тот день и преспокойно спал себе в своем логове, не чуя над собою ни беды, ни бури. Поток моментально нахлынул на будку, смял и снес ее с места купно со сторожем и помчался далее. Тело его и до сих пор не отыскано, несмотря на то, что Царица вся уже высохла, так что куры совершенно беспрепятственно переходят ее вброд, который один только и напоминает собою, что тут, мол, по весне речка обретается. Предполагают, что тело утопшего солдатика затянуло илом где-нибудь на дне Царицы.

— У нас это почитай всегда, — сказывал мне извозчик, — как ежели что попало в реку, по лету ни за что не отыщешь: все илом затягивает, потому она у нас, эта Царица, больно илиста.

Тем же самым дождевым потоком опрокинуло и снесло несколько заборов, и попортило кое-какие домишки. К пяти часам небо уже было ясно, однако на улицах местами стояла грязь невыезная, и по этой

грязище смачно и звучно шлепали сапоги царицынских обитателей. Несколько свиной со чады предавались там кейфу ¹² и неге, несколько бесштаных мальчишек, за колени перепачканных грязью, копошились тут же. Эту в своем роде буколическую ¹³ картину безучастно созерцали бабы, девки и молодичицы, неизменно и непрестанно луца подсолнечные да тыквенные семечки — лакомство, без которого, кажись, не обходится в Царицыне, равно как и на всем Поволжье, ни одна порядочная молодичица, ни одна тетка-торговка, ни одна подгородная ¹⁴ мещанка. Да и мужчины в этом отношении почти не отстают от них. Все это бабье толклось по краям улицы на протоптанных после дождя тропинках или сидело у раскрытых дверей полпивных, распивочных и иных лавчонок, откуда так и несло запахом вяленой и подопревшей после дождя рыбы. Здесь просто-народе по преимуществу употребляет знаменитую в своем роде рыбу — облу, которую впрочем все называют *воблю*. Эта обла, или вобла, дает себя знать на всем Поволжье и особенно на низовьях. От нее порою буквально нет проходу, потому что она складывается тут же на улице то пластами в несколько рядов, то целыми копнами, наподобие копен сена, за которое вы и принимаете ее издали, пока не привыкнете сознавать, что это не сено, а вобла, что, впрочем, происходит очень скоро после предварительного знакомства с нею. Зачастую эти пласты и копны обретаются не в надлежащем порядке, так что вокруг их весьма изрядное количество этой рыбины валяется по земле и беспрепятственно топчется в грязь прохожими. То и дело наступаешь на рыбью шелуху, на рыбью башку или на целую воблу. Собаки тоже питаются ею, подбирая свой кус в грязи, и потом, буде обожрутся в сухую летнюю пору, бродят как шальные, высунув языки от жажды, потому что вобла на вкус очень солоня. В Царицыне, то есть собственно в Слободе, в той части его, которая тянется от железной дороги к речке Царице, эта пресловутая вобла мечется вам в глаза везде и повсюду. Не говоря уже о пластах и копнах: она в виде рыбьих букетов и сережек, пучками выглядывает подвешенная к потолку или к дверному косяку, из каждой лавчонки и обязательно выставляется на показ мимоидущим с каждого мелочного прилавка, с каждого ларя, с каждой почти раскинутой по земле торгашеской рогожки. Если бы спросили меня: чем в изображаемую пору бывает достопримечателен город Царицын? — я не обвиняюсь и притом смело отвечал бы вам: мошкой и воблой, сие бо два суть альфа и омега ¹⁵, весь эрфикс ¹⁶ благоухания царицынской жизни.

Первое, что заметили мы, ступив с парохода на царицынскую почву, были сетки. Не было ни одной почти головы мужской или женской, на которой не напялена была бы тонкая нитяная сетка, покрывавшая всю голову, затылок и лицо. Многие из этих сеток являлись даже не без претензии на щеголеватую отделку, вроде кисточек, бахромки и каемок либо синего и красного, либо иных цветов, и не без некоторого щегольства носились царицынскими головами. На многих женщинах и даже на мужчинах (из городских сливок и из чиновников железной дороги) эти сетки спускались с головы на плечи, с явной претензией на кокетливость, како-

вая претензия в некоторых случаях и достигалась вполне удовлетворительно. Царицынские сливки, очевидно, щеголяли разноцветными сетками и, почем знать, быть может даже признавали эту особенность своего костюма временным средством к чарованию сердец. Один из чиновников, рисуясь позой на платформе дороги, сообщал окружающим его знакомым, что намерен постоянно, вплоть до зимнего сезона, носить на голове свою сетку, потому что в этом наряде он походит на черкеса¹⁷ — «знаете, как это на картинках бывает нарисовано: едущий черкес в железном шишаке и в железной сетке».

Не знаю, признали ли окружавшие слушатели в рисовавшемся чиновнике сходство с едущим черкесом, но знаю только то, что в первую минуту нас озадачила эта царицынская особенность головного убора. Однако ж недоумение длилось не более минуты, после чего мы тотчас же должны были признать всю великую, благодетельную пользу и необходимость подобной сетки. Для этого стоило только отведать царицынской мошки. Сетка является здесь в эту пору самой настоятельной необходимостью: она делает мало-мальски сносным пребывание в Царицыне, потому что хоть сколько-нибудь предохраняет от мошки. Эти сетки пропитываются нефтью, керосином, скипидаром или просто дегтем, запахи которых не терпит и не выносит мошка¹⁸.

Не прошло и пяти минут, как мы уже ощутили безотлагательную потребность в этом благодетельном уборе. Как и где добыть его? Посоветовали: либо подняться наверх до лавок, либо, еще того лучше, ехать в город — «там авось купите».

Позади дебаркадера длинным валом идет высокая и довольно крутая гора, по краю гребня которой разбит бульвар с довольно тощенькими пока деревьями, а из-за них сквозь кусты палисадников выглядывают окна и крыши красивых и чистеньких деревянных домиков, вытянутых в линию. Это — строения, принадлежащие железной дороге, и они-то составляют пока положительно лучшее украшение Царицына. Валообразная гора тянется до самой речки Царицы, а от дебаркадера ведет наверх прочная, деревянная, хотя и несколько узкая, лестница, по которой, впрочем, подниматься теперь стоило немалого труда, так как после дождя на всех ступеньках залегла грязь (до этого была сильная горячая пыль) и по этой лестнице ноги скользили так, что если бы не перила, то весьма легко и удобно можно бы было полететь, что называется, «в дзындз головою». Мы сначала попытались было подняться по этой лестнице, но, не добравшись и до половины, решили лучше обратиться вспять и порядить извозчика с дрогами. Подъем в гору идет между деревянными домишками и бараками, зачастую кое-как сколоченными из досок, и почти над каждым из них неизменная казенная надпись «Распивочно и на вынос» — целые ряды распивочных и съестных, съестных и распивочных¹⁹. Видно, что место бойкое, что тут рабочий люд с пристаней кишмя кишит — и точно: кишит направо, особенно же кинется в глаза это движение, когда поднимаешься на гору, в самую слободу, и направишься по главной слободской улице. Здесь опять: что ни дверь, то кабак, что ни окно, то

съестная лавчонка, в которой заодно уж с яствами и питиями продаются на потребу человеческую и пакля ²⁰, и кожа, и кнуты, и махорка ²¹, и желтые тесмяные ²² пояски, и плетеные лапти. Бессрочные солдаты, калмыки ²³, чумаки ²⁴, донцы ²⁵, татары ²⁶ и наши православные с разных концов Руси перетасовались между собою по краям улицы и толкуются у дверей распивочных и лавчонок, но преимущественно у распивочных. День был нерабочий, праздничный, и потому, естественно, люди гуляли. Но и в будни вечером, когда зашабашат на пристанях, тут образуются точно такие же сборища. Доход кабакам, говорят, более чем отличный, хотя, правду сказать, и народу же рабочего здесь, под Царицыном, набирается тоже сила немалая.

Но самый выгодный, самый работающий человек на всем Поволжском низовье, да даже и выше, начиная с Нижнего Новгорода ²⁷, — это бесспорно татарин. Что это за сила воловья, что за упорство в труде! Поневоле изумляешься, глядя на этого человека, когда он в работе. Под нестерпимым астраханским зноем, когда все прячется за закрытые ставни, один татарин остается деятельным. Почти голяком и босой, в одной только длинной полотняной рубахе ниже колен, с потертой и сбитой на бок ермолкой ²⁸ на бритой башке, татарин изгибается в три погибели, таща на спине кули, и товарные тюки, да ящики такой величины, для которой, казалось бы, понадобилась сила, по крайней мере, двух человек, а он, глядишь, один за троих управляется. Крупные капли пота катятся по его смуглому, запыленному лицу и обильно увлажняют прилипающую к телу рубаху, а он знай себе гнется под своей ношей да словно ломовик перетаскивает поминутно тюк за тюком, делая широкие шаги и напряженно упираясь в горячую землю своими худощавыми, но крепкими и мускулистыми ногами. Ни зноя, ни естественной усталости, кажись, вовсе и не существует для этого человека, пока он в работе. Но взгляните в его зачастую умное и очень смышленное лицо: какое обыденное, завсегдашнее равнодушие привычки написано на нем, какая воловья, кроткая, безропотная покорность своей доле и своему тяжкому труду! По отзывам некоторых промышленников, которые отвечали на мои расспросы, татарин у них почитается положительно лучшим рабочим и притом наиболее выгодным: за ту же плату он делает почти всегда вдвое более русского. Стало быть, его труд и его силы весьма-таки удобно эксплуатируются ловкими предпринимателями. В большинстве своем татарин рабочий слывет безукоризненно честным человеком, безобидным, незадирчивым, выносливым и трезвым работником. Мне сдается, что этому народу, благодаря его уже названным свойствам, предстоит очень хорошая будущность, при новом экономическом быте, и, кажется, что наши русские крестьяне — увы! далеко отстающее от татарина, в данном случае, могут ему позавидовать.

Мы останавливались чуть ли не у каждой лавочки, отыскивая сетки. Но нигде таковых не обреталось; торговцы все отсылали к соседям — «авось там найдется», а соседи к другим соседям, через улицу, напротив — «быть может, там купите»; но оказывалось постоянно ни

там, ни здесь нужного товара не имеется: все, что было заготовлено, уже распродано. Пришлось отправиться за поисками на ту сторону, за Царицу. Меся густую грязь, спустились мы с горы на паром, преследуемые отовсюду ароматом воблы, и перебрались на ту сторону, где собственно и расположен самый город.

На пароме проклятая мошка стала одолевать еще с пущим неистовством, и наши мучения, на вид, вероятно, преуморительные для счастливых, защищенных сетками, возбуждали улыбку и сдержанный смех в одной прехорошенькой царицанке, которая тоже переезжала на пароме, сидя в удобных не наемных дрогах вместе со своим супругом. Вообще царицанки, как «цивилизованные», так и нецивилизованные, довольно милостивы. Как видно, местные условия растительной жизни способствуют укоренению здесь здоровой и довольно красивой породы.

Что сказать о самом Царицыне? Город, говорят, довольно богатый, ведет порядочную торговлю хлебом, лесом и железом; но вся торговая деятельность этого рода сосредоточена внизу, у пристаней. В самом же городе находится десятков около двух, если даже не более, каменных домов (о деревянных не говорю, потому что какой же город без них обходится?), между которыми дом купца В.* даже приятно останавливает на себе глаза своею довольно красивой наружностью. Улицы достаточно прямы и, как и быть надлежит, отличаются в дождливое время достаточной грязью, а в сухое — достаточной пылью. Есть там и вывески, гласящие о «новоприбывшем» или о «вновь прибывшем» портном из Варшавы²⁹, сапожнике из Вильны³⁰ и красильщике из Санкт-Петербурга. Хотя все эти новоприбывшие преспокойно живут на местах уже лет по двадцати и более, переходя уже во второе и чуть ли даже не в третье поколение, тем не менее вывески, неизменно висящие над их обиталищами, упорно гласят об их новопробытии. Эти «*вновь прибывшие*» составляют в достаточном количестве неизменную и необходимую принадлежность каждого губернского и уездного города нашей Российской империи.

Десятка два мелочных лавок, столько же винных погребков, две-три бакалейные, несколько суровских³¹ и, наконец, краса коммерческой стороны города — сарептский магазин, старающийся приблизиться к европейскому типу, являются представителями местных потреб в торговом отношении.

Есть в Царицыне и гостиный двор — длинное, узкое, неуклюжее и старое каменное строение в один этаж, с тяжелыми, старинно-казенной формы поднавесными арками. Но процветает ли в нем торговля и промышленность, доподлинно сказать не могу, потому что в оба мои проезда через город Царицын этот гостиный двор строго хранил могильную замкнутость и отсутствие движения и жизни, то есть, говоря проще, все лавки сплошь были заперты. Даже цепных собак при нем не замечалось, этих ночных и наиболее надежных стражей коммерческого имущества.

* Вероятно, Воронин.

Несколько в стороне, в степной части города, расположена базарная площадь с бараками, ларями и навесами и с неизменными запахами лука да соленой и вяленой рыбы, между которой опять-таки главную роль играет популярная вобла, а затем лукошки подсолнечных семечек да груды огурцов — словом, базар как базар, ничем не лучше и не хуже тысячи ему подобных. Кабаки же и в этом месте, судя по толкущимся и галдящим около них кучкам народа, тоже обстоят благополучно. На углу одной из главных улиц, название которой теперь уже не упомяну (вероятно, Дворянская, ибо без Дворянской и Московской улицы, как известно, не обходится почти ни один всероссийский город, города же, таковых не имеющие, составляют ничтожное исключение), находится в каменном доме гостиница Щепетова, в которой, кроме водки, пива да пары чаю, ничего найти невозможно, в чем я имел случай убедиться по собственному опыту, заключававшемуся в неудачном поиске там куска мяса или вообще чего-нибудь удобосъедомого. Впрочем в этом отношении «цивилизованный» Царицын удовлетворяет себя на станции железной дороги, где можно кое-чем, хотя и скромно, однако же безопасно и довольно чистоплотно удовлетворить своему аппетиту.

К числу эстетических развлечений города Царицына нужно отнести одну гостиницу неподалеку от железной дороги, где по вечерам играют и поют какие-то арфянки; но я там не был и потому ничего не могу сказать о характере этого эстетического развлечения. Вообще же решаюсь предположить, что Царицын не особенно гоняется за эстетическими развлечениями (по крайней мере по музыкальной части), потому что, объезжая в нем дважды чуть ли не все улицы и даже гуляя по ним, до слуха моего ни из одного раскрытого окошка не достиг ни звук унылый фортепьяно, ни гитары звон серебрястый, этой почти необходимой спутницы мелкочиновничьей холостежной жизни. А в окнах между тем из-за разных занавесок и из-за палисадников там и сям выглядывали милovidные головки, для меня почти немислимые в уездном городке без звука унылого фортепьяно. Выглядывали точно так же головки и немилovidные, в повязках, в усах, в чепцах, и так себе, простоволосые, и с баками, и с бородами, и все они с любопытством встречали, оглядывали и провожали двух неведомых незнакомцев, рыскавших по всему городу за сетками, изнемогавших от нападения мошки.

Кончилось тем, что, обойдя все почти лавки и магазины, где по соображениям можно было предполагать хотя маломальскую возможность добыть то, что нам требовалось, и тщетно даже объездив весь базар (куда нас точно так же посылали), мы кончили тем, что сеток все-таки нигде не добыли: все было раскуплено. Пытались было купить у кого-нибудь из обладателей, но никто не решался продать: самим-де нужно. Посылали нас и к «сетчицам», но и у сетчиц в наличности ни одной не оказалось; брались сплести к завтрашнему дню, а нам нужно было сейчас, сию минуту. Предлагали нам тоже иное довольно радикальное средство: вымазать всю голову, лицо и руки скипидаром или керосином; но мы на это не отважились, хотя некоторые царицынцы с огромным успехом употребляли и это средство, за неимением сеток.

Наконец-то сжалилась над нами одна благотворительная купчиха, хозяйка бакалейной лавки (мир ей и великое спасибо за это!). Она собственноручно выдернула из опахального крыла два гусиных пера и, намочив их скипидаром, предложила нам заткнуть их куда-нибудь за шапки. Спутнику моему было удобнее меня исполнить это, так как он мог заткнуть себе перо за околышек военного кепи; мне же не оставалось ничего иного, как только заложить свое средство спасения к себе за ухо, совершенно в том роде, как закладывают писаря и иные канцелярские чиновники, перебирая бумаги. В таком виде поехали мы опять по царицынским улицам, и эта новая особенность нашей наружности вызвала неудержимо веселый смех той самой хорошенькой царицынки, которая потешалась над невольными гримасами и ужимками наших физиономий еще во время перевоза на пароме. Высунувшись из окошка, она встречала и далеко провожала своим добродушным смехом наши гусиные перья, когда нам дважды случилось проезжать мимо хорошенького домика купца В.

Перья действительно спасли нас на некоторое время, пока не улетучился запах скипидара. К счастью, вскоре после этого наступил вечер и подул свежий ветерок, отнесший куда-то в сторону мириады наших врагов.

На одной из колоколен красуется большой черный циферблат часов, но, кажется, гораздо вернее и аккуратнее, чем его стрелки, возвещает Царицыну время колокол при пожарной каланче. Был девятый час в начале, и потому мы пожелали воспользоваться остатком светлых сумерек, чтобы осмотреть какие-нибудь царицынские «достопримечательности». Шапку и палку, которые подарил городу царь Петр I³², видеть нам не удалось. Зато видели остатки древнего крепостного вала, которым некогда был окружен Царицын город. Вал этот местами довольно высок, но достопримечательного на взгляд ровно ничего не являет. По гребню его, представляющему большею частью песчаные плешины, бродят собаки да французы, как окрестил свиней гоголевский городничий³³. Он же служит местом гулянья и царицынским жителям, преимущественно из мещанства.

На этот раз, впрочем, на валу мало было гуляющих, зато виднелись кучки и группы разного люда немного в стороне от вала, около плотины, прорванной сегодняшним ливнем. Мы тоже подъехали поглядеть. В озерке не осталось ни капли воды. Прорвав плотину, она проложила себе русло по скату горы, от которого поотрывала большие глыбы земли. По этому руслу, по этим оголенным обрывам, откуда стерты были земляные глыбы, и по смятому кустарнику с вывороченными корнями можно было судить о силе и стремительности внезапного потока. Народ стоял, глазел, залажа руки за спину, и полугрустно, но большею частью вполне равнодушно калякал о происшествии, о причиненных убытках и несчастьях, да о жертвах воды — спасенных и погибших. Пришло посмотреть и одно начальственное лицо, совершая свою вечернюю прогулку. Лицо это точно так же поглазело, послушало, что гуторит народ, и пошло себе далее прогулочным шагом, не преминув, однако, перед уходом осведомиться у нашего извозчика на наш счет, кто, мол, такие? И осведомлялось оно об этом с прилично-сдержанной начальственной

строгостью, каковая подобает начальнической зоркой бдительности. По получив от извозчика весьма определенное «не знаю», лицо вполне удовольствовалося таким ответом и мирно пошло себе далее.

Отправились и мы на своих неуклюжих дрогах. Переночевав кое-как, с грехом пополам, на голых досках пассажирской комнаты в гостеприимном дебаркадере, на утро отправились в путь. <...>

ПУТЕШЕСТВИЕ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА И МАРИИ ФЕДОРОВНЫ [1869]

<...> 26-го июля вечером пароход *Счастливый* стал на якоре у царицынской пристани, и плавание их высочеств по Волге окончилось. В тот же вечер их высочества изволили принимать на пароходе представителей городского управления и купечества и депутацию от Сарепты. Пристань и соседние с нею станции железной дороги были красиво убраны коврами и зеленью и освещены огнями, а в городе зажглась прекрасная, со вкусом устроенная иллюминация.

На следующее утро, отслушав обедню в Царицынском соборе¹, их высочества изволили сесть на особый поезд Волжско-Донской железной дороги² и через два часа прибыли в Калачевскую станицу³, где были встречены наказным атаманом⁴ Чертковым с торжественными звуками народного гимна и с громогласным ура собравшегося во множестве населения. <...>

⌘————— Е.А. Салнас де Түрнемир —————⌘

ВОЛГА [начало 1870-х гг.]

<...> На низовья Волги издавна переселяло правительство всевозможных выходцев, но воздух здешний имел странное действие на всякого новопоселенного. Даже самый ленивый хохол и тот, встрепенувшись, пускался вниз по матушке по Волге и разбойничал здесь, укрываясь от налогов и податей.

Императрица Екатерина II поняла и догадалась, кого надо поселить здесь как элемент противный брожению и удальству. Один немец из Брауншвейга¹ или Липпе-Детмольд² ... и т. д. мог жить на Волге, не делаясь разбойником, во-первых, потому, что понятия *германец* и *бандит* вместе не клеились никогда, а во-вторых, потому, что главные причины, всегда побуждавшие всякого молодца кинуться по Волге, с ножом за голени-

щем, были непонятны и чужды брауншвейгскому или кассельскому³ подданному⁴. И вот за десять лет до появления дикого зверя, основателя мужицкого царства⁵, прибыл на берега Низовья элемент, несколько затормозивший бунт хотя в некоторых местностях. Всюду, где говорили по-немецки, войска и начальство находили убежище без предварительного штурма, и здесь не читались старопечатные и безграмотные манифесты, и из этих поселений (за исключением одной колонии) не пристал к донскому казаку Емельке ни один человек.

Впрочем, я спешу оговориться, если вы думаете, что сказка о прибытии и колонизации берегов Волги немцами совершилась *gemütlich*⁶, что они сразу зажили здесь подобно Герману и Доротее⁷, то вы очень ошибаетесь. Условия, на которых немцы согласились перейти из состояния пролетариев германских в волжские *анзидлеры*⁸ и *безитцеры*⁹, были почти тягостны для правительства, и надо было иметь особую нужду в этом лимфатическом элементе на разбойничьей Волге или особый каприз иметь немецких колонистов, чтобы согласиться на такое заселение. Вот вам приблизительные цифры и результаты заселения.

Каждой семье переселенцев было выдано 4 000 руб. безвозвратно (ибо впоследствии они возвращены не были, вопреки уговору) и было отмежевано в наследственное владение до 30-ти десятин земли. Постройку дворов и обзаведение правительство приняло на свой счет, и в первый же год истратило на них несколько десятков тысяч на одни постройки.

При въезде им дозволен был ввоз товару беспошлинно на 300 руб. каждой семье. Звериный и рыбный промыслы были освобождены от пошлины и торговля их тоже — на неопределенное время. Кроме того, они пользовались особым управлением, особым гражданским судом и своими судьями. Некоторые из колонистов были освобождены от всякого рода податей и повинностей на 50 лет, а затем уже обязывались платить по 7 руб. с каждой семьи, владевшей 30-тью десятинами великолепной земли. Пасторы, прибывшие с поселенцами, поступили на жалованье правительства и сто лет назад получали ежегодно сумму, которая не грезилась и в наше время православному священнику, то есть около 200 руб. *тогдашних*, которые конечно равняются 600 руб. серебром нашего времени.

За исключением одной Сарепты, *огорчающей*¹⁰ и поныне свое новое отечество и в то же время процветающей с самого первого дня населения, благодаря своему составу и происхождению (гернгутеры)¹¹, затем благодаря горчице, табаку¹² и хлебам в изобилии, все остальные колонии если не начали разбойничать, то начали нищенствовать.

Правительство начало прощать им недоимку за недоимкой, превысившие конечно не тысячную цифру, а миллионную. Некоторые колонии дошли до такого разврата и бедности, что правительство снова повезло их за собственный счет на их родину, а других перетасовало на других, лучших землях, чтобы только уничтожить странное действие на них волжского воздуха, творившего прежде из русского — бандита и атамана, а теперь из немца — мота и повеласа.

Несмотря на препровождение некоторых за границу, переселение и вызов новых колонистов все-таки продолжались около полу столетия, и этот заграничный товар стоил правительству конечно миллионы рублей наличными деньгами, да тоже миллионы пропали иным образом — в недоимках. Даже примерные поселенцы, сарептяне, в тысячу лет не накопят Россию горчицей на ту сумму, которую потеряло русское правительство в промежуток времени с 1763 до 1810 года.

Теперь колонистов около 150 тыс. душ, по большей части лютеране¹³. Они производят и продают до миллиона четвертей в год разных хлебов, до 250 тыс. четвертей картофеля и до 30 тыс. пудов табака преимущественно русского, то есть махорки¹⁴. Скотоводство доходит до крупной цифры: приблизительно 100 тысяч лошадей и 100 тыс. свиней, более 250 тыс. голов рогатого скота, около 200 тыс. овец. В сумме это дает 650 тыс. скота на 150 тыс. душ, то есть на семью в десять человек выпадает 40 штук скотины. В заключение прибавлю, что средства, которыми я располагал, чтобы добыть эти данные, так же верны или сомнительны, как и вообще все то, что носит название статистики в России. Я был бы очень рад заняться подробностями такого интересного вопроса, как потери и выгоды заселения России немцами и затем результат этого заселения относительно блага России... Если некоторые немцы Сарепты или Екатериненштадта разжились на сотни тысяч, если явился оттуда банкир или явится Ротшильд¹⁵, то это еще не будет доказательством, что Россия выиграла, отдав в руки иностранцев лучшие земли империи.

— Лучшие земли империи?! — скажете вы.

— Да, таковы те берега Волги, которые поступили в вечное потомственное владение полуторастатысячного населения, чуждого России языком, верой и интересами во веки веков... и даже прибавлю: аминь!

Я спускаюсь по Волге только до Царицына, и если теперь упомянул о Сарепте, лежащей на сотни верст ближе, то потому, что она хотя и управляется отдельно не только от русских, но даже и от других немцев, но все-таки должна быть включена в вопрос о колонистах. <...>

Город Хвалы́нск¹⁶ и Волгск¹⁷ выше Саратова¹⁸, а после него город Камышин (прежний Дмитриевск)¹⁹ и посад Дубовка²⁰, а затем и самый Царицын представляют взору характеристические черты для туриста, отличающие эти города от маленьких, зеленеющих, но малолюдных городков, вроде Чебоксар²¹, Васильсурска²² и других на верховьях Волги. Эти города стоят также на правом возвышенном берегу, но не идут уступами к реке, а растянулись по ровной площади. Окружены они всегда горами, амфитеатром, внешний вид их неказист и грязен донельзя. Я говорю не об облаках пыли и облаках комаров и мошкары, заменяющих здесь воздух, а о самой внешности улиц и строений.

— Те городки чистенькие и бедненькие, а эти города богаты и грязны, — вот что скажет всякий при беглом взгляде с палубы парохода. <...>

Часов в 9 утра мы были в Царицыне. Я охотно простился с пароходом и, задыхаясь от облаков пыли и от жары, отправился через весь

Царицын в вокзал Волжско-Донской железной дороги ²³. Я редко видел город более грязный и скверный на вид. Замасленные и вонючие фигуры астраханских татар ²⁴, калмыков ²⁵ и башкир ²⁶, которых я обгонял по пути через пыльный овраг и через вонючий базар и вдобавок под лучами солнца, стоящего над головой красным, расплывшимся в духоте пятном, — все это было каким-то кошмаром наяву.

Наконец на берегу той же Волги среди куч угля, бревен, дров и всевозможных других куч виднелись в яме несколько рядов рельс, и двигались по ним взад и вперед маленькие локомотивы с хриплыми свистками. Небольшой... то есть маленький совсем вокзал о двух комнатах, за исключением тех, куда публика не допускается, имеет тоже крайне неопрятный вид и как нельзя более идет Царицыну.

Пароход приходит в 7, 8 и 9 часов утра, а поэтому поезд отправляется в 2 и 3 часа пополудни. Если бы устроили иначе, то публике пришлось бы не сидеть в грязном вокзале, а это был бы беспорядок. Впрочем, что говорить о шести часах сидения в духоте, когда иные путешественники сидят по трое суток на улице в ожидании поезда, который ходит в Калач ²⁷ только два раза в неделю.

Гостиниц в Царицыне нет и не было никогда с тех времен атаманства, когда тут были сотни *притонодержателей*, где и останавливались пассажиры в роде Булавина ²⁸, Богомолова ²⁹, Заметаева ³⁰ да, вероятно, и самого Пугачева до самозванства. Так как эти притонодержатели были потом отправлены огулом в Сибирь, предварительно наказанные за свои гостиницы пыткой и клеймом, то надо полагать, что нынешние царицынцы еще не забыли этого и соображают по-своему, зная по опыту, каково заводить гостиницы и постоялые дворы и что за это ихнему брату бывает.

Ожидание поезда с утра и до трех часов в тесном и грязном вокзале Волжско-Донской дороги и наконец переезд в Калач-на-Дону остались в памяти моей как самая страшная пытка. Хорошо еще, что наш пароход запоздал.

Я забыл сказать, что капитан этого парохода очень сожалел дорогой и жаловался на невозможность идти быстрее по той простой и глупой причине, что всех паров развести нельзя, потому что паровик его худой и *заштопанный*, того гляди и с тихой ходьбой вдруг улетишь под облака.

Да, велик Бог земли русской! Чьими молитвами уцелел я в пути от Нижнего ³¹ до Царицына, допуская даже такую неосторожность, что два раза прокатился по Аткарскому участку ³², — я, право, не знаю, но во всяком случае благодарю свою судьбу и Провидение, а не разные общества пароходств и железных дорог. Во все время пути только нижегородской дороге и одному пароходу ³³ общества «Кавказ и Меркурий» ³⁴ можно сказать спасибо от души и подивиться, зачем это они делают то, чего публика от них не требует и в кои веки кто-нибудь поблагодарит. <...>

ПРЕБЫВАНИЕ В РОССИИ [1873]

<...> Три часа до заката мы прибыли в Царицын, отсюда начинается железная дорога.

Город находится на возвышении у берега Волги. Длина города расположена по реке. Один рукав реки протекает через город так, что он им разделен на две части; через реку перекинут мост для пешеходов и езды. Множество жителей города и окрестностей собралось сюда. Как только судно бросило якорь, показался ожидавший нас железнодорожный поезд. Помолившись (совершив намаз)¹, я вышел из каюты. Представился саратовский губернатор г. Галкин-Врасский, которому подведомствен город Царицын; это человек с приятною, благородною наружностью. Он совершил дальний путь, чтобы представиться мне. Представители власти г. Саратова и другие, а также множество офицеров различного оружия присутствовали и были мне представлены. Хор музыкантов играл прекрасно. Пристань была красиво украшена, персидское национальное знамя развивалось над триумфальною аркою. Приняв лиц, явившихся встречать нас, я вернулся на судно; совершив намаз заката и поужинав, мы в час ночи отправились на железную дорогу, астраханский губернатор² простился и уехал. От пристани до станции железной дороги путь был освещен огнями. Поезд был составлен из царских вагонов, весьма удобных, просторных и великолепно отделанных, со многими отдельными помещениями, как-то: столовая, спальня, приемная. Все эти помещения снабжены были лампами, столами, креслами, диванами и кушетками. Вагоны общались между собою, так что можно было идти с одного конца поезда до другого. Лица, сопровождавшие меня на пароходе «Константин»³, помещались и здесь со мною. Принцы и прочая свита поместились на другом поезде, шедшем позади нашего. Мне впервые приходится ездить по железной дороге. Хорошо и покойно все устроено. В час поезд проезжает 5 ферсенков (миль). <...>

В СТРАНЕ ИГА И СВОБОДЫ [1874]

<...> На Грязе-Царицынской дороге¹ пассажиры едут только до Борисоглебска², а затем вагоны идут почти пустыми до самого Царицына. Такая пустота понятна, потому что за три станции от Борисоглебска

дорога вступает уже в пределы пресловутой «République des cosaques du Don» — как переводят французы, «Область Войска Донского»³, — где, кроме невозделанной пустыни, ничего не встречаешь. Как ни однообразен пейзаж от Москвы до Борисоглебска, но и его нельзя сравнить с безжизненностью Донской степи, которая летом, когда зелень выгорает, еще некрасивее. Какое влияние имеют законы на цивилизацию человека, очень наглядно можно видеть здесь, где при одинаковой почве и том же племенном составе населения встречается такое резкое различие в культуре. При настоящем своем устройстве Донская область настолько же отстала от прочей России, насколько сама Россия отстала от Западной Европы.

Дорога из Борисоглебска в Царицын проходит местностью бедною не только людьми, но и культурою; тут недостает даже таких простых вещей, как камень и вода. Камень для балласта возят теперь из Грязей⁴, а прежде возили за 200 верст гужом⁵. Воды также в иных местах нет в окружности верст на 20, а для снабжения сторожевых будок устроены вассер-цуги. Относительно железной дороги могу сказать только, что станции красивой архитектуры отличаются безлюдием, вагоны комфортабельны, езда спокойна, дрова перестают уже жечь почти от самых Грязей и заменяют скопинским каменным углем и донским антрацитом. Вообще если сравнить эту дорогу с дорогами Рязанскою и Козловскою, то вывод будет тот, что беспорядки на Царицынской дороге могут быть оправданы еще бедностью средств и новизною устройства; но что сказать о последних дорогах, приносящих отличный доход и устроенных более десяти лет тому назад?

По приезде в Царицыне оказалось, что у меня пропал чемодан. Положение весьма неприятное в начале длинного путешествия. Начальник станции утешал меня тем, что это случается непрерывно, и виновата суматоха, господствующая в Грязях. Он оказался очень любезным человеком и стал энергично рассылать телеграммы, понукал к скорейшему отысканию драгоценного для меня чемодана, в который я, кроме вещей, положил и бумаги, и рекомендательные письма. Мысль прожить несколько дней в Царицыне в ожидании моих вещей не очень-то мне улыбалась, хотя Царицын, где я не был уже несколько лет, заслуживает того, чтобы на изучение его посвятить некоторое время. Это один из городов, наиболее быстро развивающихся теперь в России и быстротою своего роста напоминающий Самару⁶ в 50-х годах. Долгое время Царицын только тем и был известен, что в городской ратуше его хранились трюх и палка Петра Великого⁷, торговля же сосредоточивалась в соседней Дубовке⁸. Соединение в 1858 г. Царицына железной дорогой с Калачем⁹ положило начало процветанию города, которое стало еще более развиваться с открытием Грязе-Царицынской железной дороги.

Царицын теперь важный торговый пункт, служащий для перегрузки товаров, идущих из Персии, Закавказья и Астрахани¹⁰ и направляющихся на Дон, к Азовскому морю и прямо к Москве, минуя Нижегородскую ярмарку. Вся местность около очень хорошенького нового вокзала и да-

лее по Волге застраивается каменными домами, и Царицын имеет уже два банка, много страховых и пароходных контор и других подобных учреждений; немало в нем также купцов, разъезжающих на откормленных рысаках, с разодетыми в яркие цвета толстыми купчихами. В городе несколько гостиниц, в которых — о, прогресс земли русской! — нет клопов. Добравшись до Волги, я, конечно, прежде всего озаботился истреблением значительного количества свежей икры, балыка и особенно стерлядей. Только в созерцании этих гастрономических прелестей я и мог утешить себя несколько в потере чемодана, запивая к тому же горе красным цымлянским вином, всем известным в России, и менее известным красным астраханским вином Климова, довольно сносного качества.

К ночи пришла радостная телеграмма: чемодан мой не был ни украден, ни заслан, а просто-напросто забыт в Козлове ¹¹, и если поезд не опоздает — что на Грязе-Царицынской дороге случается очень часто — то я мог получить свою кладь на другой день, затем попасть своевременно в Астрахань на идущий в Каспийское море пароход. У меня свалилась гора с плеч, и я спокойно дождал в Царицыне сутки, не терзаемый опасениями за будущее...

Царицын был полон воспоминаниями о персидском шахе, приезд которого несколько разнообразил монотонную жизнь уездного города ¹². Рассказывали, что шах приехал с тремя женами, закутанными весьма плотно, и огромным количеством ящиков, содержание которых заинтересовало царицынских дам. Из Москвы жены и часть ящиков возвратились. Один кондуктор ¹³ случайно видел жен без покрывала и нашел, что они красивы; Бог весть, однако, как строги кондукторы насчет черт женского лица. Некоторые ящики при перегрузке разбились и оказались наполненными скверными конфетками и плохими персидскими апельсинами. Сам шах поразил всех тем, что не отвечал на поклоны, а со своими министрами разговаривал более движением глаз. Местные фотографы сняли момент выхода шаха на берег, украшенный декорациями.

Мысль изучить историю Царицына за последние годы, к счастью для меня, не пришлось осуществить, и, получив чемодан, я не замедлил уехать на пароходе «Сильверст» общества «Кавказ и Меркурий» ¹⁴.

«Сильверст» — пароход буксирный, уже лет двенадцать с лишком работающий на Волге; на пассажирскую линию он попал случайно, вследствие поломки какого-то пассажирского парохода. На пароходе было, впрочем, все исправно, каюты опрятны, а буфет, после станций железных дорог, оказался очень удовлетворительным. На наших пароходах вообще обращаются с публикой гораздо лучше, чем на железных дорогах. Оно и понятно: железные дороги — монополисты, пароходные же компании подчиняются тягостному закону конкуренции; они соперничают не только между собою, но и с железными дорогами. Конкуренция дошла уже до последних пределов, и для спасения от конечной гибели, ввиду постоянного и систематического понижения фрахтов, волжские пароходчики хлопочут теперь о братстве и соединении. «Дружина» соединилась с «Камско-Волжским обществом», «Кавказ и Меркурий» — с «Обще-

ством 1843 года», и, по всей вероятности, мало-помалу общества эти сольются между собою в одну обширную ассоциацию¹⁵. Во всяком случае, будущее пока не представляется для них в привлекательном виде: новые железные дороги все примыкают к Волге, количество грузов на последней растет медленно, а фрахты продолжают понижаться. Пароходные общества строят новые, более экономные пароходы, сжигающие менее топлива и перевозящие зараз более клади и пассажиров, но старые не находят себе покупателей. Пароход, стоивший прежде 100 000 рублей, легко купить теперь на Волге за 30 000 рублей. Говорят, что даже число пароходов, возросшее до 600, теперь уменьшается. Из пароходных обществ пока счастливее других «Кавказ и Меркурий»; оно покрывает убытки доходами от каспийского пароходства; а между тем недавно еще речное дело только и позволяло этому обществу вести без убытка морское пароходство, несмотря на получаемую последним от правительства значительную помилую плату.

На пароходе я без всяких приключений пробежал путь, мне довольно знакомый. В Сарепте та же продажа горчичного масла¹⁶, сарептского бальзама¹⁷ и пряников¹⁸; те же стереотипные немецкие физиономии, заимствовавшие от местных жителей только одну дурную привычку — целый день щелкать подсолнечные семечки. Репутация Сарепты теперь очень упала, хотя ничего в последней не переменилось к худшему. В прежнее время, при всеобщей мерзости, при грязи и голоде на станциях, измученному и одичавшему в пути путешественнику казалось земным раем найти кусок мыла, чистую комнату, опрятную постель, обед из нескольких блюд и бутылку вина; вечером он мог даже услышать на площади хор духовой музыки, разыгрывающий под руководством какого-либо из гернгутских¹⁹ старшин мотивы из «Нормы»²⁰. В настоящее время пообедать и выспаться можно почти во всяком уездном городе, а про губернные и говорить нечего — для этого там специально существуют дворянские и коммерческие клубы; потому, не находя в Сарепте ничего чрезвычайного, путешественники разочаровываются, хотя и прежде очаровываться, собственно говоря, было нечем.

Ниже Сарепты Волга принимает уже характер, специально присущий Астраханской губернии; река течет между множеством островов, покрытых зеленью, которая делается все беднее и беднее по мере приближения к Астрахани, причем глина низких берегов заменяется сыпучим песком, сметаемым ветром, свободно гуляющим по калмыцкой степи, в бугры, путешествие по которым зимою в санях чистое мучение. <...>

ДНЕВНИКИ [1876]

<...> Духов день ¹ 25 мая. Царицын.

Этот город мне не понравился. Странно как-то! Например, на огромной, пустынной, немощеной площади, в коей ноги утопают в песке, вдруг огромный дом на венский лад! Завтракали с Алешей ² у себя в 1-м классе. Из Царицына мы вышли только в 2 часа. Далее все плоско. Сарепта. Пряники ³. зуб болел. Обедал один в 6 ½ часов. После обеда разговор с умным грузином (в очках), который путешествовал по Сибири. А у нас в салоне целый день музыка двух малосимпатичных барышень, из коих одна мерзко поет (хотя и хороший репертуар), а другая на фортепьяно дудит. <...>

ВЕТЛЯНСКАЯ ЧУМА [1878—1879]

В ноябре 1878 г. в Царицын проникли слухи, что в низовьях Волги, в пределах Астраханской губернии, появилась болезнь, от которой люди умирают очень скоро и даже целыми семьями. Слухи эти держались весьма упорно и, по мере того как время шло, принимали все более и более зловещий характер. В конце ноября было получено из станицы Ветлянки от местного священника письмо *, в котором этот почтенный пастырь **, описывая все ужасы постигшего их станицу несчастья, убедительно просил об оказании помощи больным и сиротам. Вследствие этого немедленно было отправлено в Ветлянку на лошадях, под надзором двух сестер милосердия, значительное количество белья, обуви, чаю, сахару, муки, пшена и пр.*** Одновре-

* Письмо было адресовано на имя жены моей, которая в то время была председателем местного комитета Красного Креста. Письмо впоследствии было передано графу М.Т. Лорис-Меликову. (Примеч. Н. Мельникова).

** Священник этот и вся семья его, состоявшая из жены и двух детей, вскоре умерли от чумы. В комодке его впоследствии найден весьма интересный дневник о ходе эпидемии в Ветлянке, доведенный до дня его кончины.

*** Первая помощь со стороны Общества Красного Креста оказана была по ходатайству председателя местного управления этого общества в г. Астрахани. (Примеч. ред. «Русской старины»).

менно с этим был командирован туда же и лекарский помощник Васильев. Вот что, спустя несколько дней, он писал из Ветлянки: «Приехавши в Ветлянку, я явился немедленно за распоряжениями к начальнику первого отдела Астраханского казачьего войска, полковнику Плеханову, но тот, сказавшись больным, не сделал никаких распоряжений, предоставив мне делать то, что я найду нужным. Я взял казаков и сейчас же отправился осматривать больных. По дороге мне попадались множество трупов, они лежали посреди улицы *. Первая моя забота была погresti умерших, но никто не находился: все бежали. В домах станицы нашел множество больных и мертвых. Больные были разного возраста. Матери, жены, отцы, дети — все боялись больных. Все были так напуганы, что бросили дома и семейства и бежали в степь. После долгих усилий, я едва нашел двух солдат-пьяниц, которые согласились погребать тела. Множество домов совершенно заколочены».

Вслед за этим продолжали получаться с низовьев Волги известия, словесные и письменные, одно другого мрачнее. Говорили, что зараза из Ветлянки проникла уже в соседние селения и грозит вскоре появиться в Царицыне; что ветлянская болезнь — несомненная чума, потому что люди умирают в продолжение 2—3 часов, будучи перед тем совершенно здоровыми. Впоследствии под влиянием страха лекарский помощник Васильев тайно скрылся из Ветлянки, но был немедленно возвращен назад; его хотели было за это предать суду, но ввиду действительно оказанных им заслуг оставили без преследования **.

17 декабря 1878 г. я по личным моим делам должен был выехать из Царицына в Москву. Едва приехал в Белокаменную, как тотчас получил от жены телеграмму следующего содержания: «Чума в Енотаевском уезде, в станице Ветлянке. Умирает 95 процентов. Жители бегут. Черному яру — чума. Царицын волнуется. Врачей нет». Прочитав эту депешу, я пришел в ужас. Мне, как городскому голове, страшно было за судьбу города, а как семьянину за положение моих домашних. Я тотчас телеграфировал об этом саратовскому губернатору М.Н. Галкину-Врасскому и в то же время послал депешу в Петербург, к моему знакомому, прося его навести справки о том, насколько верны астраханские сведения. Вместо ответа я получил приглашение немедленно прибыть в Петербург. В тот же день, вечером, с курьерским поездом я выехал в северную столицу, и едва поезд остановился у платформы Николаевского вокзала, как получил приглашение немедленно явиться к управляющему Министерством внутренних дел. Заехав на квартиру моего знакомого, чтобы переодеться, я тотчас в сопровождении В.А. Кокорева ¹, который меня уже ждал, поехал к министру. Это было около 12 часов. П.С. Макова ² мы не заста-

* Смертность была чрезвычайно велика.

** По приезде графа Лорис-Меликова Васильев был представлен к награде и получил Станислава 3-й степени (Примеч. Н. Мельникова).

ли дома: он уехал с докладом к государю³. В 2 часа мы снова приехали к нему и были немедленно приняты. Он встретил нас в большом кабинете, наверху, и, усадив около письменного стола, начал расспрашивать. Я передал ему все, что было мне известно относительно Ветлянки. Лев Саввич, видимо, был смущен моим рассказом и, хотя старался скрыть это смущение, показывая вид, что ему все известно, тем не менее ясно было видно, что он решительно ничего не знал о том, что творится в Астраханской губернии...

В тот же день по распоряжению управляющего министерством, был командирован в Ветлянку доктор медицины П.Я. Красовский*. В ночь же с 19-го на 20-е число, то есть тотчас же по получении моим знакомым моей депеши из Москвы, была отправлена, от имени управляющего министерством, саратовскому губернатору телеграмма, текст которой был следующий: «Прошу принять немедленно меры против переноса заразной болезни из Енотаевского уезда в Царицынский; если окажется необходимым — учредить карантин для прекращения всякого сообщения с Черным Яром, Енотаевском и станицами, близ них лежащими. Медлить нельзя, положение дел весьма серьезное и опасное. О мерах, какие будут приняты, телеграфируйте, но, главное, не медлите и пошлите опытного чиновника».

Таким образом был дан первый толчок к принятию энергичных мер.

22 декабря я выехал из Петербурга, а 26-го был уже в Царицыне, где и застал саратовского губернатора М.Н. Галкина-Врасского. Он действовал здесь со свойственной ему энергией и в течение нескольких дней успел привести город и его окрестности в такое положение, что о вторжении заразы со стороны астраханского края перестали даже и думать. Везде, где указывала надобность, учреждались карантинные пункты, явились врачи; комитет общественного здоровья и санитарная комиссия действовали с усердием. Впоследствии медико-санитарные средства Царицына еще более увеличились: по распоряжению министерства внутренних дел была прислана сюда целая партия врачей, а В.А. Кокорев выслал огромное количество дезинфекции. Причем не могу не упомянуть о следующем курьезе. По странному стечению обстоятельств, мне, как городскому голове, пришлось в это страдное время не только возиться с городом, но и быть начальником военной стражи. В моем распоряжении находилось: 4 офицера, 1 полицейский пристав, 50 человек солдат и столько же казаков; вся эта армия составляла цепь, окружавшую Царицын. Одно-

* Превосходная личность, кажется брат знаменитого акушера. П.Я. Красовский вел себя с замечательным самоотвержением, последствием чего была его преждевременная кончина вскоре по окончании эпидемии и по возвращении в Петербург. Смерть его положительно приписывают напряженной его деятельности в Ветлянке, где он находился до самого окончания эпидемии. До пяти молодых врачей погибли жертвою своего долга в самой Ветлянке (*Примеч. ред. «Русской старины»*).

временно с принятием в Царицыне означенных мер принимались меры к локализации заразы и в Астраханской губернии: учреждались карантин, изолировалось одно селение от другого, а для сообщения Царицына с Астраханью был открыт объездной путь по калмыцкой степи, охранявшийся разъездами казаков и особо назначенного для того чиновника.

28 декабря 1878 г. М.Н. Галкин-Врасский выехал из Царицына в Саратов, поручив мне наблюдение за деятельностью установленных учреждений, а 30-го я получил от него следующую телеграмму: «Красовский 29 декабря телеграфирует: В Ветлянку прибыл 27 декабря. Чумы не нашел. Видел больных с воспалением легких. Нет вновь заболевших. Третий день остается два с тифозным воспалением, а одна с язвою в паху давнего сомнительного происхождения. Ваши (вероятно врачи) размещены по деревням, где нет опасности. Надеюсь, все скоро кончится».

Телеграмма эта была немедленно объявлена во всеобщее сведение и произвела благоприятное впечатление. Вслед за тем, спустя 10 дней, телеграфировал мне из Никольского (близ Ветлянки) доктор Павлинов: «Ветлянская эпидемия, несомненно, чума, с декабря ее легочная форма». Итак, очевидно было, что ветлянская болезнь потеряла свой острый характер. Все клонилось к тому, чтобы дела и люди вошли в свою обычную колею... Между тем в столичных газетах появились известия такого тревожного свойства, которые сразу произвели сенсацию как в правительственных сферах, так и в обществе. Так, по поводу одной депеши, напечатанной в «Голосе»⁴, управляющий министерством статс-секретарь Маков телеграфировал мне 29 декабря: «Из Царицына телеграфируют в газету "Голос", что будто в городе появилась чума со страшной смертностью. Прошу телеграфировать мне немедленно — все ли у вас благополучно». На это я отвечал ему, что у нас никакой чумы нет и что неверные сведения, как оказалось по справкам, сообщены в газету из Царицына вновь назначенным в Астрахань управляющим почтовою частию Степановым, какое сообщение сделано было им на пути из Санкт-Петербурга, из Царицына, со слов проезжего... Таким образом, несмотря на то, что газетные известия были не вполне верны, тем не менее молва о страшной болезни продолжала нестись с быстротою молнии. Вскоре известие это проникло за границу. Европа встревожилась, и в результате получилось: установление строгого кордона по нашей границе, воспрещение привоза из России товаров и стеснение проезда путешественников; все это вместе взятое отразилось потом миллионными убытками на нашей торговле и промышленности...

16 января 1879 г. в комитете министров слушалось словесное заявление управляющего министерством внутренних дел о появившейся заразе и принятых против нее мерах. В этом заявлении полагалось испросить высочайшее соизволение: 1) На предоставление управляющему министерством внутренних дел сделать зависящее распоряжение к сожжению, в той мере, как это будет принято необходимым,

станции Астраханского казачьего войска Ветлянки, с соблюдением следующих главнейших оснований: а) жители станции Ветлянки должны быть выведены и размещены, по ближайшему соображению местных удобств не выходя из карантинного района; б) оценку движимых и недвижимых имуществ, преданных сожжению, и выдачу за оные вознаграждения владельцам возложить на особую комиссию, под председательством астраханского губернатора, с участием членов: казачьего ведомства и министерства финансов, государственных имуществ и внутренних дел, по особым правилам, которые эта комиссия должна постановить на месте, и в) на ту же комиссию возложить как распорядительные действия по сожжению станции Ветлянки, так и все меры, необходимые для обеспечения выведенного из станции населения продовольствием, бельем, теплою одеждою, лечением больных и т. п. 2) На предоставление управляющему министерством внутренних дел испрашиваемые ныне относительно станции Ветлянки меры распространять и на другие селения, а также и на отдельные в тех местностях районы в той мере, в какой это будет признано необходимым. 3) На предоставление ныне же в распоряжение гражданской администрации необходимого числа войск для исполнения карантинной службы. 4) На отнесение на счет государственного казначейства всех расходов, как по приведению в исполнение указанных выше мер, так и по возмещению издержек по всем принимаемым по случаю настоящей эпидемии мероприятиям.

По выслушании этого заявления в присутствии приглашенных в заседание комитета министров: начальника главного штаба, начальника регулярных войск, главного военно-медицинского инспектора, лейб-медиков Н.Ф. Здекауэра⁵ и С.П. Боткина⁶ и управляющего медицинским департаментом тайного советника Розова⁷ комитет принял в особое внимание сделанное статс-секретарем Маковым заявление о том, что предположенное ныне сожжение Ветлянской станции испрашивается им лишь по всестороннем изучении дела и по глубокому убеждению в неизбежной необходимости столь крайней меры, для совершенного искоренения зла в самом моменте его зарождения. Ввиду вышеизложенного и принимая во внимание признанные наукою и опытом способы к прекращению и ограничению распространения заразы, комитет пришел к единогласному заключению о целесообразности предположений управляющего министерством внутренних дел. Вместе с тем комитет остановился на мысли о необходимости спешно воспользоваться продолжающимися зимними морозами, для принятия энергичных мер и предупреждению дальнейшего распространения эпидемии. В этом отношении комитет находил, что оздоровление не только селений, уже ныне считающихся зараженными, но вообще тех местностей, кои могут послужить источником заразы, представляется крайне необходимым и совершенно неотложным. По глубокому убеждению комитета, действительность и своевременность мер по столь важному делу могут быть вполне обеспечены только предостав-

лением главного руководства этими мерами на местах особому, облеченному высочайшим доверием лицу, которое, будучи снабжено широким полномочием на предмет чрезвычайных мер, могло бы объединить все распоряжения по предмету прекращения болезни и пресечения ее дальнейшего распространения. На основании изложенного комитет полагал: I. Заявление управляющего министерством внутренних дел утвердить. II. Испросить Высочайшего Его Императорского Величества повеление относительно командирования на место заразы лица, облеченного Высочайшим Его Величества доверием и особо уполномоченного на принятие в Астраханской и сопредельных с нею губерниях и областях чрезвычайных мер и на объединение всех распоряжений как по прекращению заразы, так и с целью предупреждения дальнейшего ее распространения, и III. В случае Высочайшего Его Величества соизволения на командирование особо уполномоченного лица, образовать при нем комиссию, с включением в состав оной специально-врачебных деятелей и с возложением на нее исследования на местах хода и развития заразы и изыскания мер как к пресечению эпидемии, так и к оздоровлению местностей, уже зараженных, а равно и тех, кои могут служить источником заразы. На журнале комитета 18 января 1879 г. последовала собственная Его Императорского Величества резолюция «Исполнить». Выбор пал на бывшего героя турецкой войны генерал-адъютанта графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова⁸.

Этот личный выбор покойным государем графа М.Т. Лорис-Меликова был в высокой степени удачен. Этот кавказский воин с умом, энергией и неутомимостью в исполнении возлагавшихся на него поручений соединял необыкновенный такт и гуманность. Так и в 1879 г. он вполне проявил отличавшие его высокие качества.

Назначенный 24 января временным астраханским, саратовским и самарским генерал-губернатором, граф М.Т. Лорис-Меликов 27-го числа того же месяца был уже в Царицыне, где и учредил свою квартиру. Граф Михаил Тариелович приехал с экстренным поездом по Грязе-Царицынской железной дороге⁹ и был встречен в вокзале саратовским губернатором, прибывшим сюда дня за два до его приезда, представителями общества и местною администрацией. Граф был очень любезен и, обходя ряды представляющихся, пожал руку предводителю дворянства Корбутовскому и мне, как городскому голове. Его сопровождала многочисленная свита: тут были и генералы свиты, и флигель-адъютанты, и камергеры, и даже генерал генерального штаба. Всем этим господам требовались лучшие квартиры в городе, а так как «лучшие» квартиры были заняты самими домовладельцами, то последним, ради удобства гостей, нередко приходилось переселяться в какую-нибудь конурку или совсем выходить из дому. Причем имел место следующий, не лишенный некоторого юмора эпизод. В одном доме, который только что был отделан, поселился генерал; генерал этот любил купаться и потому для большего удобства приказал в одной из

парадных комнат поставить ванну, которая несколько раз в день наполнялась водою, причем самым немилосердным образом обливались не только полы, но и стены и мебель. Хозяин дома долго стеснялся заметить об этом своему именитому квартиранту, предполагая, что тот сам догадается устранить это безобразие, но когда обливание пола водою дошло до того, что потоки ее начали проникать из верхнего этажа в нижний, где помещался мануфактурный магазин, он решился наконец заявить об этом генералу. Генерал его выгнал. Тогда хозяин придумал следующую меру, чтобы избавиться от беспокойного квартиранта: он начал в своей комнате, помещающейся рядом с квартирою генерала, служить ежедневно панихиды по недавно умершем своем сыне. Пение «за упокой» до того смутило генерала, что он немедленно переехал в другой дом.

Вообще в то время наплыв в Царицын чиновников, как военных, так и гражданских, был громадный; тут даже были чины военно-полевого суда. В первое время по приезде все эти господа видимо скучали, но потом по привычке, обзавелись знакомыми и время проводили весело.

На другой день по прибытии в Царицын у генерала-губернатора был назначен официальный прием, на который явились как приехавшие чиновники, так и представители местной власти. Граф Лорис-Меликов вошел в залу с нахмуренным лицом и, кивнув слегка головою на низкий поклон представляющихся, обратился к предводителю дворянства и ко мне как обязательным директорам местной тюрьмы со следующими словами:

— Сегодня я посетил здешнюю тюрьму и пришел в ужас от той тесноты и грязи, которые я там увидел. Это невозможная тюрьма. Выражаю вам мое неудовольствие, я должен вас предупредить, что если найденные мною беспорядки* не будут немедленно устранены, то вас, господа, я велю немедленно выслать из Царицына**.

2 февраля 1879 г. в квартире саратовского губернатора была открыта Высочайше утвержденная совещательно-санитарная комиссия. Комиссия была открыта лично графом Михаилом Тариеловичем, причем он сказал следующую речь:

— При исполнении возложенного на меня высочайшею волею поручения, требующего постоянных, неотложных с моей стороны распоряжений, и ввиду предстоящих разъездов по вверенному моему уп-

* Тюрьма была, действительно, невозможная, впрочем устранить в ней грязь и тесноту было не во власти местной администрации. Она помещалась с 1865 г. в частном деревянном доме и была устроена только на 50 человек; между тем в день посещения тюрьмы графом в ней содержалось около 250 арестантов, так что люди помещались не только в камерах, но и в коридорах, кухне и даже в бане и буквально были набиты как сельди в бочке.

** Спустя два дня граф Михаил Тариелович преложил гнев на милость и сделал визит мне и предводителю дворянства Корбутовскому (Примеч. Н. Мельникова).

равлению краю, я лишен возможности председательствовать в настоящей комиссии, а потому, возложив председательствование на саратовского губернатора М.Н. Галкина-Врасского, я тем не менее имею в виду постоянно следить за ходом дела по комиссии, знакомясь со всеми ее постановлениями при их учреждении. Независимо от сего предлагаю председателю, в тех случаях, когда решению комиссии будут подлежать особенно важные вопросы, при нахождении моем на месте, предварительно докладывать мне об этом, и тогда я лично буду принимать участие в заседаниях комиссии. — Указав затем, что предстоящая этой комиссии деятельность имеет всеобщее значение и, следовательно, в трудах ее может быть полезно участие возможно большего числа лиц, граф продолжал: «Прошу всех членов, если бы они со своей стороны нашли возможным указать на кого-либо из тех лиц, которые в интересах дела могли бы быть приглашаемы к участию в заседаниях комиссии, не оставить заявлять об этом председателю, и всякое подобное заявление будет принято к исполнению. В желании же предоставить членам комиссии возможность заблаговременно знакомиться с вопросами, подлежащими обсуждению, и чрез это судить, насколько участие их в заседании по специальности вопросов может быть необходимо, предлагаю одновременно с рассылкою приглашений на заседание препровождать членам перечень вопросов, подлежащих обсуждению».

На другой день по открытии комиссии у генерал-губернатора был обед, на который в числе других были приглашены предводитель, председатель земской управы и я. Обед был простой, и за столом, кроме кахетинского и вообще кавказского, другого вина не было. Видно было, что граф М.Т. Лорис-Меликов не любил роскоши и, живя в Царицыне более месяца, вел жизнь совершенно спартанскую. Замечательно, что, несмотря на то высокое положение, какое занимал граф Михаил Тариелович, он держал себя весьма просто и был чрезвычайно доступен: к нему можно было идти по делу и утром, и вечером. Так раз, вечером, я явился к нему с толпою рыбопромышленников: он принял нас в кабинете, усадил и приказал подать чаю. В продолжительной беседе с представителем рыбопромышленности граф узнал все, что ему было нужно. Впоследствии это имело большое практическое значение при применении некоторых санитарных мер к рыбным ватагам ¹⁰.

Совещательно-санитарная комиссия состояла из постоянных членов и совещательных членов. Постоянными членами ее были: самарский губернатор А.Д. Свербеев ¹¹, доктор медицины Снегирев ¹² (он же и делопроизводитель), доктор Рейтлингер, генерального штаба генерал-майор Ильяшевич, флигель-адъютант полковник граф Голенищев-Кутузов и уполномоченный Красного Креста в звании камергера Юзефович ¹³, а совещательными — предводитель дворянства Корбутовский, председатель земской управы Шепетев, городской голова Мельников, начальник IV округа путей сообщения Йогель, ин-

женеры: Измайлов, Штромберг и Баталин, доктор германского посольства Левес и местные царицынские врачи. Впоследствии в трудах этой комиссии в качестве совещательных членов принимали участие еще следующие лица: профессора: Харьковского университета Якобий и Крылов, Киевского — Минх, Московского — прозектор Белин и Медико-хирургической академии — Эйхвальд¹⁴, Доброславин¹⁵ и Чудновский¹⁶. Кроме того, в комиссии перебивало множество рыбопромышленников, паромщиков и людей различных профессий. Заседания комиссии продолжались со 2 февраля по 22 марта 1879 г.: в это время было рассмотрено 28 более или менее важных вопросов и по ним постановлены определения в форме протоколов, одобренные графом М.Т. Лорис-Меликовым. Вот перечень этих вопросов: 1) Об устранении затруднений при отправке грузов из Царицына по железной дороге и при доставлении их на станции назначения. 2) О порядке карантинирования рабочих, подлежащих выпуску из оцепленной местности Астраханской губернии на рыбные промыслы. 3) О рассмотрении правил устройства санитарных железнодорожных комиссий. 4) Об устройстве санитарной части в подверженных эпидемии местностях, в карантинном районе и в тылу карантина. 5) О существующем способе освидетельствования отправляемой из складов Царицына рыбы и об установлении более соответственного порядка в этом отношении на будущее время. 6) О необходимости установления иного надзора за нагрузкой и выгрузкой товаров на пристанях ниже Царицына. 7) Об устранении затруднений в провозе по железным дорогам грузов, следующих из Царицына. 8) О предполагаемом астраханским губернатором карантинировании рабочих на баржах. 9) По предложению комиссии о сокращении общей карантинной линии оцепления в пределах Астраханской губернии, с учреждением наблюдения по границе Черноярского уезда в селении Грачевке. 10) О назначении начальников санитарных отрядов. 11) Об устройстве временных карантинных для предстоящего выпуска рабочих. 12) О порядке составления описи и оценки имущества, подлежащих сожжению, с указанием способа самого сожжения. 13) О карантинном заграждении р. Волги и расходах, потребных на это заграждение. 14) О проекте Министерства путей сообщения об ограждении р. Волги и Дона. 15) Об утверждении устава для начальников санитарных отрядов. 16) О рассмотрении инструкции для временных санитарных инспекторов. 17) О предоставлении чинам санитарного отряда права ношения Красного Креста. 18) О дезинфекционных мерах в станице Ветлянке. 19) О принятии мер по отношению к рыбным промыслам. 20) О заграждении железной дороги по предложению министерства путей сообщения. 21) О рассмотрении ходатайства астраханских рыбопромышленников о несожжении тар на местах прибытия рыбных грузов. 22) Об устройстве восьми новых карантинных в Астраханской губернии. 23) Об изменении состава комиссии для освидетельствования рыбных грузов в Царицыне. 24) Об образовании комиссии для

осмотра ватаг в пределах Царицынского и Камышинского уездов. 25) О способе карантинирования калмыков, перекочевывающих из оцепленной местности в степь. 26) О мерах к прекращению эпидемии в станице Ветлянке, на случай нового возникновения ее. 27) О запрещении вывоза с низовьев Волги тряпья и ношеной одежды и 28) О санитарных отрядах и их деятельности.

Благодаря тому, как я сказал выше, что об эпидемии не было уже более тревожных слухов, большая часть постановленных по означенным вопросам определений осталась без исполнения.

Около половины февраля прибыли в Царицын иностранные делегаты; их было очень много, но я помню только Гирша (из Берлина), Беседецкого (из Вены) и Петреско (из Бухареста), так как они один раз присутствовали в заседании комиссии. В чем, собственно говоря, состояли обязанности * всех этих господ, сказать трудно. Некоторые из них дальше Сарепты не ездили, но другие доехали до самой Астрахани, выдержавши 14-дневный карантин.

Почти одновременно с делегатами приехали в Царицын корреспонденты от «Голоса», «Нового Времени»¹⁷ и «Московских Ведомостей»¹⁸. Были, говорят, корреспонденты и от других русских газет, но о них никто ничего не знает.

В конце февраля граф Лорис-Меликов предпринял поездку в Астрахань. Путь его лежал по правому берегу Волги, чрез калмыцкую степь. На обратном пути из Астрахани граф Михаил Тариелович посетил Ветлянку, откуда продолжал путь на пароходе до Черного Яра, а затем по почтовому тракту в Царицын, куда он возвратился к концу марта 1879 г.

Вслед за возвращением графа приехал в Царицын из Ветлянки и командированный туда министерством внутренних дел доктор Красовский.

22 марта проходило последнее заседание совещательно-санитарной комиссии, а 30-го числа граф М.Т. Лорис-Меликов в сопровождении некоторых состоящих при нем лиц с экстренным поездом выехал в Петербург. Затем постепенно начали уезжать из Царицына различные чиновники, врачи, интенданты. Вслед за ними двинулись и те войска, которые были призваны сюда для карантинной службы.

При отправлении конных чинов пограничной стражи решено было некоторые вещи подвергнуть дезинфекции. Была составлена для этого особая санитарная комиссия, которая, по предложению провизора Ливена (специально командированного во временное генерал-губернатор-

* В проекте комиссии было сказано: «для исследования эпидемии». Врачи иностранные были присланы с целью удостовериться в свойствах болезни, а также в том, были ли приняты меры к противодействию ее распространению. Результатом их донесений своим правительствам было, как известно, снятие оцепления войсками границ со стороны Австрии и Пруссии (*Примеч. ред. «Русской старины»*).

ство для производства дезинфекции), и придумала произвести дезинфекцию посредством пара. Но тут вышел курьез, который для некоторой характеристики существовавших в то время порядков я считаю не лишним рассказать. Все вещи, состоявшие из папах, полушубков, рукавиц, сапог, ремней и узд, были сложены в товарные вагоны, которые затем были герметически закупорены и запломбированы. Потом в эти вагоны был пущен из паровозов пар. По прошествии нескольких часов вагоны были в присутствии комиссии открыты и — о ужас! — оказались внутри полупустыми... Находившиеся в них вещи, вследствие влияния горячего пара, до такой степени съжились, что, например, полушубок взрослого человека можно было надеть только на полугодовалого ребенка, а папаху нельзя было натянуть даже на кулак! Вследствие этого войска остались без теплой одежды и выехали из Царицына почти без сапог.

Так окончилась ветлянская эпидемия, наделавшая так много хлопот, забот и нанесящая России громадные убытки.

☞————— Ф.Г. Тернер —————☞

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИЗНИ **[1879]**

<...> В Царицын мы прибыли утром. Погода была чудная, солнце ярко светило, и перед нами открылась картина города, совершенно не похожего на другие русские города, напоминавшего скорее — по своей разбросанности, разнообразию мелких построек, широким улицам и площадям и поразительному торговому движению во все стороны — молодые американские города. Перед станцией стоял ряд красивых амбаров со светлыми зелеными крышами для рыбных складов. Внизу на реке пристань, соединенная веткой со станцией железной дороги, по которой постоянно передвигались товарные поезда. На самой пристани амбары с хлебом, а на реке суда разной величины, от парохода до мелких шаланд¹. Вся эта местность была наполнена рабочим людом, который таскал товары по разным направлениям; везде жизнь, везде кипело движение, шум и говор — и весь этот народ держал себя как-то свободно, непринужденно, даже халатно, полиции было почти не видно — одним словом, по виду совершенно не русский город.

В Царицыне мы сели на пароход для следования в Астрахань, так как мы решились проехать в Баку для осмотра нефтяных местностей. <...>

Волжские пароходы очень хорошо устроены, помещения удобные и хорошая кухня. Разумеется, главная пища — стерлядь; эта столь редкая рыба в России здесь в изобилии: нам подавали за обедом стерляжью уху, вареную стерлядь, жареную стерлядь... <...>

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РУССКИМ ГОРОДАМ [1888]

<...> Географическое положение, занимаемое Царицыном, очень выгодное и обеспечивает за ним серьезное будущее. Царицын, как известно, лежит на изгибе Волги, приблизившем эту реку к Дону, а потому явился пунктом соединения этих двух рек при помощи Волго-Донской железной дороги ¹, и таким образом составляет узел соединения Балтийского, Каспийского и Азовского морей. Хотя Царицын и лежит дальше от Москвы, чем Саратов ², на 300 верст железнодорожного пути, но зато ближе к Астрахани ³ на 400 верст водяного пути, и, кроме того, в Царицыне навигация всегда продолжается дольше, чем в Саратове, на один, а иногда и на два месяца, что представляет громадную разницу и дает Царицыну исключительное положение, которое нельзя изменить никакой тарифной политикой.

Таким образом, Царицын должен был сделаться главным отправителем грузов, идущих из Астрахани в Москву, и грузов, идущих на Азовское море, что в действительности и случилось.

Царицын пропускает чрез себя с Волги по железным дорогам Волго-Донской и Царицынской ⁴ следующие грузы: до 20 миллионов пудов лесу, досок и тесу на Дон, а по направлению к Москве и далее: 12 миллионов пудов керосину, 8 миллионов пудов нефти, остатков и минерального масла, 15 миллионов пудов рыбы и 3 миллиона пудов соли, всего по обеим дорогам до 58 миллионов пудов. До развития бахмутского соляного дела ⁵ соли проходило чрез Царицын гораздо более, от 8 до 10 миллионов пудов, но теперь баскунчакская ⁶ соль не может продаваться далее восьмисот верст от Царицына и за этою границей не выдерживает конкуренции.

Будущее Царицына представляется еще более интересным. Город этот, естественно, должен быть соединен железною дорогой с Новороссийском чрез Тихорецкую станцию Владикавказской дороги ⁷, и тогда, по всей вероятности, заменить Рыбинск ⁸ для всех самарских и низовых грузов. Дорога эта в то же время даст выход русскому каменному углю на Волгу, так как она должна прийти в соприкосновение с Доном ниже всех его порогов и мелей и таким образом служить продолжением этой реки, сделав ее действительно производительною и полезною для всего края. Царицыно-Тихорецкая дорога совершит большой экономический переворот на всей Волге, так как даст возможность доставлять с Волги хлеб урожая того же года прямо в незамерзающий порт Новороссийск ⁹ по цене, например, из Самары ¹⁰ не дороже 13 или 14 коп. с пуда и в срок не далее 10 дней. Чтобы выяснить все значение для хлебной торговли этой стоимости и срочности доставки, нужно только сравнить эти условия с условиями настоя-

щей, самой выгодной доставки хлеба в Петербург — ближайший порт от Самары. Фрахт из Самары до Рыбинска три-четыре года тому назад составлял 8 коп. с пуда, и хотя в настоящем году понизился до $3\frac{1}{2}$ коп., но понятно, что на этой ступени он удержаться не может, и первый урожай поднимет его по крайней мере до 8 копеек. Но, желая держаться фактической почвы, я приму как средний фрахт от Самары до Рыбинска 5 коп., от Рыбинска до Петербурга 11 коп. и от Петербурга до Порты 2 коп., итого 18 коп. при сроке доставки от 20 до 30 дней. Доставка по Мариинской системе ¹¹ ввиду водяных пошлин и страховки должна обойтись скорее дороже, чем дешевле, а срок доставки от Самары по этой системе нужно считать в 70 дней. Если мы сопоставим 14 коп. с 18 коп. и 10 дней с 20 и 70 днями, то увидим громадное значение проектируемого пути, который только на основании этих двух условий должен дать новое движение хлебной торговле на Волге и создать большую будущность сорока миллионам десятинам чернозема, питающим левый берег Волги Самарской губернии. Но если принять во внимание, что при открытии этой дороги можно продавать за границу хлеб урожая того же года, если сосчитать проценты на капитал, которые теряют в настоящее время волжские производители хлеба, если вспомнить все неудобства доставки груза чрез Петербург на Морской канал или в Кронштадт, то мы поймем, что указанные выгоды нового пути должны быть гораздо значительнее и трудно поддаются даже исчислению, так как доставка хлеба в Новороссийске отстраняет все эти неудобства и необыкновенно облегчает процедуру настоящей сложной перевозки. Определенный мною фрахт от Самары до Новороссийска в 14 коп. слагается из следующих данных: $2\frac{1}{2}$ коп. за путь из Самары до Царицына вниз по Волге (800 верст) и $11\frac{1}{2}$ коп. за путь от Царицына до Новороссийска на расстоянии 700 верст, цены эти, по всей вероятности, будут еще ниже, в особенности для Волги.

Но, оставляя будущее, и в настоящее время Царицын играет большую роль в экономической жизни волжского края, и Саратов не может вынести с ним борьбы.

Это положение Царицына как перевалочного пункта отразилось, разумеется, на росте города. В 1851 году в городе было четыре или пять тысяч жителей, а в настоящее время население его увеличилось до 36 000 человек, то есть в течение 37 лет возросло почти в семь раз. Я беру нарочно 1851 год для сравнения с Самарой и Саратовом, цифры населения которых я тоже брал за тот же год. Число домов в Царицыне тоже очень велико и простирается до 5400, из них каменных домов лишь 194, остальные же представляют крестьянские избы с тесовыми крышами вместо соломы ¹². На каждый дом приходится, таким образом, 6,6 жителей, то же число, как и в Сызрани ¹³, и в действительности города эти имеют большое сходство по внешнему виду.

Царицын стоит уже в степи за культурною чертой правого берега Волги и ближе подходит к характеру левого берега, к Орде, как говорит

на Волге народ. В Царицыне нет признаков мостовых ¹⁴, нет помыслов о водопроводе ¹⁵ и на улицах полная темнота, а между тем грязь по колено и совершенный недостаток в воде для питья и пожаров. Разве это не Орда? <...>

Постройка домов в Царицыне происходила по той же системе, как и в Саратове, так как и здесь большинство населения составляют рабочие, пришедшие на заработки и осевшие в городе. Здесь мне пришлось проверить явление, подмеченное мною в Саратове, и вновь убедиться, что для уяснения физиономии города необходимо всегда брать во внимание число жителей и число домов, ими обитаемых. <...>

☞————— С.Ю. Витте —————☞

ВОСПОМИНАНИЯ [1892]

<...> Затем я остановился довольно надолго в Царицыне. Там картина была еще более удручающая. Когда я вышел на пристань, то увидел несколько трупов только что умерших, еще не убранных. На пристани же находился один доктор и какой-то полицейский. С этим доктором я объезжал все больницы. На мой вопрос, где же находится начальство и другие доктора, сопровождавший меня доктор ответил, что все доктора или в отпуску, или уехали. Таким образом, только один этот доктор находится в городе, даже студентов было мало, а большей частью при больных были только сестры милосердия.

Когда мы с доктором подъехали к главному холерному бараку, то нас встретила со слезами сестра милосердия; она начала что-то шептать доктору, который был несколько смущен. Я поинтересовался узнать, о чем она ему шепчет, и доктор сказал следующее:

— Вот какой несчастный случай произошел. Когда мне сказали, что ваш пароход подходит, я, боясь, что вас никто не встретит, поспешил на пристань. Уходя, я взял из аптеки флакон и сказал, чтобы такому-то больному дали столько-то капель, а он скончался... Такое несчастье случилось. (Доктор был очень смущен.) Я вместо одного лекарства дал другое... дал карболовой кислоты, и больной принял... это был и без того тяжелобольной, и пока я был на пристани, он уже скончался в ужасных страданиях *.

Насколько мог, я их успокаивал, старался их утешить. Но на меня этот случай произвел тяжелое впечатление главным образом потому, что

* Доктор этот, встретивший меня в Царицыне, оказался железнодорожным доктором, почему он и находился в Царицыне, в то время как все остальные доктора разъехались (*Примеч. С.Ю. Витте*).

он ясно доказывал, в каком виде находится повсюду это дело, и то, что не было достаточного количества медицинского персонала.

Из Царицына я по железной дороге поехал в Нижний Новгород. Дорогой я останавливался на нескольких станциях, но там собственно холерных случаев не было. <...>

☞————— Е.А. Марков —————☞

РОССИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ [1892]

<...> Сарепту мы проехали ночью и проснулись уже у Царицына. Царицын тоже в свое время сторожевой городок, построенный на высоком гористом берегу. Сначала тянется огромное богатое село, у ног которого на реке целый лесок мачт; все это парусники с хлебом; за ними начинается длинный ряд пароходных пристаней Самолета ¹, Волжского Общества ², Кавказа и Меркурия ³, Зевеке ⁴ и пр.⁵ Тут уж больше цивилизации, Европы: дымят трубы, шумят колеса, раздаются свистки. Над пристанями, по горе — только что разбитый бульвар с обычными беседками для шипучих водиц, зелеными скамеечками, зелеными решеточками. К бульвару этому от каждой пристани поднимается крутая деревянная лестница, по одной из которых и мы с женою должны были взобраться, чтобы ознакомиться хотя бегло со знаменитым в своем роде торговым городом волжского низовья.

Мы наняли извозчика и довольно скоро объехали все, что стоило смотреть в Царицыне. По правде сказать, там смотреть ровно нечего.

Ряд порядочных домов на набережной, у пристани, красивый дом водопровода ⁶, в самом низу, и затем просторная, как выгон, торговая площадь с примыкающими к ней одной-двумя улицами еще смотрят сколько-нибудь городом. В общем же впечатление громадного ярмарочного села, куда начинает вторгаться то там, то здесь городская цивилизация в виде больших каменных домов, хорошо снабженных магазинов, торговых складов и пр. Есть даже гимназия, женская гимназия и разные другие просвещенные учреждения. Но над всем господствует, все потопляет в себе пыльный и грязный мужицкий базар. Царицын в сущности — один гигантский хлебный лабаз ⁷, к которому все остальное прилеплено только случайно, словно ради приличия. Даже церкви его скорее деревенские, чем городские. Нет ни одной выдающейся, достойной украсить собою богатый торговый город и стать его центром. Пять церквей стоят почти рядом друг с другом, может быть потому, что все стояли в старое время в городском острожке, окруженные стеною...

Де Бруин ⁸, проезжавший здесь по Волге в 1703 г., видел еще вокруг Царицына деревянные стены и башни.

Площадь не мощена, да и из улиц чуть ли не одна всего мощеная, много две⁹.

Русский уездный город сказался в этом, несмотря на торговлю и богатство, несмотря на пароходы и железные дороги. Но рядом с хлебным Царицыном стоит взглянуть на другой, новейший Царицын — Царицын нефтяной¹⁰. Он отодвинулся по берегу Волги версты на 2 от старого центра и начинается хорошеньким Нобелевским городком¹¹, так живо напомнившим мне Бакинский городок Нобеля¹². Нобелевский городок словно окопался кругом глубокими оврагами и зеленеет своими садиками на высоком полуострове Волги, рядом с безнадежно-голыми обрывами своих соседей. Тут прекрасные каменные дома заводов и до полутораэта хороших деревянных домиков для служащих, из которых каждый имеет свое скромное хозяйство и свой скромный комфорт. Внизу опять пристани всех возможных пароходных компаний, флотилия собственных пароходов и барж, наверху целые батареи серых железных башен для хранения нефти и керосина, целые поезда вагонов-цистерн,двигающиеся по рельсам собственной Нобелевской дороги, соединяющей его заводы с Грязе-Царицынской железнодорожной линией¹³.

Из барж и пароходов гигантские насосы прямо перекачивают керосин и нефть наверх, в железные башни. За Нобелевскими заводами и Губонинскими соляными складами¹⁴ идут, также отдельными поселками, разделяясь друг от друга небольшими промежутками, заводы и цистерны сначала Тагиева¹⁵, потом Стефанини, товарищества «Нефть» и пр. и пр. Каждое владенье вооружено своего рода нефтяными батареями, и все эти железные круглые башни, словно знамена различных наций, окрашены в разнообразные цвета, по которым издали узнаешь их. Но уж тут никаких садилов, никакой зелени и, по-видимому, никакого следа заботы о людях, работающих с утра до ночи и с ночи до утра на этих заводах. Везде кругом одни голые обрывы да глиняные пустыри.

Царицын занимает особенно выгодное положение на Волге, так же как его соседи Сарепта с юга и Дубовка с севера. До этой местности Волга, начиная от Самары, течет на юго-запад у подножия скалистого хребта, который составляет ее правый берег. Но немного ниже Царицына она вдруг словно натывается на какую-то невидимую преграду и резко отбрасывается на юго-восток, покидая свой горный хребет, и уже с тех пор ее сопровождают вместо настоящих гор простые глинистые обрывы берега.

В том же самом месте и Дон, все время текущий на юго-восток, как бы стремясь к слиянию с Волгой, наталкивается на отроги правого хребта Волги, которые уходят от нее в степь под именем Эргеня¹⁶, и еще круче, чем она, вдруг поворачивает к юго-западу, так что устья этих двух великих рек, чуть не сливающихся вместе у Царицына, оказываются в конце концов на расстоянии многих сотен верст друг от друга: одно в Азовском, а другое в Каспийском море.

Это-то тесное сближение Дона с Волгой около Дубовки и Царицына, это выгодное положение Царицына в крутом повороте Волги издревле придали поселкам этой местности важное значение. Трудно сомневаться, что упоминаемый арабским писателем X века ибн Дастом ¹⁷ торговый хазарский город Сарашен и был тем самым татарским «Сара-чин» («желтые пески»), который русские люди переделали впоследствии в понятный их уху Царицын ¹⁸.

По предположению Карамзина ¹⁹, хазарский Саркел ²⁰, или Белая Вежа, главнейший населенный центр Дона в древние века, находился близ того именно крутого колена Дона, которым он подходит к Царицыну.

Дикие тюркские племена, некогда кочевавшие в степях южной России, пользовались этим местом сближения великих русских рек для того, чтобы перетаскивать свои хищнические ладьи из одного главного водного пути в другой. Наши предки славяне точно так же пользовались этим удобным волоком при своих набегах на Поволжские и Каспийские страны, как мы знаем это из подробных рассказов древних арабских писателей ²¹.

Впоследствии по этим же естественным волокам двигались из Дона в Волгу и из Волги в Дон донские и волжские казаки ²², понизовая разбойничья вольница, а подчас и царские рати. Оттого-то с древних времен существовал в этом месте между Волгой и Доном, сейчас же выше Царицына, земляной вал с укреплениями, преграждавший путь хищным кочевникам в глубину России. Следы этого вала, поддерживаемого еще при Петре Великом, видны до сих пор ²³.

Оттого же Царицын с первых дней своего построения при царе Иване Грозном ²⁴ стал своего рода передовым редутом русского царства против кочевой азиатчины и волжских разбойников, а впоследствии, по замирении Поволжья и водворении здесь сильной государственной власти, обратился в важный торговый пункт.

Дубовка ²⁵ несколько ранее Царицына воспользовалась исключительными выгодами местности и уже давно была соединена с Качалинской станицей ²⁶ Дона конно-железною дорогой, теперь упраздненною. Еще раньше гениальный взгляд Петра едва было не соединил каналом Волгу с бассейном Дона ²⁷. Только канал этот рылся несколько севернее, у города Камышина ²⁸, из маленькой речки Камышенки ²⁹ в реку Иловлю ³⁰, которая верховьем своим подходит почти вплотную к Волге и еще ближе к Камышинке, а затем течет параллельно с Волгой до впадения своего в Дон как раз у того места, где он круто поворачивает на юго-запад. Собственно говоря, Иловля с Камышинкой и служили издревле путем водного сообщения Дона с Волгой, и волок судов происходил всего только на ничтожном расстоянии, отделяющем верховья Иловли и Камышинки. В настоящее время, с постройкой коротенькой железной дороги от Царицына до станции Донской и целой системы других железных дорог ³¹, соединивших Царицын через Грязи ³² и Орел ³³ со всеми областями и торговыми центрами России, точно так же, как с западною границей и приморскими портами,

значение понизового волжского порта всецело перешло в Царицын. Он стал естественным центром торговых сношений Каспия и Волжского низовья с остальной Россией и обратился мало-помалу в громадный склад соли, рыбы, нефти и хлеба, превысив своим населением многие губернские города.

За Царицыном пейзаж Волги совершенно изменяется. Степная Волга, Волга киргизов и калмыков, можно сказать, кончается здесь. Кончается (или, вернее, начинается) сейчас же против Царицына и Ахтуба³⁴, эта река кочевников, орошающая их улусы. Невдалеке от того места, где она отделяется от коренной Волги, стоит город Царев³⁵, вероятно, бывший «Сарай» ханов Золотой Орды, бывшая столица кочевий, до сих пор полная древних развалин и насыпей³⁶.

Кончается на правом берегу и Астраханская губерния, и начинается Саратовская. Царицын уже уездный город Саратовской губернии³⁷. Вместо калмыцких кочевий у Царицына придвигается чуть не к самой Волге область донских казаков, так что Саратовская губерния отделяет ее здесь от Волги только узким клином. По левому берегу, однако, Астраханская губерния тянется еще довольно долго, до впадения Еруслана³⁸, где уже граница Самарской губернии. Это степи некогда знаменитого соляного озера Елтона³⁹, значение которого подорвано теперь таким же обильным солью Баскунчакским озером⁴⁰, гораздо более близким к Волге. Елтон, впрочем, продолжает по-прежнему добычу соли, отправляя ее через Царев в Дубовку, Камышин, Никольскую слободу.

Горные берега Волги много живописнее ее низовых берегов. Они стоят отвесными стенами, разделенные своими оврагами, будто крепостная ограда, на бастионы, люнеты и башни⁴¹ — на так называемые здесь «столбичи» или «шиханы»⁴². <...>

— В.М. Сидоров —

ВОЛГА

[первая половина 1890-х гг.]

<...> Мы подошли к Царицыну. Он даже с Волги некрасив. Масса лачуг, масса судов, лес мачт, крутики¹, на вершинах которых распустились серые, жалкие лачуги, готовые упасть вниз вместе с размываемой глинистой горой, вследствие чего мелеет берег. Бывшая крепость во времена Иоанна Грозного², выстроенная на краю света тогдашнего времени, выдвинутая в страну кочевников, лежа между Волгой и Доном, несмотря на свое выгодное положение и на железные дороги, связывающие город и с Калачем-на-Дону³, и через Грязи⁴ со всеми городами⁵, Царицын имеет вид неопрятного, душного, пыльного села,

окруженного целым рядом деревень, полных бедных лачуг, неприглядных землянок, серых хибарок, жалких мазанок и покачнувшихся изб. Точно громадное азиатское селение лежит Царицын по косограм и оврагам при впадении совсем высыхающей летом реки Царицы. Вдоль берега — море судов. Они, словно громадное стадо, прижались у высоких скатов берега и это чуть ли не единственно интересное в Царицыне, даже вид на колоссальную реку, которая от толчка почти безводной Царицы⁶ поворачивает несколько к востоку, не представляет ничего особенного. Мне пришлось провести сутки в этом городе и мне показалось, что я пробыл в нем целую неделю. Взгромоздившись по высоким лестницам на вершины крутиков, я попал в город, который представлял целое море раскаленной пыли и сыпучих песков. Я буквально тонул в горячем песке, который немилосердно жег ноги. От каменных домов, от длинных кирпичных сараев, амбаров и всевозможных складов, как и от земли, веяло зноем и приходилось дышать раскаленными струями воздуха. Нигде ни деревца, ни кусточка, только пучки засохших трав, подорожники, ковыль да проскурняк торчали по оврагам и улицам. Я вышел на громадный пустырь, составляющий центральную площадь города. Здесь среди туч пыли и гор песка, среди неприхотливых зарослей ромашки и нескольких желтых сгоревших злаков, стоят, чередуясь с лачугами, каменные палаццо, которые поневоле заставляют вас раскрыть рот от удивления. Положение Царицына на углу Волги, на двух железных дорогах, сделало его крупным торговым центром, поэтому деятельность здесь кипит, потому рядом с бедностью и голюю, с лачугами и землянками высятся каменные здания. Здесь на этом пустыре вблизи хорошего здания гимназии, Успенского собора⁷, церкви Иоанна Крестителя, по преданию, выстроенной на месте прежнего Батыева дворца⁸, Троицкой церкви⁹ и банка, составляющих довольно красивую группу, поднялась гигантская и великолепная руина, полная молчаливого величия, полная царственной красоты сгоревшая в 1887 году гостиница Божеского¹⁰. Жаль, что эти величавые стены в колоннах и лепных украшениях не видны с Волги, которой они так к лицу своими грандиозными размерами. Здесь были и номера, и ресторан, и театр, и клуб, и магазины, и городское управление, а теперь черные отверстия окон зияют между громадных обгоревших колонн, ласточки с громкими криками носятся над развалинами, приклеивая свои гнезда к уцелевшим карнизам и украшениям, да трава растет из трещин, свешиваясь над молчаливыми стенами.

В городской управе мне показали главную достопримечательность Царицына. Это дубинка из черешни, суковатая и толстая, и картуз, обитый мехом и изрядно попорченный молью, Петра Великого, подаренные императором городу в 1722 году со словами: «Вот вам моя палка, обороняйтесь ей против ваших врагов, как я управлялся ею со своими друзьями; а вот моя шапка, как ее никто не смел снять с моей головы, так никто пусть не посмеет вывести вас из Царицына»¹¹...

На спусках и косогорах к реке Царице находится увеселительный сад Конкордия с летним театром для опереток, если можно назвать садом это отгороженное место и театром этот деревянный балаган. Только у вокзала Грязе-Царицынской железной дороги разросся маленький садик с несколькими беседками, затянутыми диким виноградом. Он один не выгорает и остается единственным зеленым островом среди выжженной степи и раскаленных песков, только благодаря тому, что его ежедневно поливают, открывая краны водопроводных труб и наводняя все канавы, по которым рассажены кусты ароматной иерусалимской вербы и деревья. Водопроводная башня ¹², поднявшаяся над этим хаосом зданий, играет здесь двоякую роль: кроме прямого своего назначения, она каланча, и с нее открывается далекий вид и на обгорелые степи, и на Заволжскую сторону, сливающуюся с туманами.

Я долго бродил по городу. Зной был нестерпимый. Царицын спал, окутанный мертвой тишиной, и только изредка попадались мне навстречу еле переступавшие волны, запряженные в большую телегу. Насколько скучен, апатичен и бездеятелен был Царицын, настолько шумен и полон деятельности был Нобелевский городок ¹³, лежащий между двумя оврагами ниже по Волге, у самого Царицына и выставивший свои гигантские цистерны и баки. Шум, гам, треск там не прекращается. Керосин льется по трубам из цистерн в нефтяные вагоны и в наливные суда... Здесь еще душнее, еще жарче, и голова идет кругом от стука и грохота, и я бесконечно был счастлив, когда пришлось покинуть этот знойный, душный город и мчаться дальше от него. <...>

Пароходы, оставив Царицын, плывут по последнему Астраханскому плесу, совсем не похожему на все остальное течение могучей реки, и кажется, что это не Волга, что плывешь по другой реке, ничего не имеющей общего с русской могучей красавицей. Горы исчезли, отбежали от Волги и пропали в знойной степи. Бесплодные, необозримые равнины раскинулись во все стороны, низкие песчаные берега падают в реку унылыми скучными обрывами. Кое-где шумят камыши, разросся тальник да торчат осоки. Жара и духота с каждой минутой делаются все нестерпимее, отсутствие всякого ветерка, полное безветрие, вследствие которого река катится, как зеркало, без малейшей зыби, делает духоту в течение дня ужасно томительной, а однообразие берега убивает всякий интерес.

Наш пароход подошел к пристани у высокого глинистого прокаленного и покрытого трещинами обрыва. Это была пристань Сарепты, совсем не видной с Волги. Публика поспешила купить пресловутую горчицу ¹⁴ и сарептский бальзам ¹⁵, продаваемый на пристани.

До колонии Сарепты от Волги 7 верст, которые проезжаешь в линейке ¹⁶ за 50 копеек по довольно живописной дороге, ползущей по холмам и полям, а затем по душной и пыльной степи. С вершины одного из холмов открывается вид на Сарепту, этот мирный, словно отрезанный от всего мира уголок, запрятанный за степи и холмы, живу-

щий своею совершенно замкнутою жизнью, утонувший своими маленькими, беленькими домиками и кирхой в зелени тополей, фруктовых садов и виноградников. Ярко-желтыми коврами разлеглись повсюду поля цветущей горчицы, одевшие косогоры и холмы, а красные трубы фабрик поднялись над колонией. Это маленький немецкий мирок, мирный уголок, полный спокойствия и тишины, устроенный призванными из Богемии Екатериной Великой немцами религиозной секты гергунтеров¹⁷ или моравских братьев¹⁸, облюбовавших это место и обосновавшихся здесь. Колония, несмотря на погром Пугачева¹⁹ и пожары, находится в цветущем состоянии, пользуясь массой особых привилегий, поддерживаемая с первых шагов государством, освобожденная от рекрутского побора, имеющая свой суд, свою полицию, право на винокурение, на торг по всей России. Моравские братья назвали свою колонию Сарептой в память шествия пророка Илии по таким же знойным степям к городу Сарпату²⁰, а речка Сарпа²¹ своим названием еще более подвинула на это. Колония очень благоустроена, цветуща, ее фабрики, и горчичные, и ткацкие, и винокуренные, и заводы процветают, ее густые тополя бросают синюю тень и на площадь с церковью, со школой, с беленькими и чистыми домиками, и на улицу, но вас давит тоска, вас гнетет это молчание, это отсутствие жизни, словно вы попали в монастырь с его громадными мертвыми залами и должны сами таить тягостное молчание. Колонисты, принадлежат к религиозной секте, мирные, полезные люди, отличаются нравственностью, своим равенством и имеют в основе упрощенное христианство. Любить Бога и ближнего — их девиз. Проводя весь день в работе, они посвящают свой отдых духовному пению, религиозным беседам и чтению. Здесь нет ни ресторана, ни клуба, ни сада с музыкой, ни танцев, все это изгнано, и вы чувствуете себя в этой безжизненной Сарепте точно в суровом ските. Здесь вы не увидите ни веселья, ни приветливых улыбающихся лиц, не услышите ни смеха, ни криков, ни оживления. Все чинно, все спокойно, все углубилось в себя, даже лица колонистов с их неподвижными взглядами приняли какое-то безжизненное, деревянное выражение, и вас, живого человека, тянет из Сарепты, с ее невозмутимой тишиной и давящим молчанием, из-под тенистых тополей и кленов, которыми засажены улицы, тянет и в пыль, и в зной степей, тянет и на Волгу, и в толчею душного Нобелевского городка, тянет к жизни, всюду, где слышится речь, пение, крик, стук, и просто кажется невыносимой эта библейская тишина немецкого уголка на берегу извивающейся среди горчичных полей реченки Сарпы²².

Речка Сарпа — последний приток Волги. Это целая система небольших озер, соединенных речкой. Как хорош вид с гор, окружающих Сарепту! Вся Сарпинская долина как на ладони, а колония с ее садами и аллеями, заводами и домиками лежит у ваших ног. Кругом разлеглась унылая степь, убегающая к синеватой вдали Волге. Этот громадный район до самого Царицына, виднеющегося на горизонте,

эта извивающаяся Сарпа, это безбрежное, знойное, синее небо и эта давящая тишина производят глубокое впечатление. <...>

☞————— И.Е. Шевченко-Красногорский —————☞

ПО ВОЛГЕ И КАСПИЮ **[первая половина 1890-х гг.]**

<...> Поздно вечером покинув Камышин ¹, мы ночью остановились у посада Дубовки ², верст тридцать ниже которой Волга раздваивается, отделяя от себя влево широкий, параллельный главному руслу рукав — Ахтубу ³. Утром пароход пристал к Царицыну.

Волнистым и донельзя пыльным спуском соединяющийся с пристанью, Царицын в сухую пору года поражает прежде всего страшной пылью. Построенный на известково-песчаной возвышенности правого берега — говорят, что и название свое Царицын получил от татарских слов «сара-син», означающих «желтый песок»⁴, — город, доселе не знающий, что такое мостовая, буквально утопает в пыли⁵. Мелкая и очень едкая, она густыми тучами постоянно носится по улицам и площадям и, несмотря на закрытые окна с двойными рамами, назойливо проникает в комнаты; при западном же ветре она заносится даже на Волгу, над которой и стоит тогда горохового цвета облаком. Порывистая пыль Усть-Казанской пристани⁶ — ничто в сравнении с тою непрерывною, непроглядною пылью, какую в течение летних жаров принуждены глотать царицынцы, наживая себе хронические болезни глаз и дыхательных органов. Обилием этих недугов Царицын сильно опередил остальные волжские города, как ни плохи они в санитарном отношении⁷.

Неприятность первого впечатления усугубляется почти полным отсутствием в городе всякой растительности. Узкие, кривые, полупустынные улицы, площади с убогими базарами, линии мизерных домов и лавок — все это смотрит очень уныло. Взоры тоскливо ищут зелени, но ее нет, за исключением лишь жалкого, с чахлыми деревцами, общественного сада под названием «Конкордия». Тенистый садик при станции железной дороги находится на окраине города и открыт только до 8 часов вечера. Городской же сквер только недавно разведен и когда еще разрастется и окрепнет.

Лет пятнадцать тому назад в Царицыне сосредоточивалась едва ли не вся, особливо зимняя, рыбная торговля низовьев Волги. Большие лабазы⁸ для мороженой, сушеной и вяленой рыбы и до сих пор торчат вдоль берега, большею частью совсем пустая, так как теперь центр волжско-каспийской рыбопромышленности переместился в Астрахань. За Царицыном же остается значение преимущественно перевалочного

пункта для товаров, идущих из внутренних и западных губерний на Каспий и обратно. Это грузовое движение, будучи ограничено временем навигации в низовьях Волги, поневоле должно выражаться в особой напряженности работы на пристанях. Главнейшая из них — «Соляная» — самое оживленное место в Царицыне. С весны до глубокой осени здесь с раннего утра до вечера кипит неустанная работа по выгрузке и нагрузке товаров, как из вагонов в баржи, так и из баржей в вагоны, которые подаются сюда по рельсам, соединяющим пристань с железною дорогою.

Немало дела и на другой товарной пристани — «Волго-Донской» — откуда по ветви той же железной дороги направляются до Калача⁹, а потом по Дону, соль из астраханских озер и лес из губерний Вятской и Пермской. С верховьев Волги и с Камы лес сплавляется плотами либо перевозится до Царицына на «белянах»¹⁰ — огромных, неуклюжих, на скорую руку сколоченных барках. Беляны — они называются так потому, что их не осмаливают и не окрашивают — высоко нагружаются брусьями, балками, досками и разными деревянными изделиями; нередко они еще несут на себе целую, в собранном виде, избу, предназначенную куда-нибудь на рыбные промыслы — в безлесную дельту Волги, а не то и дальше, на Каспий.

В волжском судоходстве Царицын, дополняя в этом отношении Нижний Новгород¹¹, играет роль рынка для найма рабочих на судах и пристанях. Обыкновенно у каждого пароходства из года в год служит одна и та же команда. Хотя по прекращении навигации пароходчики рассчитывают рабочих, оставляя лишь очень немногих для каких-либо зимних занятий, однако при самом роспуске команды сговариваются с нею и относительно будущей навигации, так что к открытию судоходства рабочие большею частью возвращаются назад, прямо на прежние места. Тому же порядку следуют и владельцы парусно-весельных и сплавных судов. За всем тем всегда оказывается надобность в пополнении команды. Если вопрос касается капитанов, механиков, их помощников и тому подобных специально подготовленных к делу лиц, то наем производится преимущественно в Нижнем, в течение зимнего времени. Когда же требуются простые матросы и чернорабочие на судах и пристанях, то для найма пользуются царицынским рынком. Сюда весною, перед самым вскрытием Волги, набираются из соседних губерний сотни крестьян, предлагающих свои услуги. Чем хуже были сборы хлебов в минувшую осень, тем гуще бывает наплыв ищущих работы и тем ниже падают цены на труд. Какой-нибудь единообразной заработной платы на судах волжского коммерческого флота не существует. Но приблизительно можно определить, что в среднем, при обычных условиях, простые рабочие и матросы получают, на своих харчах, рублей по семи-восемью в месяц. Старшим матросам, а также штурвальным, вертящим рулевое колесо, и кочегарам дают рублей до двенадцати. Масленщикам, опять-таки на их собственном содержании, платится рублей по восемнадцати. На судах непаровых высшее

жалованье, около двадцати пяти рублей в месяц, на своих харчах, получает «водолив», исполняющий обязанности командира судна. Подручному водолива плата не превышает пятнадцати рублей, матросам же приходится довольствоваться шестью-семью рублями в месяц на своем содержании.

Труд на судах считается легче многих других отраслей рабочей деятельности, и со стороны можно, пожалуй, даже позавидовать положению матроса, когда ему противопоставить положение, например, углекопа. Но если присмотреться внимательнее, то нельзя не заметить, что жизнь на судах далеко не красна. Начать с того, что в полугодовой период навигации — в среднем итоге волжская навигация продолжается около двухсот дней — никаких праздников на судах не справляется, так что команда не знает целодневных отдыхов, а между тем судовая служба требует постоянного напряжения — и мускульного, и нервного. Далее, служащим на судах приходится до поздней осени работать при всякой погоде, нередко под проливным дождем и при резком холодном ветре. Масленщики и кочегары, находясь в закрытом помещении, хотя и защищены от непогоды, зато должны выносить другие невзгоды, особенно адскую жару со всеми ее вредными для здоровья последствиями. Масленщики же, кроме того, при малейшей неосторожности рискуют еще быть искалеченными, а не то и сразу убитыми шатуном или поршнем машины, при полном ходе которой нужно подливать масло в разные части механизма.

Принимая в расчет всю совокупность подобных условий службы, мы не можем не признать весьма скудным тот заработок, которым принужден довольствоваться низший судовой персонал на Волге. Этот заработок исключает, конечно, всякую возможность каких-либо сбережений на черный день, а так как на случай старости, болезни или увечья никакого фонда обеспечения служащих до сих пор не имеется, то утрата ими способности к труду, хотя бы и происшедшая, как это часто бывает, благодаря самой службе, почти всегда сводится на практике к необходимости побираться Христовым именем. Нельзя поэтому не отнестись с полнейшим сочувствием к возникшему недавно в правительственных сферах намерению ввести обязательное страхование всех служащих на русских коммерческих судах, в том числе капитанов, механиков и их помощников, с тем, что страхование не ограничится одними несчастными случаями, каковы увечье или смерть при исполнении обязанностей службы, но обнимет собою вообще всякую неумышленную потерю трудоспособности. Остается пожелать только, чтобы такое намерение осуществилось возможно скорее.

Версты полторы выше Соляной пристани расположился вдоль берега Нобелевский городок¹² — небольшой, правильно распланированный, с внешней стороны очень опрятный поселок. Здесь, в маленьких, чистеньких, снабженных садиками домиках, живет десятка три служащих фирмы «Людвиг Нобель»¹³. В этом «городке» фирма имеет громадные, на

миллионы пудов, склады нефти и керосина, хранящиеся в железных, цилиндрической формы, цистернах, из которых каждая вмещает в себя до восьмидесяти тысяч пудов.

Нефть, главным образом в виде нефтяных остатков, привозится сюда из Баку¹⁴ в железных, преимущественно же в деревянных судах — «нефтянках». Как в тех, так и в других она, ради удешевления доставки, везется, обыкновенно, не в бочках и не в иной какой-либо посуде, а совершенно свободно, «наливом», то есть просто наливается с помощью насосов в трюмы судов. Здесь же, в складах, она, тоже при помощи насосов, накачивается в цистерны. Эта незамысловатая операция ведется недостаточно осторожно, вследствие чего немало нефти при выкачивании каждый раз попадает в Волгу и сносится вниз, к Царицыну еще больше загрязняя и без того уже не отличающуюся чистотой волжскую воду. Впрочем, не одним только царицынцам приходится пить воду с примесью нефти. На всем протяжении Волги можно с парохода видеть в разных местах разбросанные по поверхности воды большие пятна темно-бурого цвета с перламутровым оттенком. Это плывет нефть, отчасти пролившаяся при перекачках, отчасти же просочившаяся сквозь стенки и днища деревянных «нефтянок». Такие суда, хотя бы даже совершенно новые и крепкие, никогда не могут быть настолько плотны, чтобы вовсе не давать течи; а так как в большинстве случаев деревянные «нефтянки» стары и плохо проконопачены, то налитая в них нефть обильно просачивается в воду, особенно при волнении. Сколько вследствие этого теряется нефтяных продуктов, с точностью определить невозможно. Судя же по тому, что доставщики выговаривают себе безответственность за утечку дорогою не менее трех процентов с общего количества, принятого на доставку в деревянной барже, и что по Волге в течение навигации проходит до ста миллионов пудов нефтяных грузов, из которых только самая ничтожная часть идет в железных баржах, мы должны заключить, что в Волгу попадает ежегодно по меньшей мере миллион пудов нефти. При теперешней ее дешевизне — нефтяные остатки продаются копеек по десяти за пуд — убыток от этой утраты для каждого лица в отдельности не так ощутителен, чтобы понудить нефтехозяев обзавестись железными «нефтянками». Между тем систематическое насыщение Волги нефтью оказывает чрезвычайно пагубное влияние на волжское рыбоводство. Рыба не выносит присутствия нефти; сносимая же течением нефть прибивается к берегам и покрывает непроницаемую для воздуха пленкой как раз те мелкие заливчики, что обыкновенно избираются рыбою для метания икры. Мало того, что отравляемая таким образом вода непосредственно губит много только что народившейся рыбы, — эта последняя умирает еще от того, что нефть убивает личинки развивающихся в воде насекомых, которые служат главнейшей пищей молодым рыбам. Упадок волжского рыболовства объясняется в значительной степени именно этим обстоятельством. Устранить же его возможно лишь совершенным вос-

прещением перевозки нефти в деревянных «нефтянках» и строгим наблюдением за тем, чтобы перекачки нефти совершались с полной осторожностью.

Потребление в России нефти и ее продуктов сильно увеличилось за последние годы. На Волге и Каспии нефть, в виде так называемого «мазута», нефтяных остатков, нашла себе обширное применение в качестве парового топлива. В настоящее время почти все волжские и каспийские паровые суда обзавелись несложными приспособлениями к нефтяному отоплению. Как горючий материал, мазут, будучи несравненно дешевле дров или каменного угля, очень выгоден: шесть-десять пудов мазута дают при горении столько же тепла, сколько в состоянии развить сто пудов угля. В данном случае выгоды пароводчиков совпадают с нашими общественно-хозяйственными интересами в том отношении, что благодаря нефтяному отоплению сокращается потребление дров, иначе говоря, уменьшается лесоистребление.

После двухдневного пребывания в Царицыне снова очутился на Волге.

У пристани, бок о бок с пароходом, который должен был увезти меня в Астрахань¹⁵, стоял другой пароход, поменьше. Весь опутанный железными решетками и проволочными сетками, превратившими половину верхней палубы в настоящую клетку, этот арестантский пароход производил удручающее впечатление. Для заключенных отведена на нем большая каюта с нарами вдоль стен и поперек. От частых решеток на окнах помещение выглядит мрачным. У запертой на висячий замок двери, тоже с решетчатым окном, стоит часовой с ружьем. Остальная команда, человек из десяти, занимает противоположную каюту.

— Это еще что, — благодать! — говорил нам один из наших спутников, поясняя, что волжские арестантские ходы, по своей относительной приспособленности к пересылке заключенных, должны считаться вполне удовлетворительными сравнительно с теми безобразными баржами, что возят арестантов по Каме и сибирским рекам. Оно, может быть, и так на самом деле, только все же чувствуешь себя как-то легче, когда сойдешь с такого парохода-тюрьмы.

Впрочем, не весь пароход обращен в тюрьму; часть его предназначена для вольных пассажиров третьего класса. Таковых на этот раз было очень немного, и между ними выделялся совсем еще молодой крестьянин, отправляющийся на военную службу. Ему почему-то была дана отсрочка до конца мая. Теперь, провожаемый матерью, женою и какими-то родственниками, он ехал в Астрахань. Проводы вышли грустные: мать, жена, да и сам провожаемый, старавшийся бодриться и утешать своих, так горько плакали, обнимаясь и целуясь, что пароводный агент распорядился отпустить пароход несколько раньше назначенного по расписанию времени, чтобы сократить минуты расставанья. Один только из свидетелей этой сцены — сторож на пристани, отставной солдат, типичный представитель старых служак — не поддавался общему настроению и не упустил случая, вероятно, уже не впер-

вые, презрительно отозваться о теперешней солдатской службе, по его словам, ровно ничего не стоящей.

Через час тронулся и наш пароход. Нельзя сказать, чтобы Волга в этом течении была привлекательна, скорее наоборот. Ширина ее разрастается, зато оба берега, из которых правый становится все ниже и ниже, чуть не сравниваясь с левым, выглядят скучно, будучи лишены всякой растительности на протяжении около тридцати верст. Лишь вблизи Сарепты густая сочная поросль одела оба берега.

Пристанище евангелического братства «гернгутеров»¹⁶, Сарепта едва ли не самая замечательная колония на Волге. К моему сожалению, мне не довелось побывать в ней: пароход стоит здесь только четверть часа. С парохода же она совсем не видна, и потому пришлось удовольствоваться раньше полученными сведениями о том, что культура хлебов, горчицы¹⁷ и табаку¹⁸ достигла в Сарепте больших успехов, благодаря примерному трудолюбию и строгой нравственности этих «моравских братьев»¹⁹; что живут они очень дружно, поддерживая один другого; что среди них нет безграмотных, но немало лиц, получивших образование в университетах, преимущественно немецких²⁰.

За Сарептою растительность снова прекращается. Тоскливо смотрятся гладкие, точно рубанком срезанные стены правого берега. Мы быстро удаляемся от него, огибая один из тех длинных островов, что вереницею потянулись вдоль реки. Пароход держится теперь ближе к левому берегу, низкому, болотистому, окрашенному в однообразный грязно-желтый цвет. Все, что видит глаз направо и налево, все это залива-ется в половодье и превращается в сплошную водную равнину, шириною в несколько десятков верст. После же спада воды, когда с наступлением жаров глинисто-солончаковая почва начинает медленно просыхать, воздух насыщается обильными испарениями, тем более вредными, что после разлива всегда остается множество мелкой мертвой рыбы, ракушек и разных органических веществ, разлагающихся на солнце. Отсюда — постоянные перемежающиеся лихорадки, господствующие в этой, вообще нездоровой, местности. <...>

☞————— П.А. Крушеван —————☞

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ [1895]

<...> 20 августа.

Всю ночь свирепствовал ветер, сливаясь с плеском и шипением реки. Гудок ревел почти непрерывно, будя тревогу: так и казалось, что пароход в непроницаемом мраке врежется в бегущие навстречу суда.

К утру ветер вдруг стих. И природа, и Волга будто замерли в изнеможении. Ярко-синее небо необыкновенно покойно. Солнце крас-

новатым золотым шаром выкатилось и застыло над безбрежной желтой степью.

Пароход заворачивает к царицынской пристани. Почти отвесные глинистые берега запружены конторками, баржами с лесом мачт и пароходами. Вдоль набережной разбросаны то хорошенькие европейские домики, то лачуги, совсем грязные и покосившиеся.

Здесь Волга связана с Доном железной дорогой, здесь же начинается и Грязе-Царицынская линия ¹. Рыбная и хлебная торговля все больше поднимают значение города. Он растет быстро. Еще десяток-другой лет — и сорокатысячное население его удвоится, и он станет одним из главных коммерческих узлов Поволжья.

На пристани сутолока, гам и говор на нескольких языках. Торговки продают, выкрикивая, какие-то вязаные шали и платки; армяне и греки — ковры, губки и туфли.

Оправляемся с Дю-Фаром ² в город. К каждой пароходной пристани проведены деревянные лестницы; несколько площадок и сотня ступеней; на площадках — лотки торговцев; опять ковры, фрукты, хлеб, рыба.

Город беспорядочно расползся среди пустырей неправильно разбитыми улицами. Какая-то смесь Азии и Европы; вид захолустно-неряшливый. Грязные улицы в навозе и корках арбузов; ноги вязнут в песке. И вдоль таких улиц в центре возвышаются двух- и трехэтажные изящные, нарядные дома с громадными, совсем европейскими магазинами, точно элегантная барыня, очутившаяся на скотном дворе.

Базар с деревянными бараками и лавками, скучившимися на грязной площади, совсем напоминает базар любого уездного белорусского города; так и кажется, что перенесся за тысячи верст, в какой-нибудь Рогачев ³ или Оршу ⁴. Торгуют армяне и русские; что ни армянин — то тип; все пучеглазые, черные, носатые, хотя и с довольно добродушными лицами. Горы овощей и фруктов; телеги нагружены арбузами и дынями; они же сложены пирамидами вдоль рядов; дальше — и капуста, и зеленый перец, и синие баклажаны, и красные помидоры; а рядом виноград, персики, шаптала ⁵, груши... Глаза так и разбегаются.

Заходим в рыбные лавки. Хотя теперь и не сезон, но рыбы масса. Тут же распластываются доставленные из садков осетры и выбирают икраные мешки. Икра рассыпается — что жемчуг. В резервуаре стадо живых стерлядей. Белая, как сало, туша белуги в несколько пудов лежит на выставке; длинные филей балыков висят вдоль стен; из них еще сочится янтарный жир; головизна — ни по чем, сельди — тоже. Покупаем фунт зернистой, только что очищенной икры. Стоит рубль.

За городом, к западу, вокзал. Там только и есть небольшой сад. Весь город имеет совсем облысевший вид: ни деревца. Нечем поливать — нет водопровода ⁶.

Подле вокзала кладбище, старинное, с разрушенной и заросшей канавой. Овцы, свиньи и ослы пасутся на нем. Дальше — голая, бурая,

выжженная и растрескавшаяся степь до самого горизонта. Изредка только попадает зеленый бурьян да где-нибудь кустятся калачики.

На площади, рядом с прекрасными магазинами, собралась группа татар⁷. Несколько бурых верблюдов, навьюченных разным домашним хламом и коврами, переминаются, покачивая своими овечьими головами с отвисшими губами. Подле них свирепого вида косматые киргизы в острых шапках и грязных халатах⁸. Должно быть, награбив ясак⁹, приехали откуда-нибудь из киргизских степей закупать товар.

Еще дальше встречаем татарку в синем ситцевом кафтане, верхом на осле. Желтое, почти землянистое, сморщенное лицо, черные, злые глазки, седые распущенные волосы. Совсем ведьма. Азиатский букет так и бьет в нос. Дю-Фар то и дело толкает меня, указывая на какую-нибудь диковинку.

В одном из трехэтажных домов «Столичная гостиница»¹⁰. Заходим выпить кофею. Гостиница совсем европейская, большая и чистая. При ресторане огромный зал, не меньше, чем у Омона в Нижнем¹¹. Открытая сцена с замысловато расписанным занавесом и около сотни столиков. Здесь — кафешантан¹² и биржа царицынского купечества; здесь истребляются пуды икры, пропиваются сотни рублей под звуки французских шансонеток¹³, совершаются крупные сделки на десятки тысяч пудов икры, осетрины, сельдей и сотни тысяч пудов хлеба. В двух шагах верблюды и киргизы, а тут — парижский каскад.

За кофеем съедаем всю икру. Дю-Фар, кажется, начинает понимать русский аппетит.

Нагружаемся мешочками с виноградом, персиками и грушами и сходим к пристани.

На пароходе такое же царство фруктов. Пассажиры спешат запастись ими. Бок о бок с «Новосельским» стоит «Вещий Олег». Вся палуба на нем загромождена арбузами. Прохода нет. А внизу колышется только что причалившая шлюпка, тоже с арбузами. Баба и несколько парней в кумачевых рубашках, фиолетовых штанах и лаптях перебрасывают их рабочим, что на палубе «Олега». Те ловят арбузы, как мячи. Иной раз арбуз шлепается и раскалывается. Баба, должно быть хозяйка, кричит на парней. Те как ни в чем не бывало пересмеиваются, разламывают треснувшие арбузы и въедаются всей своей загорелой рожей в красное сочное мясо.

Зеленые мячи все летят. В другом конце тащат корзины с виноградом, помидорами и персиками.

Крик, шум, перебранка, смех.

В этом хаосе, под рев гудка, пароход отделяется от пристани. Чем дальше — берега становятся все ниже, степь глаже и безжизненней. Берега то совсем голые, то убраны серо-зеленой бахромой тальника. Иногда промелькнет остров с изумрудной либо с рыжей щеткой камыша — и опять мертвая степь и степь без конца, с дрожащим маревом на горизонте.

Солнце все больше припекает. Пассажиры гуляют на галерее в легких летних костюмах. Дамы прячутся под цветные зонтики.

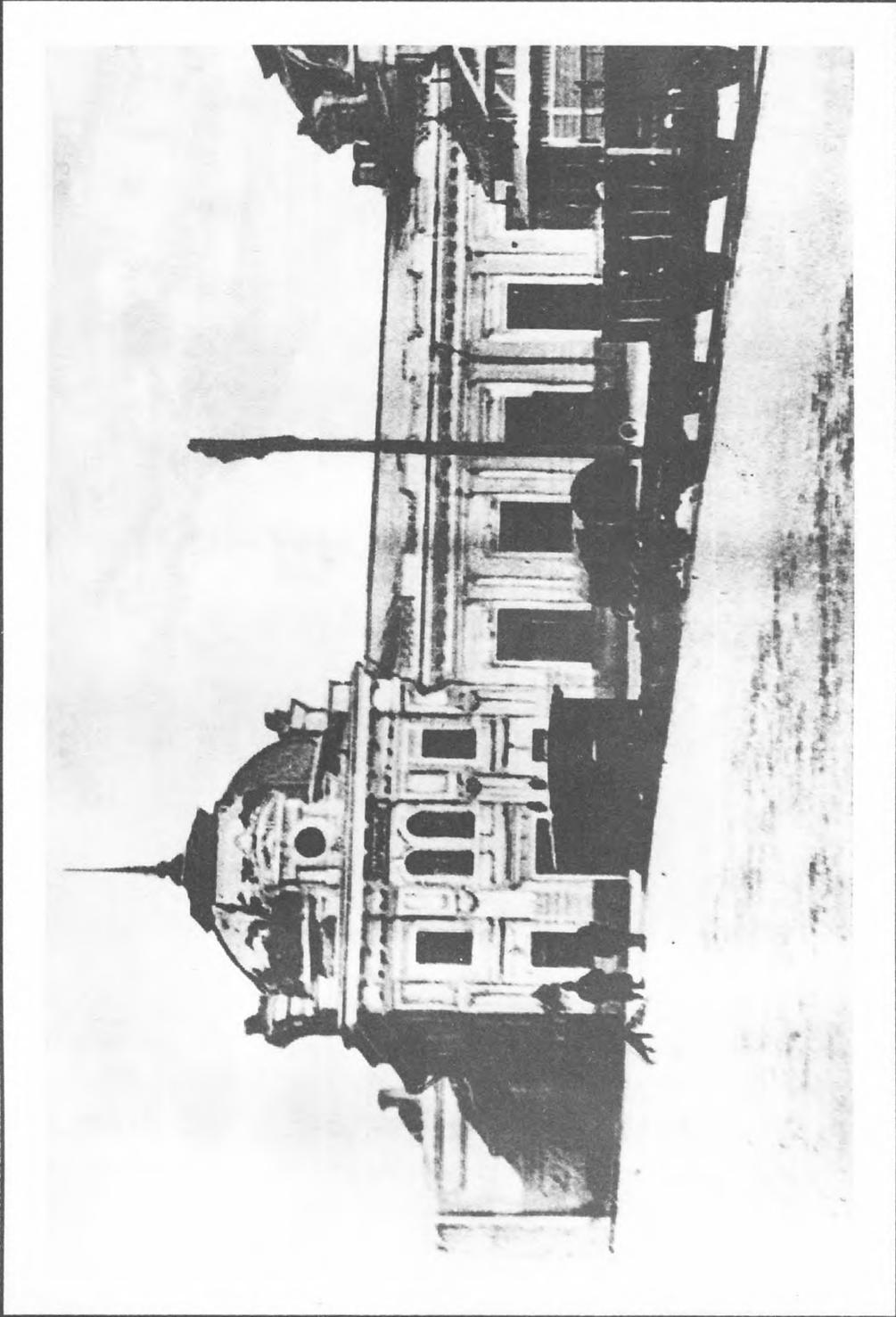
Публика смешанная, особенно палубная. Тут можно насчитать представителей нескольких религий и десятков сект. Старообрядцы¹⁴ разных толков, православные, католики, протестанты, грегорианцы¹⁵, евреи, буддисты-ламайцы¹⁶, магометане...¹⁷ Такая же смесь и в национальном отношении. Вон несколько солдат-блондинов, совсем белолицых, еще не успевших загореть северян-великороссов, подле — группа смуглых татар, тараторящих что-то непонятное; дальше — армяне и персы в синих куртках, туфлях и грязных платках на голове; потом опять русские, кажется раскольники, в бархатных жилетах поверх ситцевых рубаш на выпуск; напротив — несколько калмыков, и среди них калмыченочек лет десяти, должно быть, воспитанник какой-нибудь иноверческой школы, он в ученической блузе и форменной фуражке с зеленым околышком¹⁸. Лицо у него желтое, болезненное, глазки узенькие, уши оттопыренные, нос совсем расплюснутый. Калмыки вырождаются и, говорят, совсем вымирают, преимущественно от чахотки. И не мудрено: вся калмыцкая степь, что расплзается по правому берегу, — сплошное море пыли и песку. У калмыченка глаза так и сверкают, когда где-нибудь на берегу покажется лошадь. Должно быть, сын какого-нибудь нойона¹⁹ или зайсанга²⁰. Везут его учиться, а он рвется в степь, к родному улусу²¹, к его войлочным конусообразным кибиткам²², к его хурулу²³, где калмыцкие священники, гелюнги²⁴, учили его молиться их буддистскому богу — Далай-ламе²⁵.

Еще дальше видна группа немцев-колонистов в соломенных шляпах и синих куртках, с типичными рыжеватыми и сосредоточенно-глубокомысленными физиономиями немецких бюргеров. Их здесь много. Они и в третьем, и во втором классе. Есть и дамы-колонистки. Вид у них совсем презентабельный, «интеллигентный», одна даже в *pinenez*²⁶. Вяжут, шьют и ведут себя чинно, совсем цирлих-манирлих, разговоры исключительно на немецком. По-русски почти не понимают.

Один из немцев, которого спрашиваю, какое село видно впереди, ничего не отвечает, а только отрицательно мотает головой. <...>

Должно быть, едет в Сарепту к своим «братьям». Говорят, гернгутеры²⁷, или евангелическое братство последователей Гуса²⁸, сплотились в очень дружные братские общины в нескольких колониях. Больше других расцвела сарептская община. Строго корпоративный дух, братские принципы в общежитии, безукоризненная честность, неуклонный режим в трудовой жизни, высокая нравственность — все это из поколения в поколение сковывало в дружную религиозную семью колонистов. Но в последнее время и здесь возник раскол. Дух наживы проник в их среду. Некоторые успели сколотить миллионные состояния, началась эксплуатация своих же колонистов, а с ней и конкуренция, и разлад. Старики и теперь еще, обращаясь к ближнему, говорят «брат»; но молодежь уже не признает старины и прежней чистоты нравов. <...>

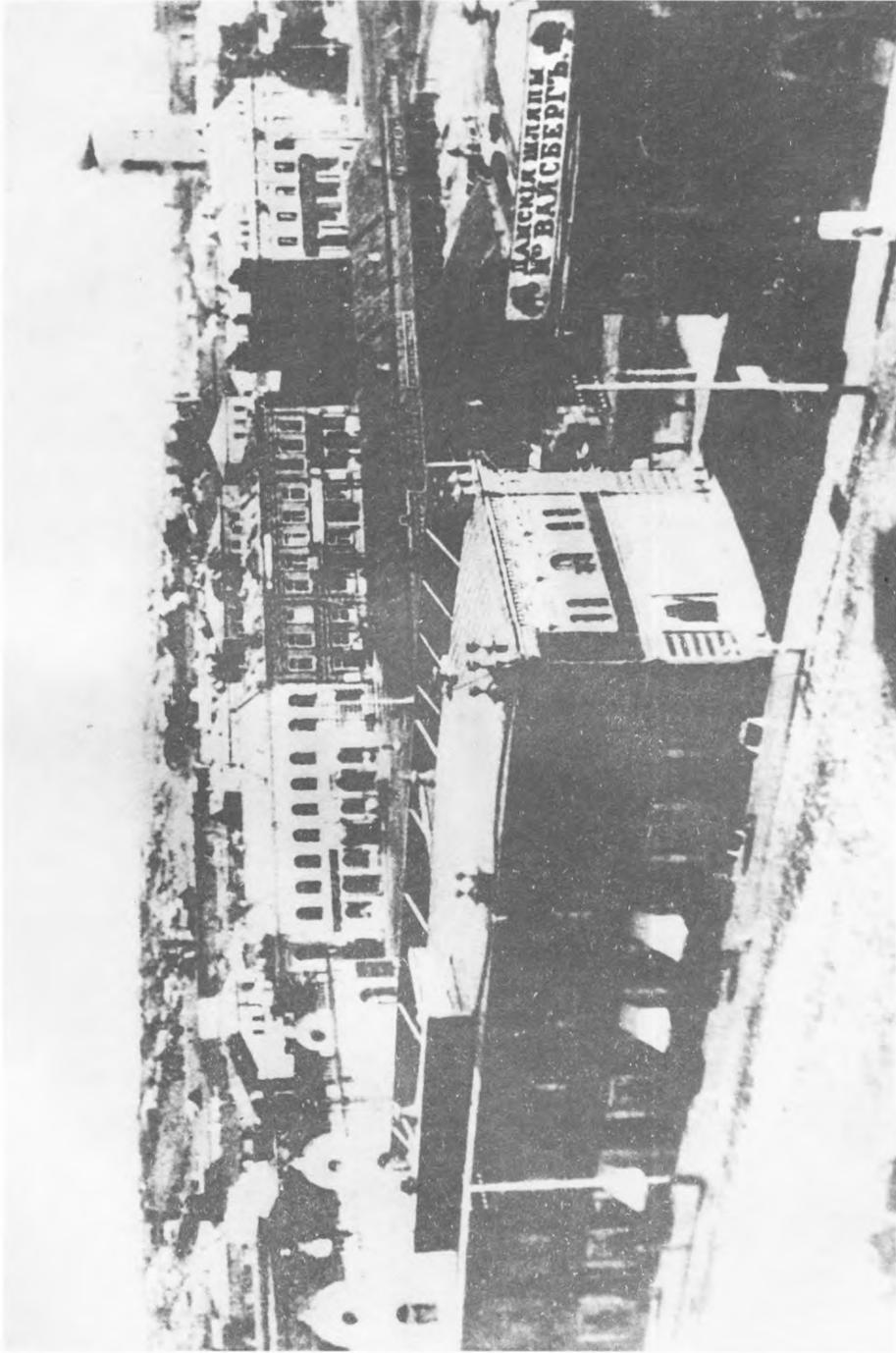
Пароход огибает остров и причаливает к сарептской пристани. Колонии не видно. Берег пустынный. Кроме конторки, в нескольких саженьях одиноко выглядывает будка. Туда бегут пассажиры. Справляюсь, в чем дело. Оказывается, там продается сарептский бальзам²⁹ и горчица³⁰. Иду вместе с Дю-Фаром. Песок по колени, ноги вязнут. У будки толпится все больше палубная публика. Бальзам раскупается нарасхват. Немец снисходительно, с необыкновенно важным видом, едва успевает передавать пузатые глиняные кувшинчики и штофы. Штоф³¹ — полтора рубля, кувшинчик — семь с половиной гривен³². Пароход зовет. Публика гурьбой бежит к конторке. <...>

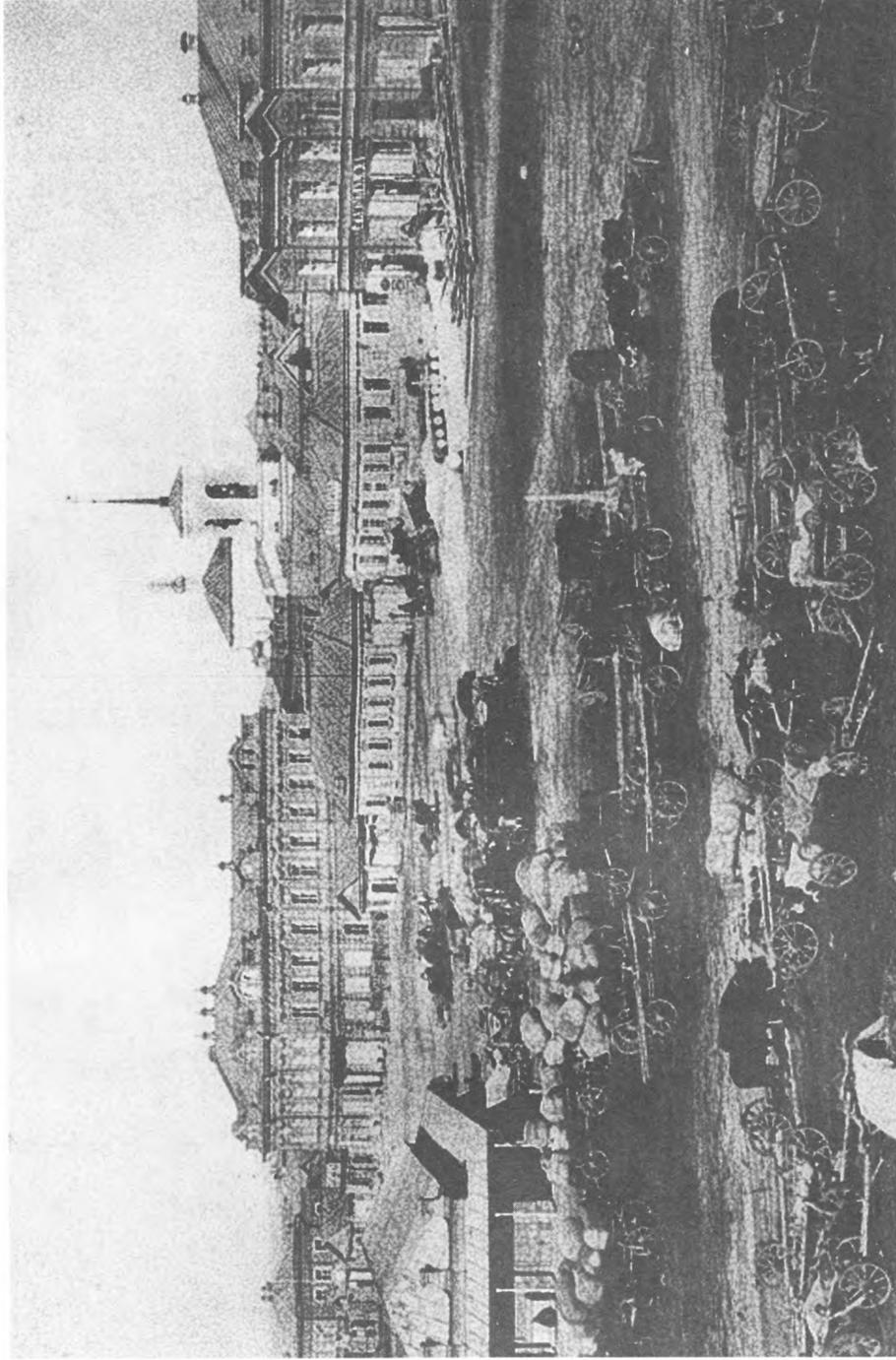
Вокзал Юго-Восточной железной дороги

Горчи́чный заво́д

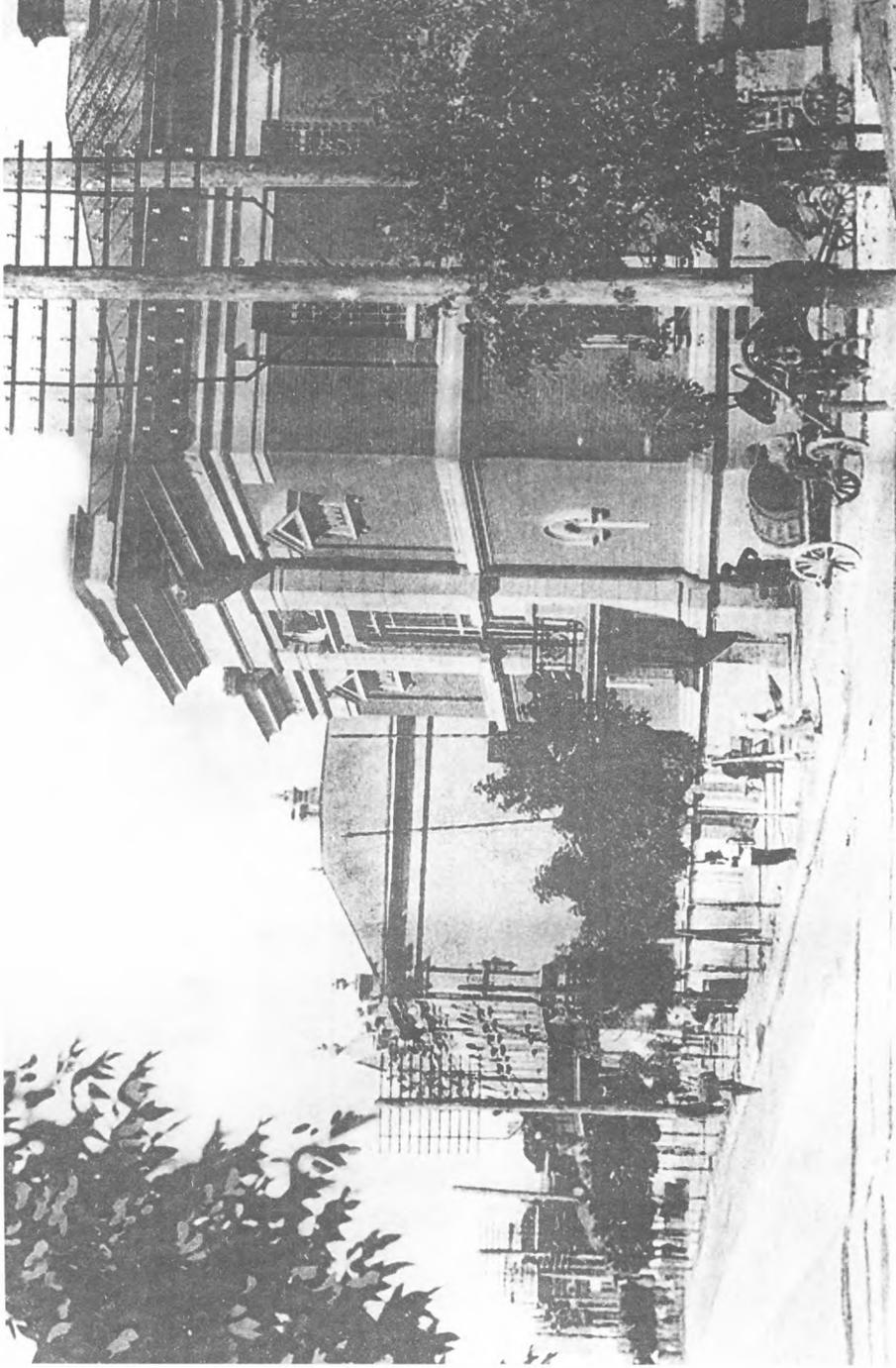
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАЗАР

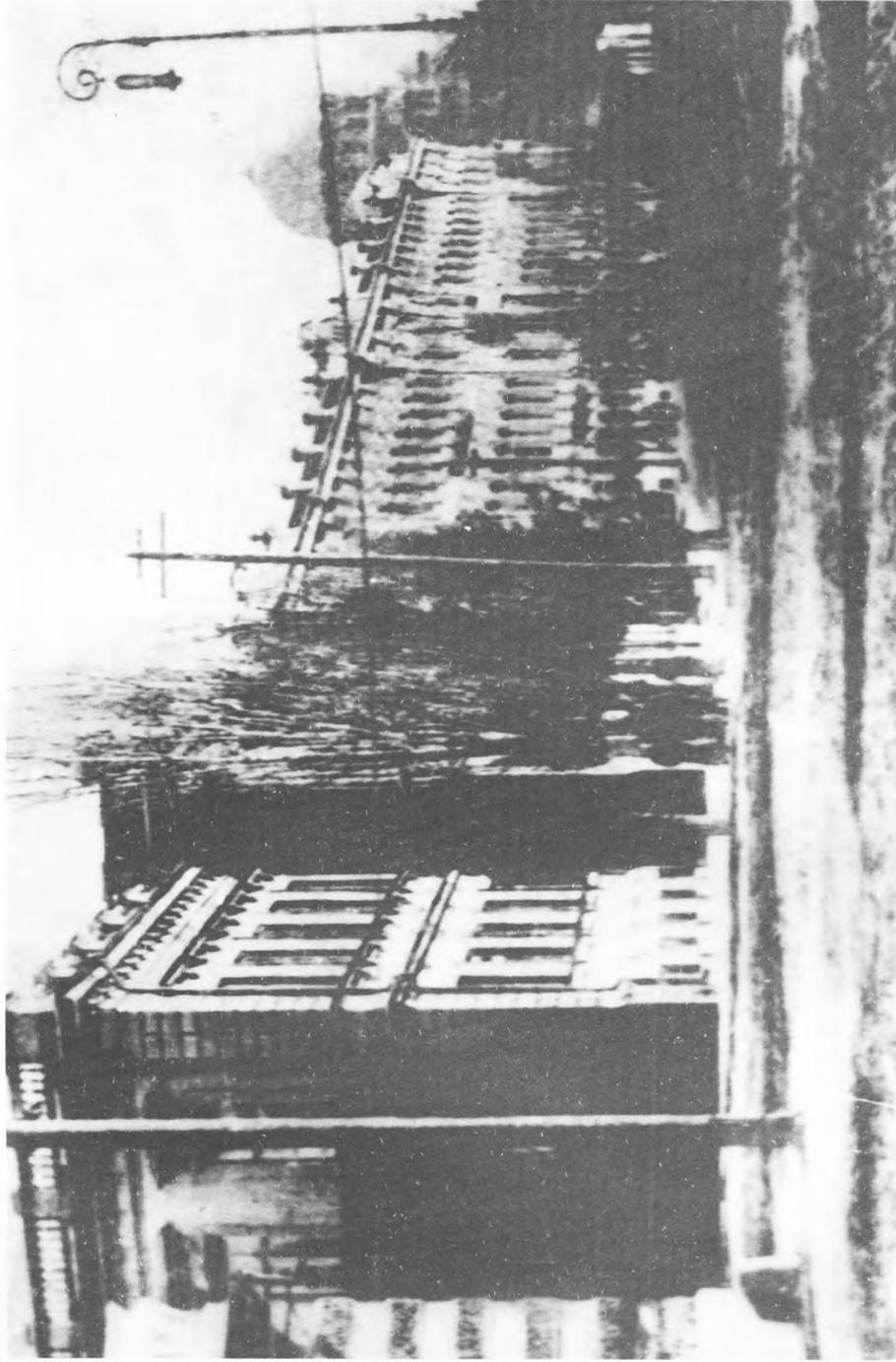
Базар в первой части Царицына

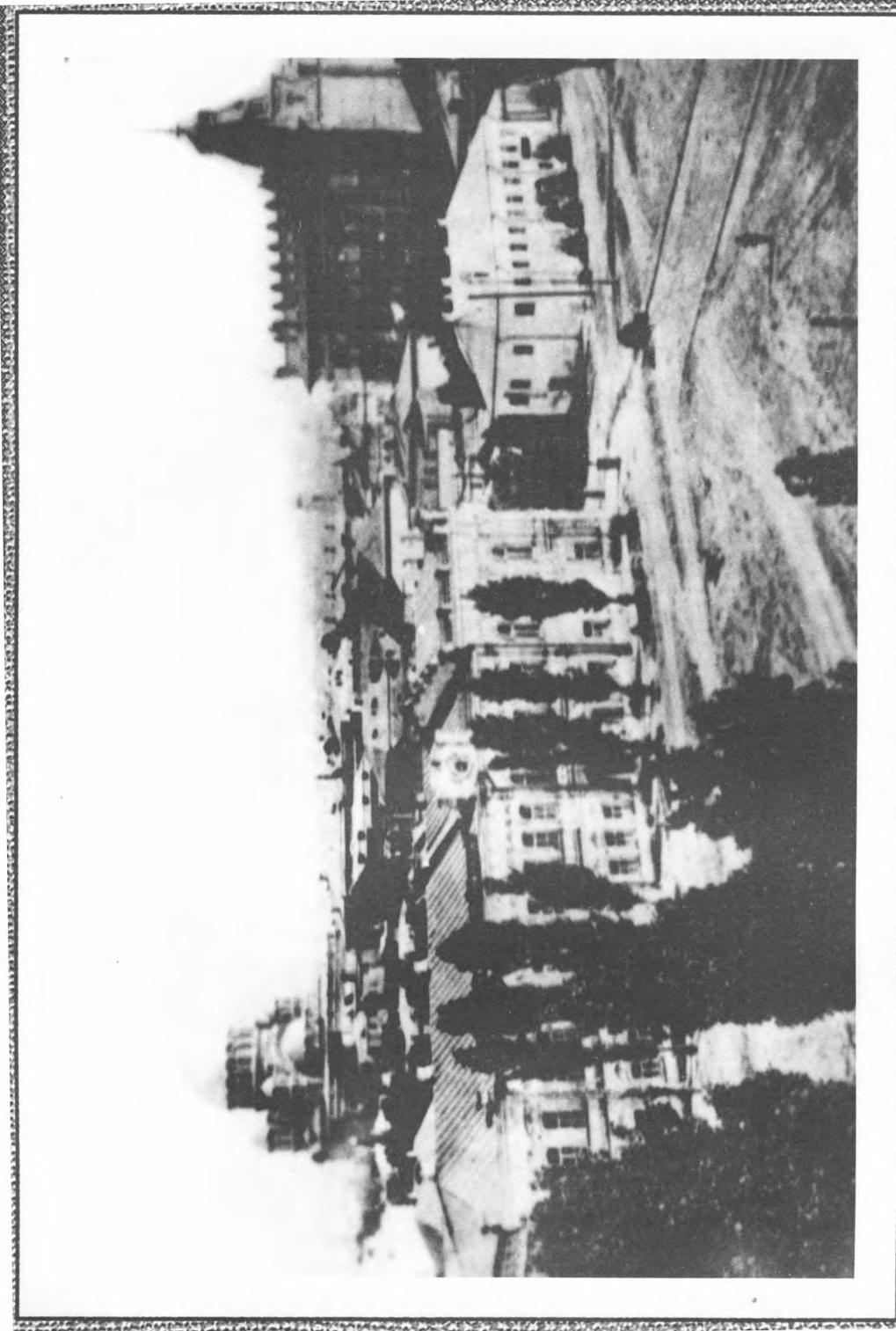
Царицынская городская управа

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК

Мужская гимназия и реальное училище

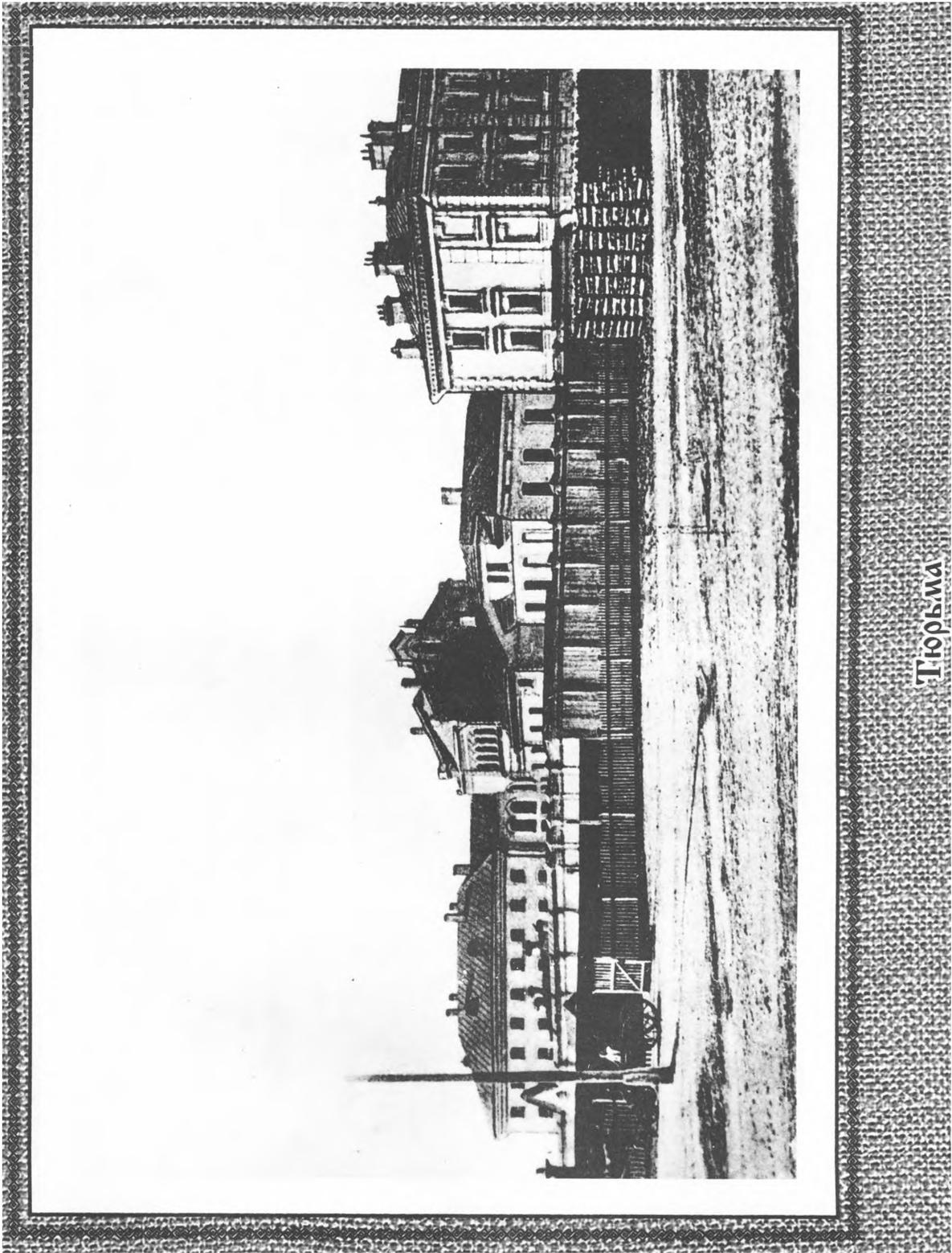
Первая женская гимназия

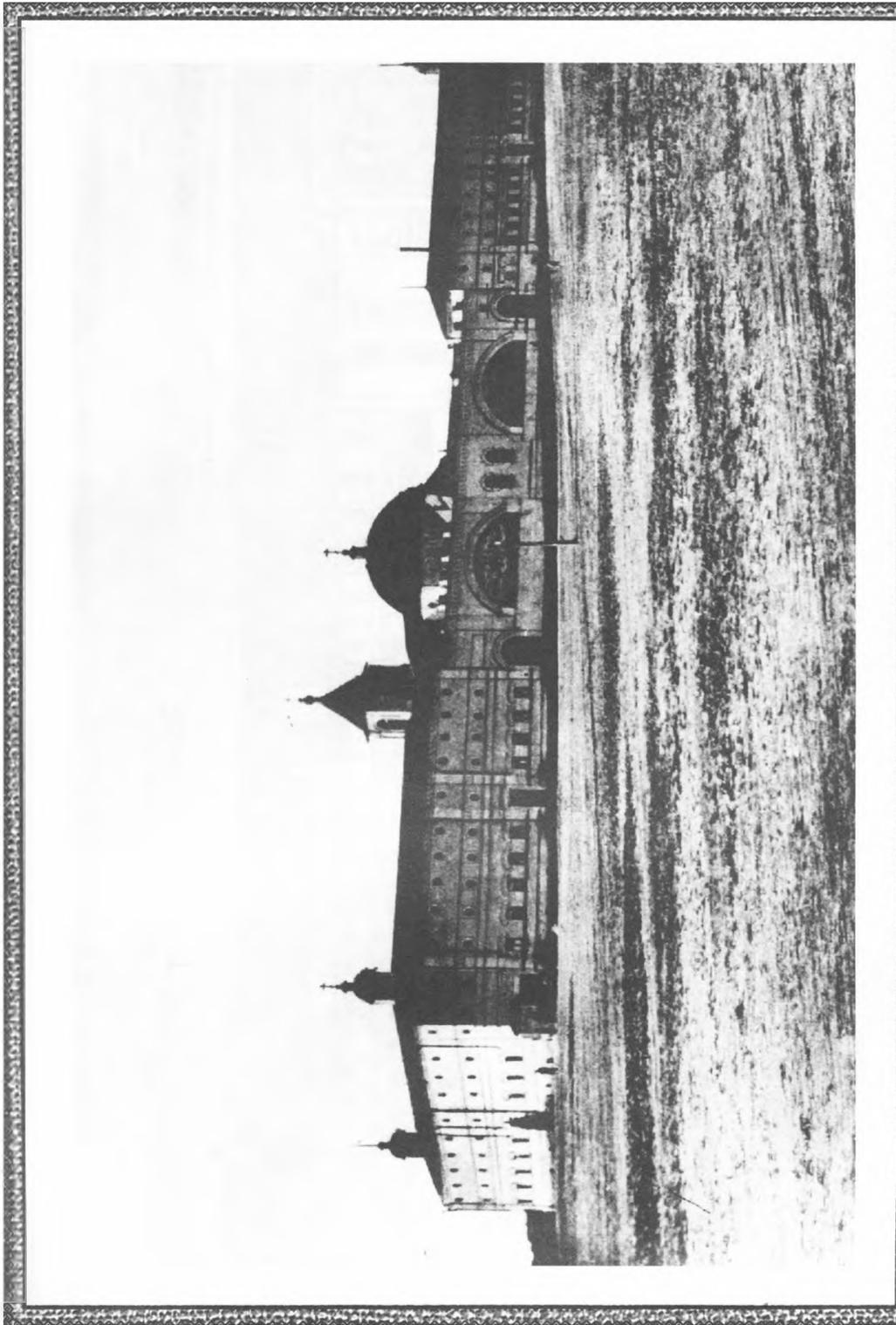
1-я пожарная часть

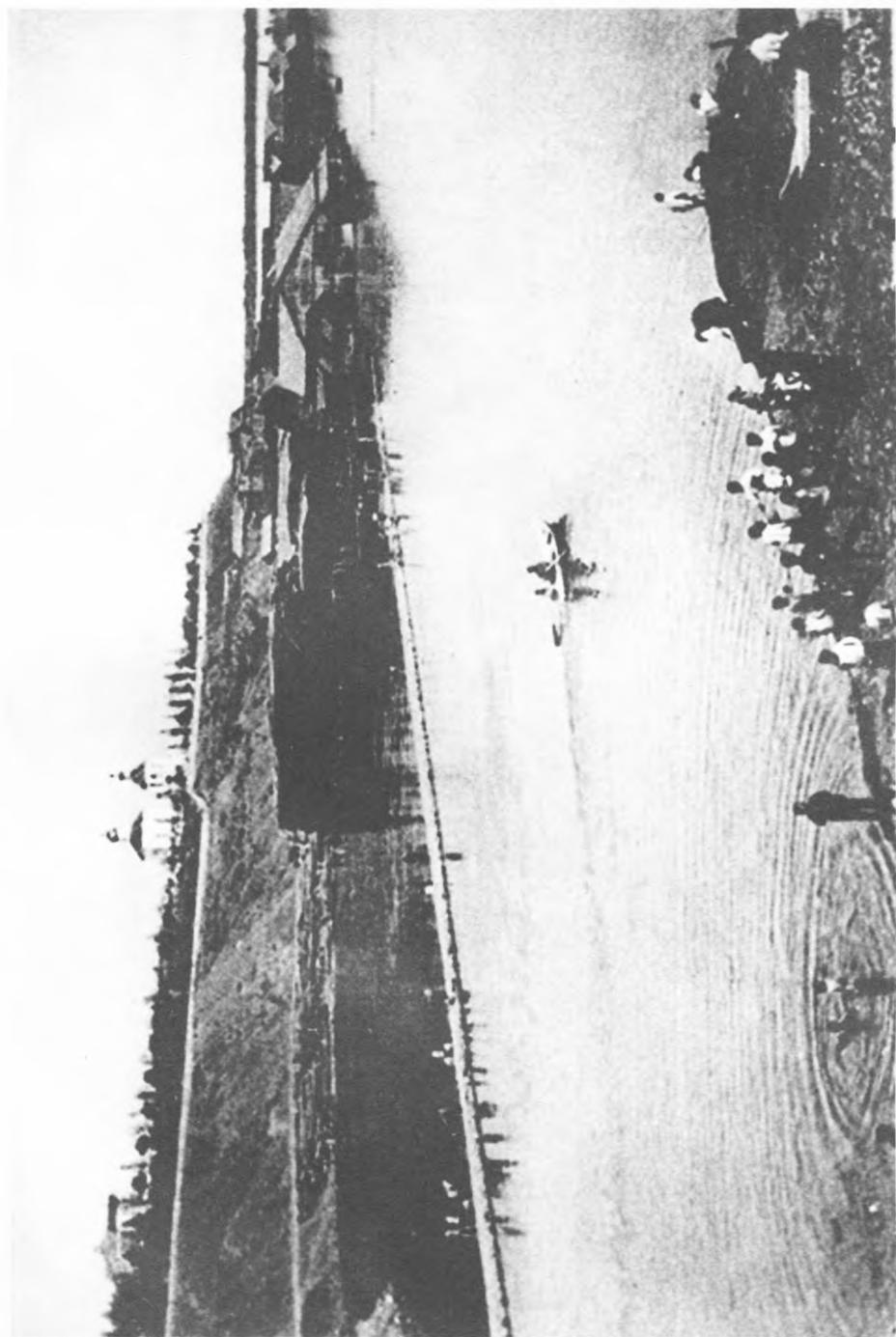
Троицкая церковь

Тюрьва

СВЯТО-ДУХОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Царица разлилась

Демонстрация 1 мая 1917 г. на улице Ломоносова

В начале XX в. продолжалось бурное экономическое и социальное развитие Царицына, начавшееся в пореформенный период. На рубеже веков в строй вступили Тихорецкая и Восточно-Донецкая железные дороги, а также крупнейший на юге России металлургический завод общества «Урал-Волга», вокруг которого возникло целое созвездие металлообрабатывающих предприятий — Гардиен и Валлос, Грабилина, Шлыкова, Гутмана, Барышева, бр. Серебряковых. В 1913 г. началось строительство еще одного гиганта индустрии — Орудийного завода, но полностью он не был введен в строй из-за начавшейся вскоре Первой мировой войны. Всего в 1913 г. в Царицыне насчитывалось 156 предприятий с годовой продукцией на 24 млн рублей. Город стал крупнейшим промышленным центром юга России с огромной концентрацией рабочей силы — до 45 тыс. человек, не считая сезонных рабочих.

Население города в 1913 г. составило 131 782 человек, но в годы Первой мировой войны из-за большого притока беженцев и переселенцев оно выросло до 160 тыс. человек. В городскую черту вошли поселки заводов «Урал-Волга» и Орудийного, шло интенсивное заселение района Дар-Горы. Центр города украсился монументальными зданиями Александро-Невского собора, Дома науки и искусства, Общественного собрания, крытого рынка. Большинство зданий в центре Царицына освещались электричеством, многие имели канализацию. В 1913 г. был пущен трамвай. Заметный прогресс произошел в социальной сфере.

Рукописные буквы прописные:

А Б В Г Д
 Е Ж З И Й
 К Л М Н О
 П Р С Т У
 Ф Х Ц Ч Ш
 Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я

Рукописные буквы строчные:

а б в г д е ж з и й
 к л м н о п р с т у ф х ч
 ц щ ъ ы ь э ю я

Названия букв:

Азъ, а. Бѣки, в. Вѣдн, в.
 Гал-голь, г. До-вс, д. Беть, г.
 Жи-вѣ-ти, ж. Сѣ-ло, с. Зѣ-
 ма; з. Ыжѣ, и. І, і. Кѣ-
 кв, к. Ам-дн, .. Мн-лаѣ.
 ти, м. Пѣшѣ, н. Оня, о.
 Но-коп, п. Рцы, р. Слѣ-ко, г.
 Тѣр-до, т. Ъ, ъ. Оука, у.
 Фиртѣ, ф. Хѣрѣ, х. Огтѣ, ѿ.
 Цѣ, ц. Ырѣ, т. Шѣ, ш.
 Щѣ, щ. Ърѣ, з. Ърѣ, ѡ.
 Ърѣ, ѡ. Ытѣ, ѣ. Ю, ю.
 Югѣ, ѡ. Я, я. Кѣи, а.
 Он-тѣ, д. Ъ-жн-ца.

В 1916 г. в городе работали 2 казенные и 1 частная мужские гимназии, 3 казенные и 1 частная женская гимназии, учительская семинария, 2 реальных училища, техническое, коммерческое и 2 ремесленных училища, музыкальная и художественная школы, 44 начальных и 11 церковно-приходских школ. Из учреждений здравоохранения имелись 4 больницы, 4 амбулатории, родильный приют.

Весьма оживленной стала культурная жизнь города. В трех капитальных театральных помещениях и деревянном цирке шли представления гастролирующих трупп. Новым явлением стало появление кинотеатров и так называемых «народных аудиторий», где читались бесплатные лекции просветительского характера. В Царицыне работали отделения Императорского музыкального общества и Русского театрального общества. В 1900 г. открылась городская библиотека, в 1914 г. — краеведческий музей.

Царицын с его многотысячным пролетарским населением стал одним из крупных очагов революционного движения. В городе оформились и активно работали социал-демократическая и эсеровская организации, в период революции 1905—1907 гг. проходили массовые забастовки и демонстрации, произошло восстание солдат Бобруйского полка. С другой стороны, царицынский Свято-Духов монастырь стал местом деятельности получившего всероссийскую известность черносотенного монаха Илиодора. Накануне Февральской революции в городе сложилась довольно многочисленная группа политических ссыльных — эсеров и социал-демократов. Эта расстановка сил оказала решающее воздействие на ход событий в революционном 1917 г.

§————— Арсений —————§

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ [1902]

<...> День 28 августа начался беспокойством: пароход волжский пришел в Царицын за 15—20 минут до отхода железнодорожного поезда на Новороссийск¹; а вокзал от пристани отстоит версты на три-четыре; только добрый знакомый прокурор Саратовской судебной палаты А.А. Макаров помог мне не пропустить поезда; по телефону с конторки парохода он задержал поезд до моего прибытия, а встречавший его царицынский полицмейстер² г-н Потоцкий на своих лихих лошадях привез меня на вокзал; чрез пять минут поезд тронулся. В этом маленьком деле усматриваю особенную помощь Божию: Господь послал мне случайных добрых людей, выведших меня из неприятности. Пароходское же начальство было ко мне довольно невнимательно, особенно в первые два дня, пока я не стал предъявлять своих требований. Вообще на пассажиров и на срочное время оно мало обращает внимания; весь интерес волжских пароходоладельцев — к перевозке грузов.

Проезжая Царицын, я заметил, что город этот большой и благоустроенный. Он выглядит красивее Саратова, в нем довольно много зелени, широкие улицы, много красивых домов, и храмы Божии — великолепные. Дорога от Царицына до ст(ани)цы Тихорецкой³ на протяжении более 500 верст ровная, однообразная, степная, нет растительности и зелени, мало селений, я не видел на этом пути ни одного храма Божия. Вагоны на Тихорецкой железной дороге⁴ старого типа и очень качки. На Тихорецкую я прибыл в три часа ночи и должен был пересаживаться в другие вагоны для следования в Новороссийск. В 6 часов утра 29-го двинулся дальше.

Путешествие на пароходе нельзя сравнить с путешествием по железной дороге. На пароходе полное удобство во всех отношениях, а главное — дышится свободно воздухом, прогулка на палубе и вовремя хороший стол; а на железной дороге — суетня и толкотня, духота и пыль; вкушение пищи — урывочное и неблагоприятное. <...>

— В.З. Королев —

ПЕРВЫЕ ШАГИ [1900—1905]

До 1905 г. в Царицыне не было общегородской социал-демократической организации, что отрицательно сказывалось на выступлениях рабочих, носивших в то время стихийный характер. Первые социал-демократы в Царицыне появились еще в конце 90-х гг. XIX века. Это были политические ссыльные. Они положили начало пропаганде марксизма среди передовых рабочих и революционно настроенной молодой интеллигенции.

В начале 900-х гг. я работал в швейной мастерской Ришпена. Здесь трудилось около 40 человек. У портных имелся кружок самообразования, которым руководил Петр Кобелев. Вместе с ним мы читали нелегальную литературу, а также отдельные произведения Чернышевского¹, Горького², Толстого³. Через Кобелева мне удалось познакомиться со студентами, которые приезжали на каникулы в Царицын. Они рассказывали много интересного о выступлениях рабочих и студентов в различных городах России.

На занятиях нашего кружка все чаще и чаще вспыхивали споры на политические темы. Особенно острый характер эти споры приобрели после того, как к нам стал ходить студент Николай Самбикин. Он резко нападал на религию, царизм. Много велось различных разговоров о народниках⁴ и эсерах⁵, экономистах⁶ и социал-демократах⁷. Это помогло нам лучше разобраться в политических вопросах. Такие же дискуссии велись и в мастерских Медникова, Гутмана, Гринвальда. После длитель-

ных споров многие портные стали все больше симпатизировать социал-демократам.

Хорошим пропагандистом был гимназист Гутман, который проводил занятия среди портных в мастерской своего отца и в мастерской Гринвальда. Он рассказывал нам о стачечной борьбе пролетариев, о политических демонстрациях, о крестьянских волнениях. Вместе с Гутманом на занятия приходили студент Казанского университета ⁸ Поляков, учитель Колосов и другие.

В 1903 г. в Царицын прибыли новые товарищи. Удалось связаться с Саратовским комитетом РСДРП, откуда мы стали получать листовки, брошюры и отдельные номера ленинской «Искры»⁹.

В ночь на 29 апреля 1903 г. на Французском заводе ¹⁰ и в городе были расклеены прокламации Саратовского комитета РСДРП, призывавшие рабочих к празднованию 1 Мая ¹¹. «...Пусть все сознательные рабочие агитируют среди своих товарищей, разъясняя им значение 1 Мая и приглашая к забастовке, — говорилось в прокламации. — Мы приглашаем вас, товарищи, к дружной работе против самодержавия... Рабочее движение растет. Наряду с ним выдвигается новый грозный враг самодержавного правительства — крестьянство. Голодное, угнетенное, лишённое всяких прав, оно потеряло, наконец, терпение и взволновалось... Итак, товарищи, дружно к работе! Ваш каждый шаг будет лишь новым шагом к победе. К победному кличу всемирной социал-демократии “Да здравствует народное представительство!”, “Да здравствует 8-часовой рабочий день!” мы присоединим “Долой самодержавие!”, “Да здравствует свобода слова, собраний, печати и совести!”».

1 мая за Волгой, на Кривом озере, была проведена первая в нашем городе маевка. После маевки последовали аресты. Были задержаны Маркин и Погуляев. Часть социал-демократов выехала из Царицына.

В 1903 г. в Царицыне имелось уже три социал-демократических кружка. Один состоял преимущественно из интеллигенции. В него входили Николай Самбикин, Сергей Иванов, Иван Качалов, Эмма Лоше, Анастасия Балукина, Мария Турбович, Муза Винтер.

Имелся также социал-демократический кружок, состоявший из рабочих мастерской Клявлино. В этот кружок входили Степан Трусимов, Петр Иванов, Андрей Черчимов, Василий Кузьмин, Иосиф Лошаков, Иван Петров, Петр Ликин, Виктор Лазутин, М. Морозов. Члены этого кружка в том же 1903 г. организовали «лигу социал-демократов», которая объединяла и часть членов других социал-демократических кружков. Лига располагала некоторыми средствами. Они использовались для оказания помощи политическим ссыльным, проходившим через Царицын. Лига также распространяла нелегальную литературу, которую она получала из книжного магазина «Работник». Хранилась эта литература в доме Деревенскова по Пушкинской улице, где жили сотрудники магазина.

Имелся также кружок в Сарепте. В него входили рабочие землечерпалки и железнодорожники. Этот кружок поддерживал связь с социал-демократами Баку и Ростова. Из этих городов в Сарепту поступала рево-

люционная литература, а оттуда в Царицын. Сарептские товарищи выпускали свои прокламации. В ряды социал-демократов проникли провокаторы, последовали крупные провалы. Во время обысков было найдено много книг, гектограф¹², листовки.

Одним из событий 1903 г. следует также считать переброску в царицынскую тюрьму¹³ 13 политзаключенных из Саратова. Они распевали «Дубинушку»¹⁴, революционные песни, взбудоражив всю тюрьму.

В 1904 г. в Царицын прибыли новые партийные работники (Судаевский, Эпштейн, Казаков), вследствие чего работа социал-демократических кружков оживилась. Однако кружки, как правило, существовали недолго, так как довольно часто подвергались полицейским разгромам.

Нередко в Царицын приезжали нелегальные товарищи. Один из них, по партийной кличке «Евгений», останавливался у меня в ожидании явки и денег на проезд до Саратова. От него мы узнали о II съезде РСДРП¹⁵, о происшедшем в партии расколе на большевиков и меньшевиков и о том, что лидером большевиков стал Ленин¹⁶, а у меньшевиков — Мартов¹⁷ и Аксельрод¹⁸.

Поддерживали мы связь с отдельными рабочими депо станций Волжская и Царицын — Юго-Восточная, завода «Гардиен и Валлос»¹⁹ и солдатами 226-го Бобруйского полка²⁰.

Из приезжих хорошо помню маляра Владимира Казакова, прибывшего вместе с женой из Астрахани. Он руководил кружком, в который входили портные, шляпницы и вышивальщицы.

В этом кружке занимались Александр Берников, Иван Скоревский, Беликов, Ксения Булычева, сестры Ревекка и Софья Заславские, Мотина и другие.

Таким сохранилось в моей памяти социал-демократическое подполье Царицына накануне революции 1905 г. В городе еще не была создана единая партийная организация, но имелись уже все необходимые предпосылки для этого.

☞————— И.А. Лерман —————☞

ЦАРИЦЫНСКАЯ ГРУППА РСДРП В 1905 ГОДУ [1905]

О существовании единой социал-демократической организации в г. Царицыне до 1905 г. не было известно. Конечно, отдельные социал-демократы и кружки имелись в Царицыне и до 1905 г., но они между собой слабо были связаны, а главное, у них не было тесной связи с широкой рабочей массой. Только события 9 января¹ сблизили их, и, таким образом, в городе возникла первая социал-демократическая организация в феврале 1905 г. Живший тогда в Царицыне Михаил Бендерский, высланный из Астрахани,

курсистка Варвара Изюмская, студент Московского межевого института Василий Семенович Мордвинов и я образовали первую социал-демократическую группу. Из нас М. Бендерский уже ранее работал в партийной организации в Астрахани. Я же вступил в партию в 1904 г. по возвращении из Берлина, где имел возможность подробно ознакомиться с революционной литературой вообще и социал-демократической в частности.

По приезде из Берлина я поступил в Казанский университет ². После 9 Января казанское революционно настроенное студенчество закрыло университет, приняв резолюцию: «Не приступать к занятиям, прежде чем не восторжествует революция и не будет осуществлена программ минимум», и мы разъехались по местам для революционной работы.

По приезде в Царицын я принялся разыскивать живших в нем социал-демократов и познакомился с Бендерским, Изюмской и Мордвиновым. Так образовалось первое ядро, положившее начало будущей партийной организации. К сожалению, группа наша была первое время чисто интеллигентской, так как связаться с рабочими долго не удавалось. Мы выпустили несколько прокламаций, содержание которых я теперь не помню. Печатались они на гектографах ³, причем в этой работе нам помогали учащиеся. Из последних был образован кружок, которым руководил В.С. Мордвинов.

Партийной литературы у нас было вначале не много. Она была привезена Бендерским из Астрахани и мною из Казани. Кроме упомянутого кружка учащихся, которым руководил Мордвинов, мною было организовано два кружка учащихся и работниц шляпных мастерских, которым я прочитал несколько лекций о революционном движении, о марксизме и о партийной программе.

Накануне Первого мая ⁴ (по старому стилю 18 апреля) мы выпустили прокламацию, а в день 1 Мая участвовали в массовке, которая была организована совместно с эсерами ⁵. На этой массовке, устроенной за Волгой, мною был прочитан реферат о текущем моменте и задачах революционных партий.

Вскоре члены группы Бендерский, Изюмская и Мордвинов покинули Царицын. С отъездом этих товарищей, казалось, организация распадется и перестанет существовать, и то небольшое революционное дело, которое она вела, погибнет. Однако в это самое время на смену им появились другие, и из интеллигентской наша организация стала настоящей рабочей группой. Это произошло летом 1905 г., когда в Царицын приехали сначала Михаил Судаковский, а затем Абрам Юхвит, которые связали, особенно последний, нашу группу с рабочими почти всех существовавших тогда в Царицыне заводов.

Михаил Судаковский, царицынец по происхождению, учился в Саратовской среднетехнической школе, был там арестован по какому-то политическому делу и отсидел несколько месяцев в тюрьме. В Царицын он прибыл с некоторым опытом партийной работы и по приезде вступил в нашу организацию и принимал в ней деятельное участие, главным образом в качестве агитатора. Он выступал на всех массовках, говорил страстно и горячо, выбирая темы, наиболее интересовавшие рабочих, как,

например, вопрос о зарплате, о взаимоотношениях между рабочими и хозяевами, об антигигиеничности мастерских, о забастовках, о профсоюзах и т. д.; его горячие и несколько грубоватые по форме выступления очень нравились рабочим.

Абрам Юхвит приехал несколько позже, тоже в середине лета. Это был опытный партийный организатор. Он умел подходить к рабочим, тем более что и сам был прежде рабочим Мотовилихинского завода на Урале. Благодаря своему организаторскому таланту он завел связи на всех заводах и привлек к работе наиболее сознательных рабочих, которые впоследствии, в свою очередь, заняли видное место в группе РСДРП и вели активную, главным образом организационную, работу. Так, с мельницы⁶ «Товарищества» вступил в организацию А. Горбаченко, с завода Нобеля⁷ — А. Тренин, И. Кущев и А. Броше, с завода Серебрякова⁸ — З. Коваленко, с лесопильных заводов⁹ — Л. Блинов, с завода Баллос — Москаленко, с Французского завода¹⁰ — Г. Вершинин, из типографских рабочих — Кириченко и Таньков, а также многие другие (Пресняков, Бахоядин, В. Блинов).

Одними из первых вступили в организацию братья Блиновы Леонид и Владимир, которые раньше принимали участие в партийной работе в Баку. Старший из них, Владимир, был вполне определившимся рабочим-марксистом, преданным рабочему делу и партии; он производил впечатление серьезного, вдумчивого и дельного человека, который много знает и много читает; у него была небольшая библиотека, и он все свое свободное время проводил за книгой. К сожалению, он был немного вял и малоэнергичен, что объяснялось его природным недостатком (был глуховат, вследствие чего не мог принимать активного участия в больших собраниях). Зато он был незаменимым в частных беседах; мне приходилось часто бывать у него на квартире и прислушиваться к его беседам с вновь привлеченными в организацию рабочими, я поражаюсь, с какой простотой и умением он излагал партийную программу и в особенности сущность разногласий между социал-демократами и эсерами, которые так интересовали тогда рабочих. Другой брат, Леонид, меньше интересовался теоретическими вопросами, но зато оказал большую пользу организации привлечением в партию рабочих и устройством кружков на заводах. В противоположность старшему брату, он был весь энергия и чрезвычайно увлекался живой организационной работой.

Привлекая в организацию сознательных рабочих, Абрам Юхвит быстро создал на всех заводах кружки и ячейки, для обслуживания которых была создана пропагандистская коллегия. Руководство работой коллегии было возложено на меня, и, таким образом, партийная работа была поделена следующим образом: организационной работой заведовал А. Юхвит, агитацией — М. Судаковский, а пропагандой — я. Кружки были организованы не только на заводах, но также среди ремесленников, как, например, портных (в последнем кружке выделялись портные Королев и Тальковский). Также продолжали существовать раньше организованные кружки шляпниц и учащихся.

Кроме кружковой работы, в течение лета 1905 г. велась и массовая работа, главным образом в виде массовок, которые устраивались за Волгой, а иногда просто на лодках, на которых мы переезжали на другую сторону Волги. Там лодки приближались друг к другу, сцеплялись, а после окончания массовки возвращались в одиночку в город. Был также устроен на квартире одного из царицынских врачей реферат для наиболее передовых рабочих; реферат этот был прочитан т. Мордвиновым на тему о программе и тактике социал-демократической партии. Выпускались также прокламации общепартийного и местного характера.

Мне, как студенту, пришлось в сентябре уехать в Казань, где пробыл до конца октября, принимая участие в партийной работе и в студенческом движении. По возвращении из Казани, в первых числах ноября, я нашел организацию вышедшей из подполья, имевшей свой комитет и штаб-квартиру, куда стекались представители всех рабочих организаций. Группа РСДРП руководила выступлениями рабочих (забастовкой железнодорожников, почтово-телеграфных служащих и др.). Первое место в организации занял С.К. Минин¹¹, студент Юрьевского университета¹², перебравшийся в Царицын из Дубовки. Началась эпоха митингов и открытых собраний и выступлений, в которых, кроме Минина, принимали участие Судаевский, я и приехавший тогда в Царицын Сибиряк. В период между 14 ноября и 13 декабря был организован ряд больших митингов, которые пользовались колоссальным успехом не только в рабочей массе, но и в широких кругах демократически настроенной интеллигенции и мелкой буржуазии.

Главными темами речей на этих митингах были следующие вопросы:

- 1) Русско-японская война и самодержавие;
- 2) представительные учреждения и Учредительное собрание;
- 3) Государственная дума;
- 4) налоги и финансовая политика царского правительства;
- 5) профессиональные союзы;
- 6) социальное страхование;
- 7) всеобщая забастовка;
- 8) текущие события и рабочее движение;
- 9) крестьянское движение и аграрный вопрос.

Наибольшим успехом пользовались выступления С.К. Минина, пламенное красноречие которого действовало на толпу прямо магически. Особенно мне памятна одна его речь, когда он говорил о погибших на полях Манчжурии¹³ сыновьях и братьях: в зале было всеобщее возбуждение, все были как бы наэлектризованы, плакали не только женщины, но даже некоторые мужчины вытирали слезы.

Первое время были попытки и со стороны местных кадетов¹⁴ устраивать свои митинги, но на последних митингах выступали наши ораторы, и кадетские митинги непременно превращались в социал-демократические. На первых митингах, устроенных совместно с эсерами, от которых выступали врач Н. Розанов и студент П. Попов, темы были общеполитические, на следующих же митингах, которые были органи-

зованы нашей группой самостоятельно, центр тяжести был перенесен на вопросы социальные: о социализме, о профсоюзах, о социальном страховании, о забастовках и т. п.

Митинги устраивались главным образом в общественном собрании, а также в народной аудитории, в железнодорожном депо, на станции Сарепта и других местах. Между прочим, на каждом митинге присутствовали представители полиции или жандармов, но ни те, ни другие не смели останавливать ораторов, вмешиваться в распоряжение организаторов митингов, так как это было небезопасно, принимая во внимание тогдашнее настроение толпы.

Кроме митингов в это время было устроено два реферата: один — эсерами на тему «Об аграрном вопросе» — читал П. Попов, а другой — нашей группой на тему «Еврейский вопрос», который читал С. Минин. На первом из этих рефератов были горячие дебаты между эсерами и нами, причем оппонентами выступали Минин, Судаковский и я. На реферате о «Еврейском вопросе», между прочим, произошло столкновение с полицией. По окончании его около трибуны собрались активные работники и запели революционные песни, что, конечно, не могло понравиться присутствовавшему при этом представителю полиции. Он запретил петь, но в ответ раздавались свистки, шиканье и крики по адресу полиции: был введен наряд полиции, очистивший зал, но арестован при этом никто не был.

К этому же времени относится выступление Бобруйского полка, которое произошло 30 ноября 1905 г.; это выступление не было неожиданностью, некоторые бобруйцы до выступления полка посещали открытые собрания и митинги, а отдельные лица приходили даже на нашу штаб-квартиру на Пушкинской улице и держали все время связь с нашей организацией; другие имели связь с организацией эсеров. В день выступления все активные члены нашей организации, и я в том числе, были в толпе, сопровождавшей бобруйцев, и присутствовали на лазаретном дворе при подаче солдатами заявления командиру полка. Мы считали, что дело могло принять такой оборот, когда наше руководство было бы крайне необходимо¹⁵.

Подавление Московского восстания¹⁶ в декабре окрылило реакцию и дало возможность полиции и жандармерии повести наступление по всему фронту. Докатилась эта волна реакции и до Царицына. 13 декабря были арестованы Минин и Судаковский, 18 декабря арестован Сибиряк, 28 декабря были произведены массовые обыски, в том числе и у А. Юхвита, у рабочих Тренина и Кущева. Эти обыски и аресты не помешали нам устроить под новый год вечеринку, на которой присутствовало человек 20 самых активных членов партии, оставшихся на свободе, не помешали нам снабжать литературой освобожденных из тюрьмы аграрников и выпустить несколько воззваний по поводу ареста товарищей и по доводу Московского восстания.

Накануне 9 Января была выпущена прокламация по поводу годовщины массового выступления петербургского пролетариата. В это же время были выпущены прокламации к крестьянам, предназначавшиеся для аграрников, написанные, насколько мне помнится, Мининим.

В этот период между 13 декабря и 19—20 января, когда были арестованы я и Юхвит, вся работа лежала на нас обоих. Наиболее важные вопросы передавались на обсуждение сидевших в тюрьме товарищей, с которыми мы держали постоянную связь. Ввиду того, что и мне, и Юхвиту приходилось все время скрываться, мы друг друга видели редко и сносились лишь через третьих лиц, главным образом через А. Горбаченко и, кажется, еще через С. Маслова и В. Изюмского. Мы с Юхвитом и Горбаченко решили созвать конференцию из представителей партийных организаций заводов для выборов нового состава комитета.

Собрание было назначено на 18 января в 8 часов вечера. Собралось человек 25—30. Так как у меня хранилось много документов, то я, идя на конференцию, захватил их с собою, чтобы передать кому-нибудь из вновь избранных членов комитета для помещения в надежное место.

Во время обсуждения вопроса о дальнейшей судьбе организации и о необходимости произвести выборы на улице раздались свистки полицейского, производившего проверку постов, а затем дверь отворилась, и в нее заглянул какой-то полицейский. Последний, увидев многолюдное собрание, сам, по-видимому, испугался, выскочил на улицу и начал усиленно свистеть, зовя на помощь сторожей.

Не желая быть захваченными полицией, присутствовавшие на собрании бросились на улицу и разбежались в разные стороны; кто-то в попытках захватил мою шапку, и я вынужден был взять папаху В. Изюмского; выбежав на улицу, я ничего не мог там различить, так как была страшная метель, снег моментально залепил стекла моих очков, и я даже не заметил, что бежал в объятия какого-то сторожа, спешившего на призывные свистки полицейского. Я был схвачен в крепкие объятия. Подошел полицейский, и они вдвоем повели меня. На одном из ближайших углов подозвали извозчика и усадили меня на фаэтон. Полицейский сел рядом со мною, по правую сторону.

Как левша, я всегда имел привычку застегивать пальто на левую сторону, револьвер же у меня лежал в правом внутреннем кармане пальто, чтобы удобнее было брать его левой рукой. Я расстегнул две пуговицы пальто, незаметно вынул револьвер и спустил его в снег, затем я осторожно вынул некоторые бумаги и документы и также выбросил их незаметно, в надежде, что к утру все будет засыпано снегом, что и случилось на самом деле.

Однако некоторые документы все-таки я не успел выбросить, так как они находились в кармане слева. При обыске в полицейском участке у меня нашли: 1) черновик прокламации (очевидно, это был черновик прокламации по поводу годовщины 9 Января); 2) начало очерка возникновения царицынской организации РСДРП; 3) составленный мною к тому времени устав пропагандистской коллегии, который, помнится, должен был обсуждаться на том самом собрании, по выходе из которого я был арестован, этот проект устава в материалах жандармского отделения цитируется неверно; 4) записка от Сибиряка к шляпошнице Саше Кацнельсон и некоторые другие документы; 5) несколько

ко револьверных пуль; по поводу этих пуль помощник пристава, составлявший протокол, был очень удивлен тем, что я таскаю с собою пули, не имея револьвера.

В эту же ночь был арестован Горбаченко, а 20 января задержан на улице Абрам Юхвит, и, таким образом, 20 января 1906 г. следует считать датой полной ликвидации Царицынской группы РСДРП в том виде, в каком она существовала и работала в течение 1905 г.

Боевая дружина получила свое оформление в октябрьские дни¹⁷, но уже задолго до этого группа вела подготовительную работу по закупке оружия. Закупалось оно главным образом по случаю у частных лиц, а также на базаре, старое, но требующее небольшой починки. Наибольшее же количество оружия было закуплено летом 1905 г. в одном немецком магазине в Сарепте, куда я ездил два раза: один раз с Юхвитом, а другой, кажется, с Судавским; там мы купили несколько револьверов. Кроме того, летом 1905 г. я ездил в Камышин за оружием и там через товарища Георга (фамилию я забыл) получил от местной группы РСДРП для нашей организации два ружья и значительное количество патронов.

Еще до октябрьских дней имели оружие, свое или от организации: М. Судавский, А. Юхвит, А. Тренин, А. Горбаченко, А. Григорьев, И. Кушев, Баходдин, Л. Блинов, А. Броше и целый ряд представителей с заводов.

В октябрьские дни боевая дружина получила организационное оформление и численно значительно выросла; точную цифру ее численности я, конечно, теперь указать не могу. Руководителями нашей дружины были сначала Александр Григорьев и впоследствии Алексей Горбаченко. У социалистов-революционеров была своя дружина, состав и численность которой я точно не знал, а теперь совершенно не помню. Дружина обыкновенно охраняла митинги, массовки и демонстрации и всегда была на чеку на случай погрома и выступления черносотенцев, но имела строгий приказ не поддаваться провокациям и без разрешения организации не пускать в ход оружия.

В течение 1905 г. в Царицынской группе РСДРП никаких фракционных разделений не было. Организация была едина, хотя руководители принадлежали к различным фракциям. Сергей Минин, Абрам Юхвит, Михаил Судавский были большевики, Сибиряк был меньшевиком, я же был тогда, так сказать, центром, примыкая в одних вопросах к меньшевикам, а в других к большевикам. К какой фракции примыкала Лидия Зайцевская и другие активные работники организации, кроме вышеупомянутых, я не помню.

Мы иногда спорили по тем вопросам, по которым имелись разногласия между большевиками и меньшевиками, но в широкую рабочую массу и даже в рабочий актив мы эти споры не вносили. Наиболее активные из рабочих, как А. Горбаченко, Л. Блинов, Г. Вершинин и некоторые другие, склонялись к большевизму, отчасти вследствие значительного влияния на них Абрама Юхвита. Однако, повторяю, мы все избегали ставить на широкое обсуждение фракционные вопросы и обострять имеющиеся разногласия.

Эсеровская организация в Царицыне возникла раньше нашей, задолго до 1905 г. Тем не менее в течение лета 1905 г. и особенно после

октябрьских дней наша группа РСДРП имела гораздо большее влияние и организационно была крепче и многочисленнее, чем эсеровская.

В первой половине 1905 г., пока у нас не было широких связей с рабочей массой, никаких столкновений с эсерами не было, ибо не было из-за кого спорить и воевать. На одной эсеровской массовке я даже читал реферат по приглашению Раисы Брудно, видного члена тогдашней царицынской организации эсеров, но со второй половины 1905 г. начинается борьба между организациями за влияние на рабочий актив, и на одной массовке, созванной эсерами, выступили Судавский и я с изложением разногласий между партиями и критикой эсеровской программы и тактики.

☞————— Я. Холщевников —————☞

ВОССТАНИЕ БОБРУЙЦЕВ В 1905 ГОДУ В ЦАРИЦЫНЕ [1905]

Еще задолго до событий 17 октября 1905 г. среди местного гарнизона 226-го пехотного резервного Бобруйского полка велась подпольная революционная работа. По примеру фабрик и заводов и в полку существовали нелегальные кружки, в которые были привлечены наиболее сознательные и стойкие товарищи — солдаты. Таких кружков в полку было несколько, и с каждым из них местные социалистические организации имели связь. Всего было организовано человек около сорока.

С организованными товарищами из солдат велись чтения, беседы. Обыкновенно, ввиду того что в казармах было весьма рискованно заниматься пропагандой, кружки вместе со своими руководителями устраивали занятия во время гуляний, для чего уходили за город, под видом рыбной ловли ездили за Волгу и т. д. Здесь в полной безопасности и происходили занятия. За Волгой, в лесу ниже Букатинского хутора, устраивали и массовки, куда приходили организованные солдаты полка.

Организаторами среди солдат местной группы с. д. были т. Корсуненко, Овсянников, Епифанов. Позже представители Бобруйского полка входили в районный комитет.

Наступили так называемые «Октябрьские свободы»¹. Работа среди бобруйцев повелась еще интенсивнее. Переодетые солдаты стали посещать городские митинги, где еще более набирались революционного духа.

В казармах распространялись прокламации, солдатам читали вслух газеты с описанием тогдашних событий, объясняли сущность Манифеста. Были случаи, когда к патрулям полка, несшим наравне с военной и полицейскую охрану, агитаторы обращались с речами. Через Царицын проезжали целыми эшелонами запасные нижние чины, которые своим

неповиновением и дерзким обращением с офицерами оказывали влияние и на полк.

В полку началось брожение. Стали раздаваться голоса за то, чтобы немедленно уволили в запас солдат срока службы 1901—1902 гг. и возвратили обратно бобруйцев, посланных в имение Столыпина² (Саратовская губерния) для усмирения восставших крестьян. Протестовали против предполагаемой посылки солдат в Челябинск³. В этом городе концентрировались тогда войска будущей карательной экспедиции известного своей жестокостью при усмирении Сибири генерала Ренненкампа⁴.

Все волнующие солдат вопросы живо обсуждались в объединенном тогда комитете с.д.⁵ и с.р.⁶ Несколько раз на собрании комитета поднимался вопрос о восстании и предъявлении указанных требований начальству, но всякий раз откладывался. Не было уверенности в успехе. Наконец было решено не откладывать и днем выступления назначить 30 ноября 1905 г. (старого стиля).

Первые признаки неповиновения начальству начались в 1-м батальоне, в состав которого входили солдаты срока службы 1901 г.

29 ноября командир полка Высоцкий собрал батальон и объявил им, что их задержат на службе впредь до увольнения призванных из запаса. Из рядов выступил рядовой Торопенков и заявил: «Мы просим отменить дисциплинарные взыскания, отменить завтрак и выдавать вместо него калач к чаю; мундир и шинель выдавать через два года».

Рядовые Лахман и Крут заявили, чтобы не посылать нижних чинов срока службы 1901 г. в Челябинск и уволить их в запас. Командир полка, дав согласие заменить завтрак калачом, заявил, что об остальных просьбах сообщит начальству. Что же касается до отправки в Челябинск, то люди, назначенные туда, будут отправлены завтра, то есть 30 ноября, для чего они должны собраться во 2-й роте. При уходе командира из роты послышались голоса: «В Челябинск не поедем».

В этот же вечер по доносу капельмейстера⁷ Гумполеца, которому было известно о готовящемся на завтрашний день выступлении, командир экстренно собрал к себе на квартиру всех офицеров полка, полицеймейстера⁸ города и, сообщив им о готовящемся выступлении, предложил всем офицерам посетить ночью два раза свои роты, а в 6 часов утра быть в ротах с тем, чтобы в случае какого-либо брожения между солдатами принять всевозможные меры к успокоению и предупреждению «беспорядков».

Приказание было исполнено. Во 2-й роте капитан Волосович не обнаружил рядового Юдина и унтер-офицера Рыбалкина (организованных товарищей).

Товарищи делали свое дело. Ночью обошли околоток⁹, музыкантскую команду, конюхов, предупреждая, чтобы к 6 часам утра «было все готово».

В этот же вечер в помещении нестроевой команды в присутствии музыкантов фельдшер Воробьев читал прокламацию, в которой говори-

лось, что нужно дать отдельные койки, посуду и т. д. и что на другой день в 6 часов утра нужно собраться солдатам на площадь города.

Перетрусившее начальство все свои усилия направляло к тому, чтобы не допустить полк к публичному выступлению на улицу. Но это, как мы увидим ниже, не удалось.

Утром 30 ноября в музыкантскую команду прибыл прапорщик Меркульев и стал уговаривать музыкантов не ходить на площадь, а заявить свои требования здесь. В ответ послышались голоса: «Мы свои нужды заявим на площади».

Молодые музыканты оказались было штрейкбрехерами ¹⁰, отказываясь присоединиться, но затем единодушно примкнули. Команда оделась, взяла ружья и вышла было из помещения. Здесь встретили препятствие в лице штаб-горниста Тарасенкова, который не пускал команду из помещения. Стоявший впереди Манов крикнул: «Чего стоять, чего надумали, то и сделаем».

Делал попытки к недопущению на улицу музыкантской команды и прапорщик Меркульев. Ему кричали: «Нас требуют в полк».

Тогда он предложил им поставить ружья на место, построиться, и если они чего желают, то прежде всего заявили бы ему.

Команда послушалась. Манов заявил: «Полк решил требовать, чтобы не посылали 1901 и 1902 гг. в Челябинск и уволили бы эти года в запас. Есть еще другие требования, касающиеся внутренней жизни солдат, между прочим убрать старшего из музыкантской команды и заменить другим».

Прапорщик Меркульев стал уговаривать музыкантов и просил их дать обещание не выходить из команды, пока он съездит к командиру полка и не привезет им ответ. Ему дали обещание.

Вскоре после ухода Меркульева в команду пришли нестроевые, а затем пришедшие старые музыканты стали кричать: «Одевайтесь!» В команду прибежал из околотка находившийся на излечении ефрейтор Рошков, который, когда музыканты с инструментами в руках и с ружьями вышли на улицу, принял над ними командование.

Пошли с музыкой. По дороге к ним присоединилась швальня и команда конюхов. В последней не исполнили приказания фельдфебеля Дуракова запрячь ему лошадь. По требованию же музыкантской команды присоединиться к ним, Дураков, как и подобает фельдфебельскому сану, перелез через забор и убежал, оставив свою команду на произвол судьбы.

После присоединения конюхов отправились в 4-ю роту. Было уже около 8½ часов утра. Люди роты стояли на занятиях под наблюдением ротного командира капитана Дрекса.

С улицы послышался шум. Капитан Дрекс вышел на двор и увидел, что калитка на улицу была отперта и там стояли человек 100 музыкантов и нестроевых. На уговоры капитана пришедшие отвечали: «Довольно, ваше благородие, больше нет сил терпеть, а отвечать, так всем отвечать».

Другие кричали: «Каптенармус, дай патроны». Каптенармус ¹¹ унтер-офицер по требованию капитана Дрекса выдал 11 пачек лишь только своим людям.

Из 4-й роты все в том же порядке пошли в первую. Здесь также потребовали, чтобы солдаты роты одевались и присоединялись к ним. На уговоры капитана Скобелева и штабс-капитана Артюшкова вольноопределяющийся Губин, рядовой Манов и ефрейтор Рошков ответили, что требования свои они предъявят командиру полка на площади. Прибывший в роту прапорщик Меркульев сообщил, что командир полка получил телеграмму о приостановке посылки бобруйцев в Челябинск.

Вскоре приехал и командир полка Высоцкий. На его приветствие раздалось нестройное «здравия желаем»... Командир стал спрашивать, чего они хотят. Раздались голоса: «Мы о своих нуждах заявим на площади».

Сделана была последняя попытка — собраться по своим ротам. Но командиру ответили: «Мы о своих требованиях желаем сообщить сообща». Тем самым была подчеркнута солидарность между собой бобруйцев.

Несолоно хлебавши командир уехал, сказав, чтобы роты пошли во двор лазарета Красного Креста (на Воронежской улице).

Принявший команду капитан Дреус пытался вести их прямо во двор Красного Креста, чтобы затем послать за другими ротами. Боялся слишком большого скопления солдат.

Но послышались голоса: «Веди нас в 3-ю роту». Пришлось повиноваться.

В роте шли занятия гимнастикой под командой капитана Волосевича. На требование последнего идти на стрелковые занятия рота ответила отказом. Унтер-офицер Тацкий доложил, что люди не становятся на занятия, говорят про забастовки и он боится выдать им оружие.

Тогда штабс-капитан Логовинов и капитан Волосевич стали убеждать солдат не примыкать к забастовке. После некоторого молчания рота ответила, что забастовщиков больше и они силой заставят их примкнуть.

Воспользовавшись таким ответом, Логовинов сказал: «Достаточно одного залпа, чтобы разогнать их». Послышался единодушный возглас: «По своим стрелять не будем».

К этому времени в 3-ю роту подоспели восставшие товарищи-солдаты. Прибывшие потребовали выдачи патронов, грозя в противном случае сломать цейхгауз¹². Патроны были выданы. Логовинов же, боясь расправы, так как возмущенные солдаты требовали его выдачи, как передавали, спрятался за печку.

Во 2-й роте не было полного единодушия. Из 31 человека, бывших на занятиях (остальные были в карауле), собралось только 16 человек. Остальные 15 человек пошли отдельно под командой унтер-офицера, но по дороге растаяли, возвратившись в казармы.

Отдельно к Красному Кресту направилась учебная команда, впоследствии присоединившаяся к демонстрантам.

Необычайное, в неурочное время, торжественное шествие по улицам города солдат с музыкой, с флагами привлекло громадное количество публики, которая сопровождала солдат до самого Красного Креста. Вертевшиеся в толпе шпики арестовывали «неблагонадежных» — так был арестован т. Корсуненко и другие.

При проходе мимо помещения арестованных солдат слышались крики: «Освободить арестованных». Однако решили, что караул не позволит и не нужно своих выдавать.

Пришли во двор Красного Креста. Здесь выстроились в колонну, имея впереди учебную команду.

После того как восставшие отказались сообщить свои требования подполковнику Ковальскому, приехал сам командир полка Высоцкий.

Поздоровавшись с полком, командир стал спрашивать, какие требования они желают заявить.

Из рядов выступили вольноопределяющийся Губин и рядовой Юдин, которые, прежде чем предъявить свои требования, взяли с командира слово не подвергать репрессиям тех, кто от лица всего полка выскажут свои требования. Командир дал слово, которое, разумеется, впоследствии не сдержал.

Тогда Губин подал командиру полка пакет. В поданной петиции были сформулированы следующие требования: 1) немедленное увольнение в запас солдат 1901 и 1902 гг., 2) немедленное возвращение всех товарищей, посланных на усмирение восставших братьев крестьян, 3) вежливое обращение с солдатами на «вы», 4) посещение вольных митингов и собраний, 5) не делать из солдат прислуг офицерских, ибо солдат защитник народа, а не коровница, 6) в казармах поставить отдельные кровати и столики около каждой кровати, 7) давать отдельно чистую посуду, 8) разнообразие в пище, 9) чтобы солдаты не несли полицейской службы.

Затем было добавлено: «Если настоящие требования не будут удовлетворены немедленно, то все имеющиеся на руках средства будут использованы. Наше решение твердо, мы не остановимся ни перед чем. Особенно требуем увольнения в запас солдат 1901 и 1902 гг.»

Ознакомившись с содержанием петиции, командир полка заявил, что удовлетворить требования не в его власти и что он представит их командиру бригады.

Полк согласился, после чего тем же стройным порядком отправился по своим казармам.

Кроме того, за подписью группы солдат полка еще раньше было на имя командира полка послано анонимное заявление об удалении капитана Побуковского. В заявлении говорится: «Капитан Побуковский жестоко обращается с солдатами, постоянно сажает их в карцер. Наказание налагает на солдат с каким-то сладострастным удовольствием, и потому группа солдат полка требует удаления капитана Побуковского от командования батальоном». Далее говорится: «Требуем освобождения всех арестованных и их товарищей. Если эти требования не будут исполнены, то может пролиться кровь и виновником будет командир полка».

Для главных участников восстания это не прошло даром. 22 человека (Губин, Рыбалко, Рошков, Юдин, Рагожанский, Манов, Кравченко, Найчук, Онанко, Кулик, Бабенчук, Бентковский, Карчевский, Лювинский, Сорнат, Аристов, Матчик, Збраилов, Рембеляк, Коцик,

Баран, Скопенко) были преданы Казанскому военно-окружному суду и были приговорены к разным срокам наказания от 1 до 3 лет дисциплинарного батальона. Ввиду же неблагонадежности отбывали наказание в арестантских ротах.

Не давшее реальных результатов восстание имело громадное моральное значение для того тревожного времени. Полк сделался «неблагонадежным».

Поджали свои хвосты местные черносотенники разных мастей — истинно русские, союза Михаила Архангела¹³ и др.

Открыто говорили: «Была одна надежда на бобруйцев, и те нам изменили перед лицом белого царя».

Не менее местных черносотенцев, потерявших под собой почву, заволновался и Казанский военный округ. Был издан секретный приказ об образовании из Бобруйского полка дисциплинарного батальона, но почему-то в жизнь приказ не прошел, по-видимому, не было санкции центра.

После восстания вести работу среди солдат стало трудно. Усилилась слежка. Около казарм (за Царицей, дом б. Шлыкова) все время вертелись шпики, которые следили за проходящими. В казармы весьма было трудно попасть. В город же прибыли новые казачьи пополнения и свежие кавказские части.

☞————— Ф. Чекасинов —————☞

ФРАНЦУЗСКИЙ ЗАВОД [1905—1906]

Мне было всего 17 лет, когда ласточка пролетарской весны впервые залетела к нам на завод. Эту весну принес в нашу химическую лабораторию мартеновского цеха, где я работал, наш рабочий Рассудов Петр, влетевший с сияющим видом и криком: «Товарищи, свобода!» Захлебываясь от радости и подпрыгивая на одной ноге, продолжал говорить:

— Манифест издан о свободах¹.

Немного отдохнув от первого налета радости, громко запел «Марсельезу»². Побросав работу, рабочие лаборатории стали прислушиваться.

Я же после того, как влетел Рассудов и прокричал о свободе, остановился как вкопанный около своего станка, не сводя с него глаз. Я не мог сразу сообразить, что такое произошло, но инстинктивно чувствовал, что пришло что-то родное, великое и вместе с тем жуткое. Подойдя к смельчаку Рассудову, задаю ему вопрос:

— А тебе ничего не будет, что ты так здорово в этой песне отчеканиваешь царя?

— Из песен слов не выкинешь, — отвечал мне Рассудов. Я был большим тогда патриотом и слишком наивным. Однако я не в состоя-

нии был от него отстать, продолжая его допрашивать, что именно случилось и как надо понимать эту самую свободу. Но, к сожалению, сам виновник торжества многого не мог рассказать, так как знал только одну «Марсельезу» и от своих товарищей слышался о расстреле рабочих 9 января 1905 года³.

Кое-что рассказав об этих событиях, он добавил, что в Царицыне будут митинги, собрания и т. д.

— Если хочешь хорошенько узнать, что произошло, то иди в город, — был его совет.

В город, однако, я не пошел, так как нужно было идти 7 верст пешком.

В эту ночь я почти не спал, мне *хотелось знать*, что же в конце концов произошло и почему меня так сильно влечет к этому неведомому и таинственному.

На другой день, придя на работу в лабораторию, я прямо с места в карьер обратился к т. Рассудову с просьбой, не может ли он прийти ко мне на дом один и рассказать поподробнее, а также принести книжек, в которых обо всем этом написано.

— Книг у меня никаких нет, — отвечал Рассудов, — а насчет беседы с тобой одним у меня нет времени. Да кроме того, что тебе я уже передал, ничего больше не знаю. А вот давай так устроим. Созовем маленькое собрание из самых знакомых людей, на которых мы можем положиться. А я тем временем съезжу в город и привезу одного знакомого мне человека, который в курсе этого дела. Он подробно обо всем нам и расскажет. Чур, чтобы об этом никто не знал.

— Да что же тут такого опасного и преступного, ведь это все правда, — отпарировал я ему.

— Ты еще молод и наивен, как ребенок. Вот, когда узнаешь от этого человека, что за эту «правду» бывает, тогда заговоришь по-другому и патриотом наверняка уже не будешь. А теперь постарайся насчет квартиры, где бы нам собраться, — закончил беседу Рассудов.

Насчет квартиры трудностей больших не было. Придя домой, я рассказал о случившемся отцу, упомянув и о предполагаемом собрании. Оказалось, что отец тоже кое-что слышал и сам бы не прочь поближе узнать насчет манифеста и свободы. Решили созвать собрание у нас на квартире вечером.

Первое собрание

Наутро 19 октября я сообщил т. Рассудову, что квартира готова. Уговорились с отцом и другими собраться в 8 ч. вечера. С обеда Рассудов на работу не вышел, уехав в город за таинственным незнакомцем. Отец мой взялся приглашать знакомых в своем мартеновском цехе, а я в лаборатории.

Не дождусь, когда прогудит гудок и окончится надоедливая работа, разъедающая ядовитыми газами организм. Но вот гудок. Иду не иду, а прямо лечу. Прихожу домой. Отца еще не было. Говорю матери:

— Сегодня у нас будут гости, ты приготовь что-нибудь из закусок.

Сам стал убираться в зале, расставлять стулья, не забыв поставить на стол графин с водой, для отвода глаз. Все эти предосторожности мы считали необходимыми из боязни, чтобы никто не мог нас из посторонних заподозрить, что здесь собралось политическое собрание.

Вот наступило 8 часов. Начинают один за другим являться приглашенные. Я встречал на улице, с заднего хода, а отец с парадного крыльца. В половине девятого является Рассудов с незнакомым молодым человеком среднего роста, без усов и бороды. Поздоровавшись, незнакомец сел на стул, положив возле себя с чем-то узелок. Рассказав нам о революционной борьбе рабочего класса в России, подробно остановился на только что вышедшем манифесте и что нам, рабочим, нужно от него ждать. Пояснил также, что такое свобода слова, печати, собраний, союзов. По окончании призывал присутствующих товарищей к организации на заводе кружка. После беседы задавали много вопросов, решив в заключение создать такой кружок. На этом же собрании вступили в кружок: я, мой отец, Кустов Петр, Щипонов Андрей (погибший на заводе в 1912 г.), Рассудов и еще два человека, фамилии которых не помню. Хорошо помню, что он состоял из 7 человек. Так как рабочие все были из мартеновского цеха, то кружок поручил мне собирать, когда нужно, собрания, а также хранить и распространять литературу.

Когда все разошлись, приехавший из города товарищ оставил мне пачку литературы — брошюры, листовки. Советовал почаще собирать кружок и извещать его об этом.

Таким-то образом я и узнал то, что для меня было так смутно и неведомо. С жаром бросился на оставленную мне литературу, которую и стал читать, как говорят, запоем.

На другой день ко мне поздно вечером вновь приходит вчерашний товарищ и приносит подмышкой завернутое что-то в газету. Раскупориваю, смотрю — лист, а в листе что-то вроде холодного. Спрашиваю, что за штука такая.

— Это гектограф⁴, — отвечает товарищ.

И рассказал мне, к чему он предназначен, как с ним надо обращаться при печатании прокламаций и листовок.

Через три дня состоялось второе собрание кружка, на котором присутствовало уже до 20 человек.

Так и началась моя революционная работа. Жуткое, страшное пронеслось, канув в вечность.

Отношение рабочих к событиям 1905 г.

Рабочие бывшего Французского завода ⁵ (ныне «Красный Октябрь») в массе своей отнеслись к событиям совершенно спокойно. В то время, когда по всей России прокатилась волна забастовок, доходившая до вооруженных восстаний и баррикад, наш завод жил своей обыкновенной, будничной, серой жизнью, преспокойно порабатывая во славу своих «добрых» хозяев, бельгийских и французских капиталистов. Ни митингов, ни собраний не было. Была попытка со стороны меня и некоторых других товарищей, в знак солидарности с бастующим пролетариатом России, забастовать хотя бы на три дня, но из этого ничего не вышло. На нас грозно цыкнули, вдобавок обругав меня «молокососом, которого следует выдрать плеткой». Была полнейшая тишь да гладь. И это вполне понятно.

Большинство работающих на заводе были крестьяне, пришедшие на заработки из близлежащих деревень и сел, не успевшие еще понюхать, как следует, дыму и провариться в фабричном котле. При этом же у администрации завода была чрезвычайно хитрая политика по отношению к рабочим. На то они и просвещенные западные буржуа. Учитывая мелкособственническую душонку рабочих, пришедших недавно от земли и сохи, администрация разрешила каждому рабочему, кто пожелает, строить свои дома на земле, отведенной городской Управой заводоуправлению «Урал-Волга».

Построившийся рабочий, попадая в кабальный договор, окончательно делался покорной овечкой, которую администрация завода стригла, как ей заблагорассудится. А кто «забывался», осмеливаясь иногда заявить свои права, тому грозили увольнением с предложением построенный дом снести с арендованной земли.

Особенно свою собачью преданность к иностранным живодерам проявлял бывший заведующий завода, либеральничавший с рабочими, «голубчик» Голомбиевский.

Но кроме рабочих из пришлых крестьян были и чисто квалифицированные пролетарии из других промышленных городов. Но их была настолько мизерная кучка, что в общей массе рабочих-крестьян они были незаметной величиной. Революционной классовой борьбы в массе своей они тоже не испытывали, не участвуя ни в забастовках, ни в подпольных организациях.

Вот при таком пестром пролетарском составе нашего завода и началась моя после Октября революционная работа. У отца моего в доме было первое политическое собрание и организован был первый кружок. До того не было ни собраний, ни кружков, ни митингов. <...>

НАША «ТИПОГРАФИЯ» [1905—1906]

В Царицын я прибыл из Москвы в конце мая 1905 г. Вскоре здесь появились новые товарищи М. Судавский и А. Юхвит, после чего работа оживилась, усилилась связь с предприятиями города. Во второй половине октября 1905 г. был организован комитет Царицынской группы РСДРП, в который входили как большевики, так и меньшевики. Внутрипартийные разногласия в Царицынской группе тогда не были выявлены так остро, как впоследствии. Партийный комитет поэтому был объединенный. В первый избранный комитет входили Минин ¹, Гейман (Сибиряк), Судавский, Лерман, Юхвит, Б. Протопопов (после ареста руководителей отрекшийся от партии), Родин, Шишлянников (в 1917 г. разоблаченный как провокатор), Зайцевская и еще двое, фамилии которых не помню. Вскоре в комитет кооптировали и меня.

По существу, город в то время находился под влиянием партийного комитета и митингов. Полицейские власти пребывали в растерянности до получения твердых директив от своего начальства, а получили они их только в декабре, перед началом арестов. Получив известие по железнодорожному телеграфу, что в Москве началось вооруженное восстание ², комитет группы РСДРП назначил митинг на 13 декабря в депо Царицын Юго-Восточной железной дороги ³, где предполагалось призвать рабочих к забастовке в знак поддержки московских товарищей. Но на митинг был произведен налет, часть руководителей группы РСДРП (Минин, Судавский) были арестованы. Через несколько недель были схвачены жандармами Юхвит, Лерман и другие партийные работники.

Царицынской группе РСДРП очень необходима была своя типография. Однако организовать настоящую типографию было очень трудно, так как у нас не имелось необходимых для этого средств. Наиболее легким и доступным оказалось печатание прокламаций на гектографе ⁴. Дело это было поручено Борису Протопопову. Прокламации печатались в подвальном этаже дома Протопоповых по Пушкинской улице (при спуске к Царице). Меня комитет группы РСДРП рекомендовал помощником к Протопопову. В указанной квартире прокламации печатались до середины декабря 1905 г. После ареста руководителей группы РСДРП Протопоповы (а их было три брата) испугались последствий и предложили немедленно убрать куда-либо гектограф. Сами они отстранились от этого дела и от организации вообще. Забрав гектограф и все принадлежности к нему, я организовал печатание прокламаций.

Царицынская группа РСДРП довольно часто откликалась на волновавшие всю страну и наш город события. В октябре 1905 г. была выпущена прокламация в связи с разгоном демонстрации приказчиков черносотенцами ⁵. В листовке разоблачался царский манифест 17 октября ⁶ и

контрреволюционная политика самодержавного правительства и выражалась уверенность в победе рабочего класса и всего народа над царизмом. Обращаясь к рабочим Царицына, прокламация звала их с оружием в руках бороться против самодержавия.

— Товарищи, начинайте бороться сейчас же, не теряя ни минуты, — призывала листовка. — Присоединяйтесь к рабочим других городов и вместе с ними идите на борьбу с общим врагом — самодержавным правительством. Итак, товарищи, вперед, но не с пустыми руками, а с оружием в руках, только на насилие — насилием, только на выстрел — выстрелом можно и должно отвечать. Сейчас же, не теряя ни минуты, начинайте бороться.

В ноябре 1905 г. комитет Царицынской группы РСДРП выпустил воззвание к солдатам, призывавшее их присоединиться к революционному народу.

— Товарищи солдаты! Вы дали присягу против воли и желания, противную всем законам, — говорилось в этом воззвании. — Поклянитесь же теперь, что ваше оружие не будет употреблено против народа... Да здравствует единение войск с народом!

Такой призыв не остался без последствий. 30 ноября 1905 г. под влиянием революционных событий и большевистской агитации выступили солдаты расквартированного в Царицыне 226-го Бобруйского полка, предъявив командованию свои требования⁷. Прибывший срочно в Царицын генерал-адъютант Максимович доносил царю, что войска местного гарнизона предъявили требования, самовольно, при оружии, с музыкой ходят по городу, положение опасное. С большим трудом с помощью угроз и лживых обещаний царским военным властям удалось подавить выступление солдат-бобруйцев.

В декабре 1905 г. Царицынская группа РСДРП выпустила гектографированную прокламацию «К обществу» с призывом оказать помощь политическим заключенным. Листовка приглашала граждан жертвовать и собирать средства в пользу пострадавших за свои политические убеждения.

Накануне 9 января 1906 г. мы выпустили прокламацию, посвященную годовщине кровавого воскресенья⁸. Все эти листовки, воззвания оказывали сильное воздействие на рабочие и солдатские массы, на демократическую интеллигенцию.

«Типография» наша стала «кочующей», каждую листовку приходилось печатать на новом месте. Только к концу января мне удалось облюбовать отдельную квартиру на Дар-Горе⁹. Квартира была предложена жестянщиком Талалаевым, который, как выяснилось впоследствии, был провокатором. Переехав в нее вместе слевой Тальковским, семнадцатилетним рабочим-портным, мы приступили к печатанию прокламаций. В ночь на 26 января было отпечатано около 500 экземпляров. Рано утром Лева отправился с ними на другую квартиру, для дальнейшей пересылки по назначению. Прокламации Тальковский доставил благополучно. Оставшись один в квартире, затопив печь, я начал подготовку к печатанию отдельных листов революционных пе-

сен для сборника, который мы намеревались днями выпустить. Потребность в песнях была большая.

Часов в двенадцать дня на дворике при квартире (а он был совершенно отделен от других) появился незнакомый человек и стал разглядывать в окно внутренность квартиры. На мой вопрос «Что надо?» он ответил, что осматривает квартиру, так как намерен ее снять. Часа полтора-два спустя через двор к входной двери прошел жандармский унтер-офицер с двумя жандармами, затем помощник полицейского пристава второго участка и несколько полицейских. На стук я открыл дверь, и вся перечисленная компания с двумя понатыми, одним из которых был «разведчик», приступили к обыску.

Собственно, обыскивать было нечего, так как в квартире, кроме деревянной двухспальной кровати, большого обеденного стола и двух табуреток, ничего не было. Гектографы, бумага лежали в стороне, у стены. Оригиналы отпечатанных прокламаций были брошены в топившуюся печь. Кроме гектографической массы, чернил, листков готовящегося сборника песен, двух-трех стоп чистой бумаги и пяти револьверных патронов, ничего «противозаконного» не было обнаружено. В протоколе обыска записали: «отпечатаны, но не распространены песни...» На этом обыск закончился. В квартире была оставлена засада.

Меня со всем «багажом» посадили на извозчика и доставили во 2-й участок. После завершения формальностей отправили в царицынскую центральную тюрьму¹⁰. Лева Тальковский, возвращаясь на квартиру, встретил «кортеж» из трех пролеток, в которых заметил меня и жандармов. На квартиру он, конечно, не пошел. Тогда же выяснилась провокаторская роль Талалаева (он расстрелян в 1918 г. вместе с Молдавским, организатором контрреволюционного восстания в союзе «Грузолес»).

После разгрома жандармерией Царицынской группы РСДРП в феврале — марте 1906 г. был создан новый комитет социал-демократической организации, который продолжал пропагандистскую работу в кружках, выпускал прокламации, руководил стачками и демонстрациями.

С лета 1906 г. руководство в Царицынской группе РСДРП захватили меньшевики¹¹. Они своей раскольнической политикой дезорганизовывали работу группы. Только благодаря помощи Саратовского областного комитета РСДРП, присылавшего в течение 1907 г. нескольких своих представителей, в Царицынской группе был избран новый комитет и налажена работа.

НА ПАРТИЙНОМ ФРОНТЕ [1906—1907]

<...> Из Балашова ¹ наш путь лежал на Царицын. Царицынский централ ² произвел на меня очень хорошее впечатление своей архитектурой и чистотой и даже какую-то уютностью своих одиночных камер.

Здесь уже чувствовался большой фабричный город. Политических сидит много, подавляющий процент составляют рабочие, перед которыми аграрники отступают по численности. Режим свободный: каждый имеет свою одиночку, некоторые по личному желанию сидят по двое, переход из камеры в камеру довольно свободный. Но, пожалуй, еще свободнее общение между тюрьмой и волей.

В то время здесь сидел царицынский комитет РСДРП конца 1905 г., во главе которого стояли т. Минин ³, работник, хорошо известный и в настоящее время, и Сибиряк. Минин и Сибиряк пользовались в Царицыне колоссальным авторитетом и популярностью. Не меньшим авторитетом Минин пользовался и в тюрьме как среди заключенных, так и среди администрации.

Царицынский комитет РСДРП имел как бы две части: одна из них, менее авторитетная, находилась на воле и работала непосредственно среди масс, другая, главная, состоящая из наиболее авторитетных и выдержанных работников, — в тюрьме. Последняя, имея прямую связь с волей, была всегда в курсе дела Царицынской организации и фактически ею руководила. Из тюрьмы шли директивы, давались лозунги, писались обращения, воззвания и прокламации.

Настроение среди рабочих Царицына было энергичное и бодрое: Царицын, особенно большой Франко-Русский завод ⁴, весной и летом 1906 г. переживал период еще продолжающегося революционного подъема.

Показателем последнего явилась между прочим грандиознейшая демонстрация с красными знаменами и революционными лозунгами, которая имела место 1 мая 1906 г., рассказы о которой широко разошлись по Нижнему Поволжью. Десятки тысяч рабочих и молодежи демонстрировали по городу. Между казачьим отрядом, пытавшимся преградить путь шествию, и демонстрантами произошло столкновение, казаки стреляли в толпу, и человек 8—10 было убито, не считая десятков раненых.

Этот расстрел вызвал столь бурное негодование всего города и такие могучие демонстрации, что растерявшаяся администрация не осмелилась уже мешать общественным похоронам убитых, а когда толпа с телами расстрелянных товарищей подошла к тюрьме, администрация разрешила т. Минину и Сибиряку с крыши тюрьмы обратиться к народу с речью, прося их своим авторитетом посодействовать успокоению возбужденных масс. Прецедент, кажется, единственный в истории русско-

го революционного движения. Мне передавали, что речи говоривших с крыши товарищей едва ли оправдали надежды администрации...

Из уст в уста вплоть до Астрахани передавалась речь старика-отца одной из убитых — юной девушки. Он сказал между прочим, что гордится тем, что его дочь убита пулей в грудь: «Это лучший показатель того, что она была революционерка и не бежала»⁵. <...>

Пароход скоро отошел, но оставаться во Владимировке я считал для себя крайне опасным. Верстах в 60 от Владимировки вглубь степи находятся соляные промыслы (если не ошибаюсь, озеро Баскунчак), куда ходит узкоколейка. Я отправился туда — безопаснее. Я не сомневался, что если меня проворонили во Владимировке, то все равно будут усиленные поиски по всему пути до Царицына. Добравшись до промыслов, я бродил там дня два, ночуя в степи, наконец вернулся во Владимировку, сел ночью на пароход и добрался до Царицына.

Страшно изнервничавшись, не столько, пожалуй, самими перипетиями побега, сколько всем пережитым вообще за этот месяц — тюремным бунтом, избиением и пр., — ночью я вышел на улицу Царицына. Куда идти? — ни явок, ни связей, ни паспорта. В пустынных улицах мне все казались полицейские засады или патрули. Направляюсь на бульвар, навстречу мне доносятся веселые голоса большой компании молодежи. Думаю — была не была — если это группа учащейся или рабочей молодежи, остановлю их и расскажу, что я бежавший политический, и попрошу ночевку и дальнейшего содействия: по настроению молодежи того времени значительно больше шансов было на то, что во мне примут участие. Подхожу и вдруг вижу в числе этой компании Соню Раскину, которая приезжала летом от царицынской организации к нам в Астрахань за шрифтом и с которой я там встречался.

— Юрий, это вы! Что это значит? Откуда? — удивилась она.

— Я бежал только что из тюрьмы и теперь не имею ни паспорта, ни ночевки...

— Т-сс, — схватив меня за руку, шепнула она и сейчас же оттащила в сторону. — Что с вами? Разве можно так кричать об этом на весь бульвар, тем более что вы не знаете, с кем я, ведь это обычная обывательская публика...

Оказывается, мои нервы были так взвинчены, что я, не отдавая себе отчета, орал всюду о своем побеге, растеряв все соображения конспирации... Мне стало стыдно, когда я опомнился, но дело было уже сделано.

— Господа, — обратилась она к компании, — я должна буду пойти с этим человеком, я приду через полчаса.

— Я могла бы вас оставить ночевать у нас в доме, но после того, как вы так заинтриговали собой моих компаньонов, считаю это неудобным. Пойдемте, я сведу вас к своей подруге.

Скоро я сидел уже в тесном кругу партийных товарищей и за стаканом чаю, окончательно приведя в порядок свои нервы, выслушивал добродушные шуточки на тему, что «и на старуху бывает проруха» — намек на то, что я, старый подпольщик и опытный конспиратор, сделал на бульваре такой недопустимый конспиративный «ляпсус»...

Дня через два-три я, бритый и подстриженный, изменивши свою внешность, начал выходить и принимать участие в работе местной партийной организации. Обыватели, которых так напугалась было Соня, оказались народом достаточно деликатным, и никто ни одного вопроса ей обо мне не задал. Вскоре этот инцидент был позабыт. <...>

В Царицыне реакция уже чувствовалась заметно. Тюрьму подвинтили, она наполнялась новыми арестованными, организация ушла глубже в подполье. Но что было всего тяжелее, это признаки усталости и какой-то апатичности к политическим и общественным вопросам, которые ясно начали выступать среди рабочих Франко-Русского завода, главного центра нашей работы. Вместо митингов собирались уже в потайных местах, в балках, массовки. Посещаемость их начала заметно падать. Но организация еще жила энергичной жизнью, количество членов продолжало увеличиваться, регулярно происходили как собрания руководящих органов, так и периферии. В пропагандистских интеллигентских силах особого недостатка не замечалось. Хотя тюрьма была переполнена политиками, но на воле эта убыль особенно заметно не чувствовалась, ибо ряды активных работников непрерывно пополнялись как из периферийных кружков, так и приездом со стороны.

Переброска работников из организации в организацию в этот период благодаря усилившимся полицейским репрессиям приобрела массовый характер. Эта переброска по политическим условиям переживаемого момента не могла носить строго планомерного централизованного характера, обычно организации сами обменивались работниками, которые так или иначе были «замараны» на месте своей прежней работы. Некоторое руководство в этот стихийный обмен между организациями активными работниками вносили районные бюро Центрального комитета.

Хотя я и переименовал свою астраханскую кличку Юрия на Валериана, но, тем не менее, оставаться долго на работе в Царицыне мне было нельзя, раз полиции стало известно о моем пребывании в Царицыне. Встал вопрос, куда ехать. В это время в Царицын приехал один из екатеринославских работников, который и дал мне явку в екатеринославский Комитет. Заручившись удостоверением царицынского Комитета, что я активный член партии, еду в Екатеринослав⁶. <...>

В Царицын я приехал за день до первого мая. За почти годовое отсутствие здесь уже многое изменилось в организации. В тюрьме была попытка «вязки» надзирателей с целью побега политических, что послужило предлогом настолько «подвинтить» тюрьму, что скоро она приобрела печальную известность своими гнусными порядками и издевательством над личностью заключенных. В организации заметно опустел ее интеллигентский состав. В рабочих была острая нужда. Рабочие ячейки, сильно ослабленные как количественно, так и качественно, арестами и выходами, при почти прекратившемся притоке, еще пытались вести партийную работу, выбрали комитет, но он был слаб и неопытен. Мне

они страшно обрадовались и усиленно просили остаться на первое мая и провести массовку. Я согласился.

Накануне первого мая, вечером, у нас было предварительное собрание в одной из балок за городом. Из ораторов был я и один приезжий казак из Донской области, бежавший, кажется, с каторги. Массовка прошла успешно. После ее окончания вопрос встал о нашей ночевке. Нужно сказать, что я, зная, что перед первым мая полиция всегда производит обыски и аресты, предупредил организацию, что если у них нет совершенно чистой квартиры для моей ночевки, где можно было бы не рисковать попасть под обыск, то я предпочитаю ночевать просто на «вольном воздухе» в степи, чем идти на сомнительную квартиру. Меня уверили, что квартиру мне дадут безукоризненно чистую. Организатор собрания подводит меня к какой-то девице, у которой я и должен буду ночевать вместе с казаком.

В город мы отправились компанией в пять человек — хозяйка ночевки, ее две подруги и я с казаком. Мы весело болтали и чувствовали себя совершенно спокойно. Но когда начали подходить к тому району, в котором жила ведшая нас к себе девица, мое внимание, уже старого конспиратора, обратил на себя тот факт, что на углах не было ни постовых городских, ни сторожей. Я высказал подозрение, что они взяты на обыски или в засаду в этом районе. Девицы начали смеяться над моей «чрезмерной осторожностью», прозрачно намекая, что я трушу. Они говорили, что отсутствие городских и сторожей по ночам в Царицыне дело обычное. Я имел глупость поддаться на их насмешки и усыпить свою бдительность.

Однако, когда мы подошли к дому, инстинктивная тревога вновь охватила меня. Я предложил всей компании перейти на тротуар другой стороны, а хозяйке дойти домой одной, посмотреть и в случае благополучия в доме выйти к нам навстречу. Публика пришла совсем уже в веселое настроение... Подходим к воротам дома — у ворот никого. Квартира, где мы должны были ночевать, лежала в самом углу большого двора, освещенного луной. Мы вошли во двор, подходим к заднему строению, вдруг... в тени крыльца я вижу темные силуэты...

«Засада!» — остро мелькнула у меня мысль и, не меняя шага, я делаю полуоборот вправо к забору и спокойно иду.

— Стой, стрелять будем! — раздаются крики, и из темноты выскакивают городовые с вынутыми наганями. Пришлось остановиться.

— Пожалуйте, пожалуйста, — любезно пригласил нас руководивший отрядом полиции околоточный, — господин пристав давно вас ожидает.

Делать нечего, пришлось нам зайти в квартиру. У казака паспорта не оказалось, у меня же была фальшивка на имя Ивана Степановича Крюкова, мещанина города Рузы⁷, Московской губернии, которую я написал сам. Так как здесь я не был прописан и назвал только что приехавшим, то меня задержали вместе с казаком «до выяснения личности», как мне объяснил пристав, так как в квартире ничего предосудительного не нашли.

Как выяснилось впоследствии, этот наш провал был делом самой нелепейшей случайности: с обыском приходили не в ту квартиру, куда

мы шли ночевать (в нижнем этаже), а в одну из верхних. Там и сидел тот пристав, который, по заявлению околоточного, «нас уже давно поджидал». Таким образом ждали-то вовсе не нас, а мы сами сунулись к ним в лапы, вслепую...

Как бы то ни было, но пришлось мне сесть в участок. Проходит день, другой. Я сижу в камере вместе с уголовными без всяких вещей и без постельного белья, окно выбито, холод, нары кишат клопами, как и полагается во всяком полицейском участке. Спать приходилось на голых досках, под голову клал ботинки, завернутые в верхнюю рубашу, укрывался пиджаком... Грешный человек, эксплуатировал я своих «ближних» — сидевшую со мной уголовную шпану: часов в десять-одиннадцать они все уже пожились спать вповалку на нарах и как-то ухитрялись спокойно храпеть, несмотря на миллиарды клопов. И вот я заметил, что если я ложился часа два-три спустя после того, как уснули уголовные, то меня кусали меньше, ибо главные полчища клопов успевали к тому времени сконцентрировать свои силы вокруг уголовщины.

Так как я разыгрывал из себя самого обыкновенного обывателя, задержанного по недоразумению, то чуть ли не с первого дня ареста я начал, что называется, «скулить» — жаловаться надзирателям, что меня несправедливо держат, делал заявления дежурному околоточному, писал «прошения» и приставу, и полицмейстеру⁸, в которых наивничал всюю, ссылаясь на «закон», по которому нельзя держать человека под арестом «безвинно». Никакого толку из этого, конечно, не выходило, но если бы я этого не делал, полиция могла бы быстро смекнуть, что я «из бывалых». Старшего полицейского надзирателя участка я совсем убедил в своей благонадежности.

— Ничего, Крюков, Бог даст, выпустят. Человек-то ты видать хороший. Не робей, мы еще с тобой, когда тебя освободят, пару пива выпьем.

Дней через десять меня вызывают в полицейское управление, где какой-то полицейский чин и начальник местного сыскного отделения предлагают мне ознакомиться с только что полученной бумагой. Это было отношение — справка из Рузы, в которой сообщалось, что «в числе мещан города Рузы Крюков не числится, а паспорт за моим номером выдан девице Пелагее Никоновой»...

— Ну-с, — говорит пристав, — кто же вы есть на самом деле? Хотите быть бродягой или откроетесь?

— Постойте, постойте, — говорит начальник сыскного отделения, внимательно вглядываясь в меня, — да я вас где-то видел. Э-э, да вы в прошлом году, кажется, ехали через Царицын под надзор в Астрахань, только вот фамилию не помню.

Я позавидовал способности сыщика запомнить однажды виденное год тому назад лицо, но мне стало ясно, что скрываться нечего — только время понапрасну протянешь, и я назвал себя.

Через несколько дней на извещение царицынского полицейского управления в Астрахань о моем задержании от губернатора Астрахани была получена телеграмма, требующая меня в Астрахань. Дня через 3—4 я был уже там. <...>

КОНЕЦ ПРАВОСЛАВНОЙ СКАЗКИ [1911]

Шестого февраля этого года, часов около трех дня, я подъезжал к царицынскому Свято-Духову монастырю, основанному иеромонахом¹ Илиодором.

Еще издали перед моими глазами открылась бледно-синяя четырехэтажная каменная громада, похожая на крепость со своими частыми круглыми оконцами в верхних этажах, напоминающими черные жерла пушек.

Впечатление это тотчас же смягчилось высящимися из-за стен церковными куполами да на передней стене, над воротами, двумя большими полукруглыми картинами, изображающими события из Священного Писания.

Хотя служба должна начаться в пять часов, но по случаю воскресного дня и того тревожного настроения, которое испытывали прихожане, вследствие немилости со стороны властей, обрушившейся на голову их пастыря, народ с раннего утра толпился около монастыря. Лица у всех этих чернорабочих русских людей степенные, серьезные; речь тихая, сдержанная, полушепотом; между собою и с посторонними все вежливы и даже приветливы. До начала вечерни некоторые почитатели отца Илиодора из числа более развитых и влиятельных показали мне почти весь монастырский корпус, сплошным растянутым четырехугольником окружающий собою обширный храм с низкими куполами.

Кельи на 120 человек братии небольшие, но светлые, белые, с высокими потолками, полы везде крашеные, странноприимный дом на 50 человек, поместительные архиерейские покои, обширные братские трапезные; помещение для религиозно-просветительского братства и для неосуществившейся типографии, множество всяких служб и огромный длинный зал для собеседования, заставленный по стенам большими переносными картинами патриотического содержания и с изображениями государей во весь рост.

Все картины написаны масляными красками, видимо, руками домоощенных малоискусных живописцев.

Во всем огромном здании водяное отопление. Кое-где лопнули трубы и разлившаяся по полу вода замерзла.

— Экие негодные! — со страданием в голосе стыдил полушепотом сопровождавшего нас монастырского служку Аникин, по профессии мелкий торговец. — Чего вы смотрели, такой срам... Перед чужими людьми глаза лопаются... Грязь везде... Приедет батюшка, какими глазами будете глядеть?

Отец Илиодор уже несколько дней находился в Сердобске² у епископа Гермогена, и с каждым поездом его ждали в Царицыне.

— Без хозяина дом сирота, — со снисходительной улыбкой заметил казак Косицын.

— О-о, как у нас хорошо бывает, ежели бы вы знали, — прошептывая и шепелявя, говорил Аникин, и голова его покачивалась, шевелилась длинная, рыжеватая борода, и серые глаза то полузакрывались, то мечтательно устремлялись вдаль. — Летом в праздничное время у нас устраиваются патриотические шествия. Каждую такую картину человек 20—30 поднимают... страсть чижолые... у нас носилки такие есть для них... нарочно заказывали... Певчие впереди... Батюшка сам управляет. Народу-то, народу что соберется. Как вытянутся все эти картины одна за другой... Да как глянуть так издали, со стороны, красота неопишная!

— Что же у вас поют во время шествий?

— А разные патриотические песни... «Русь идет!», «Боже Царя храни» и другие... Батюшка научил. И вот как жалко, что вы не слышали нашего пения. Уж так у нас хорошо поют, уж так распрекрасно!

Монах впереди процессии... песни... что за странность?! — подумал я.

Шмелев, хозяин небольшой шапочной мастерской, как бы угадал мои мысли.

— Да наш батюшка — Суворов³, прямо Суворов! Ей-Богу, кабы он не сделался монахом, наверно, был бы полководец. Поглядеть на него — в чем только душа держится: худенький, без кровиночки в лице, а ловкий, проворный — прямо на удивление...

— Летом в процессиях приходится часто с ним ходить, — дополнил Косицын. — Жара, пыль, еле дышишь... Мы все — на вид куда крепче его, измотаемся вконец, с ног валимся, а он бежит, поет и хоть бы что... Сапоги у него на толстых подошвах, с гвоздиками, тяжеленные, а он их будто и не замечает... право! Удивительный человек! Какой-то во всем скорый и проворный. И в деле такой же. Придешь к нему по какому-нибудь важному делу, спросишь его. Другой на его месте еще сколько бы голову ломал. А у него всегда на все готов ответ. Ни минуточки не задумается. И все, что ни скажет, все к делу, все к месту.

— И как бы у него на сердце тягостно ни было, — отозвался Шмелев, — всегда смеется, всегда веселый. Иной раз что только он, бедный, переносит на сердце — не приведи Господи! — а наружу не выдаст никогда.

Отсюда двором мы прошли в келью иеромонаха. Отец Илиодор со своим келейником помещался в трех крошечных, чистеньких комнатках, производящих впечатление полной пустынности, точно тут никто никогда не жил. Ни пылиночки нигде, ни коврика на полу, никакой нигде одежды или хотя бы шкафа. Желтый пол. Чуть-чуть пахнет краской. Дешевенькие иконы по углам, с теплящейся перед одной из них лампадой, два посоха, прислоненные к стене, под иконой в первой комнатке, тут же на маленьком угольничке лежит клобук⁴, в третьей комнатке простой столик, заваленный книгами религиозного содержания, два венских стула перед ним, а у стены, против окна, — узкая сосновая скамья с приподнятым изголовьем, на котором лежала белоснежная подушка-блин. Аникин открыл одело с простыней и приподнял подушку.

— Вот, еле-еле уговорили, да и то недавно, когда уж очинно болен был, чтобы принял эту подушечку. Ведь спит-то, видите, на голых досках и под голову ничего не подкладывает...

— Мучит себя батюшка и ничего с ним не поделаешь. Как ни проси — никого не слушает, — заметил Шмелев.

— Што уж тут, — подхватил Емельян — апатичного вида старый келейник отца Илиодора, — коли спит всего 2—3 часа в ночь, почти не ест, поточит хлебца, как мышка, — тем и сыт на весь день, к порции монастырской когда-когда дотронется, а чаю совсем не пьет... рази летом, когда уж жарко очинно, хруктовой водицы немного выпьет или грушу скушает...

Когда я вошел в церковь, служба только что началась. Громадный храм был полон молящихся. Он освещался тысячами лампадок, которые теплились перед образами, колеблющимся будто замирающим светом, мерцали по всем частым переплетам высоких, узких окон и световой прерывистой лентой опоясывали низы хор.

Арка посередине соединяет две части храма — ближнюю от входа, более обширную и вместительную, и дальнюю — суживающуюся и ведущую к погруженному в таинственный сумрак алтарю.

Тяжелый железный свод с куполами опрокинут прямо на стены и нигде из середины не подперт ни единой колонной.

В высоком пролете арки на амвоне стояла на виду у всех большая икона святых Пантелеймона-Целителя⁵ и Серафима Саровского⁶, ярко освещенная снопом зажженных свечей, блистая позолотой риз.

Это место во всем таинственно-сумрачном храме являлось ярким светочем, приковывавшим взоры всех молящихся.

Пока священник с причетником читали положенные молитвы, я ничего особенного не заметил. Служба такая же, как и везде в наших приходских церквях. Но вот дьякон возгласил: «Миром Господу помолимся!», и невидимые мною певчие сотнями чудесных голосов откуда-то откликнулись: «Господи, помилуй!»

Мягко, стройно и вместе отчетливо и мощно отчеканивался под сводами и разносился по всей церкви каждый звук, каждое слово.

Я невольно встрепенулся, насторожился и, совершенно неподготовленный ни к чему подобному, изумленно оглядывал сумрачный храм, ища глазами чарующий хор. Но, как я ни силился, нигде не видал даже клироса⁷, по направлению же звуков определил, что певчие должны помещаться где-нибудь посередине церкви, около арки.

Служба шла. Я, пораженный и захваченный мощностью тысячеголосного хора, его непостижимой стройностью, трогательностью старых напевов и какой-то высокой религиозной торжественностью, ловил эти близкие душе и сердцу звуки, как будто родные мне, нужные, когда-то услышанные, но давно забытые.

Иногда изредка от царских врат перекликался с этими певчими отдаленный малочисленный хор.

Как потом мне объяснили, то пели монахи.

Не сразу я заметил, что стоявшая неподалеку от меня пожилая женщина высоким, но небольшим сопрано уверенно подтягивала невидимым певчим; Шмелев, подняв вверх бритый подбородок, тенорком выводил замысловатые переливы; грузный, с проседью в бороде мужчина, стоявший впереди меня, склонив голову на толстой, крепкой шее, старательно тянул густой октавой, и издаваемые им звуки, казалось, с великой натугой выпирались из уст его и двигались по храму тягуче, медленно, как огромное, тяжелое бревно...

И сколько я мог окинуть глазом, многие вокруг меня пели, поразило же меня особенно то, что не только никто не обнаруживал ни малейшей заминки в словах или фальши в напевах, но все одновременно мягко, приятно для слуха отчеканивали каждое слово песнопений!

В храме на этот раз было не менее 6000 человек, и, не погрешая перед правдой, могу положительно утверждать, что пело не менее трети всех молившихся, то есть 2000 голосов!

Басы, как волны морского прибоя, гневно рокотали и неповоротливой, грузной лавой медленно и грозно двигались по самому низу, с каким-то тяжким придыханием плескаясь и напирая на тесные им стены храма, казалось, готовые разворотить их; над ними парили, их умеряли, их как бы успокаивали не столь гневные и более поворотливые баритонные звуки; тенора забирали далеко выше и легкие, гибкие, но с оттенком возвышенной печали, точно вышивали грустные изображения и причудливые узоры по плотному бархатному фону, а свежие, как дыхание молодой весны, звонкие детские и девичьи голоса, казалось, венчали собою эту трагически торжественную звуковую бурю, исторгнутую из тысяч человеческих грудей, и, умирительно звеня, как неисчислимые нежные серебряные колокольчики, уносились ввысь, за темный купол, к далекому небу, как самая непорочная и угодная Богу молитва...

Это соборное всенародное пение произвело на меня неизгладимое впечатление.

Потрясенный, с какими-то мне самому дотоле неизвестными, теперь затрепетавшими струнками в сердце, я невольно и незаметно для себя весь отдался невыразимо сладостному и вместе щемящему очарованию этих звуков и почувствовал, без оговорок, почувствовал всей полнотой своего существа, что здесь, в этом православном храме, среди этих простых православных людей, я — свой, связанный с ними всей кровью своей и всеми нитями души и сердца.

Зачерствелое маловерное сердце согрелось, душа греховная, тяжелая, на крыльях всеобщего возвышенного подъема легко и сладостно, и больно возносится к престолу Всевышнего, с уст сами собою срываются слова пламенной молитвы... Точно какой-то вдохновенный волшебник коснулся искусными руками до глубоко дремавших струн души, и они разом, во всей полноте дали ответные звуки...

Кончилась вечерня; начался акафист⁸ Божией Матери.

Церковь запела кондак ⁹: «Избранной от всех родов Заступнице рода христианского, покровом Своей благодати покрывающей страну нашу православную»...

И под это дивное, умиляющее пение с накипающими в сердце слезами жалости от всей души молишься за несчастную «страну нашу православную», молишься, как верный сын, болеющий болью своей многострадальной поруганной матери, а из-под купола медленно и торжественно, залитая светом зажженных свечей паникадила ¹⁰, спускалась к середине храма икона Казанской Божией Матери ¹¹.

В руках у каждого молящегося оказалось по затепленной свече. В храме стало значительно светлее; лики святых переднего иконостаса ¹², составляющего продолжение сторон арки, выглянули точно из рассеивающего тумана; далеко в глубине церкви царские врата, доселе погруженные во мрак, заблестели своею темноватою позолотой.

Только тут я заметил, что по обоим бокам громадной арки, на возвышенных полукруглых кафедрах стояло по одному регенту в стихарях ¹³. Они-то и руководили всеми поющими.

Сладостные напевы икосов ¹⁴ и кондаков сменяли один другого.

Регент ¹⁵ правого крыла, вырисовываясь почти всей темной фигурой своей над головами молящихся, облитый резкими колеблющимися переливами света и теней, взмахивал широкими темными рукавами, и правая половина церкви бодро, ликующе пела: «Радуйся, праведных веселие!» И лишь только она замолкла, левый регент, не теряя ни единой лишней секунды, также взмахивал руками, и его половина поющих так же бодро и ликующе откликалась: «Радуйся, грешных упование!»

Но лишь только замирали последние звуки поющих левой стороны, как оба регента одновременно поднимали и опускали руки, и вся церковь величаво, торжественно гремела: «Радуйся, Заступница усердная рода христианского!»

Рокотали басы; бархатисто им вторили баритоны: тенора плели свои изумительные узоры, а детские и девичьи голоса, восторженно звеня, славословили и молились...

Уже много времени спустя, к середине длинного акафиста, немного опомнившись и разобравшись в своих впечатлениях, я обратился к моему соседу Шмелеву:

— Что это такое? Чудо какое-то, сказка? Чуть не все поют и как! Откуда такие голоса? Кто, когда обучил?

— Кто же больше?! Все он, наш батюшка... — зашептал скороговоркой мой собеседник.

— Тут жарко. Не хотите ли на хоры? — предложил мне Косицын.

Действительно, становилось нестерпимо душно, несмотря на обширность храма, высоту его сводов и постоянно открываемые двери. Я охотно согласился.

Когда мы со Шмелевым перешептывались, от моего внимания не ускользнуло, что ближние молящиеся недоумевающе оглядывались на

нас, и, только поднимаясь по лестнице на хоры, я понял значение этих укоризненных взглядов.

— Какая у вас удивительная благопристойность и чинность в церкви. Никто не позволяет себе ни единого лишнего движения...

Мой спутник с искренним негодованием перебил меня:

— Какая чинность?! Распустились без батюшки, загрязнили церковь. Посмотрели бы при батюшке! Никто не смеет шелохнуться.

— Разве он строг очень?

— Да-а... — протянул он, — поначалу делал выговоры. Знаете, какой наш народ: в церкви как в кабаке стоит. Ну, батюшка сразу их научил, а теперь узнали батюшкин нрав — уж всяк за собой следит.

— Когда же успел отец Илиодор обучить певчих?

— Он все успевает. Такой уж человек. А что труда-то положено — не приведи Бог... — протянул он и махнул рукой.

— И все сам лично или были помощники?

— Какие там помощники?! Все сам. Регентов уже потом подобрал и обучил.

Только с хор я разглядел, что певчие — все с печатными акафистами в руках стояли перед аркой. Место, предназначенное для них, было обнесено низкой точеной балюстрадой ¹⁶.

— У нас певчих всего 800 человек, — выяснил мне Косицын, — 200 мужчин, остальные — дети от 8 лет и девушки. Много гимназисток. Вместо того, чтобы по вечерам шататься по скверам и заниматься распутством, как другая молодежь, они идут в церковь. Наш город до крайности безнравственный. Только вот наш батюшка подтянул, а то Содом ¹⁷ был, чистый Содом!

С высоты хор, при зажженных свечах, я хорошо рассмотрел находившихся в храме, и меня удивило подавляющее преобладание бородатых мужских лиц над женскими и детскими. О своих наблюдениях я сообщил Косицыну.

— Нынче — воскресенье, свободный день, — объяснил он. — Вот и пришли больше мужчины, а женщины остались дома. Рабочему человеку, сами знаете, в будни ходить неколи, вот и ходят у нас на переменах. Ведь в церкви нашей не помещается и четвертая часть всех прихожан. Летом во время службы открываем вон еще запасные двери, и весь двор всегда полон народа...

— Но ведь сколько же сейчас пришло?

— Что вы?! Теперь мы с вами все-таки протискались на хоры, при батюшке же этого невозможно. Все битком бы было набито, а храм вмещает всего только 8 тысяч человек.

Рядом с нами, у самой стены, с затепленной тоненькой свечкой в руке стояла молодая женщина, по виду жена рабочего, сбоку от нее девочка лет семи, а позади за спинами молящихся завернутый в одеяльце и положенный на полу крепко спал грудной малютка.

— Ты откуда, молодец? — спросил Косицын.

— А с Вор-Горы. Замкнула хату, ребятишек в охапку и сюда, — ответила веселая, словоохотливая прихожанка.

— До Вор-Горы не менее трех верст, — пояснил мне Косицын, — и вот видите...

Я, прижмурив глаза, глянув вниз. Темная масса человеческих голов и более светлая неровная полоса из лиц исчезла, остались одни часто мерцающие звездочки, ритмично колыхаясь, точно они покачивались на легких зыбучих волнах.

А весь храм умирительно звенел. Басов почти не было слышно. Они только чувствовались ухом, точно спрятались в подполье и потихоньку гудели оттуда, зато высокие детские и девичьи голоса то нежно замирали, то свободно разливались по всему простору храма.

«...Умоли, Милосердная Мати, Сына Твоего и Бога нашего, Господа Иисуса Христа, да сохранить мирну страну нашу, да утвердить державу Благочестивейшего Самодержавнейшего Великого Государя нашего Императора Николая Александровича...»¹⁸

И молишься тут, молишься от всего растроганного сердца, молишься за свою великую, но бедную родину, истерзанную, опоганенную и оклеветанную всякой нечистью... молишься за заблудший, погрязший в пороках родной православный народ, являющий собою в руках истинного пастыря такой высокий пример духовной красоты, и как никогда и нигде чувствуешь тут свою кровную близость с ним, молишься за своего царя, столько перестрадавшего, столько перенесшего испытаний, просишь для него сил у Бога нести тяжкое бремя правления, а внутри накапливают слезы.

Служба кончилась.

Народ расходился медленно и чинно, без всякой суеты, топота и давки. Больше тысячи человек — по примеру предыдущих дней — осталось в храме для ночного бдения. Делалось это добровольцами-прихожанами для того, чтобы умолить Бога об оставлении отца Илиодора в Царицыне.

Я посмотрел на часы.

Оказалось 9¹/₂ часов вечера. Значит, я простоял 4¹/₂ часа подряд и не заметил, как летело время и не чувствовал ни малейшей усталости.

Я — плохой христианин, не часто навещаю церковь, и с великой скукой и усталостью выстаиваю 1¹/₂ — 2-часовую службу. Теперь, наоборот, на душе у меня посвежело, я чувствовал себя радостным и бодрым, как бедняк, получивший вдруг нежданно-негаданно большое богатство.

На следующий день, 7 февраля утром, в монастыре была получена телеграмма, извещавшая, что отец Илиодор выехал из Сердобска в Царицын.

Я остался дожидаться его.

Весь этот день и вечер знакомые мне почитатели иеромонаха толпились у меня в номере гостиницы.

Все это были простые русские люди: мелкие торговцы, конторщики, хозяева ремесленных заведений, безгранично преданные своему пастырю и уже запуганные и удрученные гонением на него.

Ко мне они с самого начала отнеслись с доверием, увидев, что я не только не враг их батюшки, но даже и не предубежденный против него человек. После же осмотра монастыря и особенно по окончании описанной мною службы, когда я не мог не выразить вслух восторженного удивления перед создателем всего виденного и слышанного мною, они, видимо, совсем душевно расположились ко мне и, уже не стесняясь, высказывали свои надежды, скорби, обиды и опасения.

— В какой же срок у вас выстроена лавра ¹⁹? — допрашивал я.

— В 2½ года, — ответил Косицын. — Батюшка приехал к нам 1 марта 1908 года. Еще полных трех лет нету. Поселили его на том месте, где теперь лавра.

— Там был пустырь, — пояснил Шмелев, — колючка росла, забор повалился, внутри была церковка, так заброшенная, человек на сто, у церковки пономарка ²⁰ — три шага длины да шага полтора ширины. В ней поселили батюшку, а в кармане у него три рубля семь гривен ²¹. Что он перенес тут — не приведи Бог...

— Батюшка сперва служил в городе по церквам, — продолжал Косицын. — Тут сейчас же попы взбеленились. Зависть взяла. Где батюшка служит — там народу — негде яблоку упасть, а в других церквах — хоть шаром покати. Когда наступило теплое время, батюшка приказал сделать у себя на пустыре возвышение из бревен и стал служить прямо под открытым небом. Народ и повалил к нему...

— И как же хорошо было! — воскликнул Аникин, прижмуривая свои загоревшиеся восторгом глаза. — В особенности, помню, раз в Светлое Воскресенье ²². Светало. Тепло, тихо было. Иконы, хоругви, кадильный дым... Народу страсть. Батюшка молодой да красивый в белом облачении вот, как ангел, ей-Богу, стоит это на виду у всех, на возвышенном месте... голос у него тонкий да резкий, так вот наскрозь и пронизывает. Поет, говорит так, что где бы кто ни стоял, всем слышно. Певчие наши поют — до города доносится... Да служба какая в Светлое Воскресенье! То есть так распрекрасно, что и сказать нельзя!

— Верите ли, И.А., — продолжал Аникин, совсем воодушевившись и подняв руку вверх с двумя оттопыренными пальцами, — когда батюшка служит, а в особенности ежели говорит проповедь, в храме у нас такая тишина, что коли б где-нибудь чуть зажужжала муха — во всех углах будет слышно, ей-Богу то есть, вот как... Даже до удивительности...

— Во сколько обошлась лавра? — допрашивал я.

— Затрачено на нее около 300 тысяч.

Незначительность названной суммы в сравнении с тем, что на эти деньги сделано, меня поразила. На мой взгляд, на создание такой громады общепринятым порядком, то есть с архитекторами, с неизбежными хищениями, с не всегда добросовестными подрядчиками, с отлыниваю-

щими рабочими и т. п., надо затратить по крайней мере миллион, а если это здание казенное, то и значительно больше...

— Деньги все черный народ по грошам да по копейкам в кружки да на тарелки понабросал, — разъяснял Козицын. — Самое крупное пожертвование было в 1000 рублей, дал один богатый здешний купец. А сколько тут добровольного труда положено — и сказать нельзя. Скажет, бывало, батюшка после службы, что завтра надо, чтобы столько-то сот лопат на работу вышло, ну, на другое утро добровольцы и станут, а кто сам не может, несет пищу рабочим...

— Крышу купола надо было возводить, — вставил Шмелев, — батюшка и скажи за вечерней, что касса у него пуста. И, Боже мой, что только было утром! Все железо раскупили в Царицыне. Кто тащит лист под мышкой, кто два, детишки вкладчину покупали по листку. Сколько смеху-то было!

— Нас засмеяли тогда в городе, как железо на себе в монастырь таскали. Ну да ничего, зато у нас свой храм, есть где Богу помолиться, а вон город больше 12 годов собор строит, сколько денег-то ухлопано, сколько народу под суд пошло за воровство, а все и доселе без крестов стоит и ни снаружи, ни снутри не отделан.

— Кто же у вас заведывал работами? — полюбопытствовал я.

Мои собеседники сперва не поняли моего вопроса, а потом удивились.

— Да батюшка. Кому же больше?! — ответили они. — И что он за это вытерпел, даже вспомнить-то страшно! Придирки от городского комитета на каждом шагу, в особенности когда стены были уже готовы и надо было возводить купола и крышу. Комитет настаивает, чтобы изнутри были поставлены колонны, а то свод рухнет. Батюшка ни за что не соглашается, говорит, что у него так рассчитано, что стены не дадут ни одной трещины. Уж мытарили, мытарили его, и как ему удалось настоять на своем — Господь его знает, только колонн так и не поставили и стены не дали ни одной трещины.

Тут они досказали мне до ужаса прискорбные вещи. С одной стороны, у молодого монаха невероятные труды, хлопоты, вечные тревоги по постройке миллионного монастыря без копейки наличных денег, нескончаемые трения с городским строительным комитетом... к тому же долгие службы, пастырские собеседования, обучение тысячеголосного хора, непрерывный пост, уединенная молитва, всенощные бдения... С другой — газетная травля местной «либеральной» печати, сперва робкая, змеиная, ползучая, но чем дальше, тем смелее, напористее, наглее... Инок в своих пламенных проповедях обличал иногда пороки местных влиятельных граждан, задевал и местные власти. Его слова перевирались, дополнялись, усиливались, и, в конце концов, его же обвиняли в подстрекательстве к сопротивлению начальству... Общественное мнение, создающееся темными слухами, сплетнями, пересудами, неопрытными газетными сообщениями, отвернулось от монаха. Оно надавливает на местные власти, тоже негодующие на инок... Возбуждение против него растет. Великого постника, девственника, бессеребренника, пламенно-

го патриота, газеты, а за ними и местное общество обвинили в безнравственной жизни, в раздувании классовой вражды, в подстрекательстве к революционным выступлениям... По городу ходила нелепая басня, что интеллигентным людям нельзя появляться на монастырском подворье — разорвут, убьют «илиодоровцы». И все стали бояться, никто из интеллигентов не ходил в монастырь. И травля эта росла изо дня в день, целые месяцы, годы. Все против одного, и один против всех: но всех шипов и терний, терзавших отца Илиодора на его тяжком подвижническом пути, не перечеть.

Весь день 7 февраля и большая часть ночи у почитателей отца Илиодора прошли в лихорадочном трепетном ожидании приезда иеромонаха.

В монастыре толпились тысячи людей. Во всех помещениях и церкви прихожане-добровольцы и прихожанки мыли полы, чистили иконостас и подсвечники.

Иеромонаха ждали на следующий день с поездом в 6 с половиной часов утра.

Последние почитатели его ушли от меня уже в первом часу ночи.

Возбужденный предстоящей встречей с замечательным подвижником веры в наше упадочное время, но со смутными, тревожными предчувствиями, я долго еще бродил по моей комнате и только около 2 часов ночи лег спать.

Мало-помалу я забылся.

Торопливо-частое, звонкое постукивание в мою дверь из пустынного, длинного с высокими потолками коридора разом разбудило меня.

Я вскочил с постели, зажег свечу и, открыв дверь, увидел пред собою Косицына, ушедшего от меня ночью одним из последних.

— Что случилось? — спросил я, пропуская его к себе в комнату.

— Да, нехорошо... — протянул он, мельком взглянув на меня прежде живыми, теперь застывшими оловянными глазами, торопливо сбросил с себя пальто и, водворив его на вешалку, тяжело опустился на стул.

Он весь был в поту.

— Что же случилось?

Косицын неторопливо вытирал пот с лица и шеи темным, с белыми горошинами, платком.

— Да что... в 4 часа, а по вокзальному (по петербургскому) в 3 отсюда отправили поезд с жандармами на станцию Иловля, чтобы арестовать нашего батюшку...

— Не может быть?!

— Да так, так... весь день, говорят, жандармское управление сносило с Петербургом зашифрованными телеграммами.

Я посмотрел на часы. Было ровно 25 минут четвертого по петербургскому времени.

— Так поезд ушел всего 25 минут назад?

— Да, вот сейчас только... Как же вы могли так быстро узнать? Правда ли?

Косицын безнадежно взглянул на меня.

— В том-то беда, что и правда... наши сведения не могут быть неверными. У нас везде свои люди, и среди жандармов, и среди служащих на железной дороге. Все низшие служащие... все к нам в церковь ходят, все — почитатели нашего батюшки, а высказываться открыто боятся, потому что начальство против нас... Да все поляки больше начальствующие-то, — добавил он, помолчав. — Везде их понапихано, и в полиции, и на железной дороге... Православному человеку в своем православном государстве дышать не дают... — с горечью заключил он.

— Ну?

— Так вот, как отправили поезд, так двое наших прибежали ко мне с вокзала. Раньше-то им нельзя было. Я уже спал, сейчас оделся и мотнулся прямо к вам...

Он, склонив на грудь голову, промолчал несколько секунд в тяжелой задумчивости.

Густые, темно-русые кудри его, всегда старательно расчесанные, теперь взмокли и растрепались; короткие вверх закрученные усы, придававшие ему боевой вид, опустились, и вся плотная сбитая фигура его как-то сразу осела.

— Крепко они принялись за нашего батюшку, крепко. Докопают они его, докопают, докопают они... — как бы про себя промолвил он, быстро вскочил со стула и схватил с вешалки пальто.

— Куда же вы?

— Надо к своим... предупредить... слышите по улицам говор... уж собираются в монастырь к встрече. <...>

Он с тяжелым вздохом выбежал из комнаты.

Я отдернул от окна тяжелую занавеску и открыл форточку.

В комнату ворвались голоса, и во мгле рассвета замаячили человеческие фигуры, группами переходившие площадь по направлению монастыря.

Среди говора то и дело слышалось слово: «Батюшка, батюшка».

О сне противно было думать. Я оделся, вышел на улицу и поехал в монастырь.

И швейцар гостиницы, открывший мне двери, и извозчик, с которым я ехал, с пытливыми, опечаленными лицами опасливо спрашивали меня, правду ли говорят, что отца Илиодора арестовали жандармы?

По улицам, ведущим к монастырю, был расставлен усиленный наряд полиции и кое-где виднелись конные стражники — казаки.

Среди безмолвного с тоскливыми лицами народа я прошел воротами через двор в храм. Службы не было, и там тоже было безмолвно, как-то ужасающе безмолвно, хотя церковь была переполнена людьми.

Лишь только я переступил порог храма, как лица всех, точно по команде, так же безмолвно обернулись в мою сторону. Казалось, все эти тысячи людей ждали от меня каких-нибудь важных известий или слова утешения.

Мне стало совестно и жаль этого осиротелого народа, которому нечем помочь.

Постояв немного, сконфуженный и расстроенный, я отправился на вокзал ждать прихода поезда.

И тут толпилось множество народа и жандармерии. Почитатели отца Илиодора заранее были предупреждены властями, что целым скопом они не будут допущены на вокзал, они остались в монастыре.

Поезд пришел с большим опозданием. Отца Илиодора в нем не оказалось. Некоторые приезжие подтвердили, что вагон, в котором находился иеромонах, на станции Иловля был отцеплен жандармами, и неизвестно, куда он направлен.

Итак, еще тлевшая в сердцах верных прихожан отца Илиодора искорка надежды теперь была погашена.

Главная цель моего путешествия — свидание со знаменитым иеромонахом — не была выполнена, но я видел дело рук этого удивительного человека. Теперь надо было возвращаться восвояси, но, сверившись с расписанием поезда, я решил, что удобнее всего мне выехать с утренним поездом 9 февраля. Таким образом, волей-неволей мне пришлось провести в Царицыне еще целые сутки.

Когда теперь я вспоминаю этот день 8 февраля, он представляется мне сплошной юдолью²³ плача.

Бедные, потерявшие голову почитатели отца Илиодора не отходили от меня ни на одну минуту до самого моего отъезда. Они напоминали рой пчел, когда у него отнимут матку.

Шмелев положительно не осушал глаза. Без слез он не мог слова сказать о своем батюшке.

— Горе-то какое, горе... — говорил он. — Да нынче-то все еще храбримся, все еще самим себе как-то не верим, а завтра-то, послезавтра что будет, ай-ай! О, Господи! каково ему, как арестанту, ехать с жандармами?!.. Не вынесет он, умрет, и так-то он еле на ладан дышит... И что такого сделал наш бедный батюшка?! Из пьяниц, воров, грабителей сделал хороших людей, приохотил к церкви Божией... вот тебе и награда! Ведь прихожане батюшки все с окраин города, с «Самовольных построек», с «Сибири», с «Кавказа», с «Вор-Горы»²⁴. Одни названия что стоят. Все это были люди пропавшие, разные белянщики, крючники, бревновозильщики²⁵. <...> А теперь это самые смиренные люди. Чему нас батюшка учил? Учил любить Бога и царя православного, и отечество. За революционерами наш народ теперь уж не пойдет, а даст такой отпор, что в другой раз и не подумают о революции.

Всегда восторженное лицо Аникина, когда он говорил об отце Илиодоре, теперь как-то вытянулось, осунулось и носило выражение безысходного горя. Веки его напухли и были красны.

— Народ чуял беду, — отозвался он, по обыкновению пришептывая. — Как батюшка получил телеграмму от владыки с вызовом в Сердобск, прочитал ее народу в церкви и говорит: «Владыка Гермоген требует меня. Как быть?» А народ ему: «Не ездь батюшка. Боимся, что ловушка. Не пустят тебя оттуда. Отпиши, что болен...» А он: «Нельзя не повиноваться начальству, и владыка Гермоген ничего дурного не допус-

тит...» Ну, народ говорит: «Возьми с собой отца Михаила Егорова. Все-таки будет кому приглядеть за тобой, коли что приключится в дороге»... А уж слаб-то был, слаб, от ветра с ног валился... И вот... у народа-то сердце — вешун...

— Теперь растекется народ, как грязь... Все пойдет прахом... — тяжело вздыхая, заметил седобородый толстый старик, все время ютившийся в глубине комнаты, на вид прасол²⁶. — Отобьются от церкви, опять примутся за старое, пойдут в кабак, а там — дорога известная... зачнут воровать, грабить... какой наш народ? Слабый.

— Батюшка не жизнь нам устроил, а рай, — вставил только что вошедший в комнату Косицын. — Кто прежде чем дурным зашибался: картишками там или вином, все бросил. У всех одна думка: как бы к службе, в церкву не опоздать. Ребятишки наши не выходили из монастыря, батюшке проходу не давали. Куда он, туда и они — так целой стаей за ним... Теперь ревямя ревут.

— Ведь вот, нас у батюшки побольше 80 000 наберется, — опять отозвался седобородый старик, все время потихоньку смахивавший слезы и сморкавшийся в полу своей ватной чуйки²⁷. — Начальство хошь бы в то вникло, что за эти два с половиною года, как батюшка собрал нас в одну кучу, никто из наших ни в чем дурном не замечен... даже протокола ни на кого не составлено.

— Глянул я ему на пальчики, как в последний раз подходил к кресту, а они у него, как спичечки, то-оненькие... — проговорил все время насупленно-молчаливый, видимо крепившийся казак Панин, и тяжелая слеза медленно скатилась на широкую, седеющую бороду.

Говорили они много. Я сочувственно слушал этих глубоко скорбящих людей, утешал, как мог, а в голове неотступно вертелось изречение пророка: «Поражу пастыря, и рассеются овцы» (Захарий, 13, 7)²⁸.

В пять часов дня я в последний раз был в монастыре. Шла служба. В храме собралось еще больше народу, чем в первое мое посещение.

Так же служилась вечерня с акафистом Божией Матери, так же замирающим таинственным светом мерцали лампадки и так же ярко горел пук свечей перед иконой святых Пантелеймона и Серафима, но соборное пение молящихся несравненно сильнее и скорбно до боли действовало на сердце.

В прошлый раз у поющих была окрылявшая их надежда, было ожидание, теперь надежда рушилась, ждать больше некого, и пасомые, лишённые своего пастыря, в дивном пении священных стихирь жаловались Богу на свое несчастье и выливали перед Ним неисчерпаемую скорбь своей осиротелой души...

По окончании службы священник обратился к народу с речью: «Отца Илиодора взяли от нас. Он шлет нам с дороги свое последнее пастырское благословение»...

Неудержимые, все возраставшие вопли и рыдания женщин и детей заглушали могучий голос священнослужителя.

Он перечислял заслуги иеромонаха за краткое время его пребывания здесь, говорил о его непреклонной воле, о сверхчеловеческих трудах по собиранию и просвещению своей паствы, по созиданию монастыря, в котором «каждый кирпич, каждый камень облит его слезами и кровью», упоминал о его планах — развить миссионерско-просветительскую деятельность по Волге и Дону, о намерении построить около монастыря новый храм, вместимостью превосходящий храм Христа Спасителя в Москве ²⁹, и в конце концов сам проповедник горько заплакал.

Весь храм рыдал.

Желая приложиться ко кресту, я прошел вглубь церкви. У переднего иконостаса какая-то старушка, со сплошь смоченным слезами лицом, загородила мне дорогу и повалилась в ноги.

— Родимый... господин... ваше благородие... не знаю, как тебя и назвать... — молила она. — Заступись... ведь за что же?

Не успел я опомниться, как меня обступила целая толпа плачущего народа. Почти все стояли на коленях.

Ближе всех ко мне, у самых ног моих, седобородый старик колотился головой об пол, и все его большое тело подергивалось от бурных, неудержимых рыданий.

— Осиротели мы... голову... сняли... сердце вырвали... — бормотал он. — Не обидься... похлопчи... ведь православный ты... нехай все возьмут... до нитки отдадим все... Зачем нам теперича?! На колешках, хоть на край света... поползем... молить будем... нехай отдадут нам нашего батюшку... нам больше ничего не надо... похлопчи... ради Христа... ради деток наших... гляди, как убиваются...

Я молча вышел из храма, дав себе слово написать обо всем том, чего свидетелем я был и что переживал здесь.

Пройдя двор, я поднялся по лесенке, в помещение религиозно-просветительного братства и, подавленный впечатлениями, опустился на один из стульев и так просидел несколько минут.

Мое внимание было разбужено тревожным суетливым перешептыванием среди находившихся здесь.

— В чем дело? — спросил я.

Тогда несколько человек одновременно принялись конфузливо объяснять мне, что на площадке лестницы стоит полицейский пристав ³⁰ и предлагает всем немедленно оставить собрание, ввиду того, что в помещение «проникли посторонние лица».

Так как я был здесь единственным посторонним лицом, то, взяв шапку, я немедленно вышел.

Проходя монастырским двором, я увидел, что в церкви все еще светились огни и оттуда доносилось пение.

То прихожане, наложив на себя пост и молитву, остались на ночь бодрствовать в храме, просить Бога, чтобы Он смягчил сердца властей и те вернули бы им их дорогого батюшку.

«Как бы должна быть велика та духовная сила, которая возродила к возвышенной, достойной жизни столько тысяч темных заблудших людей», —

думал я, и в моем воображении восставал этот носитель силы, это удивительное видение, бледное плотью, яркое духом, могучее подвигом...

А в ушах звенела горькая фраза, сказанная сегодня стариком — почитателем молодого иеромонаха: «Теперь растекется народ, как грязь». И я с горечью в сердце думал: «Так всегда на Руси у нас: “своя своих не познаша”».

И для меня было уже несомненно, что наступал конец дивной православной сказке.

☞————— В. Телесницкий —————☞

НА ЯХТЕ «НАЯДА» [1911]

<...> Ниже Жигулей ¹ Волга теряет свои сначала лесистые, а затем и гористые берега и течет среди голой степи. Переход этот начинается за Самарой ², которой начинается новая серия приволжских городов, с характерными особенностями юга во внешности города и в населении. Близость родного юга, по которому мы уже успели соскучиться, увеличивала наше стремление вперед: сделав еще одну большую остановку в Саратове ³, «Наяда» быстро пошла к Царицыну, в котором окончилось наше путешествие по Волге, и на некоторое время мы опять вступили на сухой путь для того, чтобы переправить судно и себя в Тихий Дон.

Отсутствие Волго-Донского канала ⁴, который теперь, может быть, не так уж далек от осуществления, прервало наше плавание, заставив в тысячи верст, пройденного от Петербурга водного пути, включить несколько десятков верст твердой земли. Мы были первыми, собравшимися пройти и прошедшими из Петербурга в Ростов-на-Дону ⁵ тем путем, который в настоящее время еще не существует для судов, но который вскоре с прорытием Волго-Донского канала должен стать дорогою сотням и тысячам грузовых судов с десятками миллионов пудов различных товаров.

Вынужденное двухдневное пребывание в Царицыне, должно быть, самом скверном городе на всем земном шаре, вызванное погрузкой и отправкой «Наяды» по железной дороге, дало нам возможность довольно близко познакомиться с этим крупным торговым, но неблагоустроенным городом. В ветреные дни над Царицыном носятся тучи песка, называемые по-местному «царицынским дождем», который въедается в уши, глаза, рот, отравляя, особенно свежемю человеку, существование, эта назойливая пыль невыносима и для постоянных жителей города, о чем можно судить по особым защитным очкам на глазах городских и извозчиков. С пылью можно бы бороться устройством мостовых, но город об этом не думает, и царицынские улицы, по-видимому, надолго сохраняют свой нынешний вид ⁶.

В Царицыне большой порт. Через него проходит масса грузов в Дон; царицынские набережные заполнены громадными складами разных товаров, среди которых значительное место занимает рыба и лес. Возле пристани общества «Самолет»⁷ 11 июля «Наяда» отделилась от воды для погрузки на платформу. Хотя со стороны железнодорожной администрации мы не встретили никаких препятствий, но они неожиданно появились в лице артели грузчиков, которые, не соглашаясь на предложенные нами несколько рублей, заломили невероятно большую цену за доставку судна к полотну железной дороги; работа эта требовала ничтожных усилий по сравнению с погрузкой судна на платформу, последнюю же работу они производят почти даром, за несколько копеек попудной платы от конторы станции. Отказавшись от услуг артели, мы собственными силами с помощью системы блоков, взятых из нашего судового вооружения, к немалому удивлению грузчиков, очень легко подтянули «Наяду» к железнодорожному пути, и грузчикам оставалось поднять «Наяду» на платформу; однако они настолько неохотно взялись за эту работу, что только вмешательство начальника станции помогло отправить судно в тот же день.

Уехав из Царицына на следующий день утром, к вечеру мы были в Калаче⁸ (76 в.). <...>

— В.А. Радциг —

ВОСПОМИНАНИЯ ЭНЕРГЕТИКА [1911—1913]

<...> Нужно было подыскивать что-нибудь новое. В первых числах июня 1911 г. проездом в Таганрог¹ к нам заехал мой старший брат Александр. Когда я его провожал на вокзал, уже перед самым отъездом поезда он что-то вспомнил, достал из кармана какой-то газетный листок и передал мне со словами: «Познакомься, может быть, ты этим воспользуешься». Когда я вернулся домой и посмотрел, что дал мне брат, то оказалось, что это было вырезанное из газеты «Новое время»² объявление.

Вырезка являлась объявлением Царицынской городской управы о конкурсе на замещение должности заведующего постройкой царицынского городского трамвая и электростанции.

Желающим занять эту должность предлагалось до 1 июля подать об этом заявление с указанием технического стажа и желаемого вознаграждения. На другой день я написал заявление, описал выполненные мною работы и указал желаемый оклад — 350 руб. в месяц, что, конечно, для такой сложной работы было очень скромно для того времени.

Прошла половина июля, а ответа на мое заявление не было. Я уже решил, что ничего не будет, как вдруг получил из Петербурга от неизве-

стного мне инженера Шульгина телеграмму следующего содержания: «По поручению Царицынской городской управы мне необходимо с Вами поведаться для решения вопроса о Вашей работе в Царицыне. Сообщите возможность приезда». Я тогда собирался ехать за Москву на Кольчугинский завод ³, а затем в Варшаву ⁴ для приемки на заводах проводов для телефонных сетей. Я решил проехать в Варшаву через Петербург и заехать к Шульгину. После Кольчугинского завода я приехал в Петербург и пришел к нему. Оказалось, что он вместе с проф. Судкевичем являются авторами проекта электростанции и трамвая для Царицына. Поэтому городская управа обратилась к нему с просьбой выбрать из двух назначенных управой кандидатов наиболее подходящих. Всего было подано более 150 заявлений от желающих поступить на эту работу. Второй присланный управой кандидат, по его мнению, совершенно не подходит, а мою кандидатуру он полностью поддержит, о чем завтра же напишет в Царицын. Я могу ехать в Варшаву, а когда я вернусь в Харьков ⁵, то там, вероятно, будет уже приглашение от управы. Я очень был этим обрадован и уехал в Варшаву. Когда я вернулся в Харьков, то никакого приглашения не застал. Прождав еще 2 недели, я написал об этом Шульгину. Он мне сообщил, что вопреки его рекомендации управа по совершенно непонятным для него причинам пригласила то лицо, которое он не рекомендовал, для него это очень неприятно, но он ничего сделать не может. Я очень огорчился, но тоже ничего сделать не мог.

Кроме работы в артели, я был занят по поручению Харьковской городской управы сперва приемкой новых трамвайных вагонов для постройки новых линий, а затем приемкой двигателей Дизеля ⁶ на новой городской электростанции, которую строил проф. Артемьев, ушедший из Киевского политехнического института в знак протеста против реакционной политики, проводимой там новым директором Зворыкиным. Так прошло еще 3 месяца. В начале января 1928 г. ⁷ я неожиданно получил телеграмму из Царицына за подписью городского головы барона Остен-Сакена следующего содержания: «Сообщите, остается ли в силе Ваше предложение работать в Царицыне, а также желаемый вами оклад». Я телеграфировал, что остается, а также подтвердил желаемый оклад. Через несколько дней я получил вторую телеграмму от того же барона с предложением приехать в Царицын.

По приезде я узнал следующее. Барон с громкой фамилией был выбран головой недавно вместо бывшего городского головы Кленова, которому пришлось уйти из-за неудачного начала строительства электростанции. Новый голова был скромным железнодорожным врачом, служившим на станции Царицын Юго-Восточной железной дороги ⁸. Прежний городской голова начал строить электростанцию не по проекту Шульгина, а возле старой небольшой электростанции на берегу Волги. Были возведены стены машинного зала, но в подвале его оказалась плотная каменная плита. Когда начали ее удалять, чтобы можно было построить фундаменты машин, и сделали отверстие в этой плите, оттуда хлынула грунтовая вода и залила весь подвал здания. Работа была остановлена,

поднялся большой скандал. Кленову пришлось уйти. Приглашенный же строитель трамвая инженер Слотинцев ничего не понимал ни в строительстве, ни в постройке трамвая (он работал на московском трамвае в службе тока и знал только мачты и воздушный провод, то есть самые третьестепенные части трамвая). Убедившись в своей неспособности вести дело, он отказался от работы.

Перед управой опять встал вопрос о приглашении нового инженера. Как я узнал от своих знакомых гласных, причиной неприглашения меня было опасение, что, может быть, я окажусь евреем, а дума-то была черносотенной. Недаром в Царицыне тогда неистовствовал монах Илиодор⁹! Когда же у них сбежал инженер, то многие гласные вспомнили, что здесь, в Царицыне, дважды работал очень хороший инженер Я.А. Радциг, строивший сперва от завода Бари¹⁰ первые нефтяные баржи, а другой раз от завода Бромлея городской водопровод¹¹. И был он настоящим русским немцем, чистым москвичом и очень хорошо и в больших количествах умел пить русскую водку. После этого сомнения отпали, и мне послали приглашение. В течение 4 или 5 дней я ознакомился с положением дел на станции, переговорил с прекрасным машинистом на станции А.Г. Андрейчуком и пришел к выводу, что уходить с этой станции на новое место не следует — все можно поправить. Нужно только заделать железобетоном пробитую дыру в каменной плите, поднять стены на метр, чтобы можно было построить фундамент для дизелей, не трогая каменной плиты, а затем устроить вокруг станции дренажную галерею и отвести грунтовые воды в Волгу.

Я составил доклад о том, что нужно сделать для постройки трамвая и станции. Существовала особая трамвайная комиссия из 12 гласных Думы, выбранная в помощь управе для постройки трамвая. Однако существовал такой порядок, что каждый заказ на оборудование утверждался Думой. В своем докладе я предложил, чтобы эти заказы решались управой вместе с трамвайной комиссией. Когда я впервые выступил в трамвайной комиссии с докладом о постройке, члены комиссии были удивлены, что я стою за окончание начатой постройки электростанции, а не за перенос ее на новое место, но я убедил их в целесообразности этого тем, что это давало экономию больше 100 тыс. руб. и сберегало время. Я в докладе указал и срок возможного пуска трамвая — один год.

Члены комиссии были обрадованы: они убедились, что дело постройки сдвинуто с мертвой точки. В помощь себе я пригласил еще двух молодых инженеров: для трамвая — инженера И.И. Пиотровича, который работал студентом на постройке Восточно-Китайской дороги¹², и для постройки электростанции — инженера-электрика Л.И. Вознесенского, с ним я работал на Харьковском паровозостроительном заводе. Комиссия и управа приняли мой план работ. На все поставки для трамвая и станции (вагоны, их электрооборудование, дизели, генераторы, распределительные устройства, подземные кабели и пр.) назначались торги, на которые вызывалось несколько фирм. Торги проводились в помещении трамвайной комиссии, причем члены комиссии, в большин-

стве торговцы, прилагали необычайные усилия в торговле за снижение стоимости. В течение 2 месяцев мы заказали три дизеля (два по 400 квт и один — 600 квт) лучшей немецкой фирме — Аугсбургскому заводу¹³, электрооборудование для станции и трамвая — обществу Вестингауз¹⁴. Электрооборудование для десяти вагонов мы заказали Всеобщей компании электричества¹⁵, 20 моторных вагонов — Мытищинскому заводу, подземные кабели — Кольчугинскому заводу. Рельсы мы купили так называемый «инженерный брак» типа 2А (тяжелый тип). Мачты купили у Сосновицкого завода¹⁶ — стальные трубчатые. На этих заказах благодаря конкуренции мы сэкономили несколько сотен тысяч рублей, против сметы, составленной Шульгиным. Я хотел заняться вопросом о постройке моста через маленькую речку с громким именем Царица, разрезающую город на две части, но в управе мне сказали, что этим делом занимается городской архитектор¹⁷.

По предложению Вознесенского мы перепроектировали трамвайное депо на железобетонное и сдали его постройку моему товарищу по «Артели русских инженеров» инж. Поваляеву, имевшему строительную контору в Ростове.

На пасху я уехал домой, а когда приехал обратно, то выяснилось, что мост не строится. Я заявил управе, что если мост не будет построен, то не будет и трамвая.

Горе-архитектор ушел с работы в городе. Управа просила меня взять постройку моста в свои руки и даже предложила мне увеличить мой оклад до 500 руб. Вот уж подлинно 150 руб. в месяц с неба свалились! 2 месяца назад я хотел взять эту работу бесплатно.

Я решил строить не металлический мост, как это предлагал ушедший архитектор, а более дешевый железобетонный. Я составил техническое задание, послал его двум железобетонным конторам: моему товарищу Поваляеву в Ростов и известной в Саратовской губ. фирме «Братья Грингоф». Через 2 недели состоялись торги. Поваляев дал прекрасный проект арочного моста, бр. Грингоф — трехпролетного балочного моста длиной 80 м. Поскольку Грингоф заявили цену на 6 000 руб. дешевле, мы сдали постройку моста им. В течение 8 дней наш новый дорожный мастер Ястребов соорудил временный обходной деревянный мост, и фирма «Братья Грингоф» могла начать разборку старого моста.

Этим мои злоключения с мостом не кончились. Ушедший архитектор, считая меня виновником своего ухода с теплого доходного места, решил мне отомстить. В конце лета, когда на мосту были забиты массивные железобетонные сваи под все опоры и началась установка опалубки под балки моста, он прислал в управу послание, что якобы тяжелый мост строится на тоненьких спичках-связях. Он утверждал, что мост будет снесен первым же паводком. Я пригласил двух путейских инженеров с Владикавказской железной дороги¹⁸ для экспертизы, причем сам не пошел на заседание управы и трамвайной комиссии.

Эксперты заявили, что мост строится совершенно правильно и надежно и что нет никаких опасений за его прочность. В начале декабря

мы испытали мост полуторной нагрузкой и получили прогиб в 5 раз меньше допустимого. Мост был построен на 2 м выше старого, что сильно уменьшило уклон улиц, идущих к мосту. 5 декабря мост наконец был открыт для движения.

Работы по укладке путей шли все лето, и к осени мы имели уже уложенные и замощенные пути по всей 6-верстной трассе от оврага в конце Черниговской улицы до станции Царицын Владикавказской железной дороги за р. Царицей. На станции уже начались монтажные работы по установке двух первых дизелей. Приехал монтер от Вестингауза для подвески воздушного провода.

При прокладке подземных кабелей у нас, уже под осень, случился такой трагикомический случай: это было ранней осенью, когда базары были завалены арбузами, привезенными из Астрахани¹⁹ и Камышина²⁰. Днем разразился сильный ливень. Я как раз был на электростанции. В это время вижу, что вместе с водой с горы мчатся какие-то бомбы и шлепаются в Волгу. Оказалось, что на базаре, расположенном на горе над станцией, размыло нашу канавку, выкопанную для прокладки кабелей, и по этой канавке вода уносит с базара арбузы. Это стоило нам что-то около 200 руб. Сколько же было арбузов смыто, если воз арбузов стоил всего полтора рубля!

Еще несколько слов о трамвае и станции. Принятая для трамвая колея была нормальной железнодорожной — 1 524 мм. Шпалы были хотя и сосновые, но мы их пропитали хлористым цинком, что увеличило срок их службы в 3 раза. На наше счастье в Царицыне был большой шпалопропиточный завод Юго-Восточной железной дороги. Под шпалы был положен песчаный балласт. Отвод воды из-под шпал не требовался, так как грунт по трассе был песчаный. Мачты для подвески воздушного провода были стальными трубчатыми. На большей части трассы мачты устанавливались между путями и имелись двусторонние кронштейны. Только в центре города подвеска велась на боковых опорах, на тросах.

К началу 1913 г. постройка депо была закончена. Получилось прекрасное светлое с поперечными фонарями помещение со смотровыми канавами. При депо были мастерские с необходимыми станками, был также особый малярный цех. На территории депо мы построили двухэтажный дом, где были контора трамвая с кассами для сдачи кондукторами выручки и билетная касса. Во втором этаже дома были квартиры для начальника депо и монтеров. Все уже шло к завершению работы. Я приехал из Харькова, куда я заезжал после электротехнического съезда, чтобы навестить мать, по линии Лихая — Царицын²¹ и попал на вокзал Владикавказской железной дороги, когда там разгружали прибывшие к нам первые трамвайные вагоны. С ними приехал монтировавший на них оборудование старший монтер Эдуард Корицкий. По нашему предложению он остался у нас работать начальником депо и оказался очень хорошим работником.

Мне хочется рассказать об одном новшестве, которое мы применили при сооружении осветительной воздушной сети. В журнале «Электри-

чество»²² мы прочитали заметку, что в Швейцарии для деревянных столбов воздушной сети применяются железобетонные тумбы, соединенные со столбами четырьмя кусками плоского железа, прикрепляемыми к столбу и тумбе болтами. Мы попробовали сделать пробные тумбы и испытать их вместе со столбом на излом. Заготовили тумбу квадратного сечения 25 x 25 см, высотой 2 м, такого сечения, чтобы на нем свободно помещался торец столба. Арматура состояла из четырех железных прутьев диаметром 5/8", обвитых в виде спирали железной 5-миллиметровой проволокой. Четырьмя железными планками 2 x 1/4" тумба соединялась со столбом четырьмя болтами крест-накрест. Мы испытали столб высотой 13 аршин (около 8,5 м) с тумбой на излом, и оказалось, что сломался столб, а не соединение. После этого мы организовали мастерскую по изготовлению таких тумб и всю электрическую сеть монтировали на таких железобетонных тумбах. Выгода была прямой: вместо 15-аршинных столбов мы могли брать 13-аршинные, которые стоили много дешевле, а тумба нам обходилась менее чем в 6 руб.

В феврале мы начали готовиться к пуску сперва электростанции, а затем и трамвая. Для будущих кондукторов и вагоновожатых мы приобрели прекрасный материал для теплых пальто — бобрлик фабрики Асеева двух цветов: коричневого и темно-синего. Когда электростанция дала первый ток, началось обучение вагоновожатых и пробная езда на участке пути за р. Царицей. Сперва была пущена в начале марта в эксплуатацию электростанция, а затем — в середине марта — и трамвай. Как это полагалось тогда, на площади в центре города были выстроены вагоны, отслужено молебствие, а затем городской голова разрезал ленту и вагоны пошли в дорогу.

Торжество было большое — ведь в скудную городскую кассу потекли деньги! Так началась регулярная работа трамвая.

Накануне праздника Пасхи мы поздно вернулись домой, так как подготавливали трамвай к праздничной напряженной работе. Я жил тогда вместе с инженером Пиотровичем у нашего друга инж. Запорожца, который работал в городской управе вместо ушедшего городского архитектора. Наша квартира была на третьем этаже дома в центре города, высоко над Волгой. На всю жизнь запомнилась мне эта пасхальная ночь. Мы сидели на балконе нашей квартиры. Где-то внизу смутно виднелась Волга. Был весенний разлив. Волга далеко затопила свой левый плоский берег. Где-то далеко за Волгой по случаю наступающего праздника пускали ракеты. Их яркий свет отчетливо виднелся на темном небе. На нашем берегу, недалеко от нас, в старенькой церкви, которая, несомненно, видела буйных молодцов казацкого атамана Разина²³, шла пасхальная заутреня. Видны были крестный ход с хоругвями, иконами, крестом и масса людей, идущих вокруг церкви со свечами в руках. Слабо доносилось пение.

Первые 3 дня праздника трамвай работал интенсивно. На третий день к вечеру случилась беда: перегорела обмотка у якоря умформера²⁴. Трамвай остановился. Для того чтобы убрать вагоны с линии, мы пустили в работу имевшиеся на старой электростанции два дизеля с

генераторами постоянного тока напряжением 440 вольт. Наш старший электрик Сергей Дмитриевич Кутузов предложил отремонтировать умформер. Трое суток шел ремонт, и он был прекрасно выполнен. В эти дни мы поддерживали движение семью или восьмью вагонами. Через 3 дня трамвай стал опять работать нормально. Это была моя первая крупная ошибка — заказ только одного умформера, хотя это была ошибка не только моя, но и проектировщиков, запроектировавших станцию с одним умформером.

Я тогда же запросил электротехнические фирмы о поставке еще двух умформеров. На этот раз заказ получила фирма Сименс-Шукерт²⁵. Через 3 месяца мы получили эти умформеры.

В середине лета я стал думать об уходе из Царицына, так как работа подходила к концу. Из газет я узнал, что в Баку²⁶ собираются строить трамвай. Я туда написал и по получении приглашения выехал. Городская управа помещалась в прекрасном доме на главной улице — Николаевской. От Гаджинского я узнал, что город собирается сдать трамвай в концессию Бельгийскому обществу. Я был противником всяких концессий и поэтому заявил, что буду работать лишь в том случае, если они надумают сами эксплуатировать трамвай, и уехал. Я не знал тогда, что через 10 лет мне все же придется строить этот трамвай.

В последние месяцы моего пребывания в Царицыне в связи с постройкой большого оружейного завода в районе металлургического завода «Урал-Волга»²⁷ (теперешний завод «Красный Октябрь») мы начали работы по прокладке туда трамвая. В начале сентября я должен был уехать. Служащие и рабочие, узнав о моем уходе, поднесли мне очень теплый адрес. Городская управа, узнав об этом, вместе с трамвайной комиссией тоже поднесли мне адрес и устроили прощальный ужин в местной гостинице, на котором городской голова дирижировал женским хором, певшим в этом ресторане. Когда я уезжал, на вокзал пришли все работники трамвая и станции, свободные от работы. Мне было очень грустно уезжать из города, где так много пришлось поработать. <...>

— Н.С. Разин —

ПОЛВЕКА НАЗАД **[1900-е — первая половина 1910-х гг.]**

Род наш идет от рязанских мужиков. В Царицын, ныне Волгоград, семья наша попала благодаря моему деду, в прошлом крепостному крестьянину.

Дед, в честь которого отец назвал меня Николаем, был мужик с норвом. Кто знает, может быть, именно это качество помогало ему осваивать самые сложные профессии. Так, например, дед, никогда не державший

ранее в руках топора, за год сумел стать таким искусным плотником, что его охотно взяли в свою артель опытные мастера, ходившие летом на заработки в низовья Волги. Поработал дед лето и вернулся в родное село.

На следующее лето дед вновь оказался в Царицыне. Отсюда он уже не уехал. С большим трудом ему удалось перевезти семью в этот приволжский старинный город, который стал моей родиной.

Дед был человеком необычайной физической силы. Еще в деревне он удивлял мужиков разными проделками: останавливал на полном ходу бричку, ухватившись за колеса, таскал на спор многопудовые валуны, а однажды, рассердившись на соседа, погнул металлическую ось на телеге. Пришлось тому тащиться за пятнадцать верст к кузнецу. В плотничьей артели дед был просто незаменим. На своих плечах он таскал бревна, которые могли осилить лишь четверо.

На кулачках он был первым бойцом. Где появлялась его почти двухметровая фигура, с широченными плечами, там противник начинал пятиться, не выдерживая натиска, а потом под улюлюканье и свист обрадовался в бегство.

Вспыльчивый по натуре, дед на удивление всем дрался очень спокойно и безукоризненно честно. Но дома мог вспыхнуть из-за какой-нибудь мелочи и часто бывал необъективным в оценке своих поступков. Такая уж противоречивая была натура!

Любил дед после баньки с паром поваляться в снегу или искупаться в проруби. Прожил он более девяноста лет, до конца своих дней сохранив бодрость и силы. Последние годы дед много времени посвящал моему воспитанию. Делал он это довольно своеобразно. Он, например, никогда не позволял лить слезы по поводу разбитого носа в ожесточенной мальчишеской драке. В таких случаях я получал твердый подзатыльник, что обычно оказывало положительное влияние, ибо било по самолюбию.

Отец мой не уступал деду в силе и росте. Но характер имел спокойный, даже, можно сказать, робкий, унаследованный от матери, крупной, статной женщины, отличающейся той тихой, но яркой красотой, которую так часто можно увидеть в русских селах средней полосы России.

Отец много работал, часто уходил с артелями на заработки, так что большого влияния на мое воспитание не оказывал. Мать, очень спокойная, молчаливая, трудилась день и ночь. И моим воспитанием, кроме деда, занимались моя сестра Матрена, которая была всего лишь на пять лет старше меня, и... улица.

Отношения с улицей у меня сложились довольно оригинальные. Жили мы за полотном железной дороги, на горе, которая господствовала над центральной частью города. В этом районе обычно строились купцы и зажиточные мужики. Наша семья в какой-то мере составляла исключение из общих правил, так как никогда не была зажиточной, а тем более купеческой. Поэтому относились ко мне сынки купцов соответственно: пренебрежительно, свысока. Две или три семьи попроще водили с нами знакомства. Это определило узкий круг моих друзей детства и мое отношение к богатым.

Особенно возненавидел я их после одного случая. Мы с сестренкой часто отправлялись по дворам собирать металлические обломки, чтобы потом сдать их старьевщику за несколько копеек — это было достаточно заметной долей в нашем семейном бюджете. Богатую добычу мы собирали возле кузниц, которые принадлежали одному из купчишек. Его сын Илья, здоровенный, красномордый детина, обычно гнал нас от дверей кузницы, и нам удавалось пожить только тогда, когда его не было.

Однажды против обыкновения он встретил нас спокойно, слегка улыбаясь.

— За железом небось пришли? Ну, бери, парень, вот этот кусок, — сказал Илья и подтолкнул ногой железную полосу серебристо-лилового цвета.

Я обрадованно схватил полосу и тут же дико закричал от страшной боли: железо было раскаленным. Кожа на моей правой руке вздулась пузырями. Илья злорадно хохотал.

Этот смех мне запомнился на всю жизнь. Впоследствии, когда я подрос и окреп, стал работать на заводе, я поймал Илью в темном переулке и бил до тех пор, пока он не свалился в дорожную пыль. Бил я его потихоньку, шепотом приговаривая:

— Это за железо, а это за смех! За железо!.. За смех!..

Видимо, он расслышал мои слова. После этого у нас началась неприимая вражда, которая едва не стоила мне жизни, а Илье — десятка выбитых зубов. Но об этом после...

Характером я пошел в деда, что успешно доказывал и в училище, откуда был исключен на втором году обучения за драку с сыном одного из преподавателей, и на улице, где мы часто устраивали популярные в те годы кулачные бои. Правда, социальные мотивы в эти драки были принесены позже.

Мне нравился дух борьбы. Он захватывал меня целиком, до внутренней дрожи. Поэтому я дрался охотно, можно сказать — с упоением.

Мое увлечение кулачными боями не носило стихийного характера, а имело, если можно так выразиться, «теоретическую основу». Я зачитывался лермонтовской «Песней про царя Ивана Васильевича, молодого опричника, и удалого купца Калашникова»¹. Отличные иллюстрации известного художника Васнецова² как бы дополняли образы купца Калашникова и молодого бойца Киребеевича, которых я видел своим мысленным взором. В то время в большом почете были лубочные картинки. На стене в моем углу над кроватью красовались васнецовские же «Три богатыря» и другие лубки с изображением подвигов былинных богатырей, которыми так богат русский народный фольклор.

Однажды кто-то из моих старших однокашников дал мне спортивный журнал. В нем была напечатана статья, в которой рассказывалось о том, как гренадер из свиты Петра I во время его поездки в Англию победил сильнейшего английского бойца. В то время англичане были «заражены» кулачными боями и считались лучшими в мире бойцами. Только бо-

лее ста лет спустя, в середине прошлого века, из кулачных боев родился в Англии бокс ³, ограниченный твердыми правилами.

В России кулачные бои получили «права гражданства» с незапамятных времен и переходили из поколения в поколение. Неизменно сохранялись благородство и честность в бою. Эти незыблемые основы кулачных боев дошли и до наших дней.

По воскресным дням утром наши заповотновские ребята собирались на пустыре, который разделял нас с Балканами ⁴ — так странно назывался один из соседних районов. Здесь вот мы и мерялись силой и удастью. Обычно начиналось с того, что один из наших вызывал на бой другого, нашего же, парня. Назывался этот вид боя «сам на сам». Цель его — выявить, кто же сильнее и надежнее будет, когда пойдем «стенка на стенку».

Меня всегда поражала доброжелательная атмосфера кулачных боев. Люди выходили на круг, не испытывая злости друг против друга. Просто их обуревало любопытство, кто из них крепче и ловчее. Отсюда, видимо, и родились те удивительно честные правила ведения боя: в кулак закладки не брать, сзади не нападать, лежачего не бить. И горе тому, кто нарушит эти заповеди. Свои же товарищи так «учили» виновного, что он больше никогда не нарушал эти неписанные законы.

Если в воскресенье не предполагалось боя «стенка на стенку», устраивалась между своими так называемая «свалка-сцеплялка» — массовый бой, в котором каждый бился сам за себя. Здесь нужно было обладать не только ловкостью и сильным ударом, но и особым хладнокровием.

Чаще всего мы ходили «стенка на стенку» с балканскими ребятами. И тут были особые условия: никто из «чужих» не имел права участвовать в стенке. Начинали бой обычно мальчишки. Потом включались юноши. И под конец двигались во главе с «надежной бойцом», то есть старшиной, мужчины.

При всей внешней грубости формы кулачные бои имели твердые правила и были в то время, пожалуй, единственным видом соревнования, в котором простой народ мог помериться силой и удастью. И только потом, когда социальные бури пронесли над Россией, власть имущие стали использовать кулачные бои в политическом смысле. Стремясь разъединить рабочих, они натравливали их друг на друга. Все чаще проводились бои между рабочими одной фабрики с рабочими другой. Затесавшиеся в рабочие круги провокаторы сознательно нарушали извечные законы кулачных боев, и они иногда превращались в драки. Рабочие становились между собой врагами. А ведь именно этого и добивались хозяева фабрик и заводов.

После революции кулачные бои постепенно исчезли. На смену им пришел бокс. Но я всегда в душе был благодарен «кулачкам». Именно в них я почувствовал хорошую злость, жажду борьбы, которая и привела меня впоследствии к настоящему спорту ⁵.

На мне почти всегда была красная в горошек косоворотка ⁶ — туалет мой не отличался богатством. Видимо, красный цвет всегда

имел какую-то связь с бунтарством, с чем-то опасным. Если еще учесть мою лихость в кулачных баталиях, станет ясным, почему ко мне часто приклеивали прозвище «Стенька Разин»⁷. Впоследствии, когда я вышел на арену цирка, эта фамилия стала моим псевдонимом.

Благодаря высокому росту я выглядел гораздо старше своих пятнадцати лет. Как-то отец сказал мне:

— Сам знаешь, трудно нам приходится. Решили мы с матерью определить тебя на работу. Парень ты здоровый. Все семнадцать можно дать. У меня мастер знакомый на заводе Дюма.

На другой день мы с отцом отправились на завод Дюма (ныне «Красный Октябрь») ⁸. Мастер-француз недоверчиво посмотрел на меня внимательным взглядом, точно ощупывая, криво усмехнулся:

— Парнишка крепок, только ви, Сергей, наверно, спуталь год. Он совсем молодой...

Отец что-то говорил мастеру, униженно улыбаясь.

Француз в конце концов махнул рукой, и я стал учеником вальцовщика ⁹.

Даже не для каждого взрослого мужчины эта профессия по плечу. Не шуточное дело поворочать двенадцать часов раскаленные многопудовые болванки. И обычно на вальцовке трудились люди сильные. Каково же было мне, пареньку, которому едва пошел шестнадцатый год.

Первые дни мне казалось, что рабочий день никогда не кончится. А когда металлический бас гудка возвещал, что смена позади, я не мог понять, каким образом доберусь до дома. Трамваев, не говоря уже об автобусах, тогда не было. И вот после такой работы я шагал десять километров от завода до дому. Приходил домой и, едва успев перекушать, замертво валился спать. А наутро, чуть свет, я уже был на ногах. Отмеривал десять километров и начинал работать. Тело болело, как один большой нарыв. Я работал, как в бреду.

Кто знает, что бы со мною случилось, если бы не рабочие. Большинство из них относились ко мне по-отцовски, стараясь по возможности облегчить мой труд, как-то помочь, передавая мне навыки и сноровку в работе. Постепенно я стал втягиваться, смутно ощущая, как крепнут спина и плечи, наливаются еще не осознанной силой руки. И через полгода я стал полноправным вальцовщиком. А через некоторое время я едва не стал инвалидом. Раскаленная болванка соскользнула с конвейера прямо мне на ногу. Только счастливая случайность помогла сохранить мне ногу. Но все равно впоследствии, когда я стал выступать на ковре, нога всегда давала о себе знать.

Проболев чуть ли не три месяца, я снова пришел на завод. Рабочие меня встретили как своего. И я в душе гордился тем, что, несмотря на молодость, был принят в их суровую семью.

Удивительные это были люди. Они не любили много говорить, но всегда делали так, что ни один из их товарищей не оставался в обиде. Работали дружно, споро. В минуты отдыха любили беззлобно подшутить, а при случае помериться силой — ею-то бог не обидел. Охотно боролись на поясах.

Чаще же всего садились друг против друга, упирались ногами, брались за палку и старались перетянуть соперника к себе.

Иногда в перетягивании соревновался и я. Мне не везло. В этой борьбе немалую роль играл собственный вес. У меня он был невелик. Зато в борьбе на поясах, где сила рук и спины имела решающее значение, мои дела шли лучше. Я легко отрывал соперника от земли и, падая на бок, бросал его на землю. Рабочие смеялись:

— Ого, большак-то наш крепнет. Ишь ручищи-то!

За последние годы я здорово вытянулся, и за длинный рост меня стали называть «большаком». Мой авторитет как борца на поясах особенно возрос после того, как я бросил на землю самого мастера-француза. Это был удивительно сильный, задиристый человек.

Он напоминал кругленького петушка, всегда готового вступить в битву. Надо ему отдать должное, он никогда не обижался на проигрыши, которые случались у него, кстати говоря, не так уж часто.

Однажды мастер оказался в перерыве рядом и видел мою схватку с одним из рабочих, закончившуюся моей победой. Он тут же, засучив рукава, вызвал меня. Я нерешительно мялся: как же это — бороться с мастером?

— А ты не дрейфь, — сказал кто-то из рабочих. — Сам напросился.

Мы схватились. Долго кружили, пытаюсь оторвать друг друга от земли. Мне это удалось раньше. Но я не рассчитал силы броска, и наш мастер тяжело шлепнулся на спину. Он встал, задумчиво потер ушибленное место, с удивлением глядя на меня.

— Очень хороший ви будешь борец. Нужно только тренинг!

Самым неожиданным было то, что он мне прибавил полтинник к жалованию. Это, пожалуй, меня радовало больше всего.

Француз принес мне кипу журналов и газет, из которых я впервые узнал имя Ивана Поддубного¹⁰, в третий раз выигравшего в Париже звание чемпиона мира по борьбе. Из этих же газет я узнал, что Иван Заикин¹¹ занял второе место, вслед за Поддубным.

Имя Заикина мне было знакомо по рассказам рабочих. Я знал, что первых больших успехов Иван Заикин добился, работая в Царицыне. Так что в некотором роде он доводился нам земляком.

— Хочешь, Коля, по-настоящему бороться? — спросил меня вскоре после этого Петр Девлешов, помощник вальцовщика, небольшого роста, но крепко сбитый парень.

Я смущенно пожал плечами.

— А выйдет из меня борец?

— Захочешь — так выйдет. Все от твоего желания будет зависеть.

Я знал, что Петр уже несколько лет серьезно занимается французской борьбой¹². Начинал он вместе с Заикиным в новом атлетическом кружке, который организовал любитель спорта Меркурьев, один из хозяев фирмы «Братья Меркурьевы и К°».

Мало кто знает, что настоящая фамилия Заикина — Зиновьев. Он принял этот псевдоним именно здесь, в Царицыне. Меркурьев разыскал Заикина на базаре, где тот поднимал гири, гнул железо. В широких плечах

и мускулистых руках угадывалась огромная физическая сила, еще не отшлифованная, не подкреплённая техникой. Меркурьев взял его к себе на работу и стал тренировать будущего чемпиона.

Успехи пришли довольно быстро. А вскоре Меркурьев послал Заикина в Петербург — на первенство России по поднятию тяжестей, которое проходило на арене графа Рибопьера, известного коннозаводчика и мецената.

Каково же было удивление петербургских знатоков спорта, когда неизвестный доселе рыжеволосый парень из Царицына увёз первый приз и звание чемпиона России 1904 года. Это и решило дальнейшую судьбу Заикина. Вскоре он покинул Царицын и занялся борьбой. И вот пришел по-настоящему большой успех — второе место на мировом чемпионате, вслед за самим Поддубным...

Начитавшись статей о борцах, наслушавшись рассказов Петра Девлешова, я горел желанием начать тренировки. Сначала мы тренировались после работы прямо на заводе, на площадке с песком, а потом, когда я освоил азы борьбы в стойке и партере, Петр повел меня в тяжелоатлетический кружок.

А вскоре я попал в больницу. После моего «объяснения» по поводу «железа и смеха» с красномордым Ильей он затаил злобу. Однажды, когда я возвращался поздно ночью с тренировки, на меня напали три неизвестных человека. Двоих я сумел свалить на землю, а третий, подкравшись сбоку, ударил меня ножом в висок. Обливаясь кровью, я с трудом добрался до дому и потерял сознание.

К счастью, нож, попав в кость, соскользнул в сторону. Это меня спасло. Илья и его брат долго не показывались на улице. Говорили, что они поломали себе челюсти, упав с сеновала.

Мои быстрые успехи на любительском ковре удивляли многих. Говоря откровенно, удивлялся и я сам. Дело в том, что я почти совсем не знал приемов борьбы. Техника у меня была самая примитивная. Зато, когда мне удавалось поймать соперника на передний пояс, ему приходилось туго. Видимо, я иногда не соразмерял своей силы, потому что противники вставали с ковра, морщась от боли, и говорили:

— Бог дубине дал силу, а пользоваться не научил. Ты же ребра поломать можешь!

Я чувствовал себя немного виноватым, но это не омрачало радости побед. Вместе с тем я отлично понимал, как беден мой технический арсенал. Конечно, в схватке с серьезным противником одной силы будет недостаточно. И я упорно овладевал новыми для себя приемами, не пропуская ни одной тренировки. А это было не так-то просто. После работы я шел пешком домой и, едва успев умыться и перекусить, отправлялся на другой конец города — в клуб любительского общества тяжелой атлетики.

Он помещался за небольшой речкой Царицей, на Дубовской улице, в доме, принадлежавшем князю Голицыну. Среди участников кружка рабочих почти не было. В большинстве это были выходцы из интеллигентных семей, молодые служащие, гимназисты. Рабочих принимали в исключительных случаях. Для этого надо было иметь выдающиеся физические данные.

На первых порах я чувствовал себя среди новых людей неважно, тем более что некоторые спортсмены относились ко мне свысока, стараясь подчеркнуть разницу в общественном положении. «Перевоспитывал» я их довольно просто: бесцеремонно бросал на ковер. После того как я перебрал их всех на лопатки, наши отношения заметно улучшились.

Самое трудное было в том, что технику перенимать не у кого. Те же, кто владел различными приемами, для меня пока неизвестными, не особенно делились своими секретами.

Только Петр Девлешов охотно передавал мне все, что знал сам. С ним-то у нас и были самые интересные схватки. Используя технические приемы, он часто бросал меня на ковер.

Защищаться я не умел, и Девлешову легко удавалось проводить самые опасные захваты.

Помню, сбив меня в партер, он так наломал мне шею, что, идя домой, я поддерживал голову руками: нывшая шея не держала головы.

— Болит шея? — улыбался он. — Ничего! Будешь лучше защищаться. А то выставил шею, как гусак. Сколько раз тебе показывать!

Такой дорогой ценой доставались мне знания борьбы. Иногда даже думал: брошу. К чему мне борьба? Чемпионом я не буду, зря только время трачу. Но стоило мне сесть за книжку или полистать газетные вырезки с рассказами о победах первого российского чемпиона мира, «льва из России», как называли за рубежом Георга Гаккеншмидта ¹³, над великаном Полем Понсом ¹⁴, знаменитыми турецкими борцами Ахметом Мадрали, Халилем Адами ¹⁵, о разгроме «страшного турка» Кара-Ахмета ¹⁶ выдающимся русским борцом Владиславом Пытлясинским ¹⁷, о не знавшем поражений Станиславе Збышко-Цыганевиче ¹⁸, о «чемпионе чемпионов» Иване Поддубном и его ученике Николае Вахтурове ¹⁹, как я снова загорался желанием тренироваться...

Как раз в это время в летнем цирке «Шапито» гастролировал чемпионат французской борьбы, руководителем которого был Иван Заикин. Я часто ходил в цирк, приглядывался к манере борьбы разных атлетов, а на тренировках старался воспроизвести их приемы по памяти. Иногда выходило, но чаще нет. Приходилось идти в цирк снова. Так трудно пополнялся мой технический арсенал.

Спустя некоторое время, в обеденный перерыв, меня отыскал Петр Девлешов.

— Сегодня вечером, Коля, обязательно приходи в клуб. Серьезное дело есть!

Я кивнул головой. Наверно, какой-нибудь приезжий спортсмен вызвал местных борцов на схватку. К этому я всегда был готов. Такие схватки мне нравились. Как-то подтягиваешься весь, борешься осторожно и вместе с тем с особым подъемом, ибо тут идет речь о спортивной чести клуба и даже города. А мне, как сильнейшему из любителей, приходилось чаще других выходить на ковер. Я всегда одерживал победы. И если уж Девлешов предупреждает — значит, предстоит что-то серьезное.

Когда я вошел в зал, в углу, возле края ковра, сидел подбоченясь плотный, широкоплечий человек в поддевке. Светлорусые волосы, голубоватые немного навывкате глаза. Ба, да ведь это Иван Заикин! Я оторопел от неожиданности. Когда Девлешов подвел меня к нему, я окончательно смутился. Заикин хлопнул меня по плечу.

— Ну-ка, покажись, сынок.

Как я убедился впоследствии, Заикин любил это слово. Оно как бы сразу ставило его выше собеседника. А это было, как оказалось, не последним желанием Заикина. Тогда мне такие мысли в голову не приходили, ибо я целиком был поглощен встречей с «самим Заикиным».

Я надел трико и вышел в зал.

— Что ж, хорошо! — Заикин ощупал меня глазами. — Кость широка, да и клетка грудная — как меха кузнечные. А мясца наберешь. Ну-ка, покажи себя...

Показывать я мог себя только на ковре, но бороться со мной никто не хотел. Видимо, чувствовали, что проиграют, никому не хотелось позориться перед Заикиным. Тогда вышел плотный парень из свиты Заикина — он любил себя окружать поклонниками, так как был далеко не равнодушен к славе. Помню, фамилия этого парня была Менялов. Сошлись мы в центре, а через минуту я припечатал его лопатками к ковру.

— О-хо-хо, — смеялся Заикин. — Молодец, сынок! Хочешь, я из тебя мирового борца сделаю? Поступай, сынок, ко мне в чемпионат.

Я отлично знал, что Заикин — организатор чемпионата. Его поддержка значила многое. И все же меня одолевали сомнения: уж очень грозными выглядели борцы на арене цирка — рослые, тяжелые, с крупными, накачанными гирями мышцами. Короче говоря, несмотря на уговоры Заикина, я на чемпионат не поехал.

Но эта встреча в какой-то мере помогла мне поверить в себя.

И через год я пришел в цирк испытать свои силы. Многие борцы, знавшие, как я попал на манеж, называли меня «крестником Заикина». <...>

На заводе Дюма, где работал в юности, я видел, в каких тяжелых условиях трудятся рабочие, получая за это гроши, на себе ощутил всю жестокую систему штрафов. Мне всегда были близки интересы рабочих, потому что я понимал всю справедливость их требований. И когда в конце 1911 года на заводе вспыхнула забастовка с требованием повысить заработную плату и убрать мастера-немца, который буквально замучил всех штрафами, я активно участвовал в этом выступлении рабочих. Тогда для меня были важны прежде всего экономические стороны нашей борьбы. <...>

Солидарность рабочих я почувствовал сразу после поступления на завод. И еще больше убедился в этом после ленского расстрела в 1912 году²⁰. На митинг, организованный большевиками, собрался чуть ли не весь завод. Тревожно ревели гудки. Перепуганная администрация не выходила из здания заводоуправления.

— Чуешь, какая у нас сила? — подмигнул мне весело Девлешов. — Боятся нас хозяева-то...

Вскоре, видимо вызванные по телефону, появились казаки. Они пытались разогнать рабочих. Не тут-то было. Засверкали шашки, раздались выстрелы. У нас в руках были лишь камни...

А два года спустя, проездом в Астраханский цирк, я остановился в Царицыне и отправился к Девлешову. Я всегда помнил, что именно ему многим обязан, и не пропускал случая высказать свое уважение. Жил он на самой окраине города, почти рядом с Мамаевым курганом. Как и всегда, он встретил меня тепло. <...>

— Мы первого мая собираемся на Мамаевом кургане. Приходи.

В этот день утром я зашел за Девлешовым, и мы отправились к месту сходки. У нас было хорошее, приподнятое настроение. Меня как-то особенно волновал теплый весенний воздух, в котором улавливались перемешанные запахи освободившейся от снега земли и дурманящий запах расцветающей степной полыни, словно настроенной на солнце.

В широкой балке, обросшей по краям колючими кустами дикого терна, собрались рабочие завода. Над ними развевалось красное знамя, слышались песни. Потом пожилой рабочий, сорвав с головы фуражку, стал говорить о том, что трудящиеся всего мира в этот день заявляют о своей солидарности, о решимости бороться за свои права. Его внимательно слушали, изредка прерывали тихими неумелыми аплодисментами...

Потом произошло непонятное. Раздался предупреждающий свист рабочих, стоявших на постах. Но было поздно. В балку скатывались цепочки городских. Их белые кители были перепачканы — знать, ползли по земле, чтобы подобраться незаметно. Началась свалка.

Я видел, как двое городских схватили под руки Девлешова. Одного он сшиб подножкой — он ведь хорошо знал борьбу, а другого двинул по челюсти. Наверху металась конная полиция, нещадно стегая нагайками всех, кто пытался выбраться из балки.

Мы побежали вниз по балке к большому оврагу, который тянулся вниз, через Балканы, до самой Волги. За нами — полный городской, неуклюже громоздившийся на коне. Судя по его налитым кровью глазам и рыку, которым он требовал, чтобы мы вылезли из балки, милости ждать не приходилось...

Увесистый камень, пущенный моей рукой, попал ему в живот. Городской закричал и свалился с коня. Едва мы успели укрыться за уступом и уползти в густой кустарник, разозленный «фараон» поднял стрельбу из револьвера. Это ему, видимо, принесло моральное удовлетворение, и он вскоре со стоном забрался в седло и тряской рысцой убрался восвояси.

— Ты же ему печенки отбил, — устало улыбался Девлешов. — Ручища-то у тебя... <...>

МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ [1907—1916]

После поражения революции 1905—1907 гг. в России наступила жестокая реакция. Десятки тысяч революционеров были брошены в тюрьмы, на каторжные работы, в ссылку и казнены. В годы реакции резко ухудшилось положение рабочих, так как фабрики и заводы сильно сократили производство, и армия безработных продолжала увеличиваться. Такое положение было по всей России, в том числе и в Царицыне. Особенно в трудных условиях находились сезонные рабочие, зарплата которых была снижена в два раза по сравнению с 1904 г. В царичинской тюрьме¹ жестоко расправлялись с политическими заключенными. Многие из них умирали от побоев, но их хоронили как умерших от тифа.

В годы реакции усилилась контрреволюционная пропаганда. Одним из наиболее живых проповедников был небезызвестный мракобес иеромонах Илиодор², переведенный в Царицын в конце 1907 г. Стремясь завоевать себе популярность, он нередко в своих церковных проповедях нападал на отдельных купцов, заводчиков, чиновников. С помощью социальной демагогии ему удавалось завербовать немало сторонников среди придавленных беспросветной жизнью женщин, мелких торговцев, ремесленников и деморализованных элементов пролетариата, разочаровавшихся в революции и поисках «правды» и потянувшихся к церковному алтарю. Однако речи Илиодора не вызывали опасения правящих кругов и даже находили сочувствие и поддержку всех монархических организаций. А один из наиболее известных реакционеров Пуришкевич³ назвал деятельность Илиодора «истинно христианской» и отметил, что он «в самые тяжелые для Родины годы оказал России великую услугу». Поругивая «неустроенность жизни», этот мракобес заигрывал с рабочими массами. Однако передовые пролетарии видели, что у них нет ничего общего с Илиодором. <...>

Большевики Царицына, следуя указаниям В.И. Ленина⁴, в трудных условиях реакции начали возрождать свою организацию. После тяжелого разгрома в конце 1907 г. Царицынская группа РСДРП долго не могла оправиться. Уцелевшие члены партии жестоко преследовались. Поэтому на некоторое время центр партийной работы переместился в Дубовку⁵, где в 1908 г. вокруг С.К. Минина⁶ сложилась небольшая группа социал-демократов, просуществовавшая до середины 1909 г. В том же 1908 г. все же была воссоздана социал-демократическая организация и в Царицыне. Ее основу составили рабочие металлургического завода «Урал-Волга»⁷. С течением времени окрепла организация в центральной части города во главе с городским комитетом партии, в которую вошла социал-демократическая организация завода «Урал-Волга», также имевшая свой комитет.

Наиболее активное участие в деятельности комитета царицынской парторганизации принимали Судавский, Минин и Ковалева. Однако к концу 1908 г. Минин и Ковалева выехали за границу, и работа комитета сильно ослабла. Центр партийной работы теперь переместился на Французский завод. В состав комитета заводской организации входили рабочие Чекасинов, Колчанов, Иваненков, Репкин и Волков. В то время партийный комитет завода «Урал-Волга» фактически выполнял функции городского комитета партии. У него имелся свой гектограф⁸, касса и небольшая библиотечка марксистской литературы. Одной из важнейших задач заводского комитета партии было усиление своего влияния среди рабочих, вовлечение в партию новых членов, сбор средств на партийную работу и организация кружковых занятий.

Летом 1909 г. партийные организации Саратовской губернии подверглись новому разгрому, в числе их оказалась и Царицынская группа РСДРП. Но это не могло приостановить работу. Наоборот, в 1910 г. она даже оживилась. В Царицыне была образована «организаторская коллегия» в составе Иванченко, Силищева, Кириченкова, Ремезова и других. Она проводила нелегальные собрания членов партии, поддерживала связь с саратовскими большевиками и с заграничными парторганизациями. Помнится, в один из июльских вечеров 1910 г. на лодках на Волге было проведено партийное собрание. С кратким докладом о положении дел в партии и о задачах большевиков Царицына выступил возвратившийся к этому времени из заграницы С.К. Минин. Было решено усилить работу в массах, шире используя для этого печать. Такое же собрание на лодках среди Волги вскоре состоялось и у большевиков металлургического завода, где также выступил С.К. Минин, доложивший о результатах своей поездки в Саратов и поставивший вопрос о необходимости согласования действий заводской парторганизации с работой городского комитета РСДРП. На этом же собрании Нормачинский рассказал, что сохранились остатки типографского станка, который можно будет приспособить для печатания прокламаций.

После этого в августе и сентябре 1910 г. состоялось несколько заседаний городского комитета партии, которые с целью конспирации проводились в различных местах города. Одно из таких заседаний проходило на Французском заводе. На нем от металлургов присутствовали Роман Иванников, Матвей Орешкин, Михаил Волков и другие. Здесь же было решено занятия рабочих кружков проводить по вечерам за Волгой, где должны были читаться лекции по политической экономии и по вопросам партийной работы.

Помню также партийное собрание, проведенное в сентябре 1910 г. в пивной Майорова на Кубанской улице. Здесь присутствовали представители от заводов «Урал-Волга», Нобеля⁹, Серебряковых¹⁰, «Гардиен и Валлос»¹¹ и других. Собрание рассмотрело вопрос о выборах правления общества пайщиком по изданию легального партийного журнала «Поволжская дума». Издание журнала требовало много внимания со стороны городского комитета партии и в известной степени ослабляло руковод-

ство устной пропагандой, работой кружков. В то же время «Поволжская дума» служила неплохой маскировкой для проведения конспиративной работы. Под предлогом подготовки материалов в редакции журнала почти ежедневно встречались большевики, устраивались заседания комитета партии. Издание журнала обеспокоило власти. На «Поволжскую думу» неоднократно накладывались штрафы, владельцу типографии Виноградову запрещалось печатание журнала. Но журнал продолжал жить и просуществовал более двух лет.

У передовых рабочих Царицына была сильная тяга к политическим знаниям. В январе 1911 г. на Французском заводе имелось два кружка, а в феврале возник третий. Всего в кружках занималось более 25 членов партии, в том числе Иванников, Филимонов, Орешкин, Овчинников, Волков, Чугунов. Руководил занятиями кружков товарищ «Василий», его помощниками были Мармелаев и Самойлов. Члены партии выплачивали взносы в размере рубля. Имелась партийная касса и поддерживалась связь с рабочими лесопильных заводов¹². Продолжались занятия в кружках у железнодорожников царицынского узла, на заводах Нобеля и Серебряковых. Особенно значительно было влияние большевиков на заводе Серебряковых, где по их инициативе рабочие поставили вопрос об организации профсоюза. Организовать его власти, конечно, не позволили.

В состав Царицынской парторганизации проникли провокаторы. В апреле 1911 г. последовали аресты на металлургическом заводе «Урал-Волга», а потом и в самом Царицыне. Все это вызвало подавленное настроение у ряда членов организации Французского завода, многие стали недоверчиво относиться друг к другу, подозревая в каждом провокатора. В конце апреля 1911 г. на квартире Мармелаева все же состоялось партийное совещание, где присутствовали Изюмский, Калинин, Кочетовский, Волков, Дмитриевский и другие.

В 1912 г. в Царицыне продолжали работать несколько партийных кружков. Одним из них, например, руководил А.П. Григорьев, другим — П.К. Нормачинский. Большую помощь царицынским большевикам оказывала легальная партийная газета «Правда»¹³, пользовавшаяся широкой поддержкой рабочих России. Она горячо откликалась на все важнейшие события, писала о тяжелом положении рабочих и крестьян. Так, в 1912 г. «Правда», например, два раза сообщала о тяжелом положении на Царицынском металлургическом заводе, о сокращении здесь производства и увольнении более двух тысяч рабочих. Большевистские агитаторы, используя сообщаемый в «Правде» материал, разъясняли пролетариям, каковы причины их тяжелого положения и где можно найти из него выход. Особенно активно распространяли «Правду» члены кружка П.К. Нормачинского. Кроме «Правды», они также выписывали большевистский журнал «Просвещение»¹⁴.

В качестве одной из форм легальной деятельности большевики использовали выборы в больничные кассы¹⁵. Они помогали рабочим занять правильную позицию в данном вопросе, так как одни из пролетари-

ев стояли за бойкот, другие — за участие в выборах. Большевики хотели из членов касс создать кружки, чтобы затем выделить «страховой центр», который должен был стать легальным руководящим органом всей партийной работы среди пролетариев города. 6 июля 1913 г. состоялось собрание рабочих Французского завода по поводу организации больничной кассы. Присутствовало 300 человек. Рабочие недоверчиво отнеслись к созданию кассы. С таким же недоверием отнеслись к этому рабоче-му заводу Серебряковых и ряда других предприятий Царицына. Большевики поставили своей задачей завоевать больничные кассы на свою сторону, чтобы использовать их для защиты интересов пролетариев, для расширения и углубления их недовольства всеми существующими порядками. Большевики исходили из указаний ЦК партии о том, чтобы всю агитацию по поводу страхования рабочих вести в тесной связи с освещением всего положения в царской России, разъясняя социалистические принципы и революционные требования.

Все же вскоре на Французском заводе на собрании уполномоченных была избрана комиссия по выработке устава больничной кассы в следующем составе: от рабочих — Чугунов, Мармелаев, Матвеев, Ягодкин, Бутенко и от служащих — Вальянко. Такие же комиссии были избраны на заводах «Гардиен и Валлос», Серебряковых, Нобеля, на лесозаводах, на двух паровых мельницах и т. д. Закон о больничных кассах распространялся на 63 предприятиях Царицына с числом рабочих 12 тысяч. Закон разрешал организовывать больничные кассы на предприятиях с количеством рабочих в 200 и более человек. В борьбе за создание общегородской больничной кассы, которую планировалось превратить в центр по руководству легальной партийной работой, активное участие принимали секретарь правления больничной кассы мельницы «Товарищества»¹⁶ большевик И.Ф. Павлюков, большевики И.К. Пресняков, А.П. Григорьев и другие.

Царская охранка видела серьезную опасность в том, что в больничные кассы могут проникнуть большевики и использовать их в целях революционной борьбы. В донесении начальника Саратовского губернского жандармского управления прямо указывалось, что «лица с революционным прошлым», «попав в правления, могут обратить их в партийный комитет... В особенности такие кассы могут сыграть роль в городе Царицыне, где фабрично-заводская промышленность развивается и в настоящее время...»

В годы революционного подъема в Царицыне развернулось массовое стачечное движение, в котором принимали участие рабочие многих лесопильных и кирпичных заводов, грузчики лесных пристаней, станции Волжской и т. д. В условиях все более нараставшего революционного движения большевики активизировали свою работу. Накануне 1 мая 1914 г. группа РСДРП Царицына выпустила прокламацию, в которой призывала рабочих города организовать однодневную стачку протеста в знак солидарности с петроградскими рабочими.

В 1914 г. вспыхнула мировая империалистическая война¹⁷. В то время как лидеры II Интернационала¹⁸ изменили рабочему классу и

голосовали в парламентах за военные кредиты, большевики решительно выступили за превращение войны империалистической в войну гражданскую. В связи с объявлением мобилизации в стране руководитель царицынских большевиков С.К. Минин в местной газете «Волго-Донской край» опубликовал антивоенную статью, в которой разоблачались «патриотические» лозунги и манифестации буржуазии и помещиков. Кроме того, большевики выпустили листовку с призывом к запасным выступить против войны. Этот призыв соответствовал настроениям основной массы пролетариев Царицына, которые 22 июля, явившись к призывному пункту, располагавшемуся в здании Александровской мужской гимназии ¹⁹, потребовали отмены мобилизации. Царские власти вызвали войска и расстреляли рабочих Царицына. Было 19 убитых и 25 раненых.

В знак протеста против дикой расправы большевики организовали мощную демонстрацию протеста. С пением революционных песен и красными флагами демонстранты отправились в летний лагерь 187-го Аварского полка, находившийся за городом, где располагались уже мобилизованные рабочие. Тысячи демонстрантов вместе с присоединившимися к ним мобилизованными двинулись снова в город и прошли по улицам. На другой день командир Аварского полка безуспешно пытался собрать разбежавшихся мобилизованных царицынцев. Только на третий день с большим трудом удалось собрать какую-то часть мобилизованных и срочно отправить на фронт.

В связи с волнениями запасных вся Саратовская губерния была объявлена на положении «усиленной охраны». Более тридцати человек было предано царскому суду. С.К. Минин за свое антивоенное выступление в газете был арестован и выслан в Енисейский край. Были арестованы и другие большевики.

В целях мобилизации всех сил для войны царское правительство разрешило создать военно-промышленные комитеты ²⁰ с привлечением рабочих. Большевики решительно выступили против участия рабочих в военно-промышленных комитетах. В Царицыне также был создан свой военно-промышленный комитет. В выборах представителей «рабочей группы» военно-промышленного комитета приняли участие только отсталые рабочие, меньшевики и эсеры ²¹. От Французского завода туда был избран меньшевик Пестряков. На оружейном же заводе рабочие бойкотировали выборы. В годы войны на оружейном заводе сложилась довольно сильная парторганизация, в составе которой работали большевики Белочкин, Павин, Переденек, Галкин и другие.

Война еще более ухудшила и без того тяжелое положение рабочих. Резко усилилась стачечная борьба, в которой принимали активное участие рабочие металлургического, оружейного, лесопильных и других заводов. Особенно усилилось стачечное движение в 1915 и 1916 гг. Например, в 1916 г. только рабочие металлургического завода провели четыре стачки.

В условиях непрерывных арестов и преследований большевики Царицына продолжали свою работу в массах. Они стремились вместо разгромленного городского комитета создать новый центр по руководству партийной работой на предприятиях города и в полках местного гарнизона. К октябрю 1916 г. удалось собрать такое руководящее ядро. Однако в середине октября последовали новые аресты и разгромы. И только после Февральской революции ²² уже полностью удалось возродить Царицынский комитет партии. Но обо всем этом мне уже стало известно позже, из рассказов моих товарищей по партийной работе. В 1915 г. я был мобилизован в царскую армию и направлен на фронт.

— Я. Холщевников —

В ЦАРИЦЫНЕ [1914—1915]

Предвоенные настроения

Указ о мобилизации ¹ в Царицыне был получен с опозданием поздно вечером 18 июля и на другой день был опубликован в местных газетах, хотя сведения о мобилизации с быстротой молнии распространились по городу уже 17 июля.

Царившее тревожное настроение, в связи с осложняющимся положением, мало отразилось на деловой физиономии города. Тихо было в заводских и фабричных районах, где царицынский пролетариат покорно тянул лямку во славу все более и более богатевшей на рабочих спинах местной буржуазии.

Нужно сказать, что царицынский пролетариат в том революционном движении, которое стало быстро развиваться перед военной грозой в столицах и крупных промышленных центрах, не принимал никакого участия. Активных выступлений со стороны рабочих не было, если не считать нескольких забастовок на чисто экономической подкладке среди рабочих-грузчиков.

Так, 9 июня прекратили работы рабочие по выгрузке баржей и белян ² на станции Волжская, предъявив ряд требований своим хозяевам: 1) устранение подрядчиков и передача работы им, рабочим, непосредственно, 2) установление поденной платы по 3 руб. 60 коп. в день, 3) установление 13-часового дня с перерывами рабочего дня и др. Такие же забастовки на экономической почве протекали среди рабочих и на лесопильных заводах Бекетовки и Сарепты. Такого рода забастовки, обычно заканчивающиеся мирным путем, несколько не влияли на общее настроение рабочих г. Царицына.

Происходившие по городу выборы в больничные кассы ³ протекали в самой мирной обстановке. Попытка же всколыхнуть царицынс-

кий пролетариат в день 1 мая⁴ (1914 г.) также успеха почти не имела. За подписью «Рабочие-Социалисты» в день 1 мая была выпущена прокламация с призывом бросить работы и идти на улицу, но большого распространения прокламация не имела. День 1 мая прошел спокойно, безо всяких эксцессов, главные же авторы этой прокламации были арестованы и посажены в тюрьму. Ко дню объявления войны никакой сколько-нибудь серьезной подпольной рабочей организации в городе не существовало.

Одним словом, в рабочих районах текла ничем не нарушаемая, нормальная жизнь.

Такое же настроение наблюдалось в общественных деловых кругах, среди царицынской обывательщины и мещанства.

Патриотически настроенная Царицынская городская Дума жертвовала на сооружение в Нижнем Новгороде⁵ памятника Минину и Пожарскому⁶, а обывательщина интересовалась очередным трюком царицынского Савонаролы⁷ (Илиодора)⁸, который к этому времени, уже снявши свой монашеский сан и облачившись в грешное немецкое платье, сбежал из-под надзора полиции с Большого Хутора Донской области; по досужим репортерским сведениям, Илиодор готовился выступить на новом поприще кафешантанного рассказчика в одном из кафешантанов⁹ просвещенных западноевропейских государств.

Вот чем приблизительно жила и дышала обывательщина в те дни, когда уже ясно очерчивались признаки надвигающейся катастрофы.

Мобилизация

Еще накануне дня призыва по городу были расклеены объявления о явке к воинскому начальнику запасных. Во избежание могущих возникнуть эксцессов все пивные и трактиры, за исключением второразрядных ресторанов, были закрыты.

С утра 18 июля город принял необычайный вид. К Александровскому скверу потянулись группы запасных, в большинстве принадлежащие к рабочим и служащим и почти никого из состоятельного, богатого класса.

Людской поток шел главным образом из-за Царицы, с рабочих районов. Трамваи буквально были переполнены призывными, так что у положенных остановок вагоны не останавливались и полным ходом шли к месту призыва.

Запасные пришли в сопровождении своих жен и матерей, пришедших узнать о судьбе своих мужей и сыновей. Много пришло и посторонней любопытствующей публики. В то время как призываемые, оставаясь внешне спокойными, не выдавали своего волнения, женщины, наоборот, имели возбужденный вид.

Разыгрываются тяжелые сцены.

Вот горько рыдает какая-то женщина, ревет с ней вместе и ее ребята. У нее взяли на войну единственного кормильца семьи. В этот же

день, под влиянием угнетенного состояния духа, отравился уксусной эссенцией запасный Дмитрий Диденко, оставивший своей семье письмо с объяснением причин своего поступка.

Были случаи и острого помешательства. Вот как описывала местная пресса этот трагический случай.

— Вчера в 12 часов дня (18 июля) толпу любопытных на углу Московской и Астраханской ул. собрала пустая деревенская телега, в которой сидела женщина лет сорока с ребенком на коленях. Около женщины стоял, понурив голову, сын запасный. Внезапно помешавшаяся от горя мать истерически выкрикивала:

— Староста, Иван Петрович, Иван Петрович, жить без тебя не могу.

Несчастливая то приходила в веселое настроение, то истерически рыдала. Связанная по рукам и ногам, стала кусать свои колени и руки. Как оказалось, мужа у нее изувечило на заводе Максимова¹⁰, теперь берут в солдаты единственного сына. Фамилия помешавшейся — Корсакова. Позже была отправлена в Саратовскую психиатрическую больницу.

Первый день мобилизации прошел внешне благополучно, безо всяких эксцессов и инцидентов. Вечером Александровский сквер принял свой обычный вид. Запасные разошлись по домам, и в сквере появилась гуляющая публика.

Прокламация к запасным

В этот же день вечером, по примеру других городов, происходила в городе первая «патриотическая» манифестация, на которой, нужно сказать, быть может за самым малым исключением, совершенно отсутствовали запасные. Чистенько одетые «манифестанты», в большинстве состоящие из местной буржуазии и интеллигентной молодежи, из Александровского сквера направилась по центральным улицам города с пением «Боже царя храни». На высоко поднятых двух тростях болтались наспех изготовленные два плаката с надписями «Да здравствует Россия» и «Долой Австрию и Германию».

Перед Троицким собором¹¹ был отслужен молебен о «ниспослании победы русскому оружию». По предложению местного начальника судходной дистанции Манько были посланы царю «верноподданнические» телеграммы. За Царицей манифестация рассеялась.

Так окончился первый день мобилизации, когда затаившаяся ненависть и глухое недовольство со стороны запасных не вылилось наружу.

На другой день, то есть 19 июля, мобилизация продолжалась.

20 июля, по случаю воскресного дня, вновь повторилась «патриотическая» манифестация с речами, колокольным звоном, пением гимна, с прежними лозунгами.

Но в этот день произошло маленькое происшествие, омрачившее настроение и попортившее немало крови у местной жандармерии. Во время манифестации были разбросаны прокламации за подписью «Груп-

па запасных РСДРП», о чем срочно и донес своему высшему начальству в Саратов ротмистр¹² Тарасов.

«Сегодня днем, во время манифестации, на улице была брошена рукописная химическими чернилами прокламация, подписанная "Группа запасных РСДРП" с призывом против войны и созыва Учредительного Собрания. Бросивший не выяснен. Агентурных сведений нет».

В самом деле, такая прокламация, выпущенная местной небольшой группой подпольной организации соц.-дем., была широко распространена среди рабочих фабрично-заводского и железнодорожного районов, среди запасных, на мобилизациях и на манифестациях. Прокламация была озаглавлена «Долой войну!». (Приводим полностью содержание прокламации.)

«Товарищи запасные солдаты! Девять лет тому назад, когда мы были нужны правительству для войны с Японией¹³, свора царя Николая II Кровавого¹⁴ обещала позаботиться о нашем брате рабочем, мужике и крестьянине. Но кончилась война, и мужичкам ничего не дали.

Правительство обмануло нас, и манифест 17 октября¹⁵ оказался пустым звуком. Теперь опять затевается война, и мы, запасные, опять понадобились правительству. Опять приходится нам покинуть жен, матерей и детей, оставить их голодными сиротами, кто их напоит, накормит? Правительство за девять лет даже не удосужилось установить закона о призрении наших семей. Оно заботится только о себе да о богатых. Мы ли побьем или нас побьют, все равно толстопузым богачам да знатным чиновникам будет хорошо. А мы оборванные, изнуренные калеки вернемся к обнищалым, голодным сиротам. Многие из нас вовсе не вернутся, их семьи пойдут с сумой, а сестры и дочери угодят на потеху к тем же развратным, жирным купцам и чиновникам. Полиция будет разорять нас поборами да податями, а богатые фабриканты да заводчики притеснять нас работать на них за гроши.

Товарищи запасные! В нас нуждаются — значит, мы сила, и если мы нужны правительству, то оно должно, обязано сделать так, как мы хотим. Вместо войны мы потребуем от правительства, чтобы оно нас не обманывало и чтобы все, что было обещано манифестом 9 лет назад, было теперь же немедленно исполнено. Мы требуем, кроме того, немедленного освобождения политических заключенных и созыва Учредительного Собрания.

Долой войну! Да здравствует мир! Долой монархию, да здравствует всенародное правление! Встаньте же, товарищи, все как один и все это совершится. Помните это!»

Несмотря на предпринятые меры со стороны жандармерии к обнаружению авторов этих прокламаций и виновников распространения, последние найдены не были, о чем с болью в сердце 12 августа и доносит царицынская жандармерия в Саратов.

Подозревался в распространении прокламации т. Минин¹⁶, у которого был произведен обыск, не давший никакого результата.

Расстрел

Здесь мы подходим к описанию трагического и жуткого эпизода расстрела безоружной толпы, происшедшего на пятый день мобилизации, то есть 22 июля.

Невыясненное положение с выдачей пособий все время волновало призывных, главным образом женщин, остающихся на произвол судьбы необеспеченными материально. Обещания будущих благ не устраивали дела. Городская же Управа была настолько мудра, что поспешила посадить остающиеся семьи на «солёный» паек, выдав из имеющихся городских запасов фунтов по 15 соли. Это звучало неприкрытой насмешкой, а может быть, глупостью. Одним словом, струна, готовая во всякую минуту лопнуть, все более натягивалась.

О тревожном состоянии запасных осведомленное от своих шпииков царичыньское жандармское управление телеграфировало в Саратов 21 июля в 11 ч. ночи:

«Жены запасных требуют немедленной выдачи пособия, мешают приему, нервируют призванных и население. Были случаи столкновения с полицией, ходят слухи о возможности погрома».

Эта полупровокаторская телеграмма с несомненностью устанавливает, что вопрос о применении крайних мер, с благословения высшего начальства, был заранее предрешен. Недаром ходили слухи и, по-видимому, довольно правдоподобные, что на запрос местного военного начальства, как поступить в случае возникновения каких-либо волнений, саратовский губернатор рекомендовал применение вооруженной силы, вплоть до расстрела.

Как и в первые дни мобилизации, к месту приема, в б. Александровскую гимназию¹⁷, с самого утра стали стекаться запасные, в сопровождении своих жен, матерей и детей. Пришла масса любопытных и посторонней публики. Внешне все как будто спокойно — те же суровые, хмурые лица у запасных. Однако у всех на устах один роковой вопрос:

— А что будет с нашими семьями?

Идут разговоры:

— Зачем нам война, куда пойдем, кто будет кормить жену и детей?

В особенности нервно повышенное настроение толпы передается женщинам, более чутко реагирующим на постигшее их огромное горе.

В помещении гимназии в одной из комнат уже происходит прием. Двор был полон запасными. За приемным столом воинский начальник Алчевский, предводитель дворянства Мельников, командир Аварского полка Буймистров, члены городской управы Н.И. Мельников, А.П. Мишин и др. Входы охраняет полиция. Среди толпы запасных снуют шпиики.

Очевидцы всех обстоятельств, предшествовавших кровавой расправе, рассказывают следующее:

— Было около 12 часов дня. К месту призыва прибывали новые толпы запасных. Тысячи рабочих и крестьян с женами и матерями заполняли прилегающие улицы, площадь и сквер. На сумрачных, сосредото-

точных лицах не написано большой охоты идти записываться на прием, хотя внешний порядок ничем еще не нарушался.

Доходила очередь до призыва многосемейных запасных более старших возрастов. Созрела мысль, прежде чем идти на прием, выяснить, будет ли выдано обеспечение остающимся семьям. Минувшая японская война была еще жива в памяти.

Группа запасных, в сопровождении своих жен, насильственно вторглась в зал приема, где продолжался набор запасных более младших возрастов. В приемочной комиссии весь синклит в полном составе во главе с воинским начальником Алчевским и командиром Аварского полка Буймистровым.

Мирная «идиллия» была мигом нарушена. Зал наполнился вошедшими. Прием приостановился.

Передние ряды вторгшихся вступили с воинским начальником в переговоры относительно пособий остающимся семьям.

Спор велся с той и другой стороны в довольно повышенном тоне. Женщины не отставали от своих мужей. Слышатся возгласы:

— Хорошо вам оставаться дома... Почему мужья наши идут на позиции... Что мы пить, есть будем...

В результате переговоров Алчевский, чтобы успокоить женщин, сказал:

— Мы послали телеграмму о пособии в Саратов. Дождемся ответа; как только получим ответ, сейчас же вам сообщим. Не волнуйтесь, вам все будет.

По адресу женщин бросил фразу:

— Вы еще можете сами добиться на пропитание.

В это время откуда-то появился предательский мешок с белыми булками.

Затаенную мысль Алчевского развил находящийся тут же пристав 4-й части Гриднев, желавший, по-видимому, выслужиться перед начальством. Цинично бросил и в без того возмущенную толпу женщин фразу:

— Вы можете заработать своими подолами в садике.

После этих слов поднялся шум, негодующие крики:

— А, вы мужей берете, а нас заставляете подолами работать!

Глубоко возмутивший ответ зазнавшегося представителя власти на законные требования женщин дал толчок вылиться еще не оформившемуся глухому негодованию наружу.

С этими словами женщины, ухватив наглого циника за шиворот, стали его избивать. Сорвали с него погоны, изорвали платье.

Досталось бы, вероятно, на орехи воинскому начальнику, который, боясь самосуда толпы, успел спастись бегством на верхний этаж, где и спрятался в гимназической церкви. За ним последовало и другое начальство.

Разразившийся неожиданно инцидент, с быстротой молнии распространившийся среди призывных, внес замешательство и тревогу в настроение взбаламученной массы. Тлевшая искра, от которой вспыхнул пожар, возгорелась.

Весть об оскорблении женщин долетела и до городского сквера. По дальнейшим рассказам дело рисуется в следующем виде. В толщу толпы

около сада врывается в черном костюме сильно взволнованный и жестикулирующий руками прилично одетый гражданин. Собрав вокруг себя публику и организовав в некотором роде импровизированный митинг, начинает что-то говорить и доказывать. Говорил горячо, убедительно, минут 10—15.

Но что именно, установить не удалось. По-видимому, речь шла о только что разыгравшемся инциденте. Но по тому обстоятельству, что на оратора после его речи набросилась окружающая толпа и стала его избивать, можно судить о том, что речь далеко пришлась не по вкусу собравшимся.

Прием был прерван. В помещении приема полными хозяевами остались запасные и их жены, причем последние составляли значительное большинство. Все документы, разные бумаги подвергнулись моментальному уничтожению и изорванными в клочки валялись на полу.

Тем временем перепуганное насмерть начальство затребовало немедленно для подавления волнений команду из дежурившей 10-й роты Аварского полка.

Накалившуюся атмосферу необходимо было так или иначе разрядить. Наступила минута привести созревший план в исполнение — расстрелять толпу.

Одновременно с аварцами был вызван на усмирение небезызвестный царицынскому пролетариату Рвачев с отрядом своих конных башибузуков, одетых в форму стражников.

На углу Пушкинской ул. и б. Александровской площади (ныне площадь Павших Борцов), против кинематографа «Прометей»¹⁸, шедшую к месту происшествия роту аварцев остановила толпа, которая и вступила с ними в переговоры. Послышались возгласы:

— Куда вы идете, своих что-ли расстреливать будете?

Аварцы остановились в нерешительности. Усилия пытавшегося фельдфебеля провести свою роту сквозь толпы не привели ни к каким результатам. Наоборот, слышались угрожающие выкрики:

— Отбирай винтовки, что с ними разговаривать...

Передние ряды угрозу эту стали приводить в исполнение и выхватывать ружья из рук солдат. Но последовал приказ повернуться обратно, и рота направилась по Александровской площади к месту приема.

Прибывшая в конце концов к месту происшествия команда разделалась на взводы.

Подошедший к гимназии первый взвод не проявил ни малейшего желания стрелять в своих, несмотря на то, что ружья уже были взяты на изготовку.

Их немедленно убрали.

Сменивший второй взвод последовал примеру первых товарищей. Опустив дула в землю и опершись о приклады, решительно заявили:

— В кого стрелять будем? В своих братьев и отцов? Стрелять мы не будем.

Подняли ружья и удалились.

Видя бесплодность своих замыслов, начальство поспешило вызвать для «усмирения» пожарную команду, которая и пыталась было рассеять толпу, направив на нее струю холодной воды. Но и это не помогло.

С быстротой молнии среди женщин, наполнявших все еще присутствие приема, разнесся слух, что «прибыли татары, которые стрелять будут».

Началась невообразимая паника, все спешили выбраться на волю. В образовавшейся давке у выходных дверей образовался затор. Раздался звон разбиваемых оконных стекол.

Действительно, к гимназии поспешно прибыл сборный взвод солдат.

Выстроившись вдоль гимназии, против сквера и по Успенской улице, вновь прибывшие по своей темноте и несознательности не обнаруживали признаков неповиновения начальству.

Наступила жуткая минута, когда раздался звук сигнального рожка «к бою готовься».

Старые запасные солдаты, зная значение этого сигнала, попадали на землю, остальная часть толпы кинулась бежать или же осталась на месте.

Защелкали ружейные затворы. Раздалась команда командира взвода Дунина-Марцинкевича:

— Взвод, пли...

В воздухе, рассыпаясь барабанной дробью, прогремели первые залпы, внесшие смятение и панику в обезумевшую от ужаса безоружную толпу, бросившуюся бежать в разных направлениях. Вдогонку бежавшим следовали один за другим несколько залпов. После того как залпы прекратились, на бегущую толпу налетела с гиком и криками рвачевская банда с нагайками в руках. Началась порка, стегали направо и налево, правого и виноватого.

Бойня закончилась, и солдаты под команду «На плечо вперед» стройно удалились с «поля битвы», на котором распластанными на земле в разных позах лежали убитые и раненые.

По словам очевидцев, била в упор по толпе из окон гимназии, б. дома Божескова (ныне занятый судебными учреждениями) и б. Волжско-Камского банка (ныне Губпрофсовет) засевшая полиция из револьверов.

Шальные пули от выстрелов вверх летели в разных направлениях. Так, близ Астраханского моста был убит ехавший извозчик. Были и другие жертвы.

Жуткая, кошмарная картина! Царицынский пролетариат в дни 10-летия империалистической бойни не забудет памятный день 22 июля, когда остервенелая свора царских башибузуков залила кровью невинных жертв улицы города.

После разыгравшейся драмы город принял вид военного лагеря.

По улицам разъезжали усиленные конные патрули, торопливо подбирали убитых и раненых. Редкие прохожие с опаской пробирались по улицам. К вечеру наступило внешнее успокоение и город принял свой обычный вид.

В лагерях Аварского полка

В то время как часть несознательных аварцев 10-й роты расстреляли безоружную толпу, в самом Аварском полку, пополненном запасными и расположенном, по случаю летнего времени, в лагерях, разыгралась следующая сцена.

Вскоре после расстрела, о котором аварцы, удаленные за несколько верст от города, ничего почти не знали, в лагерь является небольшая кучка манифестантов с национальным флагом, возглавляемая известным тогда всему городу Гнусаревым (а ля Шаляпин¹⁹). Перепуганное насмерть недавним происшествием лагерное начальство, приняв манифестантов за революционную демонстрацию, выставило караулы во избежание проникновения манифестантов в лагерь.

Инцидент происходил во время обеда. Обедавшие солдаты, приняв демонстрантов за «своих», побросав обед, бросились на выручку «революционеров». Присмотревшись поближе, с кем они имеют дело, матюкнув хорошенько, решили идти в город.

Задумано — сделано. Полк почти в полном своем составе, исключая кадровых, двинулся. Об этом немедленно по телефону донесли в город, чтобы выслали депутацию для увещания запасных!

И вот в степи, около оврага, встретило непокорный полк разнокалиберное гражданское и военное начальство во главе с командиром полка Буймистровым и городским головой Остен-Сакеном.

Сначала солдаты, увидев перед своим носом многочисленное начальство, стушевались. Но смущение это вскоре прошло. Решили, под влиянием агитации, твердо стоять на своих требованиях — роспуске по домам и прекращении учебных строевых занятий.

Первый со словами увещания выступил городской голова. Трусливый по натуре человек, Остен-Сакен бессвязными словами пытался убедить призванных запасных, что город де расшибется в тарелку, а средств на обеспечение семейств достанет.

Однако выслушанная речь, сопровождаемая нелестными отзывами по адресу Управы и нескрываемой иронией, никакого действия не произвела.

Вторым «оратором» выступил командир полка Буймистров.

Смысл его речи сводился к тому, что «сейчас разные мерзавцы и бунтовщики хотят подорвать могущество России. Они находятся и между вами. Расстреливайте таких людей, и вам за это ничего не будет».

Послышались отдельные возгласы недовольства.

В конце концов, наслушавшись полковничьей дребедени, потребовали, чтобы их сейчас же отпустили по домам, иначе уйдут самовольно. Командиру полка ничего не оставалось делать, как только подтвердить требование запасных.

Большинство полка разошлось по домам. Зараженный революционным духом полк поспешили немедленно убрать из города. Спустя неделю после кровавых событий погрузили в эшелоны, отправив на передовые позиции северо-западного фронта.

Судебный процесс

В освещении жандармерии картина расстрела рисуется таким образом.

Сейчас же после расстрела, в 2 ч 15 мин дня, жандармский ротмистр Тарасов доносит в Саратов начальнику жандармского управления:

«Сегодня, около 12 часов дня, во время набора, толпа, в большинстве женщины, ворвались в помещение сборного пункта по призыву запасных с требованием выдачи немедленно пособий. Держали себя крайне вызывающе. При удалении по требованию полиции у капитана Аварского полка Марцинкевича (избила толпа после расстрела) сорвали шашку, револьвер, нанесли ранение в голову, начали бить окна, выломали двери. Подошедшая рота открыла огонь. Есть убитые и раненые, число тех и других еще не установлено.

Беспорядки подавлены, настроение сильно повышено.

В Департамент телеграфирую. Ротмистр Тарасов.»

Дополнительно в этот день доносится:

«Убитых 12, раненых 24».

Но цифра эта преуменьшена, так как она говорит лишь об убитых и раненых, отвезенных в больницу, не упоминая о тех, кто из раненых имел возможность добраться до своего дома, не обращаясь за больничной помощью, из боязни навлечь на себя судебную кару.

И в своих опасениях они были совершенно правы, так как через год был создан судебный процесс.

В 1915 году в октябре месяце в Царицын выезжала сессия Саратовской судебной палаты, которая с участием сословных представителей и судила «защитников» кровавого события. В качестве обвиняемых перед палатой свыше 30 женщин. Всем им было предъявлено обвинение в «открытом возмущении против существующей власти».

Процесс длился несколько дней, причем местной прессе было запрещено что-либо писать о процессе. Подсудимых защищала местная администрация и приглашенный специально из Саратова присяжный поверенный Никонов. В качестве свидетелей обвинения выступили представители местной полиции, во главе с приставом Гридневым, который по праву должен бы был сидеть на скамье подсудимых. Давало показания также и разное начальство, присутствовавшее на мобилизации. Председательствующим Миндером все вопросы об оскорблении женщин приставом Гридневым тщательно устранились. В результате все обвиняемые были приговорены к разным срокам тюремного заключения.

Так закончилась первая мобилизация в городе. В южной части уезда мобилизация прошла также не совсем гладко. По полицейским сведениям, в селах Солодче и Александровке призывные совместно с односельчанами погромили винные лавки, причем александровцы предварительно потребовали у местных властей выдачи им кормовых денег, в чем и было отказано. Здесь доходило дело до столкновений с полицией.

Следующая объявленная мобилизация ратников ополчения 1-го разряда годов рождения 1908—1914 прошла внешне спокойно, безо вся-

ких эксцессов. Полиция и жандармерия заблаговременно приняли необходимые меры предосторожности, хотя местному военному начальству еще долго мерещились всякого рода восстания и волнения. Так, в половине августа начальником гарнизона было созвано секретное совещание о выработке мер против могущих возникнуть беспорядков.

К каким результатам пришло совещание, выяснить не удалось.

Губерния, в связи с разыгравшимися событиями в Царицыне, была объявлена на положении чрезвычайной охраны сроком по 4 сентября 1914 года.

Буржуазная «благотворительность». Беженцы

После расстрела в Царицыне началась мания благотворительности. Одновременно с Красным Крестом был организован Дамский Комитет во главе с дамами-патронессами из числа местной буржуазии. Начались разного рода сборы, пожертвования, благотворительные спектакли и т. д.

Но это была лишь показная сторона благотворительности, так как местная буржуазия, спекуляцией нажившая на войне громадные капиталы, совершенно не шла на крупные жертвы, отделяваясь несчастными грошами. Так, например, б. Французским заводом²⁰ было ассигновано на каждого члена оставшейся семьи всего-навсего по 1 рублю. Местные тузы-миллионеры при тогдашнем Биржевом комитете, где совершались миллионные сделки, также открыли пожертвования в пользу жертв войны. Но подачки эти были до смешного ничтожны, чтобы не сказать больше.

Так, царицынские миллионеры Максимов, Мыльцын, Шлыков и др. внесли по 1000 руб., а царицынский архимиллионер В.Ф. Лапшин отвалил 500 рублей.

Городское и земское самоуправление, в свою очередь, также торопились с ассигнованием средств на обеспечение семейств запасных, но отпущенные суммы были также весьма невелики.

Вдобавок ко всему этому в городе началась спекуляция предметами первой необходимости. Первый пример подали царицынские мукомолы — Т-во паровой мельницы²¹ и Гергардт, которые при громадных запасах зерна и муки, закупленных по низкой цене, уже с октября месяца стали создавать хлебный «кризис», жалуясь на недостаток запасов.

Хотя Царицын в течение всей войны и не испытывал особенного недостатка в хлебе, однако цены на таковой неустанно двигались кверху, что отражалось на скудном заработке рабочего и среднего служащего.

В сентябре месяце в Царицын прибыл уже первый транспорт раненых, торжественно и пышно встреченных массой народа совместно с представителями и представительницами местных благотворительных учреждений.

Была пора модного увлечения ранеными, которых дамы-патронессы носили чуть ли не на руках. Впрочем, увлечение же вскоре прошло после того, как город стал наполняться вновь прибывающими транспортом раненых. Стало не хватать помещений под госпитали.

Одновременно с ранеными в сентябре месяце в город также прибыли беженцы.

Первыми ласточками были немцы с территории Польши, затем насильно выселенные немцы-колонисты Волынской губернии. В декабре пригнали мирных немецких жителей из Восточной Пруссии, захваченных в плен во время нашего неудачного налета. Последние, объявленные военнопленными, были заключены в Царицынскую тюрьму²², где находились в самых ужасных условиях. Терроризированное местное немецкое население, сплошь находящееся под подозрением в германофильстве, боясь репрессий, не имело возможности хоть сколько-нибудь улучшить положение заключенных. В общем беженцев немецкой национальности в городе насчитывалось до 3 000 человек. Положение живших на воле немецких беженцев стало улучшаться с того времени, как был организован немецкий беженский комитет.

В январе — феврале 1915 г. по улицам города потянулись вереницы повозок, нагруженных разным домашним скарбом с сидящими на нем женщинами и малыми ребятами. Это был новый поток беженцев-крестьян из далекой Волыни, которые по бессмысленному распоряжению военного начальства казацкими нагайками выселялись из своих насиженных мест в 24 часа. На произвол судьбы бросали свои хозяйства.

Пошла организация всевозможных беженских комитетов.

Церкви под казармы

Одна за другой следовали мобилизации. В городе стало не хватать помещений, чтобы разместить всю массу мобилизованных. Были нарушены нормальные учебные занятия, так как много школ отведено было под солдатский постой. Однако помещений все-таки не хватало, так что в городской управе был поднят вопрос об отводе под казармы церквей, что не противоречило канонам святых отцов и существующему городскому положению.

Город принял вид военного лагеря. С самого раннего утра до позднего вечера шло спешное обучение мобилизованных, которых после 6-недельной муштры пачками отправляли на убой.

В рабочих кругах

Рабочие тянули свою обычную трудовую лямку, буржуазия продолжала спекулировать на войне, наживая громадные барыши. Жизнь дорожала, а предприниматели неохотно шли на прибавку заработной платы.

На этой почве среди рабочих лесопильных заводов, главным образом грузчиков, тотчас же за объявлением войны происходили частичные забастовки, исключительно на экономической почве. Такой же характер носила частичная забастовка на заводе «Урал-Волга» (ныне «Крас-

ный Октябрь»), продолжавшаяся трое суток. От забастовки рабочие ничего не выиграли.

В 1915 г. в Царицыне возникает военно-промышленный комитет, где возбуждается вопрос о приглашении представителей рабочих для совместной работы с буржуазией на оборону страны и организации при комитете «рабочей группы». Представители больничных касс образовали из себя комиссию по выборам в военно-промышленный комитет. По вопросу о вхождении в комитет не наблюдалось полного единодушия, что ярко обнаружилось на устраиваемых предвыборных собраниях. Идея «пораженчества» находила себе благоприятную почву — так, например, на одном из собраний в доме «Науки и Искусств»²³ «оборонцы» при голосовании резолюции о вхождении в комитет собрали незначительное большинство, всего только 5 голосов. Однако в результате свыше чем шестимесячной агитации при военно-промышленном комитете²⁴ была организована «рабочая группа» с ярко выраженной физиономией «оборончества» во главе с меньшевиками покойным Ивашкевичем и Д. Полуяном, которая, сотрудничая с местной буржуазией, просуществовала почти вплоть до февральского переворота. <...>

☞————— Д.В. Петровский —————☞

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИМИРЕ ХЛЕБНИКОВЕ [1916]

<...> В один прекрасный весенний день Хлебников решил ехать на юг, в Крым. Билет был куплен до Симферополя¹.

На Курском², куда я его провожал, случилось то, чего должен всегда ожидать Хлебников, — у него украли билет, деньги и вещи, жалкие вещи и рукопись в них. Я отстал от него, забыв купить перронный билет. Мне пришлось бежать за ним наверх. В эти-то 15 минут все и стряслось. <...>

Дня через два удалось достать немного денег, и Хлебников, изменив маршрут, поехал к себе в Астрахань. Пасху я провел один.

Через две недели получаю открытку из Царицына. Писал Хлебников: «Король в темнице, король томится. В пеший полк девяносто третий, я погиб, как гибнут дети, адрес: Царицын, 93-й зап. пех. полк, вторая рота, Виктору Владимировичу Хлебникову».

Я так и ахнул. Хлебников — солдат запасного полка в Царицыне? Пошел, сказал кое-кому, покрякали, покачали головой да тем и ограничились. Пошел я к Золотухину, отдал ему свою какую-то украинскую думку³, взял 15 руб. и отправился с тем в «пеший полк девяносто третий».

1 мая приехал. Полк, говорят, в лагерях, верстах в двух от города. Было воскресенье, день парада. Ходят взад и вперед по площади в одну

десятину, целым полком топчутся на месте, выкидывают коленками. Насчитал я вторую роту. Вглядываюсь: где выкидываются бедные коленки Хлебникова?

Знает ли он, что кто-то тут ищет и жалеет его?

Вспомнилась мне сцена из «Тараса Бульбы», хотелось крикнуть: «Чую, чую»⁴.

Кончился парад. Пошел я по палаткам. Нашел вторую роту, ротного, взводного:

— Где Хлебников?

— Выбыл, дескать, в чесоточную команду. Это в другом конце города.

Пошел по адресу. Какие-то бараки кирпичного цвета. Из окна высываются солдатские усы, кричит:

— Вы к Хлебникову?

Это меня озадачило:

— Почему вы думаете?

— Брат, что ль, яво?

— Брат, — говорю.

— Я и то смотрю — сразу видно. Схожи.

Сходства меж нами не было, разве рост и цвет глаз.

Понадобилось обходить построюку. Ему уже, очевидно, сказали. Виктор Владимирович шел ко мне через двор, запихивая что-то в рот и закрывая рот и ложку левой рукой. Обрадовался и так, не спросясь ни у кого из начальства, пошел со мной. Я тоже обо всем этом позабыл, так был я потрясен его видом: оборван. Разрешение я получил. Напечатали афиши. Хотели рекламировать выступление, наняв верблюдов и разъезжая на них по городу, но пороху не хватило.

На участие Хлебникова разрешение я не получил.

Сам ходил к седому полковнику, говорил, что Хлебников ни в каком случае не может быть рассматриваем наряду с другими — что он мировое явление, обещал старика в газетах прохватить, особенно за то, что заставлял Хлебникова стоять в сапогах с гвоздями по 6 часов под ружьем так, что кровь ручьем текла из ног, — не помогло ничего.

Своим поведением я навлек еще большую немилость на Хлебникова, даже присутствовать на собственной лекции ему не разрешили.

Читал лекцию я, названный в афише Песнязем, помогал Татлин, названный, кажется, Зодчим.

Аудитория была пуста.

Сидели полковые шпионы ради сбежавшего из казарм Хлебникова и терроризованный мною полковник да барышни из администрации.

Поместились мы с Татлиным между занавесью и рампой (декорации были какие-то уж очень неподходящие). Возле стоял перевернутый ломберный стол⁹, в виде классной доски для чертежей и вычислений. Хлебников же проковырял для глаза и рта два отверстия в занавеси и суфлировал мне в трудных местах своих изысканий — таким шепотом, которого и сам, вероятно, не слышал.

Видел я только один большой, голубой и грустно-веселый глаз.

Да слышал, как он прыскал, когда я врал о Рамзесе ¹⁰ и Абу-Темеме ¹¹ и спутал Матуаклина с Паякувием, называя последнего Пануквием. Я как избавления ждал чтения стихов.

Стихи имели успех против моих ожиданий: хлопали «Виле», «Полководам», «Цусиме», даже полковник хлопал Маяковскому, Асееву, Бурлюку ¹², мне.

Поднялся занавес, чтобы пропустить нас двух вглубь сцены и обнаружил не успевшего скрыться Хлебникова в позе «Сусанны перед старцами»¹³; он закрыл лицо руками, как дети, которые думают, что скрываются, если глаза их спрятаны.

Выручили мы 229 рублей — двести пришлось отдать за зал, освещение, прислугу, афиши. Чистая прибыль была 29 рублей. Вышло опять любимое число Хлебникова, следовательно, все обстояло благополучно. Мы провели эту неделю, как беззаботные бродяги.

Тут о воде и Хлебникове: ходили купаться; Татлин, бывший моряком и простудивший ноги, моя палубу в холодные утренники, боится воды, я плаваю плохо. Хлебников — рыба.

Он долго сидит на берегу, как йог, в любимой позе — носом в колени и потом вдруг скатывается в Волгу и исчезает.

Сначала было страшно, потом я убедился: бояться нечего. Хлебников показывается саженьх в шести от берега и сидит на воде, как на земле, носом в колени. Потом ложится на спину, вообще, он, по-моему, держится на воде свободнее, чем на суше. Еще раз в эту неделю видел я Хлебникова блестящим всем остроумием и веселостью, когда им сочинялась эта лекция, и я с его слов набрасывал ее конспект. Сколько раз мы съезжали в сторону от темы, и было необычайно интересно следовать за ним и толкать его дальше и глубже.

Хлебникову нельзя было давать корректуры, он не исправит, а переписет все заново, по-иному, в зависимости от случая этой «свежести» — может быть, в этом он был похож на Сезанна ¹⁴, переписывавшего свои картины каждый день заново в зависимости от ветра.

...В одну из ночей мы проводили глазами согнутую, удаляющуюся спину Хлебникова, уходящего в свою «чесоточную команду», я же уехал вверх по Волге. <...>

☞ ————— А. Глазков ————— ☞

ОТ ЦАРИЦЫНА ДО РОСТОВА-НА-ДОНУ [1916]

22 мая 1916 года с вечерним поездом со станции Урюпино отправилась экскурсия учеников Урюпинского реального училища, состоявшая из 22 учеников под руководством преподавателя географии А.И. Кораблинова.

Все мы поместились в двух отделениях одного вагона, где кроме нас почти никого не было. Родители, провожавшие нас, давали нам разные советы и наставления, как вести себя во время поездки. Когда пробил третий звонок, все, спешно попрощавшись, поспешили в вагон. Вот мы и в дороге. Скоро скрылись все известные мне места. К 10 часам вечера приехали на ст. «Алексиково». Через 20 минут пришел поезд, с которым мы должны были ехать в Царицын. Отдельного вагона нам не дали, и мы должны были садиться, кто где успеет занять место. Многие экскурсанты расположились на площадках вагонов, так как в вагонах мест не было. Сначала пришлось нам ехать ночью, поэтому мы не могли наблюдать окрестностей дороги. На ст. «Филоново» мы перешли в задний, немного освободившийся вагон. Занявшие места легли спать, в том числе и я. Проснулся я очень рано, солнце только что начало всходить. На диванчиках сидели тихо и дремали некоторые ученики, которым не пришлось спать всю ночь. По обеим сторонам поезда тянулась безлесная равнина. Возле железнодорожной насыпи росли цветы, травы, ковыль, а дальше были распаханные поля.

Когда поезд делал остановки на станциях и разъездах, мы соскакивали и рвали цветы. Больше всего нравилось нам останавливаться на разъездах, так как последние расположены прямо в поле. Наконец проехали последнюю станцию перед Царицыном «Котлобань».

Между нею и городом всего 12 верст. Я стал смотреть на открывающийся вид на Царицын и его окрестности. На переднем плане были глубокие овраги, налево круглые цистерны с нефтью, дальше — деревянные бараки для войск и наконец далеко-далеко раскинулся город. В городе и его пригородах поднимаются высокие колокольни церквей и трубы заводов, из которых выделяются французский¹ и пушечный²; а за городом виднеется широко разлившаяся Волга. Долго поезд ехал по городу, пока не остановился возле вокзала. Вокзал — громадное, красивое белое здание — произвел на меня хорошее впечатление. Сдав вещи на хранение, мы пошли осматривать город и его достопримечательности. Увидев издали куполы Александро-Невского собора³, мы направились к нему. У собора расположен Гоголевский сквер, в котором находится памятник Гоголю⁴. В собор мы не зашли, так как отделка его еще не закончена и вход посторонним лицам не разрешен. Строится он уже 15 лет.

Постройку предполагают закончить нынешнею осенью. Из Гоголевского сквера мы пошли в Дом Наук и Искусств⁵; этот дом замечателен тем, что в нем заключается много полезных учреждений: школа для детей беженцев, школа для взрослых, музыкальные и рисовальные классы, школа кройки и шитья, театр, кинематограф, библиотека и музей местного края. Внешний вид здания очень красивый, а внутри здание еще не отделано. Самое интересное, что осматривали в этом доме, — это музей местного края. Здесь мы видели громадный клык мамонта, кирпичи времен Мамаю⁶, немецкое оружие, снаряды, стрелы, бросаемые с аэропланов, полевой австрийский телефон, кусок гли-

ны шоколадного цвета, обладающий сладковатым вкусом, кустарник, постепенно переселяющийся из Сибири в Юго-Восточный край Европейской России. После подробного осмотра музея мы отправились в Свято-Духов монастырь. Он стоит на возвышенном месте, с которого открывается прекрасный вид на Волгу и город. Монастырь обнесен высокими стенами, в которых проделаны круглые отверстия, так что монастырь по внешнему виду напоминает старинную крепость. Прежде всего мы вошли в подземелье, где основатель монастыря, известный по газетам иеромонах Илиодор⁷, укрывался от своих «врагов». Потом пошли в монастырский собор. Собор поразил меня прежде всего своею необыкновенной величиной. Он может вместить в себе, как нам сказали, до 15 тысяч человек. Живопись в соборе также очень красива. Вверху находятся хоры. Мы поднялись на хоры, а оттуда на колокольню, с которой открывается прекрасный вид на огромный город, его пристань и заводы. Видно было также, что Царицын расположен на возвышенном месте и во многих местах изрезан оврагами. После осмотра монастыря мы пошли в Успенский собор⁸. Ходили очень долго, но никак не могли найти его. Прохожие давали нам сбивчивые указания, заставляя нас ходить по городу взад и вперед. Во время блужданий по городу и за городом мы подошли к железнодорожному мосту. Замечательно красивый мост. Перекинут он через глубокий овраг, на дне которого течет мелкая речка Царица около сажени ширины. Мост поддерживается красивыми железными быками. Наконец мы нашли собор. Внешний вид его не произвел на нас особенного впечатления. Внутри собор показывал нам священник, который обратил наше внимание на старинные иконы и, кроме того, показал нам крест, к которому прикладывался Александр II⁹, и два шитых жемчугом воздуха¹⁰, которым скоро будет 200 лет. Из собора мы пошли в церковь св. Иоанна Предтечи¹¹. Это самая древняя церковь в Царицыне, построена она вместе с основанием города в царствование Иоанна Грозного¹². В церкви находятся такие старые иконы, что на них почти невозможно различить очертания ликов святых. Из церкви мы пошли на набережную Волги, посмотрели, как пароходы пристают к берегу. Недалеко от пристани была гостиница «Прогресс». Здесь мы очень хорошо пообедали. После обеда А.И. пошел просить разрешения остановиться в 1-й мужской Александровской гимназии¹³, и мы перевезли туда свои вещи с вокзала.

24 мая. Утром пошли в городскую управу. Городской голова показал нам шапку и дубинку Петра Великого¹⁴. Дубинка из черешневого дерева около 2¹/₂ аршин высоты. Шапка покрыта серым сукном, внутри шелковая подкладка. Городской голова достал шапку и надевал ее на некоторых учеников, в том числе и на меня. Она мне оказалась очень велика. Эти две вещи хранятся в особом шкапу в кабинете городского головы. К шкапу приклеена бумага с надписью: «Как никто не смеет сей картуз снять с головы моей, так никто не посмеет вас из Царицына выводить».

Вторая надпись: «Как управлялся я сей палкою с друзьями моими, так защищайтесь ею от врагов ваших».

Здесь же видели портрет Александра III¹⁵, подаренный им самим царицынскому голове во время пребывания в Царицыне, с собственноручною подписью, и грамоту Александра I¹⁶, в которой он выражает благодарность царицынской управе за подавление возникнувшей чумы в Царицыне. Выйдя из городской управы, мы на трамвае поехали на Французский завод, отстоящий от города на 7 верст. Он имеет много отделений, из которых мы посетили самые главные. Прежде всего осмотрели подъемные краны, которые перетаскивали с места на место формы для болванок, потом мартеновские печи, в которых выплавлялась сталь. Видели, как из раскаленных стальных болванок выделывают листовое железо, как раскаленные стальные болванки раскатывали между валиками и получали тонкие железные листы. Видели прокатку рельсов и обручного железа, а после всего посетили отделение для выделки шрапнелей и ядер. На обратном пути от завода мы, воспользовавшись разрешением городского головы, осмотрели Александро-Невский собор. Внутри собор почти закончен, иконы нарисованы почти везде. Особенно понравилась всем экскурсантам икона Рождества Христова. Осмотрев собор, мы вернулись в гимназию.

25 мая. Утром пошли осматривать паровые лесопильни¹⁷ за Тихорецким вокзалом. Сначала осмотрели двигатель, приводящий в движение пилы, потом осмотрели самую лесопильню. Бревна подвозились к пилам на вагонетках и, подталкиваемые вперед зубчатыми колесами, распиливались сразу на несколько досок. Такая машина с пилами перепиливает в день до 1000 бревен.

В других отделениях видели сглаживание корявой поверхности досок и выделку резьбы из досок при помощи машин. После осмотра лесопильни мы были на горчичном заводе¹⁸. Проводник объяснил нам, как из горчичных семян получается крупа, как потом эта крупа перетирается в порошок и как из порошка получается горчичное масло. После обеда мы спустились на пристань, осмотрели пароход «Купец» снаружи и внутри. Ходили по палубе, заглядывали в залы. Все было чисто и уютно, и нам очень понравилось. Спустившись с парохода на берег, мы взяли билеты и переехали на другой берег Волги на катере «Павел». Этот катер специально предназначен для перевозки пассажиров, едущих на другой берег Волги, где раскинулся хутор Букатин. Около него тянутся песчаные дюны, которые в одном месте почти совсем засыпали дом. Для борьбы с дюнами на них кое-где насажены вербы.

Когда катер остановился, мы сошли на берег и пошли сначала по лесу, потом, перевалив через дюны, спустились к реке. Кто-то из экскурсантов предложил купаться, на что все согласилось. День был жаркий, поэтому всем было приятно освежиться, а сознание того, что купаешься в Волге, еще более усугубляло прелесть купания. Через час пароход уходил в Царицын, поэтому нам пришлось поспешить на пароход. Большие волны заходили во все стороны, как только пароход тронулся. Два

человека подъехали на лодке покачаться на волнах. Встречавшиеся нам пароходы обменивались сигналами с нашим.

26 мая. В Царицыне был день «белой ромашки». Всякий, кто побывал на улице, имел приколотый к груди цветок. Множество мальчиков и девочек, несмотря на то, что на груди ромашек красуется целый ряд, неотвязно просят жертвовать. После чая мы пошли осматривать некоторые заводы, но не на один не попали, так как хозяев на заводе не оказалось и не у кого было получить разрешения. Вернувшись в гимназию, мы поскорей сложили свои вещи и отправились на вокзал, где пообедали. После обеда расположились в отведенном нам вагоне и никого к себе не пускали. Наконец мы тронулись. Проехали виадук, сделали маленькую остановку на Тихорецком вокзале, наконец, оставили позади и этот вокзал, а скоро и самый город скрылся из глаз. Прощай, Царицын!

Во время четырехдневного пребывания нашего в Царицыне мы рассмотрели его довольно хорошо, поэтому хочется мне записать общее впечатление об этом городе. Царицын очень большой уездный город. Он расположен на правом берегу Волги. В нем протекает речка Царица, впадающая в Волгу, но она летом пересыхает. Город очень оживленный и торговый. Торгует он производством своих заводов и фабрик: мукой, горчицей, ватой, мылом, досками, рельсами и другими железными изделиями, а также и рыбой. Кроме того, Царицын поставляет для армии орудия и снаряды. В городе есть трамвайное движение. На пристани всегда стоит много пароходов. В городе два вокзала: главный и Тихорецкий, от последнего идет Владикавказская железная дорога¹⁹.

Характерную черту Царицына составляют овраги. Они со всех сторон окружают его, врезаются в самый город почти до нейтральных улиц и идут по всем направлениям. Лучшая часть города — центр. Здесь расположены красивейшие здания, мощные улицы и нет оврагов. Но стоит отойти несколько кварталов в сторону, как начинаются овраги и холмы, по которым лепятся маленькие деревянные домики, покрытые большей частью тесом; улицы пыльные и немощные²⁰. Одним словом, эта часть города производит неприятное впечатление. Население Царицына очень пестрое²¹; там подданные русские, немцы, евреи, татары. Немцы — давние русские подданные-колонисты. Евреи появились здесь ради торговли, татары потому, что здесь было раньше их царство. Должность носильщиков и ключников на пристанях исполняют большею частью персы и башкиры. В Царицыне находятся две казенных мужских гимназии и одна частная, два реальных училища, пять или шесть женских гимназий и множество начальных училищ²². <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I. КАРАҮЛ НА ПЕРЕВОЛОКЕ 1555—1588 гг.

† † †

Х. Бэрроу

УВЕДОМЛЕНИЕ И ДОНЕСЕНИЯ О ШЕСТОМ ПУТЕШЕСТВИИ В СТРАНЫ ПЕРСИИ И МИДИИ

Печатается по изданию: Бэрроу Х. Уведомление и донесения о шестом путешествии в страны Персии и Мидии компании английских купцов по открытию новых мест торговли, собранные из отдельных писем за 1579, 1580 и 1581 гг., писанных Христофором Бэрроу, служащим означенной компании, к своему дяде г. Уильяму Бэрроу // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье. Л., 1937. С. 262—285.

†

Эпоха Великих географических открытий необыкновенно расширила представления европейцев об окружающем их мире. XVI век стал временем освоения бесчисленных богатств неведомых ранее земель и поиска наиболее удобных торговых путей. В середине этого столетия известный путешественник и географ С. Кабот предположил существование северного морского пути в Китай, пролежавшего, с его точки зрения, вдоль побережья Сибири. Для осуществления поисковой экспедиции было создано акционерное «Общество купцов-предпринимателей для стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и доселе морским путем не посещаемых» и приобретено три корабля. Начальником всей экспедиции стал сэр Хью Уиллоби, а главным кормчим — опытный моряк Ричард Ченслер. В мае 1553 г. корабли снялись с якоря и отправились в путь.

К сожалению, плавание англичан было сильно осложнено погодными условиями. В открытом море корабли разметало; тот, которым командовал Р. Ченслер, был потерян. Оставшиеся два корабля пересекли Баренцево море и подошли к берегам Новой Земли. Повернув затем на юго-запад, Уиллоби достиг берегов Кольского полуострова и в сентябре бросил якорь при впадении в море реки Варзины. В начале 1554 г. все англичане погибли от холода.

Тем временем Ченслер, не зная о судьбе своих товарищей, пересек Белое море и бросил якорь в устье Северной Двины. Благожелательно встреченный местными жителями, Ченслер пожелал отправиться в Москву. В столице англичанин был милостиво встречен Иваном Грозным и в феврале 1554 г. получил грамоту с позволением свободной торговли для английских купцов.

В феврале 1555 г. была создана Московская компания, имеющая право монопольной торговли с Россией. С этого времени русско-английские контакты становятся регулярными.

Добившись права на монопольную торговлю с Россией, Московская компания начинает поиск непосредственных торговых связей со Средней Азией, Ираном, Индией. За период с 1558 г. по 1581 г. было снаряжено 7 путешествий на Восток: одно — в Бухару, шесть — в Иран. Шестое путешествие, которому посвящено письмо Х. Бэрроу, проходило в 1579—1581 гг. Оно протекало в обстановке сложного внешнеполитического положения Ирана, поэтому ограничилось небольшими торговыми операциями на Кавказском побережье Каспийского моря.

Христофор Бэрроу (Burrrough) принадлежал к известной английской купеческой семье. Его отец Стивен Бэрроу — один из товарищей Р. Ченслера в его плаваниях в Россию. В 1556 г. С. Бэрроу участвовал в очередной английской экспедиции в качестве капитана корабля «Искатель процветания». Его цель состояла в том, чтобы достичь реки Оби. Однако Бэрроу удалось достичь только Новой Земли, дальнейшему продвижению на восток помешала непогода.

Письмо Х. Бэрроу, содержащее упоминание Царицына острова и находившегося на нем караула стрельцов, относится к 1579 г. Этот источник — один из самых ранних, где можно найти название «Царицын», впоследствии закрепившееся за городом (Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 7—22, 265, 292—293; Соколов А.Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI—XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 22—27).

¹ Увек (или Укек) — татарский укрепленный город, имевший большое военное и торговое значение. Находился вблизи современного Саратова. Прекратил свое существование в конце XIV в. Археологические исследования развалин Увека начались в конце XIX — начале XX в.

² *Переволока* — название участка суши между Волгой и Доном, по которому волоком перетаскивались суда из одной реки в другую. В этом месте течение Дона образует большую излучину, не доходя до Волги всего 60 км. Волго-Донской переволокой люди пользовались с глубокой древности. Соотечественник Х. Бэрроу, представитель Московской компании в России Антоний Дженкинсон так описывал Переволоку: «Продвигаясь все вперед, мы прибыли 6 июля к месту, называемому Переволокой (Perevolog), потому что в прошлые времена татары здесь обычно перетаскивали по земле свои подки из Волги в реку Танаис, иначе называемую Доном, когда они собирались грабить спускавшихся по Волге к Астрахани или, наоборот, спускавшихся по Танаису к Азову, Каффе или иному какому-нибудь городу на Эвксинском (то есть Черном) море, в которое впадает Танаис; истоки Танаиса находятся на равнине в Рязанской области. В этом узком месте на Переволоке расстояние от одной реки до другой по суше всего 2 лиги. Оно очень опасно из-за воров и

разбойников; однако в настоящее время, вследствие завоеваний русского царя, оно не так страшно» (Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию: 1558—1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 170—171; Водолагин. С. 9).

³ Танаис — древнегреческое название реки Дон.

⁴ Х. Бэрроу не упоминает о существовании на Царицыном острове крепости, но существовавший там с конца 1550-х гг. стрелецкий караул был предтечей будущего города. Хотя ряд исследователей XIX — начала XX в. (А.Ф. Леопольдов, Н.И. Костомаров, А.А. Шахматов, А.Н. Минх и др.) полагали, опираясь на рукопись царицынского протоирея П. Лугарева «История о городе Царицыне в двух частях» (1840 г.), что Царицын был основан на Переволоке в 1555—1556 гг., данное утверждение было впоследствии опровергнуто. В настоящее время в качестве даты основания Царицына принят 1589 г. Первоначально Царицынский острог был основан на острове, называемом Царицыном, затем был перенесен на правый берег Волги по предположению некоторых историков и краеведов к началу VII в. (Богданова. С. 7—8; Водолагин. С. 9—12; Волгоград. С. 9—17). По нашему мнению, это произошло после Смуты в 1614 г. (Тюменцев И.О. Начало Царицына: гипотезы и факты // Стрежень. Волгоград, 2000. Вып. 1. С. 136—137.)

⁵ Иван IV Грозный (1530—1584), Великий князь Московский с 1533 г., с 1547 г. — первый русский царь).

⁶ Стрельцы — в Русском государстве XVI — начала XVIII в. служилые люди в войске; пехота, вооруженная огнестрельным оружием.

⁷ Помимо караула на Царицыном острове существовало еще пять подобных сторожевых пунктов: Каменный, Ступин, Палой, Китчеур и Ичкибрей (Волгоград. С. 12).

ГЛАВА II. ЦАРИЦЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ В 1589—1608 гг.

† † †

Хуан Персидский

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕРСИДСКОГО ПОСОЛЬСТВА ЧЕРЕЗ РОССИЮ ОТ АСТРАХАНИ ДО АРХАНГЕЛЬСКА

Печатается по изданию: Из рассказов Дон Хуана Персидского: Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599—1600 гг. / Пер. с исп. С.И. Соколова // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1899. Кн. 1. С. 1—19.

†

Дон Хуан Персидский — секретарь посольства персидского шаха из династии Сефевидов Аббаса I (1571—1629, правил с мая 1587 г.). В 1599 г. Аббас I отправил посольство Хосейна Али-бека Байата к разным европейским дворам для заключения союза против Османской империи. В чис-

ле знатных особ, составлявших свиту посла, находился некто Орудж-бек Баят. Он был одним из четырех секретарей посольства, общее руководство которым было поручено англичанину Антонию Ширли.

Послы прибыли в Астрахань в начале октября 1599 г. и продолжили путь до Москвы сначала Волгой, а потом сухим путем. Пробыв в Москве всю зиму, посольство весной 1600 г. отправилось в Архангельск и отсюда 9 июля на корабле отплыло в Западную Европу.

Когда посольство находилось в Испании, вышеупомянутый Орудж-бек перешел в католичество и принял имя дона Жуана (Хуана) Персидского. Хорошо образованный, он написал на персидском языке сочинение в трех книгах о путешествии посольства с историческим очерком о Сефевидском государстве. Первые две книги заключали в себе описание Персии и ее истории с древнейших времен, а третья содержала рассказ о путешествии посольства.

Сочинение дона Хуана было переведено на испанский язык и издано в 1604 г. Отрывок из этого перевода, посвященный России, был напечатан в «Recueil de relation et de memoires concernant la géographie et l'histoire de la Russie avant 1700» (Berlin, 1854). С этого текста был сделан перевод с испанского на русский С.И. Соколовым, помещенный в «Чтениях императорского Общества истории и древностей российских». Из этого же издания переводчик заимствовал и сведения о самом Хуане Персидском. Публикуемый фрагмент был также перепечатан в 1991 г. в сборнике «Проезжая по Московии: Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов».

Упоминание Царицына, относящееся к осени 1599 г., содержит «Рассказ второй, в котором продолжается описание страны и достопримечательностей, кои мы в ней видели, проезжая по Московии» (Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1899. Кн. 1. С. IV, 8; Проезжая по Московии: Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. С. 13—14).

¹ Имеется в виду Волга.

² *Галера* (итал.) — деревянное гребное военное судно, созданное в VII в. венецианцами.

³ *Ратник* — рядовой земского ополчения. В более широком смысле — старинное название воина.

⁴ *Борис Годунов* (ок. 1552—1605, с 1598 г. — русский царь).

⁵ Здесь и далее примечания в скобках сделаны С.И. Соколовым.

⁶ *Лье* (франц.) — французская путевая мера, имевшая несколько значений. Наиболее употребительными были: 1) лье старинное, равное 4444,44 м; 2) лье морское, или географическое, равное 5555,55 м; 3) лье, представляющее длину дуги в $1/18$ градуса, равное 6172,78 м; 4) лье почтовое, равное 3898,08 м; 5) лье общинное, равное 4449,65 м. Величина последнего колебалась в разных провинциях Франции.

⁷ С.И. Соколов ошибается: Ямар не может быть Черным Яром, так как этот город был основан позже.

⁸ *Самара* была основана в 1586 г. как деревянная сторожевая крепость. Основная цель ее постройки — обеспечить охрану новых территорий России в Нижнем Поволжье.

С. Какаш, Г. Тектандер

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕРСИЮ ЧЕРЕЗ МОСКОВИЮ

Печатается по изданию: Какаш С., Тектандер Г. Путешествие в Персию через Московию: 1602—1603 гг. / Пер. с нем. А.И. Станкевич // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. (Б. м.), 1896. Кн. 2. С. 7—54; Кн. 3. С. 59—60.

Стефан Какаш родился в Клаузенберге (Колошваре) в старинной дворянской семье Семиградии (Трансильвании), был одним из выдающихся граждан города как «по природным дарованиям своим, так и по образованию и богатству»: с 1597 г. по 1601 г. он вносил самую большую сумму налогов и пошлин с имущества. Имел степень доктора прав и играл важную роль как секретарь семиградских князей Баториев. Как состоятельный человек, нередко давал займы значительные суммы денег Сигизмунду Баторию и его жене. В 1593 г. ездил послом в Англию к королеве Елизавете, в 1599 г. — в Польшу. По возвращении был отправлен князем Андреем Баторием в Пильзен к императору Рудольфу II с предложением принять княжество Семиградское. Вернулся через два месяца с ответом императора, но за это время воевода Михаил сумел покорить Семиградию, убить Андрея Батория.

После падения Баториев С. Какаш не смог жить на родине, поэтому он выхлопотал разрешение о продаже своего имущества и переселился в начале 1601 г. в Тироль, в г. Боцен. Отсюда император Рудольф II вызвал его в Прагу и назначил послом в Персию. Это решение было принято в ответ на посольство шаха Аббаса I в 1600 г., а также с целью получить поддержку против Турции.

С. Какаша должен был сопровождать Георг Тектандер, видимо, в качестве секретаря. В состав посольства входил Георг Агеласт и еще несколько человек. Г. Тектандер был родом из Саксонии, внуком известного ученика М. Лютера (1483—1546) — Мартина Тектандера, выступавшего одним из первых сторонников и проповедников нового учения.

Посольство выехало из Праги 27 августа 1602 г., прибыло в Москву 6 ноября и 7 декабря направилось в Астрахань, чтобы сесть на судно и плыть в Персию. В пути, в Казани, посольство задержала зима, и лишь 27 мая 1603 г. оно прибыло в Астрахань. Здесь пришлось провести два месяца, пока шли приготовления к плаванию, затем 31 день длился переезд из Астрахани в Ленкорань, где пришлось еще около десяти недель дожидаться разрешения шаха ехать дальше. Отсутствие доброкачественного провианта, нездоровый климат этой местности плохо отразились на здоровье членов посольства, а некоторые, в том числе посол Стефан Какаш и Георг Агеласт, скончались. Миссию посольства выполнил один Георг Тектандер.

Вернувшись на родину, он составил в Праге подробное описание путешествия и 8 января 1605 г. представил его императору. Умер Г. Тектандер в 1614 г. (застрелился вследствие неосторожного обращения с оружием).

Первое издание описания путешествия посольства вышло при жизни Г. Тектандера в 1608 г. в Лейпциге, в предисловии ко второму изданию (1609 г.) Г. Тектандер отметил, что оно было неполным и с ошибками. Третье, идентичное второму, издание вышло в 1610 г., затем было переиздано в 1819 г.; в 1877 г. был сделан перевод на французский; известно также издание на немецком языке 1889 г.

В переводе с немецкого на русский Алексеем Ивановичем Станкевичем и с написанным им же предисловием описание путешествия посольства через Московию в Персию в 1602—1603 гг. было опубликовано в «Чтениях в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

Приведенный отрывок содержит описание части путешествия от Казани начиная с 11 мая 1603 г. (Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. С. 3—6, 25; Кн. 3. С. 59—60).

¹ Первые известия об Астрахани относятся к XIII в., когда среди татарских поселений упоминается деревня Аштархан (Аджитархан, Хаджи-Тархань, Хазитархань, Цытрахань или Зыстрахань и др.) на правом берегу Волги в 12 км от современной Астрахани. В 1395 г. Астрахань была сожжена войсками Тамерлана. После распада Золотой Орды стала столицей Астраханского ханства, с падением которого Астрахань перешла в состав России. Начало современной Астрахани было положено сооружением в 1558 г. новой деревянно-земляной крепости на высоком Заячьем, или Долгом, холме, омываемом Волгой и ее рукавами.

² *Ногайцы* — Ногайская орда, образовалась в результате распада Золотой Орды в конце XIV века. Территория ногайцев простиралась от Волги до Иртыша и от Каспийского и Аральского морей до Казани и Тюмени. Во второй половине XVI в. Ногайская орда распалась на несколько частей: Малая Ногайская орда (в Предкавказье), Алтыулская орда (в бассейне р. Эмба) и Большая Ногайская орда (Заволжье), которая в 1557 г. признала вассальную зависимость от России. Малые ногаи признали сюзеренитет Крыма. В середине 30-х гг. XVII в. под давлением калмыков часть ногайцев Большой Ногайской орды откочевала в Предкавказье, объединилась с Малой Ногайской ордой и приняла крымское подданство; другие подчинились калмыкам и были ими ассимилированы. В XVIII в. ногайцы были вытеснены казаками в Северное Причерноморье, где образовали несколько небольших орд.

³ *Казань* — столица республики Татарстан. Расположена на левом берегу Волги при впадении в нее реки Казанки. Казань была основана в 1177 г. волжскими булгарами. С конца XIII в. называлась Булгараль-Джадид (Новый Булгар). В XII—XIV вв. являлась одним из крупных центров Золотой Орды. В 1399 г. Казань была разрушена русскими войсками. Вновь отстроена в начале XV в., с этого времени стала столицей Казанского ханства. В 1552 г. была завоевана Иваном Грозным и присоединена к России.

⁴ См. примеч. 8 к «Путешествию» Хуана Персидского.

⁵ *Саратов* расположен на правом берегу Волги. По одной версии Саратов возник в 1584—1589 гг. на месте татарского поселка, по другой, более обоснованной — в 1590 г. как крепость для охраны Волжского пути.

ПУТЕШЕСТВИЕ МОНАХОВ-КАРМЕЛИТОВ ПО ВОЛГЕ

Печатается по изданию: Описание путешествия монахов по Волге в 1606—1607 годах (главы из «Хроники кармелитов») // Стрежень. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 390—420.

Монахи ордена Кармелитов прибыли в Москву весной 1606 г., направляясь в Персию для католической проповеди. Лжедмитрий I милостиво принял посланцев папы и дал приказ местным властям оказывать им всяческое содействие в путешествии. Известие о свержении самозванца застало кармелитов в Казани. После недолгих разбирательств Василий Шуйский разрешил им продолжить путь вместе с русским и персидским посольствами вслед за войском нового астраханского воеводы боярина Ф.И. Шереметева. В августе 1606 г. путешественники достигли Царицына, где застряли на год из-за восстания в Астрахани. Они смогли продолжить свой путь только летом 1607 г., когда Царицын перешел на сторону повстанцев и самозванец Иван-Август позволил им добраться до Астрахани и уехать в Персию.

Рассказ о приключениях монахов в России сохранился в «Хронике кармелитов», на которую впервые обратил внимание и частично опубликовал в начале века историк-иезуит П. Пирлинг. Советский историк И.И. Смирнов в своем исследовании восстания И.И. Болотникова, наряду с публикацией П. Пирлинга, использовал английское издание памятника. Недавно английская исследовательница М. Перри установила, что более полный вариант «Хроники кармелитов» содержится в Брюссельском издании памятника. Выяснилось, что это позднее сочинение, написанное на основе донесений кармелитов. Предпринятые современным британским историком М. Перри попытки отыскать оригиналы посланий монахов в библиотеках и архивах Ватикана, Парижа, Брюсселя и других европейских собраниях успеха не принесли, поэтому об их содержании приходится судить по обширным цитатам и извлечениям автора поздней летописи (Пирлинг П. Из Смутного времени. СПб., 1902. С. 64—65; Смирнов И.И. Восстание И.И. Болотникова 1606—1607 гг. М.; Л., 1951. С. 95; Perrie M. Pretenders and popular monarchism in early modern Russia: The false the Time of Troubles. Cambridge, 1995. С. 132).

«Хроника кармелитов» содержит уникальные данные как по истории Смуты в России в начале XVII в., так и Нижнего Поволжья. Только из этого источника можно узнать о ситуации, сложившейся в Царицыне в 1606—1607 гг. и обстоятельствах перехода небольшой волжской крепости на сторону восставших, почерпнуть сведения о смерти архиепископа Астраханского Феодосия.

¹ 10 августа 1606 г. по юлианскому календарю.

² Царицын был построен летом 1589 г. воеводами кн. Г.О. Зубком-Засекиным и И.А. Нашекиным на Царицыном острове против устья р. Царицы. Укрепления крепости были деревянными, поэтому через 17 лет уже, по-видимому, пришли в

негодность. Среди упомянутых кармелитами строений в городе находились церковь, воеводская изба и тюрьма (см.: Тюменцев И.О. Рождение Царицына: гипотезы и факты // Стрежень: Региональный научный ежегодник. Волгоград, 1999. Вып. 1. С. 132—137).

³ Речь идет о восстании И.И. Болотникова, которое началось летом 1606 г. (см.: Смирнов И.И. Восстание И.И. Болотникова 1606—1607 гг. М.; Л., 1951; Скрытников Р.Г. Смута в России в начале XVII ст.: Иван Болотников. Новосибирск, 1988).

⁴ Слухи о чудесном спасении «царя Дмитрия», мистифицировавшие русских людей, распространяли бывшие любимцы самозванца М.А. Молчанов, Г.П. Шаховский, Б.И. Сукупов и др. М.А. Молчанов тайно пытался играть роль самозванца, но прожив несколько недель в резиденции Мнишковых в Самборе, отказался от первоначального замысла (см.: Тюменцев И.О. Самозванцы 1606—1607 гг. и народная религиозность // Средневековое православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 221—238).

⁵ Самозванец — молодой казак Илейка Коровин, которого терские казаки, выступив против властей еще в начале 1606 г., заставили играть роль Лжепетра — никогда не существовавшего сына царя Федора Иоанновича. Юноша был родом из г. Муром. Ходил кашеваром на судах по Волге от Москвы до Астрахани, затем стал служилым казаком. После неудачного для русских «шевкальского» похода на Северный Кавказ был вынужден поступить в холопы к стрелецкому голове Григорию Елагину. От него бежал к вольным казакам на Терек. Весной 1606 г. отряд терских и волжских казаков с «царевичем Петром Федоровичем» двинулся вверх по Волге к царю Дмитрию искать справедливости. В окрестностях Свияжска они узнали о гибели Лжедмитрия I в Москве, повернули назад, грабя по дороге купеческие караваны. Не доходя Царицына, где в то время находилось правительственное войско Ф.И. Шереметева, повстанцы реками Камышенкой и Иловлей, через волок ушли на Дон и подняли восстание против Василия Шуйского в городах в верховьях Дона (см.: Тюменцев И.О. Самозванцы... С. 213—221).

⁶ Иностранцы свидетельствуют о казаках не отличаются большой точностью. К концу XVI в. казаки уже прочно осели в своих укрепленных городках не только по Дону, но на Яике и Тереке. Они действительно вели суровый образ жизни, защищая отвоєванные ими охотничьи и рыболовные угодья от набегов кочевников, занимаясь военным наймом, а при случае и разбоем (см.: Тюменцев И.О., Николаев К.А. Казачество в правление Ивана Грозного // Археолого-этнографические исследования Волгоградской области. Волгоград, 1995. С. 5—22).

⁷ Старшим из «племянников», по всей видимости, считался Лжепетр, младшим — Лжеиван-Август, который, как видно из хроники, появился в Астрахани вскоре после ухода Лжепетра. Свидетельство, что они как «царевичи» тайно жили среди казаков еще во времена Бориса Годунова, явно восходит к распространяемым ими легендам о своем происхождении. Помимо двух указанных самозванцев, русские источники называют еще двух — Лжелавра и Лжеосиновика. Все они были выдвинуты казачеством и вошли в русскую историю под именем «астраханских царевичей». Истинные имена самозванцев неизвестны. Ясно только, что они происходили из низших слоев русского общества. См.: Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1909. Т. 14. С. 85.

⁸ Осенью 1606 г. казаки с Лжепетром, потерпев неудачу на Верхнем Дону, явились на Северщину и здесь взяли за организацию новой самозванческой интриги Лжедмитрия II. Поражения повстанческих войск И.И. Болотникова вынудили их срочно выступить к нему на помощь. Воеводам Лжепетра удалось вызволить И.И. Болотникова из осажденной Калуги, но переломить ход борьбы с Василием Шуйским они не смогли, и вскоре оба войска были осаждены в Туле и после не-

скольких месяцев осады были вынуждены сдаться. Лжепетр был схвачен, подвергнут пытке и казнен (см.: Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 211—246; Тюменцев И.О. Самозванцы... С. 239—246).

⁹ Восстание против властей в Астрахани началось 17 (27) июня 1606 г. Казнены были дьяк А. Карпов, голова Т. Кашкаров и некоторые другие дети боярские и служилые люди (см.: Смирнов И.И. Указ. соч. С. 223).

¹⁰ Воевода боярин Ф.И. Шереметев (см.: Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время начала XVII столетия. М., 1907. С. 142. Далее — Разряды).

¹¹ Ф.И. Шереметев, подойдя к Астрахани, безуспешно пытался принудить жителей принести присягу Василию Шуйскому (см.: Смирнов И.И. Указ. соч. С. 224—239).

¹² Дворянин Московский Ф.П. Чудинов-Акинфов (см.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 74, 84, 140, 204).

¹³ После неудачной попытки занять Астрахань Ф.И. Шереметев расположил лагерь на о. Балчуг, откуда в течение почти двух лет пытался организовать осаду города и добиться его сдачи (см.: Смирнов И.И. Указ. соч. С. 224—239).

¹⁴ 28 августа 1606 г. по юлианскому календарю.

¹⁵ Церковь погибла вместе с первой Царицынской крепостью, расположенной на Царицыном острове в 1608 г. Ее название неизвестно.

¹⁶ Сходная ситуация сложилась в Саратове, когда там из-за ранней зимы 1600—1601 гг. «застрял» посольский караван. Воеводские отписки свидетельствуют, что уже через несколько недель все запасы в крепости были на исходе и население оказалось на грани вымирания. Пришлось принимать срочные меры, чтобы не допустить народного бунта. Ситуация в Царицыне была еще более сложной (см.: Памятники дипломатических сношений России и Персии. СПб., 1890. Т. 2. С. 75—76, 107—120 и др.).

¹⁷ Кн. И.П. Ромодановский принадлежал к роду черниговских Рюриковичей. В 1588—1589 гг. — служилый князь в Одоеве, в 1598—1599 г. — дворянин московский, подписал Утвержденную грамоту царю Борису Годунову. В 1606 г. участвовал во встрече Лжедмитрием I Мнишков (см.: Боярские списки второй четверти XVI — начала XVII столетия (БС). М., 1979. Ч. 1. С. 124—153; Белокуров С.А. Разряды. С. 76—79, 134—135).

¹⁸ Приверженцем Василия Шуйского, по данным источников, являлся первый посол кн. И.П. Ромодановский.

¹⁹ Речь, судя по всему, идет о втором после — Д. Есипове.

²⁰ Церковь св. Марии дель Пополо в Риме была построена в 1099 г. В главном алтаре церкви находится икона св. Девы Марии, которую по преданию написал апостол Лука. Ее праздник отмечается с XIII в. (см.: Hibbert Ch. Rome. The biography of city. N. Y., 1987. P. 346).

²¹ Василий Шуйский после прихода к власти отправил за мощами царевича Дмитрия Углицкого своего политического «нареченного» патриарха Филарета (в миру Федора) Романова — отца царя Михаила Романова и архиепископа Астраханского Феодосия. Пока они находились в Угличе, новый царь венчался шапкой Мономаха, нанес поражение боярской оппозиции и добился рукоположения в патриархи митрополита Казанского Гермогена. После успешного выполнения поручения Филарет Романов был лишен сана «нареченного» патриарха и возвращен на Ростовскую митрополию, а Феодосий — отослан в Астрахань. Этот факт говорит о близости астраханского владыки к оппозиционной группировке Романовых. В действительности его поездка в Астрахань являлась ссылкой (см.: Ульяновский В.И. Реалии и миф в житейской легенде об архиепископе Феодосии // Мир Православия. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 40).

²² Архиепископ Астраханский Феодосий, по данным жития, скончался 18 (28) декабря 1606 г. Его тело до 1608 г. находилось в Царицынской церкви непогребенным, затем было отвезено воеводой Ф.И. Шереметевым в Казань, где погребено митрополитом Казанским Ефремом в Спасо-Преображенском монастыре. В 1617 г. мощи Феодосия были перезахоронены в Астрахани. В житии нет никаких данных о происшествии с иконой (см. Дубаков А.В. Первый астраханский архиепископ Феодосий // Мир Православия. Волгоград, 1997. Вып. 1. С. 59).

²³ В начале февраля 1607 г.

²⁴ Кармелиты, судя по симптомам, переболели весьма распространенной для России того времени цингой (Палицын А. Сказание. М.; Л., 1955. С. 167—169).

²⁵ 2 (12) апреля 1607 г.

²⁶ 3 (12) апреля 1607 г.

²⁷ В тот год Православная и католическая Пасхи совпали 5 (15) апреля 1606 г.

²⁸ 25 мая (4 июня) 1607 г.

²⁹ *Лжедмитрий II* — бродяга по имени Иван — бывший учитель из Шклова был подобран польскими шляхтичами-ветеранами похода *Лжедмитрия I* на Москву осенью 1606 г. Вместе с русскими повстанцами они пытались организовать спектакль появления «чудом спасшегося царя Дмитрия» в окрестностях Могилева в конце ноября — в декабре 1606 г., но шкловский бродяга сбежал и спутал все планы. Новую самозванческую интригу удалось организовать, когда за дело взялся атаман — болотниковец И.М. Заруцкий. Шкловский бродяга был пойман, посажен в Пропойскую тюрьму, и там его заставили играть роль самозванца. В конце мая 1607 г. его под именем стольника А.А. Нагого перевели через русскую границу и передали русским повстанцам. Спектакль с его появлением был разыгран 12 (22) июля 1607 г. в Стародубе. В данном случае активизация слухов, по всей видимости, была вызвана походом *Лжепетра* к Москве и грамотами, которые от имени *Лжедмитрия II* рассылали М.А. Молчанов и кн. Г.П. Шаховский (см.: Тюменцев И.О. Самозванцы... С. 239—253).

³⁰ Ранее об этих событиях было известно по челобитной сыновей Ф.П. Акинфо-ва, один из которых находился на службе с отцом: «Послан был отец наш Вашу государскую службу на Царицын воеводою. И как, государи (царь Михаил Федорович и патриарх Филарет. — И. Т.), в Астрахани назвался Вор царевичем Ивашкой Айгустом — и царицынские люди царю Василию Ивановичу изменили и отца нашего, связав, отослали к Вору в Астрахань» (см.: Материалы для истории Саратовского Поволжья // Труды Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК): В 33 т. Т. 29. 1912. С. 63).

³¹ *Лжеивана-Августа*.

³² Это свидетельство полностью подтверждает рассказ сыновей Ф.П. Чудинова-Акинфо-ва: «И отец, государи, наш помня Ваше государское крестное целование на воровскую смуту и прелести не покусился. И убит от Вора (Ивана-Августа) мучи-неческой смертию, а я, холоп Ваш Архипко, в те поры был с отцом своим и после смерти отца своего живот свой мучил в тюрьме в Астрахани полтора года и умирал голодной смертию» (см.: Материалы для истории Саратовского Поволжья. С. 63).

³³ Эти небольшие отряды в то время назывались «посылками» и использовались для доставки грамот и других царских грузов.

³⁴ Вероятно, это был один из караванов с продовольствием и снаряжением для войска боярина Ф.И. Шереметева.

³⁵ 14 июля 1607 г. по юлианскому календарю.

³⁶ Об этом походе Ивана-Августа сообщил в своих записках арзамасский сын боярский Б. Болтин. Потерпев неудачу под Саратовом, самозванец, по-видимому, возложил всю ответственность на *Лжеосиновика*, которого казнил, и вернулся в Астрахань. Летом 1608 г. *Лжеиван-Август* и *Лжелавр* явились к *Лжедмитрию II* в Тушино

вместе с астраханскими и царицынскими стрельцами. Иноземные наемники, заправлявшие делами в стане самозванца, приказали их казнить, а сопровождавших их воинов включили в отряд А. Лисовского (см.: Болтин Б. Записки // Попов А. Изборник славянских и русских хронографов, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 339; Новый летописец. С. 85).

³⁷ Вероятно, это посольство, в составе которого ехал армянин Августин Барецци. (см.: Армянские источники о Смутном времени // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 11. Отд. 2. С. 41—43).

³⁸ Посол кн. И.П. Ромодановский с сыном, по данным «Синодика убиенных во бранех», были казнены на острове Икчиборе (см.: Синодик убиенных во бранех // Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 185).

³⁹ 7 августа по юлианскому календарю.

⁴⁰ Окольныйничий кн. И.Д. Хворостинин, пожалованный Пжедмитрием II в бояре. В течение 1605—1613 гг. являлся первым «воровским» воеводой Астрахани. Казнен И.М. Заруцким.

⁴¹ Аббас I — шах Ирана (1587—1628 г.) из династии Сефевидов. Провел военную реформу и добился важных побед в войне с турками, восстановив свое владычество в Дагестане.

⁴² 17 сентября 1607 г. по юлианскому календарю.

ГЛАВА III. ЦАРИЦЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ В 1614—1695 гг.

† † †

Ф.А. Котов

ХОЖЕНИЕ В ПЕРСИЮ

Печатается по изданию: Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

†

События Смутного времени на некоторое время прервали русско-персидские связи, но уже в 1613 г. в Персию были отправлены послы М.Н. Тиханов и Бухаров с сообщением о вступлении на престол Михаила Федоровича Романова. С этого времени начался оживленный обмен посольствами.

Интенсивно развивались и русско-персидские торговые взаимоотношения. Персидские товары пользовались в России значительной популярностью, ввозились, главным образом, шелк-сырец и предметы роскоши. В Персию везли меха, кость, моржовые клыки, пеньку, юфть, лен и хлеб. В торговле с Персией основную конкуренцию России составляли англичане и голландцы, добивавшиеся разрешения торговать с Востоком через русскую территорию. В 1620 г. английский посол Мерик обратился к государю с просьбой разрешить транзитную торговлю с Персией через Рос-

сию. Для решения этого вопроса Михаил Федорович собрал московских купцов, в том числе и представителей семейства Котовых.

Федот Афанасьевич Котов происходил из видного купеческого рода, представители которого в течение долгого времени вели торговлю со странами Востока. Весной 1623 г. Котов был послан в Персию с товарами из государственной казны и наказом описать пройденный путь и увиденные им народы и города. Судя по характеру дошедших до нас вариантов «Хождения», в течение путешествия Котов вел дневник, положенный в основу его сочинения. Он подробно описал увиденные им города, отметил переправы через реки, привел сведения о таможенных пошлинах, базарах, национальности местных купцов и ассортименте их товаров, а также отметил другую важную для торговых людей информацию. «Хождение» Котова представляет важный источник по истории, географии и этнографии Персии времен шаха Аббаса I (см. коммент. к рассказам Хуана Персидского)

Хождение Ф.А. Котова известно в трех списках XVII—XVIII вв. Впервые оно было опубликовано в 1852 г. в 15-й книге «Временника императорского Московского Общества истории и древностей Российских» И.Д. Беляевым. В 1907 г. в «Известиях Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук» (Т. XII. Кн. 1) появилось новое издание, основанное на другом списке. Наиболее полной научной публикацией данного памятника является издание 1958 г., подготовленное Н.А. Кузнецовой.

Упоминание Царицына в публикуемом отрывке из «Хождения» относится к лету 1623 г. (Хождение купца Федота Котова в Персию. С. 5—21, 66).

¹ *Камышинка* — речка, протекающая по восточному склону плоской возвышенности, отделяющей бассейн Дона от Волжского, впадает в Волгу. Название существовало уже в начале XVII в. и произошло от обилия камыша (*Минх.* Т. I. Вып. 2. С. 383):

² *Пять Изб* — Пятиизбянская станица Второго Донского округа Войска Донского на р. Дон, в XVII в. там была небольшая ярмарка.

³ *Азов* — город на Дону, недалеко от его впадения в Таганрогский залив Азовского моря. С I—III вв. в районе современного Азова существовали два меотско-скифских поселения, входивших в состав Боспорского царства. В X—XII вв. на месте Азова было славянское поселение, принадлежавшее древнерусскому Тмутараканскому княжеству. В XIII в. на этом месте возник город, ставший важным торговым центром, стоявшим на пересечении торговых путей: из Руси и Болгарии Волжско-Камской в Константинополь, из Западной Европы в Персию, Индию и Китай. В 1471 г. был захвачен турками и превращен в военную крепость. В течение XVII—XVIII вв. Азов неоднократно брали русские войска, но окончательно за Россией этот город был закреплен только в 1774 г. по Кючук-Кайнарджийскому миру.

⁴ *Черное море* — Ф. Котов и Черное, и Азовское моря называет «Черным» (Хождение купца Федота Котова в Персию. С. 98).

⁵ *Ахтуба* (по-татарски Ак-Тюбе — Белые холмы) — левый рукав Волги длиной около 520 км, протекает почти параллельно Волге и связан с ней множеством рукавов.

⁶ *Золотая Орда* — так Котов называет столицу золотоордынских ханов Сарай-Берке, или Новый Сарай. Город был построен ханом Берке около 1260 г. Его расцвет приходится на первую половину XIV в. Во времена Котова Новый Сарай

как город уже не существовал. Сохранившиеся каменные постройки — царский дворец, мечети и другие здания — разбирались и использовались как строительный материал, который отправляли в Астрахань. Археологические раскопки в Новом Сарая начались в середине XIX в.

⁷ См. примеч. I к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

† † †

Адам Олеарий

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКОВИЮ

Печатается по изданию: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, перевод, примечания и указатель А.М. Ловягина. СПб., 1906.

†

Адам Олеарий (ок. 1599—1671) — знаменитый немецкий ученый-энциклопедист. С ранних лет занимался наукой, закончил Лейпцигский университет и добился научного признания и ученых степеней. До 1633 г. жил в Лейпциге, когда Тридцатилетняя война заставила его покинуть город и переселиться в Шлезвиг-Гольштейн. Олеарий служил придворным математиком и библиотекарем у герцога Гольштейнского.

В 1630-х гг. с целью изучения рынка и условий торговли в Россию были отправлены два посольства. Первое состоялось в 1633—1635 гг., второе — в 1635—1639 гг. Олеарий принимал участие в обеих поездках и исполнял обязанности секретаря и советника посла. Основная цель миссии заключалась в установлении торговых отношений между Северной Германией и Востоком. Помимо этого Олеарий побывал в России в 1643 г.

Книга Олеария является самым знаменитым сочинением о России XVII в. Она пользовалась огромной популярностью и стала источником многих заимствований в записках иностранцев о России. Впервые сочинение Олеария было издано в 1647 г. в Шлезвиге и выдержало несколько переизданий, а также было переведено на английский, французский, голландский, итальянский и другие языки. В России отрывки из книги А. Олеария неоднократно публиковались в различных журналах. Первое полное издание Олеария на русском языке появилось в 1870 г. под редакцией П.П. Барсова и О.М. Бодянского. В 1906 г. вышло издание под редакцией А.М. Ловягина, в котором, в отличие от издания 1870 г., был уточнен перевод ряда слов, переведены латинские цитаты, исправлено написание ряда имен собственных. Перевод текста издания 1906 г. был сделан с первого издания сочинения Олеария 1647 г.

Первое упоминание Царицына в описании путешествия Олеария относится к 1636 г., когда посольство находилось на пути в Персию, второе — к 1638 г. — на обратном пути (Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. С. III—IV, 390—392, 528).

¹ *Болыклея* — Балыклейка, небольшая река в Волгоградской области, правый приток Волги.

² См. примеч. 1 к «Хожению» Ф.А. Котова.

³ Здесь и далее примечания в круглых и квадратных скобках сделаны А.М. Ловягиным.

⁴ 5 сентября.

⁵ См. примеч. 6 к письму Х. Бэрроу.

⁶ См. там же. Примеч. 3.

⁷ См. примеч. 5 к «Хожению» Ф.А. Котова.

⁸ *ВСВ* — восток — северо-восток.

⁹ *ЮВ* — юго-восток.

¹⁰ *Тамерлан (Тимур)* — среднеазиатский эмир и полководец. С 1372 г. по 1405 г. осуществил свыше 20 крупных военных походов, в результате которых была создана огромная держава со столицей в Самарканде. В 1389, 1391, 1394—1395 гг. совершил опустошительные набеги на Золотую Орду. А. Олеарий ошибается, утверждая, что Царев-город был построен Тамерланом. В действительности же он был им разрушен в 1395 г.

¹¹ *Царев-город* — то же, что Новый Сарай (см. примеч. 6 к «Хожению» Ф.А. Котова). Развалины Нового Сарая находились в урочище Царевы Пады (то есть развалины) вблизи современного села Царева Волгоградской области.

¹² См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

¹³ *Талер* (нем.) — золотая и серебряная монета; впервые отчеканена в 1518 г. в Богемии из серебра (28 г). С 1555 г. — денежная единица северных германских государств, а затем Пруссии и Саксонии.

¹⁴ См. примеч. 5 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

¹⁵ См. примеч. 6 к письму Х. Бэрроу.

¹⁶ *Татары* — группа тюркоязычных народов. Начало проникновения в Приуралье и Поволжье тюркоязычных племен относится к III—IV вв., его вторая волна относится к V—VII вв. В VII—VIII вв. в Поволжье из Приазовья проникают болгарские племена, которые совместно с тюрками и местными финно-угорскими племенами создали в X в. свое государство — Волжско-Камскую Булгарию. В XIII—XV вв. большинство тюркоязычных племен входило в состав Золотой Орды, после распада которой образовались отдельные государства — Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское, Большая и Ногайская Орды. В этот период формируются отдельные татарские народности: астраханские, сибирские, крымские, казанские, касимовские и другие татары.

¹⁷ *Казачество* — в XV—XVII вв. особые этно-культурные общности, а в XVIII—XX вв. военное сословие Российской империи, в котором числилось население ряда местностей России, пользовавшееся особыми правами и преимуществами на условиях обязательной и общей воинской повинности. Первое упоминание о казаках в летописи относится к 1444 г.

¹⁸ См. примеч. 3 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

¹⁹ *Сарпинский остров* — остров на Волге, находится между Царицыном и Сарептой, название образовано от наименования реки Сарпы, впадающей в Волгу ниже Сарепты. В 1793 г. во время весеннего разлива Сарпинский остров был смыт водой на две неравные части. Меньшая стала называться островом Голодным, а большая сохранила старое название — остров Сарпинский.

²⁰ Великим князем Михаилом Олеарий называет царя Михаила Федоровича Романова (1596—1645, правил с 1613 г.), так как в европейской дипломатии царский титул нового московского государя долго не признавали. Михайлов день — день Михаила Архангела.

† † †

Ф. Елчин

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК

Печатается по изданию: Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954.

†

Статейными списками называют отчеты русских посольств о пребывании в иностранных государствах в конце XV — начале XVIII вв., составленные по разделам (статьям). Представляют собой образцы деловой письменности, предназначенные прежде всего для нужд делопроизводства Посольского приказа.

Статейный список посольства Ф. Елчина в Дадианскую землю в 1639—1640 гг. представляет особый интерес тем, что в нем впервые отразились впечатления русских от примыкающих к Черному морю прибрежных земель Кавказа. В XVII в. Дадианской землей называли Мегрельское княжество по титулу владетельных князей Мегрелии — Дадиани.

Статейный список Ф. Елчина был впервые издан С.А. Белокуровым в «Чтениях в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1887. Кн. 2. С. 257—376). Сохранился он в двух рукописях, текст которых отличается друг от друга. Ф. Елчин, очевидно, не был обучен грамоте (он не смог сам приложить руку к поданному им в Посольский приказ статейному списку). Состоявший при посольстве подьячий, который, как можно думать, и начал писать список, умер еще до перехода посольства через перевалы главного Кавказского хребта в Грузию; далее список писал холоп Елчина, частью с его слов, частью самостоятельно. Второй список подвергся официальной обработке, сопровождавшейся, несомненно, дополнительным опросом Елчина или кого-нибудь из участников посольства. С.А. Белокуров в своей публикации издал первый список с разночтениями со вторым. В издании 1954 г. воспроизведен только первый список.

Упоминание Царицына относится к 1639 г., к самому началу путешествия посольства Ф. Елчина (Путешествия русских послов XVI—XVII вв. С. 207, 355—356).

† † †

П.А. Золотарев

ЗОЛОТАРЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Печатается по изданию: Золотаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1968. Т. 31 (Летописцы последней четверти XVII в.) / Под ред. В.И. Буганова. С. 206—233.

«Золотаревский летописец», или «Золотаревское сказание», посвящен описанию взятия в 1670 г. Астрахани войсками Степана Разина. Этот источник принадлежит перу Петра Алексеевича Золотарева, служившего во время описываемых им событий у астраханского митрополита Иосифа, убитого восставшими.

Составлен «Летописец» был в 1679 г., первоначальная рукопись не сохранилась. В настоящее время известно около 20 списков. К первой, наиболее ранней редакции (конец 70 — начало 80-х гг. XVII в.), относятся три. В издании 1968 г. был опубликован Музейный список (Государственный исторический музей), варианты приведены по Уваровскому (Государственный исторический музей, собрание Уварова) и Академическому спискам (Российская национальная библиотека). Текст летописца подготовлен к печати Л.З. Мильготиной. Перевод для настоящего издания сделан кандидатом исторических наук А.В. Сириновым.

В течение XIX в. «Летописец» несколько раз издавался: 1) Материал для истории возмущения Стеньки Разина М., 1857. С. 241—261 (публикация текста по Уваровскому списку); 2) Волга. 1864. № 28, 30, 34, 40 (неполный текст); 3) Астраханские епархиальные ведомости. 1878. № 1—3, 11, 13, 18; 4) Астраханский сборник. Астрахань, 1898. Вып. 1 (перепечатка из газеты «Волга»). Эти публикации страдают многими пропусками и ошибками в передаче текста.

Царицын упомянут в связи с событиями восстания С. Разина в 1667 и 1670 гг. (Буганов В.И. Предисловие // Полн. собр. русских летописей. С. 7—9; Золотаревский летописец // Там же. С. 206, 209—210).

¹ См. примеч. 1 к «Хождению» Ф.А. Котова.

² *Разин Степан Тимофеевич* (ок. 1630—1671) — донской казак, предводитель восстания в Нижнем Поволжье в 1670—1671 гг.

³ См. примеч. 17 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олсера. Донское казачество занимало современные Ростовскую область, часть Волгоградской области и Краснодарского края. Сформировалось главным образом из русских и украинских служилых людей, бежавших на Дон от разорения и рабства. До конца XVII в. пользовалось автономией и имело самоуправление. Правительство использовало донское казачество как вооруженную силу в войнах с Турцией и Польшей.

⁴ *Насад* — плоскодонное судно с наращенными бортами, применявшееся для плавания на реках и на море.

⁵ *Ладья* — в XVI—XVII вв. большое мореходное судно с тремя мачтами и бушпритом; грузоподъемность — до 300 т.

⁶ *Паузок* — парусно-гребное плоскодонное судно, беспалубное, с одной мачтой, до 24 м в длину, грузоподъемность — до 120 т. Применялся для перегрузки грузов на большие суда на мелководье.

⁷ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

⁸ *Иоасаф II* (? — 1672) — патриарх Московский и всея Руси с 1667 г. Архимандрит Рождественского Владимирского (1654—1656) и Троице-Сергиева (1656—1666) монастырей. Поставлен на патриаршество после низложения патриарха Никона.

⁹ *Золотарев Алексей* — видимо, родственник автора, возможно, его отец.

¹⁰ *Шогла* — корабельная мачта, шест.

¹¹ *Шорин Василий Григорьевич* — именитый московский купец, вел обширную торговлю по Волге и в Сибири, в Нижнем Новгороде имел соляные промыслы.

¹² *Струг* — парусно-гребное, плоскодонное, деревянное судно с отвесными бортами и заостренными оконечностями (длиной до 45 м). Применялось для плаванья по рекам в XI—XVIII вв.

¹³ *Завозня* — плоскодонная лодка, род речного баркаса.

¹⁴ См. примеч. 19 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

¹⁵ В Российском государстве воевода стоял во главе полка, отряда (конец XV — начало XVIII в.), города (середина XVI в. — 1775 г.), провинции (1719—1775).

¹⁶ 28 мая 1667 г. отряды Разина расположились на острове в четырех верстах от Царицына. Воевода А. Унковский выдал разинцам наковальню, меха и весь кузнечный прибор. Разин не стал брать город, а отправился в Каспийское море, где действовал до 1669 г. (*Волгоград*. С. 26).

¹⁷ *Улусы* — 1) родоплеменное объединение с определенной территорией, подвластное хану или вождю у народов Центральной и Средней Азии, Сибири; 2) административно-территориальная единица типа русской волости у бурят, калмыков и якутов.

¹⁸ См. примеч. 6 к письму Х. Бэрроу.

¹⁹ В середине мая 1670 г. отряды С. Разина вышли к речке Мечетной, немного севернее Царицына. Город был окружен. Воевода Царицына Т.В. Тургенев приказал ударить в набат. Лазутчики Разина проникли в город и вступили в переговоры с жителями, заручившись их поддержкой. Царицынцы подняли восстание и впустили разинцев в город. Воевода с племянником и верными стрельцами укрылся в одной из башен, где он был схвачен и впоследствии казнен (*Волгоград*. С. 28). В смертном приговоре, зачитанном Степану Разину на месте казни 6 июня 1671 г., взятие Царицына и последующие за этим события описывались следующим образом: «А в 7178 (1670)... Уйдя с реки Дона вместе с приверженными тебе казаками, ты пришел к городу Царицыну и обманно убедил жителей тех мест, что государево войско идет всех их перебить, тогда как то войско шло им на подмогу против тебя и злодейств твоих, и город тот, поддавшись измысленному тобой прельщению, сдался и тебя впустил. Придя туда, ты изрубил воеводу Тургенева и всех жителей, не пожелавших пристать к тебе, и покидал их в воду. После того ты снова выступил из города против войска великого государя, и обманно разбил оное, и пометал в воду полковника Ивана Лопатина, подполковника Федора Якшина и других, сперва предав их мучению. И еще ты захватил государевы суда, груженные хлебом, и пограбил многих купцов. Из Царицына ты пошел на Черный Яр и убил там правителя Ивана Сергиевского, и всех офицеров, и много солдат московских» (Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1968. С. 116—117).

²⁰ *Алексей Михайлович* (1629—1676, царь с 1645 г.).

²¹ *Голова* — название военной и административной должности в России XVI—XVII вв. (стрелецкий голова, обозный голова, письменный голова и др.) и выборных городских и сословных должностей в XVIII — начале XX в. (городской голова, волостной голова, ремесленный голова).

²² Из Москвы для обороны Царицына был отправлен тысячный отряд стрельцов под командованием стрелецкого головы И. Лопатина. Лопатин не знал о взятии Царицына Разиным, а Разин, перехватив царских посланцев с грамотами по городам, узнал о приближении Лопатина и внезапным нападением разбил его отряд на Денежном острове в семи верстах от города (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 121; *Волгоград*. С. 28).

²³ *Бояре* — на Руси IX—XIV вв. старшие дружинники, ближайшие советники князя, с XV в. — высшие чины служилых людей, первый чин Боярской думы. Обычно

занимали главные военные, судебные и административные должности, возглавляли приказы, были воеводами. Звание упразднено Петром I в начале XVIII в.

²⁴ *Прозоровский Иван Семенович* (? — 1670) — видный политический деятель России XVII в. В 1667 г. был послан воеводой в Астрахань для усмирения начинающегося мятежа С. Разина. Вместе с Прозоровским на Волгу отправились его брат князь Михаил Семенович и стольник князь Семен Иванович Львов. После взятия Астрахани разинскими войсками в июне 1670 г. И.С. Прозоровский был убит.

²⁵ *Иосиф* (1597—1671) — первый митрополит астраханский (с июня 1667 г.). В 1671 г. Разин, уже взявший Астрахань, прислал приказание взять Иосифа под стражу за связи с царскими воеводами. Казаки схватили его, пытали и затем сбросили с городской стены.

²⁶ *Учугом* на Волге называли сплошной частокол, тын поперек реки, сооружаемый для того, чтобы удержать и поймать рыбу, особенно красную, которая по весне поднималась по реке. На маленьких реках сооружались учуги из хвороста, строились с избой над ними и с загородами, куда рыба сама заходила. От слова учуг произошло и название учужного промысла.

²⁷ См. примеч. 5 к «Хожению» Ф.А. Котова.

²⁸ *Черный Яр* — в настоящее время районный центр Астраханской области. В 1627 г. была заложена небольшая крепость Черный острог для охраны волжских судовых караванов от нападений кочевников. В 1634 г. острог был перенесен на новое место и назван крепостью, в 1717 г. вошел в состав Астраханской губернии, с 1785 г. — уездный город Кавказского наместничества, с 1925 г. — сельское поселение.

²⁹ *Сотник* — командир подразделения в русском войске XVI—XVII вв.

³⁰ Около месяца С. Разин устанавливал свои порядки в Царицыне, а затем выступил по направлению к Черному Яру. Город был им взят, а недалеко от города был разбит вышедший из Астрахани отряд стрельцов под командованием князя С.И. Львова (*Волгоград*. С. 28).

† † †

Неизвестный автор

**СООБЩЕНИЕ КАСАТЕЛЬНО ПОДРОБНОСТЕЙ МЯТЕЖА,
НЕДАВНО ПРОИЗВЕДЕННОГО В МОСКОВИИ
СТЕНЬКОЙ РАЗИНЫМ**

Печатается по изданию: Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным // Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1968. С. 84—126.

†

В.И. Веретенников, автор одной из первых работ, посвященных иностранным источникам по истории восстания Степана Разина, отмечал, что «очень мало событий, и событий значительных, в истории России XVI и XVII веков привлекали к себе такое внимание Европы, как это имело место в отношении “восстания Разина”». Авторы-иностранцы, писавшие о восстании Степана Разина, были очевидцами одних и тех же событий, даже имели встречи друг с другом, но свои записки писали

независимо друг от друга, что придает им еще большую ценность в качестве источника.

Первым западноевропейским сочинением о восстании Степана Разина является «Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным» неизвестного автора. Источниками для написания «Сообщения» послужили приговор по делу Разина, зачитанный на месте казни (список приговора, находившийся в руках автора, был переведен на английский язык и приложен к «Сообщению»); ряд официальных правительственных документов о восстании; слухи и разговоры, ходившие по Москве, а также непосредственные наблюдения автора, что позволяет включить этот источник в ряд мемуарных свидетельств.

«Сообщение» было написано в 1671 г., в том же году оно было издано в Германии и Голландии. Год спустя, в 1672 г., вышли английское и французское издания «Сообщения». Эта книга стала источником многих заимствований.

Первый перевод «Сообщения» на русский язык принадлежит А.И. Станкевичу; издан в 1895 г. (Чтения императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1895. Кн. III. Ч. III. С. 5—21). Второй перевод, менее известный, принадлежит Т.Ф. фон Крузе, издан в 1904 г. (Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1904. Вып. 4. С. 15—31). В издании Ленинградского отделения Института истории АН СССР впервые приведен английский текст произведения.

К сожалению, личность автора «Сообщения» не установлена. Историографический анализ позволяет сделать заключение, что в первой половине 1671 г. он явно находился в Москве.

В 1677 г. в Амстердаме вышла книга Б. Койэтта «Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу» (СПб., 1900), в которой многие тексты, посвященные С.Т. Разину, заимствованы из «Сообщения».

В «Сообщении» описываются события мая 1670 г., когда отряды С. Разина взяли Царицын, а затем в августе того же года снова прошли через Царицын в направлении Саратова (*Веретенников В.И. Об иностранных, современных событиях, источниках для истории разинского восстания // Научные записки научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры. 1927. Т. II. С. 171; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 12, 84, 86—88, 108—110*).

+

¹ См. примеч. 17 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария и примеч. 3 к «Золотаревскому летописцу».

² Имеется в виду С.Т. Разин (см. примеч. 2 к «Золотаревскому летописцу»).

³ См. там же. Примеч. 19.

⁴ Под государевым войском подразумевается отряд стрельцов И. Лопатина (см. также примеч. 22 к «Золотаревскому летописцу»).

⁵ См. примеч. 28 к «Золотаревскому летописцу».

⁶ См. там же. Примеч. 30.

⁷ См. примеч. 5 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

⁸ В июле 1670 г. Разин оставил Астрахань и с 11-тысячным войском отправился вверх по Волге — к Царицыну, Саратову, Самаре. Его войско было разбито 1 октября 1670 г. у Симбирска в битве с правительственными войсками (*Волгоград. С. 29*).

† † †

Я.-Я. Стрейс

ТРИ ПУТЕШЕСТВИЯ

Печатается по изданию: Стрейс Я.-Я. Три путешествия / Под ред. А. Морозова; Пер. Э. Бородиной. М., 1935.

†

Голландский парусный мастер Ян Стрейс в 1647 г. нанялся на корабль «Святой Иоанн Креститель», снаряженный в Амстердаме генуэзцами вместе с другим кораблем «Святой Бернад» для большого торгового плавания. Эти корабли, торговые, военные и разбойничьи, в одно и то же время, по пути из Генуи на Суматру захватывали мелкие суденышки, грабили побережья, расправлялись с туземцами и наконец сами попали в плен к голландцам. Стрейс перешел на службу в Ост-Индскую компанию, побывал в Сиаме, на Формозе, в Японии. Вернувшись в 1651 г. в Голландию, он через четыре года снова ушел в плавание, попал в Ливорно, нанялся в Венецию в морскую армию, воевал с турками, попал в плен, бежал, побывал на островах Архипелага. В 1657 г. он находился в Амстердаме. В 1668 г., узнав, что уполномоченный московского царя набирает людей для плавания по Каспийскому морю, Стрейс нанялся парусным мастером и отправился со шкипером Давидом Бутлером, называвшим себя капитаном, в неизвестную ему Московию. Проехав Московское государство от Новгорода до Астрахани, Стрейс стал свидетелем восстания Степана Разина. Опасаясь быть убитым казаками, бежал на шлюпке по Каспийскому морю вместе с другими матросами.

В Дагестане их всех обратили в рабство. Стрейса выкупил польский посланник в Шемахе, а в 1671 г., заплатив выкупившему его хозяину, он выбрался из Персии. На обратном пути в Голландию он попал в плен к англичанам и вернулся домой в 1673 г.

В июле 1675 г. Стрейс снова поехал в Московию простым конюхом и пушкарем в свите Кунраада фан Кленка, чрезвычайного посла Генеральных Штатов Голландии и принца Оранского. Цель данного посольства была втянуть Россию в войну Голландии и Франции. Автор описания пребывания посольства в России немало заимствовал из мемуаров Стрейса, в особенности описание восстания С. Разина.

В сентябре 1676 г. через Архангельск Стрейс вернулся с посольством в Голландию. Сведения о дальнейшей жизни Стрейса крайне скудны. Известно лишь, что он жил в Дитмарше, где и умер в 1694 г.

Книга Я.-Я. Стрейса с описанием трех его путешествий (1647—1673 гг.), имеющая в качестве приложения письма Д. Бутлера и анонимы с корабля «Орел», вышла в Амстердаме двумя изданиями в 1676 г., имела несомненный успех и выдержала несколько изданий (1676, 1705, 1713, 1741 гг.). В 1678 и 1679 гг. выходят два ее немецких перевода, а в 1681, 1682 и 1684 гг. — французские переводы. Успех книги Стрейса и перевод ее на ряд языков объясняют появление нового амстердамского издания в 1686 г.

Книга Стрейса вызвала интерес и в России. Уже при Петре Первом иноземцу Венедикту Шиленгу был заказан перевод на русский язык с

голландского, но он не был закончен. Затем в «Древней российской вивлиофике», издаваемой Николаем Новиковым, было помещено «Введение о строении первого в России корабля, близ села Дединова. И о плавании того корабля Волгою до Казани, а оттуда в Астрахань, и по всему морю Каспийскому, под Правлением Господина Брукмана. Выписано из книги зомовой: Вояж Иоанна Стрюса в Москву и Персиду и прочие страны, из первого тома, напечатанного в Лионе 1684 года от Рождества Христова, на французском языке, а по словенску 1719 года» (Древняя российская вивлиофика. 1-е изд. СПб., 1773. Ч. 1. С. 40—50; 2-е изд. СПб., 1788. Ч. 3. С. 463—471). В 1824 г. выдержки из книги Стрейса были напечатаны А.О. Корниловичем в «Северном архиве» (Ч. 9. С. 275—290, Ч. 10. С. 26—40).

В 1880 г. в «Русском архиве» (Т. 1. С. 17—128) был напечатан перевод П. Юрченко французского издания книги Стрейса. Отрывки из этого перевода были перепечатаны в «Памятной книжке Астраханской губернии на 1894 год» (Астрахань, 1893) и в Астраханском сборнике (Астрахань, 1896). Однако французское издание, выбранное П. Юрченко для перевода на русский язык, было не совсем удачным, так как оно имеет ряд искажений оригинального текста Стрейса.

Первым полным переводом книги Стрейса на русский язык является издание 1935 г.

Стрейс во многом следует описанию А. Олеария, но однако наполняет свою книгу собственными идеями и впечатлениями.

Царицын упомянут в третьем путешествии Я.-Я. Стрейса по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам в 11-й и 15-й главах, в последней описывалось взятие Царицына войсками Степана Разина (*Кой-этт Б. Посольство Кунраада фан-Кленка... С. СХХII; Стрейс Я.-Я. Три путешествия. С. 24—27, 192, 206—208; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 11*).

¹ 17 августа.

² *Больверки* — каменные сооружения, предназначенные для защиты морских берегов от разрушающего действия волн. Больверки строились с крутыми или пологими откосами, а также существовали и с крутыми, и с пологими, в этом случае их называли смешанными больверками.

³ См. примеч. 6 к письму Х. Бэрроу.

⁴ См. примеч. 16 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

⁵ См. там же. Примеч. 17.

⁶ См. примеч. 6 к «Хожению» Ф.А. Котова и примеч. 11 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

⁷ См. примеч. 10 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

⁸ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

⁹ *Петровский* — возможно, имеется в виду астраханский воевода И.С. Прозоровский (см. примеч. 24 к «Золотаревскому летописцу»).

¹⁰ *Богданов, Леонтий* — очевидно Леонтий Плохово, которого воевода астраханский отправил с отрядом в восемьсот человек в Царицын (*Попов А. История возмущения // Русская беседа. М. 1857. Кн. 6. С. 26*).

¹¹ См. примеч. 2 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

¹² См. примеч. 3 к письму Х. Бэрроу.

¹³ Имеется в виду разгром отряда И. Лопатина под Царицыном (см. также примеч. 22 к «Золотаревскому летописцу»).

¹⁴ См. там же. Примеч. 28.

¹⁵ См. там же. Примеч. 20.

¹⁶ См. там же. Примеч. 2.

¹⁷ О Д. Бутлере см. ниже биографическую справку к его письму.

¹⁸ *Троица* — православный праздник, входящий в число двенадцатых. В его основе — новозаветный рассказ о сошествии Святого Духа на апостолов на пятидесятый день после Пасхи. Праздник Троицы возник в конце IV в.

¹⁹ Я.-Я. Стрейс описывает подготовку отряда князя С.И. Львова, впоследствии разбитого С.Т. Разиным у Черного Яра. См. также примеч. 30 к «Золотаревскому летописцу».

† † †

Д. Бутлер

**КОПИЯ С ПИСЬМА, ПИСАННОГО В ГОРОДЕ ИСФАГАНЕ
6 МАРТА 1671 г.,
С ОПИСАНИЕМ ВЗЯТИЯ АСТРАХАНИ**

Печатается по изданию: Бутлер Д. Копия с письма, писанного в городе Исфагане Давидом Бутлером 6 марта 1671 г. // Стрейс Я.-Я. Три путешествия / Под ред. А. Морозова; Пер. Э. Бородиной. М., 1935. С. 352—374.

†

Шкипер Давид Бутлер, называвший себя капитаном, вместе с Яном Стрейсом путешествовал по Московии. Бутлер и Стрейс прошли все Московское государство от Новгорода до Астрахани, вместе бежали на шлюпке и попали в плен в Дагестан. В 1671 г. вернулись на родину.

Весной 1669 г. Д. Бутлер возглавил первый русский корабль «Орел», построенный в 60-х гг. XVII в. на Оке в селе Дединове приглашенными из Голландии мастерами. На корабле была команда, состоящая из иностранных матросов и офицеров. Оснащенный пушками он был направлен Окою и Волгою в Астрахань для участия в подавлении восстания Разина. Летом 1670 г. при вторичном походе войска Разина к Астрахани команду корабля перевели в город для усиления его обороны, а корабль был сожжен подошедшими разинцами.

В приведенном фрагменте Д. Бутлер описывает события, предшествовавшие взятию отрядами Степана Разина Астрахани, в том числе взятие Царицына, разгром отрядов И. Лопатина и С. Львова (Бутлер Д. Копия с письма, писанного в городе Исфагане Давидом Бутлером 6 марта 1671 г. // Стрейс Я.-Я. Три путешествия. С. 352—354; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 7).

†

¹ См. примеч. 20 к «Золотаревскому летописцу».

² См. примеч. 17 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

³ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию С. Какаша и Г. Тектандера».

⁴ См. примеч. 2 к «Золотаревскому летописцу».

⁵ См. там же. Примеч. 24.

⁶ См. примеч. 10 к запискам Я.-Я. Стрейса.

⁷ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

⁸ См. примеч. 3 к письму Х. Бэрроу.

⁹ *Кейленбург и Вианен* — города на Рейне в Утрехтской провинции Нидерландского королевства. По всей вероятности, речь идет о положительном отношении к иммигрантам, что было характерным явлением экономической жизни Нидерландов в XVI—XVII вв. (*Бааш Э.* История экономического развития Голландии в XVI—XVIII веках. М., 1949. С. 144—150).

¹⁰ Имеется в виду взятие Царицына и разгром отряда И. Лопатина на Денежном острове. См. также примеч. 19 и 22 к «Золотаревскому летописцу».

¹¹ См. примеч. 28 к «Золотаревскому летописцу».

¹² Людовик Фабрициус, упомянутый Д. Бутлером, и Людвиг Фабрициус, автор приведенных ниже записок, — одно и то же лицо.

¹³ См. примеч. 18 к запискам Я.-Я. Стрейса.

¹⁴ См. примеч. 30 к «Золотаревскому летописцу».

† † †

Л. Фабрициус

ЗАПИСКИ

Печатается по изданию: Фабрициус Л. Записки // Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1968. С. 5—83.

†

Людвиг Фабрициус (1648—1729), голландец по происхождению, родился в Бразилии, где его отец, профессор медицины в Лейдене, был старшим хирургом Голландской компании. После его смерти мать Фабрициуса вышла замуж за Павла Рудольфа Беема, и в 1660 г. семья переехала в Голландию. В Амстердаме в том же, 1660 г. П.-Р. Беем и Л. Фабрициус завербовались на военную службу в Россию: отчим в качестве полковника артиллерии, а пасынок — его адъютанта.

Они участвовали в русско-польской войне, а с ее окончанием в 1667 г. были направлены в Астрахань в составе военных сил воеводы И.С. Прозоровского, посланного для подавления восстания Разина. В июне 1670 г. под Черным Яром, где войско С.И. Львова перешло на сторону Разина, Фабрициус попал в плен к повстанцам, оказался с ними в Астрахани, откуда осенью того же года бежал в Персию. В апреле — мае 1672 г. он вернулся из Персии в Астрахань, когда восстание было уже подавлено, а в мае 1673 г. в качестве посланца воеводы Я.Н. Одоевского прибыл в Москву. Несколько лет продолжал служить в качестве офицера русской армии и, наконец, получив отставку в чине подполковника, в начале 1678 г. выехал в Швецию.

В 1762 г. в Швеции было издано жизнеописание Л. Фабрициуса, составленное И. Кемпом в форме подробного переложения рукописей Фабрициуса и некоторых документов, связанных с его позднейшей дипломатической деятельностью (*Kempe J.* Kongl. Svenska envoijen Ludwiche Fabritii

Lefwerne. Stockholm, 1762). И. Кемп подготовил жизнеописание Л. Фабрициуса по просьбе сына последнего.

«Записки» были написаны, видимо, в 1688—1693 гг. и, по всей вероятности, по воспоминаниям, о чем свидетельствует некоторая неравномерность изложения, нарушение местами последовательности событий и почти полное отсутствие дат.

«Записки» Людвига Фабрициуса были обнаружены в Стокгольмском государственном архиве профессором Оксфордского университета С.А. Коноваловым и им же опубликованы в переводе на английский язык в отрывках, имеющих отношение к восстанию С. Разина, с пересказом в ряде случаев мест текста, не относящихся к рассматриваемой теме (см.: *Konovarov S. Ludvig Fabritius's Account of the Razin Rebellion // Oxford Slavonic Papers. 1956. Vol. VI. P. 72—94*).

В издании 1968 г. «Записки» Л. Фабрициуса были впервые опубликованы в полном объеме на языке рукописи — немецком — и в переводе на русский. Текст к публикации подготовила Г.И. Федорова.

Публикуемый отрывок содержит рассказ о подготовке С. Разиным взятия Царицына, обстоятельствах захвата города и сражении у Черного Яра (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 5—6, 11—12, 48—49).

¹ Имеется в виду С.Т. Разин (см. примеч. 2 к «Золотаревскому летописцу»).

² См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

³ *Паншин-городок* — современное село Паньшино недалеко от Дона.

⁴ См. примеч. 23 к «Золотаревскому летописцу».

⁵ См. там же. Примеч. 19.

⁶ *Нижний Новгород* — город на Волге, расположенный у слияния Оки с Волгой. Основан в 1221 г. Со второй половины XVI в. — крупный экономический и политический центр, с 1719 г. — центр Нижегородской губернии.

⁷ См. примеч. 3 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

⁸ См. примеч. 4 к «Золотаревскому летописцу».

⁹ *Юфть* — кожа, выделяемая из шкур крупного рогатого скота, свиней, лошадей; для нее характерна значительная толщина и водостойкость.

¹⁰ *Дукат* (итал.) — старинная серебряная, затем золотая (3,4 г) монета; появилась в Венеции (1140 г.). Позднее чеканилась во многих западноевропейских странах. В России дукат (червонец) выпускался в 1701—1885 гг.

¹¹ *Рейхсталер* (нем.) — имперский талер (см. примеч. 13 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария).

¹² См. примеч. 6 к письму Х. Бэрроу.

¹³ См. примеч. 12 к «Золотаревскому летописцу».

¹⁴ Имеется в виду разгром отряда И. Лопатина (см. также примеч. 22 к «Золотаревскому летописцу»).

¹⁵ См. примеч. 28 к «Золотаревскому летописцу».

¹⁶ Л. Фабрициус описывает события, предшествовавшие гибели отряда князя С.И. Львова (см. примеч. 30 к «Золотаревскому летописцу»).

ГЛАВА IV. ЦАРИЦЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ В 1695—1799 гг.

+ + +

ЖУРНАЛ (подневная записка) АЗОВСКОГО ПОХОДА ПЕТРА I

Печатается по изданию: Рябов С.И. История родного края XVI—XIX вв. Волгоград, 1988. С. 63—65.

+

Журнал первого Азовского похода, по всей видимости, велся в походной канцелярии Петра I его секретарями. В источниковедческом плане источник до сих пор практически не изучен и полностью не опубликован.

+

¹ См. примеч. 1 к «Хождению» Ф.А. Котова.

² Камышенская крепость, построенная по приказу царя Алексея Михайловича в 1668 г. полковником Т. Байлем, захваченная и сожженная разинцами в 1670 г. (См.: Шендаков Г.Н. Край Камышинский. Волгоград, 1994. С. 16—17).

³ Ныне остров, как и другие упоминаемые ниже, затоплен водами Волгоградского водохранилища.

⁴ См. примеч. 1 к «Описанию» А. Оллария.

+ + +

И.А. Желябужский

ЗАПИСКИ

Печатается по изданию: Желябужский И.А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 202—326.

+

Иван Афанасьевич Желябужский (1638 г. — после 1709 г.) принадлежал к старинному дворянскому роду, служившему московским князьям с середины XV в. Служебная деятельность Желябужского была связана с дипломатией, а также с административной работой. Он управлял приказами, описывал дворцовые села, принимал участие в отмене местничества. После свержения Софьи (1689), видимо, был вынужден уйти в отставку.

Свои записки Иван Афанасьевич начал вести под впечатлением Московского восстания 1682 г. Его записки являют собой замечательный образец ранней мемуаристики, в то же время в этом источнике сохраняется влияние традиционных летописных форм. Желябужский писал достаточно последовательно, но в его работе случались большие перерывы, когда он совершенно прекращал записи. Вероятно, Желябужский время от времени возвращался к старому тексту, делая в нем поправки и до-

полнения. Его взгляд на события был выражен почти всегда подчеркнуто «отстраненно», но сам отбор сведений свидетельствует о субъективном подходе.

«Записки» И.А. Желябужского впервые были опубликованы в XVIII в. по неисправному, зачастую совершенно искажающему смысл списку (см.: Выписка из дневных записок Желябужского библиотеки с 1682 по 1710 г. // Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений <...> о жизни и деяниях <...> Петра Великого. СПб., 1787. Ч. 7). По этому изданию «Записки» были воспроизведены в 1841 г. Н. Сахаровым (*Сахаров Н. Записки русских людей: События времени Петра Великого. СПб., 1841*), не знавшим об издании Д.И. Языкова (*Языков Д.И. Дневные записки И.А. Желябужского. СПб., 1840*). Последний, после долгих поисков, сумел приобрести два полных списка, из которых один отличался значительно меньшим числом ошибок. Кроме них, издатель использовал список, сделанный Г.-Ф. Миллером с начальной части «Записок» (1692—1698), и установил правильные прочтения отдельных слов, имен и названий по современным Желябужскому источникам. При издании был учтен и список Ф.О. Туманского. В начале XX в. публикация Д.И. Языкова была переиздана П.И. Бартевым с обширными комментариями и поныне она остается лучшей (Русский архив. 1910. Кн. 3. Вып. 9. С. 5—154.) Издание 1990 г. повторило эту публикацию с уточнением пунктуации и новым справочным аппаратом: комментарий и указатель издания 1910 г. практически не использовались.

Упоминание Царицына относится ко времени между августом и ноябрем 1697 г. (*Желябужский И.А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I. С. 202, 259*).

¹ *Голицын, князь, Борис Алексеевич (1654—1714)* — комнатный стольник Петра (с 1676 г.), боярин (с 1690 г.). Один из участников заговора, приведшего на престол десятилетнего Петра I (27 апреля 1682 г.). При правительстве царевны Софьи получил в управление приказ Казанского дворца (1683—1713) и Иноземский приказ (1683—1790), но всеми силами стремился к свержению царевны. Именно он руководил мероприятиями, приведшими к падению регентства (1689), а затем вместе с боярином Львом Кирилловичем и царицей Натальей Кирилловной Нарышкиной захватил управление государственными делами. Непременный участник развлечений и походов Петра до Великого посольства, во время которого вместе с Л.К. Нарышкиным и П.И. Прозоровским официально заменял царя в Москве. Астраханское восстание (1705) лишило Б.А. Голицына доверия царя. В 1713 г. постригся в монахи и на следующий год скончался.

² *Понизовые города* — под низовьем, или понизовьем, понимается место, лежащее ниже по течению реки, то есть местность далее от вершины и ближе к устью реки. На Волге понизовыми называют города, находящиеся ниже Симбирска.

³ В 1694 г. Петр Первый отправил в Царицын князя Б.А. Куракина с заданием определить места и выяснить возможность устройства «шлюзного дела» для соединения Дона с Волгой и сооружения на Переволоке сторожевой укрепленной линии. А после взятия Азова началось строительство канала между Иловлей, впадающей в Дон, и Камышинкой, впадающей в Волгу. Руководил работами английский инженер Бреккель. Он же был автором проекта «Новая и правдивая карта о Перекопе, чтоб из Дону, или Танаиса, кораблям Иловлею рекою до Камышенки и Камышенкою рекою в Волгу, или Астраханскую реку, в Каспийское море ходить».

Неудача с сооружением в 1697 г. первого шлюза испугала Бреккеля. Он приехал в Москву и выпросил своему слуге заграничный паспорт. Под именем слуги Бреккель бежал из России (*Леопольдов*. С. 57; *Волгоград*. С. 31).

⁴ *Посошные люди* — тяглые люди-рекруты в XVI—XVII вв., набиравшиеся в войско по сошному окладу. В армии выполняли роль пехоты, а также участвовали в строительстве укреплений, обслуживании осадных орудий, артиллерии и т. п. Привлекались также в мирное время для выполнения строительных и ремонтных работ.

⁵ *Бортенев Иван Петрович* — стольник, воевода (*Желябужский И.А.* Записки // Россия при царице Софье и Петре I... С. 343).

† † †

Дж. Перри

СОСТОЯНИЕ РОССИИ ПРИ НЫНЕШНЕМ ЦАРЕ

Печатается по изданию: Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.

†

Джон Перри — капитан, известный английский строитель кораблей, доков и каналов. В 1698 г. был приглашен на русскую службу и пробыл на ней до 1715 г., когда после ряда служебных неприятностей вернулся на родину в Лондон, где в 1716 г. вышло его сочинение (*Семевский М.* Предисловие // Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. С. III–IV).

О бегстве инженера Бреккеля (см. примеч. 3 к «Запискам» И.А. Желябужского) Петр I узнал в Англии. Чтобы не останавливать работ, он пригласил к себе Дж. Перри и поспешил отправить его в Россию. Перри три года занимался строительством канала, для чего каждый год ему давали более 10 тысяч рабочих. Шлюзы были закончены, а сам канал вырыт до половины. В конце 1701 г. Перри было приказано приостановить работу в связи с началом Северной войны. Англичанин не смог найти общего языка с местными властями и постоянно жаловался царю. В итоге Перри был послан в Воронеж для корабельных работ.

Между тем, руководивший в начале XVIII в. Поволжьем Б.А. Голицын, сделавшись врагом Дж. Перри, распространил слухи, что рытье канала есть «дело не богоугодное, что как Бог определил течь рекам, так и должно им течь, и что изменять течение их есть дело, противное воле Божией». Кроме того, Перри не выдавали заслуженного жалованья, ссылаясь на обман со стороны его предшественника Бреккеля. Из Воронежа Перри вытребовали в Москву, где поручили ему заняться другими делами. Наконец московский инженер Корчмин заявил, что работа относительно соединения Волги с Доном может обойтись и без Дж. Перри, но в действительности работа вовсе остановилась (*Леопольдов*. С. 57—58).

Первый полный перевод сочинения Дж. Перри на русский язык представлен в издании 1871 г., до этого публиковались лишь отрывки в периодической печати. Перевод сделан княжной О.М. Дондуковой-Корсаковой. Издание осуществлено под эгидой императорского Общества исто-

рии и древностей российских при Московском университете. Примечания сделаны секретарем общества О.М. Бодянским.

Перу Перри принадлежат два произведения: «Повествование о России, в особенности касательно замечательных дел нынешнего царя», посвященное описанию карьеры автора в России, и «Другое и более подробное повествование о России» с описанием страны, народов, особенностей их быта и т. п. Особенное значение записки Перри имеют для истории русского флота.

Как явствует из текста Дж. Перри, описание Царицына и окрестностей подготовлено на основе наблюдений, сделанных автором во время его работы над Волго-Донским каналом в 1699—1701 гг. (*Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. С. 57—61*).

¹ *Кабанские татары* — видимо, кубанские татары (*Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. С. 57*).

² См. примеч. 5 к «Путешествию в Персию» С. Какаша Г. Текандера.

³ См. там же. Примеч. 1.

⁴ *Камышин* был основан в 1668 г. на левом берегу реки Камышинки как крепость Камышинка. В 1670 г. был сожжен отрядами Степана Разина. В 1697 г., когда началось строительство канала между Иловлей и Камышинкой, было построено укрепление на правом берегу последней под названием Петр-город. Тогда же сюда был переведен Дмитриевский полк. Уже в грамоте 1699 г. этот город назывался Дмитриевском. В 1780 г. Дмитриевск переименовали в Камышин (см. также примеч. 1 к «Хожению» Ф.А. Котова).

⁵ *Ишорник* — видимо, Черный Яр (*Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. С. 57*. См. также примеч. 28 к «Золотаревскому летописцу»).

⁶ *Терки* (Терский городок) — город-крепость, заложенный русскими в 1588—1589 гг. в устье реки Терек для обороны южных границ Московского государства.

⁷ *Воронеж* — город на реке Воронеж. Основан в 1580-х гг. как крепость на южной границе Русского государства для защиты от крымских татар. К середине XVII в. утратил свое значение как оборонительный рубеж, но приобрел статус значительного торгового и ремесленного центра. С 1725 г. — губернский город Воронежской губернии.

⁸ См. примеч. 3 к «Хожению» Ф.А. Котова.

⁹ *Крымские татары* — сформировались в результате слияния мигрировавшие в Крым кочевого тюркоязычного населения и обитавших в Крыму оседлых жителей. Различаются степные крымские татары (потомки ногайцев) и южнобережные крымские татары (потомки анатолийских тюрок). В 1443 г. на обломках Золотой Орды возникло Крымское ханство, в 1783 г. — вошло в состав Российской империи.

¹⁰ Речь идет о Новом Сарае (см. примеч. 6 к «Хожению» Ф.А. Котова и примеч. 11 к запискам А. Олеария). Дж. Перри ошибается: Новый Сарай никакого отношения к скифам не имел.

¹¹ *Самоеды* — старинное название ненцев, энцев, нганасан, частью и селькупов. Название «самоеды» не имеет никакого отношения к антропофагии. В современной литературе самоедов принято называть самодийскими народами.

К. де Бруин

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ МОСКОВИЮ

Печатается по изданию: Бруин К. Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Пер. с фр. П.П. Барсова, проверенный по голландскому подлиннику О.М. Бодянским. М., 1873.

Корнилий де Бруин (1652—1727) — живописец, этнограф, путешественник. В июне 1701 г. де Бруин отплыл из Гааги и 3 сентября прибыл в Архангельск. Отсюда началось его долгое путешествие через Россию на Восток. Путешествие по Волге, когда он посетил и Царицын, де Бруин совершил между 15 апреля и 11 июля 1703 г., после чего отправился в Персию, Восточную Индию, на острова Цейлон и Яву и ровно через четыре года, 11 июля 1707 г., появился в Астрахани. На обратном пути де Бруин опять побывал в Царицыне (Бруин К. Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. С. 181—182, 231).

Книга де Бруина увидела свет в 1711 г. В ней он описал личное видение реформ Петра Великого, деятелей той эпохи, а также дал подробное описание ряда регионов России, в том числе многих волжских городов — Казани, Симбирска, Самары, Саратова, Царицына.

Впервые отрывок из сочинения де Бруина (7 глав), содержащий в себе описание пребывания автора в Москве, на русском языке был издан в «Отечественных записках» в 1829 и 1830 гг. В издании 1873 г. опубликована часть труда де Бруина, касающаяся его двукратного пребывания в России. Русский перевод сделан с французского издания сочинения де Бруина, изданного в Амстердаме в 1718 г. братьями Ветштейн. Перевод проверен секретарем императорского Общества истории и древностей российских О.М. Бодянским по голландскому подлиннику 1714 г.

¹ На рубеже XVII—XVIII вв. позиции Царицына как важного стратегического пункта и опорного центра колонизации Нижнего Поволжья сохранились. В этот период заселение края принимает все более организованный характер и вокруг первых форпостов Российского государства, какими были до этого одиноко стоящие в степи Царицын или Саратов, возникли поселения мелкопоместного дворянства. Охотников поселиться в обживаемом крае становилось все больше, тем более что всем переселенцам предоставлялись большие льготы. Вокруг Царицына с каждым годом разрасталось предместье, за счет ремесленников, рабочего люда, бобылей, купцов. Через Царицын пролегали также важные торговые пути (*Волгоград*. С. 30—31).

² См. примеч. 5 «Путешествию в Персию» С. Какаша Г. Тектандера.

³ См. там же. Примеч. 1.

⁴ См. примеч. 19 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

⁵ *Барка* — большое грузовое несамоходное судно типа баржи, применявшееся с начала XVIII в. до конца XIX в. на крупных реках России. Строились палубными на гвоздях, из полуобработанного лесоматериала, обычно на одну навигацию. Иног-

да на барки ставили мачту с прямым парусом, чаще всего рогожным. Управлялась большими рулевыми веслами. Местная разновидность барки на Волге — беляна.

⁶ *Сарпа* — река, захватывающая Царицынский уезд лишь на протяжении около 10 верст, при впадении ее в Волгу, берет начало в Астраханской губернии. Летом часто пересыхает (*Минх*. Т. I. Вып. 3. С. 920).

⁷ В 1706 г. дотла выгорело предместье Царицына, которое было вновь отстроено в следующем, 1707 г. (*Волгоград*. С. 34).

⁸ См. примеч. 12 к «Золотаревскому летописцу».

⁹ См. примеч. 17 к «Описанию путешествия в Московию» А. Оlearия.

¹⁰ В 1707 г. де Бруин выехал из Астрахани вместе с грузинским послом к польскому королю (*Бруин К.* Путешествие через Московию. С. 221).

¹¹ Астраханским губернатором в тот период времени был князь Петр Иванович Хованский.

† † †

Тү Ли-Шень

ПУТЕШЕСТВИЕ КИТАЙСКОГО ПОСЛАНИКА К КАЛМЫЦКОМУ АЮКЕ ХАНУ

Печатается по изданию: Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану, с описанием земель и обычаев российских / Пер. с маньчжурского А. Леонтьева. СПб., 1782.

+

В конце XVII — начале XVIII в. многочисленная орда калмыцкого хана Аюки кочевала на пространстве от Астрахани до Саратова и от Волги до города Яика и реки Эмбы. В 1712 г. от китайского императора Канси к хану Аюке отправилось посольство с жалобой на ойратского хана, главу Ойратского (Джунгарского) ханства Цэван-Рабдана (1663—1727), стеснявшего китайских подданных во время проезда по торговым делам. Аюка кочевал тогда возле озера Эльтон и Рын-Песков. Сопровождал посольство полковник Стефанович. По прибытии в Саратов он известил Аюку о посольстве, чтобы хан принял послов согласно их статусу и прислал проводников с провизией и подводками. Зимой китайцы провели в Саратове, где их всячески развлекали. Только 17 июня 1714 г. послы отправились за Волгу, где посланный от Аюки мурза со свитой провожал их до ханской ставки. Начало июля послы провели у Аюки, познакомились с его семьей, приняли участие в различных развлечениях. 13 июля послы выехали обратно, 25 числа прибыли в Саратов, откуда выехали в Китай (Записка шведского капитана Иоанна Шничера, сопровождавшего посольство из Тобольска до ставки хана Аюки, бывшего там с ним и описавшего прием послов ханом // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. Ч. 20; *Леопольдов*. С. 51—53, 61, 63—69).

Авторство путевых записок принадлежит китайскому послу Ту Ли-Шеню, который решил написать свою записку, чтобы «о столь знатных происшествиях весьма пристойно объявить всему свету, чтоб оные не токмо ныне, но и во все будущие веки людям открыты были». В путевых записках описан путь китайского посольства через Сибирь (Селенгинск,

Иркутск, озеро Байкал, реки Ангара, Енисей и др.), по Волге (Казань, Симбирск, Саратов и др.). Среди городов, находящихся в местах кочевания Аюки, упомянут и Царицын (Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану... С. 4—5, 139—140).

†

¹ См. примеч. 5 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

² *Востокополдень* — юго-восток.

³ *Дзай* — Яик. До 1775 г. так называлась река Урал, протекающая на Южном Урале и в Прикаспийской низменности.

⁴ *Тенгис* — здесь Каспийское море.

⁵ *Урочище* — калмыцкое селение.

⁶ *Аюка* (1647—1724) — хан волжских ойратов-калмыков. Пришел к власти в 1672 г., объединил всех волжских калмыков и значительно расширил свои владения. Около 1690 г. Далай-лама пожаловал Аюке ханский титул, который в 1712 г. был признан Россией. Лавируя между Джунгарией и Россией, Аюка неоднократно присягал в подданстве и союзе и в то же время при случае нападал на окраинные русские земли. При Петре Великом с ним неоднократно велись переговоры. В результате первых переговоров князя Б.А. Голицына с Аюкой на реке Камышинке 20 июля 1697 г. было заключено соглашение о взаимопомощи. В 1708 г. был заключен новый договор с Аюкой, по которому хан клялся служить Петру I до смерти.

⁷ *Тарлухубань* — видимо, Тарлык.

⁸ *Тархунь* — видимо, Торгунь.

⁹ *Улусутунь* — видимо, Еруслан.

¹⁰ *Сира Камуси* — Камышин (см. примеч. 4 к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе»).

¹¹ *Краснояр* — Красный Яр, уездный город Астраханской губернии. Расположен на бугре Красные Ярки. Основан в 1667 г. как сторожевая крепость.

¹² *Чорнойяр* — Черный Яр (см. примеч. 28 к «Золотаревскому летописцу»).

¹³ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

¹⁴ *Амнако Хобан* — кубанские татары.

¹⁵ *Торгуты* (торгоуты) — этническая группа, входящая в состав ойратов-калмыков.

† † †

Дж. Белль

ПУТЕШЕСТВИЯ ЧЕРЕЗ РОССИЮ В РАЗНЫЕ АЗИАТСКИЕ ЗЕМЛИ

Печатается по изданию: Путешествия чрез Россию в разные азиатские земли; а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с фр. М. Попова. СПб., 1776. Ч. 1—3.

†

Джон Белль (1691—1780) — шотландский врач, прибывший в Россию в 1714 г. по собственному желанию, чтобы удовлетворить свою страсть к путешествиям. В 1715 г. при помощи придворного врача Петра I — Орешкина Белль отправился в Персию в качестве врача при

посольстве А.П. Волынского. Второе путешествие в Персию Белль совершил в 1722 г. при главной квартире Петра, во время его похода на Дербент. Белль побывал также в Пекине и Константинополе. В 1747 г. он возвратился в Шотландию.

Описание своих путешествий в виде дневных записок Белль издал в Глазго под заглавием «Travels from St. Petersbough to diverse parts of Asia» в 1765 г. Второе издание появилось в Лондоне. В 1766 г. был сделан перевод сочинения Белля на французский язык. Последнее издание было переведено на русский язык М. Поповым в 1776 г. Записки состоят из трех частей: в первой части описывается путешествие в Персию и начало путешествия в Китай, во второй — путешествие в Китай, в третьей содержится «Записка о пребывании г. Ланга, поверенного в делах императора Петра Первого при пекинском дворе в 1721 и 1722 гг.» и описание похода Петра I в Дербент. Отрывки из «Путешествий» Белля были напечатаны в «Астраханском сборнике» (Астрахань, 1896), откуда были заимствованы для книги «Исторические путешествия: Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV—XVIII вв.» (Сталинград, 1936).

В первый раз Белль посетил Царицын на пути в Персию в июле 1716 г., второй раз — сопровождая Петра I, по дороге в Дербент и на обратном пути в июне и октябре 1722 г. (*Белль Дж.* Путешествия чрез Россию в разные азиатские земли. Ч. 1. С. 30, Ч. 3. С. 161, 192—193).

¹ См. примеч. 5 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

² См. примеч. 4 к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».

³ См. примеч. 28 к «Золотаревскому летописцу».

⁴ О деятельности Дж. Перри и строительстве канала между Волгой и Доном см. биографическую справку к его работе «Состояние России при нынешнем царе».

⁵ В 1722 г. Петр I вместе с 15-тысячным войском на 300 судах двигался вниз по Волге. В районе Саратова он встретился с ханом Аюкой и обменялся с ним дарами. 23 июня 1722 г. Петр осмотрел Камышин и наконец 28 июня прибыл в Царицын. Жители встретили императора хлебом-солью и подвели донского жеребца, на котором Петр въехал в крепость. По окончании осмотра города он отслушал обедню в соборе, а затем беседовал с жителями (*Волгоград.* С. 36—37).

⁶ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

⁷ Поздней осенью 1722 г., возвращаясь из Персидского похода, Петр I снова остановился в Царицыне. Император разместился в каменном доме на Спасской улице (ул. Володарского). Его флотилия замерзла, поэтому далее император и его свита продолжили путь на санях (*Волгоград.* С. 37). О пребывании Петра I в Царицыне в октябре 1722 г. см. также примеч. 6 к «Запискам» Г.В. Геракова.

⁸ Речь идет о Царицынской сторожевой линии. Восстание К. Булавина, как и набеги кубанских и крымских татар и калмыков, нанесло огромный ущерб Нижнему Поволжью вплоть до Пензенского уезда. Наиболее опустошительным было разбойное нападение крымских и кубанских татар в августе 1717 г. В Царицыне было разграблено и сожжено предместье, церковь и амбары с хлебом. В ноябре 1717 г. Петр I отдал распоряжение корпусу бригадира Кропотова расположиться между Пензой и Саратовом для предотвращения набегов казаков, татар и калмыков и построить укрепленную линию между Доном и Волгой. В 1718 г. началось строительство, которое завершилось к 1720 г. Царицынская сторожевая линия протянулась от Царицына до Дона, южнее Качалинского городка. Она представля-

ла собой земляной вал высотой до 12 м и глубокий ров. По верху земляного вала был сооружен частокол из заостренных вверху кольев. На линии, помимо реконструируемой Царицынской, были построены земляные крепости — Мечетная, Грачевская, Осокорская и Донская (Богданова. С. 29; Волгоград. С. 34—35).

⁹ *Петр I Великий* (1672—1725, правил с 1689 г.).

¹⁰ См. примеч. 16 к «Описанию путешествия в Московию» А. Оллария.

† † †

И.Я. Лерхе

ИЗВЕСТИЕ О ВТОРОМ ПУТЕШЕСТВИИ В ПЕРСИЮ

Печатается по изданию: Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерхе в Персию, от 1745 до 1747 года // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. 48. Июнь. С. 75—102.

+

После получения докторского диплома Иван Яковлевич Лерхе (1708—1780) в 1731 г. приехал в Россию. Здесь он был принят по контракту на 5-летнюю военную службу; участвовал в военных действиях против персов, в русско-турецкой войне. В 1745 г. И.Я. Лерхе был включен (на основании запроса Иностранной коллегии в Медицинскую канцелярию) в качестве доктора в состав посольства к шаху Надиру, которое было направлено в Персию по указанию императрицы Елизаветы Петровны. Посольство возглавил адмирал князь М.М. Голицын. Описанию этого путешествия посвящены записки, отрывок из которых с описанием посещения автором Царицына осенью 1745 г. приведен в настоящем издании. С 1750 г. И.Я. Лерхе возглавлял главную аптеку, так называемый «медицинский огород», сначала в Москве, затем в Петербурге; служил в Медицинской канцелярии, участвовал в ликвидации чумы в Москве в 1771 г. (Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерхе в Персию, от 1745 г. до 1747 г. С. 52—56, 69—72).

+

¹ Ошибка. Даты, приведенные в предшествующем и последующем тексте, явно указывают на то, что речь идет о 2 октября. 30 сентября путешественники прибыли в станицу Михайловская, а затем И.Я. Лерхе отметил, что 7 октября из Кизляра туда же прибыл Д.Ф. Еропкин.

² *Бузулук* — река в Заволжье, левый приток Самары.

³ *Медведица* — левый приток Дона.

⁴ *Хопер* — левый приток Дона.

⁵ У некоторых видов саранчи есть привычка объединяться в огромные летающие стаи, похожие на тучи. В местах своего снижения они в короткий срок уничтожают всю растительность, обрекая целые регионы на голод.

⁶ *Комендант* (фр.) — должностное лицо в вооруженных силах различных государств. С XVI в. комендантом назывался начальник гарнизона крепости.

В России комендант являлся начальником гарнизона и одновременно уездным правителем, с 1715 г. — только начальником гарнизона.

⁷ В России воинское звание майора было введено в 1698 г. для командного состава полков «нового строя» и иностранцев, состоявших на военной службе в русской армии. С 1711 г. являлся первым старшим офицерским чином. Существовал до 1731 г. и с 1731 г. по 1884 г. В 1731—1797 гг. было два чина майора — премьер-майор и секунд-майор.

⁸ *Бригадир* — офицерский чин в русской армии в 1722—1799 гг., промежуточный между полковником и генерал-майором.

⁹ См. примеч. 8 к «Путешествиям в разные азиатские земли» Дж. Белля.

¹⁰ *Драгуны* — кавалерия, предназначавшаяся для действий в конном и пешем строю. Впервые появилась в XVI в. во Франции. В XVIII—XX вв. имела в большинстве европейских армий. В России первый драгунский полк был сформирован в 1631 г. Кавалерия была упразднена в 1918 г.

¹¹ *Кизляр* — город в Дагестане, в дельте реки Терек.

¹² См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Текандера.

¹³ *Еропкин* Дмитрий Федорович (умер в 1750 г.) — генерал-поручик, рижский генерал-губернатор.

¹⁴ *Надир-шах* Афшар (1688—1747) — шах Ирана с 1736 г.

¹⁵ *Дербент* — город в Дагестане, порт на Каспийском море. Основан в 438 г.

¹⁶ Возможно, автор имеет в виду сильный пожар, имевший место в Царицыне в 1728 г. (*Волгоград*. С. 37).

¹⁷ К 1745 г. в Царицыне существовали церковь Иоанна Предтечи (1664), Успенская церковь (1718) и Троицкая церковь (1720) (*Терещенко*. С. 158—159).

¹⁸ *Царица* — небольшая речка; начало берет в возвышенном водоразделе Волги и Дона, течет с запада на восток, впадая в Волгу в Царицыне.

¹⁹ В период с 1736 г. по 1740 г. (правление императрицы Анны Иоанновны) была реконструирована и расширена Царицынская крепость. Она стала каменно-земляной, с мощным валом и широким рвом, защищали крепость также семь мощных бастионов (*Волгоград*. С. 38).

²⁰ В I — начале II тыс. н. э. предки калмыков — ойраты, обитавшие в Центральной Азии, входили в состав крупных политических объединений — дун-ху, сянь-би, жужаней, киданей, в XIII—XIV вв. — в Монгольскую империю. В конце XVI — начале XVII в. проходило перемещение ойратов в пределы Русского государства. В 1608—1609 гг. часть ойратов (дербеты и торгоуты) приняли подданство России. Кочевали в междуречье Яика, Волги, Дона, а также в Прикаспии. В XVII в. среди калмыков распространился ламаизм. В 1771 г. большая часть калмыков откочевала в Китай.

²¹ *Кибитка* — калмыцкая юрта — войлочный шатер на деревянной основе.

²² В России XVIII — первой половины XIX в. ревизиями назывались переписи населения, в основном податного. Начались с введением подушной подати. Последняя ревизия была проведена в 1857 г.

²³ См. примеч. 12 к «Золотаревскому летописцу».

И.И. Лепехин

ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ

Печатается по изданию: Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1795.

Иван Иванович Лепехин — представитель Ломоносовской школы, естествоиспытатель и путешественник, родился 10 сентября 1740 г. в Петербурге. Отец его был солдатом Семеновского полка, который вел свое начало от потешных полков Петра I. Наградой за храбрость служили различные отличия и преимущества, распространявшиеся и на нижние чины полка. Поэтому, в частности, солдатским детям могла быть предоставлена возможность получить не только начальное, но и высшее образование. Как писал ученик, друг и биограф И.И. Лепехина Н.Я. Озерецковский, отец его «не имел нужных средств воспитать сына своего, в котором усматривал способность и охоту к наукам», но все же «открыл ему путь в гимназию Академии наук».

20 марта 1751 г. по указу Сената десятилетний Лепехин был принят в академическую гимназию. Ректор гимназии проверил знания мальчика и отправил его в класс на занятия. Через три с половиной месяца, отметив способности и прилежание ученика, академическое начальство зачислило его на казенное содержание. В гимназии Лепехин входил в число лучших учеников: он овладел немецким и латинским языками, прошел по Ломоносовской программе курс русского языка (уроки русского красноречия), приобрел серьезные знания по математике.

В 1760 г. М.В. Ломоносов был назначен руководителем гимназии и университета при Академии наук. По его распоряжению восемь лучших гимназистов были зачислены в студенты Академического университета. «Быть Ивану Лепехину студентом, дать ему шпагу и привести его к присяге», — было записано в указе академической канцелярии 19 января 1760 г.

Два с половиной года проучился И.И. Лепехин в университете. В начале 1762 г. М.В. Ломоносов предложил студентам старших курсов избрать определенную специальность с тем, чтобы совершенствовать свои знания по ней. Лепехин проявлял интерес к естественным наукам и обратился с просьбой направить его для занятий ими в какой-либо иностранный университет. По решению академического собрания он был отправлен в Страсбургский университет, где из многих факультетов выделялся медицинский. 19 ноября 1762 г. Лепехин приехал в Страсбург, 22 ноября был зарегистрирован студентом университета и начал слушать лекции по химии, ботанике, физиологии, анатомии, натуральной истории, зоологии. Аттестаты, выданные Лепехину профессорами университета, свидетельствуют, что он проявил в занятиях прилежание и добился успеха.

В 1764 г. в Академии наук встал вопрос о приглашении из-за границы профессора ботаники. В связи с этим М.В. Ломоносов напомнил, что в Страсбурге успешно учится студент Лепехин.

После смерти М.В. Ломоносова, 4 апреля 1765 г., в судьбе Лепехина принял участие профессор химии и ботаники Страсбургского университета Я.-Р. Шпильман. Он рекомендовал И.И. Лепехина на кафедру ботаники и естественной истории Академии наук в Петербурге. 15 августа 1766 г. в письме в Академию наук он написал: «Достойнейший Лепехин недавно закончил свою академическую жизнь инаугуральной диссертацией. Диспут прошел весьма удачно, и я уверен, славнейшая академия может с полным основанием ожидать, что затраченные ею на Лепехина средства будут возмещены самым блестящим образом». 5 мая 1767 г. Страсбургский университет удостоил Лепехина степени доктора медицины.

Осенью 1767 г. И.И. Лепехин вернулся в Петербург, в журнале академической канцелярии 15 октября 1767 г. о нем было записано: «Бывший академический студент, который ныне доктором из-за моря возвратился...» 23 мая 1768 г. И.И. Лепехина избирают адъюнктом Академии. В Петербурге он находился недолго, так как вскоре был назначен, наряду с П. С. Палласом и И.-П. Фальком, руководителем Оренбургской экспедиции от Академии наук. В 1768 г. Академия наук организовала экспедиции с целью описания России с точки зрения географии, истории, экономики, этнографии и т. д. Замысел таких экспедиций принадлежал М.В. Ломоносову. Предполагалось обследовать территории от западных границ Российской империи и от Северного Ледовитого океана до южного побережья Каспийского моря, степные районы Юга России, а также Урал, Сибирь.

Экспедиция Лепехина должна была исследовать Поволжье, Урал, Сибирь и Крайний Север Европейской России. Продолжалось путешествие с 8 июня 1768 по 24 декабря 1772 г. 8 июня 1768 г. из Петербурга на Новгород вышел обоз, а через две недели в Академию прибыл первый рапорт от И.И. Лепехина, в котором он высоко отзывался о своих спутниках по экспедиции: гимназистах Тимофее Мальгине (16 лет), Николае Озерецковском (18 лет) и Андрее Лебедеве, рисовальщике Михаиле Шалаурове (22 года) и чучельнике Филиппе Федотьеве. Самому И.И. Лепехину было тогда 27 лет.

В 1771 г. Лепехин был избран академиком по кафедре естественной истории.

В экспедиции были изучены и описаны природные условия обширных территорий, собраны материалы по истории, этнографии, фольклору, народной медицине, зоогеографии; составлены зоологические и ботанические коллекции.

Первая часть описания путешествия И.И. Лепехина вышла под названием «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году» (СПб., 1771). Вторая часть была издана под заглавием «Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году» (СПб., 1772). Третья часть — «Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина, академика и медицины доктора <...> по разным провинциям Российского государства в 1771 году» (СПб., 1780; 2-е изд. СПб., 1814). Четвертая часть — под заглавием: «Путешествия академика Ивана Лепехина <...> в 1772 г.» (СПб., 1805). Последняя часть была подготовлена к печати академиком Н.Я. Озерецковским. Но

вое издание вышло в 1821—1822 гг. в 3—5-м томах Полного собрания ученых путешествий по России, издаваемого Академией наук.

В 1773—1774 гг. Лепехин путешествовал по Белоруссии. По возвращении в Петербург он был назначен директором ботанического сада. Помимо знаменитых «Дневных записок» И.И. Лепехин был автором «Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастаний» (1783), «Краткого руководства к разведению шелков в России» (1798) и др.

6 апреля 1802 г. И.И. Лепехин скончался (*Озерецковский Н.Я.* Жизнь И.И. Лепехина // Журнал департамента народного просвещения. 1822. Ч. 6. № XI. С. 281—288; *Сухомлинов М.И.* История российской Академии. СПб., 1875. Вып. 2. С. 157—299, 481—482; *Фрадкин Н.Г.* Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768—1773 гг. М., 1950. С. 3—200; *Кулябко Е.С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977. С. 121—131; *Павлова Г.Е., Федорова А.С.* Михаил Васильевич Ломоносов: 1711—1765 / Отв. ред. акад. Е.П. Велихов. М., 1986. С. 73, 146, 153, 424).

По плану 1769 г. экспедиции Лепехина предстояло путешествовать по Волге через Сызрань, Саратов, Царицын и Астрахань до Гурьева городка. Предполагалось посещение знаменитого уже в те времена соленого озера Эльтона. Путешествие началось 9 мая и 18 августа Лепехин добрался до Яика и расположенного вблизи его устья Гурьева-городка. Царицын и Сарепту И.И. Лепехин посетил в июле — августе 1769 г. (*Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. С. 431—437, 441—445).

¹ См. примеч. 3 к «Золотаревскому летописцу».

² См. примеч. 8 к «Путешествиям в разные азиатские земли» Дж. Белля.

³ См. примеч. 20 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Перхе.

⁴ *Буерак* (тюрк.) — долины приволжских гор, расположенные в ущельях, в них встречались небольшие, но обильные водой источники (*Минх.* Т. I. Вып. 1. С. 94).

⁵ *Наплюкие* — возможно, наплекие, то есть пестроплечные.

⁶ См. примеч. 4 к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».

⁷ В XVIII в. лидером в области бахчеводства был Царицын. Арбузы, переложенные соломой, перевозили в ящиках, подвешенных на ремнях к телегам. Телеги назывались качками. Арбузы поставлялись и к императорскому столу. При Елизавете Петровне была даже устроена специальная «фруктовая почта». В XIX в. особым спросом на российских рынках пользовались арбузы, известные под названием «камышенских» или «астраханских». Сорты были выведены русскими бахчеводами Быковых хуторов (*Когитин.* С. 17; *Когитин В.В.* Развитие бахчеводства в Нижнем Поволжье (XVIII — начало XX вв.) // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1989. Вып. 6. С. 177).

⁸ *Деньга* (тюрк.) — русская серебряная монета XIV—XVIII вв. В XVII—XIX вв. чеканилась также медная монета.

⁹ *Сидр* (фр.) — слабоалкогольное вино, получаемое вследствие брожения яблочного сока, насыщено углекислым газом.

¹⁰ Шелковичные деревья вблизи р. Ахтубы появились задолго до начала колонизации этого края Русским государством. После падения Золотой Орды плантация была заброшена и захирела, внимание к ней было привлечено снова только в

начале XVIII века. В 1720 г. Петр I велел устроить здесь шелковичный завод, но добыча шелка вскоре прекратилась. В 1765 г. астраханский губернатор генерал-майор Н.А. Бекетов вновь привлек внимание к ахтубинским шелковичным деревьям. Наконец, в 1772 г. с целью положить прочное основание Ахтубинским шелковым заводам появилось постановление, регламентирующее порядок выработки шелка в этих местах и отменившее казенное шелковичное производство (*Леопольдов*. С. 70—81).

¹¹ См. примеч. 5 к «Хожению» Ф.А. Котова.

¹² *Золотая Орда* — государство, основанное в начале 1240-х гг. ханом Батыем. В состав Золотой Орды входили Западная Сибирь, Северный Хорезм, Волжская Болгария, Северный Кавказ, Крым. В XV в. распалась на отдельные ханства.

¹³ См. примеч. 6 к «Хожению» Ф.А. Котова и примеч. 11 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олгария.

¹⁴ См. примеч. 18 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

¹⁵ *Сарептинское селение* — так в XVIII в. часто называли немецкую колонию Сарепту, основанную в 1765 г. недалеко от Царицына. Появление в Поволжье немец-колонистов было связано с иммиграционной политикой, проводимой Екатериной II. В 1762—1763 гг. были опубликованы два манифеста, в которых иностранцы приглашались в Россию. По второму манифесту им были обещаны значительные привилегии: свобода вероисповедания, освобождение от податей и налогов на несколько лет, помощь государства в деле организации фабрик и заводов и др. В 1764—1768 гг. в Поволжье было основано более 100 колоний, каждая из которых создавалась строго согласно вероисповеданию ее будущих жителей. Сарепта просуществовала до Великой Октябрьской социалистической революции, после которой была переименована в Красноармейск, а затем вошла в черту современного Волгограда. Сохранившиеся сарептские здания составили основу музея «Старая Сарепта» (*Вашкау*. С. 6, 8; *Немцы в России и СНГ: 1763—1997*. М.; Штутгарт, 1998. С. 6).

¹⁶ См. примеч. 6 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.

¹⁷ *Герен-гитер* — искаженное слово «гернгутер». В начале XVIII в. учение богемских братьев получило развитие в Германии, где оно нашло поддержку в лице сына саксонского министра Николауса — графа Людвига Цинцендорфа. В 1722 г. граф купил землю и имение Бертельсдорф, куда стали стекаться не только остатки последователей богемских братьев, но и сторонники других преследуемых сект. Новое поселение было названо Гернгут, а община — Гернгутской братской общиной. В Сарепте община братьев-гернгутеров просуществовала благополучно до 1877 г., когда указом Александра II было фактически ликвидировано ее внутреннее самоуправление. Поселение постепенно шло в упадок, и в 1892 г. гернгутская дирекция приняла решение о прекращении деятельности Сарептской общины и об отъезде братьев-гернгутеров из Сарепты. Большинство гернгутеров покинуло Сарепту. К 1914 г. их осталось в колонии около 500 человек, остальное население составляли лютеране (*Попов*. С. 51; *Сарепта*. С. 3).

¹⁸ Реформатские, или евангелические, церкви возникли в континентальных европейских государствах в XVI в. в ходе Реформации (социально-религиозного движения, направленного против римско-католической церкви). Духовным центром реформатского движения с начала 1520-х гг. стала Швейцария. На волжской земле первым реформатским проповедником был швейцарский пастор И. Яннет, который прибыл из Гернгута в 1765 г. Опираясь на помощь сарептян, он со своими помощниками-подвижниками совершал объезды немецких колоний (*Плеве*. С. 210).

¹⁹ Все сарептское общество было строго разделено на различные корпорации. Мужчины делились на женатых, вдовцов, холостяков и мальчиков, а женщины

ны — на замужних, вдов, незамужних сестер и девочек. Для каждой группы, кроме семейных пар, выделялся общий дом, в котором каждый имел свои обязанности. За членами корпорации присматривал надзиратель. С 4 до 12 лет мальчики и девочки учились в детских учреждениях, а с 12 лет включались в соответствующую корпорацию (Попов. С. 41).

²⁰ Всем хозяйством общины управлял старшина. Каждую корпорацию возглавляли помощники старшины. Собрание этих должностных лиц составляло малый совет общины. В него в разное время входили и выборные от общины, и духовные попечители (Попов. С. 50).

²¹ Сарепта была укреплена земляным валом и рвом, вал сторожили 12 чугунных пушек. К ним были прикомандированы артиллеристы царицынского гарнизона. Кроме того, царицынский комендант выделил 20 строевых солдат с офицером (Волгоград. С. 39; Попов. С. 12).

²² Имеется в виду русско-турецкая война (1768—1774). Окончилась победой России и подписанием Кючук-Кайнарджийского мира.

²³ Мельницы на реке Сарпа были построены вскоре после основания Сарепты. Они перерабатывали зерно не только для сарептян и их ближайших соседей-колонистов, но и производили муку для продажи в отдаленные районы. Лесопильная мельница с колесом в 18 футов в поперечнике производила до 150 досок. В 1803 г. эти мельницы сгорели. Через некоторое время было решено выстроить каменные мельницы на дубовых сваях, но это предприятие принесло большие убытки. Через несколько лет уровень воды в Сарпе резко упал из-за выстроенной в 30 верстах от Сарепты плотины для других мельниц и для мелиорации сенокосных участков по берегам одного из притоков Сарпы. С этого времени сарептские мельницы могли действовать только весной при половодье (Сарепта. С. 28—29).

²⁴ Колонисты нашли источник питьевой воды у ближайшего подножия Ергеней, где были поставлены большие деревянные емкости, из которых вода по деревянным трубам подавалась в дома сарептян. Но этот источник был недостаточен для будущей колонии, поэтому были освоены более крупные родники на склонах Ергеней. Водопровод протяженностью 2,5 км уложили в землю из дубовых и глиняных труб (Попов. С. 12—13).

²⁵ Одной из отличительных особенностей Сарепты с самого начала ее существования было большое количество зеленых насаждений, что выделяло ее среди окрестных степных пейзажей. В садах выращивалась простая и перечная мята; яблоневые, вишневые, сливовые плодовые деревья; плодоносящие кустарники и различные сорта винограда (Сарепта. С. 36).

²⁶ Собственного медика Сарепта имела со времени своего основания, а вскоре была построена и аптека, которая славилась большим запасом медикаментов. Сарептские представители продавали лекарства в Петербурге, Москве, Саратове, Царицыне, Дубовке и Камышине (Сарепта. С. 35).

²⁷ *Сергиевск* — в настоящее время село, районный центр Самарской области. Расположен на реке Сок, левом притоке Волги. Поселение возникло при Петре I, с 1781 г. уездный город Уфимского наместничества, после 1917 г. снова стал сельским поселением. Рядом с ним находятся Сергиевские сернистые источники и грязи.

²⁸ См. примеч. 28 к «Золотаревскому летописцу».

²⁹ В дореволюционной литературе киргизами или киргиз-кайсаками часто называли казахов. Казахи как этническая общность сформировались окончательно во второй половине XV в. с возникновением Казахского ханства. В этот период времени сложилось три кочевых объединения — жуза, каждый из которых включал группу племен и занимал обособленный район. В 1731 г. в состав России вошли казахи Малого жуза, в 1740 г. — казахи Среднего и части Старшего жуза. Окончательно

присоединение Казахстана к России завершилось во второй половине XIX в. В пределах Астраханской губернии кочевала Букеевская орда.

† † †

И.-П. Фальк

ЗАПИСКИ

Печатается по изданию: Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук по предложению ее президента. СПб., 1824. Т. 6. С. 1—446.

†

Иоганн Петр Фальк, врач и естествоиспытатель, родился в Швеции в 1725 (1727) г. в семье проповедника. Закончил Упсальский университет со степенью доктора медицины, преимущественно изучал ботанику под руководством Карла Линнея (1707—1778), создателя системы растительного и животного мира, первого президента Шведской АН (1739), иностранного почетного члена Петербургской АН (1754). В доме К. Линнея И.-П. Фальк некоторое время выполнял обязанности учителя. По рекомендации Линнея он был приглашен в Россию Академией наук и исполнял вначале обязанности смотрителя при кабинете естественной истории, а затем был учителем ботаники и смотрителем Аптекарского сада при Медицинской коллегии.

В 1768 г. И.-П. Фальк был избран руководителем одной из так называемых Оренбургских экспедиций (две другие возглавляли И.И. Лепехин и П.-С. Паллас). В качестве помощников в состав экспедиции Фалька были зачислены окончившие тогда академическую гимназию студенты Иван Быков, Михаил Лебедев и Степан Кашкарев, живописец Петр Григорьев и подлекарь Христофор Барданес, бывший до этого сотрудником Фалька и согласившийся, «по непреодолимой охоте к путешествию», выполнять обязанности чучельника. В составе экспедиции были два солдата — «для посылок за подводом и для охранения». Фальк получил подорожную на 15 лошадей и «открытый указ брать деньги для издержек во время путешествия и на жалованье из каждой казенной кассы». Как начальнику экспедиции ему было назначено двойное жалованье ординарного академика.

Путешествие началось в 1768 г. и продолжалось около шести лет. 5 сентября 1768 г. экспедиция выехала из Петербурга в Москву, по пути посетив Новгород, Тверь и другие населенные пункты. В апреле 1769 г. путешествие было продолжено по реке Москве и далее по Оке, Суре и Волге до Царицына. В апреле 1770 г. Фальк и его спутники прибыли в Астрахань, откуда выехали через калмыцкую степь на Урал и далее в Оренбург, куда добрались в 1771 г. Затем экспедиция направилась в Сибирь, доехала до Томска, а в 1772 г. повернула обратно — по Оби и Иртышу, посетила Тобольск, Тюмень, Екатеринбург и, осмотрев уральские горные заводы, прибыла в Казань. В 1773 г. путешествовали по Волге в Астрахань и через «куманскую степь на терекские теплицы». Тем же путем воз-

вратились в Казань, где в 1774 г., в ночь с 30 на 31 марта, И.-П. Фальк покончил с собой «выстрелом из пистолета».

Причиной трагедии была обострившаяся болезнь. Отправляясь в путешествие, Фальк надеялся поправить свое здоровье, но уже в марте 1769 г. писал президенту Академии наук графу В.Г. Орлову, что подагра и, особенно, головная боль и ипохондрия (чрезмерное внимание к своему здоровью, необоснованная тревога за него, страх заболеть неизлечимой болезнью. — Сост.) «изнурили меня совершенно и дух мой повергнули в уныние»; судороги «лишают меня почти чувств: сон отбегает от меня». В момент смерти И.-П. Фалька в Казани был его друг академик И.-Г. Георги и Х. Барданес. С последним были отправлены в Петербург рукописи, книги и вещи И.-П. Фалька.

Собранные Фальком сведения (свои записки он вел на шведском, немецком и латинском языках) были разобраны и подготовлены к изданию по поручению Академии наук И.-Г. Георги, который, как «спутник и друг покойного Фалька, знал совершенно его почерк», и известным путешественником, химиком Кириллом Густавовичем (Эриком Густавом) Лаксманом (1737—1796): напечатаны на немецком языке с рисунками и картами в трех частях (первая — в 1785 г., остальные — в 1786 г.). Впоследствии надворным советником Павлом Петровым был сделан перевод на русский язык, и новое издание записок И.-П. Фалька было издано Академией наук в 1824 г. (основная часть) и в 1825 г. (дополнения) (*Петров П. Предисловие // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук по предложению ее президента. СПб., 1824. Т. 6. С. I—X; Полное собрание ученых путешествий по России, изданное императорской Академией наук по предложению ее президента. СПб., 1825. Т. 7. С. III—IV.*)

Описание Царицына и Сарепты относится к 1769—1770 гг. (Записки путешествия академика Фалька. С. 127—136).

¹ См. примеч. 18 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

² См. примеч. 8 к «Путешествиям в разные азиатские земли» Дж. Белля.

³ См. примеч. 19 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

⁴ *Форштадт* (нем.) — городское предместье, слободка.

⁵ *Екатерина II* (1729—1796, правила с 1762 г.).

⁶ *Ботвинья* — холодный суп из щавеля, огурцов, с добавлением зеленого лука.

⁷ *Вязига* (или визига) — спинная струна (хорда) осетровых рыб, употребляется в пищу.

⁸ *Брага* — разновидность домашнего алкогольного напитка.

⁹ *Вишневка* — вишневая наливка.

¹⁰ *Пенька* — имеется в виду конопля, из стеблей которой получали грубое лубяное волокно, из него делали канаты, веревки, шпагат и др.

¹¹ Имеется в виду сад царицынского коменданта И.Е. Циплетева, который был действительным членом Вольного экономического общества. За успешное разведение винограда рядом с Царицыном в 1795 г. он был награжден серебряной медалью упомянутого общества.

¹² *Дубовка* была известна до 1732 г. В 1734 г. стала главным городом волжских казаков. За участие в восстании Е.И. Пугачева из Дубовки было выселено 517 казаков, их место заняли переселенцы из России. Жители занимались торговлей, а

также рыболовством, садоводством, бахчеводством и др. В XIX в. здесь начиналась Дубовская переволока с Волги на Дон (до Качалино). С проведением Волжско-Донской железной дороги значение Дубовки упало; прежде через нее везли товары к донским пристаням — Качалинской и Беляевской.

¹³ *Илавля* (Иловля) — река. Течет параллельно Волге к югу, затем поворачивает на юго-запад. Верховья Иловли на 5 км подходят к реке Камышинке, впадающей в Волгу.

¹⁴ См. примеч. 16 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

¹⁵ *Редут* — старинное сомкнутое полевое укрепление с наружным рвом и бруствером.

¹⁶ *Шанец* — в XVII—XIX вв. полевое укрепление, окоп.

¹⁷ См. примеч. 6 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.

¹⁸ *Ергени* (Эргени) — плоская возвышенность между Волгой и Доном, от Волгограда до реки Маныч, протяженностью — 350 км, шириною — от 20 до 50 км, высотой — 221 м над уровнем моря. Калмыки называли этот кряж Хамуры; он спускается круто к Сарпе, к западу же представляет плоскость, полого сходящую в степь. Название происходит от калмыцкого слова «эрге» — возвышенность, крутизна (Минх. Т. I. Вып. 2. С. 291).

¹⁹ Первые малороссияне появились в Заволжье в начале XVIII в. и расселились от Камышина до реки Иловли и от Царицына до Качалинской. Они создали Николаевскую, Владимировскую, Покровскую слободы, Красный Яр, Рудню, Котово, Ильмень, Баланду, Елань, Вороновку, Самойловку, Песчанку. Занимались перевозкой соли, добытой на озере Эльтон, к саратовским и камышинским соляным магазинам (Северьянова А. А. Заселение Нижнего Поволжья украинцами // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1974. Вып. 2. С. 85—94. Волгоград. С. 38; Попов. С. 42—43).

²⁰ См. примеч. 19 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

²¹ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Текандера.

²² Ошибка. Сарепта основана в 1765 г.

²³ *Монгаммер* — Моо-Хамура (калм.) — Худой Мыс — песчаный выступ Ергенинских гор в районе железнодорожной станции Чапурники Светлоярского района.

²⁴ Ко времени посещения колонии И.-П. Фальком были возведены практически все необходимые постройки: церковь, отдельные дома для холостых мужчин и незамужних женщин, частные дома для семейных пар. Сразу же были организованы необходимые мастерские — сапожная, столярная, горшечная; пекарня, построена школа.

† † †

С.-Г. Гмелин

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОССИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРЕХ ЦАРСТВ ПРИРОДЫ

Печатается по изданию: Самуила Георга* Гмелина, доктора врачебной науки, Императорской Академии наук, Лондонского, Гарлемского и Вольного Экономии-

* Ошибка на титульном листе. Настоящее имя Гмелина — Самуил Готтлиб.

ческого обществ члена путешествие по России для исследования трех царств естества: В 3 ч. СПб., 1771—1785.

+

Самуил Готтлиб Гмелин — путешественник, натуралист, родился 23 июня 1744 г. в Тюбингене (Германия) в семье врача. В 1763 г. С.-Г. Гмелин окончил Тюбингенский университет. В 1766 г. он прибыл в Петербург по приглашению Академии наук. В 1768 г. Гмелин возглавил одну из академических экспедиций. В состав его экспедиции вошли четыре студента — Яков Ключарев, Степан Крашенинников, Иван Михайлов и Сергей Маслов, аптекарский провизор И.-Д. Луте, рисовальщик Иван Борисов, чучельник Михаил Котов, а также «охотник и достаточная команда солдат».

23 июня 1768 г. экспедиция отправилась из Санкт-Петербурга в Новгород. В 1768 г. были исследована Валдайская возвышенность. В 1769 г. Гмелин проследовал по Дону до устья, изучив «всего Дона достапамятности», затем прошел левым берегом Дона до Царицына, и Волгой отправился в Астрахань. В 1770 г. совершил путешествие в Персию. В начале 1771 г. снова появился в Астрахани, весной и летом изучал низовья Волги до Царицына, осенью и зимой через Сарпинскую низменность и Черные земли достиг реки Кума, побывал на реке Терек. В 1772 г. снова отправился в Персию в сопровождении нескольких помощников и военной команды из 40 человек. В 90 верстах от Дербента был взят в плен кайтакским ханом Усмеем, рассчитывавшим получить за него выкуп. В плену Гмелин, не выдержав тяжелых условий, заболел и умер 27 июля 1774 г. в деревне Ахметкенте.

Сочинение С.-Г. Гмелина «Путешествие по России для исследования трех царств естества» впервые было издано на немецком языке в Санкт-Петербурге в 4 частях в 1770—1784 гг. На русском языке первые три части сочинения Гмелина (четвертая не была переведена) были изданы в Санкт-Петербурге в 1771—1785 гг.

Публикуемый фрагмент, посвященный описанию Царицына, Сарепты и их окрестностей, взят составителями из второй части «Путешествия», названной «Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывания в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года». Сведения, содержащиеся в этой части, относятся к 1771—1772 гг., что позволяет говорить о том, что в данном тексте отразились все впечатления Гмелина от пребывания в упомянутых краях (Гмелин С.-Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1777. Ч. II. С. 10—53).

+

¹ 4 августа.

² См. примеч. 8 к «Путешествиям в разные азиатские земли» Дж. Белля.

³ Экспедиции Академии наук, организованные в 1760—1770-х гг., были ориентированы на систематическое изучение страны, особенно Урала, Приуралья, Алтая, Среднего и Нижнего Поволжья и ряда других территорий. В 1768 г. Академия наук организовала 5 экспедиций, официально называвшихся «физическими» и работавших по общей программе. Участвующие в них ученые проводили исследования по вопросам, входящим в круг естественных наук: о свойствах почвы и воды, о растениях, о состоянии земледелия, о промыслах и т. п. Вместе с тем со-

бирались сведения этнографического характера о населении изучаемых территорий и т. д. По названию местности, куда они направлялись, 3 экспедиции были названы Оренбургскими (возглавляли П.-С. Паллас, И.И. Лепехин, И.-П. Фальк), 2 — Астраханскими (С.-Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт).

⁴ См. примеч. 5 к «Хожению» Ф.А. Котова.

⁵ См. примеч. 10 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

⁶ В 1720 г. по распоряжению Петра I на р. Ахтуба поставили шелковичный завод, с которым связано основание села Безродного. Своим названием село обязано тому, что в нем были собраны безродные, «гулящие» люди (Богданова. С. 21; Волгоград. С. 38).

⁷ Очевидно, здесь и далее Великой Татарией С.-Г. Гмелин называет Золотую Орду; в качестве ее столицы подразумевал Сарай-Берке (см.: примеч. 6 к «Хожению» Ф.А. Котова и примеч. 11 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария, также примеч. 12 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина).

⁸ Ахмат (умер в 1481 г.) — хан Золотой Орды. В 1476 г. отправил к Ивану III посольство с требованием дани, но получил категорический отказ. В 1480 г. русские и татарские войска сошлись на реке Угре. Не получив помощи от своих союзников, Ахмат отступил с берегов Угры без сражения. Это событие впоследствии получило название «Великое стояние на реке Угре» и знаменует собой окончание монголо-татарского ига на Руси.

⁹ Возможно, имеется в виду хан Золотой Орды Джанибек (? — 1357), правил с 1341 г. Большую роль в управлении государством при Джанибеке играла ханша Тайдула.

¹⁰ Иван III Васильевич (1440—1505) — великий князь владимирский и московский с 1462 г.; дед царя Ивана IV Васильевича (Грозного) (1530—1584). Столица Золотой Орды Сарай-Берке была разрушена в 1395 г. Тамерланом, а не Иваном III, как утверждает Гмелин. При Иване III в 1480 г. Русь была освобождена от монголо-татарского ига.

¹¹ См. примеч. 2 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Текандера

¹² См. примеч. 20 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

¹³ Богда — Большое Богдо — соляной купол в северной части Прикаспийской низменности, к югу от озера Баскунчак. Высота — 149 м.

¹⁴ Баскунчак — соленое озеро в Астраханской области, к востоку от Волги. Далее С.-Г. Гмелин называет его также Соленым озером.

¹⁵ После присоединения Астрахани к России (1556) в Нижнем Поволжье создавались отдельные казачьи отряды, команды и сотни для охраны караванов, соляных и рыбных промыслов, а также гарнизоны в городах и острогах. В 1730 г. с Дона на Волгу было переселено около тысячи казацких семей. В 1750 г. был сформирован Астраханский казачий полк, поселенный на правом берегу Волги от Астрахани до Черного Яра. В 1801 г. к нему присоединили камышинскую, саратовскую и царицынские казачьи команды, а в 1804 г. — остатки волжских казаков. В 1817 г. было создано Астраханское казачье войско для несения кордонной службы по берегам Каспийского моря и в Нижнем Поволжье.

¹⁶ См. примеч. 6 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.

¹⁷ См. примеч. 4 к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».

¹⁸ Бурхан (тюрк., монг.) — тюрко-монгольская модификация термина «будда». В мифологии тюркских и монгольских народов бурхан означает любого буддийского бога вообще и его изображение.

¹⁹ Тангуты — племя, живущее в северном Тибете.

²⁰ Тузлук (татар.) — термин, используемый в Астраханском крае, чтобы обозначить рассол для соления рыбы и икры.

²¹ *Арба* (тюрк.) — повозка: в Средней Азии 2-колесная и высокая; на Кавказе и юге Украины — 4-колесная и длинная.

²² См. примеч. 8 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

²³ *Полушка* — мелкая разменная русская монета; чеканилась с XV в. из серебра; с 1534 г. — самая мелкая монета Московского государства, равная одной четвертой копейки, с 1700 г. — наименьший номинал в русской монетной системе, чеканилась из меди до 1916 г.

²⁴ См. примеч. 5 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

²⁵ *Далай-лама* — титул политического и духовного владыки тибетского народа. Далай-лама — защитник и покровитель верующих, буддийская персонификация милосердия. Титул введен в начале XV в. В описываемый С.-Г. Гмелиным период духовным авторитетом был Далай-лама VIII (Джамбал Джамцо, 1758—1804).

²⁶ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

²⁷ *Трухменские татары* — в XVIII — начале XIX в. так называли туркмен, населявших Ставропольский и Астраханский край. Предки трухмен переселились в конце XVII — начале XVIII в. с Мангышлака, отделившись от туркменских племен чоудор, игдыр и союнаджи.

²⁸ *Зайсанги* — родственники нойонов (калмыцкая верхушка), владевшие оймаками, то есть несколькими близкими хотонами (селоми из родственных семей).

²⁹ *Хо-Орлок* — деятель калмыцкой истории конца XVI — первой половины XVII в. При нем калмыки пришли к Волге и прочно расселились на приволжских территориях. Астраханские калмыки, равно как и ставропольские, донские, приуральские, принадлежали к западной ветви монгольской народности. Некогда они жили в Джунгарии, входя в один общий Ойратский союз, но в начале XVII в. выдвинулись из него.

³⁰ *Мунгалия* — искаженное Монголия.

³¹ См. примеч. 6 к «Путешествию китайского посланника к калмыцкому Аюке хану».

³² *Магометанский закон* — ислам.

³³ *Астраханские татары* — потомки ногайско-татарского населения Золотой Орды, живут в дельте Волги в районе Астрахани. В культуре и быту много степных скотоводческих традиций; основные занятия — скотоводство и бахчеводство.

³⁴ *Дудаки* — дрофы.

³⁵ *Елтонское озеро* — искаженное название озера Эльтон. Эльтон — солоноватое озеро на севере Прикаспийской низменности в Волгоградской области.

³⁶ См. примеч. 23 к «Запискам» И.-П. Фалька.

³⁷ *Меренские братья* — очевидно, неточное название моравских братьев. Основным отличием Сарепты от других немецких колоний, возникших в Поволжье во второй половине XVIII в., было то, что ее жители принадлежали к одному религиозному братству. Родоначальниками этой общины были последователи Яна Гуса, изгнанные из Богемии и Моравии. В 1456 г. они перешли в Польшу, где образовали евангелическое братство, назвав себя «богемскими», или «моравскими», братьями. Тридцатилетняя война привела к практически полному их уничтожению. Братство было воссоздано вновь только в начале XVIII в. (*Сарепта*. С. 3).

³⁸ См. примеч. 5 к «Запискам» И.-П. Фалька.

³⁹ Сарепта не входила в единую систему управления поволжскими иностранцами. Канцелярия опекунства иностранных была учреждена 22 июля 1762 г. В апреле 1765 г. агент Евангелического общества Аугсбургского исповедания П.К. Фриз подал в Канцелярию опекунства иностранных прошение о создании в Астраханской губернии селения на следующих условиях: учреждать внутреннюю полицию, чинить суд и расправу по российским законам, беспрепятственно получать паспорта через своих старшин, иметь внутреннее самоуправление. 27 марта 1767 г.

сарептскому Евангелическому обществу была дарована жалованная грамота на следующих условиях: общество поддерживает контакт с губернатором исключительно через Канцелярию, которую нужно было извещать обо всех распоряжениях по сарептскому самоуправлению, а Канцелярия подобную информацию доводила до астраханского губернатора. 30 апреля 1766 г. была учреждена Саратовская контора Канцелярии опекунов иностранцев, ведавшая поволжскими иностранными колонистами (*Вашкау Н.Э.* Школа в немецких колониях Поволжья 1764—1917 гг. Волгоград, 1998. С. 19; *Плеве.* С. 233).

⁴⁰ 11 февраля 1764 г. был подписан указ, в котором оговаривались права моравских братьев владеть землей и дробить ее по своему усмотрению внутри общины, но не продавать и не передавать никому другому за ее пределы. Были оговорены тридцатилетние льготы от податей, освобождение от военной и гражданской службы, свободный выезд за границу, строительство сел, церквей, училищ и т. д. (*Вашкау.* С. 10—11; *Сарепта.* С. 4, 31, 67—76).

⁴¹ Кирха была заложена в 1771 г. Во время закладки в фундамент была положена медная табличка со следующими словами: «В правление Ее Величества императрицы Екатерины II здесь заложено основание нового церковного зала Евангелической братской общины в Сарепте 1/12 мая 1771 года». 3 сентября 1772 г. церковь освятили. С.-Г. Гмелин присутствовал на торжественном обеде. В честь этого события были произведены выстрелы из сарептских пушек. Братья исполнили хоралы и сонаты на духовых инструментах (*Попов.* С. 14).

⁴² Из глины, добывавшейся на берегах Сарпы, сарептяне изготавливали очень прочный кирпич и черепицу. Камень для строительства добывали у сел Антиповка и Нижняя Добринка, на меловых горах волжского побережья (*Попов.* С. 35).

⁴³ *Ильмени* — мелкие, заросшие камышом озера, образованные родниками в равнинной части калмыцких степей.

⁴⁴ См. примеч. 23 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

⁴⁵ *Гонт* — кровельный материал, представляющий собой клиновидные дощечки (еловые, сосновые и др.) с продольным пазом в толстой кромке (торце).

⁴⁶ В 1770 г. у нижнего источника, который первоначально использовался для подачи воды в Сарепту, поселились несколько семей из Сарепты и других колоний и образовали хутор Шенбрун (*Попов.* С. 12—13).

⁴⁷ См. примеч. 24 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

⁴⁸ См. там же. Примеч. 22.

⁴⁹ См. там же. Примеч. 21.

⁵⁰ *Аугсбургское исповедание* — исторически первый документ лютеранства, официально формулирующий его основные положения. Составлен Ф. Меланхтоном и М. Лютером, представлен в 1530 г.

⁵¹ *Священное писание* — Библия.

⁵² *Дом братьев* — общественное заведение в Сарепте, где находилось училище для мальчиков и проживали холостые мужчины (*Сарепта.* С. 40).

⁵³ *Дом сестер* — общественное заведение в Сарепте, подобное дому братьев. Там находилось училище для юных девиц и проживали незамужние сестры гернгутского братства (*Сарепта.* С. 40).

⁵⁴ *Литургия* (греч.) — христианское богослужение, на котором совершается таинство причащения или евхаристии.

⁵⁵ Получив право учреждать собственные публичные училища, сарептяне в 1772 г. создали школу для мальчиков, а в 1773 г. — для девочек. В том же, 1773 г. открылась школа для взрослых работников и их детей, в 1788 г. — 2-классная, а в 1793 г. — 3-классная школы. Учителя в первые годы приглашались из Германии, а затем ими стали сыновья колонистов, закончившие университеты Дерпта, Санкт-

Петербурга, Москвы и Казани. Многие специально отправляли своих детей учиться в Сарепте. Местная школа готовила так основательно, что многие выпускники без дополнительной подготовки поступали в университеты Германии. В училище для мальчиков преподавали следующие предметы: закон Божий, всеобщая и российская история, немецкая, русская, французская и латинская грамматика, арифметика, география и основы геометрии, основы естествознания, чистописание, рисование и музыка. В училище для девочек — закон Божий, история и немецкая грамматика, арифметика и география, рисование, чистописание и музыка, женские рукоделия (Сарепта. С. 40; Попов. С. 52—53; Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья. С. 24—25).

⁵⁶ *Литания* (греч.) — краткая молитва, которая поется или читается во время торжественных религиозных процессий.

⁵⁷ *Евхаристия* (греч.) — причащение. Одно из таинств христианской церкви, во время которого верующие вкушают хлеб и вино, в которых воплощены кровь и тело Христовы.

⁵⁸ Выбор невесты определялся в колонии по жребию. За первые 100 лет соотношение рождаемости и смертности в Сарепте составляло 50:49. Сарепта по числу жителей во многом отстала от других колоний. Причина заключалась в регламентации семейно-брачных отношений. Многие холостяки и старые девы ушли из жизни, не получив права на брак. Следует заметить, что жеребьевка играла большую роль в принятии решений в Сарепте. Случайный результат, получаемый при жеребьевке, воспринимался как ответ Господа Бога на молитвы сарептян (Вашкау. С. 11; Попов. С. 9—10, 41).

⁵⁹ *Синод* — высший церковный орган, ведавший делами гернгутских братских общин.

⁶⁰ *Епископ* — в отличие от католиков и православных у протестантов титул епископа не является пожизненным, его присвоение есть не таинство священства, а назначение или избрание на должность.

⁶¹ Название речки Сарпы, возле которой расположилась колония, очевидно, напомнило моравским братьям слова Господа, обращенные к пророку Илие: «Встань, и пойдя в Сарепту Сидонскую, и оставайся там; Я повелел там женщине вдове кормить тебя» (3 Цар. 17:9). Сарепта Сидонская — древний финикийский город к северу от Тира. С.-Г. Гмелин отсылает читателя к другому упоминанию Илие и Сарепты Сидонской в Библии (Лк. 4:26).

⁶² См. примеч. 8 к «Путешествию» Хуана Персидского.

⁶³ См. примеч. 6 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

⁶⁴ См. примеч. 11 к «Запискам» И.-П. Фалька.

⁶⁵ См. примеч. 19 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

⁶⁶ *Бабы-птицы* — пеликаны.

⁶⁷ См. примеч. 28 к «Золотаревскому летописцу».

⁶⁸ См. там же. Примеч. 29.

⁶⁹ См. там же. Примеч. 3.

⁷⁰ *Буксбаум Иоганн Христиан* (1694—1730) — родился в Мерзенбурге (Саксония), изучал ботанику в Лейпцигском, Виттенбергском, Йенском и Лейденском университетах. Был приглашен в Россию Петром I. Занимался разведением аптекарского сада, читал лекции, совершил ряд экспедиций в Поволжье и Сибирь с целью изучения местной флоры. В 1724 г. избран академиком Петербургской Академии наук.

⁷¹ *Габлиц Карл Иванович* (1752—1821) — сенатор, тайный советник, писатель, основатель лесных училищ в России. В 1768 г. семейство Габлиц познакомилось с С.-Г. Гмелиным. Последний предложил К.И. Габлицу сопровождать его в своей экс-

педиции, которое тот с удовольствием принял. В путешествии у Габлица обнаружись способности к естественным наукам, особенно к ботанике.

⁷² *Михаил Федорович* (1596—1645, правил с 1613 г.).

⁷³ См. примеч. 15 к «Золотаревскому летописцу».

⁷⁴ *Ингерманландия* (швед.) — название Ижорской земли, исторической области, находящейся на берегах Невы и юго-западном Приладожье и населенной ижорой.

⁷⁵ См. биографическую справку к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

† † †

И.-Г. Георги

ОПИСАНИЕ ВСЕХ ОБИТАЮЩИХ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ НАРОДОВ

Печатается по изданию: Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч. II. О народах татарского племени... Ч. IV. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных казаков, также история о Малой России и купно о Курляндии и Литве.

+

Иоганн Готлиб Георги (1729—1802) — путешественник, этнограф, доктор медицины (изучал медицину в Упсальском университете в Швеции). В Россию приехал в 1770 г. по приглашению Петербургской Академии наук. Тогда же был назначен в Оренбургскую экспедицию в помощь И.-П. Фальку. В июне 1770 г. Георги выехал из Петербурга через Москву в Астрахань, по пути посетил Царицын. В 1773 г., участвуя в экспедиции П.-С. Палласа, снова побывал в Царицыне (Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. С. 4; Ч. IV. С. 65—66, 217—218).

На основании своих записей, сочинений других путешественников, в том числе С.-Г. Гмелина, П.-С. Палласа, И.И. Лепехина, а также изданных им записок И.-П. Фалька после смерти последнего Георги составил описание народов, живущих в России.

Первое издание «Описания» вышло в Петербурге в 1776—1780 гг. в 4 выпусках на немецком языке. На русский язык были переведены первые три выпуска (СПб., 1776—1777); 2-е издание вышло в 4 частях (СПб., 1799).

+

¹ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

² На территории современного Волгограда на правом берегу балки Сухая Мечетка находится Мечетное городище — археологический памятник XIV—XV вв. Раскопки здесь вели А.А. Ширинский-Шихматов, Ф.В. Баллод и др. Памятники разрушены современной застройкой, часть материалов попала в Волгоградский обла-

стной краеведческий музей (Памятники и памятные места Волгограда. Волгоград, 1991. С. 85).

³ Ошибка. Сарепта основана в 1765 г.

⁴ См. примеч. 6 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.

⁵ У калмыков колонисты покупали мясо, шерсть, кожу, скот, лошадей, у татар — пшеницу, горчицу, овес, у русских крестьян — пшеницу, сено, ячмень, у проезжих украинцев — соль, рыбу. Колонисты продавали сарпинку, чулки, посуду, махорку, сладости, печеный хлеб, пряники, веревки, деготь, мыло, бальзам, пиво, горчичное масло, металлические изделия (Попов. С. 20—21).

⁶ *Атаман* — высший начальник казачьего войска (войсковой, наказный, походный, кошевой), руководитель казачьей административно-территориальной единицы (окружной, отдела, станичный, хуторской) или командир подразделения (куренной).

⁷ См. примеч. 6 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

⁸ В XVI в. на Волге из беглых служилых людей образовались казачьи общины. В 1733—1734 гг. в связи с возведением Царицынской укрепленной линии было создано Волгское (Дубовское) казачье войско с центром в Дубовке. Волжские казаки участвовали в восстании Е.И. Пугачева, после чего Волгское казачье войско было ликвидировано. В 1770—1777 гг. значительная часть казаков была переселена на Терек, составив Волгский полк Терского казачьего войска. В начале XIX в. оставшаяся часть казаков была присоединена к Астраханскому казачьему войску.

⁹ См. примеч. 3 к «Золотаревскому летописцу».

¹⁰ См. примеч. 11 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

¹¹ См. примеч. 15 «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

† † †

П.-Г. Паллас

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Печатается по изданию: Петра Симона Палласа, медицины доктора, натуральной истории Профессора Санктпетербургской императорской Академии наук и Вольного Экономического общества, Римской императорской Академии, Королевского Английского собрания и Берлинского естествоиспытательного общества члена путешествие по разным провинциям Российского государства / Пер. В. Зуева. СПб., 1788. Ч. III. 2 половина (1772—1773 гг.).

†

Петр Симон Паллас — ученый второй половины XVIII в., стоящий в одном ряду с выдающимися естествоиспытателями — шведом Карлом Линнеем (1707—1778) и французом Жоржем Луи Леклерком Бюффеном (1707—1788). Специальностью Палласа была зоология, но он много сделал и в области ботаники, физической географии, геологии, палеонтологии и этнографии. В круг его интересов входили также археология, медицина, сельское хозяйство и даже филология.

По характеристике Николая Алексеевича Северцова (1827—1885), русского зоолога, зоогеографа и путешественника, П.-С. Паллас по точно-

сти и эффективности используемых им научных методов был скорее ученым XIX, а не XVIII в. Это подтверждается также смелостью и широтой научных взглядов П.-С. Палласа.

Паллас родился 22 сентября 1741 г. в Берлине, в семье врача-хирурга, профессора Берлинской медицинской коллегии. Отец его был родом из Пруссии, мать — француженка. В 1754 г., в возрасте 13 лет, получив основательное домашнее воспитание, он поступил в Берлинскую медико-хирургическую коллегию, где учился до 1758 г. После этого продолжал изучать медицину и естественные науки в Галле, затем в Голландии (в Лейдене) и в Англии.

В Россию П.-С. Паллас приехал в 1767 г. по приглашению Академии наук. К этому времени ему исполнилось 26 лет. Более 40 лет своей последующей научной деятельности Паллас посвятил России, которая стала его второй родиной. Прославился он более всего как путешественник, объездив в течение шести лет (1768—1774) юго-восточную часть России и Сибирь, вплоть до границ с Китаем, изучив и описав эти места с позиции истории, географии, экономики, геологии, зоологии, ботаники и этнографии.

Экспедиция началась 21 июня 1768 г., когда П.-С. Паллас выехал из Петербурга в сопровождении жены и сотрудников, среди которых были студенты Академического университета, в том числе Василий Федорович Зуев (1754—1794), будущий академик (1787), для которого Паллас разработал в 1771 г. отдельный маршрут путешествия на Север. В 1773 г. члены экспедиции, направившись на запад, через Томск, Сарapul, Бузулук, Уральск, добрались до Царицына и оттуда совершили путешествие на озера Эльтон и Баскунчак, гору Богдо, после чего через Тамбов и Москву вернулись в Петербург 30 июля 1774 г.

В ходе экспедиции были обследованы Среднее и Нижнее Поволжье, Заволжье, Урал, Зауралье, Алтай, Западная Сибирь, юг Восточной Сибири и Забайкалье. Ее результатом стали многочисленные сочинения по географии, ботанике, зоологии, которые были опубликованы на латинском, немецком и русском языках в Петербурге и Лейпциге.

Скончался П.-С. Паллас 12 сентября 1811 г. (*Маракуев В.* Петр Симон Паллас, его жизнь, учения, труды и путешествия. М., 1877. С. 7—10, 25, 61, 187—190, 194; *Райков Б.Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: Материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л., 1952. Т. I. С. 42—105; *Он же.* Предшественники Дарвина в России: Из истории русского естествознания. Л., 1956. С. 2).

Кроме Царицына, Паллас посетил и Сарепту (*Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III. 2 половина. С. 137, 139 154—169, 187—190, 202—206).

+

¹ 24 июня.

² См. примеч. 28 к «Золотаревскому летописцу».

³ По почтовому тракту несли караульную службу казаки. Казачьи караулы помещались при почтовых станциях и назывались подставами. Они укреплялись земляным валом и рвом. Между Царицыном и Черным Яром таких подстав было пять: Татьянаовская, Поповицкая, Золотникова, Каменская, Мазанская (*Волгоград*. С. 40).

⁴ См. примеч. 17 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

⁵ См. примеч. 15 к «Запискам» И.-П. Фалька.

⁶ *Батага* — рыболовецкая артель.

⁷ См. примеч. 6 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.

⁸ См. примеч. 4 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

⁹ *Пугачев Емельян Иванович* (1740 (1742) — 1775) — донской казак, предводитель крупного восстания в Поволжье (1773—1774). Казнен в Москве.

¹⁰ См. примеч. 37 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹¹ См. там же. Примеч. 61.

¹² См. там же. Примеч. 41.

¹³ См. там же. Примеч. 52, 53, 58.

¹⁴ Табак привезли на Волгу переселенцы из Голландии, поселившиеся в колонии Катариненштадт. Эта культура получила довольно быстрое распространение. В первые годы после приезда немецкие колонисты производили табак для внутреннего употребления, продавали небольшое количество калмыкам и на единственную в Поволжье фабрику в Сарепте. Ее продукция высоко ценилась и продавалась в Москве, Петербурге, Таганроге, Астрахани и на Украине, одно время она поступала на рынок Персии и Турции. С 1775 г. разведению табака стали уделять особое внимание и всячески способствовали организации табачных плантаций. Фабрика в Сарепте работала на полную мощность. Удар по табачной промышленности Сарепты нанес пожар 1823 г., уничтоживший все запасы табака (*Сарепта*. С. 30—31; *Плеве*. С. 188—189).

¹⁵ См. примеч. 21 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

¹⁶ См. там же. Примеч. 24.

¹⁷ См. примеч. 46 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹⁸ См. примеч. 19 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

¹⁹ В ходе восстания Е.И. Пугачева Сарепте был нанесен наибольший ущерб. С 8 августа через Сарепту на Астрахань двинулись беженцы из Саратова, рассказывавшие ужасные истории о зверствах Пугачева. 17 августа в Сарепте появился посыльный с наказом царицынского коменданта начать эвакуацию. В тот же день на 10 рыбацких лодках в Астрахань были эвакуированы 110 женщин и детей, некоторые семьи отправились туда пешком. В Сарепте осталось 65 мужчин, разделившихся на две части. Одна из них прятала имущество, другая занималась укреплением колонии. 21 августа было получено известие о том, что отряды Пугачева подошли к Царицыну, а один из них движется к Сарепте. В тот же день вечером оставшиеся колонисты спешно покинули колонию, сопровождая подводы с ценным имуществом. Колония была разграблена и сожжена. После получения известия о поражении Пугачева 14 сентября колонисты смогли вернуться на пепелище своих домов (*Волгоград*. С. 42; *Попов*. С. 24; *Плеве*. С. 159—161).

²⁰ См. примеч. 39 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

²¹ См. примеч. 20 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

²² Каждая группа сарептян называлась хором (*Попов*. С. 41).

²³ См. примеч. 20 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

²⁴ *Святая неделя* — первая неделя после Пасхи.

²⁵ См. примеч. 54 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

²⁶ *Причащение* — то же, что евхаристия (см. примеч. 57 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина).

²⁷ *Пономарь* (греч.) — православный церковнослужитель низшего ранга; звонил в колокола, зажигал в храме свечи и лампады, прислуживал при богослужении. Должность пономаря была упразднена в XIX в.

²⁸ *Тромпеты* — трубы.

²⁹ См. примеч. 23 к «Запискам» И.-П. Фалька.

- ³⁰ *Быков Иван* — студент Академического университета.
- ³¹ *Соколов Никита Петрович* (1742—1795) — студент Академического университета, в будущем — академик, химик и медик.
- ³² *Кашкарев Степан* — студент Академического университета.
- ³³ *Монгульские народы* — правильно «монгольские».
- ³⁴ *Моздок* — город в Северной Осетии, на реке Терек. Основан в 1763 г.
- ³⁵ См. примеч. 11 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.
- ³⁶ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.
- ³⁷ *Красноярск* — город в Сибири, краевой центр. Основан в 1628 г. как острог Красный Яр на левом берегу Енисея.
- ³⁸ См. примеч. 13 к «Запискам» И.-П. Фалька.
- ³⁹ См. примеч. 3 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.
- ⁴⁰ *Пажить* (устар.) — то же, что и пастбище.
- ⁴¹ См. примеч. 4 к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».
- ⁴² *Мечетная* (Мечетка) — деревня Царицынского уезда, находилась недалеко от Царицына. В воспоминаниях бывшего саратовского губернатора А.М. Фадеева (1840-е гг.) говорится, что около этого селения сохранились развалины с целевшими тогда еще частями стен, остатками кирпичей, а также попадаются золотые и серебряные вещи. Там же находился зверинец, состоявший в ведении Царицынского интенданта, из которого по указу 1739 г. в Москву ежегодно доставляли живых кабанов, диких коз и куропаток. В 1890-х гг. ни старинных развалин, ни зверинца уже не было. Одноименное название носили реки Мокрая и Сухая Мечетка, впадающие в Волгу с правой стороны (незначительны по протяженности, слабы по водотoku); их скорее можно назвать балками, чем реками (*Минх.* Т. I. Вып. 3. С. 626; Нижнее Поволжье: Социально-экономическая справочная книга. Сталинград, 1934. С. 12).
- ⁴³ См. примеч. 7 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.
- ⁴⁴ *Орать* (устар.) — пахать.
- ⁴⁵ См. примеч. 12 к «Запискам» И.-П. Фалька.
- ⁴⁶ См. примеч. 6 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.
- ⁴⁷ См. примеч. 11 к «Запискам» И.-П. Фалька.
- ⁴⁸ Успешно выращивали виноград в Сарепте, в основном, «венгерские» и «рейнские» сорта. Виноград отправляли в Москву в бочонках с просом. В Царицыне сарептский виноград ценился выше, чем донской или астраханский (*Когитин.* С. 17).
- ⁴⁹ См. примеч. 19 к «Запискам» И.-П. Фалька.
- ⁵⁰ См. примеч. 2 к «Описанию всех обитающих в Российском государстве народов» И.-Г. Георги.
- ⁵¹ *Караван-сарай* (персид.) — буквально дом караванов. Постоялый и торговый двор в городах и на дорогах Ближнего Востока, Средней Азии, Закавказья.
- ⁵² См. примеч. 5 к «Хожению» Ф.А. Котова.
- ⁵³ Имеется в виду столица Золотой Орды — Сарай-Берке (см. примеч. 6 к «Хожению» Ф.А. Котова и примеч. 11 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария).
- ⁵⁴ *Мориссон Роберт* (1620—1683) — английский ботаник, профессор Оксфорда, автор «*Plantarum historia universalis*» (1680—1699).
- ⁵⁵ См. биографическую справку к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.
- ⁵⁶ См. примеч. 1 к «Хожению» Ф.А. Котова.

† † †

Я. Потоцкий

ПУТЕШЕСТВИЕ В АСТРАХАНЬ И ОКРЕСТНЫЕ СТРАНЫ

Печатается по изданию: Потоцкий Я. Путешествие в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 303—328.

†

Ян Потоцкий (1761—1815) — известный польский ученый, историк, лингвист, географ, этнограф, археолог и естествоиспытатель, почетный член Российской Академии наук, яркий представитель французского Просвещения. Во времена правления Александра I служил в России в Министерстве иностранных дел. Я. Потоцкому принадлежит более 20 больших трудов, написанных в основном на французском языке. Широкую известность приобрел его роман «Рукопись, найденная в Сарагосе».

Впервые данное путешествие было опубликовано в «Северном архиве» (1828. № 1—2). Текст этого издания был перепечатан в Астраханском сборнике. В 1829 г. ученик и друг Я. Потоцкого, известный ориенталист Г.Ю. Клапрот издал его сочинение в Париже (*Соснина Е.П.* Астраханский край в записках западноевропейских путешественников // Астраханский край: История и современность: К 280-летию образования Астраханской губернии. Астрахань, 1997. С. 26—27).

Упоминание Царицына и Сарепты относится к маю 1797 г. (Астраханский сборник... С. 307—309).

†

¹ 26 мая.

² См. примеч. 3 к письму Х. Бэрроу.

³ *Страбон* (ок. 64—63 гг. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) — греческий историк и географ. В своем труде «Географии» (17 книг) описал известные ему земли. Труд Страбона интересен не только с географической, но и с исторической, мифографической и культурно-исторической точек зрения.

⁴ *Геродот* (ок. 484—425 гг. до н.э.) — греческий историк, которого Цицерон удостоил почетного имени «отец истории». Автор «Истории греко-персидских войн», в которой помимо описания собственно военных действий, дается обзор предшествующей истории Персидской державы, Ассирии, Вавилонии, Египта, Скифии и Древней Греции.

⁵ *Птолемей Клавдий* (после 83 г. — после 161 г.) — выдающийся античный астроном, математик, географ и астролог. Разработал так называемую геоцентрическую систему мира, согласно которой все видимые движения небесных светил объяснялись их вращением вокруг неподвижной Земли. Основной труд — «Великое математическое построение астрономии в XIII книгах» («Альмагест»), являвшийся до середины XVI в. образцом изложения всей совокупности астрономических знаний.

⁶ О строительстве канала между Волгой и Доном см. примеч. 3 к «Запискам» И.А. Желябужского, биографическую справку к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе» и примеч. 9 к мемуарам А. Дюма.

⁷ *Овидий Публий Назон* (43 г. до н. э. — ок. 18 г. н. э.) — римский поэт, автор сборника «Любовные элегии», книг «Наука любви» и «Лекарства от любви» и др.

⁸ Царицын сильно пострадал от пожаров, произошедших в 1791 и 1793 гг., а городское предместье практически полностью выгорело.

⁹ Граница между Европой и Азией условно проводится по восточным подножиям Урала, рекам Эмба, Кума, Маныч, Каспийскому, Азовскому, Черному морям, проливам Босфор и Дарданеллы.

¹⁰ См. примеч. 20 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

¹¹ См. примеч. 37 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹² См. примеч. 21 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

¹³ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Текандера.

¹⁴ См. примеч. 21 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹⁵ См. примеч. 5 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.

† † †

А.В. Салтыков

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА В САРЕПТУ

Печатается по изданию: Салтыков А.В. Записки путешественника в Сарепту (Журнал графа С-ва) // Памятник отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827. С.47—80.

†

Записки камергера графа Алексея Владимировича Салтыкова (умер в 1802 г.) были опубликованы в альманахе «Памятник отечественных муз». В записках описывается путешествие компании восьми человек, в сопровождении двух провожатых, на воды в Сарепту. Из Москвы путешественники выехали 26 июня 1797 г.

Описание Царицына и Сарепты относится к августу 1797 г. (*Салтыков А.В. Записки путешественника в Сарепту. С. 47, 65—80*).

†

¹ 14 августа.

² *Праздник Успения Пресвятой Богородицы* — один из двенадцатых праздников в православии. Отмечается 15 августа как день кончины Богородицы.

³ Религиозные устои братства гернгутеров были очень жесткими. Внутренняя жизнь колонии шла по заведенному распорядку. Неустанный труд во благо общины, жизнь в так называемых корпорационных домах братьев и сестер, строгое соблюдение церковной службы не оставляли места для проявления личных интересов. Однако А.В. Салтыков один из немногих мемуаристов, на которого Сарепта произвела гнетущее впечатление (*Вашкау. С. 11*).

⁴ См. примеч. 6 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.

⁵ См. примеч. 42 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

⁶ См. примеч. 25 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина и примеч. 48 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.

⁷ *Рай-дерево* — дикорастущий кустарник.

⁸ См. примеч. 20 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

⁹ *Фик* (или *Фиг*) *Даниэль*, по другим источникам — Генрих Фик. В августе 1765 г. на берега Сарпы прибыли первые поселенцы под руководством Эриха Вестмана и

Даниэля Фика. 14 сентября начались первые строительные работы, а 11 октября колонисты вселились в первый дом. В сентябре 1766 г. прибыла вторая партия с колонистами в количестве 51 человек. К тому времени стояли уже 14 домов, была распланирована территория колонии, распаханы огороды и посажена озимая рожь. К осени 1768 г. прибыла третья партия, а в январе и ноябре 1769 г. — еще две, так что население колонии составляло уже 200 душ (Попов. С. 10—11; Плева. С. 160).

¹⁰ См. примеч. 37 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹¹ Одной из основных целей братства гернгутеров являлось миссионерство среди язычников в тех местах, где нет миссий других исповеданий. С 30-х гг. XVIII в. община предпринимала попытки миссионерской деятельности в России среди языческих народов русского Севера. Но все окончилось неудачно. После обоснования в Сарепте колонисты вели активную миссионерскую деятельность среди калмыков. Они занимались организацией помощи калмыкам, изучением калмыцкого языка, проживали среди калмыков, проповедовали среди них свое учение. С начала XIX в. сарептяне занялись калмыцкой письменностью. Академик Я.Я. Шмидт (1779—1847), крупный востоковед, член Сарептского братства, перевел Евангелие на калмыцкий язык и издал его в Петербурге в 1814 г., опубликовал грамматику калмыцкого языка. В 1815 г. миссионеры раздавали Евангелие среди калмыков, а в 1822 г. была основана небольшая колония калмыков из нескольких семей. Однако большого успеха миссионерская деятельность сарептян не имела и к середине XIX в. замерла (Попов. С. 16—18, 53, Сарепта. С. 3—4).

¹² См. примеч. 14 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.

¹³ См. примеч. 58 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹⁴ В 1769 г. сарептский врач И. Вир в 9 км от Сарепты обнаружил и обследовал минеральные источники, на основе которых впоследствии был открыт курорт с минеральными и грязевыми ваннами. Минеральная вода получила название «Ергенинская» (источник был обнаружен на склонах Ергенинской возвышенности). Из 32 минеральных источников самый мощный был назван Екатерининским, давал 10 тыс. л воды в час. Оборудование источников было примитивным. Железные трубы были проведены от источника к четырем ваннам. Каждая ванна находилась в отдельной комнате, разделенной надвое: в одной части стояла ванна, в другой — кровать для отдыха. Вокруг источника было выстроено 8 домов для обслуживающего персонала. Больные ездили сюда из Сарепты на лошадях (Попов. С. 21—22).

¹⁵ См. примеч. 53 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹⁶ Имеется в виду английский художник Уильям Хогарт (1697—1764), особую известность которому принесли реалистичные изображения жанровых сценок из жизни улицы и английского простонародья.

¹⁷ Имеется в виду Великая французская революция (1789—1794).

¹⁸ *Олонцы* — вероятно, уроженцы карельского города Олонец (известен с 1137 г.), расположенного на реке Олонка.

¹⁹ В 1763—1780 гг. астраханским губернатором был Никита Афанасьевич Бекетов (1729—1794). После выхода в отставку поселился в собственном поместье Отрада, находившемся между Царицыном и Сарептою.

ГЛАВА V. ЦАРИЦЫН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

† † †

А.Ф. Воейков

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ САРЕПТЫ НА РАЗВАЛИНЫ ШЕРИ-САРАЯ

Печатается по изданию: Воейков А.Ф. Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой орды // Собрание новых русских сочинений и переводов в прозе, вышедших в свет с 1823 по 1825 год. СПб., 1826. Ч. 2. С. 200—226.

†

Александр Федорович Воейков (1777 (1779) — 1839) — поэт, критик, журналист. Был издателем «Сына отечества», «Русского инвалида», «Новостей литературы», «Славянина», «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”». Одно из наиболее известных произведений Александра Федоровича — сатира «Дом сумасшедших» (*Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 72—73)

В 1813 г. по пути на Кавказ А.Ф. Воейков остановился в Сарепте, чтобы совершить путешествие на развалины Шери-Сарая (Новый Сарай). Путешествие началось в устье реки Сарпы, откуда автор на военном судне отправился по Волге «к Царевым Падам, на берега Ахтубы». Описывая свое путешествие, А.Ф. Воейков упомянул и Царицын (*Воейков А.Ф.* Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая. С. 203, 205).

†

¹ Имеется в виду Успенский собор — каменная соборная церковь, построенная в 1718 г.

² *Расшива* — быстроходное плоскодонное судно на Волге и Каспийском море. На единственной мачте судна подымались два паруса: нижний — большой и верхний — малый.

† † †

Г.В. Гераков

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ ПО МНОГИМ РОССИЙСКИМ ГУБЕРНИЯМ

Печатается по изданию: Гераков Г.В. Путевые записки по многим российским губерниям. Пг., 1828.

†

Гавриил Васильевич Гераков (1775—1838) — статский советник, петербургский учитель истории, писатель. Автор целого ряда сочинений:

«Герои русские за 400 лет», «Вечера молодого грека», «Твердость духа некоторых россиян» и др. Сын грека из Морей, Г.В. Гераков родился в Москве, воспитывался там же в Греческом корпусе с 1783 г. Из корпуса он был выпущен в 1791 г. поручиком и остался при этом учебном заведении преподавателем. С 1 января 1797 г. Гераков переведен в Первый Кадетский корпус учителем истории. По прошению он был уволен из корпуса в 1809 г., в феврале 1812 г. снова поступил на службу в канцелярию Министерства финансов.

17 апреля 1820 г. за усердную службу Г.В. Гераков был награжден 3 000 р., весной того же года он взял отпуск и отправился в путешествие по России (которое впоследствии и описал). До 1820 г. Гераков никогда не выезжал из Петербурга и решил отправиться в путь только по просьбе некоего Г.В.Д. 2 июня 1820 г. он выехал из Петербурга на почтовых и находился в этой поездке до 26 января 1821 г., исполняя некоторые поручения министра юстиции.

Дневник, изданный в 1828 г., содержит описание путешествия автора в 1820 г. на Северный Кавказ, Кубань и в Крым. Гераков сообщает краткие сведения о таких городах, как: Рыбинск, Ярославль, Кострома, Казань, Саратов, Астрахань, Владикавказ, Екатеринодар, Симферополь и др. Свое сочинение он посвятил «почтеннейшему, нежнейшему полу». Продолжение записок за 1820 г. и начало 1821 г. было издано в Петербурге в 1830 г.

В отрывках сочинение Г.В. Геракова было опубликовано в журнале «Северный архив» (1823. Ч. 5. № 1) под заглавием «Путешествие к Кавказским водам, по Кубанской линии и в Тамань».

Упоминание Царицына и Сарепты относится к июлю 1820 г. (*Гераков Г.В. Путевые записки по многим российским губерниям. С. 43—47*).

¹ См. примеч. 12 к «Запискам» И.-П. Фалька.

² *Полицмейстер* (полицемейстер, нем.) — в России с 1782 г. начальник полиции губернского города, ему подчинялись частные приставы.

³ *Городничий* — в России XVI—XVII вв. то же, что городской приказчик; в 1775—1862 гг. — глава административно-полицейской власти уездного города.

⁴ *Кадетские корпуса* — средние общеобразовательные закрытые военно-учебные заведения. В России первый кадетский корпус был открыт в 1732 г.

⁵ См. примеч. 18 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

⁶ Перед отъездом Петр I подарил городу и его жителям свою трость и картуз. Картуз с козырьком и заворотом, шелковой подкладкой был сшит из толстого серого сукна. Трость была сделана из персидского вяза, сучковатая, довольно толстая в объеме и поэтому напоминающая дубинку, длиной 164 см. Вещи до 1809 г. находились в комендантской канцелярии, затем в городском магистрате, впоследствии в городской думе. В советской время реликвии попали в областной краеведческий музей (*Леопольдов. С. 87; Терещенко. С. 153; Волгоград. С. 37*). Трость и картуз стали одной из основных достопримечательностей Царицына (см., напр.: *Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге от Твери до Астрахани. Н. Новгород, 1902. С. 309; Путеводитель по Волге от Рыбинска до Астрахани. М., 1908. С. 132; Андреев Н. Иллюстрированный путеводитель по Волге и ее притокам Оке и Каме. М., 1910. С. 262; Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге с приложением. Одесса, 1910. С. 289; Тарапыгин Ф.А. Волга-матуш-*

ка: Образовательное путешествие по Волге. Пг., 1914. С. 196 и др.), которую охотно демонстрировали проезжающим. Упоминания об этих раритетах неоднократно встречаются на страницах воспоминаний, посвященных этому городу (см., например, записки В.И. Беккера, Л.А. Ухтомского, В.М. Сидорова, К.А. Скальковского, А. Глазкова и др.).

⁷ *Протопоп* — обиходное название протоиерея (старший православный священник, настоятель соборной церкви).

⁸ Легенда о происхождении названия города от титула дочери Батыя, погибшей на берегах Царицы, была достаточно популярной в XVIII—XIX вв. Исследователь истории Саратовского края А.Ф. Леопольдов передает эту легенду следующим образом: «...небольшая речка, при устье коей стоит Царицын, названа Царицею от дочери Батыя, Царя Золотой Орды; Царевна, быв убеждена по какому-то случаю в нелепости язычества, и истине и святости христианской веры, бежала и хотела креститься; но, при истоке оной, гонцами отца своего была поймана и предана, по повелению его, лютой казни. Не стало дочери Царя Ордынского; но память варварского события сохранилась в названии сей речки». Однако у этой версии среди современников были и критики. В настоящее время наиболее распространенной является версия, что происхождение названия реки Царицы связано, вероятнее всего, с тюркским словом «сары-су» — «желтая, мутная вода», переосмысленным по звуковому сходству в «Царицу». А название Царицына произошло, видимо, от наименования реки Царицы. Название города и острова, на котором он первоначально располагался, произошло от тюркского слова «сарычин» — «желтый остров». Существует и другая версия происхождения названия города: от иранского слова «цицара», или «сисара», которым средневековые картографы называли большой остров на Волге напротив современного Волгограда (Леопольдов. С. 27; Терещенко. С. 157; Водолагин. С. 11; Волгоград. С. 9—10; Самойлов Н.П., Супрун В.И. О происхождении топонима «Царицын» // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1989. Вып. 6. С. С. 108).

⁹ См. примеч. 53 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹⁰ См. там же. Примеч. 52.

¹¹ Одним из наиболее экономически успешных и известных предприятий сарептских колонистов было выращивание горчицы и производство горчичного масла. В конце XVIII в. сарептский житель Конрад Нейц получил из Петербургского экономического общества семена горчицы, скрестил французскую черную с желтой английской, добавил дикую волжскую и начал селекционные опыты по выведению сарептской горчицы. Горчицу сеяли белую (желтую), во второй половине XIX в. был выведен новый сорт — черный (красный). Уже в 1801 г. горчица Нейца была подана к императорскому столу. В том же году Нейц открыл ручной горчично-маслобойный завод, который в 1815 г. перешел по наследству его зятю — Ивану Гличу. Горчичное производство Сарепты дало толчок к развитию отрасли в Астраханской и Саратовской губерниях и избавило Россию от необходимости ввозить горчицу, в основном из Англии (Попов. С. 18—19; Сарепта. С. 31—35; Когитин. С. 16).

¹² См. примеч. 58 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹³ *Георгиевский крест* — орден святого Георгия, учрежденный в России с 1769 г. для награждения офицеров и генералов за военные заслуги, в 1807 г. — для награждения солдат и унтер-офицеров.

¹⁴ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

† † †

Г.Г. и Н.Г. Чернецовы

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЛГЕ

Печатается по изданию: Чернецовы Г.Г. и Н.Г. Путешествие по Волге. М., 1970.

†

Братья Чернецовы — Григорий Григорьевич (1802—1865) и Никанор Григорьевич (1805—1879) — совершили путешествие от Рыбинска до Астрахани в мае — ноябре 1838 г., осуществив таким образом свою юношескую мечту о «художественном путешествии» по Волге — с альбомом для рисования.

Средства для этого путешествия (в размере 10 тыс. р.) дала, как писали в газетах, некая благодетельница, не пожелавшая обнаружить своего имени.

Цель путешествия — историческое, топографическое и художественное описание приволжских земель, для чего делались зарисовки волжских берегов, отдельных мест, памятников, бытовых сцен. В Рыбинске, куда путешественники прибыли 30 апреля 1838 г., они приобрели лодку — судно, которое могло передвигаться при помощи весел и паруса и которое было переоборудовано в плавучую мастерскую с тем, чтобы в пути из ее окон можно было видеть берега Волги, делать описания и зарисовки.

Из своего путешествия Чернецовы привезли, помимо этнографических и археологических материалов, художественное описание берегов Волги, заключающее в себе 1 982 рисунка общей длиной в 746 м, около 500 видов, около 80 этюдов, писанных масляными красками с натуры, планы и др. В начале 1850-х гг. в Петербурге на Васильевском острове братья представили панораму «Волга» — огромную картину длиной 700 м и высотой 2,5 м, которая была закреплена на двух вертикально поставленных цилиндрах и расположена за окном помещения, оборудованного в виде каюты. Перематывание картины с одного цилиндра на другой создавало у зрителей ощущение движения судна.

Во время своего путешествия Чернецовы вели путевые записки: каждый из братьев отдельно записывал свои впечатления, затем записки были сведены в один дневник. Эти записки хранятся в Русском музее в Петербурге. В 1862 г. Чернецовы переписали свой дневник от руки, иллюстрировали его 149 миниатюрами и преподнесли Александру II, который в ответ ограничился распоряжением передать рукопись в библиотеку Эрмитажа, где она и хранится в отделе редкой книги. Издание 1970 г. воспроизводит рисунки этой рукописи.

Публикуемый отрывок отражает впечатления от посещения Царицына и Сарепты 29—30 октября 1838 г. (*Чернецовы Г.Г. и Н.Г. Путешествие по Волге. С. 5—14, 138—139*).

†

¹ 27—28 октября 1838 г. Г.Г. и Н.Г. Чернецовы совершили поездку в Царев с целью осмотра развалин бывшей столицы Золотой Орды — Сарай-Берке.

² См. примеч. 6 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

³ См. примеч. 8 к «Путешествиям в разные азиатские земли» Дж. Белля.

⁴ См. примеч. 19 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

⁵ См. примеч. 6 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.

⁶ 30 октября.

⁷ Царев — уездный город Астраханской губернии, расположен на левом берегу Ахтубы (см. также примеч. 6 к «Хожению» Ф.А. Котова и примеч. 11 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария).

⁸ *Раина* — пирамидальный или итальянский тополь.

⁹ См. примеч. 37 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹⁰ См. примеч. 17 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

В.И. Беккер

ВОСПОМИНАНИЯ О САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Печатается по изданию: Беккер В.И. Воспоминания о Саратовской губернии. М., 1852.

Автор воспоминаний — статский советник Вильгельм Иванович Беккер, в конце января 1842 г. отправившийся из Петербурга в Саратовскую губернию с поручением от начальства. В своих воспоминаниях В.И. Беккер описал этнический состав населения губернии, его быт и обычаи, религию, местную торговлю, земледелие, скотоводство, а также города, мимо которых ему пришлось проезжать: Саратов, Хвалынский, Сердобск, Камышин, Царев, Царицын и др., Николаевский и Новоузенский уезды, поселения немецких колонистов. Описание Царицына и Сарепты относится к апрелю — маю 1842 г. (*Беккер В.И. Воспоминания о Саратовской губернии. С. 3, 53—62, 67—75*). Многие исторические и статистические сведения В.И. Беккер заимствовал из работы известного саратовского краеведа Андрея Филипповича Леопольдова (1800—1875) «Статистическое описание Саратовской губернии» (В 2 ч. СПб., 1839).

Перу В.И. Беккера также принадлежат путевые записки «Поездка в остзейские губернии» (М., 1852).

¹ Селения Верхне-Ахтубинское и Средне-Ахтубинское возникли в 1745 г. Их жители — государственные крестьяне — работали в тутовых садах и на шелковичном заводе (*Волгоград. С. 38*).

² См. примеч. 6 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

³ См. примеч. 6 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.

⁴ См. примеч. 19 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

⁵ См. примеч. 29 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

⁶ См. примеч. 24 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.

⁷ См. примеч. 45 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

⁸ См. там же. Примеч. 41.

⁹ *Дерптский* (в настоящее время — Тартуский) университет основан в 1802 г.

¹⁰ См. примеч. 55 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹¹ Ошибка. Сарепта основана в 1765 г.

¹² Об иммиграционной политике Екатерины II см. примеч. 15 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

¹³ См. примеч. 17 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

¹⁴ См. примеч. 9 к «Запискам путешественника в Сарепту» А.В. Салтыкова.

¹⁵ См. примеч. 61 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹⁶ *Массильон Жан-Батист* (1663—1743) — известный французский проповедник, епископ Клермонский.

¹⁷ См. примеч. 11 к запискам Г.В. Геракова.

¹⁸ В 1797 г. Павел I предоставил Сарепте право свободной торговли по всей России сарептскими товарами, вином и пивом. Сарептские колонисты удачно распорядились предоставленными льготами. Ими были учреждены склады и магазины в Самаре, Саратове, Царицыне и других городах Поволжья, а также в Москве и Петербурге. Эти льготы были подтверждены впоследствии Александром I и Николаем I. Только при Александре II указом от 6 июня 1877 г. льготы Сарепте по уплате налогов и назначении должностных лиц были упразднены, на колонистов была распространена воинская повинность. Фактически внутреннее самоуправление Сарепты было ликвидировано (*Попов*. С. 26, 50—51; *Сарепта*. С. 77—82).

¹⁹ См. примеч. 14 к «Запискам путешественника в Сарепту» А.В. Салтыкова.

²⁰ Под Кавказскими Минеральными Водами понимают район на Северном Кавказе, между Ставропольской возвышенностью и северным склоном Большого Кавказа, богатым различными минеральными источниками. В состав Кавказских Минеральных Вод входят курорты Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск.

²¹ См. примеч. 19 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа. По данным современных исследователей ущерб, нанесенный Сарепте, насчитывал от 70 до 80 тыс. р. серебром (*Плеве*. С. 161).

²² Под последним пожаром в Сарепте В.И. Беккер имеет в виду пожар в 1823 г., когда погибли 37 жилых и фабричных домов, церковь, около 100 надворных и хозяйственных построек, 350 человек лишились жилья (*Попов*. С. 31).

²³ В 1830 г. в Поволжье случилась эпидемия холеры, пришедшая из Астрахани. Болезнь особенно свирепствовала в Царицыне и Саратове. Бурное развитие эпидемии усугубило невероятно жаркое лето. За время эпидемии, продолжавшейся больше года, в Саратовской губернии умерло 10 289, в Царицыне — 317 человек (*Леопольдов*. С. 161—163; *Волгоград*. С. 45).

²⁴ *Зефир* — греческий бог легкого и влажного западного ветра. Иносказательно используется как синоним теплого, легкого ветерка.

²⁵ См. примеч. 46 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

²⁶ *Иркутск* — сибирский город, расположен при впадении реки Иркут в Ангару. Основан в 1652 г.

²⁷ *Мериносы* — порода овец с однородной тонкой шерстью белого цвета. Овечью шерсть сарептяне продавали главным образом в Москву (*Сарепта*. С. 37).

²⁸ *Менонисты* (более правильно — меннониты) — последователи одной из старейших протестантских церквей. В 1530-х гг. в Нидерландах под влиянием анабаптистов стало формироваться новое религиозное течение, возглавленное католическим священником Менно Симонсом, от имени которого оно и получило название. Репрессивная политика, направленная против еретиков в середине XVI в., вынудила многих меннонитов эмигрировать. В период правления Екатерины Великой меннониты получили право селиться в России. Им были отведены обширные

земли возле реки Молочные воды в Таврической губернии (*Когонашвили К.* Краткий словарь истории Крыма. Симферополь, 1995. С. 177. Подробнее см.: Очерки истории немцев и меннонитов юга Украины (конец XVIII — первая половина XIX в.). Днепропетровск, 1999).

²⁹ См. примеч. 58 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

³⁰ Патриархами, или праотцами, называют прародителей Израиля Авраама, Исаака и Иакова, в более широком смысле — двенадцать сыновей Иакова как родоначальника Израиля.

³¹ См. примеч. 18 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Перхе.

³² См. примеч. 4 к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».

³³ В XVI — первой половине XIX в. население Царицына росло медленно. С 1589 г. по 1630 г. в городе проживало около 400 человек, в 1786 г. — 627, в 1825 г. — 4 055, в 1847 г. — 4 805, в 1861 г. — 6 748. В пореформенную эпоху, напротив, численность населения Царицына увеличивалась стремительно. В 1890 г. в Царицыне проживало 38 тыс. человек, в 1900 г. — 63 тыс., а в 1915 г. — 135 тыс. человек (*Атопов. С. 19; Волгоград. С. 46*).

³⁴ Наиболее древней из царицынских церквей являлась церковь Иоанна Предтечи, построенная в 1664 г. Первоначально при ней существовал женский монастырь, основанный в 1694 г. В 1718 г. на месте сгоревшего деревянного храма была возведена Успенская церковь. Троицкая церковь открылась в 1720 г. При ней до 1740 г. действовал мужской монастырь, переведенный затем в Астрахань. В 1771 г. на деньги купца Рудакова построили Преображенскую церковь. А.В. Терещенко указывает также на существование в Царицыне Покровской церкви и Скорбященской на кладбище, построенной в 1838 г. (*Терещенко. С. 158—159; Волгоград. С. 45—46*).

³⁵ См. примеч. 4 к «Запискам» И.-П. Фалька.

³⁶ *Магистраты* — органы городского сословного управления. Возникли в 1720—1721 гг. Избирались гражданами в составе президента, 2—4 бурмистров, 2—8 ратманов.

³⁷ См. примеч. 5 к «Хожению» Ф.А. Котова.

³⁸ План, составленный в 1820 г. и утвержденный Александром I, являлся единственной попыткой спланировать городскую застройку в Царицыне. Согласно этому документу, но с большими отклонениями от него, город застраивался до 1917 г. План предусматривал прямолинейную планировку с пересечением параллельных и перпендикулярных Волге улиц, намечал главные улицы, соборные и торговые площади. По границе города был предусмотрен вал. В плане не учитывался городской рельеф и многочисленные пересекающие Царицын овраги, не предусматривалось благоустройство волжского берега (*Атопов. С. 16, 20*).

³⁹ Торговля на Троицкой ярмарке продолжалась около недели, а на Ивановской — не более 4 дней. Главный торг состоял в продаже домашнего скота, который пригоняли калмыки. Торговали также галантерейными товарами, шелковыми, бумажными тканями и суконным холстом, виноградными винами и рыбой (*Терещенко. С. 161*).

⁴⁰ Источником информации о прошлом Царицына для В.И. Беккера, видимо, послужило сочинение П. Пугарева. Возможно, через публикацию А.Ф. Леопольдова. Сравните: «В древние времена, крутоярые берега речки Царицы и равнины, к ней прилегающие, были покрыты дремучими лесами. Еще и ныне, на сих открытых местах, местами дотлевают остатки пней огромных дубов» (*Леопольдов А.Ф. Статистическое описание Саратовской губернии. Ч. 2. С. 51*). Это утверждение опровергал А.В. Терещенко (*Терещенко. С. 157*).

⁴¹ См. примеч. 8 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

⁴² У А. Ф. Леопольдова приведена еще одна популярная легенда о происхождении названия «Царицын»: «Другие говорят, что царица, супруга Батгя, оставила свое название и речке и городу: она часто прогуливалась по берегам Царицы, ибо окрестности сего местоположения были картинны, очаровательны» (*Леопольдов*. С. 27).

⁴³ Об основании города при Иване Грозном см. примеч. 4 к письму Х. Бэрроу.

⁴⁴ *Анна Иоанновна* (1693—1740, правила с 1730 г.).

⁴⁵ См. примеч. 19 к «Известию о втором путешествии в Персию» И. Я. Лерхе.

⁴⁶ См. примеч. 12 к «Дневным запискам» И. И. Лепехина.

⁴⁷ *Батый* (Бату) (1208—1255) — монгольский хан, внук Чингисхана. Предводитель татаро-монгольского нашествия в Восточную и Центральную Европу (1236—1243), с 1243 г. — хан Золотой Орды.

⁴⁸ Церковь святого Иоанна Крестителя (или Предтечи) была построена в 1664—1665 гг. При ней некоторое время существовал женский монастырь. Сохранилось предание, что церковь (вначале деревянная, а затем каменная) была заложена Иваном Грозным в честь его святого во время похода на Астрахань. После упразднения монастыря церковь стала приходским храмом. Существовала легенда, что на месте царицынской церкви Иоанна Крестителя существовал дворец Батгя, а между первою и второю Мечеткою свой дворец построил Батый (*Леопольдов А. Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. Ч. 2. С. 52—53; *Минх*. Т. I. Вып. 4. С. 1293—1294).

⁴⁹ См. примеч. 6 к «Хожению» Ф. А. Котова и примеч. 11 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

⁵⁰ *Мамай* (? — 1380) — татарский темник, фактический правитель Золотой Орды. Потерпел поражения от русских войск в битве на реке Воже (1378) и Куликовской битве (1380). Потеряв власть в Орде, бежал в Крым, где и был убит в Кафе (современная Феодосия).

⁵¹ На одной из географических карт Европы XIV—XV вв., составленных западноевропейскими путешественниками, в районе Нижнего Поволжья по рекам Волге, Ахтубе, а также Нижнему Дону помещен ряд татарских городов, среди которых — Бельджамен у нынешней Дубовки, Тарнтал на реке Нижней Мечетке на северной окраине современного Волгограда (*Богданова*. С. 6; см. также примеч. 2 к «Описанию всех обитающих в Российском государстве народов» И.-Г. Георги).

⁵² Ошибка. Восстание С. Т. Разина произошло в 1670—1671 гг.

⁵³ О первом русском корабле «Орел» см. справку к письму Д. Бутлера.

⁵⁴ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию». С. Какаша и Г. Тектандера.

⁵⁵ Осенью 1707 г. на Дон была отправлена карательная экспедиция князя Ю. Долгорукова для сыска беглых людей. Ее действия послужили поводом к восстанию. 9 октября 1707 г. в городке Шульгинском отряд атамана Кондратия Булавина напал на Долгорукова. Все солдаты и офицеры, а также сам Долгоруков были перебиты. К апрелю 1708 г. восстание охватило местности по нижнему Дону, Северному Донцу, Хопру, Медведице и Бузулуку. 7 июня 1708 г. отряды восставших казаков под руководством И. Некрасова и И. Павлова осадили Царицын. Несмотря на упорное сопротивление осажденных, Царицын был взят и сожжен дотла. Командант города А. Турчанинов был убит. Освободили Царицын 20 июля 1708 г. правительственные войска под командованием астраханского воеводы Апраксина (*Водолагин*. С. 35—36).

⁵⁶ См. примеч. 8 к «Путешествиям в разные азиатские земли» Дж. Белля.

⁵⁷ См. примеч. 6 к письму Х. Бэрроу.

⁵⁸ Астраханское восстание началось 30 июля 1705 г. и продолжалось до 13 марта 1706 г. Непосредственным поводом к нему послужили злоупотребления астраханского воеводы Ржевского. Восставшие захватили кремль, убили воеводу и об-

разовали свое правительство. Из Астрахани восстание перекинулось в Красный Яр, Гурьев, Черный Яр и Терки. Поход на Царицын оказался для повстанцев безрезультатным. Заняв Сарпинский остров и захватив там подставу в 50 человек, астраханцы направили в Царицын своих представителей для переговоров с гарнизоном Царицына о сдаче и переходе на сторону восставших. Но царицынский гарнизон ответил им отказом. На штурм Царицына астраханцы не решились и вернулись в Астрахань. Восстание было подавлено присланными из Москвы войсками (*Водолагин*. С. 34).

⁵⁹ См. примеч. 9 к «Путешествиям в разные азиатские земли» Дж. Белля.

⁶⁰ *Екатерина I* (1684—1727, правила с 1725 г.).

⁶¹ Ошибка. Петр проехал через Царицын в 1722 г., а не в 1723 г. (см. примеч. 6 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова).

⁶² *Дикий цвет* — цветообозначение, предполагающее естественный цвет пряжи, не подвергнутой обработке — отбеливанию или окраске. В России это обозначение цвета относилось только к традиционному сырью — льну и неотбеленной пряже из него, имевшей серый, или так называемый суровый, цвет. В XIX в. дикий цвет относили и к другим видам некрашеного полотна — из шерсти или пеньки. (*Кирсанова Р.М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 77).

⁶³ См. примеч. 9 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.

⁶⁴ *Михельсон Иван Иванович* (1740—1807) — генерал от кавалерии, участник Семилетней войны и русско-турецкой войны (1768—1774). В декабре 1773 г. Михельсон был брошен на усмирении Пугачевского восстания. За выдающиеся успехи в этом предприятии Михельсон получил чин полковника, значительные суммы денег и крепостных крестьян.

⁶⁵ В августе 1774 г. войска Е.И. Пугачева направились к Царицыну. Комендант города И.Е. Циплетев, готовясь к обороне, сжег предместье, затопил на Волге все суда. Для отражения штурма с Волги установил на берегу крепости четыре батареи, а две батареи поставил на суда. Пугачеву не удалось взять город штурмом и он перешел к осаде. 23 августа пугачевцы начали отступать от Царицына. 25 августа недалеко от Черного Яра корпус И.И. Михельсона настиг войско Пугачева и разбил его (*Водолагин*. С. 53—55).

⁶⁶ В указанных В.И. Беккером годах Царицын постигли опустошительные пожары (*Атопов*. С. 16).

⁶⁷ В 1807 г. в Нижнем Поволжье вспыхнула эпидемия чумы. Для проплывающих по Волге судов был введен карантин. В Царицыне, Камышине и Саратове были установлены воинские заставы, перекрывшие большие и малые проселочные дороги. Сообщение между населенными пунктами было запрещено. Несмотря на принятые меры чума постепенно распространялась. Только к лету 1808 г. эпидемия несколько стихла. (*Волгоград*. С. 45).

⁶⁸ *Александр I* (1777—1825, правил с 1801 г.).

⁶⁹ Текст рескрипта Александра I приведен у А.Ф. Леопольдова: «Из донесений тайного советника, сенатора Козодавлева, усмотрел я ревностное содействие, которое царицынское градское общество оказывало начальству в прекращении открывшейся в Саратовской губернии заразы. По благополучном миновании сей опасности, Я признал справедливым изъявить царицынскому градскому обществу, за деятельное его усердие к общему благу, особенное Мое благоволение». Кроме того, были особо отмечены золотыми медалями городской голова Мордвинов и бургомистр Ершов (*Леопольдов*. С. 156).

⁷⁰ Имеется в виду будущий император Александр II, в то время цесаревич Александр Николаевич. В июне 1837 г. он находился в Саратове, куда ему привезли для осмотра из Царицына картуз и трость Петра I (*Терещенко*. С. 157).

⁷¹ *Александр, герцог Виртембергский* (1771—1833) — родной брат императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I. Свою военную деятельность начал в австрийской армии, в 1800 г. перешел на русскую службу. В том же году был произведен в генералы от кавалерии и назначен шефом рижского драгунского полка. В 1811 г. был назначен белорусским военным губернатором. Участник войны 1812 г. и заграничных походов. В 1822 г. назначен главноуправляющим путями сообщения. В период его управления были построены и улучшены многие водные коммуникации России. В сферу внимания герцога Виртембергского попала и проблема сооружения канала на Переволоке, следствием чего стал новый проект. В Царицыне Александр Виртембергский побывал в сентябре 1824 г. после поездки в Астрахань (*Терещенко*. С. 156).

⁷² *Петр Георгиевич, принц Ольденбургский* (1812—1881) — генерал-лейтенант, сенатор, член Государственного совета, благотворитель. В августе 1834 г., а не 1831 г., посетил Царицын. Как и все гости, осмотрел картуз и трость Петра I, затем рескрипт Александра I; совершил экскурсии в Сарепту и к озеру Эльтон, а затем отправился в Воронеж (*Терещенко*. С. 156—157).

⁷³ См. примеч. 5 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

⁷⁴ В 1803 г. Дубовка получила статус города, затем числилась посадом. Вновь стала городом с начала 1920-х гг. См. также примеч. 12 к «Запискам» И.-П. Фалька.

† † †

Н.И. Костомаров

АВТОБИОГРАФИЯ

Печатается по изданию: Костомаров Н.И. Литературное наследие: Автобиография. Стихотворения. Сцены. Исторические отрывки. Малорусская народная поэзия. Последняя работа. СПб., 1890.

†

Историк и этнограф Николай Иванович Костомаров (1817—1885) родился в имении своего отца — Юрасовке Острогожского уезда Воронежской губернии; окончил Харьковский университет (1836), сдал экзамен на степень магистра (1840) и представил диссертацию «О причинах и характере унии в Западной России» (Харьков, 1842). Ввиду отхода от официальной трактовки темы диссертация не была допущена к защите и подлежала уничтожению (из ста экземпляров книги были сожжены около двадцати). Только в январе 1844 г. Костомаров защитил магистерскую диссертацию «Об историческом значении русской народной поэзии». Осенью 1846 г. Николай Иванович стал профессором Киевского университета св. Владимира.

В 1845—1847 гг. в Киеве действовала тайная политическая организация «Кирилло-Мефодиевское общество», одним из учредителей которой был Н.И. Костомаров. Участвовал он в составлении устава и программы. Весной 1847 г., наряду с другими членами общества, Костомаров был аре-

стован и отправлен в Петербург. После годовичного заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (30 мая 1847—30 мая 1848 гг.) Николай Иванович был сослан в Саратов под строжайший надзор без права преподавать и печататься. В ссылке находился до весны 1857 г. По восшествии на престол Александра II в начале 1856 г. с Костомарова сняли запрещение печататься, а затем и полицейский надзор. В Саратове служил сначала переводчиком при губернском правлении, затем в статистическом комитете; собирал и публиковал сведения по истории и экономике губернии; зимой 1858—1859 гг. участвовал в работе губернского комитета по крестьянским делам. В мае 1858 г. Костомаров предпринял путешествие по Саратовской губернии, посетив Дубовку, Царицын и Сарепту (*Костомаров Н.И. Литературное наследие. С. 101, 103—106*).

В апреле 1859 г. Николай Иванович получил приглашение Санкт-Петербургского университета занять место профессора на кафедре русской истории. 20 ноября того же года он прочитал первую («вступительную») лекцию к курсу русской истории. Студенческие выступления 1861—1862 гг. прервали регулярные занятия в Петербургском университете. Костомаров оставался профессором до мая 1862 г., но лекций не читал, а затем подал в отставку. Последующие годы Костомаров посвятил научным занятиям, был автором стихов, пьес, повестей с исторической основой на украинском и русском языках. Изданные им монографии, многочисленные заметки и рецензии были посвящены истории Южной Руси XII—XIII вв., истории России удельно-вечегового периода, XVII в. Костомаров состоял членом-корреспондентом имп. Академии наук (1876), членом Археографической комиссии, Русского географического общества, Русского исторического общества, Санкт-Петербургского и Московского археологических обществ и др.

В начале 1875 г. Н.И. Костомаров переболел тифом, в это же время умерла его мать, с которой он вместе жил. После болезни здоровье Костомарова восстанавливалось медленно, зрение резко упало. По предписанию врачей он вынужден был прекратить научные занятия. Под воздействием близких Костомаров начал диктовать «Автобиографию» и продолжил это частично в 1876—1877 гг. Впервые «Автобиография» была опубликована (за исключением четвертой, восьмой и девятой глав) в издании, по которому приводится публикуемый в этой книге текст. Полный текст был издан впоследствии: Автобиография Н.И. Костомарова / Под ред. В. Котельникова. М., 1922.

+

¹ О действиях Е.И. Пугачева под Царицыном и в Сарепте см. примеч. 9, 19 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа и примеч. 65 к «Воспоминаниям о Саратовской губернии» В.И. Беккера.

² *Циплетев (или Цыплетев) Иван Еремеевич* родился в 1726 г., в 1737 г. поступил кадетом в Инженерный корпус, откуда был выпущен в 1749 г. инженер-прапорщиком. До 1765 г. прослужил в артиллерии, когда был произведен в чин полковника и назначен комендантом Царицына. В 1780 г. был пожалован бригадирским чином и землями в окрестностях Царицына, на которых с успехом разводил виноград (см. также примеч. 11 к «Запискам» И.-П. Фалька).

³ См. примеч. 64 к «Воспоминаниям о Саратовской губернии» В.И. Беккера.

⁴ См. примеч. 2 к «Золотаревскому летописцу».

⁵ См. примеч. 17 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

⁶ См. примеч. 41 «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

⁷ См. там же. Примеч. 55.

⁸ *Реформация* — социально-религиозное движение в Западной и Центральной Европе XVI в., направленное против католической церкви. Началом Реформации считается выступление Мартина Лютера в Виттенберге (Германия) в 1517 г.

⁹ *Гус Ян* (1371—1415) — лидер движения в Чехии, направленного против католической церкви. Порицал торговлю индульгенциями, требовал возвращения к принципам раннего христианства, уравнивания мирян с духовенством. Был осужден церковным собором в Констанце и сожжен.

¹⁰ См. примеч. 58 «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹¹ См. примеч. 23 к дневнику Л.А. Ухтомского.

¹² Медовые пряники в Сарепте готовились из арбузного меда (нардека). Сарептская пекарня помимо пряников выпекала хлеб, булки, крендели и разные кондитерские изделия, которые продавались по всей империи (*Полов. С. 27*).

¹³ См. примеч. 14 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.

¹⁴ См. примеч. 11 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

¹⁵ См. примеч. 11 к «Запискам путешественника в Сарепту» А.В. Салтыкова.

† † †

А. Дюма

ОТ ПАРИЖА ДО АСТРАХАНИ

Печатается по изданию: Дюма А. От Парижа до Астрахани // Волга. 1991. № 11. С. 6—192. См. также другое издание: Дюма А. Путевые впечатления в России. М., 1993. Т. 3. С. 227—230, 232.

+

Александр Дюма (1802—1870) — французский писатель, автор знаменитых «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо». Дюма стал широко известен в России с конца 1820-х гг., когда на петербургской сцене появилась его пьеса «Генрих III и его двор». Затем на русский язык были переведены пьесы «Антони», «Ричард Дарлингтон», «Тереза» и «Кин». Постановки имели большой успех и были восторженно приняты публикой.

Дюма стремился побывать в России, но долгое время эта идея оставалась неосуществимой. В 1840 г. появился роман «Учитель фехтования», посвященный любви декабриста И.А. Анненкова и французки Полины Гебль. Источником послужили записки известного фехтовальщика О. Гризье, преподававшего в Петербурге в 1820-х гг. Роман в России был запрещен, впервые он был опубликован в нашей стране только в 1925 г. к столетней годовщине восстания декабристов (*Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. 1937. № 31—32. С. 491—562; Трескунов М.С. Вступительная статья // Дюма А. Учитель фехтования. Черный тюльпан. М., 1981. С. 10—11; Моруа А. Три Дюма. СПб., 1992. С. 267—268*).

Только в 1858 г. А. Дюма смог осуществить свою мечту и отправился в Россию. Он остановился в Петербурге в доме известного мецената графа Г.А. Кушелева-Безбородко. В столице Российской империи Дюма пробыл полтора месяца, затем переехал в Москву, откуда в августе в экипаже отправился в Калязин, чтобы там пересесть на пароход. Во время путешествия по Волге писатель посетил Углич, Кострому, Нижний Новгород, Казань, Саратов, Камышин, в котором сошел на берег и проехал триста верст по степи, осмотрев поселения киргизов, соленые озера.

После краткой остановки на ночлег в селении Ставка-Карайская А. Дюма прибыл в Царицын. Здесь он пытался договориться с капитаном парохода «Нахимов», на котором плыл по Волге от Казани, о возможности задержаться в Царицыне на два дня, чтобы на лошадях проехать шестьдесят верст, отделяющих Волгу от Дона, и осмотреть знаменитую Переволоку.

Затем Дюма продолжил свое плавание по Волге на пароходе «Нахимов» и в конце октября прибыл в Астрахань. Отсюда он выехал на тарантасе, погрузив багаж в телегу, в Кизляр, куда добрался 7 ноября 1858 г., а затем продолжил свое путешествие до Поти. В марте 1859 г. Дюма возвратился во Францию.

Судя по датам, указанным в тексте записок, пребывание А. Дюма в Царицыне относится к 20—22 октября 1858 г. (*Дюма А. От Парижа до Астрахани. С. 150—154, 186, 192*).

¹ См. примеч. 6 к «Описанию всех обитающих в Российском государстве народов» И.-Г. Георги.

² См. примеч. 5 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

³ См. примеч. 4 к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».

⁴ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

⁵ *Николаевск* — уездный город Самарской губернии, на реке Иргизе, переименован в 1835 г. (ранее — село Мечетное, основанное в 1782 г. раскольниками).

⁶ Это изречение с некоторыми искажениями заимствовано из романа Вольтера «Кандид» (1759).

⁷ См. примеч. 5 к «Путешествию в Астрахань и окрестные страны» Я. Потоцкого.

⁸ *Селим II* (1524—1574) — турецкий султан, правил с 1566 г.

⁹ После присоединения к России Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств русско-турецкие отношения обострились. Ареной борьбы стал северный Прикаспий, служивший плацдармом для татаро-турецких нападений на Россию. В 1569 г. (а не в 1559 г., как указывает А. Дюма) Селим II совместно с крымским ханом Девлет-Гиреем предпринял поход для завоевания Астрахани. Татаро-турецкие войска выступили из Кафы (современная Феодосия) весной 1569 г. и в течение пяти недель достигли Волго-Донской переволоки. Здесь они простояли две недели и попытались построить канал между Иловлей и Камышинкой, чтобы спустить суда в Волгу. Но тщетность этого предприятия стала вскоре очевидной, и среди солдат начались сильные волнения. В результате турки и татары отступили. В сентябре 1569 г. они осадили Астрахань, но взять ее не смогли и ушли обратно в Крым (*Леопольдов. С. 30—31; Водолагин. С. 7*).

¹⁰ *Качалинская станица*, расположенная на берегу Дона, принадлежала к Области войска Донского. До постройки Волжско-Донской железной дороги была одной из важнейших пристаней на Дону. Но после строительства дороги функции станицы Качалинской перешли к Калачу-на-Дону, и она постепенно утратила свое значение.

¹¹ *Маньч* — общее название озер и рек Кумо-Маньчской впадины, которая отделяет Предкавказье от Восточно-Европейской равнины.

¹² См. примеч. 12 к «Запискам» И.-П. Фалька.

¹³ О попытках построить канал при Петре Великом см. примеч. 3 к «Запискам» И.А. Желябужского и биографическую справку к сочинению Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».

¹⁴ *Николай I* (1796—1855, правил с 1825 г.).

¹⁵ Первая железная дорога, соединившая Царицын и Калач-на-Дону, была открыта уже в 1862 г., всего через четыре года после путешествия А. Дюма.

ГЛАВА VI. ЦАРИЦЫН ПОРЕФОРМЕННЫЙ

† † †

Л.А. Ухтомский

ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО АСТРАХАНИ

Печатается по изданию: Ухтомский Л.А. От Петербурга до Астрахани: Из дневника в навигацию в 1862 г. СПб., 1863. Ч. 2.

†

Князь Леонид Алексеевич Ухтомский (1829—1909) — флотский офицер. 7 июня 1862 г. на винтовой лодке «Секира» Л.А. Ухтомский отплыл от пристани селения Усть-Ижора. Конечной целью его путешествия, которое продолжалось в течение июня — августа 1862 г., была Астрахань. Князь проплыл по Неве, Свири, Онежскому озеру, Шексне, Волге, осмотрел речные пороги и шлюзы, ознакомился с особенностями местного судоходства; посетил Белоозеро, Кириллов, Рыбинск, Ярославль, Казань, Самару, Царицын и другие города.

Путевые впечатления нашли свое отражение в дневнике Л.А. Ухтомского «От Петербурга до Астрахани». Свои записки автор дополнил разными статистическими и географическими сведениями, чтобы представить полную картину главного речного пути России. Издание 1863 г. является отдельным оттиском текста дневника из журнала «Морской сборник» (1863. № 8—9) (Ухтомский Л.А. От Петербурга до Астрахани. Ч. 1. С. 1; Ч. 2. С. 123—129).

†

¹ См. примеч. 5 к «Хождению» Ф.А. Котова.

² Крепостное право в России было отменено указом Александра II 19 февраля 1861 г.

³ См. примеч. 12-к «Запискам» И.-П. Фалька.

⁴ Фурщики управляли большими телегами — фурами. Иногда так называли возчиков соли — чумаков.

⁵ В 1858 г. было создано Акционерное общество Волго-Донской железной дороги и пароходства, учредителями которого явились крупный откупщик В.А. Кокорев и высшие чиновники — П.П. Мельников и Н.А. Новосильцев. Строительство дороги началось в 1859 г. и шло от Калача и от Царицына одновременно, на протяжении 72 верст. Подряд на все земляные работы по устройству полотна акционерное общество отдало царицынскому купцу Г.В. Гладину, который передал руководство работами на участке в руки своего родственника Головкина — человека жестокого и деспотичного. Весной 1859 г. Головкин на вербовал в Вологодской, Тверской, Смоленской губерниях около 2 000 крестьян. Отсутствие всяких нормальных условий для труда и жизни рабочих привело к эпидемии холеры и тифа. Смертность достигла до 20 человек в день. Начались массовые побег и волнения среди рабочего люда. 1 октября 1859 г. работы на дороге прекратились. Из 2 000 рабочих умерло 500, бежало 300, остальные не были в состоянии трудиться. В 1860 г. новые 2 500 рабочих были привезены из Тамбовской и Воронежской губернии. События повторились. За пять месяцев сбежало более тысячи человек. Дорога открылась только 5 мая 1862 г., соединив Царицын и Калач-на-Дону (*Богданова*. С. 23—25; *Водолагин*. С. 79—81. О волнениях на строительстве железной дороги см. также: *Дурасов В.* Железнодорожные беспорядки в Царицыне // *Волжско-Донской листок*. 1888. 16—23 окт.).

⁶ *Калач-на-Дону* возник в 1708 г. как казачья слобода. Значение Калача резко возросло после постройки Волжско-Донской железной дороги.

⁷ См. примеч. 10 к запискам А. Дюма «От Парижа до Астрахани».

⁸ *Ростов-на-Дону* расположен на правом берегу Дона, недалеко от его впадения в Азовское море. Основан в 1761 г.

⁹ *Таганрог* — порт на северо-восточном берегу Таганрогского залива Азовского моря. Основан в 1698 г.

¹⁰ 14 августа.

¹¹ Чумаками называли украинцев — возчиков соли.

¹² *Апостол* — богослужебная книга, включающая в свой состав почти весь Новый завет, за исключением евангелий. Разделен на главы, которые читаются в храме во время литургии.

¹³ См. примеч. 5, 7 к «Путешествиям в разные азиатские земли» Дж. Белля и примеч. 6 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

¹⁴ См. примеч. 6 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.

¹⁵ См. примеч. 17 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

¹⁶ См. примеч. 61 «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

¹⁷ См. примеч. 15 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

¹⁸ См. примеч. 19 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.

¹⁹ См. примеч. 18 к «Воспоминаниям о Саратовской губернии» В.И. Беккера.

²⁰ См. примеч. 11 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

²¹ См. примеч. 14 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.

²² По желанию ткацких фабрик были основаны прялочные и колпачные фабрики, станки для которых привозились из Германии. В 1797 г. в Сарепте было построено каменное здание мастерских, в которых изготавливали полушелковое полотно, бумажные чепцы, платки и чулки. К началу XIX в. фабрики приобрели уже значительный опыт и большинство своих изделий продавали в Москве (*Сарепта*. С. 30; *Когитин*. С. 22—23).

²³ Одним из крупнейших производств в Сарепте являлись ткацкие фабрики. Первые ткачи прибыли в колонию из Саксонии и Силезии. Сначала они изготовля-

ли полотняные ткани, сырье для которых привозилось из Силезии. Хлопок получали отчасти из Англии, а отчасти через Астрахань из Персии. Повышенный спрос на текстильные товары сарептян привел к тому, что в Сарепте перестало хватать рабочих для прядилен. Со второй половины 1770-х гг. Сарептская община стала передавать работу по изготовлению пряжи в другие колонии: Поповку, Норку, Голый Карамыш, Севастьяновку, Усть-Золыху и др. В конце XIX в. хлопок для прядения стали отдавать жителям Камышинского уезда. Изготовленные ткани, как окрашенные, так и белые, шли на нужды немецких колонистов, а также продавались в различных городах России под названием «сарептская бумага». Ткань окрашивалась в Сарепте. С появлением английских бумагопрядильных мануфактур вышеупомянутые прядильни стали ликвидироваться, однако еще долгое время они оставались важной отраслью в ряде немецких колоний. Особую известность приобрела ткань под названием «сарпинка» (тонкая бумажная ткань в клетку или полоску), для выработки которой использовали привозное сырье: хлопчатобумажную пряжу московского производства и английскую, сотканную из египетского хлопка. Впоследствии стали получать пряжу из Германии. Использовали также привозной московский шелк и местную шерсть. Изготавливали несколько разновидностей ткани: сарпинская чесуча, шелковистая и полушелковая сарпинка, бумазея, полушерстяная сарпинка, сарпинка-кашемир, английская тонкая (*Сарепта*. С. 29—30; *Когитин*. С. 25—26; *Плеве*. С. 195).

²⁴ По свидетельству «Историко-статистических сведений о колонии Сарепта» (1680-е гг.): «Сарептский свечной и мыльный заводы были первым производством подобного рода в Саратовской губернии. Вскоре после их открытия они нашли последователей в соседних губерниях. Сбыт изделий осуществляется главным образом в Саратовской губернии и в пределах территории войска донских казаков» (*Сарепта*. С. 31).

²⁵ Автор «Историко-статистических сведений о колонии Сарепта» перечисляет следующие предприятия, существовавшие в Сарепте: «Фабрики, заводы и ремесла: винокуренный завод и пивоварня, табачная фабрика, две горчичных фабрики, одна из которых имеет паровую машину в 18 лошадиных сил, кожевенный, мыльный и свечной заводы, две мукомольные мельницы, две часовые мастерские, две пекарни, две столярные мастерские, слесарная, кузнечная и медная мастерские, сапожная и портняжная мастерские, кирпичный завод и скотобойня» (*Сарепта*. С. 35—36).

²⁶ Из сорго производили сахар и патоку. Инициатива выращивания в Сарепте сорго принадлежала Ф. Лангерфельду (*Попов*. С. 21).

²⁷ См. примеч. 42 «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

²⁸ См. там же. Примеч. 55.

²⁹ Юго-восток.

³⁰ *Селигер* — озеро на Валдайской возвышенности.

³¹ *Ржев* — город в Тверской области. Расположен на Валдайской возвышенности на берегах Волги. Известен с XII в. как город, входивший в состав Смоленского княжества.

³² *Зубцов* — город в Тверской области. Находится на Волге при впадении в нее реки Вазузы. Впервые упоминается в летописи под 1216 г.

+ + +

В.В. Крестовский

ПО ДОРОГЕ

Печатается по изданию: Крестовский В.В. По дороге: Путевые очерки // Всемирный труд. 1867. № 10. С. 208—244.

+

Всеволод Владимирович Крестовский родился 11 февраля 1840 г. в имении своей бабушки — селе Малая Березайка Таращанского уезда Киевской губернии. В десятилетнем возрасте будущий писатель был привезен в столицу и отдан в Первую Петербургскую гимназию. Закончив ее в 1857 г., поступил на филологический факультет Петербургского университета. В гимназические годы начал писать стихи; как поэт приобрел популярность в студенческой среде. С семнадцати лет Крестовский начал печататься.

Решив полностью отдаться литературе, после двух лет учебы В.В. Крестовский оставил университет. Занимался переводами (Анакреон, Сафо, Гораций, Гейне, Гете, Шевченко), публиковал свои стихи и прозаические произведения в различных журналах: «Сын отечества», «Русское слово», «Русский мир» и др. В 1862 г. вышел двухтомник стихотворений Крестовского.

В 1860 г. В.В. Крестовский стал членом литературного кружка Ф.М. и М.М. Достоевских при редакции журнала «Время». Членами кружка были и уже достигшие известности, и только начинающие литераторы: А.А. Григорьев, Я.П. Полонский, Д.Д. Минаев, А.Н. Майков, Д.В. Аверкиев, Л.А. Мей, А.П. Милюков, Н.Н. Страхов. В начале 1860-х гг. Крестовский регулярно публиковал критические статьи и рецензии в журнале «Русское слово», проповедуя идеи почвенничества, популярные в кружке Достоевских.

Наибольшую известность принес Крестовскому роман «Петербургские трущобы», над которым автор работал в течение шести лет (1858—1864). В 1864—1867 гг. роман был напечатан в «Отечественных записках» А.А. Краевского; вскоре было выпущено несколько отдельных изданий. Один из современников вспоминал: «Этот роман <...> читался тогда нарасхват, и добиться его в публичных библиотеках было не легко; нужно было ждать очереди месяц и более». Помимо «Петербургских трущоб» перу Крестовского принадлежат романы «Панургово стадо» (1869), «Две силы» (1874), объединенные автором в дилогию «Кровавый пух», трилогия «Тьма египетская», «Тамара Бендавид», «Торжество Ваала» (1888—1892), повесть «Деды» и другие произведения.

Служебная карьера Крестовского претерпела немало изменений. Шесть лет он прослужил в уланском полку; во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. был отправлен на театр военных действий в качестве военного корреспондента; в 1880 г. был назначен секретарем при главном начальнике русских морских сил на Тихом океане; служил в должности чиновника особых поручений при тамошнем губернаторе; затем служил в Министерстве внутренних дел, много ездил по центральным губерниям России.

За три года до смерти Крестовский был назначен редактором газеты «Варшавский вестник». Умер он 18 января 1895 г. и был похоронен в Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры.

В 1867 г. Крестовский предпринял большое путешествие по Волге, останавливался в разных городах для участия в музыкально-литературных вечерах. Особый успех имело выступление в Астрахани, состоявшееся вскоре после покушения на жизнь Александра II, совершенного в Париже. Результатом этой поездки стал целый ряд статей в периодической печати, в том числе и путевой очерк «По дороге», посвященный посещению Крестовским Царицына и Калача-на-Дону и поездке по Волжско-Донской железной дороге (Крестовский В.В. По дороге. С. 208—223; Отрадин М. Роман В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» // Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Л., 1990. Т. I. С. 3—24).

¹ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

² См. примеч. 2 к запискам А.Ф. Воейкова.

³ *Беляна* — волжское несамородное, плоскодонное, неуклюжее и самой грубой работы речное сплавное судно одноразового использования. Получило свое название от белого цвета неокрашенной и несмоленной древесины корпуса. Применялось для сплава по течению рек Кама, Вятка, Унжа, Ветлуга и других до низовых пристаней безлесных районов Волги с грузом уложенных в трюме и поверх него лесоматериалов. После разгрузки корпус беляны продавали на слом. Управлялось при сплаве с помощью лота — груза, волочившегося по дну реки за беляной, и потесей (правильных весел) из бревен длиной 8—10 м. Грузоподъемность — 1,6—8 тыс. т.

⁴ *Дебаркадер* (фр.) — станционная платформа, у которой останавливаются поезда. Дебаркадером также называют паромную пристань, а также специально оборудованные суда для причаливания и стоянки у них различных судов.

⁵ См. примеч. 5 к дневнику Л.А. Ухтомского.

⁶ См. примеч. 5 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.

⁷ См. примеч. 6 к дневнику Л.А. Ухтомского.

⁸ См. там же. Примеч. 8.

⁹ См. там же. Примеч. 9.

¹⁰ Автором рецепта сарептского бальзама был Ф. Лангерфельд, за что получил золотую медаль на Парижской выставке в 1867 г. Этот напиток настаивался из 20 видов степных трав на винном спирте. Он имел зеленоватый цвет и горький вкус. Разливался бальзам в глиняные бутылки и продавался как лекарство. Считалось, что он может предохранить от холеры. Пользовался спросом по всей России (Попов. С. 27).

¹¹ См. примеч. 18 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

¹² *Кейф* (араб.) — приятное безделье, послеобеденный отдых.

¹³ *Буколика, буколическая поэзия* (греч.) — жанр античной поэзии, изображающей пастушескую жизнь.

¹⁴ Подгородными селениями назывались городские предместья, посадки или пригороды у самого города. Заселялись большей частью крестьянами, мещанами, отставными солдатами или казаками и пр.

¹⁵ *Альфа и омега* — первая и последняя буквы греческой азбуки. Выражение употребляется в значении «начало и конец», заимствовано из Библии: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был грядет, Вседержитель» (Откр. 1:8).

¹⁶ *Эрфикс* (от фр. слова «air») — воздух.

¹⁷ *Черкесы* — общее наименование адыгов, появившееся в письменных источниках в период татаро-монгольских завоеваний XIII в. и употреблявшееся в этом значении до начала 1920-х гг.

¹⁸ Из-за подобного способа предохраняться от насекомых царицынцев прозвали в Поволжье купоросными затылками.

¹⁹ В дореволюционном Царицыне насчитывалось до 500 ресторанов, трактиров и винных погребов. Особенно много питейных заведений было в рабочих поселках. Из-за катастрофического роста пьянства среди рабочих в ноябре 1907 г. их жены даже обратились с письмом протеста через газету против продажи водки. Во всей Саратовской губернии ежегодно выпивалось 1 461 119 ведер водки, из них 108 788 приходилось на Царицын (*Водолагин*. С. 121—122).

²⁰ *Пакля* — отход первичной обработки пеньки, льна и других лубяных культур. Используется как прокладочный, набивочный и тому подобный материал.

²¹ *Махорка* — курительный табак низшего сорта, а также растение, из листьев которого изготавливается этот табак.

²² *Тесьмяные* — сделанные из тесьмы. Тесьма — узкая, тканая или плетеная полоса вроде ленты.

²³ См. примеч. 20 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

²⁴ См. примеч. 11 к дневнику П.А. Ухтомского.

²⁵ Имеются в виду донские казаки (см. примеч. 3 к «Золотаревскому летописцу»).

²⁶ См. примеч. 16 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

²⁷ См. примеч. 6 к «Запискам» П. Фабрициуса.

²⁸ *Ермолка* (тюрк.) — маленькая круглая шапочка из мягкой ткани без околыша.

²⁹ *Варшава* — столица Польши (с конца XVI в.), первое упоминание относится к первой половине XIII в. По третьему разделу Речи Посполитой (1795) отошла к Пруссии. После наполеоновских войн в 1815 г. перешла к России, в составе которой находилась до начала Первой мировой войны. В августе 1915 г. была оккупирована германскими войсками.

³⁰ *Вильна* (или Вильно) — старое название города Вильнюс, столицы Республики Литвы. Известен с 1128 г. В 1795—1917 гг. входил в состав Российской империи.

³¹ Суровские лавки получили свое название от продававшегося в них суровского товара (шелковые, бумажные и шерстяные ткани). Сурожане — старинное название московских купцов, которые вели торговлю с крымским городом Сурожем (современный Судак) и составляли особый сурожский торговый ряд, впоследствии переименованный в суровский.

³² См. примеч. 6 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

³³ Имеется в виду герой комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836) городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский.

† † †

ПУТЕШЕСТВИЕ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА И МАРИИ ФЕДОРОВНЫ

Печатается по изданию: Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны в 1869 году. М., 1869.

В июле — сентябре 1869 г. цесаревич Александр Александрович, будущий император Александр III, и его супруга Мария Федоровна совершили путешествие по Волге. Они выехали из Москвы по направлению к Нижнему Новгороду, где сели на пароход, на котором проехали до Царицына (Путешествие цесаревича Александра Александровича и Марии Федоровны. С. 47).

¹ Имеется в виду Успенский собор (см. примеч. 1 к запискам А.Ф. Воейкова).

² См. примеч. 5 к дневнику Л.А. Ухтомского.

³ См. там же. Примеч. 6.

⁴ См. также примеч. 6 к «Описанию всех обитающих в Российском государстве народов» И.-Г. Георги.

Е.А. Салиас де Турнемир

ВОЛГА

Печатается по изданию: Салиас де Турнемир Е.А. Волга: Путевой очерк // Беседа: Журнал ученый, литературный и политический. 1872. № 1. С. 69—132.

Граф Евгений Андреевич Салиас де Турнемир (1840—1908) — известный писатель, автор многих исторических романов («Кудесник», «Принцесса Володимирская», «Двенадцатый год» и др.). Сын писательницы Е.В. Салиас де Турнемир, подписывавшей свои произведения псевдонимом Евгения Тур.

В путешествие на низовья Волги Е.А. Салиас отправился с целью осмотреть «те места, которые создали Пугачева и пугачевщину». Очевидно, впечатления, полученные автором, нашли отражение в его первом историческом романе «Пугачевцы» (1874). В своих записках Е.А. Салиас среди других волжских городов упомянул и Царицын (*Салиас де Турнемир Е.А. Волга. С. 70, 126—131*).

¹ *Брауншвейг* — герцогство, входившее в состав Германской империи. Главный город — Брауншвейг.

² *Липпе-Детмольд* — княжество, входившее в состав Германской империи. Главный город — Детмольд.

³ *Кассель* — герцогство, входившее в состав Германской империи. Главный город — Кассель.

⁴ В 1762—1763 гг. Екатерина II подписала два манифеста, согласно которым иностранцы приглашались в Россию. По второму манифесту им были обещаны значительные льготы: свобода вероисповедания, освобождение от податей и налогов на несколько лет, помощь государства в деле организации фабрик и заводов

и др. Немецкие колонисты внесли большой вклад в развитие Нижнего Поволжья: внедрили новые для этого региона культуры — табак, подсолнечник, горчицу; производили популярные по всей России товары — сарпинку, курительные трубки, предметы домашнего обихода (сундуки, коробки, шляпы из соломы и прутьев), а также продукты питания — сарептские пряники, сарептский бальзам и др. (Гроо Ю.Ф. Вклад поволжских немцев в развитие экономики Нижнего Поволжья в конце XVIII — начала XX в. // Урало-Поволжская археология в работах студентов: Тез. докл. Волгоград, 2000. С. 95).

⁵ Имеется в виду Пугачев (см. примеч. 9 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа).

⁶ *Gemütlich* (нем.) — уютный, добродушный, приветливый.

⁷ *Герман* и *Доротея* — герои эпической поэмы И.-В. Гете (1749—1832) «Герман и Доротея» (1796—1797), в которой изображен идиллический патриархальный быт немецкой провинции.

⁸ *Анзидлер* (от нем. *Ansiedler*) — колонист.

⁹ *Безитцер* (от нем. *Besitzer*) — собственник.

¹⁰ Намек на производство в Сарепте горчицы (см. примеч. 11 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова).

¹¹ См. примеч. 17 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

¹² См. примеч. 14 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.

¹³ *Лютеранство* — одно из главных направлений протестантизма, возникшее в результате Реформации в XVI в. Основные принципы вероучения были сформулированы М. Лютером и Ф. Меланхтоном и изложены в Аугсбургском исповедании. В качестве основного условия спасения души лютеранство провозглашало личную веру; упраздняло монашество, поклонение святым и их мощам; отрицало особую роль духовенства как посредника между Богом и людьми.

¹⁴ См. примеч. 21 к очерку В.В. Крестовского «По дороге».

¹⁵ *Ротшильды* — семья финансистов в Западной Европе. Основатель банковского дома — М.А. Ротшильд (Франция, XVIII в.). Фамилия стала синонимом огромного богатства.

¹⁶ *Хвальинск* — город (с 1780 г.) в Саратовской области, пристань на правом берегу Волги.

¹⁷ *Волгск* — современный город Вольск в Саратовской области, расположенный на правом берегу Волги. В XVIII в. на месте города существовало поселение Малыковка, в 1780 г. преобразованное в уездный город Волгск (Волжск или Вольск).

¹⁸ См. примеч. 5 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

¹⁹ См. примеч. 4 к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».

²⁰ См. примеч. 12 к «Запискам» И.-П. Фалька.

²¹ *Чебоксары* — в настоящее время столица Республики Чувашии, порт на Волге. Известен с 1469 г., с 1555 г. — крепость Московского государства.

²² *Васильсурск* — в настоящее время поселок городского типа в Нижегородской области, пристань на Волге, при впадении в нее реки Суры. Основан в 1523 г., до 1927 г. был городом.

²³ См. примеч. 5 к дневнику П.А. Ухтомского.

²⁴ См. примеч. 33 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

²⁵ См. примеч. 20 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.

²⁶ Первые письменные упоминания о башкирах относятся к IX—X вв. В X — первой половине XIII в. Башкирия входила в Волжскую Булгарию, затем (до второй половины XV в.) находилась под властью Золотой Орды. После распада последней

Башкирия входила в Ногайскую орду, Казанское и Сибирское ханства. К началу XVII в. Башкирия полностью вошла в состав Русского государства.

²⁷ См. примеч. 6 к дневнику Л.А. Ухтомского.

²⁸ *Булавин Кондратий Афанасьевич* (ок. 1660—1708) — донской казак, предводитель восстания на Дону и в Нижнем Поволжье (1707—1709).

²⁹ *Богомоллов Федор* — беглый крестьянин графа Воронцова из села Спаского Саранского уезда, записавшийся в волжские казаки. В 1772 г. объявил себя императором Петром Федоровичем. Он пытался поднять среди казаков восстание, найдя себе соратников, из которых выделился казак Голотин, назвавший себя государственным секретарем. 3 марта 1772 г. часть казаков, стоявших на Иловле, арестовала офицеров и признала Богомоллова за императора. Отсутствие единомыслия среди казаков привело к тому, что Богомоллова и Голотина выдали властям. Их отправили в Царицын и посадили в тюрьму (*Богданова*. С. 16—17; *Водолагин*. С. 48).

³⁰ *Заметаев Игнатий Петрович* (1735—1775) — беглый солдат, стоял во главе волжских разбойников так называемой понизовой вольницы (1774—1775).

³¹ См. примеч. 6 к «Запискам» Л. Фабрициуса.

³² *Аткарск* — город (с 1780 г.) в Саратовской области, на реке Медведица.

³³ Первые попытки открыть пароходство на Волге относятся к первой трети XIX в. В 1817 г. первый пароход появился на Каме, в 1818 г. — на Волге. В этом году на петербургских заводах Берга астраханский житель Д.П. Евреинов заказал пароход, чтобы организовать пароходное общество на Волге. Однако вскоре он разорился. К сожалению, первые пароходы терпели здесь неудачу, прежде всего из-за своей конструкции: они имели глубокую посадку, поэтому после погрузки часто сильно проседали и садились на первую же мель, медленный ход; отсутствовали квалифицированные кадры для ремонта судов. Кроме того, против пароходов было настроено общественное мнение, которое видело в новинке как участие нечистой силы, так и угрозу для волжской рыбы, экономического положения батраков; к тому же пароходы уничтожали много дров. Был предпринят еще ряд неудачных попыток, прежде чем пароходство на Волге утвердилось окончательно (*Минх*. Т. I. Вып. 3. С. 747—758, 1308; *Водолагин*. С. 69).

³⁴ Общество «Кавказ и Меркурий» (в 1849 г. было образовано общество «Меркурий»), основанное в 1858 г., имело к 1884 г. 20 пароходов: 6 почтово-пассажирских, 5 товарно-пассажирских, 4 легких и 5 буксирных. Пассажирские пароходы этого общества были отделаны роскошно и имели много удобств: душ, паровое отопление кают, буфеты. В этом отношении особенно выделялись два парохода американского типа (двухэтажные) — «Император Александр II» (построен в 1870 г.) и «Фельдмаршал Суворов» (построен в 1882 г.). Они освещались электричеством, имели библиотеку; совершали рейсы от Нижнего Новгорода до Астрахани. Среди товарно-пассажирских пароходов этого общества можно назвать следующие: «Петр Великий», «Екатерина II», «Иоанн Грозный», «Владимир Мономах». «Кавказ и Меркурий» содержало также срочную линию между Астраханью и портами Каспийского моря (*Минх*. Т. I. Вып. 3. С. 747—758, 1308).

† † †

Наср-эд-Дин

ПРЕБЫВАНИЕ В РОССИИ

Печатается по изданию: Пребывание шаха Наср-эд-Дина во время первого путешествия его величества по Европе в 1873 году (Извлечение из собственного его величества дневника) / Пер. с персидского горного инженера Э. Кориандера. СПб., 1889.

†

Наср-эд-Дин (1831—1896) — персидский шах из династии Каджаров, старший сын Мухамеда-шаха. В 1848 г. после смерти своего отца занял престол. Во время его правления активизировались контакты Персии с европейскими государствами, прежде всего с Великобританией и Россией. Многие западные государства смогли получить в Персии концессии. Убит террористом.

В 1873 г. Наср-эд-Дин через Россию впервые отправился в путешествие по Европе. Впечатления, полученные в поездке, нашли свое отражение в дневнике шаха.

Путешествие началось 29 апреля и завершилось в конце августа 1873 г. В России шах посетил Астрахань, Царицын, где пересел на поезд, доставивший его сначала в Москву, а затем в Петербург, после пребывания в котором началась его поездка в Европу. На обратном пути, в середине августа 1873 г., прибыв на судне в Потти, шах выехал в Тифлис, откуда в экипаже отправился в Баку, где пересел на пароход «Константин», 26 августа на рейде порта Энзели шах пересел на свою паровую яхту, которая доставила его к пристани. Плыл на пароходах общества «Кавказ и Меркурий» — «Константин» (ехал шах) и «Князь Барятинский» (свита).

В путешествии по России шаха и его многочисленную свиту сопровождали генерал-адъютант императора Александра II князь В.А. Меншиков и флигель-адъютант свиты императора полковник Н.А. Безак. В тексте дневника указана дата посещения Царицына — 4 мая. (*Богданович Е.В.* Наср-эд-Дин шах и его выезд в Россию в 1873 году. СПб., 1873; Пребывание шаха Наср-эд-Дина... С. 3—4, 7—51).

†

¹ Намаз — ежедневное пятикратное моление в исламе.

² Астраханский губернатор Биппен сопровождал шаха в поездке от Астрахани до Царицына.

³ От г. Энзели в Персии до Астрахани шах и его свита плыли на пароходах «Константин» и «Князь Барятинский» общества «Кавказ и Меркурий», затем пересели на пароход «Александр», на котором прибыли в Царицын (Пребывание шаха Наср-эд-Дина... С. 4—5, 11).

К.А. Скальковский

В СТРАНЕ ИГА И СВОБОДЫ

Печатается по изданию: Скальковский К.А. В стране ига и свободы: Путевые впечатления. СПб., 1878.

Константин Аполлонович Скальковский (1843—1906) — инженер, директор Горного департамента, автор книг по экономическим вопросам, приобрел широкую известность как публицист. Начиная с 1862 г. многочисленные очерки, статьи, рецензии Скальковского появлялись на страницах «Биржевых ведомостей», «Голоса», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Нового времени». Ему принадлежит целый ряд книг, посвященных самому широкому кругу тем: от балета до внешней политики, от литературы до горно-заводской промышленности, а также путевые заметки и воспоминания.

16 мая 1874 г. К.А. Скальковский выехал из Петербурга на Астрахань. Итогом этого путешествия стали путевые очерки «В стране ига и свободы», опубликованные в 1878 г. В 1885 г. эта книга была переиздана без изменений под заглавием «Путевые впечатления по Кавказу, Турции, Сербским землям и Соединенным Штатам (В стране ига и свободы)» (СПб., 1885). В записках К.А. Скальковского присутствует и описание Царицына (Скальковский К.А. В стране ига и свободы. С. 3, 7—11).

¹ Грязе-Царицынская дорога была открыта в 1871 г. и соединила Царицын и город Грязи.

² *Борисоглебск* — город в Воронежской области. Основан в 1646 г. как укрепленный пункт против набегов кочевников. С проведением Грязе-Царицынской железной дороги Борисоглебск стал связан с Царицыном и всем Приволжским краем, откуда через Москву и Петербург привозили зерно, лес, керосин, рыбу, икру, арбузы и соль.

³ *Область войска Донского* — административно-территориальная единица в Российской империи, населенная донскими казаками и управлявшаяся по особому положению. Главный город — Новочеркасск. Упразднена в 1920 г.

⁴ *Грязи* — город в Липецкой области. Возник во второй половине XIX века как пристанционный поселок в связи со строительством Воронежско-Козловской, Орловско-Грязской и Грязе-Царицынской железных дорог.

⁵ Имеется в виду при помощи конной тяги.

⁶ См. примеч. 8 к «Путешествию» Хуана Персидского.

⁷ См. примеч. 6 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

⁸ См. примеч. 12 к «Запискам» И.-П. Фалька.

⁹ См. примеч. 5, 6 к дневнику Л.А. Ухтомского.

¹⁰ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

¹¹ *Козлов* — в настоящее время город Мичуринск Тамбовской области. Основан в 1635 г. Во второй половине XIX в. находился на пересечении большого количества железных дорог, ведущих в Москву, Рязань, Воронеж, Саратов и другие города.

¹² См. примечания к дневнику шаха Наср-эд-Дина.

¹³ *Кондуктор* — воинское звание сверхсрочнослужащих унтер-офицеров в русской армии.

¹⁴ См. примеч. 34 к очерку Е.А. Салиаса де Турнемира «Волга».

¹⁵ В 1843 г. в Петербурге было учреждено первое пароходное общество на Волге со смешанным русско-английским капиталом. Общество провело исследования волжского фарватера и заказало в Голландии буксирный пароход «Волга». В 1847 г. общество построило еще два парохода — «Самсон» и «Геркулес». В 1850-х гг. возникло еще несколько пароходных обществ: в 1852 г. — «Меркурий» (с 1858 г. — «Кавказ и Меркурий»), в 1853 г. — «Самолет», в 1854 г. — «Камско-Волжское», потом возникли «Польза», «Дружина», «Нептун», «Вулкан» и «Лебедь» (*Водолагин. С. 69—70*).

¹⁶ См. примеч. 11 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

¹⁷ См. примеч. 10 к очерку В.В. Крестовского «По дороге».

¹⁸ См. примеч. 12 к автобиографии Н.И. Костомарова.

¹⁹ См. примеч. 17 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

²⁰ «*Норма*» — название оперы итальянского композитора Винченцо Беллини (1801—1835). Либретто — Ф. Романи, по трагедии А. Суме. Первая постановка состоялась 26 декабря 1831 г. в Милане.

П.И. Чайковский

ДНЕВНИКИ

Печатается по изданию: Дневники П.И. Чайковского: 1873—1891. М.; Пг., 1923. Подготовлены к печати Ип.И. Чайковским, предисловие С. Чемоданова, примечания Н.Т. Жегина.

Дневники охватывают последние годы жизни композитора. Частично они были напечатаны в труде Модеста Ильича Чайковского «Жизнь П.И. Чайковского», приведенный в данной книге фрагмент в это издание не вошел.

Запись была сделана во время путешествия П.И. Чайковского на пароходе из Нижнего Новгорода в дневнике № 5, охватывавшем события с 15 октября 1886 г. по 2 июня 1887 г. Упоминание Царицына относится к 1886 г. (Дневники П.И. Чайковского. С. 146).

¹ *Духов день* — так иногда называют праздник Троицы (см. примеч. 18 к запискам Я.-Я. Стрейса).

² *Алеша* — Алексей Софронов, постоянный слуга П.И. Чайковского.

³ См. примеч. 12 к автобиографии Н.И. Костомарова.

† † †

Н. Мельников

ВЕТЛЯНСКАЯ ЧУМА

Печатается по изданию: Мельников Н. Ветлянская чума в 1878 и 1879 гг.: Воспоминания бывшего городского головы в г. Царицыне // Русская старина. 1889. Т. 64. № 10. С. 143—156.

†

«Ветлянская болезнь», по характерным признакам — чума, распространилась среди жителей казачьей станицы Ветлянка, расположенной на правом берегу Волги, в Енотаевском уезде Астраханской губернии, в ноябре 1878 г. По рассказам, она была занесена казаками, возвратившимися «с войны из Малой Азии». В декабре болезнь охватила жителей селения Пришиб, выше Ветлянки. Торговое и почтовое движение по зараженной местности было прекращено, и 24 декабря были созданы наблюдательные посты на границе Саратовской губернии — у Сарепты, селений Ивановка и Отрада, а также на всех перекрестных путях, ведущих в Царицын. К 26 декабря болезнь распространилась среди жителей других селений по обеим берегам Волги. К январю 1879 г. была отмечена значительная смертность. 22 января 1879 г. были учреждены новые карантинные посты, а 25 января временным астраханским, саратовским и самарским генерал-губернатором был назначен граф М.Т. Лорис-Меликов, прибывший в Царицын 28 января. В это же время саратовский губернатор М.Н. Галкин-Врасский почти постоянно находился в Царицыне и Сарепте. В районе эпидемии работали русские и заграничные медики. В феврале эпидемия пошла на спад, в марте были сожжены зараженные строения и вещи, при этом пострадавшим уплатили за уничтоженное имущество. Было обращено внимание на «нечистоту ларей и ватаг» рыбопромышленников Поволжья и Каспия, а также на «грязно-распутную и бесконтрольную жизнь рабочих обоюбого пола на этих промыслах». 27 марта 1879 г. губернатор М.Н. Галкин-Врасский вернулся в Саратов. 10 апреля Астраханский край был объявлен благополучным (Минх. Т. I. Вып. 4. С. 1137—1138).

«Ветлянка» произвела большое впечатление на современников. Некоторые называли ее одним из важнейших событий 1879 г.: «Зима 1878—1879 гг. была ознаменована двумя трагическими происшествиями. Во-первых, в Ветлянке разразилась чума, а затем 2 апреля произошло второе после Каракозова покушение на жизнь императора Александра II» (Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера / Изд. М.Г. и Э.Г. Тернер. СПб., 1910, 1911. [Ч. 1, 2]. Ч. 2. С. 76. См. также: Черепнин Н.П. Чума в Петербурге в 1879 году: (Из записок врача) // Исторический вестник. 1904. № 3. С. 935—945).

†

¹ Кокорев Василий Александрович (1817—1889) — предприниматель, публицист, меценат, коммерции советник, соучредитель Русского общества пароходства и торговли, Волжско-Каспийского пароходства «Кавказ и Меркурий», Волго-Донской железной дороги.

² *Маков Лев Саввич* (1830—1883) — государственный деятель. С ноября 1878 г. — управляющий Министерством внутренних дел, с февраля 1879 г. по август 1880 г. — министр внутренних дел.

³ *Александр II* (1818—1881, правил с 1855 г.).

⁴ «Голос» — газета либерального направления (1863—1884, Петербург).

⁵ *Здекауэр Николай Федорович* (1815—1897) — врач, общественный деятель, лейб-медик, профессор Военно-медицинской академии.

⁶ *Боткин Сергей Петрович* (1832—1889) — русский терапевт, один из основоположников клиники внутренних болезней как научной дисциплины в России, основатель крупнейшей школы русских клиницистов.

⁷ *Розов Николай Игнатьевич* (умер в 1886) — тайный советник, доктор медицины, писатель. Окончил медицинский факультет Казанского университета. В 1862 г. назначен вице-директором Медицинского департамента, с 1876 г. — его управляющим. С 1884 г. — председатель Ветеринарного комитета Министерства внутренних дел.

⁸ *Лорис-Меликов Михаил Тариэлович* (1825—1888), граф — государственный деятель. Фактически руководил военными действиями на Кавказе во время русско-турецкой войны (1877—1878), с 1880 г. — начальник Верховной распорядительной комиссии, министр внутренних дел (1880—1881).

⁹ См. примеч. 1 к путевым очеркам К.А. Скальковского.

¹⁰ См. примеч. 6 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.

¹¹ *Свербеев Александр Дмитриевич* (1835—1917) — действительный статский советник. Самарский губернатор (1878—1891). В 1891 г. перевезен из Самары в Санкт-Петербург и назначен в 4-й департамент Сената.

¹² *Снегирев Владимир Федорович* (1847—1916) — доктор медицины, профессор акушерства и гинекологии в Московском университете.

¹³ *Юзефович Владимир Михайлович* (1831—1893) — тайный советник, член совета Главного управления по делам печати (с 1881 г.). В 1879 г. пожалован званием камергера Высочайшего двора. В 1891 г. был направлен в качестве уполномоченного в пострадавшие от неурожая Пензенскую и Самарскую губернии.

¹⁴ *Эйхвальд Эдуард Эдуардович* (1837—1889) — терапевт, общественный деятель, профессор Военно-медицинской академии, первый директор Института усовершенствования врачей.

¹⁵ *Доброславин Алексей Петрович* (1842—1889) — доктор медицины, профессор гигиены в Военно-медицинской академии, общественный деятель.

¹⁶ *Чудновский Юрий Трофимович* (1843—1896) — терапевт и диагност, профессор Военно-медицинской академии.

¹⁷ «Новое время» — одна из крупнейших русских газет (1868—1917, Петербург; с 1869 г. выходила ежедневно).

¹⁸ «Московские ведомости» — одна из старейших русских газет (1765—1917, Москва; с 1859 г. выходила ежедневно).

† † †

Ф.Г. Тернер

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИЗНИ

Печатается по изданию: Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера / Изд. М.Г. и Э.Г. Тернер. СПб., 1910, 1911. (Ч. 1, 2). Ч. 2.

†

Федор Густавович Тернер (1828—1906) — государственный деятель середины XIX — начала XX в. Служебную карьеру начал в январе 1851 г. в Департаменте внутренних сношений Министерства иностранных дел в качестве третьего переводчика. В 1875 г. — тайный советник, 1898 г. — действительный статский советник. С июня 1892 г. — сенатор, с января 1896 г. — член Государственного совета по Департаменту государственной экономии. Автор работ «Государство и землевладение» (СПб., 1896—1898; 2-е изд. — 1901 г.), «Крестьянское законодательство и его движение за последние 10 лет» (Вестник Европы. 1900. № 1).

В начале 1870-х гг. Ф.Г. Тернер занимал ряд постов в Министерстве финансов. В январе 1879 г. был назначен председателем подкомиссии, входившей в состав Особой комиссии, созданной для изучения состояния железных дорог России. Подкомиссия должна была обследовать Риго-Динабургскую, Орловскую, Грязскую и Царицынскую железные дороги. В сентябре 1879 г. она прибыла в Царицын.

Мемуары Ф.Г. Тернера впервые были опубликованы в «Русской старине» в 1909—1911 гг. (Т. 137. № 3 — Т. 146. № 5) и содержали повествование о жизни автора до 1903 г. Под названием «Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера» вышли тогда же и отдельным изданием в 2 частях (СПб., 1910, 1911). О событиях после 1875 г. Ф.Г. Тернер писал, полагаясь не только на память, но и используя собственные заметки («в виде журнала»), которые он делал ежедневно. Приведенный отрывок публикуется по тексту отдельного издания (Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Ч. 2. С. 90).

†

¹ *Шаланда* (франц.) — плоскодонная парусная рыболовная лодка.

† † †

Е.И. Рагозин

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РУССКИМ ГОРОДАМ

Печатается по изданию: Рагозин Е.И. Путешествие по русским городам // Русское обозрение: Литературно-политический и научный журнал. 1891. № 7. С. 207—261.

Евгений Иванович Рагозин (1843—1906) — общественный деятель, экономист. 8 августа 1888 г. выехал из Москвы в путешествие по Тамбовской, Пензенской губерниям, Поволжью. В своих записках много внимания Е.И. Рагозин уделил экономическим аспектам (С. 207, 256—261).

¹ См. примеч. 5 к дневнику П.А. Ухтомского.

² См. примеч. 5 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

³ См. там же. Примеч. 1.

⁴ См. примеч. 1 к путевым очеркам К.А. Скальковского.

⁵ Имеется в виду добыча соли в районе города Бахмут (с 1924 г. — город Артемовск Донецкой области).

⁶ Имеется в виду соляной промысел на озере Баскунчак (см. примеч. 14 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина).

⁷ Железнодорожная ветка Царицын — Тихорецкая и далее к Владикавказу и Новороссийску была построена в 1897 г.

⁸ Рыбинск — город на Волге в Ярославской области. Известен с 1071 г. как Усть-Шексна, в 1504—1779 гг. — Рыбная слобода.

⁹ Новороссийск — порт на Черном море, находится в Краснодарском крае. Основан в 1838 г.

¹⁰ См. примеч. 8 к «Путешествию» Хуана Персидского.

¹¹ Мариинская водная система — искусственный водный путь, соединяющий Волгу с Балтийским морем. Сооружена в начале XIX в. В настоящее время — Волго-Балтийский водный путь.

¹² Каменная застройка велась в Царицыне крайне медленно. В 1825 г. в городе насчитывалось 9 каменных и 717 деревянных зданий. К 1860 г. прибавился всего 1 каменный дом и 210 деревянных (Атопов. С. 17).

¹³ Сызрань — город Самарской области. Основана в 1683 г. как крепость.

¹⁴ К 1909 г. только $\frac{1}{12}$ из всех царицынских улиц имели булыжное покрытие, остальные тонули в пыли и грязи (Атопов. С. 23).

¹⁵ Водопровод начали строить в 1890 г. (см. примеч. 6 к очеркам Е.Л. Маркова).

С.Ю. Витте

ВОСПОМИНАНИЯ

Печатается по изданию: Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. М., 1960. Т. 1 (1849—1894).

Граф Сергей Юльевич Витте (1849—1915) — виднейший государственный деятель России конца XIX — начала XX в. В феврале — августе 1892 г. исполнял обязанности министра путей сообщения, с августа 1892 г. — министр финансов.

Весной 1892 г. на Волге вспыхнула холера. Александр III приказал С.Ю. Витте отправиться с инспекцией принимаемых мер. Путешествие Витте началось в Самаре, откуда министр спустился по Волге до Саратова, а затем отправился в Царицын (*Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 265—266*)

† † †

Е.Л. Марков

РОССИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Печатается по изданию: Марков Е.Л. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге: В 2 т; В 6 ч. СПб., 1901. Т. 2.

+

Евгений Львович Марков (1835—1903) — известный публицист, критик, прозаик. Его отец был офицером свиты Александра I, мать — дочь суворовского генерала Гана. Марков учился в Харьковской, а затем в Курской гимназии. В 1857 г. окончил Харьковский университет кандидатом естественных наук. Первые свои работы Е.Л. Марков посвятил педагогике, отстаивая идею «реального» образования («школы жизни»), борясь за ослабление административного и церковного давления на учебные заведения. С 1859 г. он преподавал в Тульской гимназии, с 1865 г. стал директором Симферопольской гимназии и народных училищ Таврической губернии. Не сойдясь взглядами с представителями Министерства просвещения, в 1870 г. Е.Л. Марков подал в отставку и, проведя год в Германии и Швейцарии, поселился в своем имении Александровка. Перу Маркова принадлежат новеллы «Барчуки. Картины прошлого» (СПб., 1875) и «Учебные годы старого барчука» (СПб., 1901), романы «Черноземные поля» (СПб., 1877), «Берег моря» (СПб.; М., 1880) и другие произведения.

Наиболее плодотворно Е.Л. Марков работал в жанре путевого очерка. Ежегодно он отправлялся из своего имения в какое-нибудь путешествие. Широкую известность Маркову принесли «Очерки Крыма» (СПб., 1872), а также «Очерки Кавказа» (СПб.; М., 1887), «Путешествие на Восток. Царь-град и Архипелаг. В стране фараонов» (СПб., 1890), «Путешествие по Святой земле» (СПб., 1891), «Путешествие по Сербии и Черногории» (СПб., 1903). В путевых очерках Маркова соединились бытовые зарисовки, этнографические описания с публицистическими отступлениями.

Свои записки «Россия в Средней Азии» автор посвятил брату Н.Л. Маркову. В первом томе он описал Кавказ, Туркмению, Среднюю Азию; во втором — Фергану, долину Заравшана и обратный путь домой по Волге, в том числе и посещение Царицына. Основная цель труда — познакомить русское общество с азиатской частью России, недавно вошедшей в состав империи. Свои записки Е.Л. Марков называл «беспритязательным дневником писателя-художника», в котором он старался сохранить свежесть непосредственных путевых впечатлений (*Марков Е.Л. Россия в Средней Азии. С. IX—XI, 403—408*).

¹ Пароходное общество «Самолет» было основано в 1853 г., ему принадлежали легкие пароходы. По характеристике А.Н. Минха, на них ездили «преимущественно люди деловые, мало обращающие внимание на комфорт, но дорожащие временем, так как пароходы этого общества ходят очень быстро». Пароходы общества «Самолет» совершали рейсы между Саратовом и Царицыном, Царицыном и Астраханью, Казанью и Саратовом, Нижним Новгородом и Казанью (*Минх*. Т. I. Вып. 3. С. 747—758, 1308).

² *Волжское общество* (точнее общество «По Волге») учреждено в 1843 г., в 1844 г. владело уже 14 пароходами (14 буксирных, 10 легких почтово-пассажирских, построенных в основном в Англии), которые совершали рейсы между Нижним Новгородом и Астраханью (*Минх*. Т. I. Вып. 3. С. 747—758, 1308).

³ См. примеч. 34 к запискам Е.А. Салиаса де Турнемира «Волга».

⁴ Пароходство А.А. Зевеке возникло в 1870-х гг. на основе Камско-Волжского общества, после банкротства последнего. В 1890 г. имело 8 пассажирских пароходов, двухэтажных, совершавших рейсы между Нижним Новгородом и Астраханью три раза в неделю, и 5 пароходов, совершавших ежедневные рейсы между Рыбинском и Нижним Новгородом. За исключением двух, пароходы освещались электричеством. В конце июля 1893 г. недалеко от Рыбинска сгорел большой двухэтажный пароход «Альфонс Зевеке», погибло много пассажиров; 29 октября сгорел пассажирский пароход «Государыня» общества «По Волге» (*Минх*. Т. I. Вып. 3. С. 747—758, 1308).

⁵ Каждое пароходное общество имело в Царицыне свои пристани; на рубеже XIX—XX вв. их было 12 (*Минх*. Т. I. Вып. 3. С. 747—758, 1308).

⁶ Водопровод в Царицыне был открыт 21 октября 1890 г. (заложен 15 апреля того же года). Построила его фирма братьев Бромлей за 215 тыс. р. Мощность — 150 тыс. ведер в сутки. Первоначальная длина — 14 верст 65 сажений. На улицах города было построено 14 водоразборных будок, и будочники взимали плату за воду жестяными марками, которые населению продавала городская управа. На каждые 50 тыс. ведер в сутки имелся фильтр. Забор воды из Волги производился двумя всасывающими трубами (диаметром 8 дюймов каждая). Здание водокачки было построено на берегу Волги. В 1912 г. городской водопровод стал подавать до 750 тыс. ведер в сутки, но и это не позволило обеспечить водой жителей окраин города (*Водолагин*. С. 113—114).

⁷ *Лабаз* (устар.) — помещение для торговли зерном, мукой, их хранения.

⁸ См. биографическую справку к запискам К. де Бруина «Путешествие в Московию».

⁹ См. примеч. 14 к очеркам Е.И. Рагозина.

¹⁰ С началом быстрого развития Бакинского нефтяного района, когда в 1872 г. были отменены откупы на нефтедобычу и создались условия для свободного использования капитала в нефтяной промышленности, Царицын начинает играть основную роль в грузообороте нефтепродуктов. Первоначально быстрое развитие получило производство бакинского керосина, который по Волге доставлялся в Царицын и дальше перевозился в цистернах — вагонах по железным дорогам. С 1879 (1878) г. по 1884 г. товарищество братьев Нобель построило для этого первые 1,5 тыс. железнодорожных цистерн. В 1883 г. была заключена конвенция об установлении прямого сообщения для перевозки керосина из Баку в Царицын и далее по железным дорогам. В итоге Царицын стал пунктом двух прямых товарных сообщений от пристаней Волги и портов Каспия — Московско-Волжско-Каспийского (Москва — Царицын) и Рижско-Волжско-Каспийского (Рига — Царицын), через ко-

торое грузы шли за границу. В 1885 г. возникло третье товарное сообщение — Варшавско-Волго-Каспийское (Варшава — Царицын), через которое имелся выход в Германию, Австро-Венгрию, Францию и Англию. В 1890-х гг. в связи с развитием пароходства и использованием мазута в качестве топлива (как и на железнодорожном транспорте) резко возросло количество перевозок мазута. В связи с этим к концу 1890-х гг. были построены резервуары: 85 больших и 31 малых, 6 ям — хранилищ общей емкостью около 20 млн пудов. К 1910 г. 14 крупнейших фирм России довели емкость нефтехранилищ до 30 млн пудов. В сутки на нефтебазах в Царицыне наливали и отправляли по 60 и более эшелонов нефтепродуктов, а годовой оборот (в 13—15 млн р.) был в течение многих лет самым большим в России (Водолагин. С. 89—91).

¹¹ *Нобелевский городок* — промышленный комплекс, принадлежавший фирме «Нобель»: сооружения для перекачки нефтепродуктов, резервуары, бондарный завод и др. Подобные пункты товарищество «Нобель» имело к 1890 г. в Астрахани, Саратове, Нижнем Новгороде и в других городах на железнодорожных станциях (*Монастырский*. С. 217—220; *Минх*. Т. I. Вып. 3. С. 673).

¹² Нобелевский городок назван по имени его основателя — нефтепромышленника, инженера, члена Русского технического общества Людвига Эммануиловича Нобеля (1831—1888).

¹³ См. примеч. 1 к путевым очеркам К.А. Скальковского.

¹⁴ Соляные пристани со складами размещались по берегу Волги от поселка Бутырки до Нобелевского городка. Перевалка соли через Царицын шла прежде всего с озера Баскунчак (*Водолагин*. С. 94).

¹⁵ Очевидно, имелись в виду резервуары компании Тагиева и Саркисова. Там же рядом располагались резервуары Грязе-Царицынской железной дороги, товарищества «Лебедь», братьев Меркульевых и инженера Кульжинского (*Монастырский*. С. 220).

¹⁶ См. примеч. 18 к «Запискам» И.-П. Фалька.

¹⁷ *Ибн Дауд* — то же, что ибн Руста Абу Али Ахмед ибн Омар (вторая половина IX — начало X в.) — арабский географ. Автор «Книги драгоценных ожерелий», из которой до нас дошел только седьмой том, который является ценным источником по истории народов Ближнего и Среднего Востока и Восточной Европы.

¹⁸ См. примеч. 8 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

¹⁹ *Карамзин Николай Михайлович* (1766—1826) — писатель, историк, автор «Истории государства Российского»

²⁰ *Саркел* — город на Дону (X—XII вв.). Первоначально был хазарским, но в 965 г. взят князем Святославом и стал русской крепостью — Белая Вежа.

²¹ См. примеч. 2 к письму Х. Бэрроу.

²² См. примеч. 3 к «Золотаревскому летописцу» и примеч. 8 к «Описанию всех обитающих в Российском государстве народов» И.-Г. Георги.

²³ См. примеч. 8 к «Путешествиям в разные азиатские земли» Дж. Белля.

²⁴ См. примеч. 4 к письму Х. Бэрроу.

²⁵ См. примеч. 12 к «Запискам» И.-П. Фалька.

²⁶ См. примеч. 10 к запискам А. Дюма «От Парижа до Астрахани».

²⁷ О попытках построить канал при Петре Великом см. примеч. 3 к «Запискам» И.А. Желябужского и биографическую справку к сочинению Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».

²⁸ См. примеч. 4 к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».

²⁹ См. примеч. 1 к «Хожению» Ф.А. Котова.

³⁰ См. примеч. 13 к «Запискам» И.-П. Фалька.

³¹ Имеется в виду Волжско-Донская дорога (см. примеч. 5 к дневнику П.А. Ухтомского).

³² См. примеч. 4 к путевым очеркам К.А. Скальковского.

³³ Орел — город на реке Ока. Основан в 1566 г. как крепость.

³⁴ См. примеч. 5 к «Хожению» Ф.А. Котова.

³⁵ См. примеч. 7 к «Путешествию по Волге» братьев Г.Г. и Н.Г. Чернецовых.

³⁶ См. примеч. 6 к «Хожению» Ф.А. Котова и примеч. 11 к «Описанию путешествия в Московию» А. Оллария.

³⁷ Царицын стал уездным городом Саратовской губернии в 1782 г.

³⁸ Еруслан — левый приток Волги.

³⁹ См. примеч. 35 «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

⁴⁰ См. там же. Примеч. 14.

⁴¹ *Крепостная ограда, бастионы, люнеты, башни* — имеется в виду система укреплений, общепринятая в середине XIX в. Крепостная ограда — пояс укреплений, непосредственно окружающий обороняемый район. Бастион — пятиугольное в плане укрепление, вынесенное вперед относительно крепостной ограды. Башня («Монталамберова башня») — сравнительно небольшое, отдельное, вынесенное вперед сооружение, обычно округлой формы с несколькими ярусами амбразур (Яковлев В.В. Эволюция долговременной фортификации. М., 1931; Шперк В.Ф. Фортификационный словарь. М., 1946).

⁴² В 45 км к северу от Камышина из воды поднимаются колоссальные столбы — колонны, образованные из осадочной породы и уходящие вдаль на 1,5—2 км. От своей формы этот памятник природы получил название — Столбичи или Уши (Рогаткина А.Н. Столбичи // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1973. Вып. 1. С. 157).

† † †

В.М. Сидоров

ВОЛГА

Печатается по изданию: Сидоров В.М. По России. Ч. 1: Волга: Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. СПб., 1894.

†

Василий Михайлович Сидоров (псевдоним — Отрадин) — путешественник, ботаник, драматург и поэт. В начале 1890-х гг. совершил путешествие по Волге, о чем составил подробный отчет, в котором описал верховья Волги, немецкие колонии, Тверь, Симбирск, Углич, Рыбинск, Саратов, в том числе и Царицын.

Основная цель, которую преследовал автор, создавая свои записки, — привлечение внимания отечественных путешественников к красотах родной земли, а также создание удобного путеводителя для использования в дороге. Однако справочные сведения для туристов содержатся только в конце издания, в целом же работа представляет собой описание путевых впечатлений автора.

Вторая часть очерков «По России» была посвящена Кавказу (СПб., 1897). В 1895 г. первая часть была переиздана (Сидоров В.М. По России. Ч. 1. С. III—V, 294—301).

+

- ¹ Крутики — то же, что яр, обрыв, утес, скала; положение близко к отвесному.
² См. примеч. 5 к письму Х. Бэрроу.
³ См. примеч. 6 к дневнику Л.А. Ухтомского.
⁴ См. примеч. 4 к путевым очеркам К.А. Скальковского.
⁵ См. примеч. 5 к дневнику Л.А. Ухтомского и примеч. 1 к путевым очеркам К.А. Скальковского.
⁶ См. примеч. 18 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Лерхе.
⁷ См. примеч. 1 к запискам А.Ф. Воейкова.
⁸ См. примеч. 48 к «Воспоминаниям о Саратовской губернии» В.И. Беккера.
⁹ См. там же. Примеч. 34.
¹⁰ Дом Божескова был построен в 1880—1881 гг. Этот дом, трехэтажный, каменный, считался самым большим и представительным не только в Царицыне, но и в Поволжье. С 1882 г. антрепренер А.А. Христич арендовал зал в доме купца Божескова. В этом зимнем театре работала труппа, состоящая из 17 артистов (Водолагин. С. 106; Волгоград. С. 65).
¹¹ См. примеч. 5, 7 к «Путешествиям в разные азиатские земли» Дж. Белля и примеч. 6 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.
¹² См. примеч. 6 к очеркам Е.Л. Маркова.
¹³ См. там же. Примеч. 11.
¹⁴ См. примеч. 11 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.
¹⁵ См. примеч. 10 к очерку В.В. Крестовского «По дороге».
¹⁶ *Линейка* — длинный многоместный, открытый экипаж с продольной перегородкой, в котором пассажиры сидят боком к направлению движения.
¹⁷ См. примеч. 17 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.
¹⁸ См. примеч. 37 «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.
¹⁹ См. примеч. 19 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.
²⁰ См. примеч. 61 «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.
²¹ См. примеч. 6 к «Путешествию через Московию» К. де Бруина.
²² Похожие впечатления от Сарепты описывал и граф А.В. Салтыков, посетивший колонию в 1797 г. (см. выше «Записки путешественника в Сарепту»).

+ + +

И.Ф. Шевченко-Красногорский

ПО ВОЛГЕ И КАСПИЮ

Печатается по изданию: Шевченко-Красногорский И. По Волге и Каспию: Путевые наброски. СПб., 1895.

+

Иван Ефимович Шевченко-Красногорский покинул Петербург, чтобы совершить путешествие по Волге и Каспийскому морю до Узун-Ада.

Автор отправился в Москву, затем — в Нижний Новгород, где сел на пароход; посетил Казань, Симбирск, Самару, Саратов, Астрахань. В Царицыне автор оказался после пребывания в Камышине (*Шевченко-Красногорский И.Е. По Волге и Каспию. С. 3, 7, 30—39*).

+

¹ См. примеч. 4 к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».

² См. примеч. 12 к «Запискам» И.-П. Фалька.

³ См. примеч. 5 к «Хожению» Ф.А. Котова.

⁴ См. примеч. 8 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

⁵ См. примеч. 14 к очеркам Е.И. Рагозина.

⁶ *Усть-Казанская* — пристань на Волге.

⁷ О различных эпидемиях на Нижней Волге, в том числе и в Царицыне, см. примеч. 23, 67 к «Воспоминаниям о Саратовской губернии» В.И. Беккера и примечания к «Воспоминаниям» С.Ю. Витте.

⁸ См. примеч. 7 к очеркам Е.Л. Маркова.

⁹ См. примеч. 6 к дневнику Л.А. Ухтомского.

¹⁰ См. примеч. 3 к очерку В.В. Крестовского «По дороге».

¹¹ См. примеч. 6 к «Запискам» Л. Фабрициуса.

¹² См. примеч. 11 к очеркам Е.Л. Маркова.

¹³ См. там же. Примеч. 12.

¹⁴ *Баку* — город на Каспийском море, столица Азербайджанской республики. Известен с V в., с 1747 г. — столица Бакинского ханства, с 1806 г. — в составе Российской империи.

¹⁵ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

¹⁶ См. примеч. 17 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

¹⁷ См. примеч. 11 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

¹⁸ См. примеч. 14 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.

¹⁹ См. примеч. 37 к «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

²⁰ См. там же. Примеч. 55.

† † †

П.А. Крушеван

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ

Печатается по изданию: Крушеван П.А. Что такое Россия? Путевые заметки. М., 1896.

+

Павел (Паволакый) Александрович Крушеван (1860—1909) — прозаик, публицист. Происходил из помещицкой семьи. Образование получил в Кишиневской гимназии; затем был присяжным поверенным, чиновником Городской думы в Кишиневе, в 1887—1895 гг. служил в Минском акцизном управлении. С первых опубликованных произведений — повестей «Разоренное гнездо» (СПб., 1882), «Счастливее всех» (СПб., 1882) и др. — устано-

вился характер прозы П.А. Крушевана: мотивы родового упадка и семейной драмы, интрига с участием ущербного отпрыска рода, всяческих дельцов, проходимцев и т. д., убеждающая в тщетности борьбы с обстоятельствами. Большое влияние на его творчество оказали Л.Н. Толстой, И. Тэн и П. Бурже. В 1896—1897 гг. были опубликованы криминально-психологический роман Крушевана «Дело Артабанова» и сборник рассказов «Призраки». В ряде изданий («Виленский вестник», «Минский листок», «Бессарабский вестник», «Бессарабец», «Друг», «Щелкунчик») П.А. Крушеван выступал в качестве публициста и очеркиста. В 1905 г. возглавил Бессарабское отделение «Союза русского народа», был избран депутатом второй Государственной думы.

В 1895 г. П.А. Крушеван совершил путешествие по России, которое продолжалось два месяца. 30 июля он выехал из Минска и отправился по Белоруссии, затем в Москву, по Волге, Каспийскому морю, Кавказу, Крыму, Бессарабии, Украине и Днепру, через Гомель вернулся в Минск. В пути П.А. Крушеван вел заметки в форме дневника, которые были опубликованы под заглавием «Что такое Россия?» в 1896 г. В 1900 г. появилось второе издание.

Описание Царицына относится к августу 1895 г. (*Крушеван П.А. Что такое Россия? С. IX, 1—2, 131—135*).

¹ См. примеч. 1 к путевым очеркам К.А. Скальковского.

² *Дю-Фар* — француз, с которым П.А. Крушеван познакомился на пароходе «Гольф» после отплытия из Казани. Дю-Фар путешествовал по России с целью знакомства с русской живописью (*Крушеван П.А. Что такое Россия? С. 112—115*).

³ *Рогачев* — уездный город Могилевской губернии (в настоящее время — центр Рогачевского района Гомельской области). Расположен на Днепре у впадения реки Друть. В летописи упоминается с XII в., когда входил в состав Черниговского княжества.

⁴ *Орша* — уездный город Могилевской губернии (в настоящее время — центр Оршанского района Витебской области). Расположен на Днепре при впадении в него реки Оршицы. Впервые упоминается в летописи под 1067 г.

⁵ *Шаптала* (или шептала) — сушеные персики и абрикосы.

⁶ См. примеч. 6 к очеркам Е.П. Маркова.

⁷ См. примеч. 16 к «Описанию путешествия в Московию» А. Олеария.

⁸ См. примеч. 29 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

⁹ *Ясак* (тюрк.) — в России XV—XX вв. натуральный налог с народов Сибири и Севера, главным образом пушниной.

¹⁰ Лучшей гостиницей в Царицыне считалась «Столичная», в номерах которой имелись ванна, душ, электрическое освещение и др. При гостинице был расположен и лучший в городе ресторан. Кроме того, свои услуги предлагали гостиницы «Националь», «Франция», номера братьев Серебряковых, «Россия» и гостиница Косоговского (*Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. Одесса, 1910. С. 285*).

¹¹ См. примеч. 6 к «Запискам» Л. Фабрициуса.

¹² *Кафешантан* — в буквальном переводе с фр. — кафе с пением. Обычно так называют кафе или рестораны, где выступают артисты, исполняющие танцы и песни развлекательного, часто фривольного характера.

¹³ *Шансонетка* (фр.) — песенка игривого, часто фривольного содержания, исполняемая в кафешантанах.

¹⁴ *Старообрядцы* — последователи старообрядчества — направления, возникшего в середине XVII в. в русской православной церкви в результате раскола. Отказались признать реформу патриарха Никона и были прокляты на церковном соборе 1666—1667 гг. (анафема была снята только в 1971 г.). Подвергались жестоким гонениям.

¹⁵ Имеются в виду последователи армяно-григорианской церкви — одной из древних христианских церквей. Основана в 301 г. епископом Григором. В догматическом и культовом отношении близка к православия. Возглавляется верховным патриархом-католикосом всех армян.

¹⁶ *Ламаизм* — форма буддизма, распространенная в автономных районах Тибета и Внутренней Монголии (КНР), в некоторых районах Непала и Индии, Бурятии, Калмыкии и Тыве.

¹⁷ *Магометане* — мусульмане, последователи ислама.

¹⁸ В 1838 г. в Царицыне открылась школа для обучения русскому языку детей калмыков и подготовки их к миссионерской деятельности по распространению христианства. Школу возглавлял протоиерей и благочинный П. Лугарев. За время своей деятельности (1832—1848) он сумел обратить в христианство 4 000 калмыков. Просвещением калмыков и миссионерской деятельностью среди них занимались и сарептяне (см. также примеч. 11 к «Запискам путешественника в Сарепту» А.В. Салтыкова).

¹⁹ *Нойон* — у ойратов владелец улуса и его жителей.

²⁰ См. примеч. 28 «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

²¹ См. примеч. 17 к «Золотаревскому летописцу».

²² См. примеч. 21 к «Известию о втором путешествии в Персию» И.Я. Перхе.

²³ *Хурул* (или хурал) — собрание. Обозначает собрание духовных лиц для буддийского богослужения, а также собственно буддийский храм. В Монголии хурул-таем называлось собрание представителей правящего класса.

²⁴ *Гелюнг* — духовное лицо.

²⁵ См. примеч. 25 «Путешествию по России» С.-Г. Гмелина.

²⁶ *Пенсне* (фр.) — очки без заушных дужек, держащиеся на носу посредством зажимающей переносицу пружины.

²⁷ См. примеч. 17 к «Дневным запискам» И.И. Лепехина.

²⁸ См. примеч. 9 к автобиографии Н.И. Костомарова.

²⁹ См. примеч. 10 к очерку В.В. Крестовского «По дороге».

³⁰ См. примеч. 11 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

³¹ *Штоф* (нем.) — русская мера объема жидкости, равна двум водочным бутылкам или десяти чаркам, то есть 1,23 л.

³² *Гривна* — денежная и весовая единица в Древней Руси, в XV в. вытеснена рублем, с XVI в. — денежно-счетная единица, равная 10 копейкам (отсюда гривенник).

ГЛАВА VII. ЦАРИЦЫН В НАЧАЛЕ XX в.

† † †

Арсений

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Печатается по изданию: Путевые заметки Арсения архиепископа Казанского и Свияжского во время его путешествия на богомолье в августе и сентябре 1902 года // Известия Казанской епархии. 1902. № 20. С. 911—927.

†

Записки архиепископа Арсения написаны на основании заметок, которые регулярно по дням, с указанием точного времени тех или иных событий, в том числе и обычных, например: «26 августа я проснулся очень рано (в 4 ч.)», он вел в поездке в течение двух месяцев — с 25 августа по 24 сентября 1902 г. Цель путешествия была определенной — «на богомолье в Киев и оттуда в Чернигов поклониться новопреставленному Святителю Феодосию — Черниговскому чудотворцу». Путь был намечен «по Волге до Царицына; по железной дороге от Царицына до Новороссийска; по Черному морю от Новороссийска до Севастополя и от Севастополя — чрез Черное море в Одессу, а оттуда — в Киев» (С. 911, 915—916).

†

¹ См. примеч. 9 к очеркам Е.И. Рагозина.

² См. примеч. 2 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

³ *Тихорецк* — город в Краснодарском крае. В конце XIX в. станция Тихорецкая являлась узловой станцией Владикавказской железной дороги.

⁴ См. примеч. 7 к очеркам Е.И. Рагозина.

† † †

В.З. Королев

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Печатается по изданию: Королев В.З. Первые шаги // Дорогой борьбы и побед: Сб. воспоминаний и статей к 60-летию КПСС / Сост. и лит. обраб. В.И. Томарева. Волгоград, 1963. С. 7—10.

†

В.З. Королев — участник революционного движения, член РСДРП с 1902 г. Воспоминания отражают деятельность первых социал-демократических кружков в Царицыне 1900—1903 гг.

¹ *Чернышевский Николай Гаврилович* (1828—1889) — писатель, революционер-демократ. Основное произведение — роман «Что делать?».

² *Горький Максим* (настоящее имя и фамилия — Алексей Максимович Пешков) (1868—1938) — писатель, участник революционного движения.

³ *Толстой Лев Николаевич* (1828—1910) — писатель.

⁴ *Народничество* — направление в русском революционном движении, сформировавшееся в 1860-х гг. Основные представители — разночинная интеллигенция. Родоначальники и идеологи — Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев.

⁵ *Эсеры* — социалисты-революционеры, левая буржуазно-демократическая партия в России (1901—1923). Подробнее об организациях эсеров в Царицыне и Царицынском уезде см.: *Гребнев П.В.* Записки предателя. Кострома, 1918. С. 52—54.

⁶ *Экономизм* — течение в русской социал-демократии в конце XIX — начале XX в. Лидеры — С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова, Б.Н. Кричевский, А.С. Мартынов и др.

⁷ Российская социал-демократическая рабочая партия была создана в 1898 г.

⁸ Казанский университет основан в 1804 г.

⁹ *«Искра»* — первая общероссийская социал-демократическая газета (1900—1905).

¹⁰ *Французский завод* (завод «Урал — Волга») — один из девяти металлургических заводов, которые в 1897—1898 гг. строились в России. Несмотря на то, что в районе Царицына не было ни угля, ни руды, строительство металлургического завода было экономически выгодно, так как водным путем сюда можно было доставлять уральский чугун и бакинское нефтетопливо, а по железной дороге — донецкий уголь. Ставший к 1890-м гг. крупным транспортным узлом Царицын мог по водным и железнодорожным путям доставлять металл в центральные губернии, в районы Поволжья, Кавказа и Кубани. В 1895 г. в Париже было создано общество «Урал — Волга» с основным капиталом в 18 млн р., которое приобрело у города для строительства завода 200 десятин земли. С февраля 1897 г. начались подготовительные работы, 30 апреля состоялась закладка завода, в 1898 г. он начал выпускать продукцию: торговое железо, рельсы, рельсовые скрепления, мостовые формы и др. В 1912 г. завод «Урал — Волга» перешел в собственность «Донецко-Юрьевского металлургического комбината» (ДЮМО). В советское время он получил название «Красный Октябрь» (*Водолагин М.А., Щеглов В.Н.* Металлургический завод «Красный Октябрь». М., 1957; *Водолагин*. С. 99—100).

¹¹ Решение о проведении первого мая ежегодных рабочих демонстраций было принято в июле 1889 г. I (Парижским) конгрессом II Интернационала. Этот день был выбран в память о забастовке и демонстрации чикагских рабочих 1 мая 1886 г., закончившихся кровопролитным столкновением с полицией.

¹² *Гектограф* — простейший прибор для размножения текста и иллюстраций; действие основано на способности застывшего желатинового слоя воспринимать специальную краску оригинала и затем передавать ее на прижимаемые листы бумаги.

¹³ *Царицынская тюрьма* — строительство ее было начато 27 мая 1884 г., освящение состоялось 5 октября 1886 г., помещения были рассчитаны на 200 человек (*Минх. Т. I.* Вып. 4. С. 1303).

¹⁴ *Дубинушка* — общее название русских народных (бурлацких) песен с припевом «Эх, дубинушка, ухнем!» или «Ухни, дубинушка, ухни!» и др. Слова одной из

таких песен были использованы в стихотворении В. Богданова (1865 г.); обработка этого стихотворения А. Ольхиным получила широкое распространение. С середины 1890-х гг. «Дубинушка» стала одной из любимейших рабочих песен, всенародную популярность приобрела в период революции 1905—1907 гг.

¹⁵ II съезд Российской социал-демократической рабочей партии состоялся в июле — августе 1903 г., заседания проходили в Брюсселе и Лондоне. Съезд принял программу и устав партии. При выборах руководящих органов произошло разделение на «большинство» и «меньшинство», оформившееся затем в «два течения» — «большевизм» и «меньшевизм».

¹⁶ *Ленин (Ульянов) Владимир Ильич* (1870—1924) — организатор и идейный руководитель РСДРП, основатель Советского государства.

¹⁷ *Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович* (1873—1923) — революционер, социал-демократ, с 1903 г. один из лидеров «меньшевизма» в РСДРП.

¹⁸ *Аксельрод Павел Борисович* (1850—1928) — участник революционного движения в России с 1870-х гг., с 1903 г. один из лидеров «меньшевизма» в РСДРП.

¹⁹ В 1875 г. в Царицыне было пущено в эксплуатацию первое металлообрабатывающие предприятия — котельные мастерские, построенные американским инженером А.В. Бари. Затем они были расширены за счет организации литейного, кузнечного и болтозаклепочного цехов. В 1900 г. эти предприятия перешли во владение французской фирмы «Торговый дом Гардиен и инженер Валлос» (*Минх. Т. I. Вып. 4. С. 1317—1318; Богданова. С. 28—29; Волгоград. С. 56*).

²⁰ Подробнее о восстании Бобруйского полка см. воспоминания Я. Холщевникова.

† † †

И.А. Лерман

ЦАРИЦЫНСКАЯ ГРУППА РСДРП В 1905 ГОДУ

Печатается по изданию: Лерман И.А. Царицынская группа РСДРП в 1905 году // Дорогой борьбы и побед: Сб. воспоминаний и статей к 60-летию КПСС / Сост. и лит. обраб. В.И. Томарева. Волгоград, 1963. С. 10—17.

+

И.А. Лерман — один из организаторов Царицынской группы РСДРП, активный участник революции 1905—1907 гг. Воспоминания были впервые опубликованы в 1925 г.

+

¹ 9 января 1905 г. — Кровавое воскресенье — расстрел войсками демонстрации в Петербурге, начало первой революции в России 1905—1907 гг.

² См. примеч. 8 к запискам В.З. Королева.

³ См. там же. Примеч. 12.

⁴ См. там же. Примеч. 11.

⁵ См. там же. Примеч. 5.

⁶ Через Царицын следовало большое количество хлебных грузов, что способствовало развитию мукомольной промышленности: в городе действовало 6 па-

ровых мельниц. Самой крупной была мельница Туркина на реке Царице, впоследствии — «Товарищество паровой мельницы» (Водолагин. С. 94; Волгоград. С. 57).

⁷ См. примеч. 10 к очеркам Е.П. Маркова

⁸ На базе металлургического производства в Царицыне с начала XX в. возникло 16 металлообрабатывающих предприятий, среди них — гвоздильно-проволочный завод братьев Серебряковых (1901 г.) (Водолагин. С. 102; Волгоград. С. 57).

⁹ В 1881 г. в Царицыне был построен первый лесопильный завод. Машинная распиловка леса быстро вытеснила ручную. В 1890 г. в городе действовало уже 17 лесопильных заводов на 22 пилорамы, а в 1916—1945 гг. — на 116 пилорам общей производительностью 1,6 млн м³ пиломатериалов. Лесозаводы размещались по берегу Волги ниже устья Царицы тремя группами — городская (Царицынская), Ельшанская и Бекетовская. По своей мощности лесоперерабатывающие заводы Царицына занимали первое место в России. На них производилась распиловка леса, сплавляемого по Каме и Волге. Пиломатериалы реализовывались в России и за границей (Водолагин. С. 92—93).

¹⁰ См. примеч. 10 к запискам В.З. Королева.

¹¹ *Минин Сергей Константинович* (1882—1962) — участник революционного движения, член РСДРП с 1905 г. Родился в семье священника, впоследствии протоиерея Успенского собора посада Дубовки, Царицынского уезда. Мать — народная учительница. Учился в церковно-приходской школе (3 года), двухклассном городском (1 год), затем духовном училище в Камышине (4 года) и в духовной семинарии в Саратове (6 лет). По окончании семинарии поступил осенью 1903 г. в Юрьевский (Дерпт-Лифляндский) университет на историко-филологический факультет. Тогда же начал участвовать в революционной деятельности студенческих организаций. В октябре 1905 г. стал членом РСДРП, был председателем партийного комитета в Царицыне. 13 декабря 1905 г. был арестован и осужден на один год и десять месяцев заключения в крепости. Освобожден 14 октября 1907 г. Так как доступ в русские университеты после ареста и заключения был закрыт, с осени 1908 г. до весны 1910 г. учился в Венском (Австрия) университете на историческом факультете. Последующие аресты за революционную деятельность состоялись: 20 сентября 1910 г. сослан в Архангельскую губернию, освобожден в январе 1914 г.; 29 июля 1914 г. — в Царицыне за статью в газете против войны, сослан в Сибирь (Енисейский уезд), освобожден осенью 1916 г. С середины марта 1917 г. — председатель партийного комитета в Царицыне. В четвертый раз арестован 20 июля 1917 г., отправлен в Саратовскую губернскую тюрьму, освобожден 29 августа Саратовским гарнизоном. После освобождения избран городским главой Царицына, председателем Совета депутатов и затем членом Учредительного собрания (подробнее см.: *Партийный спутник Царицынского губернского комитета РКП. 1922—1923. № 7—8 (декабрь — январь). С. 135—136).*

¹² *Юрьевский* — то же, что Дерптский университет (с 1893 г.) (см. также примеч. 9 к «Воспоминаниям о Саратовской губернии» В.И. Беккера).

¹³ Речь идет о событиях Русско-японской войны 1904—1905 гг.

¹⁴ *Кадеты* — конституционно-демократическая партия, официально представляла интересы либерально-монархической буржуазии в России (1905—1917).

¹⁵ Подробнее о Бобруйском полке см. воспоминания Я. Холщевникова.

¹⁶ *Московское восстание* — вооруженное восстание в Москве с 9 по 18 декабря 1905 г.

¹⁷ *Октябрьские дни* — речь идет о Всероссийской политической стачке, начавшейся 7 октября 1905 г. в Москве забастовкой железнодорожников.

† † †

Я. Холщевников

ВОССТАНИЕ БОБРУЙЦЕВ В 1905 ГОДУ В ЦАРИЦЫНЕ

Печатается по: Холщевников Я. Восстание бобруйцев в 1905 году в Царицыне // Наш край: Историко-революционный сборник Царицынского Истпарта. 1924. Вып. 1. С. 24—28.

+

Автор воспоминаний возглавлял Истпарт в Царицыне. Истпарт ((Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)) был создан в Москве в 1920 г. при Госиздате и Наркомпросе, с 1921 г. — при ЦК РКП(б) как научный и издательский центр; имел сеть местных бюро. Издавал журналы и сборники («Пролетарская революция», «Бюллетень Истпарта» и др.). В 1928 г. объединен с Институтом В.И. Ленина, созданным в 1923 г. при ЦК РКП(б).

Воспоминания Я. Холщевникова содержат рассказ об участии Бобруйского пехотного полка в революционных событиях 1905 г.

Сборник «Наш край» являлся первым изданием Истпарта в Царицыне. Основное внимание в нем было уделено истории революционного движения в Царицыне и его окрестностях. Вместе с тем авторы ставили своей задачей познакомить читателя и с историей края XVI—XX вв. В 1924 г. в Царицыне возникло «Царицынское общество краеведов», при Доме наук и искусств существовал музей местной истории. Я. Холщевников обращался к читателям: «Наш лозунг “Изучайте наш край!” должен стать популярным лозунгом каждого сознательного рабочего и крестьянина». (Наш край. Вып. 1. С. 9).

+

¹ Имеется в виду Манифест 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), подписанный Николаем II в момент наивысшего подъема Всероссийской политической стачки; провозглашал гражданские свободы и признание за Государственной думой законодательных прав.

² *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862—1911) — видный государственный деятель начала XX в., министр внутренних дел и председатель Совета министров (с 1906 г.).

³ *Челябинск* — город на восточном склоне Южного Урала на реке Миасс. Основан в 1736 г.

⁴ *Ренненкампф Павел Карлович* (1854—1918) — генерал от кавалерии. В русско-японскую войну 1904—1905 гг. командовал казачьей бригадой и дивизией, в 1905—1906 гг. — карательным отрядом в Восточной Сибири.

⁵ Социал-демократы (см. примеч. 7 к запискам В.З. Королева).

⁶ Эсеры (см. там же. Примеч. 5).

⁷ *Капельмейстер* (нем.) — руководитель, дирижер в XVI—XVIII вв. капеллы, в XIX в. — театральных, военных и симфонических оркестров. В настоящее время — руководитель военного оркестра.

⁸ См. примеч. 2 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

⁹ *Околото́к* — небольшая часть территории города, в данном случае, видимо, территория расположения полка.

¹⁰ *Штрейкбрехер* (нем.) — лицо, срывающее забастовку или стачку, не оставляющее работу на это время.

¹¹ *Каптенармус* (фр.) — должностное лицо в роте (батарее, эскадроне), отвечающее за учет, хранение оружия и имущества; существовало в России с начала XVIII в. до 1917 г.; в Советской армии — с 1918 г. до начала 1950-х гг.

¹² *Цейхгауз* (нем.) — складское помещение для хранения запасов обмундирования, снаряжения, вооружения и боеприпасов.

¹³ *Союз Михаила Архангела* — организация черносотенцев в России, выделившаяся из «Союза русского народа» (1905—1917). Программа — сохранение самодержавия, религиозная и национальная нетерпимость.

† † †

Ф. Чекасинов

ФРАНЦУЗСКИЙ ЗАВОД

Печатается по: Чекасинов Ф. Французский завод в 1905—6 гг.: Воспоминания рабочего // Наш край: Историко-революционный сборник Царицынского Истпарта. 1924. Вып. 1. С. 28—34.

†

¹ См. примеч. 1 к запискам Я. Холщевникова о восстании бобруйцев

² «*Марсельеза*» — французская революционная песня, государственный гимн Франции. Слова и музыка были написаны в ночь с 25 на 26 апреля 1792 г. К.-Ж. Руже де Лилем (1760—1836). Первоначально называлась «Боевой песнью Рейнской армии». Свое настоящее название получила от батальона марсельских добровольцев, принесших эту песню в Париж. В России получила распространение «Рабочая Марсельеза» (мелодия «Марсельезы», текст Петра Лавровича Лаврова (1823—1900), русского философа, социолога и публициста, одного из идеологов и родоначальников революционного народничества — движения разночинной интеллигенции в 1860—1890-е гг.).

³ См. примеч. 1 к запискам И.А. Лермана.

⁴ См. примеч. 12 к запискам В.З. Королева.

⁵ См. там же. Примеч. 10.

† † †

А.П. Григорьев

НАША «ТИПОГРАФИЯ»

Печатается по изданию: Григорьев А.П. Наша «типография» // Дорогой борьбы и побед: Сб. воспоминаний и статей к 60-летию КПСС / Сост. и лит. обраб. В.И. Томарева. Волгоград, 1963. С. 20—22.

А.П. Григорьев — участник революционного движения, член РСДРП с 1904 г. В 1905 г. был членом комитета Царицынской группы РСДРП, руководил боевой дружиной. В 1917 г. являлся депутатом Царицынского Совета и членом Царицынского комитета РСДРП(б).

¹ См. примеч. 11 к запискам И.А. Лермана.

² См. там же. Примеч. 16.

³ Юго-Восточная железная дорога входила в систему частных железных дорог, построенных в 1862—1900 гг. Они проходили по территории Воронежской, Орловской, Тульской, Тамбовской, Саратовской, Царицынской, Курской губерний и Области войска Донского, связывали Донецкий угольный бассейн с Центрально-промышленным районом, Поволжьем и Сибирью, способствовали развитию угольной, а также перерабатывающей (маслобойной, сахарной, мукомольной) промышленности Юга России, развитию сельскохозяйственного производства; обеспечивали хлебный экспорт России через порты Азовского, Черного и Балтийского морей; занимали второе место (после Владикавказской железной дороги) по вывозу за границу растительного масла. В составе основных линий: Царицын — Калач (ст. Донская, строительство началось в 1859 г., движение открыто в 1862 г.); Козлов — Воронеж (1869); Орел — Грязи (1868—1870); Грязи — Царицын (начала действовать в 1870 г.) и других — дорога принадлежала акционерному обществу Юго-Восточной железной дороги (устав утвержден в 1870 г., образовано в результате слияния обществ Орлово-Грязе-Царицынской и Козлово-Воронежско-Ростовской железных дорог). Акционеры — крупные промышленники, лица, близкие к правительству; правление — в Петербурге; управление дороги находилось в Воронеже (*Водолагин*. С. 80—81; *Хроника*. С. 30, 34, 35).

⁴ См. примеч. 12 к запискам В.З. Королева.

⁵ *Черносотенцы* — вооруженные отряды, созданные крайне правыми монархическими организациями «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела» в 1905 г. В широком смысле в начале XX в. так называли представителей наиболее реакционных кругов.

⁶ См. примеч. 1 к запискам Я. Холщевникова о восстании бобруйцев.

⁷ См. выше записки Я. Холщевникова.

⁸ См. примеч. 1 к запискам И.А. Лермана.

⁹ Своеобразной достопримечательностью города был поселок Дар-Гора. Он образовался в результате самовольной застройки и первоначально назывался Вор-Гора. После того как поселок Кавказ в августе 1910 г. сгорел дотла, Городская дума отвела для устройства погорельцев бесплатные участки (в дар) на Вор-Горе. С этого времени поселок стал называться Дар-Горой. Здесь жили в основном рабочие лесных пристаней, лесопильных заводов, ломовые извозчики, связанные с лесопромышленностью, железнодорожники и грузчики (*Водолагин*. С. 109).

¹⁰ См. примеч. 13 к запискам В.З. Королева.

¹¹ См. там же. Примеч. 15.

† † †

В.Н. Залежский

НА ПАРТИЙНОМ ФРОНТЕ

Печатается по изданию: Залежский В.Н. На партийном фронте между двумя революциями. Л.; М., 1925. Т. I: В эпоху реакции: 1906—1912 гг.

†

Владимир Николаевич Залежский (1880—1957) — участник революционного движения; член РСДРП с 1902 г.

Воспоминания о Царицыне относятся к 1906 г., когда Залежского направили в ссылку в Астраханскую губернию. Потом он оказался в Царицыне после побега, совершенного с парохода, на котором его перевозили в новую ссылку, во время стоянки в городе Черном Яре. Добравшись до пристани Владимировка, Залежский пересел на пароход до Царицына. Снова в Царицыне автор оказался весной 1907 г. и принял участие в первоймайской демонстрации.

Частично воспоминания публиковались ранее в ряде изданий Истпарта, а также в брошюре «Восемь побегов». Основное намерение автора — попытаться «более систематически изложить жизнь и работу подпольщика в эпоху между двумя революциями — 1905 и 1917 гг.» (*Залежский В.Н.* На партийном фронте. С. 1, 16—17, 32—35, 46—48).

†

¹ *Балашов* — город (с 1780 г.) в Саратовской губернии.

² См. примеч. 13 к запискам В.З. Королева.

³ См. примеч. 11 к запискам И.А. Лермана.

⁴ См. примеч. 10 к запискам В.З. Королева.

⁵ Маевка 1906 г., проведенная за Волгой, закончилась трагически. Возвращавшихся с собрания в городе поджидала полиция. По стечению обстоятельств в то же время в Царицын с учебных занятий возвращалась колонна ополченцев. Окутанных густой пылью людей полицейские приняли за участников маевки. На колонну двинулись казаки с нагайками, ополченцы разбежались. В Царицыне стала собираться толпа, в которую влились и участники маевки. Полицейстер, грозя расстрелом, потребовал, чтобы собравшиеся разошлись. Угрозы не возымели действия и прогремели первые ружейные залпы. Поднялась паника, все бросились врассыпную. На площади осталось лежать 11 человек. Народное возмущение этой расправой заставило городские власти разрешить общественные похороны жертв. 3 мая состоялись гражданские похороны рабочих Летюхина и Федулова, 5 мая похоронили семнадцатилетнюю Ольгу Голубеву (*Водолагин*. С. 163—164).

⁶ *Екатеринослав* — в настоящее время город Днепропетровск. Основан в 1783 г.

⁷ *Руза* — город в Московской области на реке Руза. Известен с XIV в.

⁸ См. примеч. 2 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

† † †

И. Родионов

КОНЕЦ ПРАВОСЛАВНОЙ СКАЗКИ

Печатается по изданию: Родионов И. Конец православной сказки // Царицынские события: Из «Прямого пути». Почаев, 1911. С. 19—40.

†

Иеромонах Илиодор (в миру — Сергей Михайлович Труфанов) родился 7 октября 1880 г. в семье донского казака. В 1905 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. В сане иеромонаха он был определен преподавателем Ярославской духовной семинарии, затем назначен иеромонахом Почаевской лавры (Волынская губерния) и помощником заведующего типографией «Почаевского листка». В это время он познакомился с руководителями «Союза русского народа». В газете, издаваемой «Союзом», Илиодор поместил статью с резкой критикой правительства и Синода за недостаточное служение самодержавию. В результате газета была закрыта, а сам Илиодор был переведен в Саратовскую губернию под опеку Саратовского епископа Гермогена (в миру — Георгий Ефремович Долганов (1858—1918)).

В Царицыне иеромонах Илиодор возглавил подворье мужского Святодухова монастыря. Его проповеди оказывали огромное воздействие на верующих. Под руководством иеромонаха верующими была совершена попытка разгромить редакцию газеты «Царицынская мысль», напечатавшей постановление Государственной думы об изгнании Илиодора из города; крупной акцией стал крестный ход от монастыря до Французского завода в начале августа 1910 г. в знак протеста против увольнения с завода двух рабочих. В своих проповедях Илиодор постоянно нападал на крупных городских промышленников.

20 января 1911 г. Синод вынес решение о переводе Илиодора настоятелем в Новосильский Святодухов монастырь Тульской епархии. Иеромонах заявил о своем отказе покинуть свою паству и объявил голодовку. В середине февраля, однако, он все же был вынужден уехать, но 11 марта вернулся в Царицын. 1 апреля высочайшим указом решение о переводе Илиодора было отменено и иеромонах остался в Царицыне. В итоге он приобрел уже всероссийскую известность; к нему устремились паломники со всей страны. Наиболее скандальной акцией Илиодора стало паломничество в Саров. На обратном пути, читая проповеди в Казани, Самаре, Вольске, Саратове и других городах, Илиодор провоцировал беспорядки, иногда доходившие до драк.

В 1912 г. на Илиодора было наложено послушание сроком на десять месяцев, по окончании которого он сложил с себя сан и объявил о разрыве с православной церковью. Свое письмо Синоду об отречении Илиодор подписал кровью. После освобождения пытался создать новый культ — «солнца и разума», основал в Мариинской станице (Область войска Донского) общину «Новая Галилея», где начал строительство храма. Снова подвергся преследованиям полиции за оскорбление императорской фамилии, был обвинен в подготовке покушения на Гри-

гория Распутина. В июле 1914 г. Илиодор через Финляндию бежал в Норвегию. В 1918 г. он вернулся в Царицын, но спустя четыре года — в 1922 г. окончательно уехал из России. Последние сведения об Илиодоре были получены из США в 1923 г. Дата его кончины неизвестна (Богданова И.Н., Самчук М.М. Деятельность иеромонаха Илиодора в городе Царицыне в 1907—1916 гг. // Социокультурные исследования: Межвуз. сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 44—50).

В издании 1911 г. опубликованы различные документы, связанные с делом иеромонаха Илиодора: прошение и телеграмма отца Илиодора в Святейший Синод, телеграммы епископа Саратовского и Царицынского Гермогена митрополиту Владимиру, П.А. Столыпину, выдержки из статей в «Царицынском вестнике» и другие. Завершают издание воспоминания некоего Ивана Родионова о его пребывании в Царицыне в обители иеромонаха Илиодора.

Описываемые события относятся к февралю — марту 1911 г.

¹ *Иеромонах* (греч.) — священник-монах.

² *Сердобск* — город в Пензенской области. Известен с 1699 г. как Сердобинская слобода, которая была окружена валом и служила укреплением против набегов кочевников.

³ *Суворов Александр Васильевич* (1730—1800) — генералиссимус, полководец, не проигравший ни одного сражения.

⁴ *Клобук* (тюрк.) — головной покров монахов, состоящий из камилавки — цилиндра без полей — и крепа (черный — у простых монахов и архиереев, белый — у митрополитов и патриархов).

⁵ *Пантелеймон* (Пантолеон) — святой, великомученик, родился в Никомидии, учился искусству врачевания у знаменитого в то время врача Евфросина. Принял крещение. После смерти своего отца, сделавшись наследником богатого имения, стал помогать бедным, вдовам и сиротам, безвозмездно лечил больных. По доносу о том, что он действует именем Христа и распространяет веру Христову, был подвергнут жесточайшим пыткам и приговорен к казни мечом, свершенной в 305 г.

⁶ *Серафим Саровский* (в миру Прохор Сидорович Мошнин) — преподобный старец — пустынножитель и затворник. Сын купца; родился в Курске в 1759 г. В 1778 г. поступил в число послушников Саровской пустыни. Пройдя за 8 лет все степени монастырского искуса, был пострижен в монашество и назван Серафимом; в 1793 г. рукоположен в иеромонаха. Добровольно удалился в пустыню, проводил все время в строгом посте, трудах и молитве, затем наложил на себя трехлетнее молчальничество, позже — затворничество полное (на пять лет) и ослабленное (на десять лет). После этого способствовал устройению и расширению Дивеевской женской общины, организовал особую Серафимо-Дивеевскую общину. Скончался 2 января 1833 г. 19 июня 1903 г. были открыты мощи Серафима Саровского.

⁷ *Клирос* — возвышение по обеим сторонам алтаря, место в христианской церкви для стояния чтецов и певчих во время богослужения.

⁸ *Акафист* (позднегреч.) — христианское хвалебное церковное песнопение. Исполняется стоя всеми присутствующими.

⁹ *Кондак* (греч.) — короткое православное песнопение на тему религиозного праздника.

¹⁰ *Паникадило* (греч.) — центральная люстра в православном храме со множеством свечей или лампад.

¹¹ *Икона Казанской Божьей Матери* — по сказанию о ней, в Казани в 1579 г. девятилетней девочке трижды являлась во сне Пресвятая Дева, повелевая разрыть землю на месте сгоревшего дома и взять из нее икону. Девочка рассказала о видении своей матери, та сообщила об этом архиепископу Казанскому. Сначала ничего не нашли. Лишь после того как сама девочка взялась за попату, была найдена икона Богоматери, довольно хорошо сохранившаяся. Икону отнесли в ближайший храм святого Николая, где от нее стали совершаться чудеса. В 1595 г. был установлен в честь явления иконы особый праздник (8 июля). В 1612 г. с казанским ополчением она была доставлена в Москву, находилась в стане князя Д. Пожарского, ей было приписано освобождение Москвы от поляков, в память чего был установлен новый праздник — 22 октября. До 1710 г. находилась в Москве в теремном Казанском соборе; в 1710 г. по повелению Петра I была перенесена в Петербург, где находилась сначала в особой часовне, с 1721 г. — в Александро-Невской лавре, с 1737 г. — в церкви Рождества Богородицы на Невском проспекте, а в 1811 г. перенесена в новопостроенный Казанский собор. По другим сведениям, подлинник иконы находился в Богородицком монастыре, а находящаяся в Санкт-Петербурге икона — та ее копия, которая была прислана Ивану Грозному вслед за обретением иконы.

¹² *Иконостас* (греч.) — более или менее сплошная стена с иконами и резными дверями в православном храме, отделяющая алтарную часть от основной части интерьера. Русский тип высокого иконостаса с рядами икон сложился в XV в.

¹³ *Стихарь* (греч.) — священная одежда, прямая, длинная, с широкими рукавами.

¹⁴ *Икосы* (греч.) — богослужебные песни, содержание которых составляет восхваление и прославление чествуемого святого или празднование церковного события.

¹⁵ *Регент* (лат.) — руководитель хора, преимущественно церковного.

¹⁶ *Балюстрада* (фр.) — ограждение лестниц, террас, балконов, состоящее из ряда невысоких фигурных столбиков (балайсин), соединенных сверху горизонтальной балкой или перилами.

¹⁷ *Содом и Гоморра* — в библейской мифологии два города у устья реки Иордан или на западном побережье Мертвого моря, жители которых погрязли в распутстве и за это были испепелены огнем с небес.

¹⁸ *Николай II* (1868—1918, правил с 1894 г. по 1917 г.) — последний русский император.

¹⁹ *Лавра* (греч.) — название монастыря, взятое от его древнейшего внешнего вида; впоследствии стало присваиваться монастырям, возвышающимся над другими своей обширностью, многолюдством и богатством. В России четыре лавры: Киево-Печерская (с 1598 г.), Троице-Сергиева (с 1744 г.), Александро-Невская (с 1797 г.) и Почаево-Успенская (с 1833 г.).

²⁰ См. примеч. 27 к «Путешествию по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа.

²¹ См. примеч. 32 к очеркам П.А. Крушевана «Что такое Россия?».

²² *Светлое воскресенье* — отмечается верующими в первое воскресенье после весеннего полнолуния (приходится на период с 22 марта по 25 апреля по старому стилю); день, в который христианская церковь празднует воспоминание воскресения Христова.

²³ *Юдоль* (ц.-сл.) — жизненный путь, жизнь с ее заботами и печальми.

²⁴ Царицын строился отдельными поселками вдоль волжского берега и все время удлинялся. Поселки отделялись друг от друга глубокими оврагами, кото-

рых в городе было больше, чем в каком-либо другом поволжском городе. К крупным поселкам, входящим в черту города, относились: Бутырки, Балканы, Голубинка, Завертяевка, Суслиный, Завальный, Сибирь-Гора, Дар-Гора, Кавказ, Нахаловка, Ельшанка, Купоросный, Нобелевский, Французский (состоящий из «Русской деревни», «Малой Франции» и «Большой Франции»). Поселки, захлапленные и грязные, были разбросаны по склонам оврагов, не имели улиц (Водолагин. С. 108).

²⁵ *Белянщики, крючники, бревновозильщики* — береговые грузчики, работали артелями, имели свою биржу, называлась она «бендежкой» (Водолагин. С. 95).

²⁶ *Прасол* — оптовый скупщик рыбы, мяса, скота, различного сельскохозяйственного сырья.

²⁷ *Чуйка* (тюрк.) — верхняя мужская одежда, в основном мещан, в России XIX — начала XX в., из фабричного или домотканого сукна, длиною до колен.

²⁸ Имеется в виду изречение пророка Захарии: «О, меч! поднимись на пастыря Моего и на ближнего Моего, говорит Господь Саваоф: порази пастыря, и рассеются овцы! И Я обращу руку мою на малых» (Зах. 13:7).

²⁹ Храм Христа Спасителя в Москве был построен по обету императора Александра I, который хотел этим возблагодарить Господа за спасение России от нашествия французов в 1812 г. и увековечить в памяти потомства Отечественную войну 1812 г. 10 апреля 1832 г. был высочайше утвержден проект храма, предложенный архитектором К.А. Тоном. Место для возведения нового храма было выбрано императором Николаем I на берегу реки Москвы, где находился Алексеевский женский монастырь, переведенный в Красное село вблизи Сокольничьей роши. В 1838 г. был заложен фундамент; 10 сентября 1839 г. была совершена закладка храма в присутствии императора Николая I. К 1859 г. храм был возведен, с 1860 г. началась работа по росписи и украшению храма, длившаяся 20 лет. Освящение храма и его открытие состоялось 20 мая 1883 г. в присутствии Александра III. Храм вмещал в себя до 10 тыс. человек.

³⁰ *Пристав* — с 1782 г. полицейская должность: в городах — частный пристав (от слова «часть»), в сельской местности — становой пристав.

† † †

В. Телесницкий

НА ЯХТЕ «НАЯДА»

Печатается по изданию: Телесницкий Вл. На яхте «Наяда»: Из Петербурга в Ростов-на-Дону по Неве, Тихвинской системе, Волге и Дону: Описание путешествия. СПб., 1912.

†

Путешествие было совершено в мае — июле 1911 г. автором записок в обществе трех спутников. Содействие в организации плавания оказал Комитет морских экскурсий, лично один из его членов генерал — Николай Николаевич Беклемишев, а также Императорское Общество спасения на водах, безвозмездно снабдившее путешественников спасательными приборами; начальник Рыбинской речной полиции генерал А.А. Майер, принимавший их в Рыбинске; врач Озерской больницы Новгородской

губернии Н.П. Лобовиков; старший помощник инспектора судоходства М.И. Чечуев; начальник второй судовой дистанции Санкт-Петербургского округа Н.М. Онуфриев; агенты волжских пароходных обществ, разрешавшие стоянку у пароходных пристаней, — всем им выражена благодарность автора.

Путешествие было задумано ради «образовательных целей, знакомства с своеобразным миром богатого Поволжья, а также возможности наиболее полного удовлетворения своей любви к парусному спорту». Для плавания приобрели полупалубный швертбот (плоскодонная мелкосидящая яхта, снабженная швертом, устройством в виде плавника, которое убиралось в корпус яхты на мелкой воде и служило в опущенном положении средством против дрейфа судна на острых по отношению к ветру курсах) длиной 23 фута и шириной 8 футов, под палубой было небольшое помещение для отдыха и защиты от непогоды. Четверо путешественников — студенты Петербургского и Харьковского университетов, Военно-Медицинской академии, воспитанник Харьковской гимназии.

Описание Царицына относится к началу июля 1911 г. (*Телесницкий В.* На яхте «Наяда». С. 1, 5—6, 44—46).

¹ *Жигули* — возвышенность на правом берегу Волги, огибаемая ее излучиной (так называемая Самарская Лука). Высота — до 375 м.

² См. примеч. 8 к «Путешествию» Хуана Персидского.

³ См. примеч. 5 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Тектандера.

⁴ Волго-Донской судоходный канал соединяет Волгу у Волгограда с Доном у г. Калача. Был открыт в 1952 г. В 1885 г. производились в окрестностях Царицына изыскания французским инженером Дрю по поводу строительства канала, летом 1894 г. было создано «товарищество прорытия Волго-Донского канала» (*Минх.* Т. I. Вып. 4. С. 1284). О предыстории строительства канала между Волгой и Доном см. примеч. 3 к «Запискам» И.А. Желябужского, и биографическую справку к сочинению Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе», и примеч. 9 к мемуарам А. Дюма.

⁵ См. примеч. 8 к дневнику Л.А. Ухтомского.

⁶ См. примеч. 14 к очеркам Е.И. Рагозина.

⁷ См. примеч. 1 к очеркам Е.Л. Маркова.

⁸ См. примеч. 6 к дневнику Л.А. Ухтомского.

В.А. Радциг

ВОСПОМИНАНИЯ ЭНЕРГЕТИКА

Печатается по изданию: Радциг В.А. Воспоминания энергетика. М.; Л., 1962.

Владимир Александрович Радциг (1881—1960) вспоминает о 50 годах своей работы, в течение которых он в качестве инженера принимал учас-

тие в проектировании, строительстве и эксплуатации тепловых электростанций. Описываются первые электростанции дореволюционной России, строительство электростанций после принятия плана ГОЭЛРО и в годы индустриализации.

В начале 1911 г. В.А. Радциг оставил свою работу на электростанции Паровозостроительного завода в Харькове и вскоре нашел новое место в Царицыне. Его деятельности в этом городе посвящена глава воспоминаний «Строительство трамваев в Царицыне и Воронеже». События относятся к 1911—1913 гг. (*Радциг В.А. Воспоминания энергетика*. С. 22—30).

¹ См. примеч. 9 к дневнику П.А. Ухтомского.

² См. примеч. 17 к воспоминаниям Н. Мельникова.

³ В Кольчугино (Владимирская область) находились заводы по обработке цветных металлов, кабельный.

⁴ См. примеч. 29 к очерку В.В. Крестовского «По дороге».

⁵ *Харьков* — город в Украине. Основан в середине XVII в. как крепость.

⁶ *Дизель Рудольф* (1858—1913) — немецкий инженер. Создал в 1897 г. двигатель внутреннего сгорания, названный его именем. Применяется в основном на судах, тепловозах, грузовых автомобилях, тракторах, дизельных электростанциях.

⁷ Ошибка. Речь идет о январе 1912 г.

⁸ См. примеч. 3 к воспоминаниям А.П. Григорьева.

⁹ См. выше воспоминания И. Родионова «Конец православной сказки».

¹⁰ См. примеч. 19 к запискам В.З. Королева.

¹¹ См. примеч. 6 к очеркам Е.П. Маркова.

¹² *Китайско-Восточная железная дорога* (КВЖД) — железнодорожная магистраль, проходившая по территории Северо-Восточного Китая и включавшая главную линию, соединявшую Забайкальскую, Уссурийскую железные дороги Транссибирской магистрали на территории России и Южную линию (Харбин — Дальний). Построена в 1897—1903 гг. по соглашению между Россией и Китаем.

¹³ *Аугсбург* — город в Германии (Бавария); основан на месте существовавшего с 15 г. до н. э. лагеря римских легионеров в области кельтского племени винделиков; в XV—XVI вв. — один из главных финансовых и торговых центров Европы. Промышленность — машиностроение, текстильная.

¹⁴ *Вестингауз Джордж* (1846—1914) — американский изобретатель и промышленник. В 1869 г. получил патент на пневматический железнодорожный тормоз. «Вестингауз Электрик» — электротехническая монополия США.

¹⁵ Вероятно, имеется в виду «Центральное электрическое общество в Москве», принадлежавшее бельгийской компании, которой по решению Царицынской думы в декабре 1899 г. были переданы соответствующие сооружения в городе (срок концессии — 35 лет, с правом выкупа не ранее 20 лет). Эти сооружения должны были бесплатно обеспечивать электрическое освещение города шестьюдесятью фонарями, как и некоторых городских учреждений, а также движение трамвая и «лесотаски» (провоз каждого бревна стоил от 18 до 30 к.) (*Минх. Т. I. Вып. 4. С. 1317*).

¹⁶ *Сосновец* — город в Польше.

¹⁷ В связи с сооружением трамвая через Царицу был возведен железобетонный мост, сменивший деревянный, построенный в 1868 г. (*Водолагин. С. 115*).

¹⁸ *Владикавказская железная дорога* — частная железная дорога, построенная в 1888—1900 гг. Проходила по территории Кубанской, Терской, Дагестанской

областей, Области войска Донского, Черноморской, Ставропольской, Астраханской, Саратовской губерний. К основным линиям относилась также Тихорецкая — Царицын (1899). Среди сооружений — 30 нефтехранилищ, в том числе в Новороссийске (3 млн пудов), в Сарепте на Волге (600 тыс. пудов) и др. Дорога была наиболее доходной в России наряду с Варшавско-Венской железной дорогой. Принадлежала акционерному обществу Владикавказской железной дороги (устав утвержден в 1872 г.); среди акционеров — представители крупного капитала (А.И. Путилов, А.И. Вышнеградский и др.), члены царской фамилии, придворная аристократия. Правление находилось в Петербурге; управление дороги — в Ростове-на-Дону.

¹⁹ См. примеч. 1 к «Путешествию в Персию» С. Какаша и Г. Текандера.

²⁰ См. примеч. 4 к работе Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе».

²¹ В 1900 г. была открыта Восточно-Донецкая железная дорога на Лихую — Донбасс и на Ростов (Богданова. С. 26).

²² «Электричество» — журнал, выходил в Петербурге с 1880 г.; в 1923 г. издание возобновлено в Москве.

²³ См. примеч. 2 к «Золотаревскому летописцу».

²⁴ *Умформер* (нем.) — электрическая машина постоянного тока, служащая для преобразования одного напряжения постоянного тока в другое.

²⁵ *Сименс Эрнст Вернер* (1816—1892) — немецкий электротехник и промышленник, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук (1882). Основатель и главный владелец электротехнических концернов «Сименс и Гальске», «Сименс и Шуккерт». Создал электромашинный генератор с самовозбуждением (1867) и др.

²⁶ См. примеч. 14 к очеркам И.Е. Шевченко-Красногорского «По Волге и Каспию».

²⁷ См. примеч. 10 к запискам В.З. Королева.

† † †

Н.С. Разин

ПОЛВЕКА НАЗАД

Печатается по изданию: Разин Н.С. Полвека назад: Воспоминания борца / Лит. запись Н. Фомичева. М., 1963.

†

Николай Сергеевич Разин (Фомичев) дважды завоевывал звание чемпиона России по борьбе — в 1917 г. и 1918 г. Он был последним чемпионом дореволюционной России и первым, получившим это почетное звание при Советской власти.

За сорок лет выступлений на русских и зарубежных цирковых аренах Разину довелось помериться силой со многими известными борцами, отстаивая честь русского спорта.

В своих мемуарах Н.С. Разин рассказывает о встречах с «чемпионом чемпионов» Иваном Поддубным, с которым его связывала большая тридцатилетняя дружба, с лучшим учеником Поддубного — чемпионом мира Н. Вахтуровым, со знаменитым И. Заикиным и другими сильнейшими атлетами.

В Царицыне прошло детство Н.С. Разина, чему посвящены первые главы его мемуаров — «Как появился “Разин”» и «Земляк из Царицына». Повзрослев, Н.С. Разин покинул Царицын, выступал в провинциальных русских городах, в Петербурге и Москве, участвовал в различных мировых чемпионатах и Олимпийских играх. К воспоминаниям о родном городе он возвращается, описывая выступления рабочих в Царицыне в начале 1910-х гг. в главе «Вместе с народом» (*Разин Н.С. Полвека назад: Воспоминания борца*. С. 5—15, 78—81).

¹ «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника, и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова (1814—1841) была впервые опубликована в 1838 г. в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”».

² *Васнецов Виктор Михайлович* (1848—1926) — живописец-передвижник, театральный художник и монументалист. Наибольшую известность получили его полотна на темы русской истории, народных былин и сказок («Аленушка», «Богатыри», «После побоища» и др.).

³ *Бокс* (англ.) — спортивное единоборство, кулачный бой. Первые правила современного бокса появились в 1867 г. в Англии. Широкое распространение бокс получил в начале XX в., в том числе и в России. С 1904 г. бокс включен в программу Олимпийских игр (Олимпийская энциклопедия. М., 1980. С. 32—33).

⁴ *Балканами* назывался большой овраг, застроенный лачугами, который отделял Царицын от Нобелевского городка (см. примеч. 24 к воспоминаниям И. Родионова «Конец православной сказки»).

⁵ Появление в России атлетического любительского спорта, в том числе и борьбы, связано с именем Владислава Францевича Краевского (родился в 1841 г. в Варшаве, окончил медицинский факультет в Варшавском и Берлинском университетах, умер в 1900 г.). В 1885 г. в Петербурге он создал первый «Кружок любителей атлетики». Официальной датой начала развития спортивной борьбы в России признан 1895 год, когда молодой польский борец Владислав Пытлясинский, приехавший по совету В.Ф. Краевского в Петербург, открыл свою школу борьбы. В 1897 г. в Петербурге был проведен первый всероссийский любительский чемпионат, на котором схватки велись без разделения на весовые категории, без ограничения времени, до победы. Первое место тогда занял Александр Шмелинг. В следующем году, на состоявшемся в Вене первом чемпионате Европы, победу одержал уроженец России Георг Гаккеншмидт. Значительную роль в развитии борьбы в России сыграли выдающиеся атлеты-профессионалы, выступавшие в начале XX в.: Иван Поддубный, Николай Вахтуров, Иван Шемякин, Иван Заикин и др. (*Пытлясинский В.А. Французская борьба: Руководство для упражненных с 60-ю цинкографиями*. СПб., 1896; *Альбом борцов*. М., (1911). Вып. II. С. 53—54; *Все о спорте: Справочник*. М., 1978. С. 45—46).

⁶ *Косоворотка* — мужская рубашка со стоячим воротом, застегивающаяся сбоку.

⁷ См. примеч. 2 к «Золотаревскому летописцу».

⁸ См. примеч. 10 к запискам В.З. Королева.

⁹ *Вальцовщик* — оператор прокатного стана.

¹⁰ *Поддубный Иван Максимович* (1870—1949) — борец, атлет. Из крестьянской семьи Полтавской губернии. Весь род Поддубных славился силой. Работал грузчиком в Севастопольском и Феодосийском портах. В 1897 г. начал выступать в передвижном цирке (Феодосия) как атлет-гиревик под руководством И. Бескоровайного. Затем работал в цирках Э. Труцци (Севастополь), А. Никитина (Одесса и

Киев), на Кавказе, в Поволжье, на Урале, в Сибири. Специализировался в поясной борьбе, с 1903 г. — во французской борьбе. Участвовал и побеждал во всех крупнейших чемпионатах России, выступал за рубежом (Франция, Бельгия, Германия, Италия, Африка, 1905—1909 гг.). После 1917 г. выступал в Германии (1924), США (1925—1927), где освоил вольноамериканскую борьбу. После возвращения из США продолжал выступать в цирках. В 1941 г. оставил манеж, вел инструкторскую и тренерскую работу. Заслуженный артист РСФСР (1939), заслуженный мастер спорта (1945). Послужил прообразом главного героя фильма «Борец и клоун» (1957) (Альбом борцов. М., (1911). Вып. III. С. 81; Эдер Б. Чемпион чемпионов И.М. Поддубный. (Л., 1927); Гринвальд Я. Русский богатырь Иван Поддубный. М., 1952; Цирк: Маленькая энциклопедия / Авт.-сост. А.Я. Шнеер, Р.Е. Славский. М., 1973. С. 238—239).

¹¹ *Заикин Иван Михайлович* (1880—1948) — борец, неоднократный чемпион мира по борьбе и поднятию тяжестей, ученик И.М. Поддубного. В молодости был грузчиком. Борьбой и тяжелой атлетикой начал заниматься в 1902 г. В 1904 г. принял участие в чемпионате борцов-любителей, завоевал звание чемпиона России и золотую медаль. Как тяжелоатлет выступал в цирке Никитиных в Нижнем Новгороде: поднимал и носил пароходные якоря, держал платформу с людьми (до 30 человек), на его плечах ломали телеграфные столбы, гнули рельсы и т. п. С 1909 г. совместно с П. Ярославцевым возглавлял чемпионаты классической борьбы в России. Выступал также за границей. И.М. Заикин был и одним из первых русских летчиков (*Ярославцев П.Д.* Биография волжского силача Ивана Михайловича Заикина, знаменитого чемпиона мира — борца, атлета и авиатора. Одесса, 1910; *Светов А. И.* Заикин. М., 1957; *Заикин И.М.* В воздухе и на арене. Куйбышев, 1963; *Гордин Р.Р.* Рассказы о Заикине (1880—1948). Кишинев, 1964; *Водолагин.* С. 120; Цирк: Маленькая энциклопедия. С. 125).

¹² Французская борьба зародилась во Франции, где в 1880 г. были сформулированы ее первые официальные правила. С конца XIX в. получила распространение во многих странах мира, в том числе и в России. Легла в основу современной классической борьбы (Олимпийская энциклопедия. С. 157)

¹³ *Гаккеншмидт Георг* (1878—1968) — чемпион Европы (1898), представлял Россию. За выдающиеся физические данные получил прозвание «русский лев» (*Гаккеншмидт Г.* Путь к силе и здоровью. М., 1911; *Он же.* Путь к силе и здоровью: Как сделаться сильным и здоровым. СПб., 1912).

¹⁴ *Понс Поль* — французский борец, чемпион мира 1898 г.; устраивал атлетические спектакли; в 1904 г. выступал в цирке в Петербурге.

¹⁵ *Хамиль-Адали* — знаменитый восточный борец тяжелого веса (Альбом всемирных борцов: Художественные портреты и биографии / Под ред. И.В. Лебедева. М., (1911). Вып. III. С. 10).

¹⁶ *Кара-Ахмет* (или Кара Али) — турецкий борец, выступал в вольной и французской борьбе (Альбом борцов. Вып. II. С. 45).

¹⁷ *Пытлясинский Владислав* — атлет, борец. Родился в 1863 г. в Варшаве, получил среднее образование, затем учился в Швейцарии (по профессии — электротехник). Там же начал обучаться французской борьбе; в 1882 г. участвовал в состязаниях в пятиборье; через четыре года на международных соревнованиях гимнастов из трех тысяч участников получил первый приз; в 1888 г. на Олимпийских играх в Люцерне, в которых приняли участие четыре тысячи спортсменов, получил второй приз. Выступал во Франции; в 1895 г. в Петербурге открыл школу борьбы, впоследствии в Одессе организовал школу атлетического развития (Альбом борцов. Вып. III. С. 83).

¹⁸ *Збышко-Цыганевич* (настоящее имя — Станислав Цыганевич) — родом из Кракова, ученик В.А. Пытлясинского; на афишах из-за ширины плеч его часто называли «допотопным человеком» (Альбом борцов. М., (1910). Вып. I. С. 36).

¹⁹ *Вахтуров Николай* — уроженец Нижнего Новгорода, ученик И.М. Поддубного, после которого был признан сильнейшим русским борцом, чемпионом мира (Альбом всемирных борцов: Художественные портреты и биографии / Под ред. И.В. Лебедева. М., (1910). Вып. II. С. 32).

²⁰ Ленский расстрел войсками мирного шествия забастовщиков, протестовавших против ареста членов стачечного комитета.

† † †

М.М. Волков

МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

Печатается по изданию: Волков М.М. Между двух революций // Дорогой борьбы и побед: Сб. воспоминаний и статей к 60-летию КПСС / Сост. и лит. обраб. В.И. Томарева. Волгоград, 1963. С. 34—40.

+

М.М. Волков — рабочий-металлург. Его воспоминания характеризуют революционную деятельность социал-демократов, прежде всего большевиков, в годы реакции (1907—1910), оживления и подъема революционного движения (1911—1912) и в начале Первой мировой войны (1914—1915).

+

¹ См. примеч. 13 к запискам В.З. Королева.

² См. выше воспоминания И. Родионова «Конец православной сказки».

³ *Пуришкевич Владимир Митрофанович* (1870—1920) — один из создателей и лидеров монархических организаций — «Союза русского народа», затем «Союза Михаила Архангела»; участник убийства Г.Е. Распутина.

⁴ См. примеч. 16 к запискам В.З. Королева.

⁵ См. примеч. 12 к «Запискам» И.-П. Фалька.

⁶ См. примеч. 11 к запискам И.А. Лермана.

⁷ См. примеч. 10 к запискам В.З. Королева.

⁸ См. там же. Примеч. 12.

⁹ См. примеч. 10, 11 к очеркам Е.Л. Маркова.

¹⁰ См. примеч. 8 к запискам И.А. Лермана.

¹¹ См. примеч. 19 к запискам В.З. Королева.

¹² См. примеч. 9 к запискам И.А. Лермана.

¹³ «Правда» — ежедневная рабочая газета, фактически орган ЦК РСДРП, издавалась в Петербурге с 22 апреля 1912 г. по 1914 г. под различными названиями.

¹⁴ «Просвещение» — легальный ежемесячный теоретический журнал большевиков (декабрь 1911 г. — июнь 1914 г., Петербург), вышло 27 номеров. Закрыт правительством. Осенью 1917 г. вышел сдвоенный номер.

¹⁵ Больничные кассы создавались в России в связи с введением в июне 1912 г. закона о страховании рабочих. 15 января 1914 г. больничная касса открылась на заводе «Гардиен и Валлос», а затем вскоре на заводе братьев Серебряковых. В декабре 1915 г. состоялось общее собрание уполномоченных больничных касс 14 предприятий Царицына. Было решено переименовать городскую больничную кассу в общую больничную кассу при промышленных предприятиях города (*Хроника*. С. 68, 71).

¹⁶ См. примеч. 6 к запискам И.А. Пермана.

¹⁷ *Первая мировая война* (1914—1918) — война между двумя коалициями (германо-австрийский блок и Антанта), вызванная крайним обострением противоречий в ходе борьбы за сферы влияния, источники сырья, мировое господство. Российская империя входила в состав Антанты.

¹⁸ *II Интернационал* — международное объединение социалистических партий, основанное в Париже в 1889 г.

¹⁹ 13 сентября 1875 г. в Царицыне была открыта четырехклассная Александровская мужская прогимназия, которая 1 июля 1883 г. была преобразована в полную гимназию. Это было первое учебное заведение Царицына, дававшее среднее классическое образование. К концу XIX — началу XX в. в городе существовали еще одна гимназия (Мариинская женская), четырехклассное городское мужское училище и приходские училища, церковно-приходские школы. Кроме того, имелись немецкая, татарская, еврейская школы и еврейское училище (*Двадцатипятилетие Царицынской Александровской гимназии: 1875—1900 / Исторический очерк по поручению педагогического совета составил преподаватель А. Горбатов. Казань, 1900. С. 1—8, 75—77; Минх. Т. I. Вып. 4. С. 1302—1303*).

²⁰ *Военно-промышленные комитеты* — организации российской буржуазии, созданные в 1916 г. с целью мобилизации промышленности для военных нужд.

²¹ См. примеч. 5 к запискам В.З. Королева.

²² *Февральская революция 1917 г.* — вторая, после революции 1905—1907 гг., буржуазно-демократическая революция в России.

† † †

Я. Холщевников

В ЦАРИЦЫНЕ

Печатается по: Холщевников Я. В Царицыне // Наш край: Историко-революционный сборник Царицынского Истпарта. 1924. Вып. 1. С. 36—47.

†

¹ Указ о всеобщей мобилизации 18 июля 1914 г. (о частичной мобилизации 16 июля) последовал после того, как Австро-Венгрия 15 июля 1914 г. начала военные действия против Сербии.

² См. примеч. 3 к очерку В.В. Крестовского «По дороге».

³ См. примеч. 15 к воспоминания М.М. Волкова «Между двух революций».

⁴ См. примеч. 11 к запискам В.З. Королева.

⁵ См. примеч. 6 к «Запискам» Л. Фабрициуса.

⁶ *Минин Кузьма* (? — 1616) и *Пожарский Дмитрий Михайлович* (1578—1642) — герои русского сопротивления польской интервенции начала XVII в.; руководители второго земского ополчения (1611—1612).

⁷ *Савонарола Джироламо* (1452—1498) — настоятель доминиканского монастыря во Флоренции. Выступал против тирании Медичи, осуждал роскошь церковных служителей и папство. После изгнания Медичи из Флоренции в 1494 г. способствовал установлению республиканского строя. В 1497 г. отлучен от церкви и казнен.

⁸ См. выше воспоминания И. Родионова «Конец православной сказки».

⁹ См. примеч. 12 к очеркам П.А. Крушевана «Что такое Россия?».

¹⁰ См. примеч. 9 к запискам И.А. Лермана.

¹¹ Троицкий собор (см. примеч. 34 к «Воспоминаниям о Саратовской губернии» В.И. Беккера).

¹² *Ротмистр* (польск.) — в русской армии офицерский чин в кавалерии, соответствующий чину капитана в пехоте.

¹³ Русско-японская война (1904—1905).

¹⁴ См. примеч. 18 к воспоминаниям И. Родионова «Конец православной сказки». После расстрела шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. Николая II стали называть Кровавым.

¹⁵ См. примеч. 1 к запискам Я. Холщевникова о восстании бобруйцев.

¹⁶ См. примеч. 11 к запискам И.А. Лермана.

¹⁷ См. примеч. 19 к воспоминаниям М.М. Волкова «Между двух революций».

¹⁸ Первый кинотеатр в Царицыне был открыт в 1907 г. К 1910 г. в городе действовало уже 4 кинотеатра (*Водолагин*. С. 120).

¹⁹ *Шаляпин Федор Иванович* (1873—1938) — знаменитый русский оперный певец-бас. 29 сентября 1909 г. Шаляпин дал концерт в Царицыне в зале Общественного собрания. Шаляпин еще дважды проезжал через Царицын — в 1910 и 1916 гг. (*Водолагин*. С. 119—120)

²⁰ См. примеч. 10 к запискам В.З. Королева.

²¹ См. примеч. 6 к запискам И.А. Лермана.

²² См. примеч. 13 к запискам В.З. Королева.

²³ В 1915 г. на деньги купца Репникова при доленом участии городского бюджета было построено большое и красивое клубно-театральное здание — Дом науки и искусства (впоследствии — драматический театр имени Горького). 20 декабря 1915 г. он был торжественно открыт (*Водолагин*. С. 107).

²⁴ См. примеч. 20 к воспоминаниям М.М. Волкова «Между двух революций».

† † †

Д.В. Петровский

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИМИРЕ ХЛЕБНИКОВЕ

Печатается по изданию: Петровский Д. Воспоминания о Велимире Хлебникове. М., 1926.

†

Велимир (Виктор Владимирович) Хлебников (1885—1922) — поэт, прозаик, драматург. Родился в селе Тундово Астраханской губернии, в дворянской семье, отец — ученый-естественник, орнитолог, один из инициаторов и организаторов Астраханского заповедника в 1919 г.; мать по образованию — историк. В 1903 г. закончил гимназию в Казани и

поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. Осенью 1908 г. уехал в Петербург и поступил в университет на третий курс того же факультета. Здесь состоялись его первые литературные знакомства, и в 1910 г. вышел первый сборник футуристов под названием «Садок судей». С этого времени В. Хлебников становится центральной фигурой образовавшейся группы футуристов.

В 1911 г. Хлебников уходит из университета. Начинается жизнь, полная скитаний, материальной неустроенности, но вместе с тем наполненная творчеством.

В апреле 1916 г. он был призван в армию и оказался в Царицыне, в запасном полку, где, как он писал в письме доктору Н.И. Кульбину, прошел весь «ад перевоплощения поэта в лишенное разума животное, с которым говорят языком конюхов, а в виде ласки так затягивают пояс на животе, упираясь в него коленом, что спирает дыхание, где ударом в подбородок заставляли меня и моих товарищей держать голову выше и смотреть веселее, где я становлюсь точкой встречи лучей ненависти, потому что я не толпа и не стадо, где на все доводы один ответ, что я еще жив, а на войне истреблены целые поколения <...> Шаги, приказания, убийство моего ритма делают меня безумным к концу вечерних занятий <...>».

С помощью доктора Н.И. Кульбина Хлебников получил временное освобождение от армейской службы. Окончательно его освободила революция 1917 г.

В октябре 1917 г. он был в Петрограде (см. воспоминания «Октябрь на Неве» и поэму «Ночной обыск» В.В. Хлебникова); в ноябре 1917 г. стал свидетелем боев в Москве (см. поэму «Сестры-молнии»); в 1918 г. видел развитие революции на Волге, в Астрахани (см. его воспоминания «Никто не будет отрицать того...» и поэму «Ночь перед Советами»); в 1919—1920 гг. пережил превратности Гражданской войны на Украине, поход Деникина на Москву и его разгром (дважды переболел тифом); в 1910—1921 гг. был на Кавказе и с частями Красной армии — в Персии.

В декабре 1921 г. Хлебников вернулся в Москву. Весной 1922 г. он, тяжело больной, вместе с другом, художником Петром Митуричем, уехал в Новгородскую губернию. Там, в деревне Санталово, 28 июня 1922 г. В. Хлебников умер на тридцать седьмом году жизни и был похоронен на погосте в деревне Ручьи.

В 1926 г. прах Хлебникова был перевезен в Москву и захоронен на Новодевичьем кладбище (Степанов Н. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество. М., 1975. С. 7—17, 176—179, 201—203, 226—231; Гумилев Н.И. Письма о русской поэзии. М., 1990; Дуганов Н. Велимир Хлебников: Природа творчества. М., 1991).

Дмитрий Васильевич Петровский (1892—1955) — поэт, прозаик, родился в селе Дроздовица Черниговской губернии; учился до четвертого класса в духовной семинарии, из которой был исключен за непочтительность к начальству и свободомыслие; аттестат зрелости получил, сдав экстерном экзамен в Брянской гимназии; в 1911 г. поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, познакомился с В.В. Маяковским, увлекся литературными занятиями и сблизился с поэтами-футуристами.

1916 г. у Д.В. Петровского был ознаменован знакомством и дружбой с В. Хлебниковым, чему посвящены написанные в середине 1920-х гг. воспоминания. Публикуемый отрывок описывает поездку Д.В. Петровского в Царицын для встречи с В.В. Хлебниковым весной 1916 г. и состоявшуюся в Царицыне 25 мая 1916 г. лекцию футуристов (*Петровский Д.В.* Воспоминания о Велимире Хлебникове. С. 16—22; *Шкловский В.* О Дмитрие Петровском // *Петровский Д.М.* Избранное. М., 1957. С. 3—8; *Вольпе Л.М.* Полет песни // *Петровский Дм.* Трепетное сердце. М., 1968. С. 3—17).

+

¹ *Симферополь* — столица Крыма. Основан в 1784 г. на месте татарского поселения Ак-Мечеть.

² *Курский* — вокзал в Москве, описываемые события происходили весной 1916 г.

³ *Думка* — лирическая и лирико-эпическая песня.

⁴ «*Тарас Бульба*» — повесть, входившая в сборник повестей Н.В. Гоголя «Миргород». Впервые опубликована в 1835 г.

⁵ *Татлин Владимир Евграфович* (1885—1953) — живописец, график, художник-конструктор, театральный художник; один из основоположников русского авангардизма; иллюстратор произведений В. Хлебникова.

⁶ *Футуристы* — представители авангардистского направления в искусстве в начале XX в.; в русской поэзии — В.В. Маяковский, В.В. Хлебников, Д.Д. Бурлюк и др. Главные идеи — новаторство формы, новые словообразования, борьба с идейностью и психологией в поэзии.

⁷ См. примеч. 2 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

⁸ *Китченер, граф, Гораций Герберт* (1850—1916) — английский фельдмаршал. В 1914—1916 гг. — военный министр.

⁹ *Ломберный стол* — обтянутый сукном, четырехугольный, раскладной стол для игры в карты.

¹⁰ Возможно, имеется в виду египетский фараон Рамсес II (1317—1251 гг. до н. э.).

¹¹ *Абу Таммам* (около 796—843 гг.) — арабский поэт.

¹² *Маяковский Владимир Владимирович* (1893—1930), *Асеев Николай Николаевич* (1889—1963) — друзья и единомышленники В.В. Хлебникова во взглядах на поэзию. *Бурлюк Давид Давидович* (1882—1967) — поэт и художник, с 1920 г. находился в эмиграции.

¹³ *Сусанна пред старцами* — известный библейский сюжет. Сусанну, жену богатого человека, подстерегли в саду во время купания два старца и стали преследовать. На крик Сусанны сбежались люди. Чтобы избежать наказания, старцы заявили, что застали ее в объятиях возлюбленного. За нарушение супружеской верности Сусанна была осуждена на смерть, но женщину спас юноша по имени Даниил. Отведя одного из старцев в сторону, он тихо спросил, под каким деревом тот застал Сусанну, а потом с тем же вопросом обратился к другому. Первый старец указал на мастиковое дерево, второй — на зеленый дуб. Обман раскрылся. Сусанну оправдали, а старцы были казнены (Мифологические, литературные и исторические сюжеты в живописи, скульптуре и шпалерах Эрмитажа. Л., 1978. С. 125—126).

¹⁴ *Сезанн Поль* (1839—1906) — французский живописец, представитель постимпрессионизма.

† † †

А. Глазков

ОТ ЦАРИЦЫНА ДО РОСТОВА-НА-ДОНУ

Печатается по изданию: Глазков А. От Царицына до Ростова-на-Дону: Из впечатлений учащегося // Русский экскурсант: Журнал родиноведения и экскурсионного дела. 1916. № 8. С. 24—31.

†

Двадцать два ученика Урюпинского реального училища, среди них и Алексей Глазков, под руководством преподавателя географии Алексея Ивановича Кораблинова в мае 1916 г. совершили поездку по городам России: Царицын, Ростов-на-Дону, Таганрог, Нахичевань, Новочеркасск. Они путешествовали две недели, потратив при этом 20 р. на каждого человека (Глазков А. От Царицына до Ростова-на-Дону. С. 24—27).

†

¹ См. примеч. 10 к запискам В.З. Королева.

² Пушечный завод был заложен 24 июля 1913 г., руководило строительством Русское акционерное общество артиллерийских заводов с основным капиталом в 25 млн р., техническое руководство осуществляла английская фирма «Виккерс и К^о». Срок окончания строительства — 1 сентября 1915 г. Война помешала достроить завод полностью (Водолагин. С. 102—103; Хроника. С. 70).

³ Александро-Невский собор был заложен 13 июня 1901 г. (Весь Царицын, посад Дубовка, Сарепта. Царицын, 1909. С. 32).

⁴ Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — писатель.

⁵ См. примеч. 23 к воспоминаниям Я. Холщевникова «В Царицыне».

⁶ См. примеч. 50 к «Воспоминаниям о Саратовской губернии» В.И. Беккера.

⁷ См. воспоминания И. Родионова «Конец православной сказки».

⁸ См. примеч. 1 к запискам А.Ф. Воейкова.

⁹ Александр II (1818—1881, правил с 1855 г.).

¹⁰ Воздух — покрывало с изображением креста посередине, которым накрывают во время литургии священные сосуды — дискос и потир. Воздух делают из парчи, шелка, по краю украшают золотой или серебряной каймой.

¹¹ См. примеч. 48 к «Воспоминаниям о Саратовской губернии» В.И. Беккера.

¹² См. примеч. 4 к письму Х. Бэрроу.

¹³ См. примеч. 19 к воспоминаниям М.М. Волкова «Между двух революций».

¹⁴ См. примеч. 6 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова.

¹⁵ Александр III (1845—1894, правил с 1881 г.).

¹⁶ См. примеч. 69 к «Воспоминаниям о Саратовской губернии» В.И. Беккера.

¹⁷ См. примеч. 9 к запискам И.А. Лермана.

¹⁸ Переработка горчицы на масло и порошок началась в Сарепте и Дубовке (см. примеч. 11 к «Путевым запискам» Г.В. Геракова). В 1812 г. в Царицыне начал действовать горчичный завод; в 1884 г. — горчично-маслобойный завод Ворони-на. В 1888 г. в районе Царицына действовало восемь паровых заводов, вырабатывавших до 100 тыс. пудов горчичного масла и до 200 тыс. пудов порошка. Горчица вывозилась в Германию, Китай, Данию, Францию (Минх. Т. I. Вып. 4. С. 1288; Водолагин. С. 94; Хроника. С. 27).

¹⁹ См. примеч. 18 к «Воспоминаниям энергетика» В.А. Радцига.

²⁰ Быстрый рост населения Царицына в пореформенный период вызвал усиленную застройку города. Город строился ускоренными темпами без соблюдения каких-либо санитарных норм и правил. Промышленные предприятия вклинивались в жилую застройку, из-за сточных фабрично-заводских вод Царица превратилась в зловонное болото. Центр города имел путаную систему улиц, оставшуюся в наследство от застройки XVII—XVIII вв. В городе имелось 10 площадей, также отличавшихся крайней неблагоустроенностью. Все, кроме Александровской и Соборной, не были замощены и никогда не убирались (*Водолагин*. С. 104—105, 110).

²¹ Этнографическая характеристика населения Царицына на рубеже XIX—XX вв., составленная А.Н. Минхом (членом императорского Русского географического общества, Саратовской и Нижегородской ученых архивных комиссий): «Русские — первые колонизаторы города из служилых людей и раскольников. Малороссы — с 1718 года, когда Петр Великий приказал заселять сторожевую линию от Царицына к Дону преимущественно малороссами. Казаки — выходцы с Дона с 1732 г., теперь Астраханского казачьего войска из остатков Волжского войска. Немцы — колонисты из Германии с 1765 г. Татары — остатки приволжской Астраханской орды; в городе Царицыне они главным образом живут по Козловской улице и пересекающим ее проулкам. Калмыки: ежегодно летом прикочевывают к Царицыну несколько калмыцких кибиток из степей; некоторые из них остаются близ города на круглый год. Кибитки располагаются обыкновенно около скотобоен. Принявшие православие калмыки живут в самом городе, приписавшись в мещане. Цыгане есть в уезде и в городе, где, оставив кочевую жизнь, не бросают своей любимой профессии — мены лошадей и коновальства. Евреи — появились в Царицыне главным образом со времени проведения двух железных дорог: Волго-Донской и Грязе-Царицынской, когда город приобрел промышленное значение» (*Минх*. Т. I. Вып. 4. С. 1292).

²² До начала 1830-х гг. в Царицыне не было ни одной школы. В 1838 г. открылось Царицынское уездное училище, в том же году была учреждена школа для обучения калмыков-христиан. В 1875 г. открылась Александровская мужская гимназия, в 1887 г. — Мариинская женская. В сентябре 1896 г. в Царицыне появилось ремесленное училище — первое из намеченных к открытию в стране 12 подобных училищ. Готовили в нем слесарей и столяров. К 1909 г. Царицын имел 31 учебное заведение, в том числе 4 гимназии, реальное училище, торговую школу, ремесленное училище, 3 городских четырехклассных училища и 21 начальную школу (*Волгоград*. С. 62—63). См. также примеч. 19 к воспоминаниям М.М. Волкова «Между двух революций».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Атопов* — Атопов В.И. и др. Волгоград / В.И. Атопов, В.Е. Масляев, А.Ф. Липявкин. М., 1985.
- Богданова* — Богданова К.С. Из истории дореволюционного Царицына // Царицын — Сталинград. Сталинград, 1954. С. 3—37.
- Вашкау* — Вашкау Н.Э. Немцы в России: История и судьба. Волгоград, 1994.
- Водолагин* — Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда: 1589—1967. М., (1969).
- Волгоград* — Волгоград: Четыре века истории. Волгоград, 1989.
- Когитин* — Когитин В.В., Рыблова М.А. Немцы Поволжья: Быт и культура. Волгоград, 1997.
- Леопольдов* — Леопольдов А.Ф. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848.
- Минх* — Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии / Сост. А.Н. Минх. Саратов, 1898. Т. 1. Вып. 1. А—Г. Южные уезды: Камышинский и Царицынский; Саратов, 1898. Т. 1. Вып. 2. Д—К (продолжение); Саратов, 1901. Т. 1. Вып. 3. Л—Ф; Аткарск, 1902. Т. 1. Вып. 4.
- Монастырский* — Иллюстрированный спутник по Волге: Историко-статистический очерк и справочный указатель: В 3 ч. / Сост. С. Монастырский. Казань, 1884.
- Плеве* — Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2000.
- Попов* — Попов П.П. Слово о «Старой Сарепте». Волгоград, 1994.
- Сарепта* — Сарепта / Сост., авт. вступ. ст. И.Р. Плеве. Саратов, 1995.
- Терещенко* — Терещенко А.В. Царицын и Дубовский посад. Спб., 1848.
- Хроника* — Волгоград: Хроника истории: 1589—1989. Волгоград, 1988.

СТАРИННЫЕ МЕРЫ ДЛИНЫ И ВЕСА, НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ПУБЛИКУЕМЫХ ТЕКСТАХ

<i>Аршин</i>	— дюймовая мера длины в ряде стран; в России с XVI в. составляет 71,12 см.
<i>Верста</i>	— русская мера длины, равная 500 саженьям (1,0668 км).
<i>Вершок</i>	— русская мера длины, равная $1\frac{3}{4}$ дюйма (4,45 см). Первоначально равнялась длине фаланги указательного пальца.
<i>Десятина</i>	— основная дюймовая русская мера площади, равная 2400 квадратным саженьям (1,09 га, так называемая казенная). В XVIII — начале XIX в. употреблялась десятина владельческая (хозяйственная), равная 3200 квадратным саженьям (1,45 га).
<i>Дюйм (гол.)</i>	— 1) дюймовая единица длины в системе английских мер, 1 дюйм равен $\frac{1}{12}$ фута (0,0254 м); 2) русская дюймовая единица длины, 1 дюйм равен $\frac{1}{12}$ фута (10 линиям или 2,54 см).
<i>Локоть</i>	— древнерусская мера длины (XI—XVI вв.), равная 38—46 см (длина локтевой кости человека).
<i>Миля (англ.)</i>	— единица длины, распространенная в национальных дюймовых системах единиц и применяющаяся теперь главным образом в морском деле; 1 миля (морская) равна 1,852 км; старая русская миля — 7,468 км.
<i>Пуд</i>	— русская мера массы (веса), равная 40 фунтам (16,38 кг).
<i>Сажень</i>	— русская мера длины, равная 2,1336 м.
<i>Фут (англ.)</i>	— 1) единица длины в системе английских мер; 1 фут равен 12 дюймам (0,3048 м); 2) единица длины в системе русских мер, 1 фут равен $\frac{1}{7}$ сажени (12 дюймам или 0,3048 м).

Научное издание

ЦАРИЦЫН
В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ,
ДНЕВНИКАХ
И МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ
(конец XVI в. — 1917 г.)

Том 4

Составители:

Завьялова Л.В., Приймак Н.И., Тюменцев И.О. и др.

Главный редактор *О.В. Никонова*
Редакторы: *Н.Н. Забазнова; Е.М. Кокорева*
Технический редактор *Е.А. Мальченко*

Подписано в печать 10.03.05. Формат 84 ½ 108/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Benguiat. Усл. печ. л. 41,4. Уч.-изд. л. 24,6. Тираж 1000 экз. Заказ 6

ООО «Волгоградское научное издательство»
400011, г. Волгоград, ул. Электrolесовская, 55
E-mail: volni@rol.ru, тел. 8-905-338-06-27

Отпечатано в ОАО «ИПК «Царицын»
400131, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, 11.

